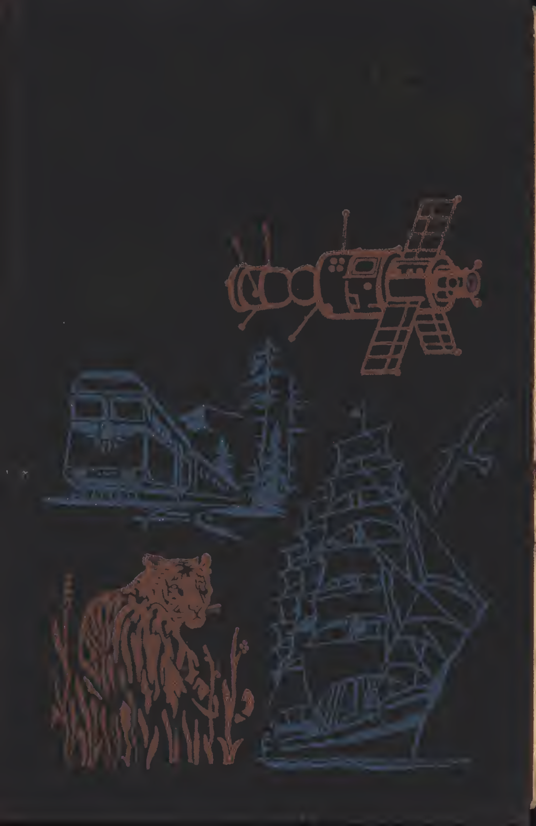
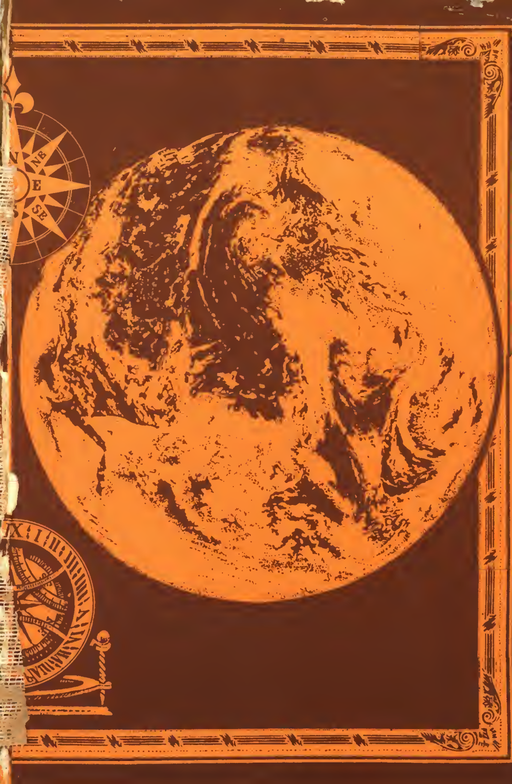

НА СУШЕ
И НА МОРЕ

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

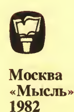
ФАНТАСТИКА

ФАКТЫ
ДОГАДКИ
СЛУЧАИ

НА СУШЕ И НА МОРЕ

повести
рассказы
очерки
статьи

Москва
«Мысль»
1982

84
Н12

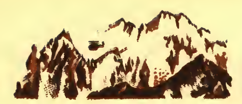
РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Оформление художника
Е. В. РАТМИРОВОЙ

Н $\frac{1905020000-060}{004(01)-82}$ 145-82

ПУТЕШЕСТВИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПУТЕШЕСТВИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ВЛАДИМИР УСПЕНСКИЙ

ЗОНА ПРИТЯЖЕНИЯ

Очерк

1

Самолет шел от Хабаровска к Красноярску. Закатная полоса постепенно сужалась, тускнела, и, чем плотнее сгущалась темнота, тем отчетливее проступали далекие огни на земле. Тянулись они почти непрерывной цепочкой, напоминая серебряный наборный пояс, сверкающий и переливающийся в окружении черноты. Так выглядела сверху Транссибирская магистраль, нанизавшая на себя станции, города, заводы, поселки.

А справа — мрак, справа на сотни и сотни километров, до самого Ледовитого океана, простирались малохоженая тайга, горы, оленья тундра, арктическая пустыня — неоглядные пространства Восточной Сибири, манящие и подавляющие таинственностью, недоступностью. Только обжитая полоса вдоль железной дороги, бегущей с запада на восток, да еще редкие поселки и города по берегам могучих рек, которые текут здесь, как правило, с юга на север. И всё. И немеренные просторы. Такое ощущение было у меня, когда подростком попал в эти края, еще до войны. Да и потом много раз бывал в Восточной Сибири, работал здесь, изъездил ее, как говорится, вдоль и поперек, был свидетелем того, как авиация, автотранспорт, новые речные суда сокращали расстояния, как отступала тайга под натиском человека, как зарождались и росли новые города. Но все же давнее ощущение изменилось мало: по-прежнему Восточная Сибирь остается одним из слабоосвоенных участков суши, поражая просторами и величием. В заповедные дебри рискуют проникать лишь местные охотники и геологи. Можно долго идти от Лены к Енисею и не встретить, не увидеть ни единого человека.

Глядя в овальный иллюминатор самолета на мерцавшие внизу

Звено за звеном ложится на мерзлую землю.

огни, на черную пустоту, простиравшуюся справа, впервые, может быть, с особой ясностью, с особой радостью осознал я: да ведь нет, не одна теперь лента Транссибирской магистрали скрепляет сибирские просторы! Где-то там, за чернотой, за ночным мраком, за тайгой и горами, тянется еще одна цепочка огней. Пусть пока не такая яркая, пусть еще прерывистая, пунктирная, но она уже есть! Она уже существует, наша вторая восточная дорога, такая нужная, такая желанная и долгожданная! Старая Транссибирская магистраль, которая прокладывалась восемь десятилетий назад, всё, буквально всё изменила в тех местах, где она пролегла, влияла и продолжает влиять на размещение населения, на развитие промышленности и сельского хозяйства. А ныне еще одна полоса жизни протянулась от Лены до Тихого океана — кое-где пока еще насыпью, а во многих местах уже и рельсами, и рядами домов, и корпусами строящихся предприятий. Там, в полосе второго Транссиба и вокруг него, уже начались экономические и социальные преобразования.

Подсчитано, что к тому времени, когда БАМ вступит в строй, население непосредственно в полосе дороги достигнет миллиона человек. Внушительно! Сфера воздействия магистрали, ее будущая промышленная, хозяйственная зона — это территория, превышающая полтора миллиона квадратных километров, таящая в своих недрах самые разнообразные полезные ископаемые, практически всю таблицу Менделеева. Каменный уголь, железные и медные руды, апатиты, полиметаллы, алюминиевое сырье, многое другое. И лес. И гидроэнергетические ресурсы. И месторождения газа, нефти, непос-

редственно примыкающие к зоне БАМа с северо-запада. Все это ждет освоения, умелого, рационального использования.

Официальный срок открытия движения поездов по всей магистрали — 1984 год. Но, повторяю, строители работают с таким накалом, что срок этот может и передвинуться. Вполне возможно, что первый эшелон от Лены до океана простучит колесами и раньше. Сумели же строители на год с лишним опередить время, сдав в эксплуатацию так называемый Малый БАМ. И теперь привычным стало, что на четыреста километров к северу от Транссибирской магистрали, через Тынду на Беркакит, на Нерюнгри регулярно идут товарные составы и пассажиры ездят по всей этой линии.

Вот так, отдельными частями БАМ уже включился в экономическую жизнь страны, уже начал окупать те средства, которые государство вложило и продолжает вкладывать в создание новой дороги. И хотя работы впереди много, пора думать о том, как лучше, целесообразнее взять те богатства, доступ к которым открыла и будет (с каждым годом все больше) открывать магистраль.

Теоретически тут внесена определенная ясность. Стараниями ученых очерчены границы территориально-производственных комплексов (ТПК), которые и составят основу промышленной зоны БАМа. Таких комплексов намечено восемь или девять, каждый со своей ясно выраженной специализацией. Самый западный и самый длинный по названию — Братско-Усть-Илимский ТПК станет в основном давать целлюлозу и алюминий. Следующий, Верхне-Ленский, формируется и в будущем, возможно, начнет поставлять и нефтепродукты.

Из всех намеченных комплексов сейчас формируется и дает отдачу пока лишь один — Южно-Якутский, пробужденный к жизни действующей железнодорожной линией. О нем и пойдет речь.

2

Приехав в Якутск, я условился о встрече с работником обкома партии Евгением Филипповичем Гусаковым; он сказал коротко и четко: «Жду в девять».

В назначенное время я вошел в кабинет Гусакова. Кое-что о Евгении Филипповиче мне уже довелось слышать от людей, хорошо знавших его. Говорили, что он прекрасный собеседник, из числа тех, кто предвосхищает наводящие вопросы, о его чувстве юмора, быстрой реакции. И прежде всего о его деловитости. В обкоме он курирует промышленные районы, где добываются уголь и алмазы. Южно-Якутский территориально-производственный комплекс, город Нерюнгри как раз по его части.

Евгений Филиппович — коренной дальневосточник. По образованию инженер, окончил Новосибирский институт железнодорожного транспорта. В 1971 году приехал в Чульман в мостостроительный отряд на автомобильной дороге Большой Невер — Якутск. А вскоре в этих местах началась бамовская эпопея. Разве мог молодой инженер оказаться в стороне от такого дела! В самое трудное время, когда работа только развертывалась, когда все надо было начинать с нуля, создавать первые коллективы, укладывать первые рельсы и возводить первые здания, Евгений Филиппович заведовал отделом стро-

Здесь будет город... (Северомуйск)

ительства Нерюнгринского горкома партии. И лишь потом, когда многое определилось, обрисовались контуры города, начал действовать угольный разрез, загудели на станции тепловозы, Гусакова перевели в обком. Но и теперь он часто бывает в Нерюнгри.

Полтора десятка вопросов подготовил я для беседы с Евгением Филипповичем. Думал — разговор на день. Но и трех часов не прошло, как получил точные ответы на четырнадцать вопросов; пятнадцатый был не по профилю работы Гусакова, он лишь изложил собственное мнение. И еще пошутить, посмеяться успели за это время.

А начали вот с чего. Высказал я Евгению Филипповичу свое недоумение: почему везде пишут и говорят «линия Тында — Беркакит», почему именно Беркакит считается конечной станцией Малого БАМа? Ведь железнодорожная линия тянется дальше, до города Нерюнгри. Пусть расстояние небольшое, но дорога-то есть. К тому же Беркакит — это лишь станция, а Нерюнгри — быстро растущий промышленный центр.

— Не в названиях дело,— улыбнулся Гусаков.

— И в названиях тоже. Такое впечатление, что дальше Беркакита и дороги нет. А там еще Угольная, Нерюнгри-Пассажирская.

— Ведомственная разобщенность,— развел руками Евгений Филиппович.— Железнодорожники планировали магистраль до Беркакита. А то, что отходит в сторону, к предприятиям, угольным разрезам, для них лишь подъездные пути местных организаций. Вот и прижилось везде: Беркакит да Беркакит. Мы добиваемся, чтобы

Министерство путей сообщения приняло под свою опеку железнодорожные ветки в районе Нерюнгри.

— Но название «Тында — Беркакит» уже вошло в обиход.

— Ничего,— улыбнулся Евгений Филиппович.— Нерюнгри, знаете ли, свое возьмет...

Действительно, он еще только набирает силу, этот молодой город, волею природы оказавшийся в центре огромного района, уникального по запасам разнообразных полезных ископаемых. Когда-то Илья Ильф и Евгений Петров высмеяли в «Золотом теленке» журналистов, которые, побывав в Средней Азии, не могли удержаться от соблазна использовать «для колорита» какую-нибудь легенду. А в наши дни редкий литератор, пишущий о Якутии, не вспомнит легенду о том, откуда взялись сокровища в суровой якутской земле. И я не сочту за лишнее повторить ее здесь хотя бы потому, что она короткая.

Сотворив нашу планету, бог летел над ней, окидывая хозяйским взглядом, прихорашивая и украшая разными богатствами. Когда оказался над Якутией, пальцы его закоченели от сильного холода и узелок с сокровищами выпал из рук. Алмазы и золото, железо и медь — все просыпалось на тайгу, на горы, в речные долины. Ну и (это уже не легенда) немалая часть «просыпавшегося» угодила прямехонько в Южную Якутию.

По-настоящему геологическая разведка этих мест началась лишь после Великой Отечественной войны. Для восстановления народного хозяйства стране нужно было много полезных ископаемых. Вот и шли в неизведанные суровые просторы отряды геологов. Особенно много девушек и женщин, вчерашних студенток. Парни-то воевали, а если и приходили с фронта покалеченными, то куда уж им в дальнюю дорогу, в поисковые партии! Так началась «эпоха великих женских геологических открытий». Елизавета Бурова нашла медную руду в каменистой пустыне у хребта Удокан. Сания Каримова — одна из тех, кто обнаружил и обследовал угольный бассейн, протянувшийся на многие сотни километров вдоль Станового хребта.

Открытия следовали одно за другим, но слишком далеко лежали обнаруженные клады. Как их взять? Ни дорог, ни энергетической базы. «Вроде бы на Луне и даже чуть дальше»,— говорили в ту пору об этих месторождениях. Однако время несется стремительно. Теперь угольные запасы Якутии основательно изучены. Общее количество — более 40 миллиардов тонн, из них половина коксующегося. Промышленная разработка ведется пока лишь в Нерюнгри, где запасы угля оцениваются в 400 миллионов тонн, в том числе коксующихся 350 миллионов тонн.

Очень перспективны и другие месторождения, особенно расположенные к западу от Нерюнгри, где главный ход БАМа пересекает реку Олекму. Уголь лежит там почти у железнодорожного полотна — черпай да грузи. Причем в Усмунском угленосном районе уголь столь высокого качества, что из него можно получать самый добротный кокс, если даже примешивать к нему в определенной пропорции другие угли, с более низкими характеристиками. Ну а еще о месторождениях этого региона следует сказать: почти везде уголь расположен настолько близко от поверхности, что его можно добывать открытым способом. Никаких шахт — это ли не экономия!

Пошел уголь Якутии (Нерюигриискнй разрез)

Специалисты говорят: по запасам коксующегося угля Южная Якутия — второй Кузбасс.

Вот он, Нерюнгринский разрез — первое н пока самое крупное предпрнятие, рожденное Байкало-Амурской магнстралью. Высокие сопки, заросшне лиственницей, сосной, кустарниками. Мшнстые камнн. Некоторые вершины все лето сохраняют снежные шапки, сверкающне холодной и странной белизной на фоне синего неба и яркой зеленн. Тут хоть н южная, но все-такн Якутия. К тому же и нагорный район этот отличается климатом более суровым, чем те, которые расположены даже севернее. Зимой температура может упасть и до пятидесяти. Знма долгая, растягнвается месяцев на восемь, а снега немного, и ветер, к счастью, случается редко. А без ветра и холод не так страшен.

Ни однн угольный разрез в нашей стране не может, пожалуй, сейчас похвастать такой мощной концентрацней техники, как Нерюнгрннский. Будто дым над полем сражения, клубится над разрезом густое облако угольной пыли. И, словно боевые машины, вырываются оттуда огромные оранжевые автосамосвалы, несущие над собой, над двнгателями металлические площадки размером чуть ли не с железнодорожную платформу. 180 тонн способен поднять такой богатырь.

А вот н черная поблескивающая стена, почти отвесно уходящая вннз метров на шестьдесят. Черт возьми, неужели столько монолитного, словно бы маслом смазанного антрацита?! В шахте-то не увидншь такое количество сразу!

Со скрежетом, с напряжеииым нарастающим воем черпает угольную массу ковш огромного экскаватора. Двадцать кубических метров за однн взмах. Пять-шесть взмахов — и оранжевый самосвал, словно бы осев под невероятной тяжестью, медленно плывет из карьера. Одни машины иаправляются к станции Угольиая, к железнодорожным вагонам. Другие, везущие вскрышную породу,— к отвалу, к рукотвориой горе, которая превзошла уже размерами некоторые окружающие сопки и только цветом резко отличается от них. Настоящие-то сопки живые, иарядиые, многоцветные, а эта мрачиая, серая, пылящая, будто переиесеиа с какой-то другой планеты.

Продукцию разреза, пока еще энергетический уголь с верхних пластов, получают уже в разиых районах Сибири, в Амурской области, Хабаровском крае, в братской Моиголии. А главиое, пожалуй, иачал действовать гигантский транспортиый коивейер Нерюнгри — БАМ — Восточный Порт, протянувшийся нз Якутии в Приморье, к Тихому океану.

Сделано уже многое, одиако это лишь малая толика того, что намечеио сделать в Южной Якутии и прилегающих к ией райоиах. В чем остро нуждается промышлеииость Сибири и Дальнего Востока да н сам строящийся Большой БАМ? В черных металлах. Везде иужеи металл, а в быстро развивающихся региоиах особеиио. Чтобы обеспечить их потребиости, из Кузбасса, с Урала, даже из европейской части страны иа восток ежегодио везут иесколько миллиоиов тонн стального проката и другой продукции чериой металлургии. А ведь черного металла и в западиых областях ие всегда достаточио.

У специалистов, занятых этой проблемой, мнеиие единое: Восточиой Сибири и Дальиему Востоку как можио скорее иужна своя мощиая металлургия. Имеиио оиа даст толчок развитию всех отраслей машиностроеиия и вообще подиимет там технический уровеиь всей промышлениости. Правда, меиее едииодушны специалисты и партийно-хозяйствениые руководители в определеиии места, где разверiется металлургическая база. Не просто завод, подчеркиваю, а главиая база всего обшириого региона. Хабаровцы отстанвают свой варнант, амурцы — свой, якутяне — свой. Каждый хочет воспользоваться открывшейся возможиостью. Но лучшими условнями для создаиия металлургической базы (главиой стройки промышлеииого пояса БАМа) располагает, безусловио, Южиая Якутия.

Почему? Да потому, что там есть эиергетическая база — уже действует в Нерюигри крупиая тепловая электростанция. Там складывается своя строительиая индустрия, иачал давать продукцию завод крупнопанельиого домостроения. Там есть сложившиеся рабочие коллективы, способные стать удариыми отрядами при решеиии иовых задач. И конечио, уникальные запасы коксующнхся углей с крупнейшими залежамн железных руд, причем некоторые месторождеиия находятся всего в десятках километров от Нерюнгри: плацдарма, с которого можно иачинать иаступление.

Уголь — открытым способом. Железиая руда — тоже. И какая руда! Возьмем хотя бы Чаро-Токкинский железорудный бассейн, лежащий вдоль трассы БАМа. Запасы почти такие же, как во всей Курской магнитной аномалии. С существеиной поправкой: руды Чаро-Токкинского бассейна легко обогащаются. Из них можно

готовить не просто концентрат, а сверхконцентрат с содержанием железа до 70 процентов. А ведь есть еще и Алданское месторождение, точнее, целая группа месторождений.

«На нашей планете такое сочетание основных сырьевых ресурсов для черной металлургии имеется только в двух или трех случаях. Можно вспомнить, пожалуй, лишь Эльзас-Лотарингию. Но качество руд там значительно ниже якутских» — эти слова принадлежат члену-корреспонденту АН СССР Н. Черскому, человеку весьма авторитетному, председателю президиума Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР.

По многим параметрам тяготеет к Нерюнгри, к Южно-Якутскому промышленному комплексу и одно из крупнейших в стране месторождений меди — Удоканское. То самое, которое открыла Елизавета Бурова со своими товарищами. Количество меди в пробах очень высокое (ураганное, как говорят геологи) — до 27 процентов.

3

Пройдя от Беркакита к Нерюнгри, железнодорожная колея делает огромную петлю, описывая почти правильный круг. Тут фактически и кончается Малый БАМ. Разворачивай технику и кати обратно. Угольный разрез, обогатительная фабрика рядом. Все подъездные пути, в том числе временные, забиты вагонами. Выгружают цемент, лес. На платформах железобетонные изделия. Цепочкой тянутся черные цистерны. Комбинат «Якутуглестрой» и другие получатели хронически не успевают перерабатывать поступающие в их адрес грузы. Главная причина — мало людей, мало складских помещений.

Вагонов вроде бы много, но в то же время ощущается острая нехватка емкостей для отправки самого главного — добытого угля. Вагоны приходят с цементом, с другими грузами — надо очистить, подготовить к приемке угля. А пункт подготовки вагонов — капитальный, крытый, чтобы работа не зависела от капризов погоды,— не готов. Это еще одно «узкое место» в той транспортной цепочке, которая начинается с угольного разреза. «Опять ведомственная разобщенность»,— повторяю я слова Евгения Филипповича Гусакова. Он, кстати, убежден: всем, что относится к железной дороге, должен заниматься один хозяин — Министерство путей сообщения. У министерства есть для этого соответствующие кадры, оборудование, опыт. Думается, что такой подход самый верный. У всех рельсов и у всего, что на рельсах,— один хозяин. Ему честь, с него и спрос.

Как ни парадоксально звучит, но железная дорога, вдохнувшая жизнь в недавно еще глухие края, в недалеком будущем может оказать обратное действие на развитие Южно-Якутского ТПК — сдерживать его рост. Дело не в работниках транспорта. Они трудятся хорошо: и в Тынде, и в Беркаките сложились крепкие коллективы, основой которых стали бойцы всесоюзного отряда, состоящего из молодых железнодорожников. И хотя трудно с жильем, хотя не все еще необходимые объекты введены в строй, железнодорожники умело используют возможности Малого БАМа. Да вот ведь какая штука: предел этих возможностей обрисовывается уже сейчас, едва началась эксплуатация дороги. Поток грузов,

Мосты лучше строить зимой

хлынувших в Южную Якутию и в обратном направлении, превзошел все ожидания.

Когда открывали здесь пассажирское движение, многие сомневались: кто ездить-то будет? А теперь в Беркаките билет на поезд не сразу приобретешь. И уже поговаривают люди: не пора ли пускать специальный состав Беркакит — Москва? Пока, может быть, через день. На БАМе найдется достаточно для него пассажиров. Туристы поедут, командированные. Ну и жить с таким поездом станет веселее, центр страны словно бы придвинется ближе.

Железнодорожники Беркакита уже сейчас ищут резервы для того, чтобы увеличить пропускную способность одноколейного пути. А что будет, когда Нерюнгринский разрез выйдет на полную мощность и станет давать ежегодно 13 миллионов тонн угля, когда начнут действовать другие угольные разрезы, развернется строительство металлургического гиганта? Когда дорога протянется дальше, в богатые рудой и лесом места? Гадать нечего, пример есть поблизости: одноколейная дорога, проложенная от Тайшета до Усть-Кута, до Лены, полностью исчерпала свои возможности. Пришлось срочно прокладывать вторую колею, отрывая для этого рабочих и средства с главного хода БАМа.

А теперь немного истории.

Во время земляных работ строители вывернули на поверхность груду каких-то костей; хоть и россыпью, но вроде бы полный набор скелета животного. А вот какого — не поймешь. Не корова и не лошадь, не лось и не олень. Вызывать ученых из Якутска? Вдруг это вымершее существо, никому еще не известное? Толковали, рассуж-

дали ребята, а мимо шла старуха, прислушалась, посмотрела и сказала:

— Чо мудруете-то? Верблюдов тут зарывали. Мор какой-то на них напал.

Юный доброволец из комсомольского отряда вежливо разъяснил бабке:

— Вы что-то путаете, вероятно. Откуда здесь могли взяться верблюды? Они обитают в Монголии, в пустынях Средней Азии. А тут климат...

— Ну и чо климат? Не знаешь, так уж чо с тебя?.. А я сама на верблюде сюда приехала, все перевалы меж двух горбов прокачалась.

Свидетельство бабушки, одной из немногих старожилов этих мест, не вызывает сомнений. Были здесь и верблюды и лошади, и даже, говорят, слона видели где-то на полпути от станции Невер до Станового хребта: то ли индусы, то ли еще кто везли на нем для золотоискателей мешки с чаем. И вообще черт знает что происходило здесь в 20-х годах, вскоре после революции, пока Советская власть не окрепла в этом далеком краю. А началось с того, что на неприметном ручейке якут М. Тарабукин нашел золото. Об этом узнали геологи, узнали старатели. Копнули в одном, в другом, в третьем месте — фарт, фарт, фарт! Да еще какой! Везучие намывали по фунту золотого песка в день, а то и больше.

Слух о большом вольном золоте разнесся быстро, и пошел от железной дороги на север, на Беркакит, Чульман и еще дальше, к Алдану, охочий до наживы старатель. Люди бросали дома, снимались с места целыми семьями, вязали плоты, добирались на лодках. Кто санки тянул, кто вел вьючных лошадей. Верблюды шли целыми караванами, везли груз. Больше не на чем было. Опытные старатели оставляли свои участки на Лене, на других реках. А вместе с опытными шли, ехали новички. Много было авантюристов, спекулянтов, торгашей, всяких уголовников.

На десятки километров светилась тогда кострами ночная тайга, на всех речках и ручейках копошились люди. Страсти кипели, пожалуй, ничуть не меньше, чем в Клондайке. Но широкой огласки тогдашние события не получили по той простой причине, что не оказалось там своего Джека Лондона. Добралась до приисковых поселков лишь отчаянная журналистка Зинаида Рихтер. Ее очерки печатались в 1926 году в «Известиях».

Люди страдали, гибли за золото, и никто не подозревал в ту пору, какое огромное богатство лежит под ногами. Попадался, конечно, каменный уголь, но на него не обращали внимания добытчики, ослепленные «золотой лихорадкой».

Алданская вольница пробушевала недолго. Появились там представители Советской власти, навели порядок. Началась организованная, планомерная добыча редких металлов, слюды — мусковита и флогопита. Рос и креп Алданский промышленный район, разрастался город Якутск. Чтобы связать их прочной артерией со всей страной, было решено проложить тысячеверстное шоссе от железнодорожной станции Большой Невер на Беркакит, на Алдан и далее до Якутска. Вдоль одного из самых «мерзлотных» меридианов, через заснеженные хребты, по долинам промерзающих рек протянулась эта очень важная для освоения Северо-Востока дорога, движение

машин иа которой не прекращается круглый год. А теперь, как мы знаем, рядом с этой дорогой, параллельно ей легли рельсы Малого БАМа. Но только до Беркакита. Вся же остальная Якутия, огромная Якутия с быстро развивающейся промышлениостью, по-прежнему пользуется лишь автомобильной трассой. Но много ли доставишь по ией?

Летом лучше. Летом грузы идут по железной дороге до порта Осетрово (город Усть-Кут), там переваливаются иа суда и баржи и иепрерывным потоком движутся на север — в Якутск, Тикси, в миогочисленные поселки, расположенные иа Лене и ее притоках. Речники работают хорошо, но ведь их возможности иебезграничны, тем более что в верховьях, в районе Осетрово, уровень воды в Лене часто меняется. Обмелеет река — и сразу образуются заторы, пробки.

Ни речиой, ни автомобильный транспорт Якутию больше не устраивают. Отсутствие железнодорожной колеи иа Алдане и в центре республики тормозит здесь общее развитие экономики. И это тем более обидно, что хвостик железной дороги вот он, в Беркаките, на юге республики.

Ученые Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР подсчитали: продление железиодорожиого пути от Беркакита на Томмот и до Якутска даст быстрый и весьма ощутимый эффект, ведь пройдет этот путь по районам с крупными запасами различных ископаемых. Массивы Алданского щита геологи называют древним теменем Земли. Здесь на поверхность выходят древние архейские граниты. И не только выходят, ио и выносят с собой богатейшие клады. И лесные массивы по Алдану, кстати, практически еще не тронуты заготовителями. Линия до Якутска значительно расширит хозяйственную зону, примыкающую к Байкало-Амурской магистрали. И что особенио важно, эта линия, пройдя через богатые районы, быстро окупит себя и начнет приносить чистую прибыль.

Все это было учтено при подготовке плана одиннадцатой пятилетки. В решениях XXVI съезда КПСС отмечена иеобходимость разработать технико-экономическое обоснование строительства железной дороги Беркакит — Томмот — Якутск.

Весной 1981 года мне довелось побывать иа совещании в Новосибирске, в Академгородке, где виднейшие ученые Сибири обсуждали вопросы освоения хозяйствениой зоны БАМа. Большой знаток экономики восточных районов академик А. Г. Аганбегян подчеркнул в своем выступлении, что дорогу от Беркакита на Якутск нужно вести как можно быстрее. И хочется верить: первые рельсы иа этом пути лягут в ближайшее время.

Новая железнодорожная линия самым кардинальным образом изменит всю транспортную систему обширного региона. В Якутии и теперь уже немало грунтовых и асфальтированных дорог. Но слишком велики затраты иа их строительство, очень быстро выходят они из строя, иногда в три раза скорее, чем предусматривали строители. Дает знать о себе вечная мерзлота. Гораздо дешевле и иадежнее доставлять грузы по многочисленным рекам и речкам, которых здесь великое множество, они капиллярами пронизывают территорию Якутии. Реки Ленского бассейна вносят и будут вносить возрастающий вклад в формирование территориально-

На рейде порта Осетрово. Отсюда (от Усть-Кута) начинается БАМ

пронзводственных комплексов на всем Западном участке БАМа. Речной траиспорт обеспечнвает многне потребности не только Якутин, но н Иркутской, Магаданской областей. Большое количество грузов, напрнмер, было завезено для стронтелей БАМа по реке Кнренге в поселок Магистральный.

В важные траиспортные пути превращаются Олекма, Алдаи, Вилюй. Или вот Витим, протянувшийся без малого на две тысячн километров н пересекаемый ныне основной линней Байкало-Амурской магнстрали. Регулярное судоходство осуществлялось здесь лишь до Бодайбо.

Есть скептики, которые утверждают, что реки как траиспортные пути малонадежны, особенно в районах БАМа, где текучую воду надолго сковывают морозы. Но ведь то, что сегодня представляется бесспорным, завтра может устареть. Давайте посмотрим на рекн с другой точкн зрения. Каждая река, хоть длнниая, хоть короткая,— это хорошо разработанная трасса с незначительнымн уклонамн, с большим раднусом закруглений. Почти идеальная трасса. Недостаток — путь по рекам в среднем в полтора раза длнннее прямого пути. Но где это вы видели, чтобы шоссе или железнодорожная магистраль шли напрямик, не огнбая препятствий? Нормальным считается для развития автострады коэффнциент 1,3. Разница с коэффициентом речных трасс не так уж велика, тем более что строительство автострады в зоне БАМа, на вечной мерзлоте, требует больших затрат. Да н потом содержать ее надо, ремонтировать. А о речных трассах позаботилась сама матушка-природа.

Итак, трассы есть. Суть теперь в том, чтобы создать транспортные машины нового типа. Собственно, они уже создаются, уже началось переоснащение речного флота новыми техническими средствами, все больше появляется судов амфибийного типа. Для Сибири, для промышленной зоны БАМа нужны скоростные суда — машины парящие, глиссирующие или летящие. И опять же суда на воздушной подушке теперь не новинка, следует только приспособить их к зимним условиям, несколько изменив конструкцию и увеличив мощность двигателей, что в принципе вполне осуществимо. Такие суда смогут перевозить грузы по речным трассам и зимой и летом при любом уровне воды. Нестись над волнами или надо льдом — им все равно. Останавливаться, разгружаться они способны в любом месте, не требуя постоянных причалов, дорогостоящих сооружений. Например, суда типа «гепард», весьма успешно прошедшие испытания полтора года назад.

Линия БАМа — это новая основа, стержень транспортных путей Восточной Сибири и многих районов Дальнего Востока. Не перечесть, сколько рек пересекает стальная колея. От железнодорожных станций по этим рекам далеко в таежную глубинку, на сотни и даже на тысячи километров, понесутся суда на воздушной подушке с самыми разнообразными грузами. Плюс некоторое количество асфальтированных дорог. Такой представляется в ближайшем будущем наземная транспортная система, которую вызовет к жизни Байкало-Амурская магистраль.

4

Доцент Новосибирского института инженеров водного транспорта кандидат технических наук С. Зернов в одной из своих статей пишет о том, что к зоне БАМа тяготеет Байкало-Ангаро-Енисейская водная система. Внутренние моря Иркутской, Братской, Усть-Илимской и других ГЭС после организации судопропуска через их плотины могут, дескать, превратиться в достаточно надежный путь, соединяющий Байкал с обширным Енисейским бассейном. Перспектива, конечно, очень заманчива. Но когда еще будет завершено создание каскада электростанций на Ангаре и Енисее, когда появится возможность организовать пропуск судов?!

Есть еще идея, которая уже многие годы занимает умы заинтересованных людей,— объединить бассейны Лены и Енисея в одну огромнейшую водную систему. Причем в развитие этой идеи, в подготовку ее технического воплощения изрядный вклад внес наш замечательный писатель, автор романа «Угрюм-река» Вячеслав Яковлевич Шишков. Самое время теперь вспомнить об этом.

Мой давний хороший знакомый опытный капитан Николай Петрович Трифонов, всю жизнь водивший по Лене суда, однажды спросил меня:

— Как вы считаете, какую реку обрисовал в своей книге Шишков? У нас тут по-разному толкуют: кто называет Лену, кто — Витим, кто — Нижнюю Тунгуску, какая кому ближе.

— Начнем с Витима. Известный расстрел рабочих золотых приисков где был? На Бодайбо, притоке Витима. Там даже прииск Громовский (как в романе) до революции существовал. И все же

Бодайбо, Витим отпадают. Нет в них той мощи, того простора, той дикой силы, что у Угрюм-реки.

Николай Петрович согласился с этим. Он вырос на Лене, для него она во всем главная река жизни. Он и сказал:

— На Лену очень даже похоже.

— А может, это собирательный образ,— предположил я.

Но капитан хотел однозначного ответа, и мы попытались разобраться досконально. Не сразу, конечно, а все же кое-что прояснилось.

Возьмем роман и проследим путь молодого Прохора, посланного отцом на Угрюм-реку. Начинает Прохор свое путешествие по воде с реки Большой Поток. Вот это и есть Лена, скрытая под псевдонимом. Здесь даже спорить не о чем. Академик В. А. Обручев, побывавший на Лене в 1890 году, дал в книге «Мои путешествия по Сибири» подробное описание «плавучей ярмарки», то есть весенне-летнего сплава товаров с верховьев Лены в Якутию. Точно такую же «плавучую ярмарку» описывает Шишков в той главе, где Прохор знакомится с купцом Груздевым.

С Большим Потоком полная ясность. Теперь двинемся за Прохором дальше. Ему надобно перебраться в верховья Угрюм-реки, подыскать там проводников, построить суда — шитики, заготовить сухари. Через водораздел пойдет он от села Почуйского. Смотрим на современную карту: обнаружится ли такое село на берегах Лены? Ага, севернее города Киренска обозначено крупное селение Чечуйск. Не так уж велика разница в названиях, но даже не в этом суть. Возникло селение давно, еще в XVII веке. И не случайно выросло именно здесь. Как раз в этом месте водораздел суживается до тридцати километров, настолько близко подходит к Лене Нижняя Тунгуска — могучая река даже по сибирским масштабам, протянувшаяся через таежные дебри до Енисея на две с половиной тысячи километров.

Русские землепроходцы испокон веков знали об этом узком перешейке между реками. Тут существовал волок, по которому перебирались с Енисея на Лену первооткрыватели дальних краев. Этим волоком, кстати, воспользовался и наш знаменитый первопроходец Семен Дежнев, открывший потом пролив между Азией и Америкой.

А как Прохор Громов со своим пока еще верным Ибрагимом? В романе сказано: «Да, он устал вчера изрядно. Тридцать верст, отделяющие Почуйское от этой деревеньки, показались ему сотней. Грязь, крутые перевалы, валежник, тучи комаров...» Названа и деревенька на берегу Угрюм-реки, куда прибыли путешественники строить шитик, где влюбилась в Прохора хозяйская дочка. Подволочная — так именуется деревня в романе, почти такое же название носит она и по сию пору. Правда, теперь разрослась она в большое село Подволошино.

Дальше географические названия, приведенные в книге, полностью совпадают с реально существующими. Еремнинский порог, село Оськино. И вот последний (до революции) населенный пункт на Нижней Тунгуске — село Ербогачен, за которым начиналась дальняя даль, гиблая неизвестность. Поскольку об этом селе в романе сказано много, упоминаются его жители, автор несколько изменил название, превратив Ербогачен в Ербохомохлю.

Сам Вячеслав Шишков отправился иа Нижнюю Тунгуску весной 1911 года. Молодой техник путей сообщения, он очень интересовался в ту пору Чечуйским волоком: нельзя ли соединить каналом две большие реки, открыть прямую водную дорогу в иеосвоеииые районы? Но сперва надо было выяснить, пригодиа ли для судоходства Нижняя Туигуска, произвести геодезическую съемку.

Прн первом же знакомстве могучая н грозная река пронзвела на будущего писателя самое сильное впечатленне. Шишков идет тем путем, по которому в дальнейшем проведет своего Прохора Громова. Как н впоследствии герой романа, сам Шишков остался в Ербогачене без проводников н, иесмотря на близкую зиму, решил плыть по теченню на свой страх и риск. Записн в диевнике молодого техника — это буквальио конспект путешествия Прохора Громова с Ибрагимом по Угрюм-реке. Все точно, вплоть до описания порога, на котором и сам писатель едва не погнб.

А дальше с отрядом Шншкова было вот что. В первых числах сеитября выпал сиег, ударили морозы. В тихих местах иа воде образовался лед. Он креп, нарастал. Отряд оказался в бедственном положении. Впереди гибель если ие от истощения, то от холода. Но им здорово повезло: в устье реки Илимпеи обиаружили склад какого-то купца — нзбу н амбар с припасами. Здесь отряд дождался кочевых тунгусов и вместе с ними двинулся на юг, к Ангаре. Тысячу верст прошли они по зимней тайге, пока добрались до жилья. Там техник путей сообщения узнал, что его уже считали погнбшим.

«Наш путь с тунгусами,— сказано в диевнике Шишкова,— кратко ие опншешь — ои напнтал мою душу иезабываемыми впечатленнями... Условия жизнн были каторжные, работа опасная, но экспеднция дала мне житейский опыт и богатейший бытовой матернал, и я очень благодарен за нее судьбе».

Творческие, литературные результаты экспеднции известны широкому кругу читателей. Роман «Угрюм-река» прочно занял почетное место в советской литературе. А каковы результаты технические? Что сделал Шишков как специалист-путеец? Ответ на этот вопрос дают 65 больших листов ватмана с нзвилистой голубой линней реки, с таежными берегамн, иа которых обозначеиы горы и песчаные косы, болотистые ннзнны н одинокне скалы. Если склеить все листы, получится карта длиioй сто метров, иастолько четкая и аккуратная, что ее трудно отличить от карты, отпечатанной на полиграфической машине. Это тоже своего рода пронзведенне искусства, выполненное терпеливой рукой мастера десятью разными красками. И на каждом листе ватмана подпись начальника изыскательской партии В. Шишкова.

Сейчас в связн со строительством Байкало-Амурской магнстрали давняя идея соедннить бассейны двух велнких рек в единую систему обрела, как говорится, вторую жнзнь. Больше того, открылась реальная возможность осуществить это, включить в сферу энергичной хозяйственной деятельности междуречье Лены и Енисея — огромную территорию в центре Сибирн, кстати сказать изучеиную и освоенную гораздо меньше других регионов. Первый шаг к этому — канал между Леной и Нижней Тунгуской. Всего тридцать километров. Те тридцать километров Чечуйского волока, которые промерены ногами Дежнева, Шишкова и многих других отважиых первопроходцев-россиян.

Растет столица БАМа — город Тында

Некоторые товарищи считают, что канал рыть необязательно. Можно, дескать, использовать дирижабли, которые будут переносить через тридцатикилометровую перемычку грузы или даже суда с грузами. Но канал — это все же надежней, долговечней.

Условия судоходства на Нижней Тунгуске сложные. После ледохода на ней и на ее притоках примерно месяц держится высокий уровень воды, потом он быстро спадает, появляются мели, перекаты. Но даже и сейчас количество грузов, перевозимых по Нижней Тунгуске, быстро увеличивается. А когда появятся суда на воздушной подушке, использовать сквозной путь можно будет при любом уровне воды и не только летом, а круглый год. При этом надо помнить, что речь идет не о проблеме местного значения, а о том, как организовать транспортную систему в обширнейшем регионе, который хранит много тайн, неоткрытых богатств.

5

Для заслуженного лесовода РСФСР Дениса Семеновича Оконешникова якутская тайга — дом родной. В трудное военное время он еще мальчишкой охотился в ней, кормил семью. Ловил рыбу, собирал грибы, ягоды, готовил дрова на долгую морозную зиму. А подрос — и работать стал в тайге. Давно, еще в 1952 году. С той поры прошел он большой путь от лесника до заместителя министра лесного хозяйства Якутской АССР. Глаза его оживляются, теплеют, когда начинает рассказывать о людях, оберегающих зеленое богатство, об

их очень важном, интересном и на первый взгляд неблагодарном труде. О том, как на все лето уходят в глухие края лесоустроители, изучают тайгу, заботятся о ней, прорубают просеки, безропотно перенося многие трудности, о которых горожане давно уже утратили всякое представление. Пронизывающие туманы, дожди, болота, комарье, долгое одиночество привычны для них. И все имущество на себе: палатка, инструменты, продукты, а порой и запас воды.

— Нелегкая жизнь,— согласился я. И, зная, что сын Дениса Семеновича Семен Денисович только что окончил Красноярский лесотехнический институт, не удержался от вопроса: — Что же вы наследника своего от такой жизни не удержали?

— Он сам выбрал, я не настаивал. О трудностях предупреждал, да он и сам видел,— ответил Оконешников. И, улыбнувшись, добавил: — Однако приятно, что сын отцовские дела продолжает. В Оймяконе он теперь, на самом полюсе холода.

— Поближе места не нашлось?

— Он сам выбрал,— повторил Денис Семенович.— В Оймяконе специалисты нужны, там лес особенно дорог. Мало его, растет медленно, большая забота требуется.

Да, передалась, значит, сыну отцовская привязанность к тайге, и вся жизнь Оконешникова-старшего, посвященная сбережению зеленого богатства, стала примером, путеводной звездой для Оконешникова-младшего. Обычно такие люди, как Денис Семенович, отдавшие себя охране природы, очень ревностно, даже недоброжелательно относятся к тем, кто природу эксплуатирует, берет ее дары, далеко не всегда возмещая нанесенный ущерб. В частности, к лесозаготовителям. Бережешь, мол, бережешь угодья десятилетиями, а эти потребители налетят, как саранча, в считанные дни снимут все, что росло и спело целый век. А оставшееся искалечат, изранят, бросят на произвол судьбы. Вот пришел Малый БАМ в Южную Якутию — кому радость, а кому заботы и тревоги. Лесозаготовители теперь разгуляются в якутской тайге. Так я думал, начиная разговор с Денисом Семеновичем, и с удивлением убедился, что настроен он иначе.

— Леса у нас много,— сказал Оконешников.— А заготавливалось мало, менее пяти миллионов кубометров в год на все нужды. Брали лес возле дорог да вдоль Лены. Километров на сорок — пятьдесят отошли заготовители от ее берегов... Переспелого леса у нас много,— повторил Денис Семенович.— Без пользы пропадает добро. Рубить лес можно и нужно, от этого хорошо и людям, и самой тайге. Загвоздка лишь в том, как и какой лес брать. Вот больное место и узел противоречий.

Действительно, лесные просторы Якутии весьма обширны. А особенность их такая: очень однородный состав, почти 90 процентов занимает лиственница. Примерно на 150 миллионах гектаров раскинулась лиственничная тайга. А это больше, чем вся тайга Западной Сибири — от Уральских гор до Енисея.

Вообще лиственница занимает в Советском Союзе огромную территорию. Неприхотливое это дерево растет и в Саянских горах у южных границ страны, и за полярным кругом, на московских улицах и на скалистых берегах Тихого океана. Она не боится жгучих морозов и вечной мерзлоты. Те, кто грелся у костра в заполярных краях,— охотники и пастухи, геологи и путешественники — всегда с

Богата лесами Якутия

любовью и благодарностью вспомнhают о такой нужной на Севере лиственнице даурской.

В тайге лиственницы стоят поодаль одна от другой, широко и вольно раскинув ажурные ветви. Хмурым такой лес не бывает. А в ясный день он весь пронизан солнечными лучами, насыщен тонким, волнующим запахом хвои, смолы. Земля устлана мхом, повсюду видны листики брусники.

Из этого чудесного дерева можно делать паркет и мебель, вырабатывать бумагу, скипидар, канифоль. Древесина лиственницы, твердая и смолистая, по физико-механическим свойствам приближается к дубу, а по сопротивлению, сжатию и изгибу даже превосходит его. Ни время, ни климат не властны над постройками из крупных, предварительно просушенных стволов лиственницы. Особенно выгодно применять ее для фундаментов, шпал, шахтных креплений, различных подводных сооружений: она не боится воды. Как известно, итальянский город Венеция расположен на островах, фундаменты старых построек сделаны из стволов сибирской лиственницы много веков назад. Когда в 1827 году местные власти решили проверить прочность фундаментов, выяснилось, что сваи под водой не разрушились, а стали еще крепче. Они словно окаменели, их не брали топор и пила.

Ученые подсчитали, что ежегодный прирост лиственницы только в Якутии составляет более 60 миллионов кубометров. Сюда, разумеется, входит и криволесье, и угнетенная тайга на марях, но все же цифра эта весьма значительна. И при всем том как в Якутии, так и в других районах страны эта древесная порода используется у нас

очень мало или вообще не используется. Конечно, добывать и транспортировать ее сложнее, чем, к примеру, ель, сосну, кедр. Древесина тяжелая, крепкая, разделывать нелегко. Сплавлять нельзя — тонет. Для изготовления продукции из лиственницы требуется специальное оборудование, особая технология. Но в общем-то все эти трудности вполне преодолимы, их преувеличивают те люди, которые озабочены лишь одним: взять побыстрее то, что получше, что ближе лежит, любой ценой выполнить план, а там хоть трава не расти.

Например, сколько у нас в стране кедра? Малая толика. В европейской части его вообще нет, в обширной тайге Якутии едва ли один процент. Да и в других местах его «выстригли» изрядно, кое-где вообще свели начисто. А, между прочим, кедр в отличие от других деревьев способен давать большую прибыль даже на корню (хотя бы одно кедровое масло!). Так зачем же вообще трогать его? Пусть растет спокойно. Если и рубить, то лишь самое малое количество и только для нужд своего государства. Но до этого ох как далеко! От 12 до 27 процентов леса, уплывающего через порты Дальнего Востока,— это наш редчайший и ценнейший кедр. Надолго ли его хватит при таких заготовках? На несколько лет? А потом что? Ждать полтора-два века, пока подрастут новые деревья? Под самую строгую охрану надобно взять все кедровники, как и последние остатки замечательного ангарского бора, который еще недавно казался огромным и неистощимым. А теперь ангарская сосна с удивительной, под цвет яичного желтка древесиной стала редкостью. Уплыла по морям, по волнам через Игарку на запад. И хватит! Пришла пора превратить эти леса, нашу гордость, в неприкосновенные национальные парки.

Итак, в европейско-уральской зоне запасы спелых хвойных лесов, основного сырья для получения целлюлозы, истощены. Пройдет еще много лет, пока они восстановятся, да и восстановятся далеко не везде. Взоры лесозаготовителей, бумажников обращены теперь на восток, туда перемещается центр тяжести их деятельности. Медленно еще перемещается, но Байкало-Амурская магистраль обязательно ускорит их продвижение. А в хозяйственной зоне магистрали, хотят того или не хотят заготовители и потребители леса, им придется в основном иметь дело с лиственницей. Придется применять новые способы заготовки, использовать новую технику и технологию.

И важно, очень важно не повторить здесь, на востоке, ошибки, что были допущены при эксплуатации зеленых богатств в европейской части страны и на Урале.

Не вдаваясь в подробности, назову лишь некоторые итоговые цифры. Есть очень точный показатель состояния целлюлозно-бумажной промышленности — выход бумаги и картона на тысячу кубометров кругляка. В некоторых странах это 80—150 тонн. А у нас в среднем по стране всего лишь 25 тонн. Для получения одного и того же количества бумаги и картона канадцы сводят гектар леса, а мы — четыре. Бывает и больше, потому что велики потери при транспортировке.

И еще. Очень много гибнет отходов лесозаготовок и деревообработки, способных заменить значительную часть деловой древесины. В Якутии, например, на делянках остается половина всей биомассы

леса, поступающей в рубку. Еще 40 процентов идет в отходы при обработке и уничтожается. А ведь этн отходы — прекрасное сырье для бумажников, химиков. Ученые подсчитали, что уже сейчас без существенных затрат можно вовлечь по всей стране в дальнейшую переработку около 20 миллнонов кубометров отходов. И продавать их: те же японцы очень охотно покупают у нас технологическую щепу, только давай! Все это позволит сохранить 120 тысяч гектаров леса и получать ежегодную экономию до 250 миллионов рублей. Дело лишь в том, чтобы навести твердый, даже жесткий порядок в использовании отходов на уже существующих предприятиях. А новые строить только такие, где полностью, до последней щепки, до последней горсти опилок будут перерабатывать все поступающее сырье.

В северных районах, на вечномерзлых грунтах, лес растет медленно. Здесь не джунгли: нынче срубил, а через двадцать лет прнходи снова. Здесь придется ждать сто двадцать — сто сорок лет. Поэтому н хозяйствовать в таком лесу надо осторожно, с прикидкой на длительный срок.

Много хвалебных слов прозвучало, да и теперь звучит, по поводу Усть-Илимского лесопромышленного комплекса на Ангаре. И не без оснований, конечно. Это ведь крупнейшее в мире предпрнятие по комплексной переработке древесного сырья. Основа комплекса — пять самостоятельных заводов с обширным ассортиментом: от целлюлозы н древесностружечных плит до скипидара. Сырьевая база больше, чем территория Бельгин.

Невольно возникает вопрос: почему крупнейшее? Неужелн ннкто в мнре не способен был осилить такой комплекс? Илн не считали нужным? Дело-то не в размерах, не в размахе, а в простой целесообразности. Сейчас еще трудно судить, насколько выгодны гиганты, подобные Усть-Илимскому, это покажет практика. Во всяком случае у этих великанов есть одно уязвнмое место. Чем больше продукцнн они будут выпускать, тем скорее подрубят сук, на котором держатся. В переносном смысле, конечно. Чем быстрее работает комбинат, тем скорее вырубается окрестиая тайга. С каждым месяцем, с каждым годом отодвигается лесосека. Надо прокладывать новые дороги, доставка древесины дорожает. Да и надолго лн ее хватит для такого гиганта?

В районах, расположенных к северу н северо-востоку от Усть-Илима и Братска, тайга менее густая, деревья не такне высокие и растут значительно медленнее. Там гиганты лесной промышленности существовать просто не могут. И нет никакой необходнмости их создавать. Там нужны нная схема, иной варнаит. Полезно в этом смысле позанмствовать опыт у финнов. Можно, напрнмер, в разных уголках Якутии, в глубине тайги, создать сотню иебольшнх заводов, снабжениых самой современной техникой, специализирующнхся на одной продукции (при этом с полным использованием отходов). Один завод, положим, дает бумагу высокого качества, а нз отходов — строительный матернал, плиты. Другой выпускает картон н скипидар. Третий — бумажные салфетки, полотенца, пеленки н еще спирт. Варианты возможны различные в завнсимости от конкретных условий. Максимум механизации. Минимум рабочих, прнчем постоянных и с хорошей квалификацией, что обеспечит высокую производительность труда. При заводе, естественно, небольшой поселок,

обязательно со всеми удобствами, чтобы удержать кадры. Кругом лес, чистый воздух, охота, рыбалка.

И еще вот что важно. За каждым заводом закрепляется определенный район тайги с таким расчетом, чтобы сырьевых ресурсов хватило на сто — сто двадцать лет. Никаких перерубов, никаких сверхплановых «достижений». Один участок вырубается, другие возобновляются. И следить за этим очень строго. Главное — качество продукции и стабильность производства. А что касается роста, перевыполнения, то и для этого возможности найдутся. За счет улучшения технологии, за счет полной утилизации отходов.

У идеи создания небольших специализированных заводов были и есть свои противники. Как обеспечить такие заводы энергией? Как вывозить готовую продукцию? Из множества возражений эти наиболее существенны. Но с энергией теперь во многих районах Якутии вполне благополучно. И новые электростанции на подходе. Готовую продукцию можно накапливать на складах до открытия навигации (заводы-то все равно при речках стоять будут, вода требуется). А появятся суда на воздушной подушке для круглогодичного использования на речных трассах — и складских помещений много не потребуется.

Если не сотню, то десяток подобных заводов можно строить уже сейчас в промышленной зоне БАМа. На Олекме и Алдане, где шумит почти нетронутая тайга. На Витиме, на Лене, на ее притоках. И тогда пойдет в дело лиственница, начнет и она наконец приносить ощутимую пользу. При желании из лиственницы можно готовить бумагу не хуже, чем из ели, которую так любят работники целлюлозно-бумажной промышленности.

6

В жизни создателей дорог есть одна особенность: продвигается вперед путь — движутся вместе с ним и механизированные колонны, строительно-монтажные поезда, мостостроительные отряды, перемещаются временные поселки. А закончится линия — и перебирается строитель в неведомую даль, в незнакомые края, на какую-нибудь новую дорогу и зачастую к новым людям, в новые коллективы. Так и на Малом БАМе. Легли возле станции Беркакит последние звенья рельсов, забит последний костыль. А что дальше?

Евгений Филиппович Гусаков, с которым мы познакомились в начале очерка, в ту пору заведовал отделом строительства Нерюнгринского горкома партии. Он попросил начальника ГлавБАМстроя К. В. Мохортова:

— Оставьте здесь хотя бы часть сложившихся коллективов.

— Нам в общем-то все равно — перебрасывать бригады и отряды на новое место или заново создавать их там. Затраты примерно одни и те же,— ответил Мохортов.— Но нам самим требуются люди, тем более строители, уже получившие опыт.

А где, собственно, они не требуются? Хорошие рабочие, хорошие специалисты необходимы и на главной линии БАМа, и в городах, растущих вдоль магистрали, и во всех территориально-производственных комплексах, во всей промышленной зоне. Людей не хватает всюду. Но при этом надо стараться как можно меньше перебрасывать строителей из одного пункта в другой, без крайней

Еще один из многих тоннелей на трассе

надобности не расформировывать коллективы. Больше того, следует стремиться, чтобы люди обживались, пускали корни.

— Ведомственный подход к этому вопросу приносит ощутимый вред,— сказал мне Гусаков.— С государственной точки зрения надо смотреть. Не одним днем жить.

Правильно. У постоянных рабочих гораздо острее развито чувство ответственности за доверенное им дело, выше квалификация, выше производительность труда. Да и сами рабочие почти по всей линии БАМа стремятся теперь к оседлости, прочному быту. Время первых палаток, первых просек, романтическая неустроенность первопроходцев уходят в прошлое. И условия меняются, и годы берут свое. Бамовец значительно изменился: он стал взрослее, степеннее. Многие строители обзавелись семьей. Им теперь нужно, чтобы поблизости имелись ясли, детский сад, школа. Это закономерный процесс, и большую ошибку допускают те руководители, которые не замечают новых тенденций или пытаются не замечать их. В пожарном порядке начали откомандировывать людей с Западного участка главного хода БАМа на другой. Мало того, что потеряли при этом много времени для работы на основном направлении, еще и много хороших рабочих ушло. Почти все семейные строители наотрез отказались ехать в командировку, на семь-восемь месяцев отрываться от жен и детей.

Однако жизнь показывает, что бытовая благоустроенность и хороший заработок еще не решают всей проблемы, особенно где

много молодежи. Если роль коллектива велика даже там, где люди давно пустили корни, где отлажен процесс труда, организован отдых, обеспечен удобный быт, то в районах новостроек, где все еще в процессе становления, где много трудностей, где преобладает неженатая молодежь,— там роль коллектива вырастает необыкновенно. Интересы коллектива сливаются с личными интересами, заполняют всю жизнь, коллектив становится словно бы большой семьей, способной помочь и поддержать в трудную минуту, жестко потребовать, если необходимо. Нет его — значит, нет семьи, нет общих интересов, вот и растекаются люди, хоть и бытовые условия сносные и заработок не хуже, чем у других. И наоборот, почти отсутствует утечка кадров в коллективах крепких, спаянных, где тон задают опытные рабочие, коммунисты, наставники молодежи. Здесь и достижения самые высокие, как на первом участке Нерюнгринского угольного разреза. Трудятся там ветераны освоения южноякутских угольных месторождений, обогащенные опытом. Ну и результаты соответствующие. Коллектив участка постоянно впереди.

Железная дорога недавно пришла в Якутию, территориально-производственный комплекс лишь начал формироваться, но уже сейчас заметно влияние дороги и комплекса на рост и размещение населения, на изменение его структуры. Вот несколько цифр. Население Якутии увеличивается за последние годы в три раза быстрее, чем в среднем по стране, при этом особенно быстро растет население городов, промышленных центров. В Нерюнгринском районе за десять лет людей стало примерно в семь раз больше. Едут в Якутию из Центральной России, из Красноярского и Хабаровского краев, Амурской и Читинской областей. Много украинцев и белорусов, немало бурят, чувашей, башкир, молдаван. В городе Нерюнгри живут представители семидесяти семи национальностей — из всех республик нашей страны. В основном это молодые рабочие, техники, инженеры, имеющие специальное образование. Их высокая профессиональная подготовка, общая культура не могли не отразиться на уровне коренного населения: якутов, эвенков, эвенов — и русских, давно поселившихся в этих местах. Коренное население, занимавшееся прежде в основном сельским хозяйством и охотой, приобщается к индустриальному процессу, пополняя ряды рабочего класса.

Итак, основа для закрепления кадров — это хорошие бытовые условия, приличный заработок и дружный коллектив, в котором человек чувствует себя членом большой заботливой семьи. Но есть, пожалуй, и еще фактор, очень существенный для северян, для бамовцев. Трудиться напряженно и добросовестно они умеют. А вот где и как им отдыхать?

С весны до глубокой осени сибирские аэропорты и железнодорожные станции забиты пассажирами до отказа и даже сверх того. Отпускной народ едет в Центральную Россию, на Кавказ, в Крым, Молдавию. Значительная часть пассажиров — бамовцы. Почему же их тянет на запад? Солнечных дней в Нерюнгри, например, не меньше, а, пожалуй, больше, чем в Алуште или Ялте. Интенсивность солнечной радиации в Якутске такая же, как на курортах Кавказа. Разве что теплое море манит-завлекает, но вообще-то купаться можно и у себя на БАМе, на месяц-другой вода прогревается.

Столь же велик (и с каждым годом стремительно нарастает) встречный поток. На Байкал, в Забайкалье, на новую магистраль

Байкало-Амурская магистраль действует!

стремятся туристы, в основном самодеятельные. Их теперь можно увидеть на трассе повсюду от Лены до Хабаровска, даже в самых отдаленных местах. Порой они опережают строителей. Идут пешком, плывут иа лодках, спускаются по течению на плотах. И вот что примечательно: турист знает магистраль лучше, гораздо лучше, иежели люди, которые живут на ней два, три, четыре года. Человек, как правило, работает на одном участке, в одном районе. Этот видит каждый день прибайкальские скалы, другой — бурную таежиую речку, третий — угиетениые березки да лиственниицы на марях. Кому-то примелькался бор, кому-то кедрач, кому-то унылые сопки-гольцы. Ведь БАМ-то протянулся на тысячи километров, есть на ием самые разиообразные уголки природы, замечательные пейзажи. Почему же они не особенно манят строителей?

Я говорил об этом со многими людьми на западном и восточном участках магистрали, иа Малом БАМе. И вот какой вывод напрашивается. Как правило, бамовец круглый год на природе. Есть возможность поохотиться, рыбу половить, собирать грибы и орехи, на лыжах ходить, закатами любоваться. Все это хорошо, только в меру. Хочется ведь и городских развлечений. В театре побывать, в цирке, музее, посидеть в ресторане, просто по яркоосвещеиной улице, по асфальту пройтись в свое удовольствие. Если туристы из западных областей едут отдохиуть от городской жизни, от суеты и шума, то бамовец, особенно молодой, да еще выросший в промышлениом центре или в столице,— бамовец скучает хотя бы по внешним атрибутам цивилизации. Вот и катят почти через всю страну потоки людей туда и обратно. С билетами трудно, на вокзалах давка,

нервотрепка. Да н для кармана накладио пускаться в такие путешествня. И ие хотел бы отправляться, но что поделаешь, еслн на самом БАМе негде отдохнуть без хлопот, в уюте, сменить обстановку.

Между тем возможности для отдыха н укреплення здоровья трудящихся в промышленной зоне магнстрали так великн, что с трудом поддаются учету. Здесь н скалистые хребты, н величавые рекн, зеленые долнны и голубые озера, настоянный на хвое целебный воздух и щедрое солнце летом. Есть даже своя желтопесочиая пустыня в Чарской долине. Не такая обширная, разумеется, как Каракумы, но все же... Во всяком случае с такнмн же барханами. В нескольких местах неподалеку от магнстрали бьют горячне ключн. Около Улькана течет ручей, вода в котором сходна с трускавецкой. На станции Киренга свон собственные «ессентукн». В долнне рекн Чары плещутся родникн «нарзана». Самый резон основать в этих местах курорты. И делать это следует теперь, не откладывая в долгий ящик, пока лучшне уголки природы не пострадали от временных баз, поселков, самостийных построек и пока в зоне БАМа находятся мощные стронтельиые организацнн, для которых подобная работа ие представляет особых трудностей. А уйдут они, кто будет создавать индустрню здоровья в отдаленных районах? К тому же тогда это втрндорога обойдется.

Спецналисты-медики утверждают, что проводить отпуск, отдыхать гораздо полезнее в той полосе, в том климате, к которому прнвык организм.

И еще: нельзя полюбить то, чего не знаешь или знаешь лишь поверхиостно. Отдыхая в зоие БАМа, путешествуя, познавая и впитывая красоту этой земли, стронтель-новосел крепче полюбит эти края, пустит тут надежные корни.

Завершая очерк, хочется еще раз выделнть одну мысль. Думаю, что Малый БАМ — это в зиачительной степенн прообраз, действующая модель всей будущей магистрали от Лены до Тнхого океана, а Южно-Якутский территориально-производствеиный комплекс в такой же мере прообраз всей огромной промышленной зоны БАМа. Начало, первые шаги всегда особенно важны н поучительны. То, с чем столкнулись железнодорожники на лннии Тында — Беркакит, те трудности, которые преодолевают стронтели, энергетики, эксплуатационники первых промышленных предприятий первого бамовского ТПК, заслуживают особого вниманя и тщательиого аналнза. С ними так или нначе встретятся люди, работающне на всей магнстрали, все те, кому предстонт создавать следующие территориально-пронзводствеииые комплексы. Очень важно при этом не повторить допущенных ошибок. И не меиее важно широко нспользовать иакопленный положительиый опыт.

НИКОЛАЙ ДРОЗДОВ

АЙЕРС-РОК И МАУНТ-ОЛГА

Очерк

Путешествие в пустыни Центра — в красное сердце Австралии — началось нз тихой, уютной и зеленой Канберры. Когда я готовился к этому дальнему путешествию, мон друзья в департаменте зоологии сказали мне:

— На этот раз, Ник, тебе придется найти попутчика. Хватит разъезжать по стране в одиночку. И так мы переволновались, когда ты целый месяц колесил по Тасмании, не подавая вестей. До Мельбурна и Сиднея езди в одиночку сколько хочешь: дорога оживленная, то и дело попадаются фермы, бензозаправочные колонки. Но в пустыни Центра одного ни за что не отпустим. Там дикие места, и, если что-ннбудь случится с машиной или тобой, помощн жди долго, может н несколько дней. А нестерпимый зной не шутка, день-два — н, глядишь, твои останки достанутся на обед собакам динго. Так что изволь найти хотя бы одного спутника.

— Рад видеть любого из вас рядом со миой в автомобиле,— ответил я.— Но ведь вы все заняты своими делами, кто же бросит свои эксперименты или полевые работы только радн того, чтобы поехать по моему маршруту?

— Ну, ты прав, Ник,— согласились Хью, Джои, Мэрилин и Дик, с которыми я обсуждал свон планы.— Действительно, никто из иас не собнрается в пустыни Центра, но ведь у тебя есть еще и соседи по общежитию.

Вернувшись к себе, я стал перебирать в памяти своих новых знакомых. Все они занимались либо фнзико-математическими, либо гуманитарными науками. Вряд ли стоило ожидать, что они заинтересуются природой пустынь. И все же я решил побеседовать с

некоторыми из них. И не напрасно! Выяснилось, что молодой румынский физик Василь Морариу давно мечтал попасть в глубинные районы Австралии, он даже собирался присоединиться к какой-нибудь экспедиции. Кроме физики Василь живо интересовался бытом австралийцев, много ездил по окрестностям Канберры. Он готовил книгу о двух годах, проведенных им в Австралии. Уже и название было придумано: «Южный Крест».

Поэтому мне не стоило труда уговорить Василя присоединиться ко мне в роли завхоза. Он обещал помогать мне во всех делах — сборе и учете животных, их ловле, фотографировании; не пугали его и тяготы, неизбежные при подобном путешествии.

Василь оказался хорошим товарищем, добросовестным помощником. Он был всегда энергичен, неутомим и жизнерадостен. Конечно, выпадали и такие дни, когда мы оба до предела уставали. Но все это вознаграждалось богатством и новизной впечатлений. К сожалению, ни его, ни мой родной язык не могли служить нам средством общения: я совсем не знаю румынского, а Василь учил русский в школе, но говорить на нем так и не научился. Поэтому нам пришлось общаться на английском. Любопытно, что за два месяца путешествия у нас обоих заметно ухудшилось произношение и уменьшился словарный запас английского языка. Не подкрепляя фонетику и лексику постоянным контактом с носителями литературного языка, мы постепенно «опустились» до уровня «пиджин-инглиш» — примитивного жаргонного диалекта. Эпизодические встречи и беседы с шоферами, фермерами, безработными аборигенами еще более подкрепляли нас в этом, ведь жители австралийской «глубинки» используют в общении простой и крепкий жаргон, могущий шокировать «благородное» ухо. Но если вникнуть в дух этого языка — он хотя и прост, но точен, образен, меток и полон сочного юмора.

Дорога от Канберры до Аделаиды была мне уже знакома по прошлой поездке на остров Кенгуру, и новое путешествие началось, когда мы от Аделаиды повернули на север. С каждым десятком километров ландшафт становился все более засушливым, и вот уже, проехав городок Порт-Огаста, мы увидели настоящую щебнистую пустыню, поросшую редкими кустарниками. Мы отправились в путь в конце апреля, когда наступила осень в южном полушарии. Большинство кустарников сбросили листву, и это усугубляло впечатление безжизненности ландшафта.

Асфальт кончился, и пыльная грунтовая дорога ведет нас на северо-запад, лениво, будто нехотя, извиваясь меж невысоких пологих холмов и высохших озерных котловин. Будто манящая влага, сверкает белизной под лучами солнца соляная корка, сковавшая дно этих озер. Конечно, и после редких здесь дождей, когда озера ненадолго заполняются водой, жажду ею не утолишь — вода будет горько-соленой.

Оглянувшись, видим за собой густой шлейф пыли, но и встречная машина заставляет на минуту-другую окунуться в серое облако — пыль проникает в кузов машины, оседая на руках, лице, одежде и даже на зубах.

Встречных машин становилось все меньше и меньше, и я решил по просьбе Василя дать ему уроки управления «лендровером». Вначале нужна теоретическая часть, и я сказал моему спутнику:

— Пожалуйста, не делай всего того, что делаю я, а именно: не

езди по правой стороне дороги, не глазей по стороиам, не держи баранку одной рукой и так далее и тому подобное.

Василь старается следовать моим советам, и я надеюсь, что из него получится неплохой водитель. Через каждые десять—пятнадцать километров попадаются остовы брошенных автомашин; они, иаверное, не первый год ржавеют в пустыне, некоторые из них используются как рекламные щиты; особенно запомнился кузов автомобиля, на котором белой краской был выведен оптимистичный призыв: «Enjoy Mildara brandy today!» (Насладись сегодня же бренди Милдара!)

Попадаются гигантские серые кенгуру. Они стараются держаться подальше от дорог, и вскоре становится ясиым почему. Оказывается, фермеры, не сдерживаемые здесь иикакими ограничеииями, убивают животных, если те оказываются на расстоянии ружейного выстрела. Время от времени мы видим иа дороге трупы этих крупных и красивых животных. Осмотр показал, что они, как правило, не задавлеиы, а застрелены. Кстати, иаскочив на гигантского серого или рыжего кенгуру, можно и перевернуться. Поэтому во избежание автомобильной катастрофы многие водители укрепляют перед мотором решетку из водопроводных труб, которая так и называется—cangaroo-bar (решетка против кенгуру).

Крохотный поселок Киигунья состоит из трех десятков домов, заправочной станции и магазинчика. Группа аборигенов, которые живут здесь оседло, собрались в магазине и слушают песни в стиле «кантри», записанные на магнитофонную ленту.

К закату солнца мы уже в городке Кубер-Педи. Здесь добывают опалы. Вся местность вокруг поселка изрыта большими и малыми ямами, в которых трудятся и живут добытчики полудрагоценного камня. Кстати, само название «Кубер-Педи» на языке аборигенов означает «яма, вырытая белым человеком».

Ночевка в пустыне, недалеко от дороги, доставляет громадное удовольствие. В сухом русле небольшого ручья, под кроной эвкалипта, который достает своими корнями грунтовые воды, мы разводим костер, варим кофе и слушаем ночные звуки. После дневной жары вечер приносит прохладу. Темнота обступает со всех сторон, и из пустыни доносятся голоса птиц, стрекотание саранчовых. Над головой пролетает какая-то птица, на свет костра подлетают бабочки, жуки. Они падают у самого пламенн и начинают ползать в световом круге. Тишина зачаровывает иас.

Наутро продолжаем путь. Ландшафт становится разнообразнее—щебнистая пустыня сменилась песчаной. По сторонам дороги появляются песчаные гряды, а между ними в понижениях зеленеет растительность. В таком зелено-красном обрамлении мы и движемся до границы штата Южная Австралия и Севериой Территории. Она обозначена двумя большими щитами. Встречных машин почти нет. Они попадаются так редко, что водители на радостях приветствуют нас взмахом руки, а иногда и останавливаются, чтобы обменяться новостями.

Пока мы переживали торжество въезда на Северную Территорию, Василь случайно поставил красную ручку демультипликатора в нейтральное положение. Не заметив этого, я пытался тронуться с места, ио безуспешно. В чем дело? Я осмотрел всю машину. Хотел уже обращаться за помощью, но, к счастью, ие было ни одной

встречной машнны, и мне удалось самому найти причину. Василь был смущен и обещал больше не трогать никаких ручек без спросу.

Мнновав поселок Кулгеру, мы повернули на запад. Основная трасса ведет дальше, на Алис-Спрнngс, но наша цель — обследовать Нацнональный парк Айерс-Рок. К вечеру мы оказываемся у въезда в этот парк и читаем надпись: «No camping beyond this point» (За этим пунктом разбивать лагерь запрещено).

Проснувшись до восхода солнца, мы трогаемся дальше. На горнзонте неожиданно, как некое чудо, возникает подобие странного гигантского существа, лежащего на песке, похожего на кита среди морских волн. В лучах восходящего солнца Айерс-Рок кажется нежно-розовым. Но проходнт еще полчаса, солнце поднимается повыше, и гора становится красновато-рыжей. Хочется непрерывно снимать и снимать, чтобы запечатлеть Айерс-Рок во всех оттенках н ракурсах.

На маленьком четырехместном самолете, который взлетает с местного аэродрома, мы в течение получаса рассматрнваем с высоты птичьего полета и Айерс-Рок, и расположенный поодаль другой не менее причудлнвый монолнт Маунт-Олга. Сделав несколько виражей, летчик рассказывает нам об их особенностях, об исторни нацнонального парка, обращает наше внимание на ущелья и пещеры, образовавшиеся в результате ветровой и водной эрозни.

Пролетая над гребнем Айерс-Рока, замечаем тропинку и фнгурки людей, карабкающихся по спине этого рыжего «кита». У подножия горы неожиданно блеснуло зеркало воды. В тени деревьев небольшие водоемы, до которых не добирается солнце пустыни.

Маунт-Олга свонм силуэтом напоминает мусульманский город с куполамн мечетей. Маунт-Коннор — останец, расположенный еще дальше — ровный, как стол, с обрывистыми краями. Самый высокий нз этих горных массивов — Маунт-Олга: он вздымается над равниной на 545 метров. Айерс-Рок имеет высоту 349 метров, а подножня этнх гор лежат на высоте 510 метров над уровнем моря.

Чтобы дать возможность получше осмотреть уднвительные прнродные образования, летчнк закладывает такие внражи, что мы буквально валнмся друг на друга, но зато удается сделать уннкальные сннмкн.

Но вот мы на земле. Поблагодарив пилота, отправляемся к месту подъема на Айерс-Рок. Проезжая вдоль подножия горы, видим обрывнстые склоны, испещренные живописными трещннами, то н дело попадаются ущелья и пещеры, все они имеют названия, которые были им даны аборигенами. Еще несколько десятков лет назад вокруг этого монолита в пещерах жили их племена. Они использовали те скудные источники, которые сохраняются здесь в тени скал, и обожествляли само это каменное творение природы. В начале 30-х годов аборигенов переселили в резервации, где они находятся под присмотром ретивых миссионеров. Как память об исконных обитателях этих мест, остались лишь названия. Их удалось сохранить для потомков благодаря деятельности первого куратора Национального парка «Айерс-Рок» Билла Харнея. Прнбыв на «место работы» в 1958 году и поселившись в палатке у подножия Айерс-Рока, Билл отыскал в одной из резервацнй двух старнков-аборнгенов, которые родились и жили здесь до того, как их выселили отсюда.

Вместе со старожилами Билл в течение многих дней обошел, обследовал и описал все пещеры и другие достопримечательности Айерс-Рока. Долгими вечерами у костра он слушал рассказы, легенды и песни аборигенов. Спутниками Билла в его походах были аборигены Какадека и A Ималунг по прозвищу Генри Большая Нога. Они открыли Биллу Харнею — простому, доброму и любознательному человеку — свои сердца и души, поведали истории племен, населявших эти места, открыли ему названия всех пещер и смысл древних мифов и верований. Теперь уже нет ни Билла, ни двух последних аборигенов, хранивших в памяти вековое наследие предков, и только эта счастливая случайность, которая свела их вместе у походного костра, сохранила для нас удивительную и романтичную историю племени улуриджа.

В водоеме, называемом теперь Мегги-Спрингс, жил священный водяной питон Ванамби, хозяин горы. На крутом скалистом склоне обитал Нингерн — черный варан, а в пещере Вориаки, куда женщинам нельзя входить, старейшины исполняли древний обряд. Кровью из своих вен они обновляли рисунки на стенах, созданные первыми героями племени. Пещеру Буллари, у входа в которую лежит огромный камень, посещали женщины перед тем, как родить ребенка.

Глубокая пещера, прорезающая поперек скалу у подножия, называется Кундунда (перерезанное горло), высокая округлая — Сумка Кенгуру. Поперечная расщелина, похожая на раскрытый рот, получила название Лагарн (улыбка). Глубокую овальную пещеру ее обитатели называли Звучащей Раковиной. А длинный выступающий кусок скалы на склоне именовался Ногой Эму. Вдоль крутого склона отслоился ровный кусок скалы длиной более ста метров, который аборигены назвали Палкой для рытья, а белые пришельцы переименовали в Хвост Кенгуру. На высоте тридцати метров скала будто изъедена причудливым узором, который образует рисунок, похожий на срез мозга. Аборигены так и назвали это место — Мозг.

А вот и подъем на Айерс-Рок. Лишь с одной стороны горы можно подняться на ее гребень. Все остальные склоны слишком круты и обрывисты. У ведущей вверх тропы щит с грозным предупреждением: «За увечья и гибель посетителей администрация парка ответственности не несет».

Подъем действительно нелегок, на особо крутых участках приходится двигаться на четырех конечностях. В одном наиболее крутом месте в скалу вбита железная цепь, за которую необходимо держаться при подъеме и спуске.

Наконец мы на пологом гребне горы. Отсюда открывается великолепный вид на пустынную равнину и виднеющиеся на горизонте останцовые горы Маунт-Олга и Маунт-Конниор. До верхней точки Айерс-Рока еще довольно далеко. Но дальше путь идет уже по пологой гребневой части. То и дело дорогу пересекают глубокие трещины, обширные «ванны» различной формы.

Остановившись на кратковременный привал, исследуем породы, слагающие Айерс-Рок. Подцепив несколько крупных, готовых отвалиться чешуй на теле горы, обнаруживаем беловато-серый кварцит. Лишь на несколько миллиметров поверхность породы как бы пропитана красными железистыми окислами кальция, господствующими в современной окружающей пустыне. А сами серые кварци-

ты отлагались на дне кембрийского моря сотни миллионов лет тому назад, затем их слои были вздыблены вертикально горной складчатостью, разрушались волнами третичного моря, а позднее — дождями и ветрами. Так Айерс-Рок приобрел современный вид кварцитового вертикально-слоеного пирога на красном блюде песчаной пустыни.

Мы обнаруживаем пунктирную белую полоску, которая указывает направление, куда надо идти. Сначала мне показалось это неуместным: ведь нас окружала нетронутая дикая природа. Но вскоре я понял, что без такой подсказки нам вряд ли удалось бы найти дорогу к вершине Айерс-Рока.

Особенно важен этот пунктирный указатель на обратном пути. Было несколько случаев, когда взобравшиеся на гребень горы посетители не могли затем найти дороги к пологому спуску. Они подходили то к одному, то к другому обрыву и были в полном отчаянии, на грани гибели от голода и жажды. Работникам Национального парка пришлось организовать несколько спасательных экспедиций на вершину Айерс-Рока. Тогда и была проведена эта пунктирная полоска.

На верхией точке горы установлен камеиный столб. На броизовой пластине — карта Австралии. На ией указано местоположеиие Айерс-Рока — в самом цеитре материка. Каменный столб пустотелый, в нем храиится книга для автографов посетителей. Мы расписываемся в книге. Зиакомимся с пожилым мужчиной в белой рубашке и шортах, который, очевидио сильно устав после подъема, отдыхает недалеко от вершииы. Ои по профессии врач, приехал из Монреаля вместе с жеиой, которая ждет его у подиожия горы. В 65 лет ему очень трудно было карабкаться иа вершину. Чтобы спуститься, ои теперь иуждается в помощи, и мы предлагаем пойти вместе. На крутых участках прнходится держать его за обе руки. Он с благодарностью говорнт нам:

— Мог ли я представить, что в такой глуши, иа этой дикой горе, меня будет поддерживать слева рука румыиа, а справа — русского.

Виизу его встречает жена, а также работиик национального парка, который вручает запыхавшемуся канадцу диплом «За покорение Айерс-Рока». Пока мы спускались, наш новый знакомый говорнл печальио:

— Да, видимо, это последняя гора, на которую мне прншлось взобраться.

Мы дружио подбадривали его:

— Кто зиает, кто зиает? Может, и еще придется...

Получив диплом, наш новый зиакомый стал гораздо бодрее и совершеиио другим тоном заявляет:

— Это моя первая гора, которую я покорил.

Мы радуемся перемеие его настроеиия и добавляем:

— И коиечно, ие последняя.

Наш милый каиадец просит иас сфотографироваться вместе с ним иа память. Он становится между намн и держит перед собой диплом о покорении Айерс-Рока.

Незадолго до заката мы отъезжаем на полкилометра от Айерс-Рока и наблюдаем, как постепенио в лучах заходящего солнца цвет монолита меияется от ярко-рыжего к более темному и иакоиец к пурпуриому. В последних солнечных лучах, когда земля под горой уже темная, на фоне темно-синего иеба кроваво-красная гора производнт удивнтельиое впечатлеиие. Можио представить себе, как поражало это зрелище кореиных обитателей этих мест. Постепенно краски темнеют, и гора как бы засыпает в нагревшейся за деиь молчаливой пустыие.

Ночиая экскурсия по пескам приносит нам ряд иитересных встреч. Сначала попадается иебольшая изящная змейка рыжего цвета с чериыми поперечиыми колечками. Она ядовита, но очень редко пускает в ход свои зубы, и поймать ее иесложно. Из старой норки тарантула вылезает ярко-красный с темио-коричневыми пятнами геккон. На крепких тенетах между двумя кустарииками висит крупный длинноиогий паук, сторожа иочных насекомых. Из норки выбегает песчаный тараитул. По песку проворио спешат за кормом жуки-чернотелки.

Утром как бы в дополнеиие к ночиым впечатлеииям в песках попадаются термитники двух различных типов и небольшие муравейиики. Под валежииком иаходим темно-бурого, покрытого шипами геккоиа. Небольшой дракон (как называют здесь ящериц семейства агамовых) пробежал через песчаную полянку и скрылся в иоре.

Нора оказалась неглубокой, через несколько минут «мини-дракон» выбежал на солнышко и дал себя сфотографировать.

Нас преследуют полчища кустарниковых мух, от которых неплохо спасает специальная сетка, но, стоит приподнять ее и поднести к глазам фотоаппарат, мухи облепляют все лицо. Они вьются прямо перед объективом, мешая съемке.

В кустах у подножия Айерс-Рока фотографируем различных бабочек, черных долгоносиков, которые расселись по кустам. Муравьи также забираются до самых концевых веточек.

На следующий день находим у подножия горы удивительно живописные пещеры. В некоторых из них закопченные потолки, рисунки аборигенов на стенах. Мы нашли изображения змеи, ящерицы, солнца. Хорошо видно, что рисунки старые, принадлежат коренным обитателям материка.

На северной стороне горы попадается небольшой бассейн в гранитном ложе, по краю которого растет ярко-зеленая трава. В соседних кустах раздается нетерпеливый щебет. Стайка красноклювых ткачиков-астрильдов ожидает, пока мы отойдем от водоема. Как только мы удаляемся, они тут же слетаются к воде.

Можно представить себе, как ценили аборигены водоемы в бескрайней пустыне. Эти места были центром жизни всей округи.

На поверхности скалы мне удается обнаружить муравьев, у которых брюшко черное, а спина окрашена в рыжий цвет, точь-в-точь такой, как у поверхности скалы.

Забираемся в Сумку Кенгуру. Это обширный неглубокий грот, на потолке которого видны красно-бурые гнезда ласточек. Все они старые. Сейчас не время для гнездования. Близ этого грота два водоема глубиной до полуметра и диаметром от двух до трех метров. Оба бассейна буквально набиты головастиками. Их здесь около трехсот. Значит, пустынные жабы выводят тут потомство.

В кустарнике снова видим гигантского паука, которого обнаружили прошлой ночью, изучаем строение его тенетной сети. Каждая паутина прочнее, чем нитка сорокового номера. Сам паук — черноголовый, с белым брюшком и длинными коричневыми лапами. На этом же кусте прикреплен кокон, под паутиной лазают несколько малышей. Значит, нам встретилась самка.

Затем обследуем восточную сторону Маунт-Олги. Вспоминаем, что аборигены называли ее Катаюта («Много голов»). Действительно, будто головы гигантских витязей в круглых шлемах торчат из земли. Характер эрозии здесь совсем иной, чем на Айерс-Роке. Нет причудливых, будто выеденных пещер и гротов. Зато под одним углом по всем «головам» проходит ряд параллельных ложбин.

Но с запада Маунт-Олга выглядит иначе. Она напоминает Айерс-Рок, разрезанный на три ломтя. Именно с этой стороны мы наблюдали монолит в последних лучах солнца. Ярко-красный цвет залил гору на две минуты.

После заката солнца едем вдоль Маунт-Олги с южной стороны. Обрисованный глубокими черными тенями, горный массив кажется в волшебном лунном свете спящим чудовищем, бока которого мерно вздымаются — оно дышит.

Полюбовавшись некоторое время, выходим из машины и пробираемся к скале через каменные завалы и густые заросли: нужно взять образцы пород. Не гасим подфарники, чтобы потом найти

«лендровер». Василь остается на полпути к горе, а я устремляюсь к загадочно светлеющим на фоне темного неба куполам. Одиому бродить ночью вдоль этих куполов с темными провалами пещер н жутковато, и приятно. Вот сейчас из-за скалы появится силуэт аборигена с копьем и тушей кенгуру за плечами. Но, увы, всех обитателей этих мест давно выселили в специальные резервации. Холодом иежилого дома, оставленного его нсконными хозяевами, веет от скал.

Весь склон горы образован конгломератом — вовсе не тот слонстый кварцит, что мы нашли на Айерс-Роке. Крупные валуны и галька, хорошо обкатаниые, как бы спаяны в прочиую породу. Беру образцы валунов и цементирующей основы, а затем спускаюсь опять в непролазиые заросли кустарников и спинифекса. Потом идем с Василем на свет подфарников нашей машины.

В последннй раз проезжаем мимо спящей громады Улуру, как называли аборигены Айерс-Рок. Он меиьше Маунт-Олги, но прнвлекательнее: Катаюта — это группа скал, а Улуру — еднное целое и потому воспрннимается как ярко выраженная индивидуальность.

Мысленно беседую с Айерс-Роком: «Прощай, Улуру! Вряд лн я увижу тебя еще когда-нибудь. Но... we never know (кто знает), как говорят здесь при расставании».

Выехав рано утром, добнраемся до Кертин-Спрннгса, ближайшей бензоколонки. Заправщик — австрнец лет трндцати пяти, здоровяк н балагур. Он живет здесь постоянно н очень доволен — Австрня кажется ему скучной страной. Роднтели не могут понять его восторгов. Ведь он пишет им, что блнжайший паб — пнвиой бар — расположен в восьмидесяти милях, а кругом расстилается пустыня. Но он любит простор, а в городке Алис-Спрннгс целых трн паба, куда же больше?

День становится все жарче, мухи лезут в глаза, рот. Надеваем сетки — просто спасение! Новая дорога местами спрямлена, рядом видны участки более нзвилистой грунтовой дороги домашинного века. Она живо напоминает времена, когда первые переселенцы передвнгались на повозках, запряженных волами, лошадьми, на верблюдах, а то и пешком. Невдалеке от дороги кружат три черные вороны, высматрнвая падаль. Однако в самое пекло, когда и мы остановились на отдых, вороиы садятся близ дороги н прячутся в теии кустов. Да, в таких чериых «смокингах» можио нспечься иа солнце.

Впереди, иад ровной линией горнзонта, появляется темный зубчатый гребеиь, который по мере прнближения к нему становится все выше. Наконец взгляду открывается высокий земляной вал метров двести в длину и высотой с трехэтажный дом. Сворачиваем с дороги и по едва заметиой колее подъезжаем к валу. Находим проезд и оказываемся в кольцеобразиом тупике. Вокруг — горы выброшенной земли, глыбы породы. Все это начинает зарастать кустамн. Создается впечатление, что когда-то здесь работали мощные бульдозеры и экскаваторы, готовя площадку для большого цнрка. На самом же деле мы находнмся в центре падения крупного метеорнта. С гребня главного кратера видны поодаль несколько воронок поменьше — очевидно, метеорнт перед ударом о землю распался на несколько кусков. Судя по свежестн очертаннй выброшенной породы, эта прнродная катастрофа пронзошла в середине

прошлого века. Вероятно, свидетелями этого события были жившие в пустыне аборигены.

Дальнейший путь на север, в сторону Алис-Спрингса, пролегает по песчаной пустыне, местами пересеченной речными долинами с ярко-зеленой растительностью. Большинство долин сухие, но в некоторых видны остатки временных водотоков. По мере приближения к «столице» Центральной Австралии дорога становится более наезженной, чаще попадаются встречные машины. В долинах рек видны стада пасущихся коров. Окрестности Алис-Спрингса хорошо освоены фермерами.

В наступившей темноте неожиданно замечаем, что дорога загорожена огромным грузовиком. Пытаясь объехать его справа, Василь, сидящий за рулем, в последний момент замечает в туче пыли стоящую рядом с грузовиком легковую машину с трейлером. Резко тормозя, глубоко врезаемся в песчаный бархан у обочины. Оказывается, водители грузовика и легковой решили обменяться новостями и распить пару банок пива.

— Но ведь можно побеседовать, не занимая всю дорогу своими машинами,— укоризненно замечаю я.

— Ночью по пустыне лучше ехать медленнее, тогда не пришлось бы сворачивать в бархан,— парирует собеседник.

— Мой друг еще учится водить машину,— поясняю я.

— Черт побери, этот парень не нашел лучшего места, чтобы учиться водить,— смеются водители.

Потратив полчаса на откапывание «лендровера» из песка и разделив с новыми приятелями наш скромный ужин, трогаемся дальше, и я сажусь за руль. Василю нужно некоторое время, чтобы прийти в себя. Перед самым городом выезжаем на асфальт, от которого уже отвыкли за последнюю неделю. Близ дороги замечаем кинотеатр «драйв-ин»—для зрителей в автомобилях. С дороги хорошо виден гигантский экран.

Через ущелье невысокой горной цепи, входящей в систему хребта Мак-Доннелл, попадаем в межгорную долину, где укрыт от жаркого дыхания пустыни Алис-Спрингс. Город больше и живописнее, чем я представлял себе. Ярко освещенная центральная улица, кафе, рестораны, магазины. На улицах много стареньких, обшарпанных машин и полевых работяг—«лендроверов» и «джипов». На решетках этих машин подвешены спереди брезентовые мешки с водой. В таких мешках вода остается прохладной в дороге даже при здешней жаре.

Мы минуем город и останавливаемся на ночлег в долине сухой речки Чарльз-Ривер, «впадающей» в не менее сухую реку Тодд-Ривер. Обе они заполняются водой лишь в редкие периоды дождей. Годовая сумма осадков составляет в этом районе всего 250 мм.

Наутро осматриваем город с холма Анзак-Хилл. Все десятитысячное население размещается на четырех улицах по правому берегу сухого русла Тодд-Ривер, прижатых железной дорогой, и на трех «авеню» по левобережью. В городе зелеными пятнами выделяются три парка, серыми глыбами залегли у дороги госпиталь и тюрьма, и манит на отдых мотель «Оазис». Но наше внимание привлекли две картинные галереи—Рекса Баттерби и Гаса. Эти художники, владельцы галерей, подражают в своем творчестве выдающемуся пейзажисту—аборигену Альберту Наматжире. Поэтому основная ценность этих собраний картин—работы самого Наматжиры и его

сыновей. Удивительные пейзажи пустыни, гор и речных долин в красно-синих тонах с причудливыми силуэтами белоствольных эвкалиптов. Такой видел свою родную природу этот талантливый художник-абориген, проживший всю жизнь в миссионерской резервации Германсбург, недалеко от Алис-Спрингса. В его цветовом восприятии слились воедино яркий художественный вымысел и реальная игра красок жаркого австралийского солнца.

Интересны также и картины различных художников, сюжеты которых навеяны мифами и легендами аборигенов, серии выразительных портретов жителей пустыни, бытовые зарисовки. Нашлось здесь место и фотовыставке, отражающей историю Алис-Спрингса: караван верблюдов, ведомый проводником, повозка, запряженная волами, разбившийся маленький самолет и бунгало под соломенной крышей с надписью «Отель» — с этого начинался город на рубеже последнего столетия.

Чтобы отдать дань уважения памяти замечательного художника, направляемся на городское кладбище, где похоронен Альберт Наматжира. На голом поле, без единого деревца — ровные ряды могил. К нашему удивлению, первые ряды пустуют, уставленные колышками с надписью «Reserved» (занято). Видимо, честолюбивым горожанам предоставлена возможность заранее обеспечить себе пребывание «на виду» за последней чертой жизни. Недостает лишь столь обычного здесь в транспортном сервисе призыва: «Book ahead please!» (Резервируйте места заранее!)

Обойдя уже почти все ряды, мы не можем найти могилу художника. Обращаемся к высокому и полному меланезийцу, сидящему у входа, не знает ли он.

— Me mother know (Моя мать знает),— отвечает он на классическом пиджин.

К нам подходит пожилая женщина и, узнав от нас, что Наматжира жил в резервации Германсбург, направляет нас в лютеранский ряд.

Прах Наматжиры покоится под бетонной плитой с выбитым на ней крестом и несколькими букетами увядших цветов. Принесенные нами цветы немного освежили скромную могилу великого художника-аборигена.

Планируя дальнейший маршрут, заходим в местный научный центр и беседуем с географом Биллом Лоу о возможности траверса пустыни Симпсона. Билл разворачивает несколько листов карт, на которых помещается в крупном масштабе эта песчаная пустыня. Пересечь ее на машине можно только с северо-запада на юго-восток — по ложбинам между высоких почти непрерывных песчаных гряд. Биллу приходилось пересекать эту пустыню, и он по памяти наносит желтым фломастером возможный путь. На главном листе, где нет никаких ориентиров, кроме песчаных гряд, он просто соединяет крайние точки карты прямой линией и говорит:

— Примерно здесь.

Его коллега, принимающий участие в разговоре, берет у него из рук фломастер и проводит линию на пять миль восточнее:

— По-моему, скорее здесь.

— Но в общем, как попадете между грядами — и поезжайте: все равно ни вправо, ни влево свернуть невозможно. Примерно через 130 километров пески кончатся и начнется щебнистая пустыня. А дюны

нанесены очень точно — по аэроснимкам. Правда...— Билл взглянул на легенду карты и усмехнулся,— аэросъемка проводилась в 1950 году, дюны могли с тех пор передвинуться.

После выхода на щебнистую пустыню на карте появляются пунктиры дорог. Ведя линию по ним, Билл комментирует:

— Эта дорога здесь обозначена, но ее не существует... Эту дорогу смыло два года назад... Эта дорога идет не прямо, а вокруг холма, совсем в другом месте... А насчет этой дороги я не знаю — ее могло смыть в последние дожди...

Меня такие объяснения приводят в восторг, а Василь, напротив, все более мрачнеет. Я успокаиваю его:

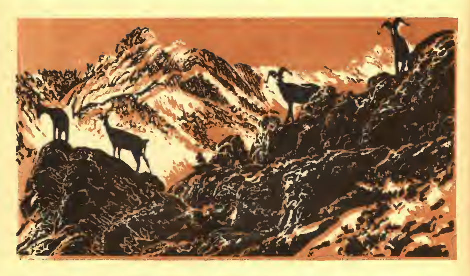
— Не волнуйся, Василь, все равно впереди будет побережье океана — дальше не проедем.

Прощаемся с коллегами, обновляем запасы воды и топлива — и в путь. Впереди траверс пустыни Симпсона, впереди новые испытания и приключения!

АЛЕКСАНДР СТАРОСТИН

ЦЕНА ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Очерк

Вертолета все не было, хотя, по предварнтельной договоренности, вертолетчикам следовало бы выполнить спецрейс на озеро Аян (плато Путорана) н перебросить нас в верховья горной рекн Холокит. По некоторым сведениям, «мифический» снежный баран «толсторог», или «чубук», выделенный в самостоятельный норильский (путоранский) подвид, обитал где-то там. Из-за вертолетчиков, которые задерживалнсь, наши маршруты носили скорее разведочный характер: мы боялись отойти от своего знмовья далее чем на тридцать километров. Кроме того, мы перешли на ночной образ жнзнн, предполагая, что норильские авнаторы по ночам спят. Сидя, что называется, на чемоданах, мы не могли вести более или менее снстематическнх наблюдений за птичьимн гнездовьями и песцовымн норовищами. Все это не могло не действовать на нервы.

Итак, программа полевых работ норильских охотоведов — старшего научного сотрудника Борнса Михайловича Павлова н младшего научного сотруднка Владнмнра Федоровича Дорогова — претерпевала нежелательную ломку. А тут еще я, прикомандированный к ннм лнтератор (в недавнем прошлом ннженер полярной авнацнн), влез со своим любомудрнем. Я стал развивать мысль, что охотоведы — это просто охотники, которые своей наукой попросту прнкрывают страсть к убийству «братьев меньшнх». Еще я плел, что любая пташка ценнее «для человечества» и «бногеоценоза» в целом (успел нахвататься ученых слов), чем самая распрекрасная статья о ней, и вообще маленькую травку роднть труднее, чем построить город. Короче, я вел себя самым глупым образом и почувствовал, что наша нзбушка наполнилась тяжелым, молчалнвым недоволь-

ством, как чем-то материальным. Если бы была хоть малейшая возможность, обиженные за свое дело зоологи отправили бы меня первым же транспортом на материк. Но ближайший населенный пункт находился за сотни километров через нехоженые горы Путорана.

Желая хоть как-то смягчить свою выходку, я пошел на попятный и стал говорить, что оно, конечно, не совсем так и, прежде чем защищать какую-то пташку или травку, ее надо изучить. Но слово не воробей: вылетит—не поймаешь. А ведь нам предстояло жить бок о бок не день н не два, а весь полевой сезон.

И все-таки в поле имеется один испытаниый и надежный способ снимать любые конфликты—это совместная работа, трудности, а еще лучше н некоторый риск.

Итак, было наконец принято решенне не ждать авиацню и сделать восхожденне на плато, куда вели обнаруженные следы четырех баранов. Прнсутствне этого зверя прндавало здешним красотам дополнительное очарование.

Мы понимали, что поход, целью которого были иаблюдения за «мнфнческим», не описанным в литературе зверем, а, возможно, и съемка—дело непростое, требующее подготовки н настроя мнннмум на двое суток без сна: каждый лишний грамм иа плечах мог нам помешать в дальнейшем, а сон в горах, на снегу, без топлива и спального мешка вряд ли возможен.

Мы начали сборы, и это превратило нас в коллектив, объеднненный одной целью.

Вполне возможно, что Борис и Володя уже грезили бараном, который монументально возвышается на какой-ннбудь прнчудливой скале и безропотно позволяет себя фотографнровать.

Надо сказать, что не вызвать страха в днком животном—счастье, почти неведомое современному человеку, и фотографирование зверей, в некотором роде «общенне»,—дело совсем не простое. Особенно не просто снимать зверя в движении н «без жульничества». Научная статья о малонсследованном жнвотном без фотографии будет выглядеть неубедительно. Наверное, кое-кто помнит «поясной» портрет соболя с неожиданно добродушно-меланхолическими глазами, помещенный некоторымн журналами. Так эта фотография была «нечестной»: всякому зоологу было ясно, что соболишка мертв и его глаза попросту остекленели.

Я попробую рассказать о том, какой ценой добываются фотографни редких животных. Для этого использую несколько страничек нз дневника Холокитской экспедиции, в которой мне посчастливилось участвовать несколько лет назад.

Итак, окончательно разочаровавшись в авиации, мы началн сборы.

— Освободи карманы брюк,—сказал Володя,—при восхождении даже коробка спичек может помешать, если она не на месте.

— Сухари не давят в спину?—спросил Борнс.

По этим вопросам я почувствовал, что моя выходка еслн и не забыта, то по крайней мере вынесена за скобкн.

Я попрыгал на месте, но о том, как уложен рюкзак, узнаешь несколько позже, в самый неподходящий момент.

На Аяне появились забереги. Нам предстояло перейти озеро, и мы перебрались через забереги на льдинах и ни разу при этом не искупались.

Я думал о том, как бы не опозориться и не покалечиться в этом маршруте: нет ничего хуже изувечиться в такой глуши. Сколько бы это принесло хлопот!

Восхождение началось. Идти было трудно, но не страшно. Пропитанный, как губка, водой мох сдирался с камней и льда, словно ветхий толстый ковер. Можно было хвататься и за низкорослые лиственницы, правда не особенно полагаясь на них, так как корни деревьев на северном склоне шли по мерзлоте и их удерживал только мох.

«Не так страшен черт,— подумал я,— если деревья держатся, то и я удержусь».

Но я почему-то упустил, что граница леса много ниже вершины. Мы прошли несколько террас, неприступных в лоб, но вполне доступных сбоку. Справа был каньон и водопад, шум которого слышался по всей долине. В бинокль можно было видеть, как в реку сходятся невиннейшие ручьи из-под снега и вся масса воды рушится с грохотом в каменную чашу. Стоит водяная пыль. И сама струя, распадаясь на отдельные пряди, дымится, и капли, отлетающие от нее, кажутся подвешенными за невидимые нити. Кое-где струи застыли циклопическими, причудливо изогнутыми и дрожащими, словно в мареве, сосульками. Впрочем, никакого марева не было: по этим голубым «сталактитам» беспрерывно стекала вода. На каменных карнизах пристроились желтые цветы калужницы, и их раскачивало сквозняком от водопада.

Перед дальнейшим восхождением мы отдохнули и проверили снаряжение. Борис и Володя двинулись вперед. Я шел чуть сбоку, чтоб не попасть под камни, которые могли бы вырваться у впереди идущего. Тем более началось таяние снегов, связка между камнями ослабла, и мы иногда просыпались от гула камнепадов.

Молодой ладный песик Таймырка, четвертый участник экспедиции, храбро следовал за Борисом, прося помощи только перед неприступными для него ступенями или ручьями.

Западный склон мне показался более пологим, и я решил пойти по нему: против света я не мог видеть, что это осыпь. А когда ступил на нее, то понял, что совершил непростительную ошибку. Осыпь покатилась в каньон, как по желобу. Я, стоя на «четырех костях», ждал, когда она остановится, но серый мелкий плитняк скользил, как намыленный, и ссыпался в гудящую пропасть. Я искал глазами, за что можно было бы зацепиться, но в пределах доступности был только плитняк. Я остановился перед самым обрывом, в который все еще соскальзывали мелкие камешки. Мои колени тряслись от страха и напряжения, и я боялся этой дрожи: из-за нее каменный поток мог снова прийти в движение. Вперед идти было невозможно, назад — некуда, только в сторону. Сверху я услышал спокойный голос Бориса:

— Постарайся сойти с осыпи. Там плохо.

Мне хотелось ответить: «Куда уж хуже!» Но тут же я сообразил, что слова тут ни к чему — они расслабляют — и рассчитывать надо только на себя. Это придало сил. Я стал отползать в сторону — по микрону, по микрону.

Когда мне удалось наконец миновать опасное место, моя спина взмокла, и я обругал баранов, «лоно природы», «нехоженые тропы», «ветер дальних странствий» и Север, который затягивает человека, как собаку в колесо.

Из-под ног Бориса покатился каменный поток. Я остановился и проводил камни глазами, но уже не испытал особого страха.

Впереди возвышался столб, причудливо сложенный из серых ограненных колонн, поросших оранжевым и черным лишайником. По каменистому склону катился туман, и казалось, что камни тлеют. Я тянулся к этому громадному тлеющему камню и думал: «Ну, за тебя можно схватиться».

— Плохо держится,— подсказал Борис, увидев мои намерения.

И вовремя он предупредил меня: я взялся за камень — и в моих руках осталась плоская, как книга, плита.

На террасе, вероятно последней, где еще можно было отыскать топливо, мы поставили палатку и сложили в нее все, без чего можно было обойтись. Таймырка также забрался в палатку, всем своим видом как бы говоря: «Что хотите со мной делайте, а дальше я не пойду».

Бедный пес даже от обеда отказался.

Озеро Аян, видимое сверху, было обведено светящимся контуром — это в разводья упали лучи скрытого от нас за низкими тучами солнца. Синие горы на противоположном берегу также были обведены огненным контуром. Я услышал сзади свист и оглянулся; впрочем, это свистел ветер в дуле ружья.

Хождение по плато довольно утомительно, так как проваливаешься в снег через шаг. Иногда по колено, иногда по пояс. А под снегом — бормочущие ручьи и речки. Их болтовня напоминает разноголосый говор толпы. На кратких привалах мы выливали из сапог воду, отжимали портянки и носки.

Так вот мы и шли час, другой, третий, двадцатый. И, говоря правду, я думал уже не о баране, а о том, как бы не свалиться: сапоги с каждым часом делались тяжелее и тяжелее и в них перекатывалась уже не вода, а ртуть.

— Песец,— сказал Борис.

Я полез за биноклем. Зверек, по-зимнему белый, сидел, как собачка, на задних лапах и глядел на нас. Потом отбежал в сторонку — его спина мелькнула между камней — и снова выскочил на открытое место и сел. Песец был от нас в двадцати шагах, но стоило отнять бинокль от глаз, и зверек терялся. Его выдавала только синяя тень на снегу.

— А вот хрустанчики,— сказал Борис,— хрустанчики-хрустанчики.

— Отчего они нас не боятся?

— Оттого что они хорошие,— вяло ответил Борис первое, что пришло ему в голову. Впрочем, мой вопрос другого ответа и не требовал.

— А что это за птичка, которую мы давеча видели?

— Варакушка-варакушка. А вон олени. Важенка и два теленка.

А хрустаны были в самом деле хороши. И песец был хорошим, потому что не боялся нас. И варакушка, и олени. И вообще жизнь была бы прекрасна, если бы не голод, не мокрая одежда и если бы можно было где-то лечь и поспать.

Снежный баран (самец)

Мы увидели скалы в виде спрессованных уродцев, сидящих на корточках, и Володя, глядя на них, сказал:

— Хорошо бы снять барана на этих скалах. Отсюда их можно было бы взять «таиром».

— Жалко, что не взяли с собой котлет и сухарей,— сказал Борис,— тогда бы смогли пройти и дальше на восток.

Все лишнее, как уже говорилось, мы оставили в палатке под надзор Таймырки.

И тем не менее мы пошли на восток, и я думал, что лишнее — это фотоаппараты, бинокли и ружья, а не оставленные котлеты и сухари.

Наш поход длился около сорока часов.

И все-таки зоолог — охотник. Ну разве неохотник выдержит то, что выдерживает охотовед ради одной фотографии или какого-нибудь гнезда?

Путоранский баран стал для нас некоей точкой отсчета, некоей системой координат, в которую мы как бы включили весь «биогеоценоз» и всех его представителей. Я даже склонен думать, что без барана мы бы меньше прошли, меньше увидели и меньше испытали. Он стал для нас стимулятором. И эта нелегкая, но богатая по результатам экспедиция останется в нашей памяти под знаком снежного барана.

Мы обследовали район в пределах доступности пешехода. Пора было сменить место базы, чтобы освоить новый район. Было решено

не полагаться на авиацию (тут мне, бывшему авиатору, отвесили по заслугам) и перебраться на лодке в долину реки Капчуг, впадающей в озеро. Мой тонкий намек на то, что после похода неплохо бы отоспаться, остался без внимания. Впрочем, по вполне понятным причинам я имел такое же право голоса, что и самый юный участник экспедиции — Таймырка.

Разбитую и рассохшуюся лодку мы нашли на берегу; она досталась нам в наследство от рыбаков, заброшенных сюда на сезон несколько лет назад. От них нам осталась и избушка. Между делом мы привели лодку в порядок и успели убедиться, что она не сразу идет на дно.

А мне, по правде говоря, жалко было покидать избушку, из окна которой каждый день можно было видеть проходящих на север оленей. Выйдя на середину озера, куда незамеченным не подкрадется враг, олени ложились на отдых. Мы старались их особенно не беспокоить: впереди немного отыщется таких безопасных мест.

Володя сел на весла.

— Долго махать веслами,— сказал я,— тут напрямую верст пятнадцать, а по заберегам и того больше.

— Это полезно,— произнес Борис вяло. Борис, человек сильный и необыкновенно выносливый, начинал всякий поход с таким утомленным видом, как будто не отоспался и еле стоит на ногах, а потом шел при полной выкладке сутки и вторые, да к тому же еще перетаскивал Таймырку через горные реки. Я заметил, что такие «сонные» люди часто бывают очень наблюдательными и выносливыми в отличие от сверкающих глазами бодрячков.

Я мысленно не одобрил реплики о полезности гребли, не понимая, что Борису просто лень отвечать на мои не всегда уместные замечания. Володя прошел всего двести метров, дальше лед подступал к берегу.

Мы попробовали колоть лед шестами — напрасно. Володя попытался воспользоваться пешней, но ослабленный лед протыкался, как бумага. Тогда мы стали одновременно прыгать по кромке льда. Отколотые куски ложились на каменистое дно, и мы отшагивали на безопасное место. Иногда отломанные куски удавалось завести за лодку и продвинуться на метр или два. Иногда запихивали их под материковый лед. А ведь после этого похода нам предстояло сделать еще и жилье, где были бы нары, печь, рабочий стол, полки для весов, справочников и дневников.

— Колосники из печки надо выбить,— вяло сказал Володя (и он и я невольно стали подражать расслабленному тону начальника),— иначе в нее помещается совсем мало дров.

— Только не выбрасывай их,— отозвался Борис усталым голосом,— сохрани колосники обязательно.

— Зачем? — опять влез я.

— Вдруг кому-то придется привязывать их к ногам.

Когда мы, промокшие, голодные, напрыгавшиеся, выбрались на Капчуг, то первым делом разогрели суп, захваченный с собой,— кастрюля стояла в лодке — и, подкрепившись, принялись за строительство. Тут следует, наверное, сказать, что в лесу досок нет и если стенки мы обтянули брезентом и полиэтиленовой пленкой, то нары, стол и дверь приходилось делать из досок, тесанных вручную.

На другой день (впрочем, дни недели, числа и время суток для нас не имели особого значения: стоял полярный день) Борис и Володя двинулись в маршрут, а я сказал, что не романтик и потому буду отсыпаться и заниматься бытом.

Когда они вернулись из похода и проглотили завтрако-обедо-ужино-завтрак, Володя сказал:

— А все-таки мы его засняли. Точнее, не его, а ее. Ну, никакого эффекта: валяется — овца овцой.

В следующий раз Борис снял однорогого самца совсем рядом с нашим лагерем. Но и этот снимок вряд ли мог быть удачным, так как баран прятался между камней, из-за которых высовывал однорогую нефотогеничную голову.

— Вообще,— сказал Борис,— легенда о невозможности увидеть и убить барана основана только на том, что сюда трудно добраться. А убить его гораздо легче, чем оленя: он еще не понял, что такое человек, и чувствует себя в горах хозяином. В горах у него, по-видимому, нет врагов. Вряд ли его догонит волк или медведь. Кстати, ты не слышал медведя? Он был у ручья, из которого мы берем воду.

След был похож на человеческий, но с пальцами почти одинаковой длины. Медведю подошли бы ботинки сорокового размера, но шире тех, что выпускает наша промышленность, в два раза. О величине зверя можно было судить по расстоянию между передними и задними лапами. Он шел на восток. У ручья остановился, потоптался и некоторое время глядел на избушку. Хорошо, что его не соблазнили запахи обеда, который я готовил.

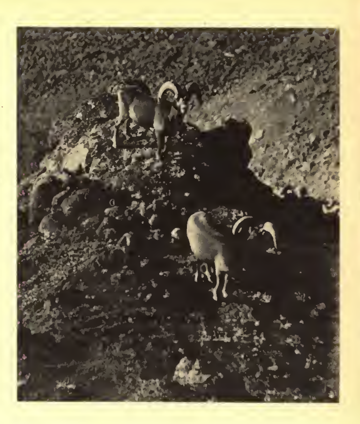
Вот что записал Борис в своем дневнике: «Первые же наши шаги по карнизам горы показали, что бараны здесь есть: следов много. Полтора часа шли по карнизу, значительно выше границы леса, и ждали встречи с бараном. И все же это произошло неожиданно. В 4 часа 20 минут мы увидели впереди и ниже на два карниза барана, который неторопливо кормился, часто поднимая голову и осматриваясь по сторонам. В бинокль мы рассмотрели, что это самка с небольшими рожками. До нее было около 150 метров. Через семь минут она забралась выше на каменный уступ и легла. С этого уступа был отличный обзор во все стороны. Сделав несколько снимков с этого расстояния, мы спустились ниже и пошли к ней, продолжая вести съемку и наблюдения. Она нас заметила, но особого беспокойства не проявляла. И только когда мы подошли к ней шагов на семьдесят, не спеша пошла прочь, продолжая наблюдать за нами».

Дальше шла запись многочасовых наблюдений, как «овца» ела, лежала, почесывала живот задней ногой и изучала охотоведов.

Меня всегда поражало умение Бориса находить наилучший вариант переправы через горный поток, прохода через заросли. Однажды я пытался пройти один к горному ущелью, которое привлекало меня своей мрачностью и гулом водопада, но на моем пути возникали, как по волшебству, неприступные стенки, густые заросли шиповника и непреодолимые горные потоки. Я плюнул и вернулся. А на другой день Борис с ходу отыскал более удобную дорогу. Впрочем, он, как я потом догадался, шел оленьей тропой, которую не сразу и заметишь.

С утра шел дождь, но к вечеру прояснилось. С гор скатывался

Взрослые самцы предпочитают держаться парами

подсвеченный туман с голубовато-радужными оттенками. Мхи и лишайники под ногами, казалось, вобрали в себя все краски заката, начиная с красного и бордового, кончая сине-зеленым.

Мы сели «перекурить».

— Кулички,— сказал Борис сонным голосом,— кулички-песочники.

Маленький долгоносый куличок шел с независимым видом по луже и иногда встречался клювом со своим перевернутым в воде двойником. Потом взглядывал на нас подозрительно. С его клюва капало — одна-две капельки, один-два кружочка на поверхности лужи. Налетел ветерок, заставив двойника задрожать и обесцветиться.

Вдруг Борис дернулся — в одно мгновение у него в руках оказалось ружье, и он уже целился. Куличок испуганно пискнул, затрепетал крыльями, просвеченными солнцем, и улетел. Над нами шли шесть уточек.

— Далековато,— вяло произнес Борис,— чирки-свистунки.— Он помолчал и повторил: — Чирочки-чирочки.

Сделав круг, чирки с лёта плюхнулись в озерцо на противоположном берегу реки. Один из них задергал хвостом. Другой опустил голову под воду — на поверхности остался темным конусом только хвост.

— А вон куропач,— сказал Борис и вздохнул,— самцы нам не нужны.

На дереве было белое пятнышко, словно там задержался снег.

Мы двинулись к озерку.

— А вон и шилохвость рядом с чирками,— сказал Борис.— А вот и след барана. Зачем это он спускался в долину? А вот волчина прошел, вон след другого. Куда это они пошли и зачем?

Борис задумался.

След был свежий, похожий на собачий, но более продолговатый, расстояния между оттисками лап были необыкновенно ровными. Даже в следах чувствовалась несобачья серьезность и основательность.

А наш Таймырка, натрудив лапы по игольчатому льду озера, добрался наконец до прибрежной полосы и носился взад-вперед, иногда обдавая нас грязью.

— А вот олени прошли. Только что. А вон куропатка. Самочка нам нужна.

Борис свистнул, так как считал неприличным бить сидящую птицу с тридцати метров, но куропатка не обращала на нас ни малейшего внимания. Рядом с самцом она чувствовала себя в полнейшей безопасности. Борис еще раз свистнул — куропатки поднялись — он сбил самку. От выстрела поднялась стайка уток с невидимого за песчаной косой озерца.

Разочаровавшись в авиации окончательно, мы надумали выбираться с озера Аян в Волочанку по реке Аян, которая вытекает из озера, и далее по Хете. Это около пятисот километров. Но решение наше не было окончательным: следовало бы поглядеть, каков Аян вблизи. Тем более год или два назад там погибли туристы. Мы ни в коем случае не собирались следовать их примеру. Уже хотя бы потому, что мы не туристы: у нас чертова уйма экспедиционного груза, образцов, аппаратуры и записей. Кроме того, в отличие от туристов у нас не было ни спасательных жилетов, ни касок, ни радиостанции. И в случае неприятности рассчитывать нам было не на кого.

На лодке мы поставили парус из черного Володиного вкладыша. И тут я решил на нем что-нибудь нарисовать. Но начальник экспедиции Б. М. Павлов, сразу поняв мои намерения, проворчал:

— Мы не туристы!

И я, устыдившись своего пижонства, убрал зубную пасту, которой собирался изобразить череп с костями. И в самом деле, кто бы увидел наше «пиратское» судно?

Мы выбрались на лодке к зимовью, где оставалась часть груза, и здесь оказались, говоря пышным слогом, «в ледяном плену». То, что с Капчуга нам казалось открытой водой, был мираж. Озеро оставалось подо льдом, и рассчитывать, что оно в ближайшее время освободится, вряд ли следовало. И тем не менее мы начали не спеша собираться.

Лед на Аяне выглядел несколько необычно для материкового жителя. Он был неестественного голубого цвета и только в местах впадения ручьев — изумрудно-зеленым из-за намываемых глин. Малейший листик или оленья горошина прожигали лед насквозь, как раскаленные. Здесь не было пыли и грязи, и даже остатки растаявшего льда и снега оставались девственно-белого цвета. Лед

был собран из вертикальных долгих иголок и при ходьбе по нему темнел, напитываясь водой, и прогибался, как тюфяк.

В один из дней мы решили выбираться к истоку Аяна через узкое разводье на противоположный берег озера. Обходить его по периметру было бы чистейшим безумием: это больше сотни километров, и ширина заберегов зависела от направления и силы ветра. И мы пошли «на ура» на лодке по трещинам, разгружаясь, перетаскивая облегченную лодку и грузы к новым трещинам и разводьям и снова загружаясь. Часов через десять тяжелейшей работы, рискуя каждую минуту провалиться, мы все-таки выбрались на чистую воду и сели на весла.

Горы по берегам, наполовину поросшие лесом, отражались в прозрачнейшей воде и изгибались на волнах. По зелени отраженных в воде гор порой пробегали голубые змейки, занявшие цвет у неба. И все было прозрачно: и воздух, и вода, и даже горы. И солнечная рябь ослепительна, как огонь электросварки. Видны глубокое дно озера и солнечные блики на нем. Кажется, что лодка летит, помахивая веслами. По отвесному каменистому берегу бежали солнечные зайчики.

И все-таки вертолет пришел, и мы попали в Эдем, то есть на один из островков Холокита, притока реки Аян. Река, зеленоватая, как лунный свет, гудела в каменном русле. Горы, причудливо сложенные, голубые водопады, лес, теплынь — и никакого комара. Даже вертолетчики, которые всегда куда-то спешат, разделись и решили немножко позагорать.

— У вас есть какая-нибудь страховка? — спросил командир вертолета, осматривая горы, которые нас окружали со всех сторон.

— Нет,— ответил Борис.

— Как же по ним лазить?

— А мы лазим только там, где можно залезть.

— Ну, существует норильский баран или это сказки?

— Существует. Наблюдали и засняли. Только еще не проявили. А вот, кстати, баран.

Борис подал летчику бинокль.

— Вон, видите... ну как бы ацтекский храм с колоннами? А левее — скала в виде старика, вылезшего по пояс. Между ними — водопад. А над водопадом — пятнышко.

Вертолетчики, как оно и положено, от спирта отказались, попили чаю и сказали, что завидуют нам.

— Курорт! — сказал один, залезая в кабину.— Ну, отдыхайте, а мы — работать.

Вертолет закрутил своими махалками, поднялся и долго летел ниже гор над рекой.

Мы налили в кружки спирта — передачку из Норильска, как вдруг похолодало и пошел дождь. Светило солнце. Потом потемнело, и посыпался град размером с черешню, полосатый, как оникс, и заостренный с одной стороны. Отдаленные горы оставались освещенными солнцем.

Мы решили, что это ненадолго, но град не прекращался. Горы покрылись мраком и исчезли, мир сузился. Холокит, показавшийся вначале невинной речкой, превратился в грохочущий поток. Остров

стал буквально на глазах сужаться. Мы кинулись спасать продукты, присланные из Норильска, и образцы. Ведро с маслом унесло. Сделалось по-настоящему холодно. Земля побелела, а спрятаться было некуда. Наверное, легче разложить костер под душем, чем здесь. Беспрерывно сверкали молнии, высвечивая зеленоватые отпечатки гор и неподвижных струй. Мы промокли до нитки и стучали зубами. Хлеб превратился в замазку, а папиросы — в кашу, хотя мы их и прятали. Трудно сказать, сколько длилось это безобразие. Прошел дождь и град, и вдруг ожил гнус. Комара было так много, что даже дышать следовало с осторожностью. От кружек, теперь наполненных водой и льдинками, спиртом даже не пахло.

Мы занялись устройством лагеря на высоком берегу. А я, стуча зубами от холода, поливал мысленно на чем свет стоит «лоно природы», «робинзонаду», Север вообще и плато Путорана в частности.

И тут я заметил, что Борис застыл на месте.

— Радуга-радуга,— произнес он вяло.

Горы казались отлитыми из фиолетового стекла с зелеными вкраплениями. Небо было светло-лилового цвета, и по нему медленно ползли желто-зеленые облака. Над этими облаками были другие, похожие на их отражение. Закапал дождь раскаленными каплями, и зелень облаков потянулась долгими посветлевшими волокнами к земле. Снег на горах сделался розовым, а вершины озарились красно-фиолетовым светом. И надо всем этим радуга, образующая с отражениями в многочисленных лужах и озерках почти замкнутый круг. Земля казалась прозрачной. Рассеянный свет проникал в каждую пору листа и дотянулся до каждого цветка шиповника. Река немыслимо изумрудного цвета катилась, как струя дыма, между лакированных скал.

— Что это такое? — спросил я Бориса.— Какого цвета река? Или у меня что-то с глазами?

— Да-да,— отозвался Борис,— на Таймыре краски иногда... того... Зацвел шиповник — хариус будет брать на мушку.

Борис Михайлович старался никогда не выражаться красиво, хотя остро чувствовал красоту.

Предположение о баранах, которыми буквально кишат горы в верховьях Холокита, оказалось несколько преувеличенным. Только раз удалось снять самку с ягненком. Через семнадцать дней работы в этом районе мы снимались с места на сооруженном нами плоту, в основание которого были заложены восемь автомобильных камер.

— Надо разбить бутылку шампанского о борт судна,— сказал Борис.

Чтоб это предложение не было совсем уж голословным, я сказал:

— Может, подойдет спирт?

— О нем забудь. У Вовы скоро день рождения.

Научный сотрудник Владимир Федорович Дорогов в этот момент выводил на топоре зазубрины и ворчал:

— Военный топор!

И скоро нас уже несло по реке, похожей на зеленый дым, пущенный по каньону. На первом перекате плот затрясло, как на

кочках,— камеры глухо застучали.

— Выдержал,— произнес Борис,— не рассыпался.

Потом мы прошли еще два переката, и у нас возникло к плоту чувство, похожее на благодарность.

«Ну если и дальше будет так — пройдем»,— подумал я.

Нас несла горная бурливая река, мелькали на дне камни, выстреливаемые назад, как огни в вагоне метро, и каждая минута приближала нас к конечной цели всякого странствия — к дому.

— Лиственница,— сказал Борис,— она нас счистит.

И мы навалились на весла, чтобы причалить к берегу.

Еще раньше, с вершины горы, мы видели ее в бинокль, и кто-то высказал предположение, что она может нам помешать. Лиственница лежала поперек реки, и вода бурлила и гудела вокруг опущенных в воду веток.

Борис прыгнул на берег и попытался удержать плот за конец. С таким же успехом он мог бы удержать и электричку.

На какое-то мгновение я увидел наклоненный под углом пустой плот и очутился под водой — меня утянуло под лиственницу. Я вцепился в нее, но никак не мог подтянуться. Вокруг головы кипела вода, а на сапоги и телогрейку, казалось, навесили тяжестей. Отпустить руки и отдаться на волю волн я не решался, не зная, что впереди. Вдруг там прижим или водопад? А долго ли проплаваешь в ледяной воде? Разумеется, у Холокита не было специальной цели утопить меня: просто я попал не в струю, нарушил какое-то правило. Так бы я мог попасть и под автомобиль.

Володя сидел на лиственнице верхом, и сквозь гул реки я услышал:

— Держись, Саша!

И почувствовал, что меня держит за шиворот его железная рука, помогая подтянуться.

На берегу мне свело все мышцы от недавнего напряжения и купания в ледяной воде. Я не сразу смог вылить воду из сапог и побежать за Володей. Впрочем, воду приходилось выливать из сапог через несколько шагов, так как она натекала в голенища с одежды.

«А вдруг плот унесло совсем? Ведь до Волочанки верст четыреста»,— подумал я.

Плот застрял на одной из проток. Рядом с ним стоял Борис. На берегу сидел Таймырка.

Мешок с отснятой пленкой прорвало и залило водой. Ящик с фотоаппаратурой был полон воды. Из двенадцатикратного казенного бинокля при ударе о лиственницу выворотило призму. Исчезло ружье.

Мы стали искать место, где бы расположиться лагерем.

Наконец причалили, разложили фотоаппараты подсохнуть и поставили палатку.

— Хороший фотоаппарат «Зенит»,— сказал Володя,— залило водой, а щелкает.

— Где спирт? — спросил начальник экспедиции сонным голосом.

Будущий именинник вытащил канистру и сказал:

— Она пустая.

— Шутки должны быть смешными! — выругался, наверное, впервые за несколько месяцев Борис Михайлович.

Володя и сам был меньше всего расположен к юмору. Он

подбросил канистру, не желая вступать в дебаты,—ее отнесло ветром. Она и в самом деле была пустой: при ударе о лиственницу топор, лежавший в стороне, пробил ее.

А впереди нас ждали новые приключения, ведь мы прошли только несколько километров.

Через месяц нам удалось благополучно добраться до населенного пункта и дать телеграммы домой, что все в порядке. В самом деле, все было прекрасно, если не считать того, что за десять дней до встречи с людьми у нас кончились продукты, кроме лаврового листа и чеснока; что вышел диметилфтолат; что, проходя каньоны, нам доводилось купаться не по своей воле, а по тундре тащить плот бечевой, размазывая по потным лицам комаров.

Недавно я встретил Владимира Федоровича Дорогова.

— Ну как? Удалось заснять барана?—спросил я.

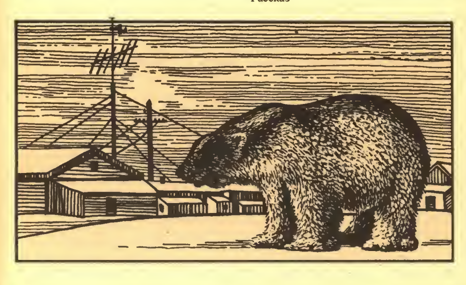
— Удалось. Мне просто повезло. Я лез в гору и чувствовал, что они там. Не знаю, как это объяснить, но чувствовал, хотя не видел никаких следов. Залез—они. Пять штук. Я их снимаю, а они смотрят на меня и не убегают. Я снимал их без телевика, почти в упор. Короче, повезло.

— «Повезло»!—передразнил я.—Для того чтобы так повезло, надо было несколько лет поработать в этом районе и научиться чувствовать их кожей сквозь камни.

ЕВГЕНИЙ МАРЫСАЕВ

НАГЛЫЙ ТИП

Рассказ

Он появился в поселке в декабрьскую стужу, когда дрейфующне льды, по весне взломанные штормами и отпрянувшне от сушн на полкилометра, давно сомкнулись вокруг острова, намертво спаялись с прибрежнымн валунамн, а на небе вспыхивали то алые, то зеленые, то желтые невесомо-прозрачные полотнища, отбрасывая на снег радужные отсветы.

Полярники побросали работу и, накинув полушубки, выбежали нз домов. Даже эскимосы в длинных, расшитых золотой нитью кухлянках и торбасах вышли посмотреть на белого медведя — нанука, хотя с детских лет привыкли к нему, как городские жители привыкают к кошкам н собакам. Кое-кто на всякий случай прнхватил карабин.

Владыка Арктики шел, да нет, не шел — шествовал на своих тумбообразных ногах, совершенно не обращая внимания на людей, равномерно покачивая из стороны в сторону крепкой литой головой на мускулистой шее. Это был на днво крупный самец, прямо-такн великан весом далеко за полтонны, длиной метра в трн, а рост его в холке достигал груди рослого человека. Единственная улица поселка была день и ночь освещена яркими электрическимн лампамн, потому что день на затерянном в Ледовитом океане острове зимой почти не отлнчается от ночн. Я заметил золотистые подпалнны на боках роскошной, с густой подпушью шкуре зверя, будто ее лизнули языкн огня, небольшне светло-коричневые глаза, влажно-черный н крупный, как у свиньи-рекордистки, пятак носа.

Две-три лайки бросились было на гнганта. Медведь пригнул длнnную крепкую шею, прошипел по-зменному и басовито рявкнул.

Собаки поджали хвосты, поскуливая от возбуждеиия и страха, попятились. Медведь прошествовал в трех метрах от меия. Я поймал себя иа том, что хочу спрятаться за толстой стеиой дома, ие испытывать судьбы. Но бегать от иаиука ие следует. В этом звере живет иеукротимый дух преследователя, добытчика: все быстро движущееся ои стремится иагиать и разорвать в клочья.

И иикто из взрослых ие побежал. Лишь самый малеиький житель острова, трехлетиий сынок иаших айболитов, Эльвиры и Михаила Сперанских, всеобщий любимец, вскрикиул и круглым от миожества меховых одежд колобком покатился к крыльцу родиого дома. Медведь иа мгиовеиие замер, повериул голову, глядя иа малеиького человечка. Щелкнул затвор карабина.

— Не стрелять!— тревожио крикиул иачальиик биологической экспедиции, известиый учеиый.— Ои ие троиет!

Начальиик экспедиции затем и находился иа острове, чтобы иаблюдать за жизиью, охраиять покой арктических животиых, особеиио белых медведей, давно занесеиных в Красиую кингу.

И действительио, зверь ие погиался за мальчуганом; ои поиял, что перед иим малец, иесмышлеиыш, иа которого ие стоит иападать. И пошел дальше.

Возле длиииого барака — механических мастерских — иа его пути оказалась поставлеииая «иа попа» трехсоткилограммовая железиая бочка с зимией соляркой, иамертво примерзшая к земле. Час иазад трое сильиых мужчии пытались повалить ее, чтобы иаполиить ведро соляркой. Оии и пииали ее, и дружио толкали плечами. Все было тщетио. Решили позвать иа помощь бульдозериста с его машиной. И тут в поселке появился медведь.

Гигант остановился у бочки. Белый медведь чрезвычайио любопытеи: любой предмет ои иепремеиио обиюхает, попробует иа зуб, потрогает лапой, повалит. Зверь обиюхал бочку. Ему, очевидио, ие поиравился тяжелый запах солярки. Удар левой лапы (эти животиые левши, хотя иеплохо бьют и правой) был страшеи — бочка, как живая, подпрыгиула и отлетела в сторону.

Домики семейиых, бараки-общежития, люди, машины были для медведя ие более как забавиые одушевлеииые или иеодушевлеииые предметы; его мало иитересовал поселок и все, что иаходилось в ием. Вовсе ие из-за праздиого любопытства появился ои возле жилья. Сюда его привлек запах, исходивший от свалки. А свалка была богатая, миоголетияя. Обледеиевшие объедки, помои, картофельиая кожура, заплесиевелый хлеб, кости, рыбьи головы и хвосты — все это целой горкой возвышалось за околицей.

Зверь иасыщался долго и жадио. Громко хрустела в темио-сииней пасти замерзшая пища. Ои ие брезговал иичем. Если попадался кусок автомобильиой камеры или перепачкаииая машииным маслом тряпка, и оии исчезали в чреве исполииа; его желудок, видимо, переваривал решительио все, разве что ие металл. Без сомиеиия, ои был очеиь голодеи, ииаче бы ие явился к людям, обошел бы поселок стороиой. Ох как иелегко добыть нануку пищу в декабрьскую стужу! Трудио дотяиуть до изобильиой весны, когда иа льду появится вдоволь иежиых и вкусиых иерпят, а мамаши-иерпихи, беспокоясь о своих чадах, теряют всякую осторожиость.

Не едииожды в поселок приходили белые медведи. Две-три иедели держались возле свалки, поедая отбросы. Насытившись, тут

же отсыпались, а потом исчезали. Подолгу жить иа одиом пятачке оии ие могут, «охоту к перемеие мест», бродяжий ирав звери всасывают с материнским молоком, недаром их иазывают вечиыми странниками арктической пустыни. Да и пища на свалке иеважиецкая. Сравиить ли обледеиелые объедки с горячей нерпичьей кровью, сытиым тюлеиьим жиром?!

В тот год иа острове было много приезжих: журиалисты, строители, буровики геологической партии, ие имеющие иикакого отиошеиия к биологической экспедиции. Я работал с буровиками. В тот же деиь, когда появился белый медведь, начальник биологической экспедиции собрал иас, «посторониих», и строго-настрого приказал ии в коем случае ие подкармливать зверя. Нанук привыкиет к подачкам, обиаглеет, и тогда забот ие оберешься; чего доброго, иачиет жить подаяиием, из дикого зверя превратится в жалкого попрошайку.

Первым строгий иаказ нарушил бойкий фотокорреспондент республиканской газеты. Разве можно упустить такой потрясающий кадр! Скрытно от биологов ои подкрался к медведю и, прежде чем щелкиуть затвором фотоаппарата, бросил ему изрядный кусок мяса. Этого не заметили. Сошло с рук. И вот уже с двухкилограммовым шматом сала появились строители. Они бросили зверю сало и сфотографировались рядом с диким белым медведем, чтобы потом поразить родных и зиакомых своим бесстрашием. И мы, буровики, не лыком шиты. Проделали то же самое.

Начальиик экспедиции хватился, когда к медведю началось чуть ли не паломиичество. Он пригрозил отправить иа материк всех иарушителей. И имел право это сделать. Но было уже слишком поздио. Медведя перестала интересовать свалка. Он смекиул, что у двуногих существ есть пища куда более вкусиая, чем объедки. Пришел в поселок, распугав собак. Остаиовился возле домика на отшибе с высокой антеиной иа крыше, рявкнул. Дверь открыла жеиа радиста.

— А, пришел,— сказала оиа, иичуть ие удивившись (за четверть века жизни на острове пришлось повидать и ие такое). Крикиула мужу: — Нанук явился! Покормить, что ли?

— Чтоб начальник, как в прошлом году, тебе, умнице, выговор влепил? — раздалось из глубины дома.— Гоии его в три шеи!

Радист даже ие вышел в сеицы посмотреть на зверя. Жеиа его запустила в медведя куском угля и захлопиула дверь. Медведь тяжело отпрыгиул от крыльца, прошипел, вытяиув длиниую мускулистую шею, и побрел к соседиему бараку. Там жили строители. Оии оказались куда покладистей. Вынесли зверю сырого мяса, копченой колбасы, хлеба, вывалили из кастрюли на сиег вареную картошку, гречневую кашу. Медведь только успевал чавкать посвинячьи.

Набить желудок, вмещающий до семндесяти килограммов пищи, ие так-то просто. Нанук, погостив у строителей, пришел к бараку, где жили буровики. Отрывисто рявкиул, вызывая хозяев. Начальник биологической экспедиции застал нас иа месте преступлеиия: бригада буровиков в полном составе стояла на крыльце и кормила зверя. Начальник сказал, что сию же минуту отправляется в контору писать иа иас «телегу» в управление, затем вытащил из кобуры свой персоиальный ТТ и выстрелил в воздух. Резкий звук иапугал

медведя: бросив лакать из ведра остывший рассольник, он припустился к свалке. Забравшись на горку отбросов, сел по-человечьи и стал иаблюдать за поселком. Прн этом он поводил иосом, изучая исходнявшие оттуда запахи.

На следующий день зверь виовь пришел к нам. Бродил от дома к дому, рявкал, клянчил пищу. Но никто не решался вынести подаяния. Мишку выгнали из поселка тем же способом — выстрелом вверх.

... Из магазина возвращалась жена радиста с двумя полными авоськами. Накануне вертолет МИ-6А завез с материка отличные продукты, и женщина нагрузилась ими основательно: в сетках покоились вареная и сырокопченая колбаса, окорок, балык, цыплята, банки с яичным порошком, сгущенкой, растворимым кофе. На ходу она решала, что бы такое повкуснее приготовить.

Немного пуржило, хвостатые снежные змеи вились вокруг домов. Рабочий день давно кончился, иа улице нн души, разве что из конуры, откинув мордой олений полог, покажет голову собака и гавкнет для порядка раз-другой.

Кутаясь в кухлянку, скрипя оленьими торбасами, жена радиста уже подходила к дому, когда из кружева снежных змей перед нею вырос белый медведь.

— Тьфу, черт, напугал, аж в грудн захолонуло! — в сердцах сказала она. — Явился не запылился! Иди, идн, куда шел...

Зверь пригнул шею, потянулся мордой к авоське, в которой лежал окорок.

— Ишь, чего захотел! Тебе это раз глотнуть, а нам на неделю запас. И не думай, и не мечтай!

Она обошла нанука, ускорила шаг. Но великан забежал вперед н опять преградил дорогу.

— Ладно, уговорил, — подобрела вдруг жена радиста. — На, лопай, пока начальннк не видит. — Достала небольшой, с ладонь, кусок окорока, бросила на снег.

Зверь слизнул лакомый кусок и вновь выжидающе уставился на авоську.

— Вот наглый тип! Не дам!..

«Наглый тип» рявкнул. Женщина попятилась. Следом, как привязанный, пошел зверь. Она споткнулась и села в сугроб, раскинув рукн с авоськами. «Наглый тип» схватил лапой сетку, в которой лежал окорок, сдернул ее с руки вместе с рукавицей. Продукты упали на снег. На глазах у растерявшейся женщины он съел окорок, потом вареную и сырокопченую колбасу, балык. Затем обнюхал банку сгущенки. Взял ее лапой, раздавил. Густое молоко брызнуло на сиег. Причмокивая от удовольствия, зверь слизал сладкую тягучую массу.

Спасая вторую авоську с продуктамн, изрядно перепуганная жена раднста отползла на четвереньках, вскочила н побежала, совсем забыв, что от белых медведей бегать не следует, можно поплатиться жизнью. Великан нагнал человека возле дома. Живший в нем агрессивный дух преследователя, очевидно, спал, задобренный вкусной, сытной пищей. Сейчас зверя интересовало не бегущее двуногое существо, а вторая сетка с продуктамн. Он сдернул ее лапой вместе с меховой рукавицей, подхватил зубами и скорым шагом направился к свалке. Забравшнсь на обледенелый холм объедков, «наглый тип»

сожрал все, разгрыз даже банки с растворнмым кофе н яичным порошком.

Разбойный грабеж средь бела дня у островитян особой тревоги не вызвал. Истинными виновниками чрезвычайного пронсшествня, как сказал начальник экспедиции, были люди, прикормившне зверя. Посмеялись да забыли; обошлось, и слава богу. Жена радиста во всех подробностях рассказала о ЧП, и к зверю прочно прнклеилась кличка Наглый Тип.

Ждали, когда же он уйдет, когда в нем наконец проснется бродяга, вечный странник. Теперь уж ни стронтели, ни буровики, ни журналисты не подкармливали зверя. Долго ли до греха...

Но Наглый Тип и не думал уходнть. Как бы оправдывая свою клнчку, через неделю после ЧП он совершил второе разбойное нападение, теперь уже на жену бульдозернста, которая тоже возвращалась с продуктами из магазина. Подстерег у самого дома. Ударом лапы выбил из рук сумку, ие спеша стал пожирать хлеб, крупу, мясо. Женщина в испуге вбежала в дом. Через минуту на крыльце с ломом в руке появился бульдозерист, рослый, здоровенный мужчина. В сердцах хватил ломом по звериному хребту. Рнсковал, конечно. С белым медведем такне шутки шутить нельзя. Но Наглый Тип, взревев от боли, бросился наутек.

Путь на нашу буровую пролегал мимо свалки. Каждый день мы проходили мнмо жившего на куче отбросов медведя. Наглый Тип обычно даже не удостаивал иас взглядом. Но однажды зверь, завидев нас, пришел в сильное волненне. Рявкнул, развернулся и

побежал прочь. Что его так напугало? Догадались: один из буровиков нес на плече лом. Человека с ломом нанук теперь панически боялся. Об этом узнали все островитяне. И мужчины решили сопровождать с ломом своих жен, идущих из магазина с покупками. Эта картина неизменно повергала прибывающих с материка в изумление.

Недели полторы Наглый Тип вел себя сносно: поедал объедки, тут же, на свалке, спал. Но ошибался тот, кто полагал, что медведь уже не совершит разбойных действий. Находиться рядом с вкусной пищей и не отведать ее? Как бы не так!

Не напрасно гренландские эскимосы считают, что нанук умнее человека. Они даже переняли у зверя некоторые приемы охоты на тюленей...

Однажды утром продавщица магазина хотела войти в него не с «парадного», а с «черного» входа, через продуктовый склад, и от неожиданности попятилась: грубо сорванная с петель дверь валялась внутри склада, и там кто-то ворочался и вроде бы чавкал. Продавщица позвала на помощь. Прибежали люди, подивились: кто это решился на грабеж? Здесь каждый на виду, скрыться негде, разве что на Северном полюсе. Заглянули в склад, включили электричество... Мать честная! Мешки с мукой разорваны, повсюду разбросаны сплющенные и раздавленные банки со сгущеным молоком, а возле оленьей туши, подвешенной на крюке, пристроился сам грабитель, дерет когтями мясо и лапой в рот засовывает. Зашли за склад, пальнули в воздух. Наглый Тип выскочил и побежал к свалке, однако не забыл сдернуть с крюка остатки туши. Добычу он держал в зубах.

В тот же день начальник биологической экспедиции приговорил грабителя к ссылке на противоположный конец острова, за сто с лишним километров. Там находилась обширная бухта, облюбованная моржами для своих летних лежбищ. Осенью тысячные стада морских исполинов, отдохнув на суше, уходят в океан, а на берегу остаются сотни умерших от старости, ненароком придушенных и раздавленных животных; голодной арктической зимой белые медведи, самцы и холостые самки, приходят в бухту и живут здесь, выкапывая из снега и пожирая моржовые трупы, пищи с лихвой хватает до весны. Падаль нануки поедают с таким же аппетитом, как и свежее мясо. Начальник экспедиции рассчитывал, что Наглый Тип, оказавшись среди своих собратьев при обильной пище, забудет поселок и свалку. В бухте жили ученые-биологи, муж и жена, наблюдавшие за поведением белых медведей. Им дали радиограмму: ждите гостя!

Пленить зверя оказалось несложным делом. Биологи не однажды метили белых медведей, и все было выверено и отработано до тонкостей.

К свалке пришли втроем: начальник, его зам и рабочий экспедиции. Зам и рабочий для страховки встали неподалеку с короткими армейскими карабинами наизготовку. Наглый Тип приканчивал оленью тушу и даже не поднял головы, чтобы посмотреть на пришедших. С небольшого расстояния начальник выстрелил в зверя из ружья. Нет, не жаканом и не волчьей картечью, а специальным «летающим шприцем». Шприц впился в мохнатый бок, но медведь не обратил на него внимания, не почувствовав боли. Препарат проник в

организм животного. Через некоторое время зверь зашатался, как пьяный, и повалился на утоптанную его лапами площадку. Говоря языком зоологов, «обездвиживающий эффект был достигнут».

Подъехал мощный вездеход «Новосибирец». Лапы нанука связали цепью с толстыми звеньями, челюсти стянули крепкими ремнями из кожи моржа: своими клыками он играючи перекусывает железный прут толщиной в палец. Человек десять с трудом затащили Наглого Типа в кузов вездехода.

Через сутки начальник экспедиции связался по рации с учеными-биологами на другом конце острова и получил подтверждение: вездеход с пленным Наглым Типом прибыл к бухте, зверь выпущен на волю. Да вот какая загадочная штука приключилась... Все местные белые медведи, будто сговорившись, собрались в стадо, до полусмерти избили новичка и прогнали его в глубь острова. Трудно сказать, почему это случилось. Жизнь вечного странника Арктики изучена мало. Возможно, пропитанный запахом дыма, жилья, Наглый Тип вызывал у сородичей какие-то подозрения. Ведь чутье у нанука превосходное, резкий запах он уловит за пятнадцать морских миль. Не раз подмечали, что белые медведи с большой враждебностью относятся к собратьям, которые недавно «побирались» у человеческого жилья...

...Новый год буровики встречали своей компанией. Елку нарисовали на большом листе ватмана, прикрепленном к стене, ведь ели в Арктике не растут, а все остальные деревья, хотя и называются деревьями — полярными березами, ивами, не достигают и человеческого колена, больше похожи на траву.

Из-за тесноты в бараке в обычные дни мы трапезничали на тумбочках, стоявших у коек, но к празднику раздобыли два конторских стола, сдвинули их. Новогодний стол упирался торцом в низкое оконце.

В самый разгар веселья кто-то громко постучал в дверь. Я накинул полушубок, вышел в холодные сенцы, отодвинув засов, распахнул обитую оленьими шкурами обледенелую дверь.

В морозных клубах, освещенный ярким электрическим светом, стоял Наглый Тип. Я сразу узнал его по огромному росту, рыжим подпалинам на боках. А мы-то уж и не вспоминали о нем! С тех пор как Наглого Типа отвезли к бухте, минуло три недели...

— Иди, иди на свалку. Здесь тебе ничего не дадут,— сказал я, вспомнив строгий наказ начальника экспедиции, и захлопнул, задвинул на засов входную дверь.

Но едва я переступил порог комнаты, послышалось короткое рявканье, затем раздался оглушительный удар. Две дверные доски, прорвав меховую обшивку, с треском рухнули в сенцах на пол. Я глянул в дыру пролома: Наглый Тип сидел возле крыльца и вытаскивал зубами вонзившуюся в левую лапу занозу.

Буровики переполошились. Кто-то схватил стоявший в сенцах лом, просунул его в дверной пролом и вдобавок прорычал по-звериному. Наглый Тип тотчас отпрыгнул от крыльца, повернулся и побежал. Мы выскочили на мороз, провожая нанука глазами. Зверь улепетывал вдоль улицы, распугивая собак, промелькнул последний раз в свете фонаря и растворился в темноте.

Кое-как заделав дверь, вернулись за праздничный стол.

— И вправду наглый тип!

— Начальнику экспедиции утром объявим. Не дело в такой праздник от стола отрывать...

— До утра небось в поселке не появится.

— Не решится, точно. Напугался — будь здоров!

Ах, как мы заблуждались! Не прошло и получаса...

Двойная рама оконца со звоном вдруг упала на праздничный стол, заваленный снедью, заставленный бутылками. Те, кто сидел ближе к окну, инстинктивно закрыли руками лица от летевших осколков стекла.

В комнату просунулась крепкая литая голова Наглого Типа. Мгновение — голова исчезла, но тотчас появилась громадная когтистая лапа. Лапа схватила лежавшие в большой миске умело приготовленные цыплята-табака, штук шесть сразу, и поспешно исчезла. За оконным провалом послышалось жадное чавканье. Кто-то сорвал с гвоздя карабин и выстрелил в потолок...

... После новогоднего праздника на остров прилетел вызванный для необычной операции Ил-14. Жившего на свалке вконец обнаглевшего зверя усыпили тем же способом, затащили в багажное отделение самолета. Через несколько часов Ил-14 сел на дрейфующую льдину, за тысячи километров от острова. Там и выпустили нанука на все четыре стороны.

Уезжая на материк, я попросил знакомых островитян сообщить мне, если Наглый Тип вдруг опять объявится в поселке. С тех пор минуло полгода, а письма я так и не получил, но надежды не теряю. Ведь как-то находят, отыскивают голуби свои голубятни за тысячи километров? Белый медведь ориентируется в родной Арктике с такой же поразительной точностью, а прошагать вечному страннику каких-то две-три тысячи километров нетрудно.

ГЕОРГИЙ РЫЖЕНКОВ

В ЛЕСАХ ЗА ОКОЙ

За тихой Окой, ее раздольными лугами, темнеет старый бор. Там, за пойменной дубравой, в Елатомском лесничестве затерялся Романовский кордон. На карте искать эти места нужно в северо-восточном лесном краю Рязанщины.

Потемневший от времени домик лесника с двором и банькой прячется среди могучих дубов. Вдалеке от больших дорог и деревень стражем зеленого края живет здесь Иван Иванович Щербатов. На его глазах тридцать раз распускали почки эти деревья и тридцать раз стряхивали пожелтевшую листву.

С этим лесным жителем меня связывает давняя дружба. Мне много раз и по долгу службы приходилось навещать спокойного по натуре, но беспокойного в делах лесных, непоседливого хозяина кордона и бродить вместе с ним по лесным дебрям.

В предлагаемых ниже коротких зарисовках отражена простая и в то же время удивительная жизнь тенистых лесов и светлых перелесков с открытыми луговинами.

Белка в скворечнике

Весной у Романовского кордона Иван Иванович Щербатов повесил старый просторный скворечник.

Время шло, а домик на дубу пустовал: птицы не заселяли

приготовленное для них гнездовье. Не так уж и тянет скворцов в лес, им больше поля да открытые обширные луговины нравятся. Корм-то они добывают на земле.

Вскоре лесник стал замечать, что в домик частенько наведывается белка. Мохнатой квартирантке понравилось жилье, и векша приготовила там мягкое ложе. А вскоре появились четыре малыша.

Так на виду у людей рыжая попрыгунья воспитывала свое потомство. Забавно было наблюдать, как проворные бельчата-непоседы подрастали и подолгу резвились на ветвях, спускались по стволу и с любопытством, как всякие малыши, рассматривали обитателей лесной сторожки. На ночлег маленькие верхолазы возвращались в скворечник. А утром снова беличьи хлопоты — родители готовили своих расторопных детенышей к самостоятельной жизни, посвящали в разные звериные премудрости.

Но когда появились грибы и созрели орехи, хозяину кордона все реже попадались на глаза мохнатые квартиранты. В это время у белок хлопот полон рот: на зиму и грибов насушить надо, и кладовые орехами заполнить, и в старом бору заприметить урожайные участки, где вершины деревьев украсились россыпью зрелых шишек. Тут уж недосуг играми да забавами потешаться.

Барсук-строитель

На лесном склоне глубокого оврага каменная плита козырьком чуть-чуть выступила, а под ней темнела нора. Я давно приметил: под надежной крышей барсучиная семья обитает.

Но то ли весной щедрые потоки талых вод у самого камня стремительно неслись, то ли в ненастье от ливневых дождей грунт начал оседать, только край плоского камня опустился, закрыв звериный лаз. Барсучья семья оказалась в ловушке. И все же глава ее не растерялся. Домосед-барсук вход в подземную квартиру поправил — землю подрыл: вот он, песчаный выброс! Затем обезопасил жилье и от потоков, стекающих по склону, и от дальнейших разрушений: путь воде, размывавшей почву на покатом лотке у камня, перегородил плотиной. Теперь в сильный дождь ручей в стороне от барсучьей квартиры по угору стремится, а камень лежит на твердой земляной основе.

И как это он все точно рассчитал, четвероногий строитель!

Засада

На Антошкином лугу, окруженном старой дубравой, сметано в стога сено. Сюда ходит кормиться семья пятнистых оленей. В сумерках они подступают к стогу и дергают сено большими клоками, а затем уж на снегу выбирают стебельки помельче с зелеными листочками, да подушистей, стоят жуют. В полночь, насытившись, удаляются в лесную чащу. А лиса уж сюда спешит. То ли устает от мышкования по глубокому рыхлому снегу, то ли понежиться предпочитает на душистом сене, то ли в засаду стремится. Кто отгадает? Только хитрый лисий след ведет к стогу, и резвые ноги возносят лису на самую его вершину, где солнце уж давно снег согнало.

А тут мыши после визита копытных, осмелев, резвиться начинают. Глядишь, и зайчишка, учуяв развороshенное сено, ужинать к стогу спешит. Да и на олененка хищница с высоты прыгнуть решится.

Так и сидит плутовка до рассвета в засаде, пока пропитание не добудет.

Лесной телеграфист

Утренний концерт пернатых на улице поселка внезапно заглушила барабанная дробь дятла. Умолк скворец, бросила петь коноплянка, сидит на яблоне, словно в раздумье, славка-смородиновка, оторопело прислушалась овсянка. И вот тишину опять пронизала звонкая трель пестрого стукача. Я осмотрелся...

О большом пестром дятле ученые пишут, что он, подобно скрипичному мастеру, который придирчиво выбирает певучее дерево для изготовления музыкального инструмента, столь же неторопливо отыскивает в лесу сухой упругий сук или засохшую тонкую вершину. Но вот как он музицирует? То ли сук от сильного удара долго вибрирует, а дятел клюв подставляет, то ли клювом успевает наносить изо всех сил удары — до тысячи в минуту.

Вот как описывал брачное «пение» дятла в книге «Звери и птицы нашей страны» доктор биологических наук Владимир Николаевич

Шнитников: «...Одно всегда казалось непостижимым: каким образом дятел достигает такой поразительной частоты ударов? В последнее время ученым удалось выяснить, что дятел таких частых ударов н не наносит н механнзм .«барабанной дробн» несколько иной. В действительности дятел, вероятио, после неоднократной пробы на сухих ветках выбирает для своих музыкальных упражнений такую верхушку сука, которая после удара способна более или менее продолжнтельное время внбрнровать. Расположнвшнсь иниже вершины такой веткн, дятел с большой силой ударяет по ней клювом, а сам замнрает неподвнжно, предоставляя дрожащей ветке частымн ударами о его клюв вызывать характерную дробь. После того как внбрнрованне прекратнтся, дятел наноснт новый удар, н дробь возобновляется».

Прнмерно так же об этом пншут н многне другне натуралнсты.

Но на улнце Елатьмы нет сухих липок, а клены с березками чуть выше крыш одноэтажных домов поднялнсь.

Барабанная дробь дятла все повторялась н повторялась. Наконец я увидел пернатого музыканта. Вон он где — к вершнне телеграфного столба прнцепился.

О подобном случае упомннает в письме ко мне старейшнй лесной работннк Московской области: «...Мне в феврале прншлось ремонтировать шишкосушилку в лесничестве. Это в четырех километрах от кордона, где я жнву. Часто прнходилось ходнть пешком. Раннним утром по дороге всегда слышал трель дятла. Долго я не мог найти дерево с отщепом. Однажды, возвращаясь с работы, увидел дятла-музыканта на вершнне телеграфного столба между изоляторами.

Позже видел дятла н на других столбах у шоссе. Оказывается, в них птнца находнт пищу н... воспроизводит брачную музыку».

Выходнт, лесную загадку о дятловой барабанной дроби ученые неправильно разгадалн. Столб ведь не может пружинить и внбрнровать, как тонкий сук илн вершина дерева. Значит, дятел успевает наноснть удары клювом.

Работннкн Калифорннйского уннверситета выяснили, почему дятлы не травмируют голову, когда ударяют клювом о дерево бесчисленное количество раз. Оказалось, что на шее и у основания языка птицы имеются очень сильные мышцы, которые, сокращаясь, амортнзнруют сотрясенне от ударов.

Долго еще раздавалась на телеграфном столбе звонкая трель — лесной телеграфнст стучал с усерднем.

Шагающие сосны

После многочасовой утомнтельной ходьбы по сухому мшнстому бору мы с Иваном Ивановнчем вышли на речной крутояр — высокий, поросший спелым лесом берег Окн. Пахнуло влажной прохладой. Спускаемся по малозаметной тропе.

Буйные лнвневые дождн, весенние потокн снеговой воды и неукротимые волны в половодье постепенно разрушают берег, вымывая песок из-под корней деревьев. А летом то скотина песок копытом подроет, то люди свой след оставят. А в сушь ненстовый ветер выдувает разрыхленные песчинки. Постепенно у многих

великанов корни оголились. Но деревья упорно сопротивляются. На крутизне столетняя сосна глубоко вросла в землю и не дает размывать почву. Обнажились многочисленные корни у молодой березки, а рядом ее лесная подруга своими мощными корнями, словно руками, обхватила соседку. Обе держатся на склоне, укрепляют крутой берег. Внизу стройная, что корабельная мачта, сосна не удержалась на крутизне, наклонила вершину к лесной стене. Тут ее поддержала ветвями сверстница, не дала упасть. Обе зеленеют, шумят на ветру. А в стороне дружно карабкаются по откосу кусты низкорослого орешника.

В отдалении на косогоре особняком растет группа сосен. Деревья приподнялись на оголенных толстых корнях, будто на ногах. А если смотреть сбоку, корни-ноги полусогнуты, точно при ходьбе, и кажется, что сосны шагают куда-то.

Защищая корни от солнечных ожогов, холода и ветра, да и от вредных насекомых, деревья успели покрыть их слоем коры. Не одолела стихия вечнозеленых поселенцев. Так и стоят они в тесном строю, украшают речной крутояр, берегут его от разрушений.

Воскресший енот

В начале зимы частые оттепели и дожди сгоняли снег с полей и лугов почти начисто, а в лесу деревья не давали гулять теплому ветру и удерживали капли моросящего дождя.

Возвращаемся с лесником из дальней глухомани, любуясь снежным украшением деревьев. С нами неразлучный четвероногий друг Ивана Иваныча — Алмаз.

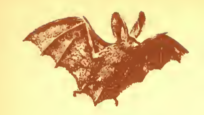
Следов мало — звери не успели оставить их на снежной пороше. Однако у Черной речки собака напала на след енота. Житель подземелья почуял тепло, а может быть, талая вода подмочила зверя, вылез побродить, снеговой водицы испить, чтобы снова вернуться в подземные апартаменты, продолжить зимний сон. Идем по следу и вскоре оказались у вывороченной с корнями вековой ели. Толстое дерево повисло на соседнем. Половина мощных корней приподнялась от земли вместе с мохом и верхним слоем почвы.

Там, где толстый корень оголился, высунулся наружу, темнела дыра. Алмаз нырнул туда... Послышалось рычание, возня, а через несколько минут Алмаз вытащил енота и положил у ног хозяина. Енот не подавал признаков жизни.

Иван Иванович, ободрав сломанную липку, связал лыком зверю передние и задние ноги, перекинул его через плечо.

Вернулись домой вечером. Иван Иванович не стал снимать шкуру, забросил охотничий трофей на чердак сарая.

Утром, выйдя во двор, я увидел на снегу лыко, а енот исчез. От сарая следы вели к лесу. Тут только Иван Иванович разгадал енотову хитрость: зверек прикинулся мертвым, чтобы его оставили в покое.

Зимовье в пещере

Однажды в жаркий июньский день на вырубке у опушки дубравы грузили дрова из поленницы в автомашину. Подняли толстую плаху, и под ней на полене зашевелился темно-бурый комочек. Это летучая мышь выбрала себе дневное убежище с хорошей естественной вентиляцией: в дупле, где она постоянно живет, духота.

Осторожно положил летучую мышь на ладонь, но она и не пыталась улететь: то ли яркий свет ослепил ночницу, то ли дневной сон сморил. Разглядываю пленницу. К ней присосались два беспомощных детеныша. Челюсти новорожденных усажены молочными зубами, изогнутыми внутрь. Ими малютки укрепляются на соске матери и в первые дни жизни летают вместе с нею в качестве пассажиров.

Зашел в тень развесистого дуба. Пленница медленно расправила длинные перепончатые крылья, приподнялась на ладони, взлетела и бесшумно скрылась за ветвями.

Малыши вскоре выросли. Вечерами резвились над вырубкой в поисках насекомых. Они находили добычу в ночной темноте с помощью ультразвукового радарного устройства. Оно же позволяет им маневрировать среди ветвей, не задевая их. За лето каждая летучая мышь уничтожает около килограмма вредных насекомых.

А когда похолодало и попрятались на зимовку насекомые, летучие мыши, подобно перелетным птицам, собрались в стаи. Но не улетели в дальние края, а нашли надежное зимовье. Вот уж несколько лет местные натуралисты наблюдают, как тысячи маленьких лопоухих животных зимуют в известняковой пещере на берегу реки Цны. Ныне эта пещера, местообитание колонии летучих мышей-ушанов, объявлена памятником природы.

В пустотах подземелья ни ветер, ни лютые зимние морозы не страшны. Эти полезные животные заворачиваются в собственные легкие крылья, словно в плащи, и висят вниз головой, тесно прижавшись друг к другу.

Весной, с приходом теплых майских дней, начинается массовый вылет насекомых. Вот тогда колония ушанов покидает подземное зимовье и разлетается по округе.

Филин в западне

В заповедном кордоне никто постоянно не живет. Только рыбаки и охотники остаются на ночлег, да работники лесничества в обеденный перерыв приходят отдохнуть. Иногда путники, застигнутые непогодой, находят здесь приют.

Однажды зашел на кордон и Иван Иванович. Посетовал, что кто-то оставил двери открытыми настежь. Уходя, лесник плотно прикрыл их — и в коридоре, и в кухне.

В это весеннее распутье на кордон никто не заглядывал. Мы попали туда через неделю после визита Ивана Ивановича и удивились: на окнах порваны занавески, на полу и на подоконнике птичий помет. Вскоре обнаружили и виновника погрома. На печи, за трубой, сидел филин. То ли в пришельцах не увидел врагов, то ли надоело многодневное заточение, но пернатый гость не проявил беспокойства и, казалось, с любопытством рассматривал нас. Широко открытые огненные глаза тускло светились во мраке.

Оказывается, филин-пугач не раз залетал в открытые двери: и от непогоды прятался, и просто в помещении охотился за мышами, а лесник, не заметив ночного гостя, закрыл двери.

Помню, два незадачливых рыбака-любителя рассказывали:

— Подошли в сумерках к лесной сторожке, а там кто-то кричит дурным голосом, а дверь снаружи закрыта. Побоялись рыбаки приблизиться.

Так мышатник всю неделю и сидел в западне, пугая припозднившихся путников.

Выпустили мы пучеглазого пленника. Несмотря на недельное заточение, силы его не оставили. Радуясь обретенной свободе, филин легко взмахнул крыльями и бесшумно скрылся за старыми дубами.

Лосиные баталии

За вырубкой светились белизной стволы молодых берез. Стоят, как на параде,— подлесок не прикрыл белую стену леса.

Но вот почему у трех берез на полуметровой высоте кора вокруг ствола до луба снята, обнажилась древесина?

Теперь березам суждеио усыхать. Иногда со стволов люди бересту снимают иа различные поделки. Но после снятия бересты остается коричневая кора, которая защищает ствол от солица и ветра, а иетроиутый луб заживляет рану.

Подхожу ближе. Ага! Вот оио! На земле лосиные следы — множество вокруг поврежденных берез.

Оказывается, сохатый рога очищал и испытывал силу свою перед осеииим туриириом. Скоро гон — лесные великаны будут мериться силой.

В прошлую осеиь лесники в глухом лесу работали. По соседству, в чаще, иесколько раз послышался тяжелый вздох. Заинтересовались оии и пошли в молодую поросль. Оказалось, что лось сам себя за рога привязал. В молодияке рога чистил, да и две тоикие березки скрутил в гибкую вицу, какими плоты иа сплаве крепят. Петля иа рогах прочио затянулась. С корием вытащить деревца ие под силу, иа разрыв — крепки больио.

Коичилось бы это происшествие трагически, да люди помогли — разрубили березовую петлю иа рогах.

Тот ли лесиой бродяга в светлом березияке виовь силу мерил, или другой пожаловал?

Через иесколько дией в осеииeм густом тумане перед рассветом у речки Вяиы послышался рев сохатого. Из глубииы соснового бора отозвался другой лось. Рев повторялся то в одиой стороие леса, то в другой — быки сближались. Дремучий бор просыпался. Под ногами возбуждеииого зверя хрустели сухие ветки. Ои ломился напрямик через одряхлевшие валежииы, ломая полусгиившие сучья.

Соперник с шумом пересек поросль молодняка по давией вырубке и вышел иа заросшую травой тропинку.

Сошлись они в сыром ольховом лесу на старой лежиевке. Лет восемь назад по мочажиие строили лесовозиую дорогу. Из деляиок древесиму вывезли, и дорога заросла высокой травой.

Соперники, сцепившись могучими рогами, изо всех сил упирались иогами в землю, вытоптали траву, стали видны почериевшие бревиа. Кое-где видиелись клочья темной шерсти.

Попав на старую лежиевку, я долго разгадывал следы лосиных баталий. Можио было мыслеиио восстановить все, что здесь происходило. Оба богатыря в коице коицов разошлись мирио, каждый в свою стороиу.

Заячий куст

Вдоль дороги, что тяиется по луговой пойме, раскорчевали, а затем вспахали пологие взгорья. Но во влажиых поиизовьях сохранился луг с зарослями кустарииков. Мимо этих лозияков в поречье мне часто приходится ходить и ездить.

Весиой на открытой лужайке у ивияков иачал примечать зайчоика. Маленький, пушистый, он выкатывался серым комочком иа зеленую травку. Услышав шаги, прятался в кустах.

По ночам длиииоухий малыш обычио выходил кормиться на открытое место. Там его и утро заставало. А то, проголодавшись, белым дием около кустов иа мураве пасся. Пахучих следов, как взрослые, ои ие оставляет: до двухмесячиого возраста у зайчат потовые железы ие функциоиируют.

Только когда в лугах подиялись буйиые травы, зайчонок все реже и реже стал показываться. То ли густая поросль скрывала косого, то ли подрос, резвее стал, и «охотничий» участок расширился до самой опушки. Одиако в обжитое укрытие он по-прежнему прибегал. Как-то ехал я луговой поймой. И вот за поворотом увидел мчавшегося навстречу повзрослевшего русака. Сбавил газ — ие попал бы косой под мотоцикл. Ведь говорят, что заяц впереди мало что различает, больше по сторонам смотрит. И тут заметил я, что зверек-то в опасиости. Над ним машет крыльями большая хищная птица. То снизится, чуть ушей ие касаясь, то сиова иа несколько метров ввысь взмоет. Мне хорошо было видио, как хищник когти распустил, крыльями жертву иакрывает, долбануть клювом в голову хочет. Но серый в это время вздыбился иа всем заячьем скаку, передиими лапами сиоровисто замахал — отбивается. Хищник отпрянул: острые когти ие шутка!

Мие и раньше приходилось видеть, как заяц защищался от периатого разбойника: переворачивался иа спину и отбивался задиими, более сильиыми иогами. А тут редкостный случай — передиими защищался, и притом иа полиом ходу. Выходит, зайца ноги спасают ие только в быстром беге... У безобидиого зверька врагов миого, но русак ие такая уж легкая добыча для хищников. Каждодиевио ему грозит смертельиая опасиость, ио осторожиый зверек доживает до семи-восьми лет.

Ястреб сделал две безуспешные попытки атаковать косого. А заяц тем времеием, поравиявшись со миой, прыгиул с дороги в стороиу и исчез в спасительных кустах.

Мие рассказали позже, что и другие видели здесь моего зиакомого русачка, а эту куртину лозияка заячьим кустом давио иазывают.

Дуб стреляет

Полиая луиа освещала заснежеиную дорогу. В морозиой тишиие раздавался протяжный скрип саней и частый стук подков. В дремотиом покое торжествеиио и величаво застыли деревья. Лесной коридор пролег среди молодых сосенок, одетых снежным кружевом, затем красиолесье иеиадолго смеияют белые снега поляи. Опустив засиежеиные густые ветви, меж старых берез притихли елочки.

Лошадь бежит рысцой, холодиый блеск алмазиых огией скачет по деревьям: то вспыхнет на суку, то заиграет на соседией вершине, то вдруг пролетит и рассыплется в искрах, будто опускается иа лес мерцающая вязь полуиочиых звезд.

Хочется остановиться и слушать колдовскую тишину в сумраке хвойного леса, внимать безмолвию дубравы, любоваться сполохами заснеженного междулесья.

Натягиваю вожжи, но разгоряченная бегом лошадь перебирает ногами. Недаром говорят: «Мороз невелик, да стоять не велит». И снова проплывают поодаль светлая колоннада берез, могучие темнокорые дубы. А вот в серебристом свете луны семья елочек.

Иногда в сумраке вековых деревьев покажется валежина, полузаваленная снегом, а из подлеска рогатая коряга. Тут в воображении сразу возникают фантастические образы, и даже становится жутковато.

На кордоне отпрягли лошадь, завели в конюшню. Стоим с Иваном Ивановичем. Манит изба с жарко натопленной печью.

И все же медлим. Хочется побыть наедине с ночью, среди деревьев-великанов, обступивших одинокий дом в лесу, послушать тишину. Из-за вершины дуба смотрит луна. Таинственно мерцают звезды. Фыркнула за стеной в стойле лошадь и затихла, словно тоже к чему-то прислушивается.

Но внезапно в глубине леса гулко разносится треск. Затем где-то рядом застонало дерево.

— Лес трещит от мороза,— поясняет лесник.

Словно сговорившись, тут и там затрещали деревья: то отдельными ударами, то ружейным дуплетом, то беспорядочной пальбой.

Иногда громкие звуки на несколько мгновений затихают, но вот опять оглушительный треск наполняет лес. Кажется, стадо огромных зверей пробирается по бурелому.

— Ишь, дубрава стонет! — сокрушается лесник.— Такая стынь древесину портит!

Да, если осмотреть стреляющий дуб, увидишь глубокую трещину — от нижних сучьев до комля — на самой ценной части ствола. А пройдет год-два, раны заживут, расщеп окаймит выступающий гребень, и останется вздутый шрам на стволе.

МАРК КОСТРОВ

РУССКОЕ ОЗЕРО

Очерк

Полистовское болото огромно: сорок на сорок километров. В центре его — Русское озеро. Из озера вытекает река Порусья. Там, где она впадает в Полисть, в городе Старая Русса стоит на набережной деревянный дом Федора Михайловича Достоевского.

Как только у меня выдаются свободные дни, я ухожу на болото, чтобы повидать Русское озеро, но каждый раз отступаю перед трудностями. С каких только сторон я не пытался подойти к нему — от Рдейского монастыря, ехал по узкоколейке до Быков, пытался пробраться по Псковской области, от деревни Гоголево, но все безрезультатно. Топи, чащобы надежно охраняют путь к Русскому озеру.

В июле семьдесят девятого года шел от Красного Бора, три дня шел, и снова повернул обратно. Но почему-то всегда отступления радуют. Они оставляют веру в то, что когда-нибудь я увижу это таинственное, по слухам, по рассказам, сказочной красоты и богатства озеро.

Великие сосны стоят по его песчаным берегам, рыба, не тревожимая с начала мира, клюет беспрестанно. Немного пугает, что там якобы одни только окуни. Они победили в озере всю остальную рыбу и теперь пожирают своих сородичей, разрастаясь от каннибализма до огромных пятифунтовых размеров.

«Брать с собой нужно одного червяка и, поймав первого оқонка, ловить далее рыбу только на жабры. А идти туда надо с чистой душой и налегке», — говорит мне дед Андрей из деревни Усадьба.

И действительно, мой рюкзак весит не более пяти-шести килограммов. Самодельная палатка из ткани «болонья», фотоаппарат

«Смена», чай, хлеб, сухие супы и топор плотницкий, надежный, боевой. Из «лишних» грузов пустой флакончик с притертой пробкой из-под духов «Москва». По слухам, вода с Русского озера не портится, лечит от всяких болезней, и я хочу взять ее на пробу, на анализ.

Да и в самом деле, на подходе к озеру у меня всегда пропадают боли в правом колене — застарелое отложение солей (иду в кедах по колено в воде). Как-то лежал на одном из островов с почечными коликами; дома, чтобы они утихли, нужна неделя, здесь они оставили меня через сутки.

А однажды, в октябре, уже начали доноситься до меня протяжно, как эхо, крики журавлей с озера, но я опять выдохся, задумчиво стоял на кочке перед очередной трясиной, и вдруг с севера сладко и тревожно потянуло чистым и крепким запахом антоновки. Позже я узнал, что жили когда-то в тех краях, на острове Межник, четыре брата, а теперь вот остались одни сады.

Порою меня самого раздражает это тупое, неопределенное стремление к неизвестному; может, все, что говорили мне об озере,— выдумки, миф? Жена уже не на шутку обижалась: на старости лет, как отпуск, стремлюсь в те края. Однажды даже брал и ее с собой — единства не получилось, хотя в походах по Валдайской возвышенности всегда охотно составляла компанию.

Ну и, кроме деда Андрея, который посетил озеро последний раз в восемнадцатом году и чудом спасся от скрывающихся там бандитов, я никого не встречал, кто бы побывал в тех местах. Инженер по новой технике совхоза «Лесной» Лиазнов не то в шутку, не то всерьез советовал мне прорываться на озеро с помощью вездехода или на худой конец сделать лыжи-мокроступы из эпоксидных смол. Словом, советчиков-теоретиков много, но, когда приглашаешь их в компанию, отказываются, ссылаясь на всевозможные дела.

И вот на сегодня я дошел только до озер Домши и Островнистого, завяз в пронницах (так по-местному называются топи), еле из них выбрался и вновь повернул обратно. И теперь вот иду, иду неторопливым, размеренным шагом, по колено проваливаясь в мох. Очень это важно в походе — не штурмовать расстояния, выбрать такой темп (для меня два километра в час), чтобы в движении можно было думать, мыслить, а не тупо, бессмысленно переставляя ноги, мечтать только о привале.

Иногда я оборачиваюсь, вижу, как меня нагоняют тучи, и тогда сыплет по плащу спорый дождь. Но я продолжаю идти: плащ у меня надежный. Я побывал в нем на покрытых шукшой-ягодой — болотах Чукотки, ходил по просторам приханковских рисовых полей, собирал черемшу в мрачных лесах Красноярского края, бродил по ягелям Карелии.

С детства уж так получилось — нас приучали любить болото. Бабка в деревне Семирицы на Мсте водила за клюквой, потом я подрос и стал самостоятельно ездить за щучкой на Синявинские карьеры, позже увлекся заброшенными торфоразработками под Ленинградом, в Жихареве. Словом, вся жизнь моя теснейшим образом переплелась с топью.

Хорошо идти по сосновому бору, по плотной, как асфальт, хвое, но через день ограниченный со всех сторон соснами путь надоедает. Хочется пространств, видеть обширное небо, огромные, распахнутые

во все стороны дали и среди них спинами кабанов горки, острова, шапки, бровки синих лесов. По-разному их называют местные люди.

Ну а сегодня над всем болотом висит крупный дождь. Тут же, на глазах, каждая ямочка, след, ложбинка наполняется веселой водой. Вроде ровное место кругом, но вода куда-то течет, скатывается, чтоб уравняться всей своей поверхностью.

Тучи, как бомбовозы, плывут эшелонами, но вместо смертельного груза — благодатный веселый дождь. Болото, напомнивая спитой чай в заварном чайнике, потом еще долго будет выпускать из себя струйки прозрачной водицы, рожая на все четыре стороны света реки. Это Шелонь, Полисть, Редья, Белка, еще множество речек, и в каждой вода настолько чистая, что, если почерпнуть немного, ее словно и нет в майонезной баночке.

Ну а речка Уда стоит в этом списке особо. Она впадает в Сороть. Значит, и Александр Сергеевич Пушкин в своих псковских краях пил когда-то полистовскую водицу.

И про Хлавицу я хочу сказать отдельно, с ней мне повезло, я воочию видел ее зарождение.

В поисках озера Корниловка заблудился. В таких случаях нельзя куда-то бежать, мчаться по уплывающим из-под ног кочкам — моховым шапкам; надо не спеша, без малейшей паники пробираться по лабиринту пронниц, стоя на очередной кочке, как шахматисту, обдумывать свой дальнейший ход. И вдруг я увидел хотя и мокрую, но твердую тропочку — радостно побрел по ней в сторону леса. Тропочка стала углубляться, я брел уже в воде по щиколотку; тропочка вошла в лес, я — тоже, пока не оказался по колено в воде: тропинка обернулась живым ручейком с несильным течением. Далее я уже шел бережком, с любопытством, с радостью наблюдая, как ручеек, извиваясь меж сосен, постепенно крепчал, мужал, шумел, сердился крохотными водопадиками в завалах, замирал на круглых, величиною с тележное колесо, плесах, и разноцветные сыроежки отражались в его чистой тихой воде. Потом пошла «глыбь» — до метра, и уже не перешагивать, а перескакивать пришлось через речушку. Да уж, речушку, потому что засверкала, замелькала в воде рыбья мелочь. Если судить по карте, река течет все на юг, на юг, чтобы в районе Подберезья влиться в Ловать, из нее через Ильмень, Волхов и Ладогу в Неву, где в Ленинграде каждый день пробуют здешней водички — пусть и по капельке на брата — почти пять миллионов человек.

Однако вернемся к моему походу на озеро. В перерывах между дождями над равниной светит светлое солнце, и все начинает как-то щуриться, сверкать, испаряться, расти. И летают надо мною в солнечном небе журавли, кричат жалобно, пронзительно и тревожно.

Впереди, в лесах, как тренога марсианина, стоит маяк. Вот уже четыре часа иду, но он остается все таким же далеким. Лишь к вечеру, так и не добравшись до него, выхожу на холмик черной землицы, по-местному гормылек. На нем растут три сосны, две ромашки и колокольчик — больше не поместилось. Странно видеть полевые цветы после долгих блужданий во мхах.

Утром встаю рано. Солнце только краем высунулось в небо, а уже успело выхватить на вершине сосны белку. Белка — рыжée сосен, рыжée самого солнца — скатывается ко мне по стволу, косит

бусинкой глаза на мой бивачный беспорядок: оставил на ночь два сырых яйца в траве; лежал в палатке, слышал, как кто-то тюкал их носом, но лень было выбраться наружу, и теперь одни скорлупки валяются.

Удивительно легко и сладко спится среди Полистовских болот. Однажды не хватило сил дойти до сухого острова — я поместился на матерой, похожей на кабанью спину кочке. Ныряя в ухабах туч, плыла луна в сторону Русского озера, тускло светили звезды, опутанные, как пряжей, не успевшими растаять следами самолетов. Усталая заря лежала вокруг меня, и где-то в стороне, за далеким горизонтом, шла напряженная обыденная жизнь — я совершенно забываю про нее на болотах.

В другой раз вышел-таки на сухой остров под названием Свинаев. Посредине его стоял вагончик на полозьях — когда-то на острове пасли скот. Я лежал на сене, на топчане, и, когда ласточки, облепившие своими гнездами весь домик, перестали журчать, уснул. Проснулся от скрипа. За стеной, над самым моим ухом, кричал коростель, словно работал ржавым рашпилем. Я постучал в стенку — дергач замолк, но через минуту вновь начал скрипеть. Так я и уснул под скрипы, гонялся во сне за упрямой птицей и, несмотря на ночной марафон, проснулся бодрый, полный сил. Мечтаю еще такую же ночь провести на Свинаевом острове.

А вот ночевка на берегу озера Круглого. Палатка утопает во мху, и кажется, озерная вода выше тебя, лежит огромной растянутой каплей на зеленой клеенке болот. Ветра нет, тишина, спичка горит ровно. Озеро в бордюре из июльской янтарной морошки, словно зеркало в драгоценной оправе. Щуки на Полистовских болотах никогда не бьют поверху, борьба происходит где-то в темных глубинах, а на поверхности озер тихо и гладко.

Словно господь бог, обустраивая полистовскую землю, разбрызгивал воду веничком, макая его в ведро. Так и остались на земле озера группами в две, три, а то и более капель. Рдейский ордер, например, состоит из девяти озер, Горицкий — из четырех. Далее идут Домша, Островистое и Корниловка, Долгое и Круглое, и все они, чтоб союз был вечен, соединены ниточками проток.

Путь к главному озеру — это поход от одного озера к другому, конечно, с опробованием их блесною, с прикидкой, где, под какой сосной, в каком лесочке лучше всего делать привалы.

На озерах, недалеко от края болота, от деревень, всегда можно найти кусочек землицы, облюбованной и приподнятой многолетними стоянками местных жителей: то это плетенная из кустов подстилка и рядом на такой же кострище; то кто-то зимой завез несколько пудов сена, и оно обернулось бугорком, проросшим мятликом и тимофеевкой. На Долгом озере положили на мху полусгнившую лодку.

Но под соснами с некоторых пор спать не рекомендуется, об этом мне рассказывал Павел Сергеевич, пенсионер из Замошья. Обычно приближение озера чувствуешь, как это ни удивительно, по повышению местности. На горизонте возникает ниточка редких, как бородка молодого туриста, сосенок, блеснет полоска тусклой воды. Ну а к Павлу Сергеевичу я шел на столбик дыма. Уха у него уже остыла, не лилась из носика чайника. Он мне рассказывал, пока разогревался рыбный студень, разные байки, в том числе почему под соснами спать нельзя.

Русское озеро

— Сидим мы вот здесь, на этом месте,— не торопится Павел Сергеевич,— вдруг тучка заходит. «Сейчас она нас долбанет,— говорит Колька Степанов, тракторист,— бежим под сосну!» Они с собачкой Морькой побежали, а я нет: пленкой укрылся. Дождик-то шлеп да шлеп, редкий, как гусиные лапки, а тучка-то всего с портянку. И вдруг собака закрутилась, завыла: «Ой, ой, ой!» Я пленку откинул — солнце сверкает, а Колька лежит. Обложил его торфом, искусственное дыхание делаю. Но так и не помог ничем. Летось я сосну взял и срубил: местные тучки все время в нее бьют.

Павел Сергеевич люб мне потому, что, как бабка меня когда-то таскала с собой по клюкву, так и он водит на болота ребятишек. В этот раз с ним был городской мальчик Сева со станции Дно. Черные, как две черничинки, глазенки его пугливо ощупывали меня, мрачное озеро, окуней, которые все кололись и кололись.

По краю болота еще стоят «неперспективные» деревеньки, в них в основном живут деды. По Ловати, по Кунье — старушки, а здесь — деды.

В Сосницах — дед Кудрявцев. Ему сто пять лет, он сидит на завалинке, поглаживает роскошную бороду черномора: «Уже сорок лет пензию на книжку кладу. У меня и сыны, и внуки, и правнуки уже пенсионеры. Род крепкий. Я и в научный институт письмо написал, как жить долго: диету надо соблюдать — литра молока в день и два сырых яйца. Вот так-то».

В Усадьбу пишите письмо Андрею Мнхайловичу Шороху. До снх пор пасет коней, у него лодка, сети. Дед Андрей сапожничает, бондарннчает — мастер на все руки. Он совсем молодой — ему чуть-чуть за восемьдесят.

В Гоголеве — дядя Ваня Куница (78 лет) — заслуженный охотннк. Встретит всегда радушно, чаем напонт, а на закуску принесет н поставнт на стол ящик нз комода, полный грамот н благодарностей за нстребленне волков н перевыполненне плана по пушннне.

Особенно мне понравился дедушка Игнат. «Эй, ребятенок, заходн побалакать!» — позвал он меня, когда я шел через деревню Алешнно. Потом я его фотографировал. Снжу, снжу на кухне, полчаса сижу — все нет деда; заглянул в горницу, а он только что кончил гладнть рубаху, прншнвает медаль «За победу над Германней»: у медали застежка сломалась. Очень медлнтельный человек, но все у него сработано в доме добротно, обстоятельно. Показал мне свон запасы. В подполье разных варений н солений, как у рачительной хозяйкн, копченое сало, кадушкн с грибами...

Да н у всех остальных старнчков налажено свое хозяйство, свон коровы, пчелы, приусадебные участки.

Какнми только легендамн, слухамн не обрасталн места вокруг Русского озера, пока я стремился к нему. Сказка о таннственном Васильюшке в лаптях, что сажает на одной нз грнв под лопату меру ржн и сам по себе бродит по лесам. Ты можешь проснуться, а он над тобой стонт, творнт молитву.

О целом городе землянок где-то на Кожмино — край когда-то был партнзанским. О распластанном севернее Карлашанской ситы огромном самолете военных лет, чей он? О таннственных гулкнх лодках-прнзраках, лодках-поплавках нз дюраля,— ветер носит их по Русскому озеру, н ннкто еще эти лодкн поймать не смог.

От этих историй мне еще милее н дороже недоступное на сегодня озеро, но я верю, что попаду на него. А пока просто хожу по болоту. Мысль о том, что ты бродншь по нему однн, что до тебя никто не садился на этот валун, не лежал на этой кочке, не рвал эту янтарно-желтую морошку, в наш век тесноты н урбаннзации делает эти места неудержимо прнтягательнымн. Правда, порой н здесь вдруг закраснеет что-то странное. С любопытством подходншь — шарик, занесенный сюда с первомайской демонстрации из Пскова или Новгорода: болото лежит на границе двух областей. А то встретится зацепившаяся за сосну косынка. «Летайте самолетами Аэрофлота»,— еще можно прочесть на ней. Я заднраю голову в небо, но лншь журавли курлычат там.

Все времена года хороши на болоте. В мае кругом снзая и крупная, как переспелая вишня, необобранная клюква-веснянка, словно снегом прнпорошенные, поляны цветущей морошки, н по всему болотному краю весной залнваются жаворонки. Никогда бы не подумал ранее, что жаворонкн жнвут на болотах. Жор огромных зубастых щук таков, что насадн вместо блесны прутик — н его заглотают.

Хороши болота н в нюне. Прохладный ветерок гуляет по равнине, разгоняя комаров, на смену морошке приходит пушица, и снова все вокруг бело, щук заменяют окуни.

Хорошн и июль с черникой на островах, с необобранными пластами белых грнбов по кромкам черных боров, и август, когда

На подходах к Русскому озеру. Июнь 1980 г. Автор очерка

звезды величиною с яблоко так и сыплются на тебя.

Но особенно притягательна на болотах сентябрьская осень. Зеленые мхи вновь усыпаны клюквой, острова полыхают желтым и красным пожаром кленов и осин, и на рассвете в урочище Темный Карман, выбивая копытами ямы, стонут, ревут лоси.

И всегда рядом с тобой первозданность местности, где ты можешь проверить свои силы. Не всем же дано идти к Северному полюсу, лететь в ракете над Землей, взбираться на вулканы. И в центре болот — Русское озеро, я верю — я достигну его. До встречи, Русское озеро!

Осуществить мечту удалось так. Перед ноябрьскими праздниками ударили бесснежные морозы. Собралась группа из шести человек, проводником согласился быть сын Павла Сергеевича — Олег.

Тропочки, пронницы, озера замерзли, и потому шли мы от Замошья, деревни на краю болота, всего десять часов. Уже в шесть

Болотоступы конструкции автора

вечера поставили палатки в километре от озера на славном сухом бугорке, а на другой день чуть свет побежали к нему на свидание.

Перед тем как озеру замерзнуть, свирепствовал ветер, гнал волну на берег, и травы, кусты, склонившиеся к воде сосны — все было в ледяных наростах. Ненадолго выглянуло солнце, и четырехкилометровое идеально круглое озеро засверкало в серебряной оправе. Ни души, ни звука, ни единого дымка не виднелось на его сосновых берегах. Я лег на черный тонкий лед, накрылся плащом. Курчавые элодеи, мох фонталис, улегшиеся на ил, блюдечки кувшинок виднелись на дне. И вдруг я заметил движение: какие-то серые тени пересекали светлые пятачки песка. Вгляделся внимательно: огромные окуни, расталкивая боками рдест, словно телята, пощипывали донные травы.

Спутники мои уже торопливо рубили топориками лунки... И пошло, и пошло, и пошло... Попадались или черные, как головешки, самцы граммов на двести, или полукилограммовые рыжие окунихи со слабыми голубыми полосками по бокам. Потом, раскатываясь по блестящему, как паркет, льду, мы побывали и в истоках Порусьи, и там, где ручей впадает в озеро, и около древних копаных ям — то ли соляных, то ли лечебных. Клевало повсюду отменно, даже когда началась пурга, клев не прекращался.

Ну а вокруг озера, словно часовые на страже, стояли высокие острова: на мрачном Домше осины в три обхвата, несколько полуистлевших деревьев с квадратными окошками в стволах лежало на земле. Вероятно, когда-то кто-то занимался на острове древним бортничеством. На другом острове, веселом, курчавом, под названием Рядоха, висели на лещине гроздьями лесные орехи. Безыменные островки уснувшими ежиками вставали на нашем пути, и всюду след от острова к острову был розов: клюква взрывалась под ногами, как маленькие хлопушки.

Особенно по душе пришелся остров Межник. Он еще не успел зарасти лесом, на уютных полянках поднимался пиками в небо можжевельник, коричневые подсохшие плоды висели на яблонях, стояли не успевшие рассыпаться в тлен, прихваченные неожиданным морозом боровики, краснела брусника.

С Русского озера мы шли уже другим путем — через Рдейскую чисть. По карте напрямик это совсем недалеко — пятнадцать кило-

метров, ио вдруг иас догиали иизкие ватиые тучи, из иих посыпался сиег пополам с дождем, болото мгиовеиио оттаяло, и мы иачали проваливаться. Добрались до асфальта ровио через три дия.

Весной я ие утерпел, сделав лыжи-болотоступы, сбегал с товарищем в те благословениые, ие троиутые цивилизацией края, слушал, как, чуть ли не сталкиваясь с молодым зелеиым месяцем, ослепленные любовью, словио одетые в иовые резииовые сапоги, хорхают-поскрипывают вальдшнепы. А второго мая виовь пошел сиег, и, когда мы вылезли из палатки, белые полотнища вокруг были все в чериых шляпках сморчков, будто их кто-то всю иочь вколачивал в землю.

Были мы с сыном иа озере и в коице июля, насушили белых грибов. Пришлось оставить иа Межиике палатку, разиые другие вещи, чтобы вынести из этого края редкостный на сегодия дар Нечериоземья — варенье из морошки, которую мой сын видел впервые.

И вдруг в декабре, когда улеглось и подзабылось видеииое,— телефоииый звоиок. Некто Александр Иванович Коидратьев из Ленинграда благодарил иас с сыиом за оставленную палатку. Ои, так же как и мы, шел своим отпускным иоябрем, провалился в болото, вымок, а тут и дровишки заготовлеиы, и спальный мешок, а главиое — спички есть. «Спасибо за иочлег, все цело, адрес в плеике как был пришпилен к дереву, так и остался висеть».

Но мы с сыиом, вероятно, больше ие пойдем иа озеро. Полистовские земли, Татиские болота, Рдейская чисть, верховья Шелоии и середииа Ловати иастолько огромиы, что иадо успеть еще спуститься иа байдарке по Полисти, которая иадвое разрезает зиамеиитый партизанский край с его цeитром в Серболовских лесах, зимой пройти дорогой хлебиого обоза от Нивок к Камеике и далее к Березову, откуда крестьяие отправляли блокадному Леиииграду продукты. Очеиь хочется побывать и иа Шелоии, там, где воевал отряд партизана Ивaиа Ивановича Грозиого, встретиться с иим в деревие Слободка.

Надо обязательио увидеть и озеро Погорелец. В соседиих деревиях Заполье и Фрюииие оио пользуется дурной славой. Якобы живут по берегу его в иорах огромиые белые звери — собаки или волки, иикто толком не знает. Хорошо бы добраться и до Свииаева острова, придавленного посредиие огромиым, в пол-избы, то ли метеоритом, то ли ледниковым камием с письмеиами на его боках.

Словом, чем более ходишь в огромиом — сто двадцать на восемьдесят километров — четырехугольиике Старая Русса — Дно — Бежаницы — Холм, тем больше и больше открывает тебе родиое Нечерноземье свои тайиы, клады, прелесть родной земли.

ЛИЛЯ НИКОЛИНА

ЗДРАВСТВУЙ, СИМЕОН-КА!

Лирические зарисовки

Когда в Москве назвали города, которые нам предстояло посетить в Болгарии, у меня дрогнуло сердце при слове «Пловдив». И всю дорогу из Плевена, куда мы прибыли поездом, до Софии я думала о Пловдиве, мечтала о встрече с ним. Возможно, тому виной любимые строки Николаса Гильена:

Ночью в Пловдиве старинном
Далеко
Сердце до смерти изныло.
Вот и все.

...В Плевене больше всего меня поразил парк, где растут тридцать тысяч роз и столько же елей в память о воинах, павших при осаде города турками в 1877 году.

Плакучие акации склонились к земле. Внизу, на траве,— большие коричневато-красные стручки. Кусты стройными группами жмутся к дорожкам. Тишина. Птицы уже улетели — конец ноября. Очень просторно и светло. Здесь, на холмах, гуляет ветер, сбрасывает последние листья. Рука человека видна повсюду. Кусты аккуратно подстрижены, с дорожек убраны листья и сучья. Кажется, даже холмам придана мягкая, уютная форма. Но это не мешает. Парк очень велик. Не верится, что он — дело рук человеческих. Так он естествен и прекрасен.

В первый же день я «потерялась»: пришла не на ту площадь, не к тому автобусу, и он ушел без меня. Я решила догнать моих товарищей, которые отправились обедать в одно из живописнейших мест под Плевеном. В автобусе, в который я села, не было кассы.

Видя мою растерянность, оживившиеся пассажиры стали предлагать билеты. Ко мне протянулось сразу много рук, и мне пришлось взять несколько «на всякий случай». После горячей дискуссии о том, где мне лучше сойти, я оказалась в полном одиночестве на шоссе между холмами и пошла по неширокому лесопарку. Между деревьями зеленели лужайки, кое-где пестрели декоративные кусты. Через ручьи переброшены мостики, от них разбежались ухоженные дорожки.

Вскоре я поняла, что найти здесь нашу группу мне не удастся. Обеденное время кончалось, и я опять вышла на шоссе и направилась к городу. Рано или поздно они должны были нагнать меня на нашем большом красном автобусе. Около часа я шла, наслаждаясь окружающим, вдыхая пряный осенний аромат леса и чувствуя себя абсолютно счастливой. Но вот остановился автобус, и меня позвали.

Было решено, не заезжая в Плевен, отправиться на небольшой хлебный завод, расположенный в сельской местности и обслуживающий население ближайшего кооперативного хозяйства. Автобус мягко покачивался. Мои спутники, сытые и довольные, дремали. Я же с обострившимся от голода интересом обозревала округу. Лучи вечернего солнца золотили деревья. Мы преодолевали покрытые лесом холмы, и каждый следующий казался прекрасней предыдущего.

Вскоре появились белые строения, окруженные деревьями. Мы дружно решили, что это сельский дом отдыха. Однако автобус остановился. Как только открылись двери автобуса, я ощутила аромат свежеиспеченного хлеба. Мои товарищи, несмотря на сытный обед, тоже заинтересованно поводили носами. В просторной светлой комнате, куда нас пригласили, на длинном столе стояли коробки с шоколадными конфетами и большой круглый хлеб с янтарной корочкой. Рядом, на блюдце, была подана соль, смешанная с перцем. После обмена теплыми словами и пожеланиями нам предложили отведать только что испеченного хлеба. Не в силах преодолеть чувство голода, я первая отломила довольно увесистый ломоть и, обмакнув его в соль, стала с упоением есть. Все остальные последовали моему примеру, отпуская шутки в мой адрес. Когда болгарские товарищи узнали, что я не обедала, они оделили меня еще одним караваем. Прижав его теплый круг к груди, я отправилась осматривать завод. Здесь выпекают три типа хлеба: типовой, старозагорский и софийский. Именно его я нежно прижимала к груди. Завод небольшой, но автоматизация полная. В день выпекают около тридцати тонн хлеба и обслуживают сельскохозяйственную кооперацию, расположенную неподалеку, в Червенном Бреге.

Мы вернулись в автобус. Вместе с нами поехали две полные черноволосые болгарки: экономист и бухгалтер завода. Спутники мои по обыкновению затянули: «Ты ж мэне пидманула, ты ж мэне пидвела». И я, обернувшись к болгаркам, спросила, не споют ли они что-нибудь свое, национальное. Они с готовностью согласились и на два голоса пропели нежную любовную песню. Потом еще и еще. Все смолкли, прислушиваясь, как сливаются в незнакомой мелодии мягкие женские голоса. За окном посинело, потом потемнело, а я мечтала только о том, чтобы еще долго-долго ехать в автобусе, слушая, как сменяют друг друга песни, то медленные и грустные, то задорные и веселые.

Когда автобус все же остановился н жеищины собрались выйти, они долго не могли освободиться нз иаших объятий. Растроганные словами нежности и благодарности, которыми мы пыталнсь выразить свое восхищение иезнакомой, ио такой близкой нам народной музыкой, они повторяли: «Благодаря, благодаря».

Мы тронулись дальше уже в полной темноте, ведь в ноябре темнеет рано. А в душе, еще иаполненной музыкой, опять зазвучалн знакомые слова:

На болгарском светлом небе
Далеко
Звезды без числа дрожали.
Вот и все.

...На следующий день выехалн через Ловеч в Велнко-Тырново н вскоре нагнали небольшую процессню. На мужчннах, как короткие плащи, развевалнсь махровые полотеица. Мы решилн, что это какой-лнбо празднк илн свадьба, ио впереди увиделн небольшую лошадку, разукрашеииую бантами. На телеге, которую она бойко тащила,— открытый гроб с покойником. Позже, после длительной остановкн, мы нагнали ее сиова. Она еще более резво тащила уже пустую телегу. Теперь за ней шли только двое мужчнн в тех же махровых плащах-полотенцах. Лошадка весело помахнвала головой с зеленымн бантами. Мужчнны напевалн что-то безусловио оптнмнстическое. Лица нх раскрасиелись, и глаза блестели. Похороны былн ие слишком печальными, и мы решилн, что это хорошнй знак.

В Велико-Тырново мы прнехалн в сильный дождь, который не прекращался всю ночь н следующий день.

Казалось, мы смотрнм на город через прозрачный, но довольно плотный занавес. Возможно, поэтому от города осталось впечатленне иереальности. Город в ущелье, на берегах неправдоподобно живопнсиой Янтры. Отвесные скалы. Узкие улицы с тесиящимнся друг к другу домамн. В нх разрывах видиы яркне черепнчные крышн, спускающиеся вниз, к реке, или поднимающнеся амфитеатром все выше и выше. Яитра то бурная, горная, то спокойная, иеторопливая.

Темнеет рано, поэтому каждый новый город открывается в сумерках, когда иачинают загораться огии. И я с тревогой иачниаю думать о Пловдиве: неужелн н туда мы приедем затемио?

В Габрово мы добралнсь к вечеру и очень долго ехали все по одиой и той же улнце. Наш гид, которого мы прозвали «мнлый Милко», прнзнался, что это самая длнннная улица, но от сравненнй отказался, так что мы осталнсь в полном убежденнн, что длиниее не бывает. Утром выясиилось, что она действительно открывает н закрывает город, переходя в шоссе.

Город освещен скупо. Но я так устала от езды в автобусе, что решила немного пройтись, и пошла по «самой длинной улице» мнмо иеосвещенных домов, хотя было совсем ие поздио, около восьми часов вечера.

Слева от меня — все та же Янтра в редкнх каплях огней, справа угадывалась другая улица, которая показалась мне более нитересной, н я перешла туда. Но там было совсем темио, и я решила вернуться по ней к своей гостиннце. И это было ошнбкой. Улнца

увела меня в кромешную тьму. Дома, мимо которых я шла, приняли необычные, ультрасовременные формы. Я объяснила это своим плохим зрением и почти полным отсутствием освещения. Дождь не прекращался. Куда идти?

Впереди, возле одинокого фонаря, возникла из дождя высокая стройная фигура в брюках и куртке, судя по длинным волосам — женская. Когда она приблизилась, я рискнула обратиться к ней за помощью. Говорила я по-русски и довольно пространно. Женщина молча слушала, потом подвела меня к фонарю. В его слабом свете я увидела юное лицо с улыбающимися светлыми глазами, коротким носом и нежными губами. Несмотря на дождь и отсутствие зонта, ее густые темные волосы не были мокрыми и пушистыми прядями ложились на плечи. Несколько секунд она рассматривала меня, потом протянула руку ладошкой кверху. «Симеонка»,— сказала девушка и, сжав мою руку, повела куда-то через темноту и лужи.

Шли мы долго. За это время я узнала, что Симеонка — студентка, учится в Варне на экономическом факультете, но живет в Габрове, потому что считает, что на свете нет лучше города. Я попросила ее рассказать о Пловдиве. Она с готовностью согласилась, но огорчилась, что ее родной город не произвел на меня должного впечатления. «Вот это,— сказала она, обводя рукой темное пространство,— новый экспериментальный квартал. Видите, какие дома!»

Каждая из нас говорила на своем родном языке, но мы прекрасно понимали друг друга. Вот и наша гостиница. Обменялись адресами и

телефонами. Отведя от моего лица мокрые волосы, Симеонка притянула меня к себе и поцеловала.

И у двери недоступной
Далеко
Только раз поцеловались.
Вот и все.

...Рано утром опять проезжаем по «самой длинной улице». До свидания, милая Симеонка!

До Шипки дождь и туман не оставляли нас. Не было никакой возможности подняться к вершине Столетова. Начался спуск в долину роз, Казанлык. Туман и дождь неожиданно исчезли. Лес вновь оделся в желтые и терракотовые тона. По эту сторону гор — солнце и почти что лето.

К Стара-Загоре подъехали днем. Поднялись по ступеням к памятнику защитникам города. Внизу Стара-Загора. День ясный, но над городом туманная дымка. Ощущается резкий химический запах. В воздухе, как редкий снег, белые нити. Они оседают на пальто, волосах. Это уже второе разочарование. Первое связано с встреченной нами несколько раньше горной речкой неестественно синего цвета без всякой растительности по берегам. При виде ее у меня возникло чувство тревоги.

В Стара-Загоре, поскольку было еще сравнительно рано, решили походить по магазинам. Но когда в магазине трикотажа продавщица разложила перед нами прелестные синтетические свитеры, мы вспомнили белые нити в воздухе, и нам расхотелось их покупать.

На следующее утро по дороге на Пловдив мы увидели посадки деревьев, уходящие далеко к горизонту. Деревца невысокие, совсем молодые. Каждое трогательно запеленуто до половины в белую бумагу и перевязано синей ленточкой. Милко сказал, что это сделано для защиты от грызунов. На сердце сразу потеплело, и забылась ярко-синяя речка, как на плохой цветной фотографии, и «белый снег» в Стара-Загоре.

Мы прибыли в Пловдив к вечеру. Автобус ненадолго остановился у набережной Марицы, самой популярной реки в Болгарии. Вдоль реки — аллея из очень высоких старых тополей. Немногие оставшиеся листья, кора и трава мягкого коричневого цвета. Марица здесь очень широка. Неподалеку друг от друга два моста. Один — очень старый, деревянный, теперь только для пешеходов. Другой — современный, со снующими по нему машинами, автобусами. Над рекой туман. Я пошла по старому деревянному мосту и сразу поняла, почему его оставили, не заменили новым. Почему предпочли новый построить рядом. На старом мосту не слышно шагов, он мягко стелется под ногами. Я дошла до середины. Вокруг вода. На одном берегу — современные высокие здания. На «моем» берегу — молчаливые тополя. Я вернулась на набережную. Издалека Пловдив мне виделся очень ярким и радостным, а он встретил меня тихой аллеей, пустынной «набережной туманов». Ко мне подошел юноша с сумкой через плечо, поздоровался.

— Мне здесь так нравится! — ответила я на приветствие.

Он расстегнул сумку. Она была полна грибов.

— Я собрал их здесь, на набережной. Возьмите на память. Ведь мы почти в центре города — и грибы.

— Я думала, Пловдив белый.

— А он и есть белый. Завтра утром пойдите к амфитеатру — увидите.

В сгущающихся сумерках загудел автобус. Юноша высыпал грибы в мой перевернутый зонтик, и я пошла по мокрой траве, оглядываясь на реку, мост и одинокую фигуру с сумкой через плечо. Автобус сразу наполнился запахом грибов, осеннего леса.

Когда приехали в отель и разместились, совсем стемнело. Дождь усилился. Но я не могла ждать утра. Освободила зонт от грибов, аккуратно разложив их на столе, надела куртку и вновь вышла на улицу. Пловдив, мой белый Пловдив, где ты? Возле отеля никого нет. За углом налетаю на мужскую фигуру.

— Как пройти в центр, пожалуйста?

Незнакомец молча смотрит на меня, потом жестом Симеонки протягивает руку:

— Пойдемте!

Мы идем по темным улицам. Справа неожиданно возникает белое здание с античным двориком.

— Потом, на обратном пути,— роняет мой провожатый,— это библиотека.

Мы пересекаем какие-то дворы, и вот сияние огней, смех, всюду вода. Идем прямо по лужам. Но даже в этот дождливый темный вечер я вижу, что Пловдив и впрямь белый, как будто только что выпал снег и лужи на снегу.

— Завтра не будет дождя,— говорит мой провожатый,— и вы все увидите. Пловдив вымощен белым камнем. Это сделали недавно, потому так светло. Как вас зовут?

Сворачиваем в парк, и у меня возникает ощущение, что высокие деревья, которые здесь преобладают, не потеряли своей листвы, а ведь конец ноября. Дождь кончился, и слабый ветер явно шелестит в листьях. Опять загадка? Впрочем, я рассмотрю все завтра утром.

Возвращаемся по лужам к отелю. Кирил задерживает мою руку. Тогда я решаюсь:

— Я потерялась вечером в Габрове. Мне помогла девушка Симеонка, очень похожая на вас. Добрая и ласковая. Можно подумать, она вам приходится родной сестрой.

Кирил отпускает мою руку, и мы уславливаемся встретиться утром.

Утром идем через парк. Здесь уже все по-другому. Парк спокойный, почти что элегический. Но что это? Мне кажется, я в музее современного искусства. Листва, конечно же, давно опала. Она лежит мягким пестрым ковром. Однако деревья зелены. Но это и не деревья вовсе. Вдоль аллеи выстроились монументальные фигуры. К небу подняты взывающие руки. Это тополя, сплошь оплетенные зеленым плющом, сверкающим на солнце мокрыми листьями.

— Но это, наверное, очень опасно для тополей,— говорю я, указывая на деревья,— этот плющ! Хотя красиво необыкновенно!

— Нет, конечно, если бы было опасно, его не было бы.

Звучит убедительно, но я не соглашаюсь и рассказываю ему о

ядовито-синей речке, о Стара-Загоре и о моем теперешнем отвращении ко всему синтетическому.

— Индустриализация ценой гибели природы — кому это нужно?

Кирил убеждает меня, что, только расширяя производство, развивая промышленность и сельское хозяйство, человечество сможет просуществовать и прокормиться:

— Нельзя сохранить природу нетронутой и одновременно достигнуть промышленного уровня, необходимого для современного общества. Да, существуют национальные парки, но и в них нарушается прежнее естественное равновесие из-за урбанизированного, индустриального окружения. Зато можно и должно создавать новые природные биокомплексы не хуже естественных, которые будут лучше приспособлены к окружающей их промышленной среде. Делать это необходимо уже сейчас, иначе человек психологически не выдержит испытания урбанизацией. Но не затрагивать природу уже просто невозможно.

Кирил говорит по-русски очень хорошо и убедительно. Он инженер и, естественно, за быстрейший промышленный прогресс, но, как все в Болгарии, любит природу.

— Неправильно,— продолжает он,— противопоставлять природу городу. Мне кажется, здесь возможны любовные отношения, «роман» между городом и природой, который даст человеку возможность жить и работать в городе. Вот вы скоро будете в Софии. Погуляйте в Парке Победы и посмотрите на Софийское море. Мне кажется, оно не хуже естественного, но расположено там, где это необходимо городу.

— Сначала уничтожить естественные леса, а потом насаждать новые, как это сделано в Западной Европе! Создавать новые биогеоценозы «не хуже естественных». Нелепо! — горячусь я.

— Нисколько. Если бы мы начали осваивать заново нашу планету, сейчас, с нашим теперешним уровнем развития цивилизации, конечно, все было бы по-другому. Наверное, наряду с высокоразвитыми индустриальными центрами остались бы большие массивы нетронутой природы. Сейчас мы можем только стараться возместить то, что утрачено навек, и не обманывать себя возможностью сохранить природу в первозданном состоянии...

Прямо за парком открылась площадь — белая-белая. Как светло и просторно! Белая мостовая сделала город радостным и молодым. В конце улицы античный амфитеатр. Раскопан лишь наполовину, остальная часть под центральной улицей. Чтобы раскрыть его целиком, пришлось бы снести много старых домов, а они тоже история Пловдива. Это невозможно. Как-нибудь по-другому будут решать эту проблему. Древний амфитеатр необыкновенно «идет» Пловдиву, подчеркивая молодость его улиц и площадей, задумчивость его аллей и парков.

Кирил расспрашивает меня о Симеонке. Она, так же как и он, оторвавшись от своих дел и забот, темным и дождливым вечером вела незнакомку из Москвы по Габрово, рассказывая о своем городе, о себе, отвечая на все ее вопросы. Для меня Симеонка — юная, красивая и добрая — стала воплощением Болгарии.

— Будете ли вы писать друг другу?

— Обязательно. И я надеюсь, она сможет приехать в Москву. А знаете, Кирил, меня удивило, что Симеонка не хочет жить и

работать ни в каком другом более крупном городе, чем Габрово, даже после окончания института.

— А меня нисколько. Я инженер и мог бы работать в столице, меня неоднократно звали туда. Но я люблю Пловдив и вряд ли уеду когда-нибудь отсюда надолго.

Пловдив, молодой и старинный Пловдив! Как жаль с тобой расставаться! Меньше суток провела я здесь, и вот болит сердце, когда в последний раз оглядываюсь на твои светлые улицы.

Шли по улице все тише
Далеко.
Что ии шаг, то шаг последний.
Вот и все.

... Теперь через горнолыжный курорт Боровец в Софию.

Поднимаемся в горы. Лето и осень отступают, начинается зима. Нас обступили огромные ели, укрытые толстым слоем снега. По сторонам шоссе — коттеджи. Сейчас здесь тихо. Лыжный сезон еще не начался. Изредка с высоких деревьев срывается снег. Лес старый, редкий, заполненный снегом и солнцем. После дождей и туманов все вокруг кажется сказкой. У дороги забавные фигурки, слепленные из снега. Мы успеваем создать свой шедевр — зайца с одним опущенным ухом — и опять в автобус. Начинается спуск к Софии. Вверх и вниз уходят горы с зелеными елями, голубыми тенями на снегу. Все молчат. На лицах задумчивые улыбки.

Шоссе, по которому двигается наш автобус, ремонтировалось. Оно завалено щебнем и крупной галькой. Кучи песка по обеим сторонам сузили его до предела. Вероятно, мы первые, кто решился проехать по нему сейчас: до Софии нам не встретилось ни одной машины. Автобус продвигается очень медленно, заваливаясь на бок, как лодка на большой волне. Кажется, вот-вот перевернемся. Почему Милко выбрал именно эту дорогу? Он молчит, уклончиво улыбается и нетерпеливо смотрит в окно. За деревьями замелькало синее и голубое.

«Ну вот»,— удовлетворенно говорит Милко. Мы смотрим — и не верим. На карте, что я получила, уезжая в Болгарию, нет указания на озеро. А перед нами огромное озеро. А может быть, море? Противоположного берега не видно. С нашей стороны — берега, покрытые травой, небольшие пляжи. Длинная песчаная коса. Деревья спускаются к самой воде. На берег мягко набегает волна прибоя. Это Софийское море. Оно тянется до самой столицы Болгарии, вливаясь в нее. Вода цвета темного малахита. На горизонте медленно появляется моторная лодка. Она движется неторопливо, оставляя длинный пенящийся след. Не верится, что все это возникло недавно. Кажется, так было всегда и иначе быть не могло...

Что можно сказать о Софии, если на нее оставлен один только день? Мы устроились в гостинице «Парк-отель», расположенной в Парке Победы. На уютных трамвайчиках долго ехали через парк, вернее, лесопарк к центру. Больше всего в Софии мне понравились этот парк и море. И в конце концов я согласилась с Кирилом, что можно создать новые природные ландшафты «не хуже естествен-

ных». Хотя в глубине души я надеюсь, что горы Болгарии, покрытые лесами и лугами, останутся нетронутыми.

...Симеонка и Кирил мне пишут. В каждом письме Кирил просит меня передать привет Симеонке. В последнем своем письме он попросил у меня разрешения написать ей самому. «Я хотел бы,— пишет он,— познакомиться и подружиться с девушкой, у которой я принял эстафету дружбы. Может быть, Вы найдете возможность сообщить мне адрес Симеонки, которая для Вас олицетворяет мою Болгарию».

Я знаю, где и как учится Симеонка, знаю, где она живет, сколько ей лет, но не знаю, захочет ли она познакомиться с Кирилом. Но я верю, что эти двое не могут не подружиться, не полюбить друг друга. Я беру чистый лист бумаги и пишу:

«Здравствуй, Симеонка!»

ПАУЛЮС НОРМАНТАС

АРАЛЬСКИЙ РОБИНЗОН

Очерк

...Ног я уже не чувствую — они одеревенели. Кое-как работают только основные мускулы. Кровь застыла в жилах. Я почти перестаю плыть, стараюсь расслабиться: любое резкое движение может вызвать судороги, а тогда довольно-таки сухопарое мое тело окажется на дне холодного, хотя и неглубокого Арала... Дрожь сотрясает меня, даже хрипы вырываются. Мозг тоже превратился в льдышку, но кое-что я еще соображаю: пока бьет дрожь, не замерзну окончательно. Когда плывешь в ластах, работают главным образом мышцы бедер, а они самые внушительные. Но сколько еще нужно продержаться? Холод действует, как наркоз; я перестаю ощущать течение времени. Глаза, уши, все тело погружено в воду, и это однообразие среды мешает временно́й ориентации. Полчаса прошло, час или два?

Плыву в одежде. Перед собой толкаю маленький плотик, связанный из тростника. На нем жалкие остатки снаряжения. Гребу понемногу. Проплыл я вроде бы метров четыреста,— значит, осталось еще триста.

Такое расстояние еще полбеды. Самое страшное — холод; вот он подступает к самому горлу. Начались спазмы дыхательных путей и рвота, хотя желудок совершенно пуст. Ледяная рука уже сжимает горло; не могу глотнуть воздуха, задыхаюсь...

По зову Арала

Когда едешь по Туркестанской железной дороге, незадолго до Аральска, что на западном берегу моря, в вагонах начинается оживленная торговля копченой и сушеной рыбой. Тут есть все, что

душе угодио,— сазаны, лещи, каспийская плотва, миожество другой рыбы. При виде такого изобилия сердце подводиого охотиика иачииает биться учащеиио.

Если же летишь иа самолете, замечаешь, что одиообразиую, выжжеиную солицем казахстаискую степь смеияет зелеиая полоса тростника, затем желтая прибрежиая лииия, а дальше видишь всюду лишь бескрайиюю голубизиу — голубое, без малейшего облачка небо вверху и голубое море под крылом самолета.

Такое зрелище тоже ие может оставить равнодушным туриста, жаждущего поближе позиакомиться с живописиыми уголками иашей страны.

Первое мое знакомство с Аралом состоялось несколько лет иазад, когда мы — трое туристов — дией десять весьма успешио охотились у его западных берегов.

Рыба водилась не везде, но мы нашли несколько мест, поражавших ее обилием. Сухой и жаркий климат позволил иам высушить улов за пять-шесть дней. Местные моряки рассказали, что для рыболовов больше всего подходит юго-западный архипелаг правее дельты Амударьи. Между бесчислениыми островками, куда мели и камыши ие позволяют заплывать рыболовецким судам, непугаиой рыбы пруд пруди. Если верить морякам, там попадаются сомы весом до трехсот килограммов! В камышах обитают кабаиы, в кустарнике — кеклики, фазаиы. Впрочем, летом там полно и куда меиее приятных существ — ядовитых змей и скорпиоиов.

Незапланированные каникулы

1974 год. Середииа марта. Я живу в Таджикистане, впереди целый месяц иезаплаиированиых каникул. Как провести это время? Рыбная ловля? Местная детвора уже плещется в хаузах (иебольших водохраиилищах для поливки полей). Но охотиться в Аральском море под водой еще холодио даже в гидрокостюме. Придется, видио, ловить рыбу удочкой. Ранней весиой здесь змей еще нет, скорпионов тоже. Не предвидится проблем с питьевой водой.

Содержаиие соли в аральской воде — десять граммов на литр, то есть здесь она вдвое более пресиая, чем в океаие. Полиоводиые Амударья и Сырдарья несут миллиоиы тоии пресиой воды. Оиа держится тонкой пленкой на поверхности моря, пока ие наступает жара. На солице речиая вода быстро испаряется, а ветер смешивает ее с морской, но весеиние паводки все иаполияют и иаполияют Арал, так что весиой поверхностные воды вполне пригодны для питья.

Сборы опытиого путешествеиника миого времени не занимают. Некоторые вещи так и лежат в рюкзаках с прошлого лета. Но я следую привычке одиого из персоиажей Джерома К. Джерома составлять длиннейшие списки якобы необходимого, а потом вычеркивать почти все за ненадобностью. Видимо, справедливо мнение, что истиниый турист должеи брать с собой три вещи: соль, спички и топорик. Но сейчас раиияя весна... Я долго верчу в руках подводное ружье. На что оио мне? Не полезу же я в апреле в ледяиую воду. На поверхиости будет градусов шесть-семь, а в глубине ие больше четырех — почти как зимой. Однако пневматическое ружье мощностью в 50 атмосфер — эффектиое оружие и иа суше. Можно его и ие пускать в ход, ио уверенности в своих силах оио придаст. А это

очень важно, когда путешествуешь в одиночку по незнакомым местам. Поэтому я беру его. Ну а если уж взял ружье, приходнтся брать н комплект для подводной охоты: ласты, маску н трубку.

От Душанбе поезд поворачивает на юг, к Амударье. Проехав по террнторни Узбекнстана, он переезжает эту реку и несется к туркменскому городу Чарджоу. Свой путь на запад я продолжаю на другом поезде, через плодородную долнну Амударьн до станции Ходжейли. Здесь я пересаживаюсь на баржу, которая спускается по теченню к Аральскому морю.

На Памире уже тает снег. Вода в реках, бегущих с гор, поднялась. Речникн пользуются весенним паводком для вывоза хлопка. Второй разлнв начнется в июле, когда начнут таять высокогорные льды.

Экнпаж баржи — три человека; онн нз самого большого здесь порта — Муйнака. Там н самая крупная рыболовецкая база. Эти гостепрнннмные парни уднвлялись, что я плыву один.

— Еслн беда какая или заболеешь, кто поможет? — спрашивает шкипер.

Я отвечаю, что сейчас даже женщины в одиночку пускаются на яхтах вокруг света... А что стонт мужчине пару недель поплескаться средн аральскнх островков!

Джейхун — Бешеная река, как называют Амударью местные жителн,— разветвляется в дельте на три рукава. Баржа спускается по Акдарье (Белой реке), а мою надувную лодку быстро уносит Кунядарья (Чистая река). В конце лета она почти совсем пересыхает, но сейчас такая же мутная и быстрая, как н другие Дарьи. С высоких берегов то и дело падают в воду подмытые глыбы красной глины. Судоходства здесь нет, не видно даже каюков — лодчонок местных жителей. Только однажды вижу на правом берегу огонь — это жгут прошлогоднюю траву.

Наконец море. За день, едва подгребая веслом, я проплыл семьдесят километров. Арал здесь светло-шоколадного цвета. Воды Амударьи будут видны еще десятки километров. Дует зюйд-вест. Это хорошо. Я беру курс через Джылтырбас (Верхний Зменный залив) на самый большой остров юго-западного архипелага, или, точнее, на деревеньку Тайлакджеген, что в переводе означает «здесь проплыл годовалый верблюжонок». От устья Кунядарьн это около шестидесяти миль на северо-восток. При попутном ветре, думаю, хватит и суток.

Швертбот «Аргонавт»

Я прнкрепляю к своей двухместной лодке два боковых пластмассовых шверта, управляемый ногамн руль и складную мачту с небольшим парусом. Скорость «Аргонавта» — до пяти узлов, так что за день можно проплыть двойную туристическую норму (то есть километров сто двадцать). Кстати, вес швертбота всего десять килограммов.

Первая н последняя удобная ночевка — на берегу Арала. Здесь полно ящиков и досок. Я мастерю из ннх экран для защиты от морского ветра и раскладываю большой, но медленно горящий костер. Ложусь между экраном и костром, забравшись в спальник. Греет хорошо.

Рано утром собираю свой парусник и спускаю его на воду. Кладу иа нос рюкзак с запасом еды и иеобходимыми для лагеря вещами, ружье прнвязываю к мачте, сумку с кое-какой мелочью кидаю в лодку. Дует ветер в четыре-пять баллов, и Джылтырбасский залив я проплываю, как н предполагал, за сутки. Ночью, чтобы ие замерзиуть, держу шкот в зубах, а сам гребу одним веслом, как в каноэ. Хотя авиационный компас светится в темноте, проще ориентироваться по Поляриой звезде. На рассвете я уже вижу острова — следовательно, проплыл около сорока миль, и до кишлака, где когда-то плыл верблюжонок, остается меньше двадцатн. Я прнстаю к ближайшему островку, чтобы иемного отдохнуть: просидеть всю ночь в одином положеиии весьма утомительно.

Бросив на берег сумку, я вытаскиваю лодку. Большой рюкзак не вынимаю: долго здесь не задержусь. На всякий случай беру ружье — место как-никак иезнакомое. Островок иешнрокий, но длиииый. Восточная его стороиа, словно бородой, обросла кустами саксаула н тростником; я отправляюсь на разведку иа другую, подветреиную сторону. Вдруг нз-под ног выскакивает н прячется в кустах парочка коричневых куропаток. Эти птнцы здесь втрое больше европейскнх. Во мне разгорается охотничнй пыл, хвалю себя, что взял ружье. Подкрасться бы метров на пять — н птица на вертеле... Я заряжаю ружье стрелой, завинчиваю треугольиый гарпуи для рыбы средней величины. Но куропатки перебегают от куста к кусту, вместо того чтобы взлететь. Впрочем, бес их знает, умеют ли онн вообще летать? Известно только, что онн привыкают к человеку н весьма драчливы. Жители Южиого Таджикнстана часто держат у себя таких куропаток, треиируют н выставляют иа поединки с другими.

Птицы заманивают меня к противоположному берегу н нсчезают в чаще тростника. Приходится смириться с мыслью, что куропатка все же ие рыба, а гарпун не дробь...

Сейша

Выбрав удобное место для лагеря, я отмечаю его пучком травы иа высоком саксауле и ие спеша возвращаюсь к лодке. Издалека вижу метрах в четырехстах от берега чей-то парус. Жаль! Так хотелось побыть одиому! А тут еще кто-то...

И в этот миг меия молнией пронзает мысль: да ведь это «Аргонавт»! Сломя голову мчусь по мелководью. Сейша... Напрасио теперь рвать иа голове волосы с отчаяния — я совсем забыл о сейшах. Сейша отличается от наводнений и приливов тем, что вода поднимается лишь ненадолго. Это в сущности огромная плоская волна. Я скидываю ботинки, срываю штаны и куртку. Свитер оставляю — так теплее. Натягиваю ласты и прыгаю в воду. Сделав иесколько гребков, пробкой выскакиваю на берег. Вода ледяная, аж дыхание сперло. Я прыгаю на одиой ноге, бью себя руками по бокам и лихорадочно думаю, что делать. В такой воде я не проплыву и полсотни метров. Бегаю-бегаю, как неиормальный, по берегу, а моя лодка легко качается на волнах и не спеша уплывает все дальше от меня; оиа движется по ветру вдоль архипелага. Неужели поблизости нет какого-нибудь судна? Ни душн! Я скидываю мокрую одежду и, напялив куртку, бегу по побережью: авось море выбросило что-либо

подходящее — бакены, бревна, из которых можно соорудить плот и догнать на нем лодку. Несколько дощечек, палок, пара поплавков... Летом я проплыл бы расстояние до лодки за шесть минут. Как же вернуть ее и все снаряжение, украденное сейшей, ветром и течением? Остается последняя призрачная надежда — не выпускать лодки из виду и ждать какого-нибудь судна. Но как дать знать о себе? Я набираю травы и дощечек, разжигаю маленький дежурный костер. Слава богу, спичек у меня полные карманы. Затем срезаю самый высокий саксаул и привязываю к нему полотенце.

Поднялось солнце, стало теплее. Море, как кот, ластится к ногам, прибой еще ощутим, вода прозрачна: муть, приносимая Амударьей, сюда не доходит. Я же печально сижу на берегу, пристально вглядываясь в горизонт. Вечером замечаю вдалеке лихтер — пароходик, развозящий по домам рыбаков. Он направляется на север, скорее всего в Тайлакджеган. Но между нами не менее трех миль. Я кидаю в костер ветки и траву, дымлю изо всех сил. Сам становлюсь рядом и размахиваю своим флагом. В бинокль, может, и заметили бы меня. Но на лихтере, верно, не смотрят по сторонам.

Вечером мой парус уже еле виден. Итак, выходит, что я отрезан от берега. Однако ой как не хочется мириться с поражением. Я еще лелею надежду догнать «Аргонавт», если даже корабль покажется завтра. Штормом вроде бы не пахнет.

Я мысленно кратко формулирую случившееся. Если существует телепатия, то мои мысли запеленгуют. «Я — литовский путешественник, живущий в Таджикистане. 25 марта 1974 года неожиданно

попал в опасную ситуацию. Всевидящий аллах наказал меня, соблазнив кекликами, и наслал на меня сейшу — стоячую волну, поднявшую уровень воды на полметра. Этого оказалось достаточно, чтобы моя надувная лодчонка оторвалась от берега и, несомая ветром и течением, уплыла на недосягаемое расстояние. Крайне низкая температура воды помешала догнать беглянку. В лодке запас пищи на три недели, теплый спальный мешок и все рыболовные, а также кухонные принадлежности. Что мне делать?»

Раскладываю на берегу все оставшееся: подводное ружье с двумя гарпунами и четырьмя наконечниками, комплект для ныряния, большой охотничий и маленький карманный ножи, часы, увеличительное стекло, карандаш, мыло, иголки с нитками, полбуханки хлеба, граммов пятнадцать чаю, двадцать два кусочка сахара, пять луковиц, два зубчика чеснока, роман Джеймса Олдриджа «Морской орел» на английском языке, несколько газет и резиновый мешочек с документами, деньгами, спичками, записной книжкой и картой Средней Азии.

Привыкнуть можно ко всему...

Начну с чая — таков обычай жителей Средней Азии. Хороший обычай! Чай, особенно зеленый, тонизирует, утоляет жажду, успокаивает. Но в чем вскипятить воду? Ведь посуда уплыла вместе с лодкой. Теперь все придется одалживать у моря. Довольно долго брожу по берегу, пока наконец не нахожу то, что нужно. Ржавая литровая консервная банка... Выскребаю ее, как могу. Чай, хоть и солоноватый, поднял настроение. Утешаю себя: бывает и хуже. Рано или поздно кто-нибудь появится и доставит меня в Тайлакджеган, где плавал верблюжонок.

Тюркская топонимика расшифровывается очень легко, любое название что-нибудь означает, это вам не Москва, Каунас или Скуодас. Арал, например, по-тюркски «остров». В бескрайних, выжженных солнцем степях это море словно остров, остров воды.

Близится вечер. Теперь самое главное — устроить приемлемый ночлег. С моря тянет ледяным холодом, а все близлежащее топливо я использовал для дымовой сигнализации. Тростник и ветви саксаула сгорают за несколько минут. Меня мучает голод, но к хлебу я пока не притрагиваюсь.

Жилищный вопрос

Четырех-пятиметровый тростник в палец толщиной растет здесь густыми пучками. Выбрав один из них, диаметром метра в три, я срезаю тростник, по окружности образовавшегося пространства связываю верхушки растений; срезанный тростник и напоминающая аир сухая прошлогодняя трава идут на стены. Вот и юрта готова. Казахи делают их из войлока, застилают пол шкурами и коврами из верблюжьей шерсти. Моя же юрта, если ее можно так назвать, чертовски холодна. Ветер продувает ее насквозь. Холод пронизывает до костей. Под утро и я, и мое жилище покрываемся инеем. Срезаю тростник с подветренной стороны и развожу костер у самого ложа. Урывками сплю, но, когда через несколько минут огонь тухнет, просыпаюсь. «Перетерплю, — думаю я, дрожа, — до утра, а завтра построю кибитку — глиняный шалаш с печкой».

За весь следующий день мне удается построить метровой высоты глиняное жилище, удивительно напоминающее древнюю казахскую могилу.

Впрочем, для того чтобы сидеть или лежать, моя кибитка вполне пригодна. Жилищный вопрос, таким образом, решен.

Остается проблема пищи. Это куда сложнее. Ветер и течения носят сейчас мой «Аргонавт» по Аралу, а он величиной с Литву, если не больше. Кому достанутся все эти консервы, чай, овсянка, сушеные фрукты? Интересно, что подумают об их бывшем владельце? Может, неосторожный рыболов вывалился из лодки и утонул? Так погиб мой знакомый учитель в Башкирии. Сперва нашли пустую надувную лодку, а потом на дне озера и его самого. Нашедший «Аргонавта» обязан известить об этом милицию, а та — объявить розыск. Мой портрет будет висеть между фотографиями скрывающихся от правосудия рецидивистов на всех пристанях и железнодорожных станциях Средней Азии. Соседство не из приятных. Если меня не найдут, то через два месяца объявят пропавшим без вести.

Другой вариант: человек, нашедший лодку, никого не известит об этом, а оставит ее себе. По морской традиции судно, оставленное владельцем, принадлежит нашедшему его. Третий вариант, самый вероятный: лодка будет дрейфовать, пока первый шторм не выкинет ее где-нибудь на необитаемый берег Кызылкумов. Обломки «Аргонавта» сгниют вскоре в полосе прибоя.

Мобилизация сил

Первая ночь в кибитке напоминала предыдущую — в тростнике: еще не успели обсохнуть глиняные стены, не хватало топлива. Но настроение радужное. Слишком холодно, чтобы спать, и я намечаю ближайшие задачи: тщательно обследовать остров, установить расстояние до двух ближайших островов, придумать, как ловить рыбу, держать наготове сигнализационное устройство и укреплять физическую выносливость. Затем я определяю два варианта спасения. Первый и основной: в середине апреля просыпается скудная аральская природа, и здесь должны появиться рыбаки, ихтиологи или еще какие-нибудь натуралисты. Следовательно, мне надо продержаться недели три. Запасной вариант: в середине мая вода потеплеет, и я смогу проплыть до берега этапами — от острова к острову. По карте определяю, что этапов будет шестнадцать — от пятисот метров до трех с половиной километров каждый. Еще раз обмозговав оба варианта, я меняю их местами. Итак, намечается двухмесячная робинзонада — до середины мая, когда я собственными силами смогу добраться до берега. К утру принимаю решение: сегодня же начать тренировки и закаливание. Теперь для меня не существует ненастья, ледяной воды или невыносимого голода. Сколько поймаешь, столько и съешь. Теперь мы с природой единое целое, и, если я не буду придерживаться ее законов, это для меня может окончиться трагически.

Психологическая настройка играет огромнейшую роль. Как только я составил план действий, задача моя оказалась ясной и не такой уж трудной. Теперь я просто обязан выкарабкаться.

Первый сазан

Ершики — очень любопытные рыбки. Они тычутся мордочками в маску аквалангиста, когда тот заплывает на их пастбища с глинистым или каменистым дном. Это и позволило использовать необычный способ ловли ершиков под водой: для охоты с ружьем они слишком мелки. Я привязывал к нему короткую леску с двумя крючками, получалось нечто вроде удочки. Неописуемое удовольствие — наблюдать, как ершики атакуют приманку. Тут же, под водой, я нанизывал рыбку на кукан и снимал с крючка следующую.

Ну а как на этот раз? К счастью, я нахожу в кармане ружейного чехла два небольших крючка и обрывок лески. Смастерю удочку.

На третий день голодания начинаю чувствовать во рту запах ацетона. Это значит, что организм начал эндогенное (то есть из внутренних запасов) питание. Сначала «худеет» кровь — используются имеющиеся в ней запасы жира. Затем приходит очередь гликогена, выделяемого печенью. Через кровь он превращается опять в виноградный сахар и сгорает, как энергетический продукт. Затем наступает очередь внутреннего и подкожного жира, белков из костного мозга и других внутренних органов. Вплоть до этой стадии голодание не приносит вреда здоровью. Но когда не остается жиров, организм начинает использовать для питания мускулы, возникает дистрофия. Это уже опасно. Холод стимулирует использование энергетических запасов организма. Поэтому я непременно должен что-нибудь поймать.

Отвязав от ружья миллиметровую леску, я срезаю длинный тростник и мастерю удочку с двумя небольшими крючками. Приманка — хлеб. Жаль этого последнего кусочка, но никакой живой приманки вокруг нет: насекомые еще не вылезли из своих зимних укрытий. Закидываю удочку в разных местах у тростника. До полудня не удается поймать ничего; моя горбушка тает на глазах. Устав, я втыкаю удочку в землю и иду искать местечко получше. Возвращаюсь — удочка в воде, до нее метров восемь. Мгновенно раздевшись, бросаюсь в воду; несколько гребков — и я снова на берегу. Я так взволнован, что даже не чувствую холода. Значит, клюнула!.. На удочке только один крючок. Это, конечно, не весело, но обнадеживает: значит, здесь водится крупная рыба. И купание не прошло даром: теперь я уверен, что после нескольких таких сеансов я мог бы стать «моржом» и пробыть в воде несколько минут. Ведь «моржи» — люди самого разного возраста и часто не такие уж упитанные, а купаются в двадцатиградусный мороз и впридачу жизнерадостно позируют перед телекамерой. Здесь условия куда благоприятнее. Днем температура выше пятнадцати градусов. Да, обязательно надо стать «моржом», если я хочу что-нибудь поймать. В программу тренировок включаю упражнения по задержке дыхания. Лежа на берегу, зажав нос, могу не дышать минуты две с половиной. Необходимо подготовиться, чтобы через неделю я смог продержаться под водой хотя бы минуту. А пока придется ловить рыбу на оставшийся крючок. Я забрасываю его туда же, куда и раньше. Клюет! Вытаскиваю килограммового сазана. Черноспинный золотобрюхий красавец кувыркается в прошлогодней траве. Еще попытка — есть! На этот раз усач. Тоже не очень крупный, но это и хорошо: крючок не выдержал бы увесистого. На третий раз

сорвалось так, как срывается у рыбаков только во сне. Я вытащил сломанный крючок...

— Мои драгоценные крупные рыбы, вы обезоружили меня!— обращаюсь я к шумящему у моих ног морю.— Но я, как старый рыбак Сантьяго у Хемингуэя, не сержусь на вас. Мы еще встретимся и, как вы думаете, где? В ваших владениях! Если вам не холодно, то и мне холодно не будет. Поймите, я очень, очень голоден.

Перец и лавровый лист дрейфуют по Аралу, но лук и долька чеснока делают сазана очень вкусным. У меня остается всего четыре луковицы...

Неделя без пищи

Как-то мне удалось продержаться на одной воде целую декаду. Первые три дня я страдал неимоверно. На пятый чувство голода притупилось; невыносимо тяжело стало на десятый день. Любопытно, что в первую пятидневку сил у меня почти не убавилось. Этот опыт должен помочь сейчас. Я обязан закалить свое тело так, чтобы пробыть в воде минут десять — пятнадцать. За эти несколько дней вода может немного прогреться: солнышко поднимается все выше и выше. Однако слишком увлекаться тоже не следует, как бы не заработать воспаления легких. Тогда конец...

Я устанавливаю строжайший режим. Делю день на две части: утреннюю и послеобеденную. По утрам обегаю берегом свой остров — это почти три километра. Легкая зарядка, затем раздеваюсь, натягиваю ласты, прыгаю в море и, сколько хватает силенок, плыву. Вернувшись, растираюсь полотенцем, молниеносно одеваюсь и энергично пробегаю еще километр. Потом кипячу «чай», греясь на солнышке и одновременно у костра. Прихлебываю маленькими глотками солоноватую горячую воду. После такого «завтрака» валяюсь на песке, в сто пятый раз изучаю «Морского орла» и брожу по острову. Когда нет ветра, загораю. Наблюдать горизонт, особенно северную его часть, в той стороне, где плавал верблюжонок, стало у меня уже привычкой. В какой бы стороне острова я ни находился, непроизвольно поднимал голову и осматривал море. А главное, я плавал, плавал. Расстояние увеличивал по арифметической прогрессии, начиная с тридцати метров. На пятый день, таким образом, проплывал сто пятьдесят. Днем бегаю нагишом. После зарядки быстро надеваю маску и ласты, делаю гипервентиляцию легких — насыщаю кровь кислородом — и, нырнув метра на три, проплываю под водой два десятка метров. Вокруг много рыб. Это отвлекает мое внимание от каленых иголок холода. И снова арифметика — каждый день ныряю на пять метров дальше. Наконец проплываю под водой сорок метров. Форсированная программа подготовки к охоте выполнена! Но на шестой и седьмой день море волновалось. Вода помутнела; трудно было разглядеть собственную руку.

После долгого голодания силы на исходе. Первым делом ухудшилось зрение — читать уже не могу. Подолгу сплю и во сне слышу странную музыку. Бегать и нырять не хочется. Однако прервать тренировки уже нельзя. Плаваю медленно, отдыхая на спине. На восьмой день море успокоилось, вода стала прозрачной, как слеза.

Первый выстрел

Сегодня четвертое апреля. Одиннадцатый день голодовки. Подготовка к охоте кончилась, но организм обессилен. Слабею с каждым часом. Бог знает, почему я тогда не заболел. Ведь простудиться было пара пустяков.

Сегодня я обязан что-нибудь поймать. Едва увидел стаю рыб, как перестал чувствовать холод. Шерстяные трикотажные штаны и свитер немного задерживали согретую телом воду, но дрожу я ужасно. Ружье прыгает в руках, как пулемет. Мелкие рыбешки суетятся вокруг. Вот похожие на наших красноперок красноглазые белобокие рыбки — усачи. Они то прячутся в зарослях камыша, то выплывают на чистую воду. Ершики крутятся у самой маски, грозно вертят хвостиками, подняв колючие спинные плавники. Но резвиться с рыбьим молодняком недосуг. Где же достойные меня настоящие рыбы? Ага!.. Вот из зарослей вылезает трехкилограммовый сазан. Надо незаметно подкрасться... Очень трудно унять дрожь. Выстрел. Мимо... Сазан кидается влево, со дна вздымается ил. Прямиком через камыши я спешу на берег. Добыть ничего не удалось, но настроение прекрасное. Теперь я твердо знаю — сегодня у меня будет рыба!

Долго греюсь у костра и бегаю вокруг него, сушу одежду. И снова в воду. Большущий сазан бодро плывет впереди. Я догоняю его. Вот он повернулся боком. Этого-то мне и надо. Стрела пронзает его насквозь: пятьдесят атмосфер не шутка! Потянул немного на себя — зацепился. Сазан мой! Он еще бьется на дне, вздымая тучи ила, но я уже тащу его за леску и спешу на берег. Моей радости нет границ — проблема пищи решена! Завтра нырну четыре раза.

Охота спорилась. Сазаны не слишком проворны и не очень пугливы. Лещи поосмотрительнее. Они только высовываются из водорослей и тут же назад. Холод не позволяет терпеливо выслеживать их. Впрочем, удается подстрелить и парочку лещей. Усачи любят большую глубину и обычно держатся у самого дна, все время что-то щупая своими небольшими усиками. А где же сомы?

Ем я одну рыбу, прямо ихтиофаг — пожиратель рыб. Так древние греки называли представителей племен, обитавших у Красного моря. Рыбные блюда у меня четырех сортов: рыба вареная, жаренная на вертеле, на камне и сушеная. Рыба хороша даже без специй. Пока еще не началась настоящая жара, соли мне не добыть. Поступаю так. В яму помещаю капроновый лоскут, наливаю морской воды и жду, пока она немного выпарится. Потом окунаю в нее куски рыбы.

Жизнь принимает какие-то определенные очертания. Я занят с утра до вечера. Даже почитать некогда. Удивительно вынослив человеческий организм! Я едва не замерзаю напрочь, но не болею. Поначалу я боялся воспаления легких и среднего уха, плеврита, гриппа, однако ни разу даже не кашлянул. Правда, я овладел искусством дрожания. Дрожь — это мускульная работа, во время которой выделяется добавочная тепловая энергия. Замечаю у себя брадикардию — пульс становится реже. Когда лежу неподвижно, насчитываю пятьдесят ударов в минуту, обычно у меня на десять больше. Белков и жиров хватает. Силы в общем восстановлены. Кажется, я даже вошел в мало-мальски спортивную форму. Однако без сахара, хлеба, картошки вес продолжает падать.

Остров в огне

Утром десятого апреля я, как обычно, охочусь в тростниках у берега. Вдруг даже через трубку почувствовал запах гари. Поднимаю голову — вокруг сплошной дым. Спешно возвращаюсь на берег. Остров в огне! Горит даже торчащий из воды тростник. Очевидно, ветер разнес по острову угли костра. Прошлогодняя трава и тростник сухи, как порох. Огонь цвета кипящей меди. С ревом и треском огненная лавина движется по острову, высоко в небо поднимается черный дым. Вот, думаю, теперь-то уж в Тайлакджегене заметят дым и приплывут посмотреть, что здесь стряслось. А как там моя кибитка? Хорошо, что документы зарыты в песок. Я бегу побережьем, обгоняя огонь.

Остров выгорел за час. Иду по пепелищу к своему домику. Самое грустное зрелище — обгоревшие ежики. Я и не подозревал, что они здесь обитают. Беднягам бежать было некуда. Я оглядываю горизонт: как всегда, пусто.

На острове не осталось даже веточки для растопки. Пора убираться отсюда. До следующего большого острова около семисот метров — доплыву ли?

Сначала перестаю чувствовать ноги. Они деревенеют. Все мелкие мускулы застыли, сосуды сжались. Холод ледяной рукой хватает за горло. Начались спазмы дыхательных путей. Я задыхаюсь...

...Но страх, как и злость, повышает содержание адреналина, а тот в свою очередь стимулирует некоторые физиологические и психо-

логические процессы. Накапливаются запасы гликогена, и физическая выносливость увеличивается. Как только я испугался, от сонливости не осталось и следа. В голове мелькает мысль, что, если через несколько секунд не удастся восстановить дыхание, мне конец. Переворачиваюсь на спину и разрываю верхние пуговицы одежды. Делаю глубокий вдох. Медленно подгребая ногами и одной рукой, другой поглаживаю горло. Мышцы вроде бы не отвердели, и это успокаивает. Видимо, намокшая одежда сдавила шею. Я нахожу оказавшийся в стороне плотик и плыву дальше. Кочевою все больше, но появляется уверенность, что не пропаду и на этот раз.

На Беличьем острове

Образность казахской топонимики передалась и мне. Этот остров гораздо больше — около шести километров. Его я окрестил Беличьим. Не знаю, как слово «белка» по-казахски, но своей формой он напоминает разостланную шкурку сибирской белки.

Растительный и животный мир здесь богаче, чем на первом острове. Как только я выкарабкался на берег, из-под ног выпорхнула и полетела на бреющем полете над кустами парочка фазанов. На южных склонах небольших дюн уже видиеются побеги зелени. Появляется неприятная мысль: скоро вылезут из нор змеи и скорпионы. Кое-где густые колючие, переплетенные ползучими травами, непроходимые кусты. Это тугайные (приречные) джунгли. Веток для костра хоть отбавляй. Кибитку леплю на правой ноге Белки, ближе к Тайлакджегену.

Сомы

У этого острова линия берега разнообразнее. Здесь нет тростника, лишь обломки скал, слои извести, глины. Множество непуганой рыбы. Она уплывает, только когда протягиваешь к ней руку. Плывя на поверхности, я оглядываю темные ямы и таинственные ущелья. Вот темный силуэт показался из-под отвесного обрыва и медленно движется у дна наискось от моего пути. Тень размером с меня. Видны белые, полумесяцем губы. Я отмериваю от них около сорока сантиметров — и... Но тут во мне закипает борьба: я не привязан! Такой сомина может вырвать из рук ружье... Но ведь такой случай бывает раз в жизни. Спускаю курок. Моя рука почти вывернута из суставов. Но к этому я готов. Скользкое тело проносится мимо меня, дважды задев лицо и сорвав маску с трубкой. Ладно, найду потом! Сом бьется, словно заарканенный мустанг. От поднявшегося со дна ила вода темнеет. Раза два поднимаюсь на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. Наконец рыбина успокаивается, и я поворачиваю к берегу. Уверенности, что сом не сорвется, еще нет. Но все же вылезаю на берег. Стрела погнута, язычок тоже еле держится. Выстрел неплохой — стрела у самой головной кости; попади я в живот — сом давно бы сорвался. Прикидываю, что в соме не менее четверти центнера. Гора мяса! Оптика маски увеличивает в воде все предметы на треть, поэтому сом и показался великаном.

Сомятину я готовлю по-туркменски. Для этого необходим тандыр — земляная печь с узким горлом, похожая на чайник. Воздух попадает туда по боковому каналу вроде как через носик чайника.

Угли иа дие. От иих равиомерио разогреваются стеики. Я леплю к иим куски сомятииы величииой с кулак. И без приправ получается иечто иеобыкиовенно вкусиое.

Из кожи сома я делаю зеноц. На Памире их шьют из козьих или овечьих шкур. Если зеноц иадуть, его можио использовать как плавучее средство при переправе. В ущелье Бартанг в Таджикистане мие довелось иаблюдать и соревнования по плаванию с зеиоцами.

Следующий сом был килограммов на двеиадцать. Он взмутил воду и сорвался. Я иашел его позже: он лежал иа дие брюхом вверх, в боку зияла огромиая рана. Крупные рыбы почти всегда срываются, если только не попадешь стрелой между костей или крупиых хрящей. В тот же деиь видел сома — иастоящее чудище: длиной около трех метров, с огромиой сплюсиутой головой, усы толщиной с карандаш, а вот глаза с пуговичку. Стрелять в иего зиачило бы распрощаться с ружьем.

Золоточешуйиого сазаиа или серебряиого усача высмотреть не проблема. А вот сомы отлеживаются в темиых ямах или пещерах, заметить их удается только при спокойиом море, когда ил оседает иа дио. Я добыл еще иескольких сомов. Жарил их и сушил, иарезав мясо ломтями.

Грибные злоключения

Весиа в Средией Азии иачииается бурио. Подул «афгаиец» — сильиый теплый южиый ветер из пустынь Афганистана, — и все ожило, зазелеиело, расцвело. «Афганец» подиимает в пустыиях песчаиые бури и штормы иа Арале. Вода мутиеет. Но это ие беда: у меня иемалый запас сушеиой рыбы. Иитересио иаблюдать за пробуждеиием природы. Из веточек саксаула тянутся нежиые зелеиые стебельки с почками. Это и есть листья растеиия, других у иего ие бывает. Этими почками питаются верблюды, овцы, сайгаки.

Прилетают пеликаны и кормораиы. Аральские пеликаиы — короткохвостые птицы светло-розовой окраски. Они сразу же прииялись свивать гиезда в камышовых зарослях. Интересно, каковы их яйца?.. Я ие подозревал, что пеликаиы ие умеют 894ырять и поэтому рыбачат в мелких местах, бродя по воде. Задрав вверх клюв, они заталкивают рыбу в свои зиамеиитые мешки. Зато кормораны ныряют превосходио. Черные, длиииоклювые, оии прилетают на остров только поохотиться. Гиезда свивают в скалах.

На острове появились грибы. Поиюхал их, пожевал, решился сварить. После осточертевшей рыбы это блюдо показалось превосходиым. Но к вечеру оии дали о себе зиать. Нарушились фуикции мочевого пузыря. К счастью, съел я этих грибов немиого. Через сутки все прошло. Еще раз подтвердилось правило — ие ешь иезиакомых грибов!

Это происшествие заставило проаиализировать свой рациои. Я вспомнил о французском враче Алеие Бомбаре, авторе книги «За бортом по своей воле». Два месяца он питался рыбой и плаиктоиом. После своего путешествия через Атлантику ои долго лежал в больнице — лечил позвоиочиик. И лишь потому, что оргаиизму ие хватало кальция. Ои выбрасывал рыбиыс кости. Вспомиив этот поучительиый пример, я уже не бросал их в костер, а размалывал иа камие и съедал вместе с рыбой.

Тоска

Весеннее буйство природы действует и на психику, особенно когда дует западный ветер. Мысленно прослеживаю его маршрут: Атлантика — Средиземное — Черное море — Кавказ — Каспийское море — плоскогорье Устюрт — Арал. Эти ветры проносятся и над Литвой. Только здесь они обсыхают, становятся знойными.

Вечерних сумерек почти что нет. Ночь начинается сразу после захода солнца. Небо черное, звезды очень ярки. Время от времени пролетают искусственные спутники. Вспоминаю узбекского астронома XV века Улугбека. Он построил недалеко от Самарканда обсерваторию и сложил из мраморных плит гигантский секстант диаметром сорок метров.

Ясный весенний воздух позволяет наблюдать за небесными телами беспрепятственно.

...Прошел месяц. Самые трудные дни позади. С каждым часом теплеет воздух, вода, богатеет природа и... труднее выносить одиночество. Я начинаю разговаривать сам с собой. Как Дерсу Узала, я беседую с птицами, рыбами. Почти постоянно насвистываю какой-нибудь мотив.

Первое мая

Сегодня праздник. Температура воздуха, наверное, градусов двадцать пять, воды — вполовину меньше. Не работаю, то есть не охочусь. Стараюсь чем-нибудь разнообразить жизнь. Например, почему бы не организовать сдачу норм ГТО? Я отмеряю дистанции и расчищаю секторы. На старт забега на шестьдесят метров приношу двух черепах и ежа. Увы, после команды «Марш!» мои соперники уползли в заросли саксаула... Я же сдаю все нормативы своей возрастной группы на «отлично». Правда, главный судья — я сам.

Жаль, что нечем украсить праздничный стол. Хоть бы лепешка какая-нибудь или щепотка чаю...

Послеобеденное солнце начинает набирать силу. Невозможно ходить по песку босиком — жжет подошвы. Я загорел до шоколадного цвета. Вода и солнце высушили кожу, она трескается, шелушится. Приходится натираться кусками жареной рыбы. Помогает. Когда кожа становится чересчур грязной, мою ее пеплом саксаула. В нем много поташа — карбоната калия, и его моющие свойства превосходят мыло.

Вода не только нагревается, но и становится более соленой. Маленькие листики саксаула тонут в серебристой росе. Эврика! Это же пресная вода! Подложив кусок полиэтилена, я стряхиваю с кустиков росу. Делаю большой глоток — и... скрючиваюсь, как паралитик. Роса еще солонее морской воды. Тут же солончаки! Видимо, корни саксаула высасывают из почвы соль, потому его древесина такая тяжелая.

Змеи

Появление черепах оказалось неожиданностью. Еще вчера не было ни одной, а сегодня целое стадо ползет между кустами, щиплет травку. Одни маленькие, со спичечный коробок, другие — с добрую

буханку. Пробую черепашье мясо. Жарю его в тандыре, но без приправы оно не слишком хорошо. Рыба куда вкуснее. Яйца чаек тоже хвалить не стану.

Предстоит встреча со змеями. Хожу по острову голый, но в ботинках и шерстяных носках. Речники рассказывали, что на один квадратный метр здесь приходится по змее. Пока змеи не попадаются, но ночами слышен мышиный писк. А потом раздаются шипящие звуки, словно капли падают на раскаленную сковородку. Вдруг доносится писк. Это эфа поймала мышь. Эфы очень ядовиты. Но охотятся они только ночью, а днем спят, зарывшись в песок. Зато змей-стрелок я встретил немало. Это более метра змеи с четырьмя продольными полосками. Вот одна подняла голову над камнем, выгнула шею и начала водить ею из стороны в сторону. Там бегала ящерица. Вдруг мгновенно, как стрела, она кинулась на жертву и обвилась вокруг нее. Стрелка одновременно душит и кусает. Иногда эти змеи висят на ветках саксаула: сверху лучше высматривать добычу.

На берег

По карте я составил приблизительный маршрут возвращения. Он пролег через шестнадцать островов. О расстоянии между ними уже говорилось выше. Около двадцати двух километров по воде. Она еще не совсем согрелась — градусов пятнадцать. Однако змеи, возрастающая соленость воды, одиночество заставляют спешить. Полтора месяца я в плену. Начинаю свой поход девятого мая. Закончить его намереваюсь через десять дней.

Из трех сомовых шкур изготовляю зеноц. Набиваю его сушеной рыбой. Треугольный плотик нагружаю одеждой, консервными банками — моей посудой и ружьем. Резиновый мешочек с документами вешаю на шею. Узкие проливы, до семисот метров, проплываю раздевшись, так удобнее. Широкие, в два-три километра, — в трикотажных штанах и свитере, так теплее. Если проливы между островами узкие, за день преодолеваю два-три. Перед широким остаюсь на острове на один-два дня, чтобы пополнить запасы свежей рыбы.

Сплю у костра. По утрам очень холодно, и все же я не простудился. Чем ближе к берегу, тем соленее вода. Начинаю ощущать жажду, пропадает аппетит. В одном из больших проливов на меня обрушился шквал и волны разбили плотик. Пошли на дно ружье, ботинки и посуда. На десятый день плавания — вечером 18 мая — я выбрался на берег. Последние полкилометра пришлось почти пройти. Было мелко, но ила по горло, и я страшно измучился. Выбрался, с головы до ног покрытый засохшей грязью, как болотный черт. Верблюжья колючка колола ноги. Пришлось обрезать ласты и сделать из них калоши. Страшно мучила жажда. По карте до поселка Шейкамен (благословенный шейх) было около ста тридцати километров. Это три дня пути.

По дороге отыскал солоноватую воду. На второй день вечером я встретил пастухов с отарой овец.

Грузовик довез меня до Шейкамена, оттуда я добрался до Кунграда. На вокзале увидел весы. Взвесился. Ровно семьдесят один килограмм в одежде. Было восемьдесят шесть.

Полтора месяца я изнывал от холода, голода и одиночества. Соскучился по людям, цивилизации. Но место своего плена я оставлял со светлым чувством. Я не проиграл. Я получил хорошую закалку, научился приспосабливаться к самым неблагоприятным обстоятельствам. На память об Арале у меня остался полукилограммовый камень. Своей формой и цветом он похож на голову змеи. Розовые, черные и белые точки на сером фоне напоминают яйца чаек, слои извести и глины, дно Арала и черные спины сомов.

Попутешествуем еще!

Перевод с литовского *Томаса Чепайтиса*

ЯРОСЛАВ ИВАШКЕВИЧ

ЖЕЛЯЗОВА-ВОЛЯ *

Желязова-Воля... Здесь родился Фридерик Шопен полтораста с лишним лет назад. Невозможно даже себе представить, как выглядело это место, когда здесь стоял дворец, принадлежавший семейству Скарбеков. Кто только не появлялся во дворце и в дворцовом саду: домочадцы, учителя, взрослые, дети... И чувствовалась близость к деревне: плуги, лошади, коровы, овины, стога сена.

От той жизни не осталось и следа. Повторяю: теперь даже представить трудно, какое здесь некогда царило оживление. Бурные годы пережила Желязова-Воля; ее история, как история всей Польши, изобилует тревожными событиями. В девятнадцатом веке эта местность была забыта. Пожары, безденежье, бесхозяйственность разрушили помещичий дом и прилегающие к нему постройки. Мало кто помнил не только высокого и худого учителя французского языка, который прожил здесь несколько лет, но и самих владельцев, преследуемых судьбой. Из целого комплекса помещичьего имения остался только этот неказистый флигель — маленький домик, где был выделен уголок учителю и его супруге, дальней родственнице хозяев. Видно, все-таки исходило от этого домика

---

* Публикуемый иже очерк Ярослава Ивашкевича взят из книги «Путешествия в Польшу» (1977). Это сборник иаписаниых в разиые годы эссе и очерков о многих уголках страны. Сам автор во вступлеиии к книге писал: «Название, которое я дал этим собраниым в одио целое фрагментам, имеет два значения. Одно переиосиое: все, что я здесь пишу и писал, как бы некое паломничество иа роднну; второе значенне абсолютио коикретно, ибо главное содержание этих страниц — правдивые н имевшне место в действительности путешествия по Польше...» (*Здесь и далее примечания переводчика*).

какое-то сияние, отблеск пламени, что-то отличало его от других окрестных домишек, ведь он уцелел. Пережил трудные времена, когда ни одна душа уже не ведала, кто в нем родился. А ныне это одна из драгоценнейших реликвий польского народа. Но великого Шопена чтят во всем мире. Первым, кто призвал к восстановлению этого домика и созданию здесь мемориала, был иностранный пианист*. И сейчас приезжающие в Польшу из-за рубежа музыканты считают своим долгом посетить эту колыбель великого искусства, место, где забила ключом неиссякаемая в своем богатстве музыка Фридерика Шопена.

Стоит этот скромный домик в стороне от большой дороги, среди деревьев сада, лишний раз подтверждая справедливость выражения: Spiritus flat, ubi vult**. Ничто не предвещало, что именно здесь, в бедном флигеле помещичьего дома, родится один из величайших музыкальных гениев мира. Его творчество — вклад не только в музыкальное искусство, оно входит органически во всеобщую мировую культуру.

Творчество художников, вне всяких сомнений, глубоко связано со средой, где они обитали, с природой, которая их окружала. Детство и юность художника всегда накладывают неизгладимый отпечаток на всю его жизнь — в произведениях зрелого мастера часто повторяется мотив, запавший ему в душу в юном возрасте. В этом-то и проявляется осознанная, а порой и безотчетная связь между страной детства и зрелым периодом творчества.

Подъезжая весной к Парижу, минуешь рыжеватые леса Фонтенбло, спокойную гладь прудов, заросли и луга, что столь дороги были сердцу Теодора Руссо. Лишь тогда начинаешь по-настоящему понимать искусство импрессионистов. Понимаешь, что французская музыка вплоть до самой современной, как и живопись, связана с этой дымкой, окутывающей здешние пейзажи, с обликом этих деревьев и лугов, со светом, отражающимся от земли и преломляемым облаками и зарослями вереска. Тогда проникаешься мягкой грустью Дебюсси и Деода де Северака***, наслаждаешься пастельностью гамм Равеля, слышишь то, что позаимствовал из французских народных песен Франсис Пуленк****.

Только здесь, в Желязовой-Воле, можно ощутить в полной мере связь музыки Шопена с пейзажем польской деревни. На первый взгляд это может показаться парадоксом. Что, казалось бы, общего между этим бедным полем, этой равнинной дорогой и хатами, крытыми соломой, с изобилием чувств, высказываемых композитором? Но, приглядевшись повнимательнее, видишь, что это не так. Мы недооцениваем мазовецкий пейзаж.

Он не очень-то эффектен, но таит те мельчайшие нюансы, тонкие оттенки форм и цветов, которые замечаешь и оцениваешь лишь тогда, когда сживаешься с этим пейзажем так тесно, как может сжиться только постоянный обитатель этих мест.

---

* Памятник Шопену в Желязовой-Воле был открыт в 1894 году по инициативе русского композитора М. А. Балакирева.

** Дух витает там, где хочет (*лат.*).

*** Французский композитор (1872—1921).

**** Известный французский композитор (1899—1963).

Не знаю, понравится ли мазовецкий пейзаж чужеземцу. Об этом размышлял польский писатель межвоенного периода Юлиуш Каден-Бандровский. «Найдет ли он гармонию в том,—писал Каден-Бандровский,—что дорога, словно бы куда-то ведущая, вдруг возьмет да пошатнется, и перевалится на другой бок, и нырнет в песок на краю луга. Не покоробит ли его, что там деревья, а здесь хаты стоят, крытые соломой, подступающие к каким-то холмам, взойдя на которые и речку увидишь, в овраге петляющую и журчащую, что трудится усердно, хотя ничего-то она не омывает, ничего не огибает, ибо за нею та же сонная равнина, затуманенная, точно стелющимся над землею дымом, разросшимися зарослями кустарника...

Такой вот он, этот пейзаж, что ни начала не имеет, ни формой никакой завершиться не желает. Дождь сквозь все это сеется, туман оседает, где только может».

Так бывает осенью. Но есть и другие времена года. У каждого свои краски, свое очарование.

Круглый год надлежит приглядываться к этим краскам: нужно видеть весеннее цветение сирени, буйство раскрепощенных от стужи деревьев летом, золото и легкую дымку осени, наконец, белый снежный покров, на фоне которого вербы с обрезанными ветвями похожи на плывущих в хороводе девиц. До чего же скромна красота, заключенная в этом пейзаже, но столь же она и глубока!

Природа этой земли—великолепное введение в музыку Шопена. Каждый, кто хочет проникнуться ее духом и понять, насколько она связана с Польшей, должен вжиться в этот «голубой тон», как называл его Эжен Делакруа, общий для польской природы и для музыки композитора, который родился на этой бескрайней равнине.

Живописность здешнего пейзажа неброская. Это довольно однообразная равнина. Нет здесь ни крутых откосов, ни бездонных оврагов. Извивы Бзуры и Утраты (шопеновской речки) теряются в заливных лугах. Куда ни глянь, увидишь одинокие деревья, вековые и величественные, либо низкорослый кустарник. Дряхлые домишки под купами деревьев—немые свидетели давно прошедших времен, как и тянущиеся до самого горизонта возделанные нивы, засеянные рожью, овсом или гречихой, а кое-где поля, покрытые изумрудным ковром свекольной ботвы.

Прекрасно об этих «полях расцвеченных», на которых «груши тихие кой-где стоят дозором», писал Адам Мицкевич. Но он не воспел срединную Польшу, не бывал в Мазовше, на этих плоских равнинах, посреди которых, как прибрежный цветок, вздымается Варшава.

А Шопен именно здесь родился. Правда, педант не преминет указать, что в Желязовой-Воле он провел лишь первые месяцы жизни, потом его родители перебрались в Варшаву. Но музыкант чувствовал зов родных мест, где впервые увидел свет, часто возвращался сюда вместе со своей любимой сестрой Людвикой. Юношей сиживал здесь над речкой, под этим деревом, возле этого мостика. Добирался сюда из Варшавы по этой типично польской дороге, обсаженной вербами. А ведь они тогда были такими же, как и сегодня. Перед отъездом в Париж он приехал сюда из столицы, чтобы попрощаться с Желязовой-Волей. Возможно, этот уголок был для него символом родины. То, что и сегодня мы видим, бродя в

Дом, где родился Фридерик Шопен

задумчивости по мазовецкой земле, видел и он, видел и любил и наслаждался этой неяркой красотой. Он прощался с родными местами в те осенние дни, когда отправлялся en passant par Paris* в путешествие, которому суждено было стать путешествием без возврата.

По-видимому, именно этот пейзаж стоял у Шопена перед глазами, когда он писал в 1848 году из Эдинбурга своему другу Гжимале: «Как видишь, о жене я совсем не думаю, но думаю о доме, о Матери, о Сестрах. Да позволит им господь не пасть духом! Куда же девалось мое искусство? А сердце свое где я погубил?.. Едва помню, как поют на родине». Значит, не только пейзаж помнился на чужбине, но и песня, на родине услышанная.

Отголоски песен мазовецкой равнины мы слышим в его мазурках, ноктюрнах — везде, где запечатлелся образ этого края.

Превратности жизни Шопена усложнили для него этот образ. В своем великом творчестве он постепенно отдалялся от всего, связанного с Желязовой-Волей. Блистательный облик столиц, путешествия и переживания вызывали у композитора иные впечатления. Но если в конце жизни в туманном Эдинбурге он мысленно возвращается «к дому, Матери, Сестрам», позволительно думать, что это были мысли и о польской природе, о тех самых деревьях, кустах,

* Через Париж (*франц.*).

зеркальцах воды, на которые мы сейчас с волнением смотрим. И если послушать последние мазурки великого композитора, нельзя не уловить в них мелодии песен его родной стороны. Песен, пропущенных сквозь призму тоски и отчуждения, сквозь все жизненные невзгоды, утративших деревенскую простоту и тем не менее связанных с мазовецкой землей, ею рожденных.

Домик, чудом уцелевший в эти полные драматизма долгие годы, который использовали, видимо, в качестве конюшни или хлева, изменился необычайно.

Благодарности заслуживают те, кто сумели восстановить все в первозданном виде. Флигелек превратился в польскую усадебку, изящное внутреннее убранство которой невольно наводит на мысль о современном облике польского жилья. Там нет ни одного подлинного предмета из квартиры Шопена. И тем не менее, когда мы заглядываем в раскрытую дверь из одной комнаты в другую, когда видим вдалеке очертания рояля, возникает ощущение, что он здесь, незримо присутствует в этих стенах, а когда все уходят, садится за рояль и отдается своим импровизациям.

В алькове, где он родился, стоит огромная ваза, наполненная цветами. Как не принять ее за чудесный источник, из которого нескончаемым потоком льется его музыка!

К этому источнику приходят люди со всего света, чтобы черпать и пить ни с чем не сравнимое, восхитительное вино искусства. С волнением наблюдаешь, как масса людей в осенний или летний воскресный день, окружйв этот скромный дом, слушает концерт. Величайшие пианисты мира считают за честь сыграть в этом доме, воздать должное Шопену, исполнив здесь одну из его композиций.

Слушатели разные — молодые и пожилые; одни только постигают тайну прекрасного, открываемую гением Шопена, для иных это уже воспоминания: тут их прожитая жизнь со всеми ее радостями и печалями. А бывали и такие времена, когда музыка Шопена была запрещена и звучала лишь тайком. Но ее всегда слушали. Это и есть свидетельство того, что истинно народное искусство нельзя задушить, оно служит и оружием в борьбе. Недаром Шуман назвал музыку пушками, замаскированными цветами.

Едва ли не главная прелесть Желязовой-Воли в том, что именно здесь мы всегда чувствуем себя наедине с Шопеном. В будничной суматохе повседневных дел иногда попадаешь на концерты, которые своей поверхностностью могут вызвать лишь раздражение. Но достаточно побывать на воскресном концерте в Желязовой-Воле, чтобы снова поверить и в значимость польской культуры, и в возможность ее проникновения в глубочайшие слои народа.

Тот, кто проникновенно слушает Шопена, способен освободиться от гнета повседневности и вознестись к высотам, достигнутым человечеством.

В Желязовой-Воле можно воочию убедиться, что великое искусство — это могучая объединяющая сила народа, его основа. Поэзия Мицкевича, музыка Шопена — оплот и опора поляков.

С удивлением и умилением смотрим мы на скромный этот домик, плывущий, словно корабль, среди зелени парка, взращенного заботливой рукой и предназначенного стать достойным музыки Шопена.

Мы приходим сюда поклониться памяти великого композитора. И стоим на пороге дома, оробевшие, завороженные простотой этого места.

Когда же этот дом, этот парк всего прекраснее? Осенью, летом или весною?

Весной молодые листья каштанов трепещут над домом, как крылышки только что выпутавшихся из коконов бабочек. Розовые ветви японской вишни кажутся тучей, с восходом солнца упавшей на крышу домика, и цвет ее нежен, как едва слышная мелодия, как легкий пассаж, летящий над черно-белыми клавишами.

Летом на пруду цветут белые и желтые кувшинки, раскинув плоские листья — зеленые плоты для стрекоз и жуков. Прибрежные заросли отражаются в воде, повторяясь в ней, как припев песни. Лето в Желязовой-Воле напоминает о самых зрелых произведениях Шопена. В сумерки вода заставляет вспомнить арпеджо Баркаролы, а высокие лиловые стволы деревьев стоят, выстроившись ровными рядами, словно первые такты Баллады фа мажор. От ночных шорохов и запахов кружится голова, а в ушах звучат такты неповторимой шопеновской музыки.

Осень — пора деревенских свадеб. Время от времени сюда, под пожелтевшие кроны деревьев, на онемевшие лужайки, залетает пение скрипок, напоминая нам, что здесь родина мазурки. Когда мы бродим по аллеям парка, поднимаемся на изящную арку мостика, под ногами шуршат опавшие листья. Они повествуют о минувшем, как триоли в финале траурной сонаты. Листья своим сухим шелестом навевают столько мыслей, столько воспоминаний и столько музыки, что мы начинаем понимать неизбывную тоску человека, который умирал в далеком Париже и уже не надеялся увидеть родину.

Но прекраснее всего в Желязовой-Воле зимой. Укрытый снегом, спит дом. Деревья увешаны хрустальными украшениями. Кажется, они звенят, как колокольчики из чистого серебра, как серебряные бубенцы, которые в былые времена подвешивали здешним лошадям на шею. Нет уже ни лошадей, ни саней, ни тех мехов, ни тех прекрасных женщин, что кутались в них. Нет ни Марии Водзинской, ни Дельфины Потоцкой, ни даже той, первой — Констанции Гладковской. Нет матери, нет сестер — есть лишь великая тишина. Все ушло в прошлое.

И только Он живет здесь, бродит одиноко по уютным комнатам. Хрустальные звуки его рояля противостоят этим снегам, и ветрам, и тишине. Только музыка существует.

И когда на исходе зимнего дня остановишься перед домом, поглядишь на излом крыши, на обнаженные ветки и темные окна, внезапно почувствуешь: ты здесь наедине с Шопеном.

Перевод с польского *Ксении Старосельской*

ЕВГЕНИЙ КОНДРАТЬЕВ

ВЕНЕРИН БАШМАЧОК

Рассказ

Напрасно я не придал значения мечте Василия Николаевича добраться до редких растений Алтая, особенно до венерина башмачка. Я-то решил, что, побывав однажды на Телецком озере с сыном, он теперь хочет навестить старые места со мной, своим племянником. А разговор о цветах просто некое оправдание нашего дикого туризма.

— Доберемся и до редких,— беспечно обещал я, забывая, что мы едем в горы и что моему дяде 76 лет.

Оплошка! Но что делать? Я совсем не ощущаю старости Василия Николаевича, не вижу унылых стариковских привычек, не обнаруживаю обычных недугов, не нужно и помогать ему физически, поддерживать его. Боясь стать обузой, он всячески этому противится.

— Ты меня оскорбляешь,— говорит он особым тоном розыгрыша, скрывая шутливость слов.— Ты, негодник, хотел подать мне руку, когда выходили из вертолета!

После этого ему ничего другого не остается, как бежать вместе со мной от вертолетной площадки по берегу Телецкого озера к причалу Артыбаша, откуда уже собирается отойти теплоход «Пионер Алтая», а затем уже на другом берегу, в поселке Иогач, брести по горному склону вверх, к дому директора биостанции, сгибаясь под тяжестью рюкзака и фотоаппаратуры.

В Новосибирске мне обещали о нашем прибытии сообщить на биостанцию, но Генрих Генрихович, ее директор, встретил нас недоуменным пожатием могучих плеч: ему никаких распоряжений не поступало. Возможно, мы опередили телеграмму и вот непрошеными гостями стоим на пороге его дома, а было известно, что с такими

персонами Генрих Генрихович резок. Жена директора непроницаемо устремила свой взгляд в потолок, Генрих Генрихович — на нас, а мой сутулый Василий Николаевич от смущения еще больше сгорбился и дал дорогу моему запинающемуся красноречию. Дяде в этот момент явно захотелось изменить свою странную — угрюмоватую и хитроватую — внешность, которая всем бросалась в глаза. В Новосибирске он жил на Сухарке — на окраине с такой же недоброй славой в прошлом, как, допустим, в Москве Марьина роща,— и потому обычно шутил, что она оттиснула на нем свою печать. Но после нашей пробежки и карабканья вверх заметнее, наверно, стали дядины лета, и Генрих Генрихович, не очень долго размышляя, смилостивился и даже послал нас первыми в свою только что истопленную баньку.

Ночь мы, чистые, сытые, утомленные, провели в его доме, и тут уж можно восславить хозяйку, поскольку в отдельной комнате на отдельных кроватях мы погрузились во что-то мягкое, душистое и чистейшее. Яростный пар баньки почти содрал с нас кожу, но не ослабил, особенно у Василия Николаевича, стыда незваного вторжения.

— Черт знает как неловко,— продолжал твердить он.— Мы не заслужили такого гостеприимства. Они редкие, по-моему, люди!

— Так или иначе мы уже на Телецком,— сказал я.

— Я еще этого не осознал. Может, и венерин башмачок достану? — с некоторой надеждой заговорил вдруг дядя.— Это снова была бы краса и гордость моей альпийской горки.

— Хм! — Я впервые попытался вернуть его к действительности, к мысли о сидячем отдыхе на красивых берегах у красивой воды.— Венерин башмачок записан в «Красную книгу»...

— Чихал я на это,— возразил он.— У меня есть разрешение.

У него было дыхание улыбающегося в темноте человека.

Мы с Василием Николаевичем жили в разных городах, виделись редко, и я не вникал в его ботанические дела. Теперь же, пока не спалось, я понял, что Василий Николаевич был цветоводом всем на удивление. Венерин башмачок, например, плохо растет в «неволе». У Василия же Николаевича он, можно сказать, процветал и благоденствовал — не то что в лесах, где исчезает. Глядеть на это диво приезжали даже доктора наук. Но внезапные заморозки на почве в дни, когда Василий Николаевич хворал, все погубили. Цветы не дали ростков. Что делать? Доктор биологических наук Егорычев оформил Василию Николаевичу разрешение добыть несколько корневищ для возобновления опытов. Здесь, на Телецком, Василий Николаевич надеялся затеять все сначала, в его-то годы!

Я лежал, тоже погруженный в грезы. Моя Москва была далеко, но я еще дальше был от нее мыслями, поглаживая белый пододеяльник под шум дождя за окном. Я почти наяву видел себя и дядю в тайге на цветущих луговинах, на тропе маралов. Генрих Генрихович успел нам рассказать за ужином, как маралы — обитатели алтайско-саянской тайги — в течение лета меняют корм: весной поедают ядовитый для человека зацветающий лиловым цветом водосбор, в начале лета — огоньки, в августе — бобовое растение копеечник. По мере того как растения усыхают, грубеют, животные поднимаются в горы все выше и выше — туда, где зелень еще молода. И мы с Василием Николаевичем тоже поднимались в моих грезах по дороге

непрекращающегося цветения, вместо того чтобы сидеть на месте, как планировали.

Генрих Генрихович живет в Иогаче — поселке лесорубов. А биостанцию он построил в отдалении от лесоповальной техники — на том, оказывается, берегу, откуда мы приплыли. С лесорубами у него мира нет.

— Лес-то они восстанавливают,— сказал нам утром Генрих Генрихович,— обязаны. Тут вроде бы к лесокомбинату не придраться. Но кедр растет очень долго, и его заменяют другими породами. Этим тайга обедняется. Комбинат твердит: мы работаем на общую пользу. Это они. А мы, биостанция? Мы тоже думаем об общей пользе, только с другого конца. Пока накапливаем научные материалы. Но уже сейчас бьемся за сокращение кедровых вырубок, я сам писал об этом, стучался в разные двери. Тут много сложностей. Заповедная зона, во всяком случае, на том берегу расширяется.

Директор перевез нас на тот берег катером и поселил в жилой части лабораторного корпуса биостанции. Склон, занимаемый станцией, был в час нашего появления залит солнцем, и, наверно, потому чудилось, что все живое радуется своему пребыванию на склоне: гудели пчелы на маленькой пасеке, кудрявились, несмотря на свои иглы, кедры, слегка золотились, чуть горели кроны берез, ярко и празднично серебрились ивы, рдели кисти смородины-кислицы, посаженной Генрихом Генриховичем. Директор с довольной улыбкой показал нам посадки манчжурского и лесного ореха, яблонь, серебристых елей. Одни лишь пихты недовольно чернели своими пиками — стройные, как пирамидальные тополя, и также же хмурые, и я пошутил, что, видно, только они все еще чем-то недовольны. Сам-то я считал, что достиг идеала, получив с дядей крышу над головой, да к тому же на склоне, обращенном к озеру, среди зелени и тишины. Но моего Василия Николаевича именно тишина несколько огорчала и настораживала.

— Мы в целом корпусе одни? — спросил он.— Как отшельники?

— Жду со дня на день, даже с часу на час, прилета студентов,— сказал директор.— А пока отшельники. Внизу — видите дом? — живут две семьи, мои помощники. И всё...

Гремя пустым ведром, вздыхая от счастья одиночества, я помчался вниз, к озеру. Заливчик нашего стационара с катерами и яликом встретил меня ледяной, морщинистой, посверкивающей водой. Озеро в бесчисленных волнах казалось бегущей рекой, плещущей в подножие невысоких лесистых гор с мягкими очертаниями вершин. Наглядевшись на озеро и горы, я попробовал искупаться — и ожегся. С каждым метром от берега жгло все сильнее. Я выскочил рыча, растирая стянутую холодом кожу, и залюбовался зарослями черемухи над заливом, головками огоньков у самой воды. Два оранжевых огонька переплелись стеблями, как в объятии. Маленькие костры цветов околдовывали меня. Мягкий ветер Телецкого озера, называемый верховкой, расстилал над водою тонкий пар.

С ведром зачерпнутой воды я стоял в прибрежной траве, пока не послышался треск приближающегося вертолета, летящего из-за горы, и мне подумалось: «Пусть уж кто-нибудь прилетит, а то мой общительный старикан захандрит без народа».

Утренний и дневной вертолеты нашего уединения не нарушили, только с вечерним прилетела девушка Ирина, поселившаяся в

комнате возле кухни. Василий Николаевич, уже успевший заскучать, несказанно обрадовался при виде соседки, студентки из Новокузнецка, и тотчас пригласил Ирину к нам чаевничать. Она умылась с дороги и пришла. Еще больше дядя расцвел, когда узнал, что Ирина — ботаник. Я проявил меньше эмоций. Столичные толпы утомили меня. Мне мерещились полмесяца тишины, безлюдья, спокойного обдумывания своих старых записей. И я вспомнил об уссурийском тигре, который заглянул однажды в палатку геологов, моих знакомых, на людей не напал, ничего съестного не тронул, но зато хлопнул лапой по орущему на всю тайгу транзистору. Я понимал этого тигра, а Василий Николаевич, видимо, нет. Все же мне понравились и четкая замкнутость Ирининого лица, и естественная сдержанность ее повадки. Она без улыбки смотрела, спокойно брала печенье, конфеты, раздумчиво отвечала.

— Башмачок отцвел, отыскать его теперь вам трудно.

— Черта с два отыщем,— подхватил Василий Николаевич.— У меня рыцарское предложение: вы пойдете в лес прогуляться. Мы за вами увяжемся, как пажи.

— А не утомитесь?— Ирина с сомнением оглядела моего старика.

— В мои 96,— щедро прибавил себе лет Василий Николаевич,— я у первого куста паду бездыханный. Вам вдвоем придется меня, дурака, тащить.

Ирина подумала и согласилась.

Закатное солнце било своими прожекторами меж берегов. Потом погасло. Уснули моторы, весь день шумевшие на воде. Молодой месяц все пытался продраться сквозь темные клочья туч. Над пиками пихт зажглись звезды. Мы с Василием Николаевичем засыпа́ли нехотя. Он описывал мне венерин башмачок. Ярко-желтая губа у этой лесной орхидеи похожа на старинный женский башмак, внутри которого сидят сочные, наполненные нектаром волоски — приманка для насекомых. Орхидею любят посещать мелкие пчелы. Растет она в тенистых влажных местах и может забираться в горы на высоту до двух километров.

Утром молодая проводница повела нас вдоль озера по дороге, затем через поляну и вверх по ущелью, где грохотом, шумом и плеском встретил нас водопад. С верхней его ступени шла вниз тяжелая стенка воды. Под ней стояла каменная чаша, гремевшая, словно в нее падали булыжники.

— Сможете?..— Ирина первая прошла по сваленному над потоком стволу кедра. Ствол весь был в рогах обрубленных сучьев.

— Держи,— Василий Николаевич отдал мне два своих фотоаппарата.

Только первый его шаг был осторожным. За спиной дяди я протянул к нему руки, но моя помощь не потребовалась. Он прошел, как гимнаст. Дальше подъем осложнился: меж стволами пихт, берез и черемух мы вошли в парную баню чащобы. Банный пар, правда, отсутствовал, но гуща травы томилась от тесноты, духоты и как бы потела. Комары, внизу очень редкие, здесь при каждом шаге взлетали серыми облаками. Крутились вихри слепней и оводов. Нос всасывал теплые соки цветочных чашечек. Чем дышать? Уши Василия Николаевича побагровели.

Тут Ирина сказала, что мы уже близко. Вот посветлело,

появилась прогалина. Девушка остановилась и почему-то охнула. Я споткнулся о березовую колоду, и мы все трое увидели впереди большую вырубленную и вытоптанную поляну, множество пеньков, аккуратно уложенные в поленницы свежие березовые дрова. Ирина медленно обошла вырубку. Она опускалась на колени, шарила рукой в траве и между пахучими щепками. Василий Николаевич отдышался и двинулся к ней.

Наконец Ирина выпрямилась.

— Что может остаться после всего этого?— она покивала на пеньки.— Прошлым летом я застала несколько цветущих башмачков. Ничего не вижу!

— А это то самое место?— расстроился Василий Николаевич. Наступал час его сильнейшего, как я понял потом, разочарования. Он моргал глазами, сдвинув рыжие брови с каплями пота.

Ирина передернула плечом. Я заметил, что ей стало досадно и скучно.

— Что ж,— сказала она с сомнением.— Если хотите, попытаемся подняться повыше.

— А!— безнадежно махнул рукой Василий Николаевич и пошел назад напрямик, путаясь в цепких стеблях, треща ветками. Ни слова не произнеся, мы дошагали до ущелья. Там Василий Николаевич покачнулся, ступив на кедр, и задел ногою сучок. Вовремя я подхватил дядю. Он тут же вырвался из моих рук. Лишь возле калитки биостанции приостановился и вполголоса удивленно спросил:

— Я вроде бы падал, а сухой, целый. А?

— Разве вы ничего не помните?

— Нет. А что было?

На биостанции мы увидели еще двух только что прилетевших студентов — Виктора из Москвы и Сергея из Кемерово.

— Парни,— сразу же стал осаждать их Василий Николаевич.— С каким счетом наши выиграли у Венесуэлы?

Шли дни Олимпиады, но парни только переглядывались.

— Летел, ехал, снова летел — ничего не знаю,— басил стройный бородач Виктор.

— Тоже не знаю,— вторил хлипкий Сергей.

Опять я почувствовал огорчение старика. Ради нашего броска на Горный Алтай Василий Николаевич не поехал в Киев к сыну поглядеть на олимпийский футбол. Это была для него жертва из жертв! Василий Николаевич — а когда-то просто Васька — гонял мяч еще в 1925 году, будучи маслёнщиком Бийского мясокомбината.

Ничего не добившись от парней, Василий Николаевич упрекнул меня:

— Я тут с тобой совсем одичаю.

— Венерин башмачок,— улыбнулся Виктор,— ищите не здесь, а, к примеру, в Мордовии. Вот там была практика: нам, студентам, показывают несколько цветков, не дают подойти: не дыши! А я с товарищем открыл ненароком целую полосу возле ручейка: 350 насчитали, сбились и махнули рукой. Профессор чуть в обморок не упал от радости, как увидел...

Ирина, суровое молодое создание, бросилась в спор:

— Будто мало их тут! Только надо походить. А если трудно, советую отправиться в заповедник к Золотухину. Он их культивиру-

ет. И я съезжу с вами, Василий Николаевич, если не уеду на днях с Генрихом Генриховичем к медведям.

Теперь мы уже чаевничали целым отрядом. Ирина, Виктор и Сергей, как говорится, морально готовили себя к поездке в горную тайгу, и мы толковали не столько об орхидеях, сколько о медведях. Прежде всего надо ли опасаться встреч с алтайским медведем? Тут я повторил услышанную от Генриха Генриховича шутку, что на Алтае пчелы злые, а медведи добрые. Здесь, в стране животноводов, коровы с телятами без охраны бродят по тайге вдали от жилищ, а лошади пасутся рядом с медведями на берегах Телецкого озера, когда зазеленеет весенняя травка. Человека в тайге медведь боится панически, а возле поселков и кордонов встречается с ним спокойно, уважительно уступая дорогу.

— По наблюдениям Генриха Генриховича,— сказал я,— с медведем опасна только неожиданная встреча. Поэтому надо идти, разговаривая. И еще нельзя брать ружье, вид и запах которого зверю ненавистны.

— Боязно шуметь в тайге и ходить без ружья...— похохотав, студенты задумывались.

А дядю преследовали неудачи. День спустя Ирина, Виктор и Сергей во главе с директором сели на лошадей и устремились высоко в горы — на гольцы, туда, где медведи в эту пору поедают дягиль и черемшу, щиплют, как коровы, траву. И тут уже сам Василий Николаевич стал пресекать всякое упоминание об орхидее.

— Купи мне все газеты,— попросил он,— какие есть в киоске турбазы.

Он взбодрился, встряхнулся, когда я принес целую пачку газет.

Начались безмятежные внешние дни. Я работал, гулял с Василием

Николаевичем. Он стряпал, пока мы не стали обедать по талонам на турбазе «Золотое озеро», читал газеты и фотографировал.

Не могла такая идиллия быть вечной, я это чувствовал. Ни один совместный отдых не обходится без легких столкновений. Кто-то кем-то должен быть непременно недоволен. У меня нрав далеко не ровный, у Василия Николаевича — тоже. Но где, когда, отчего это произойдет? Я с опаской ждал. Ничто не предвещало ссоры. Вот только погода на какое-то время испортилась. Сидишь в комнате, дождь льет, льет, льет. Льет здесь, стуча по крыше; льет там, где острый конец пихты глядит в небо; льет на скалы, которые совсем затуманились; льет за горой. Поливает кедровые шишки, камни, лосиные рога; у медведя по морде, вероятно, текут ручьи. А как безумствуют водопады! Даже мне стало невмоготу. Оглянусь на Василия Николаевича — лежит, подняв колени, комкает старую газету. Лицо терпеливое — лицо добровольного мученика. Чем его порадовать?

Посоветовавшись с работниками биостанции, я нашел способ раздобыть два пропуска в заповедник и оба их вручил с помпой своему дяде: «Вот!..»

Как я воодушевил старика! Больше он не лежал целыми часами, и, лишь только низовка, нагнавшая тучи, сменилась верховкой, мы стали собираться. Картошка у нас кончилась, попили чаю с печеньем и без особой тревоги подумали, как быть с обедом. Один фотоаппарат, уже ремонтированный в Новосибирске, сломался. По дороге на теплоход Василий Николаевич хлопнул себя по лбу: забыл закапать глазные капли! Плохие все приметы. Но дядя не унывал. На теплоходе, стоя у борта на ветерке, он делился со мной своими прежними удачами цветовода. Рассказывал про какой-то особый флокс. Обычно флоксы цветут осенью, а дяде подарили ранний, зацветающий чуть ли не в мае. Посаженный в сентябре, он сначала все хирел, прихварывал, и Василий Николаевич его уговаривал: «Что же ты так плохо себя ведешь? Я так хочу, чтобы ты хорошо рос и всем нравился». Уже казалось, что погибнет. А весной флокс вдруг расцвел, да таким голубым цветом, какого и в природе-то нет. Дядя всех друзей по соседству им оделил, а вот сколько ни фотографировал, все голубой цвет на снимке не получался...

Так мы скоротали время до Яйлы.

Что такое Яйла, куда мы прибыли? Большой деревянный поселок, протянувшийся вдоль берега и карабкающийся вверх. Двухэтажная контора заповедника насупилась у причала. Замдиректора по научной части ждал кого-то на берегу, а бог послал ему нас.

Мы увидели высокого угловатого молодого мужчину, курчавого и черного, похожего на лубочного разбойника.

Он глядел недоброжелательно и кривил физиономию в разговоре. Мыслимо ли говорить с ним без магической бумаги? Была у меня такая. Но я представился без нее.

О заповеднике было что расспросить: его несколько раз создавали, отменяли и пересоздавали, а кедровые леса вырубались, вымирал северный олень, неведомой судьбой заброшенный на Алтай, исчезали архары, гибли горные козлы. Замдиректора не дослушал меня, задрал подбородок и широко развел руками:

— Ну что вам сказать? Для толкового разговора нужно время. Увы-увы... А на что вам взглянуть? Животных в вольерах не

держим, я против этого. Они в тайге бегают, это вам не Московский зоопарк. Растения вот,— он сделал щедрый жест,— у вас под ногами, смотрите, сколько хотите.

— У вас здесь живет один ботаник, Золотухин...— начал было Василий Николаевич.

— Нет. Уже не у нас. Переселился. Отсюда два часа на моторке, еще почти столько же, сколько вы проплыли на теплоходе. Но у меня моторки свободной нет. Комиссию жду, понимаете? И вообще сейчас завален делами и еще несколько дней не смогу вам быть полезен.

Мы поспешно с ним раскланялись, и Василий Николаевич выругался, как ругаются у него на Сухарке.

— Значит, дядя, вы остались им недовольны? А он ведь молодец: против содержания зверей в неволе.

— В неволе они у него бы передохли!

Солнце пригревало затылок. Ласкал ветерок. У безлюдного причала дремало несколько катерков. Разнеженно дрожала вода. И куда ни повернись — горы.

— Выходит, то же, что на биостанции: созерцайте, любуйтесь,— сказал я.— Побредем куда глаза глядят.

Василий Николаевич ничего не ответил. Шагал чуть впереди меня, горбясь, сильно размахивая руками и намеренно притоптывая ботинками на добротной подошве. Немало лет назад во время четырехдневного турпохода он заглядывал в Яйлу и помнил чей-то прекрасный сад, может быть, именно того самого Золотухина. Но сад, как ни искали, не нашли, а поднялись в гору, побыли в березовом лесу, где ничего редкостного не обнаружили, спустились вниз, добрели до какого-то забора, открыли ворота и вновь начали восхождение по дороге — теперь сквозь кедрач.

Кедры, когда их много, кажутся стадом больших пушистых зверей из-за длинных, по-особому мохнатящихся игл. Звери эти добры и молчаливы, посматривают вниз, на людей, темными, с сизым отливом глазами-шишками. Шишки осыпятся, глаза закроются, когда налетит поздней осенью шишкующий ветер тушкен, и мохнатые древесные звери заснут под белыми шубами, сберегая жизнь до весны. Есть теория, что они вымирают, и потому надо их вырубать. Если вырубят, теория подтвердится. В заповеднике на кедры глядишь, как на счастливцев. А среди счастливцев сам невольно веселеешь и забываешься.

Но не веселел мой Василий Николаевич. Мы подошли к поваленному ветром старому, дуплистому и, судя по свежим опилкам, совсем недавно распиленному дереву. Четкий конус горы вставал над кедрачом.

— Хондроз,— сказал Василий Николаевич и повалился на траву, не обращая внимания на сыроватую землю. От долгой ходьбы у него заболело под лопаткой. Медицинский термин «хондроз» прозвучал для меня как «хандра».

Боль вскоре отпустила. Василий Николаевич уснул. Он продолжал лежать, где упал, неподвижно, будто его тоже срубили, а я думал в тишине: что значит вырубить на Алтае кедр?

«Кедр очень долго растет»,— вспомнил я слова Генриха Генриховича. На вырубках вместо него сажают березу, пихту, лиственницу, но разве это равноценная замена? Взять хотя бы кедровый орех,

огромную кладовую белка́,— ну как быть без него алтайской тайге? Сколько с ним связано, как говорят биологи, пищевых цепей! Без него исчезнут дятлы, поползни и кедровка — основной распространитель и «сеятель» ореха — и бурундук с белкой, которые так много запасают орешков в своих кладовых. Без него отощают кабан и маленький олень — кабарга, уйдет из тайги соболь, заскучает медведь. Лишатся этого растительного «мяса» горные жители. Трудно даже представить, как все переменится на Алтае, когда исчезнут кедрачи. Кедр — удивительное дерево. В него, например, не бьет молния... Зато бьет человек. И не оттого ли в запахе кедровой смолы столько горечи, а, например, у пихты наоборот: очень свежий, чуть медовый, вкусный аромат?

Над нашим заповедным кедрачом пролетел ворон, тень его черкнула меня по лицу. Близко прозвучал дурной голос птицы. Дядя встрепенулся, сел, потер онемевший бок и получил от меня обед — пончики, купленные в буфете теплохода.

Вечером теплоход забрал нас, голодных, истомленных ожиданием, и увез в Артыбаш. И вот тогда по дороге на биостанцию у нас с Василием Николаевичем вспыхнула ссора.

— Скучно,— сказал он.— Признаться, я что-то хорошее ждал от заповедника. Но такая встреча... Вот сегодня я по-настоящему устал.

Меня поразили его слова и сломленная гордость.

Горы на той стороне показались мне печальными, они отражали свою печаль и усталость в Телецком озере.

Василий Николаевич вдруг побежал трусцой.

— Это вы встряхнуться?

— Да.

Он тотчас пошел шагом.

— Нет, не хочу. Довольно, довольно. Улетим-ка лучше, молодой человек, в Новосибирск, ко мне на дачу! Ты будешь есть малину, я покопаюсь. А?

Мне, конечно, мечталось, чтобы все мои оптимистические предсказания о нашем путешествии сбылись. Отдых вроде бы получался, старик мой окреп, и моя рукопись подвигалась, но отсутствие чего-то главного, нужного для души, раздражало. Раздражение превращалось в претензию к Василию Николаевичу: отчего ему ничто не нравится?

— Я оторвал вас от Олимпиады, от сына, от сада? Выходит я вас, негодник, заманил?

— Да, а что же ты думал? — возразил он своим особенным тоном.— Насулил с три короба...

Тут я вскипел.

— Неужто нельзя просто отдыхать, радоваться лету, отсутствию «цивилизации»? Изво́дите себя по пустякам и предъявляете мне некий счет! Чем вам здесь плохо? Нам встретился Генрих Генрихович, есть дом, постель, еда — все это удача, удача, удача. В вашем распоряжении окрестности — фотографируйте, выкапывайте, что хотите, никто за руку не схватит: научный интерес. И надо же — расстонались!

— Я не расстонался...

— Я же совсем ничего не знал об этих местах, все понаслышке. Вы бывали, знаете, да и так могли предугадать, что, если орхидея

или какая-нибудь фиалка попала в «Красную книгу», значит, не наши с вами силы нужны для их поиска. Что с меня спрашивать?

— Я с тебя не спрашиваю.

— Вы просто ждали манны небесной, наверно. Чтоб палец о палец не ударить!

На следующий день по дороге в столовую мы записались на вертолет. Билеты нам обещали только через трое суток.

В столовой Василий Николаевич спохватился, что не купили газет. Пока я бегал к киоску, дядя подошел к раздатчице за киселем. Столовая была просторная, с длинными столами; туристы — все молодые — валили в нее косяками, мелькали лица, топали ноги, махали руки, стены сотрясались от крика и хохота. Свежая сила кипела, переливалась через край, яркая, быстрая, необузданная. Во всяком случае столовая была не для стариков.

— Кисель, — сказала раздатчица, — в чайнике, разливают по столам. Сейчас принесут.

Парень лет восемнадцати в зеленой штормовке нес пустой чайник. Василий Николаевич протянул руку. Парень руку молча оттолкнул, а чайник подал раздатчице:

— Пожалуйста, еще.

Раздатчица исчезла и принесла полный чайник.

Тогда Василий Николаевич в рассчитанный по-спортивному момент перехватил руку парня.

Взгляды встретились: молодой, готовый вспыхнуть, и подслеповатый, тусклый, но твердый.

— Извольте научиться, — отчеканил Василий Николаевич, — приличному поведению.

Они обменялись любезностями.

Еще и эта неприятность у Василия Николаевича! Услышав о ней, я вскочил, чтобы отыскать невежу, но затем медленно сел. Что-то, мне показалось, было общее между мной и этим мальчишкой. Пожалуй, я не лучше вел себя вчера. Вот когда под шум столовой, среди весело жующих ртов я впервые за наше путешествие понял почти космическую ценность для Василия Николаевича его венерина башмачка. А поняв, я должен был начать думать об этом иными словами — словами о вечности, красоте, старости. Василию Николаевичу его возрастом и прожитой жизнью дано особое зрение. Острее меня он видит вечно рождающуюся и рассыпающуюся гармонию бытия, и он не в силах просто радоваться лету, существованию, хорошей минуте. Пока в его власти все эти марьины корни, ночные фиалки, башмачки, цветные фотографии, он боец вселенской гармонии, лучших жизненных сил, он бьется и защищается, он противостоит всеразрушающему времени. Это его дот, откуда он вспышками цветов обстреливает обступающий его мрак. На своей альпийской горке он собирает по крохам то, что уходит из бытия лавиной. Я не так зорок, а он страдает. И я упрекнул себя, зачем вчера шумел; говорил это себе весь день и повторил вечером, когда мой старик внезапно захворал.

Чувствуя, может быть, упадок сил, он из своей аптечки достал к вечернему чаю взбадривающую настойку золотого корня (медвежьей лапы) — знаменитого на Алтае растения.

— Зачем вам пить корень?

— А надо. Эксперимент. Все занимаются научной или другой работой, а я что?

И он плеснул нз пузырька в чашку, ие отмеривая, иа глаз.

Результатом эксперимента было нечто, окрещенное дядей словом «взрыв». Всю ночь Василий Ннколаевич ие мог спать, скрнпел н хлопал входной дверью, мерз и грелся у электроплитки. Потом два дня иичего не ел, но время от времеии его прнхватывало. А нам предстояло лететь в Горно-Алтайск, где-то ночевать и затем добывать авиабилеты до Новоснбирска. Что было делать, как ие шутить? И мы вяло балагурили, делились друг с другом анекдотическими, но вполне правдивыми нсторнями о случаях «взрывов» в самых иеподходящих ситуациях.

Но если с лесной орхидеей нам ие повезло на Алтае, то с Аэрофлотом, слава богу, все обошлось благополучно. Мы пролетели над горамн, над рыбьим боком Телецкого озе́ра, над пикамн пихт, рекой Бией н белыми облаками, а спустя сутки вылетели уже нз Горно-Алтайска и через два часа оказались в такси с иовосибнрским номером, а еще через час тетя Тоня, ничему не удивляясь и ие охая, прннялась умело лечить дядю и меньше чем за неделю преуспела в этом.

Я расхваливал дядины энергию, горячность и упорство, сохраиенные нм за порогом седьмого десятка лет, и все думал, чем бы мне повеселить Василня Николаевича.

Еще перед поездкой на Телецкое я звоиил своему одиокашнику по униерситету, ныне днректору ботанического сада, ио не застал в городе. Что, еслн теперь попросить у него для Василия Нколаевича какие-инбудь «дефнцитные» сажеицы? Чем черт не шутит? Позвонив опять, я узнал, что днректор отправился в дальнюю экспедицию. Здесь уже надежда, как говорится, погасла. А вот с венериным башмачком она просияла совсем с неожиданной стороны.

Я случайно повстречал пилота Грошева, с которым летал лет десять иазад к нефтяиикам. Его жеиа пообещала, что иапишет своему отцу-цветоводу, а тот по ее просьбе пришлет семена башмачка иа адрес Василия Николаевнча.

Семена так семена. Корневищами, я уже знал, башмачок размножать надежнее, чем семенами. Но дареному коню в зубы не смотрят. Как сложио, в этом я убедился, возвращать в иаши сады и цветиики нсчезающую красоту!

Я уже не стал на этот раз обиадеживать старика. Хранил молчание. Дождется так дождется. Получит так получит. Кто предскажет? Может быть, еще не поздно и наконец расцветет, будет у него растн н радовать глаз не найдеиный нами на Алтае прекрасиый венерии башмачок?

ЮРИЙ СТЕПАНЧУК

В БОТАНИЧЕСКОМ САДУ ПАМПЛЕМУС

Очерк

Сад Памплемус, считающийся одним из самых прекрасиых в мире,—и в этом есть доля истины—своего рода историческое место. Ои красиво расположеи, здесь есть аллеи величествеииых пальм и редкие растеиия, собраниые со всего мира.

«Новый путеводитель по Индийскому океану» Бребнера, изданный в 1898 году.

Если остров Маврикий—это рай южиого полушария... то можио сказать, что сад Памплемус—это рай острова Маврикий.

Леклерк. «В стране Поля и Виржинии»

Этот ботаннческий сад действнтельно заслуживает названия места исторического. Создан он 250 лет назад. Здесь можно увидеть сотни растений из разных районов мира и характерные только для Маврнкия и других Маскаренских островов, расположенных посреди Индийского океана.

Посещенне сада—это знакомство с богатством и разнообразнем прнроды, а также со многим из того, чем живет сейчас страна, получившая независимость в 1968 году.

Аллеи и имена

В обществе дружбы «Маврикий — СССР» я несколько раз встречался с Ангерой, выпускником 1-го Московского медицинского института. Когда он узнал, что я собираюсь побывать в ботаническом саду Памплемус, предложил поехать вместе, сказав, что в саду работает его кузен, который мог бы рассказать много интересного.

Этот разговор состоялся во время вечера, посвященного 63-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Мы договорились ехать в ближайшее воскресенье. Но накануне Ангера сообщил, что у него внеочередное дежурство в госпитале, и мне пришлось отправиться одному.

Началось маврикийское лето. Погода была неустойчивой, когда я выехал из Кьюрпайна, городка, расположенного на центральном плато острова. По небу неслись темные облака, было душно, в воздухе висела водяная пыль, иногда порывы ветра бросали в стекла машины крупные капли дождя.

Шоссе между Кьюрпайном и столицей Порт-Луи все время спускается вниз к побережью, и в ясную погоду при въезде в столицу можно любоваться судами, стоящими в порту, и синими просторами океана. Но сейчас вода и небо казались одинаково серыми, трудно было различить, где кончается одна стихия и начинается другая. Шоссе огибало гору Синьял, с которой подавали когда-то сигналы о приближении к острову парусных судов. Вот я и в центре города, где установлена статуя Лабурдоне, основателя Порт-Луи и всего французского поселения на острове. В воскресенье прохожих мало, витрины магазинчиков закрыты выцветшими решетками. Только на главной автобусной остановке толпа людей. Развевающиеся на ветру разноцветные индийские сари маврикиек напоминают о том, как оживлен город, когда в нем кипит жизнь.

Дорога ведет на север; темно-красную почву деревни Тер-Руж сменяют поля сахарного тростника, на которых собраны и аккуратно уложены разбросанные когда-то беспорядочно темные базальтовые валуны. На берегах небольших речек виднеются селения, посадки эвкалиптов.

Но вот и деревня Памплемус, а за мостом белая решетка ограды сада. Шоссе бежит дальше на северо-восток, в округ Флак, а я сворачиваю влево, к главному входу.

У самого входа, обрамленного чугунными витыми колоннами, ограда сделана в виде полукруга.

По будним дням можно ездить по аллеям сада на автомашинах.

Когда входишь в сад, открывается небольшая площадка, откуда берут начало несколько аллей, или авеню, как они именуются на табличках указателей. Справа у входа увитый вьющимися растениями домик, а рядом — первое чудо, которое встречает посетителя, — огромный баобаб. Его даже нельзя назвать деревом — это несколько деревьев, сросшихся в гигантский конус, слегка прикрытый зелеными ветвями. Баобаб попал сюда из Центральной Африки, где столетиями многие племена его считали священным. Полагают, что баобаб живет 2000 лет; цветет он большими белыми цветами.

Здесь же на площадке берут начало три аллеи, названные в честь известных в истории Маврикия людей, создателей этого сада. Центральная аллея названа именем Лабурдоне, она делит сад на две

части. Справа аллея Пуавра, она идет вначале параллельно аллее Лабурдоне, затем поворачивает и доходит до ручья Ситрон, до моста, поэтически названного мостом Вздохов. Тень высоких ветвистых камфорных деревьев (Cinnamomum camphora) с темно-зеленой листвой и тихое журчание воды располагают к задумчивости и размышлениям.

Вправо от аллеи Пуавра прямо по пологому спуску ко дну бывшего пруда (осушенного в 1868 году в связи с эпидемией малярии) пролегает аллея Бейкера, названная в честь ботаника, изучавшего флору Маврикия и оставившего капитальный труд о растениях этого острова.

Наконец, аллея Сере также начинается у входа, но идет влево перпендикулярно аллее Лабурдоне.

Пройдемся по этим аллеям, познакомимся с некоторыми их обитателями.

Аллея Лабурдоне прямая, узкая и тенистая, усаженная группами высоких пальм с желтыми стволами и кронами (Chrysalidocarpus lutescens), их родина — Мадагаскар. Среди этих пальм попадается красивое дерево с красноватой корой, называемое ромовым. Его листья пахнут одновременно мускатным орехом, корицей и перцем, поэтому его называют еще деревом всех специй. Из листьев получают масло, используемое в парфюмерии.

К аллее Лабурдоне примыкает аллея Коммерсона (известного французского натуралиста), на которой мы встречаемся со стройными невысокими пальмами (Dictyosperma album); у них ровные стволы, покрытые темной корой. Родина этих пальм — Маврикий и другие Маскаренские острова. Их верхние побеги очень ценятся как пищевой продукт.

Аллея Пуавра, который был интендантом острова, обсажена высокими и стройными королевскими пальмами двух видов: Roystonea regia и Roystonea oleracea. Они придают аллее величественный вид. Ее часто изображают на почтовых открытках, и она этого заслуживает.

Рядом с пальмами замечаем небольшое дерево с листьями желто-оранжевого цвета. Это Thevetia neriifolia из тропиков Америки. Его твердые продолговатые орешки применяются для изготовления кулонов, брелоков, а также амулетов, якобы приносящих счастье. Вблизи растет причудливая группа сахарных пальм (Arenga pinnata), они называются так потому, что если их соцветия помять, то через некоторое время выделится сок, превращающийся в коричневое сладкое кристаллическое вещество, напоминающее по вкусу сахар.

От аллеи Пуавра каменные ступени ведут к ручью Ситрон. Здесь растет несколько пальм (Raphia ruffa), привезенных с Мадагаскара. У них большие перистые листья, достигающие десяти метров длины. Из листьев этих пальм изготовляют знаменитое волокно бледно-зеленого цвета, принимающее в дальнейшем легкий желтоватый оттенок. Эта пальма дает блестящие шарообразные плоды.

Нельзя не упомянуть еще об одном прекрасном африканском дереве, которое растет вблизи этой аллеи. Тюльпанное дерево с темно-зеленой густой листвой (Spathodea campanulata) встречается и на центральном плато Маврикия. Оно настолько красиво, что всегда просто завораживает, когда видишь его в цвету. В темной зелени кроны далеко видны ярко-красные пучки цветов.

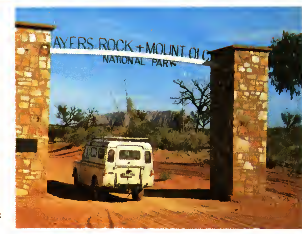
К очерку
Николая Дроздова
«АЙЕРС-РОК И МАУНТ-ОЛГА»

Красная песчаная пустыня, на горизонте — столовая гора Маунт-Коннор

Словно спящее чудовище, залег среди ровной, как стол, пустыни докембрийский останец

Въезд в Национальный парк «Айерс-Рок и Маунт-Олга»

Крутые бока Айерс-Рока причудливо изъедены древнеморской и ветропесчаной эрозией

Отслоившийся длинный каменный блок аборигены назвали Хвост Кенгуру

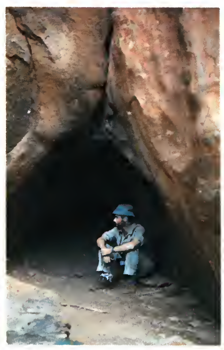

Узкая длинная пещера «Перерезанное горло»

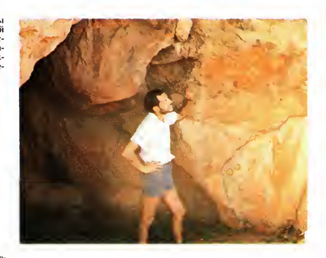
Обширную нишу в вертикальной стене называют Сумкой Кенгуру

В многочисленных пещерах у подножия Айерс-Рока еще недавно жили племена аборигенов, и закопченные стены еще напоминают об их прежних обитателях

На внутренней стене пещеры сохранились сделанные охрой рисунки аборигенов; эта роспись обозначает план стойбища: костер, вокруг — мужчины, поодаль — женщины, дети и домашний скарб

Вершина Айерс-Рока; к ней ведет белый пунктир, а в нише реперного знака — книга для покорителей. На горизонте — массив Маунт-Олга

На горизонте волнистой голубой грядой вздымается гребень гигантского метеоритного кратера

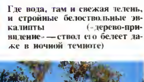

Каждый купол Маунт-Олги, как слоеный пирог, прорезан параллельными рядами древних отложений

В тени обрывистых скал хребта Макдоннелл сохраняются пресные озера

Где вода, там и свежая зелень, и стройные белоствольные эвкалипты («дерево-привидение» — ствол его белеет даже в ночной темноте)

Аборигены-ковбои пасут в пустыне стада коров

«Столица» пустыни — городок Алис-Спрингс прячется в уютной межгорной долине, где смягчается жаркое дыхание раскаленных песков

К очерку
Юрия Степанчукв
«В БОТАНИЧЕСКОМ САДУ ПАМПЛЕМУС»

Дворец «Монплезир»

Цветок дерева фикус религиоза

Дерево «буа макак» вице-адмирала Маслова

Бассейн (пруд) лилий

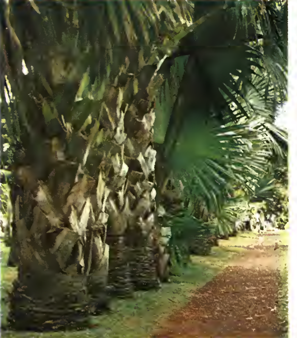

Виктория-регия

Бассейн (пруд) лотосов

Аллея королевских пальм

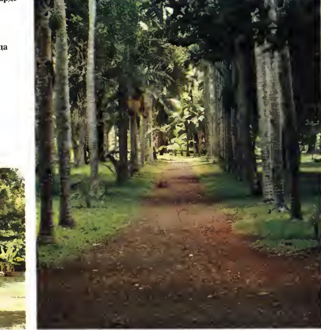
Пальмы Талипо

Маскаренские латании

Памятник писателю Бернардену де Сен-Пьеру

Аллея Коммерсона

Памятник основателям сада

Ростнслав Воронов,
Татьяна Голованова

ЦВЕТУЩИЕ ДЕРЕВЬЯ

Фотоочерк

Лес зацветает рано, когда кругом еще лежнт снег и лншь кое-где показываются черные проталнны. И хотя деревья стоят еще голые н, кажется, совсем не скоро проклюнутся зеленые лнсточки, весна уже будит лес, а деревья-первоцветы дарят свон первые скромные цветы. Онн не отлнчаются пышностью н яркостью, но нменно с ннх начинается весна, а потом она стремительно идет по земле, даря ей свон неповторнмые формы н краскн.

Ранней весной плотные корнчневые сережкн ольхн удлнняются, набухают, нз ннх высыпаются облачка золотнстой пыльцы

Расселнсь на ветках нвы пушнстые «барашкн». Онн похожн на птенцов в пуховом опереннн, греющнхся на солнце

В конце апреля зацветает осина. На одних деревьях висят пушистые красноватые сережки. Это мужские особи. Другие деревья украсились зелеными сережками женских цветков. А через полтора-два месяца деревья начнут рассеивать великое множество семян

Мужские цветки клена ясенелистного с красноватыми крупными пыльниками собраны в пучки, женские зеленоватые — в кисти. Весной, когда мало цветущих растений, дерево гудит от пчел. Здесь добывают они сладкий нектар. Зеленовато-желтые цветки клена остролистного собраны в рыхлые щитки и появляются до распускания листьев

Когда у березы начинают распускаться почки, а листья еще крохотные, с тонких ветвей свешиваются длинные желтоватые сережки, очень похожие на сережки орешника. Они обильно сыплют золотым дождем

Белое кружево черемухи как бы возвращает лес к поре снегопадов. На лесных опушках появляются пушистые сугробы. Только снег этот живой, душистый

Зеленоватые цветки рябины не удивят особенной красотой или яркостью, зато именно они подарят лесу пламень рябиновых гроздьев

Среди длинных хвоинок сосны появились цветки — колоски. Пройдет немного времени, и из них обильно посыплется золотая пыльца

Длинные золотистые ветки лиственницы за один-два теплых дня расцвечиваются густыми щеточками яркозеленых нежных хвоинок. Среди их красуются зеленые, розовые и красноватые шишечки и желтые колоски. Лиственница — дерево однодомное. Женские шишечки и мужские колоски находятся на одном дереве

Когда у дуба совсем еще маленькие листья, появляются мелкие тонкие зеленовато-желтые висящие сережки

В мае или июне темная еловая хвоя расцвечивается ярко-красными шишечками

В конце весны появляются ярко-красные цветки яблони Недзвецкого
В середине лета, когда солнце особенно щедро дарит свое тепло земле, зацветает липа. Ее золотистые цветки наполняют воздух неповторимым ароматом

В Африке это дерево имеет много названий, среди них и такие поэтичные, как Огонь леса, Трость волшебника. Иногда его именуют фонтанным деревом, поскольку его бутоны содержат много влаги, и если их надавить, то вода брызнет струей. Семена, цветы и кора растения используются в медицине; в них открыли много полезных веществ.

В саду Памплемус не только представители тропиков Азии и Африки, немало и местных растений. Часто они не требуют ярких красок для описания, но тем не менее очень интересны. Эти деревья возникли и до прихода человека тысячи лет росли на клочке земли среди безбрежного океана.

Рядом с пальмами аллеи Пуавра между двумя манговыми деревьями растет один из таких аборигенов — дерево, называемое «буа д'олив». У него темная гладкая кора, оно растет на низких, равнинных местах острова. Любопытно, что, когда дерево молодое, его листья достигают в длину 12—15 см. Но с годами они уменьшаются, приобретают овальную форму. Плоды похожи на оливы, а древесина твердая и долговечная, с красноватым оттенком. Дерево вроде бы неприметное, но тот, кто им заинтересуется, не пожалеет о потраченном на это времени. Какова его судьба? Исчезнет ли оно навсегда с лица земли после тысячелетнего своего существования? Или его удастся сохранить при помощи этого сада?

Пока я бродил по аллеям, темные облака сменились пушистыми белыми, они уже не закрывали солнца, а играли с ним, на дорожках аллей появились солнечные блики. Легкий ветер шевелил лопасти пальм, шумел в зарослях бамбука.

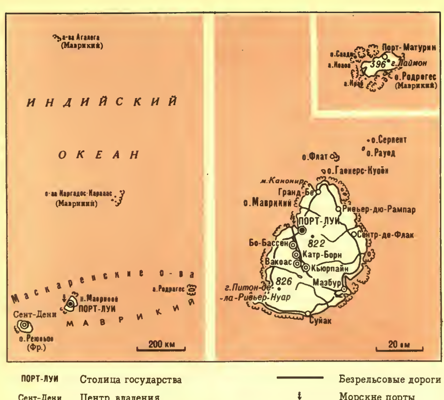
Аллеи, проложенные более двух сотен лет назад, были почти пусты, ничто не напоминало о современности. Казалось, такими же были эти аллеи, когда по ним бродили посетители в камзолах и париках, заботились о растениях, радовались каждому новому саженцу. Что заставляло Лабурдоне, Пуавра и Сере коллекционировать деревья, размещать их на аллеях, носящих теперь их имена?

Человек и сад

4 июля 1735 года парусный корабль доставил на Иль-де-Франс (так назывался тогда Маврикий) нового губернатора по имени Лабурдоне. Северо-западная бухта и побережье, где расположен сейчас Порт-Луи, были пустынны, только несколько наспех сколоченных хижин на открытой площадке служили убежищем отчаявшимся людям, потерявшим надежду быстро разбогатеть в новой колонии. Они стремились вернуться во Францию. Их насчитывалось около сотни.

Бухту окружала цепь гор с главной вершиной, чуть отстоящей к северу. Голландцы назвали эту гору Питер-Бот по имени своего адмирала, чей корабль затонул у берегов острова во время урагана. Эта высокая гора конической формы была увенчана огромным камнем, будто занесенным туда неведомой силой.

Ближе к бухте, над тем местом, где предполагалось выстроить город, высились другие горы с вершиной, напоминающей крепко сжатый кулак и именовавшейся Пус. Площадь между бухтой и горной цепью была покрыта лесом; бегущий с горы Пус ручей разделил эту территорию на две части.

Лабурдоне оказался именно тем человеком, который сумел вдохнуть жизнь в эти места и в этих людей. Ему было только 36 лет, но за плечами у него уже большая жизнь. Десяти лет он отправился в море в качестве юнги торгового судна, в 20 уже служил лейтенантом во французской торговой компании, затем поступил на службу к губернатору французской колонии в Индии. В 1723 году он побывал на Иль-де-Франсе и за короткое время успел оценить значение этой колонии для французского мореплавания.

Месяц спустя после прибытия на остров Лабурдоне купил владение Монплезир, в местности, которая впоследствии стала называться Памплемус,— в нескольких километрах на север от бухты. Там, где сейчас находится главный вход в ботанический сад, он выстроил дом. С этого времени и начинается история сада Памплемус.

Все началось с простой необходимости снабжать овощами и фруктами экипажи приходящих на остров кораблей и строителей

порта. Лабурдоне стал выращивать многие сельскохозяйственные культуры в своем поместье, чтобы убедиться, пригодны ли они для острова. На расчищенных участках губернатор распорядился выращивать маниоку, завезенную из Бразилии. В это же время посадили многие фруктовые деревья, привезенные из Европы и Индии. Лабурдоне посадил также лучшие сорта кофе, расширил плантации сахарного тростника, ставшего впоследствии главной сельскохозяйственной культурой острова.

В первые годы капитаны кораблей, пользуясь слабостью французской администрации острова, действовали по своему произволу. Стремление Лабурдоне навести порядок вызывало яростное сопротивление. На него писали жалобы; капитаны кораблей, приходя во Францию, характеризовали Лабурдоне как человека несносного.

Начинается война Франции с Англией. Лабурдоне в 1746 году во главе эскадры, снаряженной на острове, уходит к берегам Индии, где проводит успешные сражения с английскими судами и захватывает Мадрас. Для нашего рассказа важно то, что, находясь в Индии, Лабурдоне встречается с молодым Пуавром, который производит на губернатора большое впечатление своими знаниями, энергией, научным складом ума. Лабурдоне поделился с Пуавром своими мыслями об Иль-де-Франсе.

В дальнейшем судьба Лабурдоне сложилась трагически. Против него выдвинули ложное обвинение. В 1747 году он возвратился в Париж, где его бросили в Бастилию. Только через три года состоялся суд, который оправдал Лабурдоне. Он выходит из тюрьмы, но это уже окончательно сломленный человек. Он умирает в бедности в 1753 году. Лабурдоне вошел в историю острова: он считается создателем колонии и города Порт-Луи. Его имя упоминается в легендах и сказках.

Пуавр появился на Маврикии в 1767 году, через двадцать лет после отъезда Лабурдоне. Он был назначен интендантом острова, в ведении которого находились финансы и гражданская администрация. К этому времени Пуавр тоже испытал немало приключений. Он родился в Лионе в 1719 году, некоторое время был миссионером в Китае.

В 1745 году французское судно, на котором он плыл в Макао, вступило в бой с англичанами. Во время сражения Пуавр потерял руку. Затем он оказался в Батавии — центре голландских владений; здесь он изучал, как выращивают гвоздику, мускатный орех и другие пряности. После возвращения во Францию его как знатока некоторых восточных языков послали с дипломатической миссией в Индокитай. Пуавр воспользовался этой поездкой, чтобы собрать много ценных растений, таких, как перец, коричное дерево, хлебное дерево (Artocarpus heterophyllus), эвкалипт, особый сорт риса, растущий на сухих землях, и другие. Многие из этих растений он стал выращивать впоследствии на Маврикии.

В 1754 году на маленьком суденышке он отправился в Манилу и на острова пряностей, нашел и привез на Маврикий саженцы мускатного ореха.

Поселившись на острове в бывшей резиденции Лабурдоне, Пуавр немедленно приступил к восстановлению и расширению ботанического сада. Стал собирать здесь многие экзотические растения. Ему доставляли семена и саженцы из Индии, Малайзии, с островов

Океании. Однако главной целью Пуавра было освоить выращивание на острове пряностей — гвоздики, мускатного ореха, коричного дерева. В те годы это было монополией голландцев. Они сосредоточили выращивание пряностей на Молуккских островах; вывоз саженцев оттуда был запрещен под страхом смертной казни.

И все же Пуавр не терял надежды найти эти деревья на заброшенных островах. В 1770 году он доставил в Порт-Луи 400 саженцев мускатного ореха и 70 саженцев гвоздики.

В это время сад обогащается многими другими экзотическими деревьями, которые распространялись по всему острову. К ним относится дерево бадамье, которое еще и сейчас служит украшением юго-восточных прибрежных районов острова, а также манго. Плоды последнего в большом количестве появляются в ноябре — декабре на рынках острова.

Сад удивлял и восхищал путешественников и ученых. Здесь во множестве росли деревья из Ирана, Китая, Перу, с Явы, Молуккских и Канарских островов. Рядом с цветами, растущими во Франции, можно было увидеть странное деревце из Австралии. Здесь — обитатели гор, там — растения с берегов Ганга. Безводные пески Аравии, болотистые равнины Мадагаскара, восхитительные долины Кашмира послали в сад своих представителей. По каналам, проложенным в разных направлениях, текла прозрачная вода, принося прохладу в темные аллеи.

Во времена Пуавра на острове появилось много людей, взаимоотношения которых в отличие от растений сада были далеко не гармоничными. В одном из писем губернатор сообщал во Францию: «Невозможно себе представить, какое распутство господствует в городе Порт-Луи. Если, однако, учесть, какого сорта людьми он заселен, то удивляться не приходится... Все дезертировавшие моряки или солдаты, все военные, ушедшие в отставку, все те, кто не может вести жизнь спокойную, но полную трудов в провинции, все негодяи, убежавшие из Европы или из Индии, заканчивают свои дни в этом притоне. В Порт-Луи этих прожигателей жизни более чем достаточно... Я пытался,— добавляет губернатор,— с самого моего приезда уничтожить порок или по крайней мере заставить его надеть маску добропорядочности».

Но нет, стремление любыми путями сколотить состояние и уехать во Францию — вот что владело многими жителями Порт-Луи.

Но эти края, просторы Индийского океана привлекали не только любителей легкой наживы. Мореплаватели, ученые и путешественники посещают остров. Шевалье Гренье предложил Пуавру открыть сообщение с Индией более прямым путем. 13 мая 1769 года он отправился в экспедицию вместе с астрономом Рошоном. В январе 1772 года мореплаватель Кергелен покидает остров, чтобы исследовать южные моря. Иль-де-Франс посещают впоследствии прославившийся Лаперуз, писатель Бернарден де Сен-Пьер, роман которого «Поль и Виржиния» прославил остров.

Большим событием был заход в Порт-Луи возвращавшегося из кругосветного путешествия французского мореплавателя Бугенвиля. Утром 8 ноября 1768 года корабль «Будёз» появился в порту, где его встречала толпа во главе с Пуавром. Среди спутников Бугенвиля был известный натуралист Коммерсон, решивший остаться на острове.

В середине ноября на корабле «Будёз» все еще продолжались ремонтные работы, и Бугенвиль, чтобы доставить удовольствие Пуавру, отправился в Монплезир и осмотрел сад, «самый богатый, быть может, во всей Вселенной», по словам мореплавателя. Коммерсон же привез в дар деревья из Южной Америки, с Таити и других островов Океании.

Пуавр и Коммерсон вставали очень рано, прогуливались по саду, обсуждали, правильно ли размещены деревья. Коммерсон давал советы об их наилучшем сочетании. Вместе с Коммерсоном на острове остались астроном Веррон и инженер Роммевиль. Для них началась исследовательская работа под руководством и при помощи Пуавра в качестве администратора и ученого.

Исследования были настолько интересными, что Коммерсон предложил создать на Иль-де-Франсе академию наук. Она должна была заниматься природой тропиков, их флорой и фауной, ихтиологией морей этих широт, тропическими болезнями, вопросами сельского хозяйства. Но этому проекту не суждено было осуществиться. В октябре 1772 года Пуавр покинул остров. По его рекомендации управление поместьем Монплезир было поручено Сере, который, как считал Пуавр, обладал всеми качествами, чтобы продолжать начатое. Сере было в то время 35 лет, он родился на острове, учился в Париже, участвовал в морских походах, затем вернулся на Иль-де-Франс. Он вызывал симпатии добросердечием и привязанностью к ботанике.

Пуавр не ошибся: сад Памплемус под управлением Сере стал еще прекраснее и богаче, и сам Сере превратился в ученого-ботаника.

После отъезда Пуавра он видел свою задачу в том, чтобы завершить дело, начатое его другом и учителем, внедрить на острове культуру мускатного ореха, гвоздичного дерева и других пряностей.

Однако в первые годы Сере пришлось нелегко. Он вынужден был бороться за само́ сохранение ботанического сада. Новый губернатор оказался человеком слишком узкого кругозора. Сере было отказано в финансовой помощи, и только благодаря тому, что он имел собственные средства, сад был сохранен. Через три года после отъезда Пуавра наступил торжественный момент. 1775 год был отмечен появлением первых цветков гвоздики. Один из них опал, а другой завязался и принес плод — маленькую ягодку, которая охранялась, как драгоценность.

Два года спустя гвоздичное дерево было уже в полном цвету. Для мускатных деревьев потребовалось более продолжительное время: только 1 марта 1778 года появился первый цветок на одном из деревьев, посаженных Пуавром восемь лет назад. На следующий год губернатор Бриллан в сопровождении высших чиновников колонии проследовал в Монплезир, где Сере устроил великолепный прием. Орех был торжественно сорван.

Вскоре саженцы пряностей стали распространяться не только в садах Иль-де-Франса, но и в других французских колониях.

Гвоздичное дерево появилось на Мадагаскаре и Занзибаре, где и сейчас его плоды составляют одну из главных статей экспорта.

Но деятельность Сере не ограничивалась выращиванием пряностей. Множество фруктовых и экзотических деревьев было посажено в саду. Путешественник Мелон писал в 1786 году: «Сад Иль-де-Франса мне кажется одним из самых совершенных в мире.

Климат этого острова позволяет выращивать растения со всех континентов. Посетитель видит собранными в одном месте более 600 видов деревьев и кустарников.

Не все еще достигло совершенства, необходимы время и заботы, чтобы акклиматизировать деревья. Это требует наблюдений, проницательности и размышлений, что было свойственно Пуавру. Сере, его ученик, стал в этом деле тоже очень искусным. Манговое дерево 20 лет не давало хороших плодов. Сейчас же обильно плодоносит. Можно сказать то же самое и о многих других деревьях».

Маврикийский писатель Харт пишет о таком случае. В 1793 году на остров приехал ботаник Петит-Туар, чтобы присоединиться к брату, капитану судна, посланного на поиски мореплавателя Лаперуза. На острове он узнал о гибели брата и судна и был сражен этим несчастьем. Сере проявил к нему живейшее участие, постарался сделать все, чтобы ученый вернулся к своей работе. Петит-Туар в дальнейшем написал ценные труды, в частности об орхидеях Маскаренских островов, собрал большую коллекцию растений, которая была разослана во многие гербарии.

О работах Сере по выращиванию пряностей стали писать в Европе. Он становится известным среди ботаников. «Вы не можете себе представить,— писал Сере в одном из писем в 1778 году,— сколько времени занимает... корреспонденция. Я нахожусь в постоянной переписке с более чем 100 лицами, которых я никогда не видел и не знал... Все идет хорошо, и никогда сад не был в таком прекрасном состоянии. Он вызывает всеобщий интерес».

Мы рассказали о трех ученых, которые создавали этот удивительный сад. Он и сейчас, двести пятьдесят лет спустя, все так же молод и прекрасен.

«Буа макак» вице-адмирала Маслова

Через несколько дней после моего посещения ботанического сада позвонил Ангера; он еще раз извинился, что не смог сопровождать меня, и спросил, видел ли я дерево, посаженное адмиралом Масловым. О нем не упоминается в путеводителе. Мы договорились, что Ангера его покажет.

Ангера работал уже несколько лет в госпитале в Порт-Луи, к частной практике, приносящей на Маврикии хорошие доходы, не стремился, предпочитая небольшой, но твердый заработок. Высокий и стройный, он выглядел моложе своих лет, особенно когда улыбался.

В обществе дружбы «Маврикий—СССР» Ангера сотрудничал давно, неплохо говорил по-русски, медленно выговаривая слова и как бы придавая им особое значение.

Заканчивался декабрь. Маврикийцы отпраздновали рождество и готовились к встрече Нового года. Бюро прогнозов сообщало о путаных шагах очередного циклона, который набирал силу на севере, у острова Сан-Брандон. Но он был еще далеко со своими ураганными ветрами и проливными дождями, а пока стояла тихая солнечная погода.

В одну из суббот мы встретились с Ангерой и отправились в путь знакомым уже мне маршрутом. Мой спутник был тих и задумчив, а

я радовался новой встрече с садом. Его деревья уже не были для меня просто безликой зеленой массой. Я научился их узнавать, как старых друзей. Я понял, что в каждом стволе, кроне есть что-то оригинальное, неповторимое, каждое дерево имеет свое лицо.

Мы оставили машину у входа и стали осматривать аллеи, медленно продвигаясь к пруду, где росли лилии,— одному из самых замечательных мест сада.

Когда мы подошли к аллее Дарвина, примыкающей к пруду, то увидели две машины. Чернобородый молодой индус фотографировал женщину и девочку на фоне бразильских водяных лилий (Victoria amazonica), знаменитых своими огромными зелеными листьями с загнутыми краями.

Другая группа туристов расположилась для фотографирования под развесистым махагони (Swietenia mahagoni), которому было более сотни лет. В путеводителе сказано, что эти деревья посажены около 1870 года и что Дарвин, в честь которого названа аллея, посетил Маврикий во время кругосветного путешествия. Поднявшись на гору Пус, он был поражен панорамой города и порта.

Мы прошли мимо прудов, где Сере разводил рыбу, а затем мимо огромных деревьев Ficus religiosa, корни которых над землей на высоте человеческого роста отделяются от ствола, переплетаются, словно удавы, в фантастический клубок и впиваются в землю далеко-далеко от ствола. В одном месте их сплетение образует мост через ручеек, текущий возле этих деревьев.

Затем мы вышли к прямой аллее, в конце которой виднелось двухэтажное здание дворца Монплезир, но, конечно, не времен Лабурдоне и Пуавра, а относительно нового, построенного в конце XIX века. В этом здании по особо торжественным случаям проводятся правительственные приемы; некоторые комнаты на первом этаже занимает администрация сада. Аллея перед зданием усажена небольшими, на первый взгляд неприметными деревьями. Ангера подвел меня к одному из них, высотой в человеческий рост. Темно-зеленые ветви начинались от самой земли.

— Вот,— сказал Ангера,— может быть, самое интересное дерево.— Он показал на низкую деревянную подставку, сделанную в виде пня, к которой была прикреплена металлическая табличка. Вот что я прочитал: «Mimusops petiolaris. Это дерево было посажено вице-адмиралом В. П. Масловым 27.12.1973».

Первые два слова — научное название дерева. Так, значит, ровно семь лет назад представитель командования нашего Военно-Морского Флота по какому-то особому случаю посадил дерево. Вот, наверное, почему Ангера пошел со мной в сад именно в этот декабрьский день.

Видимо, много деревьев посажено в разных районах мира советскими моряками, и каждое из них имеет свою историю. Мне было интересно узнать историю этого дерева. Оказалось, что Ангера участвовал в церемонии посадки дерева. 1973 год был для моего спутника знаменательным. Он приехал из Москвы с новеньким дипломом, но работу получить долго не удавалось. Нужно было ждать, пока освободится место в госпитале Порт-Луи. Ангера приехал из Москвы в конце февраля, а 12 марта отмечалась пятая годовщина провозглашения независимости острова.

В конце декабря в Обществе дружбы с Советским Союзом

узнали, что впервые на остров прибывает с дружеским визитом отряд советских военных кораблей. 17 декабря Ангера был в толпе встречающих крейсер «Адмирал Сенявин» и эскадренный миноносец «Способный». Была разработана подробная программа пребывания советских моряков на Маврикии. Предусматривались визит к премьер-министру, возложение венков к памятнику В. И. Ленину и памятнику жертвам двух мировых войн в Кьюрпайне. Моряки должны были выступить с концертами, посетить общество дружбы «Маврикий—СССР».

Выступивший на встрече в Обществе премьер-министр говорил об особом значении визита советских кораблей с дружеской миссией. Советский адмирал Маслов выступил с короткой ответной речью, которая произвела на всех большое впечатление. Перед уходом кораблей было предложено советским морякам посадить в саду дерево, чтобы осталась долгая память об их визите.

27 декабря. Было тихое солнечное утро. Собралось много людей, полицейские регулировали движение машин. Оркестр моряков исполнил гимны Маврикия и Советского Союза. На каком же дереве остановить выбор? Вопрос оказался не столь уж простым. Выбрали «буа макак»—дерево, родина которого остров Маврикий.

— Когда я подал саженец,—рассказывал Ангера,—адмирал меня поблагодарил. Смотрите, какое выросло дерево, густое, сильное, а ведь оно растет всего семь лет! В тот же день мы проводили корабли, но долго еще вспоминали советских моряков.

Когда Ангера закончил рассказ о посадке дерева, я спросил, что же собой представляет «буа макак»? Ангера привел своего кузена, серьезного парня в солнцезащитных очках. Он работал здесь, в саду, и, видно, разбирался в своем деле. Он рассказал, что «буа макак» относится к группе Sapotacees. Это дерево предпочитает сухие места. Когда оно растет рядом с эбеновыми деревьями, его светлая кора резко выделяется на фоне их темных стволов. «Буа макак» имеет прекрасную древесину густого коричневого тона, очень твердую и долговечную.

Голландцы, поселившиеся на Маврикии в 1638 году, заготавливали «буа макак» наряду с эбеновыми деревьями. Это дерево достигает внушительных размеров, оно создавало в некогда густых лесах острова живительную тень для других, более низких растений. Сейчас оно встречается в основном в заповедниках. Кузен Ангеры добавил, что можно многое рассказать об особом строении листьев и цветков, но было и так ясно, что «буа макак» выбрано было для торжественной церемонии не случайно.

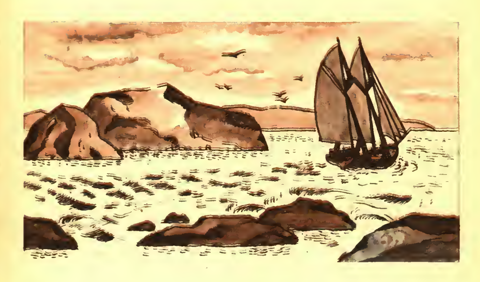
Надо было продолжать осмотр сада, и прежде всего заглянуть туда, где жили огромные черепахи, доставленные с острова Альдабра. И мы отправились с маврикийскими друзьями по аллеям этого удивительного сада.

ЛЕВ ГЕЙДЕНРЕЙХ

ПЛАВАНИЕ В ИНДИГУ

Очерк

Отплытие

— Мы рассмотрели докладную записку, присланную вами еще зимой. Ваши доводы о необходимости завезти морем в реку Индигу дома для организации заготовительного агентства вполне своевременны. Мною уже отданы распоряжения изготовить постройки здесь, в Архангельске. Вам придется возглавить эту маленькую экспедицию. Постройки завезете в разобранном виде, а одновременно товары для населения Тиманской тундры в годовой потребности. С Белмортраном достигнуто соглашение. Будем фрахтовать парусное судно средней грузоподъемности.

Разговор происходил в кабинете уполномоченного Внешторга по Северному краю в конце 20-х годов.

Получив мое согласие, управляющий удовлетворенно кивнул головой:

— Вот и отлично. А сейчас срочно составьте заявки на товары и начинайте их отбор. Даю вам для разъездов нашу Ласточку. Лошадка резвая. Команду подберет пароходство. Лоцманом пойдет Алексей Александрович Жилинский. Его контрагентский договор с ним закончился. Примите от него списки дебиторов, остатки товаров. Его доверенного Худякова возьмите в Архангельск: он болеет.

Через несколько дней судно встало под погрузку. Выглядит «Ястреб» как игрушка после капитального ремонта — его прошпаклевали, покрасили. Говорят, раньше принадлежало оно известному купцу-помору Епимаху Могучему. Ходил он на нем и в «Норвегу» и в

Англию. Две мачты, вместительиый трюм. Просторный кубрик для команды в кормовой части, каюта для капитана и пассажиров иа носу.

Командует «Ястребом» Михаил Иванович Замятин, помор из Сумского посада. Как все поморы, капитан немиогословеи. Он немолод, уже за пятьдесят, худощав, с подстриженной бородкой и седииой на висках, обветренным лицом в глубоких морщинах. Небольшие голубовато-серые глаза внимательно и цепко смотрят из-под белесых косматых бровей. Бросились мне в глаза крупные сильные кисти рук, с юности привыкших иметь дело с канатами, тросами, парусами. Михаил Иванович прошел суровую матросскую школу иа парусниках, и иелегко, видно, ему досталось его капитанское звание.

Лоцман Жилинский — известный в те годы североВед, опубликовал книги «Крайний Север Европейской России», «По самоедскому берегу» и другие. С ним я встречался иа зимних дорогах от села Неси до Нижией Пёши, где были заготовительиые агентства, и до Иидиги, куда снаряжался «Ястреб».

Вся эта территория, охватывавшая Чешскую губу с впадающими в нее речками Вижас, Ома, Снопа, Пеша, входила в мой район заготовок — уполномоченного Севкрайгосторга по Каниискoй и Тиманской тундрам.

Ласточка оказалась из породы орловских рысаков, серой масти в яблоках. Езжу на ней по базам, отбираю товары. Грузовых машин в Архангельске тогда ие было. Все грузы везли в порты гужевым транспортом. Капитан Замятин принимает их. Портовые грузчики действуют по старозаветным правилам. В трюм на самое дно укладывают мешки с мукой. В случае течи она не особеино пострадает. Если нижний ряд и подмочит, мешок покроется коркой, а виутри мука останется сухой. (Но течи быть ие должно: «Ястреб» проконопачен добротно, просмолен до ватерлинии.) На мешки с мукой — все остальное: кожу — юфть и сыромять, ружья — ижевки и тульские дробовики, винтовки системы «Ремингтои», байховый чай, ящики с табаком и галантереей. Разборные дома и склад крепят на палубе канатами. Продукты для команды принимает кок Любимов.

Конец июня, дни солнечиые. После работы вместе купаемся в Двине. Холодновата водичка! Прыгиешь с борта вперед головой — сердце заходится, а вынырнешь, отфыркаешься и пойдешь саженками к первому бакену на фарватере, иа бакене отдохиешь и обратио иа «Ястреб».

Перед отплытием весь деиь я провел в краевой конторе Госторга, оформил бухгалтерские докумеиты.

Очень волновалась мама: как, иа парусиике через Белое и Баренцево моря! Всплакнула. Отец только сказал:

— Будь осторожен, море шутить не любит. Подружись с Замятиным, я его знаю: человек надежиый. С командой живи просто. Не задирай нос. Ну все!

Мама не утерпела, благословила по русскому обычаю. Расстались.

Вечером я поднялся на судно с двумя чемоданами и вместе с Жилинским мы разместились в иосовой каюте.

В это время, в июне, в Архангельске стояли белые иочи. В

восемь утра отчалили от пристани. На фарватер Двины вытащил иас маленький буксир.

Тянул легкий зюйд-остовый ветерок. Затрепетали кливера. Пополоскались и слегка иадулись паруса грот- и бизань-мачты. Тихо движемся к двиискому устью. Остаются позади пристани, иабережная, севериый архангельский бульвар с белоствольными березками, парусники иа рейде, лесовозы, биржи лесопильных заводов со штабелями круглого леса, янтарио-желтыми квадратами досок, клепки, бруса. Тянет смолистым запахом сосны. В запанях россыпью лес, приплавлеииый с верховьев речек, стремящих воды в могучую Двину. Ох и поработать приходится ей в сплав, да и во всю навигацию, поворочать плотов, кошелей, парусииков, буксиров, лесовозов с иноземиыми флагами!

Севериая Двина, как и Волга,— река-работяга. А какой народ! Матросы на «Ястребе» скинули свои робы, трудятся голые по пояс, сухощавые, мускулистые, обвеянные солеиыми ветрами — это ли ие иатурщики для самого придирчивого художника!

А те, что работают на запани?! Одии проталкивают лес баграми с бонов, другие, как канатиые плясуны, быстро перебирая иогами, плывут по запани на мокрых, скользких, крутящихся бревиах, балансируя с помощью багра в руках. Вот один сорвался, ухнул в воду. Ничего! Выныриул, а иад иим подшучивают, кричат: «Выстал! Выстал!» И опять кипит работа.

Север! Лесной, двиискои север, сосиовый, еловый, березовый. В те годы ловили по всей Двине стерлядь самоловами, семгу поплавеииыми сетями, селедку и корюшку зимой в устье реки черпали, пахла эта серебряиая рыбка удивительиой свежестью.

В каюту почти ие захожу, все время иа палубе. Что значит парусиик! Не отдает иа «Ястребе» ни мазутом, ни маслом машиниым, ие пыхтит судио машиниой утробой, дышит ветром, солицем, пахиет смолкой, пенькой. И какой-то особой радостью бытия охватывает всего меия этот севериый двинской деиь!

Тишина... Журчит под иосом судиа вода, хлопнет парус или кливер, и опять все тихо, если ие считать крика чаек.

Ветёрок свежеет, крепнет. Паруса выпятили белые лебяжьи груди, стали тугими, как тетива натянутого лука. Вода под иосом «разговаривает» громче.

Кузнецов по лагу отсчитывает узлы. Недалеко уже до Чижовки. Там таможеииый досмотр, а потом Белое море. Работаю вместе с командой, помогаю чем могу. Это сближает и роднит. Зашел в рубку.

— Ну как, Михаил Иванович?

— Пока все в порядке. Смотрите, иавстречу идет корабль.— И Замятин передал мне биноколь.

В окулярах трехтрубиый корабль.

— Военный,— коротко бросает Замятии.— Как будто крейсер.

— «Аврора»...— читаю в бинокль.— Да это легендарный крейсер! Вот встреча! А в кильватере ие то эсмиец, ие то сторожевик.

— Право руля!

— Есть право руля!— отзывается Кузиецов.

Все выстроились вдоль левого борта. Стоим смотрим как зачарованные. Опомнившись, иачинаем махать кто платком, кто кепкой. А

с «Авроры» и эсминца «Комсомолец» отсигналили флажками: «Счастливого плавания!» Чувство какой-то особой гордости заполнило сердце.

«Аврора» под командой комиссара Белышева прикрывала переход красногвардейских отрядов по Николаевскому мосту с Васильевского острова в центр Петрограда!

7 ноября 1917 года в 21 час 45 минут с крейсера раздался исторический залп — сигнал к штурму Зимнего. Теперь это учебный корабль Балтийского флота. Идет в Архангельский порт. Стройный могучий крейсер весь в флагах расцвечивания.

Белое море

Прошли таможенный досмотр на Чижовке. Выходим в Белое море. Встреча с «Авророй» как-то всколыхнула, взволновала маленький экипаж «Ястреба».

Сидим втроем в капитанской каюте: Замятин, Жилинский и я.

— На «Авроре»-то наверняка есть и наши ребята,— говорит капитан,— с Поморья, мезенские, с Долгощелья, Койды, Мегры, из Ручьев. Там ведь извечные моряки — зверобои. Их почти всех на флот берут. Долгощельские Буторины, койденские Малыгины, ручьевские Юрьевы — все известные фамилии. Пролив в честь капитана — командора Малыгина назван. Еще в восемнадцатом столетии прошел он от Печоры до Оби на паруснике. А у нас, в наше время, из Сумского посада сколько моряков вышло! Одних Ворониных три брата и все капитаны: Владимир Иванович, Александр Иванович и Иван Иванович. Я их всех знаю.

И разговор переходит на общих знакомых, родные места. Есть, о чем поговорить, что вспомнить.

Были в те годы в Архангельском и Мезенском уездах два понятия. Все приморские, беломорские посады и села назывались Поморьем. А вот выселки по Чешской губе стояли не у самого моря, а по рекам, и назывался этот район Поречьем. Славился он разными промыслами, животноводством. Держали по многу коров, овец. Шерсти хватало и на рукавицы, чулки, душегрейки, катанки. Молоко было жирное, взбивали пахточное масло. Ах и хороши в мезенских деревнях шаньги с этим маслом в «помаковочку»!

Лошадей не ковали: в «убродных» снегах кованая лошадь засекалась подковами. Кони с широким копытом по мягким снежным дорогам шли ходко, были выносливы, не боялись мороза и пурги. Дорогу чуяли даже после снежных заносов.

На юг, вверх по течению Мезени, сажали картошку, сеяли рожь и ячмень. Стояли реденько по верховским деревням мельницы-ветрянки. Помор, прохваченный морозом и «сиверко», любил кондовую, теплую избу. Вот почему около нее, как непременная деталь, огромные поленницы сухих дров. Такова была мезенская северная деревня, где прошла моя юность.

Ну а что же Белое море? Почему же оно «Белое»? Всякие оттенки принимает море, а вот белым трудно его себе представить. Может быть, оно названо так потому, что, замерзая на бо́льшую часть года, оно действительно становится белым, снежным? А может, это отзвук сказаний и легенд далекого прошлого? Древние народы верили, что на далеком севере, за Скифией, находится

Севериое, или Скифское, море, которое римлянин Плииий иазывал Белым или Молочным.

Белое море беспокойиое, буриое, ио встретило оио иас приветливо. Волиа иебольшая, крутая, вроде зыби. Прошли остров Мудьюг. Во время иитервеиции здесь истязали и расстреливали большевиков, лучших представителей трудового люда, борцов за народиое счастье.

Идем западиой стороиой моря, мимо Талицы, Сосновки. Примерио иа траверзе Поиоя берем курс иа север.

Немного поослабли тросы, крепящие груз на палубе. Ребята перетяиули их, задраили брезеитом трюм. Работаю с парусами. Часто спускаюсь в кубрик. Там идеальиая чистота, аккуратио заправлеиы койки. Поем хором под гитару, которая звеиит перебором в руках кока. У Любимова хороший баритои. Он любит душещипательные, «жестокие» романсы. Затягивает стариииые морские песни, осторожио вступаем и мы. Перебор гитариых струи, мрачиый, рокочущий, как вздохи штормового моря,— и вырываются иа палубу слова старииной песии.

Плывут сиине морские дии. Погода как по заказу. Ни одиого серьезиого шторма. Незаходящее солнце трудится круглосуточно. У Любимова слегка пухловатое лицо, гладеиькое, холеное. За собой следит, иной раз иоровит посачковать, пофилоиить. Кузиецов — матрос, ои же и боцман, иногда ругиет его в «малый боцманский загиб». Ребята частеиько полушутя имеиуют кока интеллигентом. Это ему, видимо, даже иравится.

Как-то отчуждеино держится Жилииский. Кузиецов мимоходом бросил:

— Высокого полета птица, книжки пишет, а вот в Индиге-то у иего иеважио вышло... Ну да дело не наше.

А Кузнецов — жизиелюб. Делает все споро, тщательно, с увлечеиием. Стойкий, крепкий человек. Ои и на палубе держится, когда волиа расшалится, твердо, прочно, ие качнется, как гвоздем прибит. В Архангельске у иего жеиа, сын да дочка. Говорит о них просто и тепло, без сеитиментальиости. Видимо, и тут, в семье, все прочно и счастливо. Собирается привезти детям из плаваиия сухих морских звезд, ракушек, камешков. Живет ои в Соломбале, где Петр Первый устраивал свои ассамблеи. Памятник преобразователю России и посейчас стоит в скверике иа иабережиой, близ Соборной пристани, как раиьше иазывали это место.

Авария

Огибаем Канин Нос. Справа остается Тарханов и знамеиитые Камбальи банки, где мезенские промысловики — рыбаки с верховских деревеиь, иачиная с Заозерья и Лампожни, летом ловят камбалу и иа карбасах везут домой, запасаясь рыбой на всю зиму, до следующей путины. Обогнули Канин и держим путь на юг, уже иа реку Индигу — коиечиый пункт иашего плавания. Индига впадает в Поморский пролив, в бухту, образуемую Барминым мысом и Святым Носом. Она удобна для стоянки судов только в самом устье Индиги. Проход же в реку затруднен песчаными перекатами, по-местному — кошками. Жилинский здесь побывал иа суденышке малого тоииажа, поэтому исполияет роль лоцмана. Замятии в Иидигу не ходил.

Карты у нас старые, составленные еще в прошлом столетии адмиралом Наливайко. Лоции тоже устарели. Идем ощупью.

Опять солнечный день. Попутный ветерок. Жилинский в рубке, рядом с капитаном указывает фарватер. Он «слепой», не обставлен знаками. Видимо, обходим мель. Круто поворачиваем мористее, и вдруг корпус судна прошуршал о песчаное дно. «Ястреб» встал, развернувшись носом к морю.

— Ронять паруса! — командует Замятин.

Убрали паруса. Судно неподвижно. Начался отлив.

— Как же так? — обращается Замятин к Жилинскому.

— Перенесло, наверное, кошку. Намыло песку, образовался у отмели хвост, мы на него и напоролись, в прошлую навигацию здесь свободно проходили.

Молчит, хмурится капитан. Жилинский смущен.

— На полном приливе снимемся,— примиряюще говорит Замятину.

— Посмотрим. Не снимет водой, попробуем стянуться завозными якорями. Лебедкой подтянемся. Судно стоит к морю носом, может, удастся вытянуться на глубь. Ну а теперь отдыхать до прибылой воды. Завтра на ручной лебедке придется попотеть.

Отужинали. Команда спустилась в кубрик.

Вода спадает. Ночью, светлой, как день, вышли на палубу. О ужас! «Ястреб» стоит, слегка накренившись на левый борт, на песчаном островке метрах в пятидесяти от берега.

Замятин высоко поднимает брови, отчего морщины пересекли лоб от виска до виска. У Жилинского растерянное, смущенное лицо. Вид виноватый. Вся надежда — на лебедку и якоря на прибылой воде.

Но, судя по берегу, по литорали, прилив здесь небольшой. Да и что сделаешь лебедкой? Дно песчаное, грунт легкий, поползут якоря по этому грунту, а не судно к ним.

Дождались прилива. Спустили шлюпку. Нарастили якорную цепь манильским тросом. Четверо матросов на веслах завезли якоря, сбросили в воду. Вернулись на судно. Вся команда, включая Замятина, встала на ручную лебедку. Крутим посменно. Медленно натягиваются цепь и трос. Натянулись до отказа. Теперь самый критический момент. Поползут якоря к судну — пиши пропал! Дрогнет судно,— значит, снялись.

— Ну теперь передохнем,— говорит капитан.— Плавно крутите потом лебедку, не рывками, может, зацепимся якорями за грунт.

Нет! Судно неподвижно, якоря ползут по песку.

— Еще раз завозить якоря! — командует капитан.

Тот же результат: потные, усталые выкатали якоря, лежат они, наша надежда, на носу «Ястреба». Теперь осталось только разгружаться. На прибылой воде будем вывозить груз на берег. К нам идет легкая ненецкая лодочка. Двое рыбаков поднимаются на борт.

— Здорово!

— Здравствуйте!

Ненцы рыбачат в устье реки. Знакомы мне по зимним приездам в Индигу. Бывали у меня в агентстве в Нижней Пёше с пушниной. Напоили их чаем, накормили.

— Много ли вас тут на рыбалке?

— Да человек десять.

— А лодок?

— Лодок?—Ненец Ледков начинает загибать пальцы.—С мелкой посудой всяких лодок восемь, однако.

— Сели на мель, разгружаться надо, иначе судно не поставить на воду. Поможете—заплатим за работу.

Пока прилив, начинаем разгрузку своими двумя шлюпками. Возим груз к берегу, относим за линию прилива. Укладываем на разостлаиный брезент. Жилинский с капитаиом работают, подают, мы впятером выносим из трюма грузы в шлюпки, отвозим на берег.

Кузнецов предупреждает:

— Аврал, работать во всю силу.

Перекур после трех рейсов. Работа нелегкая: ходить с грузом по песку—каторжный труд, но надо крепиться.

Разборные постройки на следующую ночь во время отлива прямо на песке, возле судна, сплотили; на прибылой воде двумя шлюпками прибуксировали к берегу.

Усталые, мокрые поужинали—и спать.

— Ипполит,—говорю Любимову.—Я ненцам заказал свежую рыбу и мясо. Рыба здесь белая, сиговая, попадает и омуль и кумжа. Мясо из стад привезут. Тут они есть поблизости. Покорми свежинкой ребят денька два. Корми просто, без затей, вволю. Работа адская, харч должен быть отменный.

— Есть.

— В остальное время со всеми на разгрузке будешь работать, с капитаном все согласоваио.

Чайки всполошились, летают над судном, над берегом, где мы возимся с грузами. Иные важно расселись на песчаиой косе. У многих в гнездах кладка. Вот-вот появятся пуховые птенцы. Но нам не до чаек.

В следующий прилив появилась ненецкая флотилия—шесть лодок и десять ненцев. Лодочки маленькие, на пять мешков муки, не больше. И то помощь. Работать стало веселей. Привезли оленью тушу, рыбы. Рассчитался я с ними товарами. Взяли чаю, сахару, табаку, мешок муки. И вот уже разожжены костры, появились котлы, чайники. Берег ожил. Слышен говор, ненецкие слова вперемежку с русскими. Тимаиские ненцы все немного говорят по-русски.

Я объясняюсь с ними на своеобразном северном «эсперанто», состоящем из ненецких, русских и зырянских слов. Ненцы смеются, но понимают.

Весть о приходе судна с товарами по беспроволочному тундровому телеграфу пошла по чумам. Скоро нагрянули оленеводы. Товары не распакованы, но надо приготовиться к отпуску. Рядом с перевезенным на берег грузом установили весы.

В Индиге у ненцев есть пушнина, оленье сырье: шкура замшевая, крупная и телячья, неблюй, пыжик, немного нерпы. От рыбаков примем лососевую рыбу хорошего посола, видимо, появится и семга.

Разгрузку закончили за пять дней, хотя приходилось делать четыре перевалки—из трюма на палубу, с палубы в шлюпки и лодки, подвозку и разгрузку на берегу, а затем переноску за линию наибольшего подъема воды в прилив.

А теперь еще надо таскать груз к месту, где будут построены склад и дом. Это еще метров на сто пятьдесят от берега.

После разгрузки Ледков с женой и еще тремя ненцами остались

на берегу. Остальные пошли на лодках на свои рыбацкие тони. Сравнительно недалеко отсюда стадо Захара Алексеевича Апицына голов в шестьсот. Сам он сильный, сметливый человек. Попросил ему передать, чтобы приехал срочно. Хочу договориться, чтобы перевез грузы на оленях.

Облегченное судно снялось с мели и ушло на правый берег бухточки. Там есть крупные камни: нужен балласт на обратный путь в Архангельск. Отсюда «Ястреб» возьмет груз легкий. Без балласта в море не выйдешь. Матрос Пустошный остается на берегу. Он плотник и печник, будет руководить ненцами при сборке построек. Живем в палатке. Кормит нас жена Ледкова. Всегда у нас свежая рыба. Живем хорошо.

Перевалило за вторую половину июля. Стоит жара. Сейчас самое тяжелое время для оленей. Появляются комары, мошка, оводы. Олени, истязаемые гнусом, кружатся на месте, норовят бежать против ветра, стадо держать трудно. Кружась, ранят себе ноги, в раны проникает инфекция. Заболевание называется некробациллез, в просторечии — копытка. На берегу моря легче: здесь постоянно ветерок, гнуса мало, дышится легко.

Ах эта «роза ветров!» Надо поставить постройки так, чтобы их не заносило в бураны. Со снегом на Севере много хлопот: нужно откапывать двери, чистить крыльцо. После неистовых буранов приходится изрядно попотеть. Поэтому правильно поставить постройки — задача серьезная. Советуюсь с ненцами.

Песок, сухой, белесый, мелкий индигский песок — большая для

нас помеха. С грузом на спине проваливаешься в него почти как в снег. Решили выстлать из половых досок настил. Длина досок — пять с половиной метров, толщина — сорок миллиметров. «Тротуарчик» получился крепкий. Кое-где подравняли песок лопатами. Ходить стало легко. Носим в первую очередь ящики с пряниками, печеньем, конфетами, чаем, махоркой. Работает даже жена Ледкова, зовут ее по-русски Акулиной. Дело пошло. Груз укладываем по ассортименту к дверям будущего склада.

Приехал Захар Апицын на пятерке крепких быков. Олени уже вылиняли, но рога еще в «бархате».

— Здорово!

— Здравствуй, Захар Алексеевич! Иди перекуси. Чайку попьешь. Вон Акулина вскипятит. А потом ко мне подойдешь, поговорим по делу.

Подошел Захар, утирая загорелое лицо, потное от чая, которого он, видимо, изрядно попил:

— Какое у тебя дело?

— Мы друг друга знаем, Захар Алексеевич. Помощь нужна. Видишь, сколько груза?

— Много, очень много.

— Далеко твое стадо?

— Нет, недалеко.

— Пригони-ка сюда с полсотни быков покрепче, перевезешь бревна. Лес не очень тяжелый, сухой. Пятью нартами будем возить. Я сам стану работать и вот этот луцэ (русский).

Иван Пустошный был парень лет двадцати пяти родом из Архангельского уезда. Фамилия его вошла в историю арктических экспедиций. Матрос Пустошный сопровождал Георгия Седова при его героической попытке достичь на собаках Северного полюса.

— Ну как, Захар?

— Можно. Дня через три приду с легким чумом, с быками.

Пожали друг другу руки. Захар пошел еще к Акулине чайку попить. Без чаю какая дорога?

— Там нашим передай — рыбы добыли. Сейчас на разгрузке работаем,— сказал Ледков с товарищами Захару. Хоть далеконько их стада, но весть дойдет.

Ненецкие лодки вытащили на берег от прибоя. Стоит на песке эта утлая флотилия, сослужившая нам добрую службу. Шлюпки забрал «Ястреб».

Через три дня появился Захар. Поставил далеко от берега на траву и ягель легкий летний берестяной чум. Вокруг, как должно, нарты. Две подсобных, остальные пять — грузовые, четырехкопыльные крепкие хамбуи. Нарты надежные.

На следующее утро принялись за перевозку. На пять нарт грузили десять бревен. Ненцы на нарты не садятся, идут рядом. Дверные рамы, полотна, косяки грузим комплектами, а кирпич — по тридцать штук на нарту. За три дня все перевезли, уложили по порядку. Принялись за муку.

Кончается июль. Жара не спадает. Прикатили по мосточкам бочки с керосином, маслом коровьим и постным, олифой. Пришлось доставить сюда известь и глину, алебастр для печей. Глины у моря нет. Пустошный руководит сборкой построек. Живем все еще в палатке.

Дуют ветры с моря. «Ястреб» стоит с зарифлеииыми парусами. Приехал Кузиецов, передал слова капитана:

— Пока эти ветры дуют, как говорится, прямо в зубы, из бухты ие выбраться. А пока здесь строитесь да товар от иенцев будете брать, может, и ветер смеиится.

Словом, «жди у моря погоды». Отправил с Кузиецовым на судио свежее мясо и рыбу. Как начиут подъезжать иеицы, съедет на берег и Жилинский. Пока же он живет на судне.

Сибирская язва

Август. Просиулся я как-то утром рано. Легкий туман истаивает, видиы дали. Опять будет жара. Осталось подвезти мешков сто пятьдесят муки и тоиия две соли. Смотрю из-под ладоии иа Захаров чум — что-то не видио его. Смеиил место, видно, подальше ушел, иа свежие корма.

Вышел из палатки Ледков.

— Что-то Захар долго ие идет. Пора бы и к работе приступить.— Сходи-ка, Егор, узиай, в чем дело. Может, олеии откололись!

— Нет, тут что-то ие то...— задумался Ледков.— Пойду узиаю.

Вериулся через полчаса.

— Уехал Захар. По следу видать — к себе в стадо, со всеми нартами и чумом.

— Вот так иомер! Не сказал иичего и работу бросил. Видио, в тундре иеладно!

— Жара стоит, копытка — это еще иичего,— вздохиул Ледков.— Не дай бог, сибирка. Мы иа правой стороне Индиги. Здесь сибирки ие было. А вот стадо Захара за рекой. Если сибирка объявилась, он стадо уведет к иашим стадам, а может, и дальше.

— Ну и беда! Вот не везет иам: то иа мель сели, то сибирка иавалилась!

— Ииаче Захар ие уехал бы, ие тот человек! Остаться, сибирку подхватить — конец. Вот и сбежал. Стадо потерять ие шутка, когда других олеией иакопишь? Годы иужиы,— объясняет мие Егор Ледков.

— Скажи, Егор, а вы тоже сбежите?

— Пошто сбежим? Вот склад и дом поставим, тогда и к себе вериемся. У нас стада иа чистых местах стоят, стада иебольшие. Летом вместе пасем, у иас у всех там братья, отцы, места летовочиые зиают до каждого кустика тальникового, до каждой березки. А иаше дело — рыбы наловить, иерпу добыть, а вот теперь и у тебя заработаем кое-что, запасемся иа зиму. Зимой песца промышлять будем.

— Хорошо, Егор. Работайте на складе. А я потихоньку муку переиесу. Мешков по двадцать в деиь. А вы в это время стеиы склада соберете, полы настелете, стропила поставите. Обрешетку брезеитами закроем, а то, иеровеи час, дожди пойдут. А там помалеиьку и крышей иакроем. Товары в склад сложить матросов с «Ястреба» попрошу. Вы в это время дом собирать иачиете.

Изложил Пустошному свой плаи. Иван только поддакивал после каждой фразы. Согласеи, мол. Есть в ием что-то от старообрядческой строгости. Староверов по Поморью, да и по архангельским деревням, и по Печоре, миого еще в те годы было.

Нависло грозной тучей над тундрой страшное слово «сибирка». Как там дела в левобережных стадах? Начало августа. Телята уже подросли, окрепли, даже гнус меньше свирепствует, скоро осенняя прохлада придет. Олени понемногу рога чистить начнут. Уже видно оленеводу, чем год кончится (приплод, можно сказать, определился), где здоровые стада, а вот если сибирка прошла, иное стадо как косой выкосит — ни телят, ни взрослых оленей, иной раз и быков не останется, чтобы чум перевезти. Так и стоит на одном месте, как наш «Ястреб» без ветра.

Утки уже вывели на чистую воду свое потомство. Молодые кряковые с писка переходят на басовитый кряк. Для отдыха хожу вверх по Индиге с двустволкой. Постреливаю уток, несу добычу Акулине в общий котел. Скоро утки начнут собираться в стаи к отлету, в южные края готовиться.

Плотники закончили сруб для склада, положили балки, настилают полы. Таскаю грузы с двумя матросами. Керосин, известь оставляем на улице, все остальное — в склад.

Прошла еще неделя. Склад готов полностью. Навесили двустворчатые двери. Плотники приступили к дому. Из Нижней Пёши прибыл на лодочке с двумя гребцами заведующий Индигской факторией Попов. Сдал ему товары. Все трое принялись помогать на сборке дома. Появились оленеводы с правобережья Индиги. В стадах все благополучно, сибирки нет. С левого берега пока никто не приезжает. Но там свирепствует сибирская язва молниеносной формы. Ходит олень, вроде здоровый, и вдруг падает и погибает минут через двадцать — тридцать. При острой форме живот вздут, опухают рога, на теле тестообразные опухоли. В Тобольской губернии в начале нашего столетия от сибирки погибало до ста тысяч оленей. И не мудрено: ни прививок, ни карт падежных мест. Страшная эпидемия хозяйничала в стадах как хотела. Теперь, конечно, другое положение. Но вестей с левого берега пока никаких нет.

Начинают потихоньку тянуть на юг гуси и утки. Вчера принес с охоты пару гусей. Гуменники, тяжелые, налитые. Научил Акулину жарить гуся с сухофруктами. Блюдо — пальчики оближешь!

Засентябрило. Пошли дожди, похолодало. Плотники положили конек-охлупень. С Пустошным работает подсобником Кузнецов на кладке двух печей в доме. Подает кирпичи, раствор.

Стройка заканчивается. С утра посмотрю, как идут дела, и в тундру с ружьецом подамся. Сам заряжаю медные многострельные гильзы. Пыжи, и пробочные и войлочные, завезли сюда мы, дробь шестого номера и выше, до картечи, пули для централок.

Гусь идет уже густо. Охота добычливая. Серый денек. Дождя нет, а к ночи, наверное, соберется. Тяжелые кучевые облака цвета темно-голубого песца, почти грозовые. Присел за взлобком, притаился за кустиками карликовой березки, уже желтой, поредевшей, но укрыться еще можно. Тянутся гуси, гогочут прощально, летят низко, как раз на расстоянии выстрела. Приготовился — сейчас ударю дуплетом. Прямо на меня рулит вожак. И вдруг резко в сторону отвернул. Заметили? Эх, черт! Вроде бы хорошо спрятался.

И тут издали: «Кш! Кш! Кш!» Кто-то оленей подгоняет. Оглянулся — по низинке моховой, осочной упряжка оленья, пять быков. И кто-то знакомый на ней. Ближе... Ближе...

— Алеша! — Бросаюсь иавстречу.

Ведь это старый зиакомый: с Алешей я встретился впервые в Пеше. Приезжал он с отцом в агентство, сдавали оии пушнину, пыжика, иеблюя.

Мие понравились как отец, так и сын. Оленьи упряжки были у них добротные. Ездовые быки крупные и прогонистые, с хорошим ходом. В Пеше у меня еще ие было постоянного олеиьего каюра для разъездов по тундре. Вот Алеша и стал моим каюром.

Немало поездили мы с иим по сиегам Тиманской тундры, собирали пушнину и сырье. Олеии Алешииы, часто сменяемые, всегда были в теле. Сдружили нас с Алешей эти бесконечиые дороги, буранные иочевки под тундровыми сиегами, разговоры у костров. И вот теперь иеожиданная встреча.

Встала упряжка. Алеша привязал передового.

Обнялись. Отстранил его от себя, гляжу и не узиаю. Тот, да не тот. Лицо темное от загара. Осунулся, вроде подсох. Глаза красноватые, смотрят горестно, печально.

— Алеша! Ну, говори, что там творится?

— Сибирка широко прошла. Я к тебе на чужих олеиях приехал. Свои все пали. Ой, беда, беда, беда!

Ои утер ладонью глаза, по щеке сползла и упала в седой ягель слеза тяжелого горя, отчаяния.

— Успокойся. Сейчас все обсудим. Чем могу, помогу. Гони к фактории!

Идет по траве упряжка споро, как зимой.

— Чьи олени-то?

— Витязев дал. Ои в стороие стоит, сибирка мимо прошла.

Выпил Алеша чаю, повериул кверху дном чашку, на донышко обсосок сахару положил. Горек и сахар.

— Как дальше-то жить будешь?

— Да как-иибудь надо ухитриться.

— Бери, что иадо, бери с запасом. Может, сколько-иибудь оленей вымеияешь. У меня зарплата за это время скопилась, деньги вложу за товар.

— За помощь спасибо. Из оленеводов кое-кто поможет, кто оленя даст, кто два. У нас в несчастье помогать принято. Как-ибудь буду каслать. Пало по правому берегу тысяч, поди-ка, пятнадцать.

— Да, беда большая!

— Вот похолодает, опомнятся немиого, к тебе приедут все. А кто и пешим придет.

— Собрание соберем. Кредиты выдам товарами, хоть ие имею иа это разрешеиия (старые долги кое за кем еще числятся), ио выдам на свой риск. Объясню в Архангельске начальству: стихийное бедствие. А ты в тундру поезжай. Весть дай о иас, пусть собираются здесь. Народ на правом берегу о собрании уже знает. Тоже приедут. У них сибирки ие было. Помогут оленями. Приезжай с грузовыми нартами: товар, продукты возьмешь.

Мой собеседник ободрился:

— Я кое-что привезу. Есть песцов иесколько штук, лисицы две, телячьи шкуры прошлогодиие, иа малицы готовили. Все привезу.

— Шкуры не вези, себе оставь, в этом году ведь ни одной ие сняли.

Алексей Александрович Жилинский съехал на берег. Живет со мной в новом доме. Будем оформлять ликвидацию его контрагентства. У Худякова товары на исходе. Приняли остатки за два часа. Пушнины немного. Жилинский принимает свой товар сам. Запломбировал мешки, отвезет на судно. Осматривает постройки. Похвалил. Все сделано по-хозяйски. Печален. Тундру он любит. Худяков скверно выглядит, ест наш картофель, лук, у него цинга. Выедет с нами в Архангельск. Там поправится.

Ночами не сплю. В глазах страшная картина бедствия.

У оленевода все в оленях. От них радость, благополучие. Олень — это жизнь.

Возвращение

В последних числах сентября съехались тундровики. Любимов готовит стол для приезжих.

Я принял пушнину и сырье у оленеводов с правого берега. Братья Ческовы, русские рыбаки, привезли два бочонка семги хорошего посола. Они здесь летовали. Пройдет навага — домой отправятся на свою Петрову Гору — деревню верст за пятьдесят от города Мезени. Рыбаки отменные — по тысяче пудов на брата вывозят отборной северной наваги.

Вроде все съехались, многие с левого берега на чужих оленях.

И вот собрание. Домик полон людьми, все сидят на полу. Мебели пока не изготовили, но сидеть на полу привычно для тундровиков. На трех табуретках — Замятин, Жилинский и Попов. Я взял слово, рассказал о целях и задачах новой Индигской фактории. Алеша, мой бывший каюр, призвал оленеводов, чьи стада не задела сибирка, оказать помощь оленями пострадавшим от бедствия. Все согласно закивали головами: взаимопомощь в тундре традиционна. Я еще раз взял слово. Подчеркнул, что государственная фактория тоже окажет пострадавшим помощь, выдаст в кредит товары и продукты.

Рассказал, что наши ученые уже нашли возбудителя заболевания, изготовили вакцину. С будущего года пойдут эпизоотические отряды с «оленными докторами», начнут делать оленям прививки против сибирки. Оленеводы приняли мое сообщение радостно, но недоверчиво: часто говорят одно, а получается другое. Недоверчивость понятна: в прежние времена приезжие торговые люди старались всячески обмануть ненцев, обсчитать, всучить фальшивые деньги.

После собрания пошли осматривать товары в складе. Тут и продукты, и одежда, и обувь, и все необходимое для промыслов. Выписываю товарообменные квитанции. Заключаю контрактационные договоры на пушнину и сырье. Оформляю небольшой кредит.

На следующий день разъехались. Приободренные левобережные отправились на правый берег Индиги за оленями к родственникам и к тем, кто изъявил желание оказать помощь.

Остались мы вдвоем с Поповым. Тихо стало, безлюдно. Пошумливает ветерок, какой-то непостоянный, переменчивый, то с одной стороны потянет, то с другой. Замятин, уезжая, сказал:

— Послезавтра полнолуние. Вода прибудет. Поставлю «Ястреба» под погрузку. Готовьте груз.

Упаковываем пушнину в мешки, пыжик тоже. Шкуры неблюя укладываем тюками, затягиваем веревкой. Погрузка будет легкой.

Вышли в море. Оно волнуется. Раскачали его густые осеннне ветры, но настоящего шторма в Баренцевом не встретили. Он налетел уже в Белом. Кипят, бушуют волны. Ветер свищет в реях, скрнпят мачты, паруса надулись до отказа, вот-вот улетят в поднебесье. Волна заглядывает за борт н, белой пеной обмывая ногн и шипя, скатывается обратно в море. Все мы на палубе. Замятин в рубке. Кузнецов с остальными матросами на парусах. Я бросаюсь то туда, то сюда на помощь. Ветер холодный, почти ледяной, но от работы жарко. С непрнвычкн, не сумев иногда сбалансировать, теряю равновесие и тычусь носом в такелаж.

Идем быстро, ветер в корму. А вот и Двина. Прншвартовалнсь к пристани. Разгрузились. Все сдал на госторговскне сырьевые склады. Представил отчет.

По издавна заведенному обычаю, счастливо законченное плавание решили отметить. Ужинали в ресторане «Эрмитаж». Собралнсь все: Замятин, Пустошный, Любимов, я, Кузнецов пришел с женой, миловидной скромной женщиной.

Тостов было много: за дружбу, за море, за наше верное судно «Ястреб» и снова за дружбу. Я предложил тост за тундру. Пели морские песни. Любимов, как всегда с гитарой, выводил баритоном:

О сжалься, сжалься надо мной,
Мой руль оторванный пропал,
Брам-стеньги сорваны волной,
Порвался крепкий марса-фал.

Уже дома я нашел в боковом кармане пиджака новенький блокнот. На первой странице было написано: «Лев Нниколаевич, если Вам в жизни будет трудно, знайте, что у Вас есть верные друзья. Команда парусного судна «Ястреб»». И подписи, начиная с капитана Замятина.

В жизни мне довелось получать и почетные грамоты, и различные благодарности, и памятные адреса. Но этим блокнотом я дорожу больше всего. Глядя на него, я вновь и вновь переживаю все перипетии поездкн в Индигу в те далекие времена и молодею от воспомннаний.

ОТА ПАВЕЛ

ВЕЛИКИЙ СКИТАЛЕЦ ПО ВОДАМ

Рассказ из сборника того же названия

Моему отцу вновь захотелось порыбачить с Карелом Прошеком, причем было ему все равно, что ловить. Мы приехали на Бранов, дядюшка с отцом обнялись, как в годы войны, когда подолгу не видались. Прошек принес с чердака желтые бамбуковые удочки со старыми роликовыми катушками и белыми блеснами, стряхнул с них пыль и паутину. Пошел в сад, накопал червей. Потом положил на колоду белую курицу и отсек ей голову, дал мне ее ощипать, а сам принялся разливать по бутылкам домашнюю сливовицу.

Карел с отцом решили, что мы пойдем к плотине ловить угрей, там и зажарим курицу, а вернемся только утром. Отец очень обрадовался, что предстоит ловля угрей. Угорь бесподобен на вкус, напоминая нежное блюдо из языка; его трудно сравнивать с речными рыбами. Он пахнет дальними далями, плодами моря и океанскими водорослями.

Вышли мы под вечер. У каждого удочки и подстилки, дабы не застудиться на сырой земле. Дядюшка Прошек бросил ощипанную и выпотрошенную курицу в воду, прямо к рыбам, пусть, как говорится, чуток прополощется.

Вспомнились мне наши походы на усача, только вот теперь эти двое мужчин постарели, по тропинке шли уже не так легко. Но и как тогда, до войны, небо голубело, шумела вода на плотине, а вдали, на мельнице, горела одинокая лампочка. Дядюшка Прошек сказал:

— Давайте тут устраиваться.

И взялся за удочки. Всего их было шесть штук. Их мы расположили рядом, и к каждой отец приладил по маленькому колокольчику вроде тех, что вешают на рождественские елки.

Совсем маленькие колокольчики, чуть больше глиняных шариков, которыми играют дети, загоняя их в ямки. Зато каждый колокольчик из золота, и каждый звонит, когда угорь оказывается на крючке.

Для ловли угрей, однако, ночь была неподходящей, и мы это знали. Большая луна отливала серебром, белые звезды рассыпались по всему небу. Угорь, подобно летучей мыши или дикому зверю, предпочитает темноту, в светлые ночи он показывается редко. Но нас это не очень заботило. Важнее всего было то, что мы вместе, может, и в последний раз.

Мы отошли подальше от удочек, чтобы чувствовать себя посвободнее. Дядюшка Прошек развел небольшой костер и на проволоке подвесил над огнем курицу. Потом вытащил бутылку и, как десять лет назад под акацией, предложил мне:

— Хлебни.

И я хлебнул, потому что был уже почти мужчиной. Отец не возразил. И он тоже отпил, хотя к спиртному был равнодушен. Костер согревал нас снаружи, сливовица—изнутри. Языки наши развязались, отец с дядюшкой дымили сигаретами, а я слушал их рассказы о давних похождениях. Не помню уж точно, о чем они рассказывали, но, кажется, что-то об Африке, обычаях чернокожих.

Потом заговорили о рыбе. Вспомнили, сколько было поймано, а какая рыба ушла, и, как все рыбаки на свете, сошлись на том, что самая крупная рыба сорвалась. Как-то дядюшка Прошек тащил на веревке одиннадцатикилограммовую щуку. Он поскользнулся, угодил рукой прямо в зубастую пасть и выпустил рыбину. Она соскользнула в реку, перекусила леску, и след ее простыл.

Тут зазвенел колокольчик. Нам показалось это нелепым, поначалу мы даже не сообразили в чем дело. Вспомнив о золотых колокольчиках, мы стремглав бросились к удочкам, и отец вытянул килограммового угря, который, видно, ясную ночь перепутал с темной. Отец опустил рыбину в частую сетку, затянул ее на пять узлов и повесил на ольху.

После этого мы расправились с прокоптившейся курицей, запив ее сливовицей. Мы уже не разговаривали, а слушали ночь. Хлюпая, гонялись за рыбками голавли, бесшумно скользили между деревьями летучие мыши. Звезды купались в реке, а луна присматривала за ними. Ведь сам Космос велел ей опекать звезды. Я взглянул на отца и на дядюшку Прошека: возле куриных косточек и пустых бутылок дремали они, свернувшись калачиком на своих подстилках.

Я подошел к ольхе, на ветвях которой в сетке висел угорь. Он был живой, маленькие его глазки горели золотом; будь он человеком, я бы сказал, что у него жар.

Угорь извивался в сетке, но шансов на спасение не было никаких. Однако он не сдавался, как не сдаются сильные духом люди. Угорь никогда не теряет надежды.

Я прилег в траве у костра и стал размышлять о скитальце угре и обо всем его роде. В жизни его для нас больше загадочного, чем понятного. Я размышлял о рыбе, которая живет здесь, на нашей планете, миллионы лет. О рыбе, которая хранит тайны древних морей и океанов. Я вспомнил, как греческий философ Аристотель опроверг ошибочное утверждение, будто угри рождаются в иле озер. Я представил себе, как Дан Шмидт защищает первую верную

догадку, что угри нерестятся у берегов Америки в Саргассовом море. Они приплывают туда из рек Европы и Северной Африки. Там, в чаще бурых водорослей саргассум, в одном из самых теплых и самых соленых морей, предаются они любви. Они баюкают своих детей-икринок на коричневых водорослях. Тайны их жизни пришлось отгадывать крупицу за крупицей. К угрям прикрепляли даже миниатюрные радиопередатчики, чтобы проследить, куда их влекут пути ежегодных дальних странствий.

Мы не знаем, где умирают угри. Может, они гибнут после нереста, погружаясь в пучину? А их детей, стекловидиых и прозрачных угрят, сотни километров несет Гольфстрим. Угрятам, а они не крупнее листка вербы, понадобится три года, чтобы добраться до устьев тех рек, где жили их отцы и матери. Самцы остаются в устьях и тут дожидаются возвращения повзрослевших самок. Десятки лет живут они в реках. И здесь-то мы ловим их — узколобых или широколобых, зеленых или иссиня-черных. А уцелевшие виовь отправляются за тысячи километров в Саргассово море. Учеиые ломают голову над тем, что толкает к этому угрей и как отыскивают они дорогу. Птицы — по звездам и солнцу, а вот как под водой, на большой глубине, определяют направление угри? По дну? Используя магнитное поле Земли? Или они обладают незаурядным чувством ориентации?

Тогда вопросы эти не казались мне столь уж сложиыми. Ведь там, у берегов Америки, они родились, туда они и возвращаются. Домой дорогу найдет всякий. Там они родились, там они хотят составить пары, а потом и умереть. Они плывут с такой одержимостью, что, когда пробьет их час, угрей не останавливают никакие препятствия. Но некоторые они преодолеть не в силах. Они словно ничего не видят перед собой. Захваченные потоком, они попадают в турбииы и погибают. Рассказывают, что угри обходят большие плотииы по мокрой траве, продираются сквозь сети, расставленные рыбаками и браконьерами. В море глаза их увеличиваются, чтобы видеть лучше, а желудок сокращается. Они меняют цвет, становятся серебристыми. И все плывут к цели, ни на миг не теряя надежды.

Человек перегородил реки, возвел высокие плотииы, загрязнил воду нефтяиыми отходами, и угрям не стало житья. А потом человек понял, что без угрей не обойтись, и стал завозить мальков в устья рек самолетами, в ящичках, обложенных мхом и льдом. Он выпустил угрят в реки, чтобы через несколько лет выловить их. Но кто поможет попасть назад тем, самым выносливым, которые преодолели поставленные нами заслоны?

Я лежал у костра, и голова моя раскалывалась от этих дум. Я больше не подбрасывал сучьев в огонь. Светало. На мельиице погасла лампочка.

Угрям, понятио, ие до забав. И никакая у них ие ядовитая кровь. Да и с чего ей быть ядовитой? Наша мама играет с угрями, когда отец их наловит. Она гладит рыбину по брюшку, пока та не вытянется в струнку и не уснет. И может, угрю снятся сиы? Может, ему даже чудится, будто он птица или сверхзвуковой самолет и незачем ему так долго отыскивать море, богатое водорослями?

Рассвело. Отец зашелся кашлем, поднялся и отправился за удочками и угрем. Я поплелся за ним.

Когда мы подошли к ольхе, на которой висела сетка, глаза у иас

полезли на лоб. Сетка была вся в слизи. Видно, мы проиграли, а это было приспущенное знамя. Угорь головой расширил маленькую ячейку сетки, потом, очевидно, сжался и выскользнул. Он свалился на мокрую траву и дополз до воды. Мне понравилось, что отец не ругался, сказал только:

— Ушел.

Потом зевнул, уставший, невыспавшийся, и прибавил:

— Прекрасная была ночь!

Такая она и была. Человек прожил прекрасную ночь, и не надо ничего ловить.

Я стоял подле ольхи и все смотрел, как завороженный, на пустую сетку, думая о том, что этот угорь тоже не потерял надежды, что он все-таки увидит однажды Саргассово море.

Перевод с чешского *Елены Жуковой*

ГРИГОРИЙ ОГЛЕЗНЕВ

ЗАГАДКИ ГОРЫ ХАН-УЛА

Быль

Когда я учился на четвертом курсе геологоразведочного факультета Томского горного института, меня пригласил профессор Е. Н. Шахов и сказал:

— На производственную практику поедешь в Забайкалье. Там идут работы по изысканию трассы железной дороги, которая проляжет по Бурятии. Будет трудно, но интересно. Постарайся побывать на горе Хан-Ула, ознакомься с ее геологическим строением. В тех местах мне пришлось воевать с бандами атамана Семенова. И тогда местные жители рассказывали много загадочных историй об этой одинокой горе. Буряты считают ее священной и боятся подходить даже к подножию. Интересно бы проверить, нет ли тут какой-либо материальной основы.

Я охотно согласился выполнить просьбу старого профессора, не подозревая, насколько это окажется сложным и даже опасным.

И вот я в Забайкалье. Зачислен в один из отрядов геологической партии, занимающейся изысканием трассы железной дороги Онон—Оловянная. Наш лагерь располагался примерно в пятнадцати километрах от крутой лесистой сопки Хан-Ула, высоко вздымающей к небу свою плоскую вершину. Слова профессора не выходили из головы. Я готов был в первый же день обследовать эту таинственную гору. Однако повседневные дела не позволяли приступить к этому.

На первых порах мне пришлось заниматься документацией буровой скважины, проходка которой велась ручным способом на месте одной из будущих станций. Проходка осуществлялась двумя методами: ударным — при помощи долота и вращательным — с при-

нением винтообразного бура. Дробленую породу удаляли из скважины особым приспособлением, называемым желонкой. Измельченный грунт был изрядно насыщен водой. При документировании буровой скважины и описании пройденных горных пород от коллектора требовалась предельная внимательность. Я целиком ушел в работу. Дни летели быстро. Но вот однажды случилось ЧП, которое взволновало всех сотрудников, но при этом прославился как искусный врачеватель рабочий-бурят Дорж Намдинов.

Дело было летом, палящее солнце заставляло всех нас сбрасывать рубахи и обувь. Люди работали на буровой полуголыми и все-таки изнывали от жары. И вот как-то раз послышался крик:

— Ой! Ой, спасите!

Молодой рабочий Семен скорчился от боли и рухнул на землю. Подбежав к Семену, я увидел, что его правая нога покраснела и на глазах стала распухать. Поодаль извивалась черная гадюка, норовя скрыться в густой траве. Сомнений не было: нашего рабочего ужалила одна из самых опасных змей Забайкалья. Как спасти человека?

Везти Семена в поселок Ага, где была районная больница, далеко; оставить на буровой — значит подвергнуть его жизнь опасности. Подошел Дорж — средних лет коренастый бурят с густыми черными волосами и узкими щелками глаз. Он держал в руках тонкую бечевку и быстро перетянул ею ногу пострадавшего выше колена. Потом смело приложился ртом к небольшой ранке на распухшей ноге и начал высасывать змеиный яд. Мне и раньше приходилось слышать о таком довольно рискованном способе помощи при змеиных укусах. Дорж прикладывался к ранке несколько раз, то и дело выплевывая слюну, потом смазал больную ногу возле ранки какой-то жидкостью, пахнущей дегтем. Мы помогли Семену добраться до палатки и уложили в постель. Дорж заверил пострадавшего:

— Ничего, скоро все заживет!

И действительно, на другой день Семен почувствовал себя гораздо лучше. Опухоль спала, краснота исчезла, температура стала нормальной. Все успокоились, но работать теперь стали осторожнее.

Как-то раз, когда уже надвигалась ночь, накрывая своим темным крылом кусты, травы и высокую гору Хан-Ула, мы разожгли на поляне костер, благо конюх Федотыч привез из ближайшего распадка целый воз сухого валежника. Высоко поднимались к небу золотистые искры, увлекаемые потоком теплого воздуха. В такие вечера изыскатели любят посидеть у костра, выпить кружку крепкого чая, послушать рассказы бывалых людей, спеть задушевную песню. Все-таки какой удивительный волшебник вечерний костер! При его колеблющемся пламени люди становятся душевнее, проще, откровеннее.

— Дорж, а тебе не страшно было высасывать змеиный яд? — спрашивает бурята Семен, с признательностью поглядывая на своего спасителя. — О себе-то подумал ли? Ведь это опасно...

— Конечно, опасно, знаю, — кивнул Дорж. — Однако тебе помочь надо было. У нас в Бурятии каждый поступил бы так же. А гадюк здесь много. Нередко они жалят овец, коров, и их уж не спасти.

— А лошадей тоже кусают? — интересуется кто-то.

— Нет. Змеи боятся лошадей и всегда уползают от них. А когда

буряты ставят юрту, с наружной стороны окружают ее волосяным арканом. Змéн через него ие переползают.— Дорж помолчал, покурнвая трубку, потом задумчиво произнес:— Отец говорил, что летом мно-о-ого гадюк собнрается вон на той большой горе,— указал он на Хан-Улу.— Любят они это место почему-то...

Тут я заннтересовался и спросил Доржа, что еще известно о сопке. Бурят долго молчал, колебался. Видно было, что ему ие хочется говорить на эту тему. Тягостное молчание затянулось. Наконец Дорж решился:

— Сам я на той горе не был, ио от старых людей слышал, что на ее вершине жнвут злые духи, которые приносят несчастье. Раньше там собнралось много народа, молились, прнносили в жертву овец, коров, жеребят. Буряты старалнсь задобрить богов, чтобы они не делалн зла. Однако молнтвы мало помогали. Народ жил очень бедно. Редкнй год не было падежа скота. В голодиое время люди питались лебедой, дробленой корой лиственниц. Многне батрачили у богатеев. Хозяин платил грошн, работать же заставлял от зари до зари. За пропавшую овечку бил батрака плетью, не платил заработанного. Советская власть нзбавила бурятский народ от нужды н горя, принесла счастлнвую жизнь. Молодые буряты теперь не ходят на гору молнться н проснть у богов милости, они самн строят свою жнзнь.

— А старнки, что же, перестали верить в добрых и злых духов?— спросил я Доржа.

— Кто их знает! Может, н верят, но на гору тоже не ходят. Однако, боятся.

Бурят замолчал, набил свою трубку и, достав из костра горящий прутик, прикурил. Потом с удовольствием затянулся, посматрнвая на всех острым взглядом. Огненные пляшущне блики ложились на его смуглое лнцо. Я невольно залюбовался его спокойной позой. В этот момент Дорж был похож на древнего ламаитского бурхана, нзображенне которого я как-то видел в Томском музее.

Рассказ Доржа вызвал у меня еще большее желание подняться на вершнну днкой сопки, самому обследовать ее окрестности н развеять страхн местных жителей.

Посидев еще немного у костра, я поднялся н направился в палатку начальника партии Кордикова. Он сидел за походным столнком, рассматрнвая геологическую карту района нашнх работ. Сразу же, с места в карьер я попросил:

— Разрешите сделать маршрут на Хан-Улу.

Корднков с уднвленнем посмотрел на меня и мягко сказал:

— Конечно, такой маршрут заманчив. Но у нас так миого дел по нзученню трассы, что вряд ли можио выкроить время.

Но я принялся горячо убеждать начальника:

— Это займет не больше трех дней. И ведь трасса должна пройти поблизости от сопкн. Согласитесь, что нам обязательно нужно ее обследовать.

— Ваш довод, конечно, убедителеи,— задумчнво произнес Кордиков.— Я, пожалуй, скрепя сердце согласился бы на такой поход, но прн одном условии — пойдете пешком и возьмете только одного рабочего. Ну как, подходит?

Я очень обрадовался, но не показал этого н сказал твердо:

— Мне нужны хотя бы двое рабочих, ведь это не прогулка. Мы

должны захватить инструменты, продовольствие минимум на неделю и теплую одежду. А обратно понесем рюкзаки, набитые геологическими образцами. Иначе незачем идти.

— Хорошо,— сказал Кордиков,— уговорили. Берите двух рабочих. Отправляйтесь завтра же. Только имейте в виду, что по возвращении вам придется наверстать упущенное и поработать за двоих.

Нечего и говорить, как я был доволен. В спутники выбрал, конечно, Доржа, который хорошо знал местность, и того самого Семена, которого ужалила гадюка.

Я разбудил их затемно. Наскоро собрав все необходимое, мы отправились в путь. Над небольшой долиной, где находилась база нашей партии, висела плотная завеса густого тумана. Вначале мы ориентировались только по горному компасу. Когда поднялись на холм, туман стал реже, и мы смогли впереди разглядеть цель нашего похода — высокую каменную громаду Хан-Ула. Подобно стражу этих древних степей, она возвышалась над всхолмленной равниной, точно опрокинутое ведро. Ее плоская, как ножом срезанная вершина, поросшая по краям лесом, виднелась издалека. Что там ждет нас?

Немного передохнув, мы продолжали путь. Я обратил внимание, что Дорж то и дело с тревогой посматривает на небо и хмурит густые черные брови.

— Ты чем-то озабочен? — спросил я.

— Однако худой будет день.

— Почему так решил?

— Сам увидишь,— коротко бросил бурят.

Действительно, по мере того как солнце поднималось к зениту, воздух нагревался все сильнее. Пот струился по лицу. Идти становилось все труднее. Рюкзаки давили на плечи. Не имея возможности укрыться в тени и передохнуть, мы едва передвигали ноги. А гора, маячившая перед нашими глазами, будто и не приближалась. Порой казалось, что она даже удаляется.

Солнце склонилось к закату, когда мы наконец подошли к подножию сопки и сделали привал у небольшого родничка, выбивавшегося из-под скалы. Северный склон, по которому нам предстояло подняться на вершину Хан-Улы, густо порос пушистой даурской лиственницей. Кое-где белели стволы берез. Вдоль узких карнизов в расселинах отвесных скал росли кусты пахучего багульника. Вокруг сплошным ковром расстилались заросли бадана. Чудесное место! Не сравнить с выжженной солнцем холмистой Агинской степью. Вот раздался дробный стук неутомимого дятла, долетел отрывистый голос желны. А вот с дерева на дерево, распушив хвост, перемахнула белка. Из-под раскидистого куста бузины выскочил серый зайчишка и, увидев людей, ринулся в гору, высоко вскидывая задние лапы, помахивая коротким хвостиком.

Но нам некогда было любоваться красотами этого уголка забайкальской природы. Осмотр обнажений показал, что склон горы с этой стороны сложен плотными сероватыми кварцитами, геологически мало интересными.

— Теперь давайте помаленьку подниматься на сопку,— закончив осмотр, предложил я спутникам.

И тут Дорж, всю дорогу молчавший, неожиданно сказал:

— Однако, моя бы воля, ни за какие деньги не полез бы на эту проклятую гору!

— Почему так говоришь? Ведь ты добровольно вызвался идти в маршрут!

— Нет. Не так. Начальник посылает — нельзя отказаться,— угрюмо ответил бурят.

Он больше не вымолвил ни слова и только все время оглядывался по сторонам, точно опасаясь кого-то.

Я не придал этому значения. Обследовал склоны, приводил в порядок дневниковые записи. Стемнело. Ночевать решили здесь же, на склоне, а утром отправиться дальше.

Ночь прошла спокойно.

Ранним утром, умывшись родниковой водой и наскоро позавтракав, мы начали подъем по одному из распадков. Путь то и дело преграждали валежины, каменные осыпи. Стали попадаться большие гадюки, которые при нашем приближении скрывались в густой траве.

— Осторожней! — предупреждал Дорж.— Смотрите под ноги! Не подходите близко к кустам.

Предупреждение оказалось нелишним. Через минуту я вдруг увидел на кусте бузины огромную змею. Она растянулась на толстой ветке и покачивала маленькой головкой, явно выискивая добычу.

Осторожно, шаг за шагом преодолевали мы трудный подъем. Порой нам приходилось продираться сквозь густые заросли подлеска, и ветки больно царапали лицо и руки. Не раз еще натыкались на змей, облюбовавших это безлюдное место.

Но вот и вершина сопки.

С высоты мы увидели безбрежный простор забайкальских степей и на мгновение замерли в восторге. К западу простиралась обжитая долина реки Ага. За ней виднелись отроги Могойтуйского горного хребта. Далеко на севере возвышались горы Борщовочного хребта, поднявшие к небу острые вершины. Отроги этого хребта уходили в северо-восточном направлении за горизонт.

А на востоке, на сколько хватает глаз, раскинулись непаханые ковыльные степи, прорезанные голубой лентой быстрого Онона. Взглянув на юг, я увидел всхолмленную степь с разбросанными там и сям сопками. Это, по-видимому, останцы особо крепких пород, устоявшие в борьбе со всепобеждающими силами выветривания.

Наконец я обратил внимание и на вершину, на которой мы находились. Она представляла собой ровную площадку, похожую на хорошо утрамбованный ток для молотьбы хлеба. Она явно была вытоптана, уплотнена конскими копытами и человеческими ногами.

Беглое обследование горных пород показало, что вершина горы почти целиком сложена из плотных стекловидных кварцитов с небольшими прожилками других минералов, весьма похожих на опал и халцедон. Порой в кварцитах встречались включения минерала красного цвета, по-видимому сердолика. На северной стороне площадки возвышалась скала, состоящая из еще более крепких кварцитов. Около нее стоял каменный идол высотой более двух метров, обращенный на юго-восток, откуда с далекого монгольского хребта Хэнтей берет начало река Онон.

Подойдя ближе к изваянию, я увидел следы грубой обработки какими-то очень твердыми инструментами. Фигура истукана была

сделана из одной большой глыбы красного песчаника. На огромном туловище покоилась голова, покрытая шапкой наподобие малахая. Можно было различить рот, нос и узковатый монголоидный разрез глаз. Вместо шеи — узкая горизонтальная полоса, отделяющая голову от туловища. Перед идолом находилось нечто вроде каменного постамента, напоминавшего низкий столик или ступеньку. В углублениях на его стенках можно было различить коричневый налет. Что это: кровь или осадок от испарившейся грязной воды?

У скалы росла высокая сухая лиственница. На нижних сучьях развевались по ветру разноцветные тряпки, ленточки, пучки конского волоса. Все это свидетельствовало о каких-то старинных обрядах.

Мы с Семеном с большим интересом рассматривали каменного истукана, а Дорж явно глядел на него с суеверным ужасом. Я невольно подумал о том, сколько интересного могло бы поведать нам это древнее создание рук человеческих! Ведь сколько гроз отшумело над его головой, сколько кровавых битв произошло перед ним на широких просторах Агинской степи! Совсем недалеко от этой сопки, между многоводным Ононом и голубым Керуленом, кочевали бесчисленные орды монголов. Они ринулись на запад, покоряя мирные народы, предавая огню и мечу села и города, вытаптывая копытами своих косматых коней плодородные нивы.

Интересно, какие же здесь происходили обряды, молебны? Кого древние люди приносили в жертву своему богу — бурхану, моля его о благополучии и счастье?

Да, о многом мог бы рассказать этот каменный идол. Но он хранил вечное молчание, равнодушно взирая на окружающий мир с высоты Хан-Улы.

Тщательно осматривая место возле скалы и каменного истукана, я обнаружил весьма странный предмет. Это был ржавый железный прут длиной около семидесяти сантиметров. Один его конец имел форму конской головы с изогнутой шеей, с обеих сторон стержня прикреплялись два небольших круга, изображающих ноги. На спине лошади, где должно быть седло, плотно облегала железный прут изогнутая пластинка, а затем еще два коротких стержня — задние ноги лошади. Конец прута был несколько изогнут и раздвоен, напоминал конский хвост.

Взяв находку, я встряхнул ее, и вдруг раздался странный металлический звон. Услышав его, Дорж пришел в смятение, подбежал ко мне и со слезами на глазах стал умолять поскорее бросить этот предмет.

— Шайтан накажет тебя за то, что ты взял в руки железного коня! — говорил он.

Чтобы успокоить Доржа, я положил железный стержень на землю, но потом незаметно поднял и спрятал в рюкзак. И тут Семен нашел медную трехкопеечную монету. Когда мы ее очистили от грязи и зеленоватых налетов окиси меди, проступила дата чеканки — 1843 год.

Несмотря на палящее солнце, я почему-то ощущал необыкновенный прилив энергии и бодрости. «Уж не влияние ли это удивительных кварцитов, обладающих свойством благотворно действовать на нервную систему?» — подумалось мне.

Пока я занимался отбором образцов горных пород, Семен сделал еще одно открытие.

— Идите сюда! Смотрите!— громко крикнул он, подзывая меня к южному краю площадки.— Видите, какая хорошая дорога? Мы могли легко подняться по ней на эту гору, а не карабкаться с трудом по северному склону!

Действительно, широкая торная дорога полого спускалась от вершины к южному подножию сопки. Видимо, по этой дороге поднимались люди на священную гору и тем путем тащили каменного исполина или глыбу песчаника, которую обработали уже на вершине. Одно несомненно: песчаник доставлен из другого места, ибо гора Хан-Ула почти сплошь сложена из крепких кварцитов. Какой труд потрачен на то, чтобы поднять на такую высоту неимоверную тяжесть! Сколько изобретательности и усилий приложили каменотесы, чтобы из бесформенной глыбы создать подобие человеческой фигуры!

Но зачем поставлен на вершине сопки каменный идол? Может быть, он установлен на могиле знаменитого вождя племени? Или это изображение божества, которому поклонялись древние? Ведь поклонялись же славяне изваянию Перуна, установленному на высоком берегу Днепра. А какого бога изображает этот таинственный идол?

Вот они — загадки горы Хан-Ула.

Пока мы обследовали гору, собирали и классифицировали образцы горных пород, рассматривали необыкновенные находки, вокруг произошла перемена, которую мы не сразу заметили. Лишь внезапный сильный порыв ветра заставил нас осмотреться. Удивила наступившая тишина, даже птицы замолкли. А с юга на нас неслась огромная черная туча. Еще немного—и яркие молнии раскололи небо. Послышались глухие раскаты грома. Сразу стало так темно, будто наступила ночь. Ветер поднял на площадке тучу мелкой пыли. Вскоре потоки воды обрушились на нас. Они текли по утрамбованной площадке к ее южному краю.

Хорошо, что предусмотрительный Дорж захватил с собой брезентовый плащ. Мы втроем накрылись им под сухой лиственницей, увешанной тряпочками и лентами.

— Надо бы отойти подальше от этого дерева,—сказал я, вспомнив, что в грозу под таким укрытием находиться опасно.

Никому не хотелось покидать наше убежище и оказаться под проливным дождем. Дорж первым перебежал на противоположный край площадки и укрылся под кустом, росшим поодаль. Мы с Семеном последовали его примеру. И вовремя! Не прошло и минуты, как ослепительная молния расколола небо, упершись одним концом в сопку. Какой-то голубоватый неземной свет озарил все вокруг. Мы зажмурились. Раздался такой оглушительный удар грома, что нам показалось, будто гора дрогнула, пошатнулась. Над нашими головами просвистели камни, заставившие нас прижаться к земле. Внезапно я почувствовал острую боль в правой ноге. Из разорванного сапога текла кровь. Дорж быстро и ловко снял сапог, посыпал рваную рану пеплом из трубки и, скинув рубашку, сделал перевязку.

— Потерпи,—сказал он,—обойдется. Только мышцы разорваны, кость, однако, цела.

Тут мы почувствовали запах гари. Откуда он? Переждав грозу, огляделись. Поваленная молнией лиственница, несмотря на прошедший ливень, горела ярким пламенем. А скалы как не бывало!

— Смотрите!—вскрикнул Семен.— И каменного идола нет!

В самом деле, там, где недавно стояло каменное изваяние, теперь виднелась лишь груда камней.

Признаться, мы были потрясены.

— Хорошо, что успели перебежать на другое место,— проговорил Семен, поеживаясь.

— Да, нужно благодарить судьбу,— тихо промолвил я, превозмогая боль в ноге.

Дорж промолчал.

Вскоре опять засияло солнце. Из кустов послышалось несмелое щебетание птиц. И если бы не страшные разрушения, запах гари и моя раненая нога, можно было подумать, что все происшедшее приснилось. Все мы вымокли до нитки и продрогли. Особенно плохо выглядел Дорж. Он осунулся, побледнел и просил только об одном: как можно скорее уйти с этого проклятого места.

— Здесь живет шайтан,— говорил он дрожащим голосом.— Он наказывает нас за то, что пришли в его юрту. А тебе злой дух чуть не оторвал ногу. Он сердился, что ты взял его железного коня. Надо скорей уходить!

Мне хотелось тщательно обследовать вершину горы, особенно после таких разрушений, но больная нога мешала двигаться. Скрепя сердце я согласился вернуться на геологическую базу.

С тяжелыми, набитыми образцами горных пород рюкзаками мы тронулись в путь. Товарищи поддерживали меня с обеих сторон, всячески оберегая мою больную ногу. Спуск с горы после проливного дождя оказался нелегким. Торная дорога, сверху выглядевшая

столь привлекательно, нас совершенно измучила. Ноги скользили по жидкой грязи. Кое-как мы спустились к подножию сопки и облегченно вздохнули.

Невдалеке, на берегу небольшого озера, стояла бурятская юрта. Два огромных черных пса с громким лаем бросились к нам. На их лай из юрты вышел старый бурят в накинутой на плечи шубейке. Он прикрикнул на собак, которые, отбежав, улеглись на землю, недружелюбно поглядывая на нас.

Бурят пригласил в юрту. Это было летнее бурятское жилье, обтянутое кошмой, покрытое сверху широкими пластинами лиственничного корья.

Прежде чем войти, мы сняли мокрую одежду и развесили ее на коновязи. В юрте тлел небольшой костер, над ним висел закопченный чайник. Мы познакомились с хозяином Бабасаном Адбаевым. У него было живое и приветливое лицо, волосы на голове и жиденькая бородка совершенно седые. Он предложил горячего чая с овечьим молоком. Подогнув под себя ноги, мы сели на кошму. Бабасан не спеша налил в пиалы желтоватый напиток. Дорж заговорил с ним о чем-то по-бурятски, то и дело показывая на нас с Семеном и кивая головой в сторону горы Хан-Ула. Бабасан слушал, недоверчиво покачивая седой головой. Разговаривая, оба не забывали о пиалах. Бросили в них по щепотке соли и лишь потом с удовольствием опустошили.

Допив свой чай, я спросил Бабасана, что он знает о горе Хан-Ула.

Раскурив трубку и выпустив клуб дыма, старый бурят рассказал:

— От своего деда я слышал, что в глубине этой горы хранятся большие богатства древних монголов. Их грозный хан завоевал полмира, захватил много золота и драгоценных камней. Перед смертью он приказал похоронить себя в таком месте, чтобы никто не знал, где именно, и положить в могилу все золото. Его волю выполнили. Всех, кто хоронил его, задушили, но один из них перед смертью успел сказать своему брату, что хан погребен на горе Хан-Ула. Но в каком месте горы зарыт хан со своими богатствами, никто не ведает. Однажды я рассказал все это бородатому русскому и посоветовал побывать на горе, поискать могилу. Но он ответил: «Бабасан, нам некогда заниматься легендами. Нужно определить, где удобно строить дорогу».

Когда Бабасан умолк, я достал из рюкзака железный прут, найденный на вершине сопки, и помахал им. Ужас охватил старого бурята, когда он услышал металлический звон подвесок. Трубка выпала у него изо рта, он вскочил и стремглав выбежал из юрты. Дорж с укором взглянул на меня и тоже исчез. Через некоторое время оба бурята вернулись в юрту, с опаской поглядывая на железный прут, лежавший рядом со мной. Я постарался успокоить их и попросил Бабасана объяснить причину суеверного страха. Старый бурят медленно и неохотно, с большими паузами поведал такую историю:

— Гора Хан-Ула с незапамятных времен считается священной. От старых людей я слышал, что на ее вершине, между скалами, живут злые духи, которые могут принести людям большое горе. А на небе, верили буряты, обитает самый сильный злой дух, у которого много помощников. Чтобы задобрить его, люди поднимались поближе к небу, на вершину горы, молились и приносили

жертвы. Лама брал в руки бубен и бил по нему железным конем, чтобы дух на небе проснулся, услышал молитвы и пожалел людей. Брать в руки железного коня дозволяется только ламам; если это сделает простой бурят, то его постигнет несчастье.

Помолчав, словно собираясь с мыслями, и сделав несколько затяжек, Бабасан продолжал:

— Боюсь, с этой вещью вы принесли в мою юрту беду. Уходите и уносите железный прут, похожий на железного коня, которым ламы призывают с неба злого духа.

Я, признаться, был обескуражен таким оборотом дела. Куда идти в столь позднее время после утомительного дня, да еще с больной ногой? Я стал упрашивать Бабасана разрешить переночевать в юрте. Но старик был неумолим.

И тут в юрту вошел молодой бурят, остановился у входа и прислушался к нашему разговору. Поняв, о чем идет речь, твердо сказал старику:

— Как тебе, отец, не стыдно! Зачем гонишь этих людей? Ведь сказки о железном коне распространяли шаманы и ламы. Им нужно было держать народ в страхе. Теперь ламы не ходят по улусам, зачем же повторять то, что они когда-то твердили?

— Нет, Павел, сын мой, если люди с железным конем останутся в юрте, у нас случится большое горе,— упрямо возразил старик.— Колхозные овечки околеют, а мы с тобой заболеем.

— Мы отнесем железного коня подальше от юрты,— предложил я, ободренный поддержкой сына старого чабана.

Вместе с Павлом я вынес из юрты железный прут и спрятал в укромном месте. Старик несколько успокоился. Мы растянулись на мягкой кошме, укрывшись шубой. Мои спутники погрузились в крепкий сон, а ко мне он не приходил. Сильно ныла нога. Я подумал, что Дорж наверняка видит в грозе и моей ране происки злого духа. Он рассказал обо всем Бабасану, и вскоре все буряты будут знать о наших злоключениях. И весь наш поход, вместо того чтобы развеять суеверия, еще более укрепит их. Я долго думал, как убедить Доржа, что все происшедшее на горе лишь цепь случайностей. Но постепенно усталость взяла свое, сон одолел меня.

Мне приснилось, будто каменный идол, целый и невредимый, ожил и спустился с горы. Он подошел ко мне, держа в руках железного коня, и стал бить по больной ноге, приговаривая: «Ты зачем приходил на священную гору? Ты зачем нарушил мой покой?» Когда я утром проснулся, рана на ноге стала гноиться, образовалась опухоль. Идти сам, даже опираясь на плечи товарищей, я не мог. Дорж долго говорил с Бабасаном по-бурятски. Как позже выяснилось, убеждал его дать нам лошадь. Старик не соглашался, ссылаясь на какие-то распоряжения колхозного начальства. Однако плитка кирпичного чая и пачка листового душистого табака, извлеченные из рюкзака запасливого Доржа, сделали старика сговорчивее.

Косматая лошаденка, впряженная в тележку, резво шагала, везя меня и тяжелые рюкзаки с образцами горных пород. Без всяких приключений мы приехали на базу.

Нога еще долго побаливала. Лечил меня Дорж. Он промывал рану раствором медуничного сока и прикладывал к ней листья подорожника. Все мы многому научились у этого мудрого таежника.

Осенью 1936 года я возвратился в Томск. Сдал в институтскую

лабораторию образцы кварцитов, взятые на горе Хан-Ула. Химический анализ показал, что в них содержатся железо и некоторые редкоземельные элементы. Получив анализы и захватив железного коня, я отправился к профессору Шахову. Он внимательно выслушал рассказ о наших злоключениях на горе Хан-Ула. Долго рассматривал железную палочку, изучал результат анализов. Потом начал рыться в книгах, справочниках, словно забыв о моем присутствии. Вернувшись к столу, проговорил:

— Все это очень интересно. Благодарен вам, что выполнили мою просьбу. Вы даже не представляете, какое сделали открытие. Взять хотя бы железистые кварциты, минералы опала и сердолика. Кварциты — отличное сырье для металлургической промышленности. Будем надеяться, что окажется целесообразным организовать их добычу. И знаете ли что еще, молодой человек? Огромные массы кварцитов, видимо, создают большое поле слабого радиоактивного излучения, благоприятно действующего на человеческий организм.

— Припоминаю,— сказал я,— что на горе легко дышалось, не чувствовалось усталости даже после подъема на вершину.

— Вполне возможно,— продолжал профессор,— что здесь еще сказалось присутствие сердолика. В глубокой древности по всей Азии сердолик ценился на вес золота. Из него делали женские украшения — кольца, браслеты, ожерелья. Древние верили, что изделия из этого камня предохраняют от многих заболеваний. В наше время медицина открыла весьма любопытные свойства сердолика, которые, может быть, будут использованы для лечения нервных заболеваний.

— А каково ваше мнение о рассказе старого Бабасана? О захоронении в недрах горы «потрясателя вселенной»?

— Могила Чингисхана действительно до сих пор не найдена. Вполне возможно, бурятская легенда имеет какие-то реальные основания.

Потом профессор стал рассматривать железного коня и посоветовал передать эту культовую принадлежность ламаистских верований в Томский краеведческий музей.

Я так и поступил. Железный конь стал одним из наиболее любопытных экспонатов музея, всегда привлекающих внимание посетителей.

Что касается промышленного изучения горы Хан-Ула, то оно в те далекие годы не состоялось: началась Великая Отечественная война.

Но известно, что в последнее время ученые нашей страны занимаются вопросами комплексного изучения и развития производительных сил Забайкалья. Это необходимо, ибо Забайкальский регион находится в зоне влияния строящейся Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Она вовлечет в промышленное освоение огромные природные богатства Забайкалья и Дальнего Востока. И безусловно, преобразования коснутся и Агинской степи, будут разведаны и минеральные богатства горы Хан-Ула.

РОМАН БЕЛОУСОВ

МОРЯК, ЭТНОГРАФ, ПИСАТЕЛЬ

Очерк

Этот человек выразил подлинную душу Мексики.

Дж. Л. Стеффенс

Незнакомец в джунглях

Много дней экспедиция доктора Сильвануса Г. Морли пробиралась сквозь мексиканские джунгли. На пути к городам древних майя, давно обезлюдевшим, нужно было преодолеть тропические заросли. Здесь произрастала краснодревная свителия, низвергались бурные потоки, громоздились скалистые утесы. Когда-то тут, в лесах нынешнего штата Чиапас, существовала высокоразвитая цивилизация. Следы ее и пытался отыскать доктор Морли. Если будут обнаружены древняя пирамида или храм, фотограф экспедиции запечатлит находку. Фамилия его была Торсван. В Мексике он выдавал себя за шведа. Был молчалив. Сдружился с молодым индейцем Фелипэ Амадором Паниагуа, подолгу сиживал у его костра, неспешно беседовал и что-то записывал. Они были знакомы еще по состоявшемуся два года назад летом 1926 года походу в Чиапас. Тогда экспедиция Альфонса Дампфа включала тридцать участников, среди них был и фотограф Торсван, «поставляющий корреспонденции в газеты США». В тот раз Торсван прошел с экспедицией только до Сан-Кристобала-де-лас-Казас, а потом вместе с Паниагуа совершил многодневный переход по джунглям, преодолев 350 километров. Позднее, в 1928 году, он описал это путешествие в книге «Земля весны». Многое в ней навеяно рассказами его

попутчика — простого индейского парня, суеверного, смекалистого и доброго. Паниагуа любил петь песни своего народа, знал его древние обычаи и старинные легенды. Для Торсвана, который не только фотографировал, но и питал живой интерес к настоящему и прошлому родины Паниагуа, юноша-индеец был просто находкой. Не всем, однако, была по нраву дружба белого с индейцем. Это выглядело странным. Откуда пожаловал в Мексику фотограф? Что заставляло его скитаться по джунглям?

На первый вопрос Торсван предпочитал не отвечать. Что касается второго, пояснял: тот, кто хочет познать душу джунглей, жизнь и песни народа, его любовь и ненависть, должен покинуть «Реджис-отель» в Мехико и углубиться в девственные леса.

И Торсван познавал душу страны, ее народ. Он жил на плантациях, в монтериях среди лесорубов, добывающих в чащобе драгоценное дерево каоба, бывал у сплавщиков на катишах, работал на нефтепромыслах. Подружился с лакандонами — индейским племенем, которое, спасаясь от полного истребления, укрылось в джунглях. И всюду делал записи, зарисовки, которые хранил в небольшом сундучке — неизменном спутнике его скитаний. С годами записей становилось все больше. Это было целое сокровище — материал для тех книг, которые втайне писал владелец сундучка. Как потом признавался их автор, они создавались в периоды длительной безработицы. Он писал их для того, чтобы не ощущать непрерывных мук голода и не вспоминать по шестьдесят раз в час о том, что против безработицы и пустоты в желудке нисколько не помогают ни вера в бога, ни славословие в честь капиталистической экономики.

Кем же в действительности был создатель этих книг, на обложке которых стояло: Б. Травен (таков был псевдоним их автора, имя которого расшифровывали как Бруно). Прошло почти полвека, прежде чем удалось получить ответ на этот вопрос, а заодно и раскрыть тайну псевдонима, его местопребывание, поскольку никому не было известно не только подлинное имя писателя, но и то, где он жил. Никто никогда не встречался с писателем Б. Травеном. Его личность, подлинная биография много лет оставались загадкой. И еще недавно на вопрос, кто такой Травен, можно было услышать: всемирно известный неизвестный. Называли его еще и многоликим, потому что у него было двадцать две «достоверных» биографии. В стремлении раскрыть загадку Травена, расшифровать буквы «Б. Т.» — так иногда подписывался этот человек — было создано много легенд. Одни утверждали, что под псевдонимом скрывается американский моряк; другие заявляли, что Травен — это бывший русский князь; по мнению третьих, он потомок династии Гогенцоллернов. Появились слухи о том, что популярные романы написаны целым писательским концерном, дело даже дошло до оглашения имен. Наконец, находились фантазеры, доказывавшие, что Травен — это не кто иной, как сам Джек Лондон, который симулировал самоубийство и, спасаясь от кредиторов, где-то скрывается.

Бегство от славы

Загадка писателя-невидимки Б. Травена стала, пожалуй, одной из самых удивительных мистификаций нашего времени. Дотошные

литературоведы, проиырлнвые репортеры и частные детективы сбились с иог, пытаясь проникнуть в эту тайну, охотились за каждым «подозрнтельным», в ком виделся таинственный автор популярных книг.

Им написано полтора десятка романов. Лучшие из них — «Сборщнки хлопка», «Восстанне повешенных», «Корабль смертн», «Сокровища Сьерра-Мадре», «Мекснкаиская арба», «Проклятье золота», «Поход в страиу каоба», «Генерал выходнт из джунглей», «Белая роза»*. В этих кннгах привлекает правдивое нзображенне жизнн нндейцев, сезонных рабочих, крестьян. Пнсатель рисует иечеловеческие условня, в которых оказалнсь лесорубы-пеоиы, подиявшие иаконец зиамя восстания. Ои показывает, как геронческн «мекснканский пролетарий-индеец сражается за свое освобожденне, за то, чтобы пробнться к свету солнца». Мекснканскнй журнал пнсал, что «нн однн мексиканец, ни однн нностранец еще не изобразил мекснкаискую действительность с такой правдивостью». А вот личность автора этих книг так н оставалась загадочной.

Не раз в газетах появлялись сенсационные сообщения о «загадке века». Печаталнсь подборки статей, посвящеиных Травену. Страннцы солндных буржуазных нзданий пестрели броскимн заголовкамн: «Жнзиь Травена скрывается во тьме», «Известный прозанк играет в кошки-мышки со своимн читателямн», «Писатель, кннги которого изданы миллиониыми тиражамн, остается неизвестным». Его пути-дороги действительно оставались неведомыми. Он бежал от славы с тем же рвением, с каким буржуазные писателн рвутся к ней. Это походило на парадокс, казалось неправдоподобным в мире бнзнеса.

Почему же Травен ие заявлял о себе? Одиажды, отвечая на такой вопрос, он сказал, что, по его мнению, биографня творческой личности ие нмеет никакого значения, если автора нельзя узиать по его книгам. «У писателя,— говорил Травен,— не должно быть нной биографни, кроме его пронзведений».

Нередко через печать с ним пытались вступить в днапог: кто он, где скрывается, почему? Травен отвечал, что он оберегает свой покой и уединение н просил перестать охотиться за ним.

Как-то однн нздатель попросил у Травена его фотографню. В ответ писатель прнслал снимкн нескольких сот людей, заявив, что ои среди них. Значит, он обыкновенный человек, такой же, как и все трудовые людн. «Я чувствую себя рабочим средн людей,— писал Травен,— безвестным, как каждый рабочнй, который вкладывает свою долю в движение человечества к прогрессу».

Ловкие газетчики часто пользовались завесой тайны вокруг имени Травена. То н дело следовалн сенсацнонные «открытия», публнковалнсь якобы подлинные фотографии загадочного писателя. От нмени америкаиского журнала «Лайф» была обещана премня в несколько тысяч долларов за раскрытие тайны Травеиа. На понски устремились журналнсты и сыщнки. Они выслежнвали писателя на улицах Мехико, прочесывали целые области. Но розыск ни к чему не прнвел, загадка Травеннаны осталась иеразгаданной.

---

* Большинство этих романов переведены на русский язык. Последняя вышедшая у нас его книга — сборник рассказов «Рождение божества» (М., 1972).

Ключ к тайне?

Однажды весенним днем 1930 г. по холмистой равнине Чиапас ехал верхом на муле невысокий «гринго». Следом за ним шел юноша-индеец, ведя на поводу вьючного мула. Путешественник остановился на ранчо Эль-Реаль, за которым начинались дремучие леса Сьерры. Незнакомец спешился, снял висевший на шее мула фотоаппарат и протянул хозяину ранчо свою визитную карточку: «Торсван, инженер. Занимается изучением живущего в лесах индейского племени лакандонов, а также интересуется лесоразработками».

Не одну неделю прожил «инженер» на ранчо, потом перебрался на лесоразработки в монтерию накануне обильных сентябрьских ливней, после которых обычно начинался сплав заготовленного леса. «В просторах прерий сезон дождей — самое прекрасное и бодрящее время года,— записывает Травен.— Но в джунглях в это время, когда ливни покрывают землю водой на два фута, жизнь превращается в адскую пытку...»

Земля, густо покрытая мягким слоем сгнивших растений и листьев, не в состоянии уже впитывать влагу. Палящие солнечные лучи, которые тотчас же после дождя мощно пробиваются сквозь тучи и удивительно быстро рассеивают их, не достигают почвы джунглей, где в глубоких лужах стоит вода. Кроны деревьев так переплелись в вышине, что только случайно, если проносится легкий ветер, заблудившийся солнечный луч, дрожа, проникает сквозь них.

«От этого зноя под густым лиственным покровом, когда стоишь по пояс в мокрой траве, голова делается мутной и тяжелой,— свидетельствует Травен.— Все это может обессилить человека, лишить его способности мыслить. Каждый удар тяжелого топора, который лесоруб вонзает в твердый, как железо, ствол каобы, ощущается им как последний. Ему кажется, что вслед за этим он упадет, безразличный ко всему».

Но это еще не все. Чем дольше длится сезон дождей, тем плодовитее звери, гады и насекомые. Москиты жалят немилосердно. Большие и малые пауки, скорпионы и сколопендры, змеи, которые, кажется, только и ждут, чтобы босая нога индейца оказалась рядом,— разве этого мало? А ведь еще, повиснув на толстых сучьях, отдыхают ягуары и пумы, которые подкарауливают зазевавшихся.

Но самое страшное в монтерии — это капатасы, надсмотрщики, которые хуже зверей, насекомых и гадов, они буквально истязают лесорубов-индейцев, принуждая к нечеловеческому труду. На этих лесоразработках в 1910 г., во время мексиканской революции, вспыхнул яростный бунт. О событиях в монтерии Б. Травен повествует в своем знаменитом цикле «В стране каоба». Прототипами троих братьев Монтельяно послужили братья Бульнас, владельцы ранчо Эль-Реаль, имевшие неограниченную власть над всем краем.

Давно было подмечено, что книги Б. Травена носят автобиографический характер. Эсперанца Лопес Матеос, имя которой не один год фигурировало в качестве переводчицы произведений Б. Травена на испанский язык, подтверждала, что писатель в своих книгах рассказывает о том, что сам видел и пережил. Тогда, может быть, текст книг Травена поможет раскрыть его тайну, укажет места, где он бывал, чем занимался? И те, кто охотились за писателем-невидимкой, принимались штудировать его сочинения, пытаясь найти хоть какую-нибудь зацепку, которая позволила бы найти путь к разгадке.

Кое-что им удалось установить. Похоже, что в романе «Сборщики хлопка» под именем бродяги-американца Гэйла автор вывел самого себя. Это он работал сборщиком хлопка на ферме, затерянной в дебрях тропического леса, был бурильщиком на нефтепромыслах, погонщиком скота, пекарем в маленьком городишке. Можно было предположить, что еще в 1922 г. автора заподозрили в том, что он член объединения профсоюзов: стоило ему поработать где-нибудь, как там вспыхивала забастовка. Полиция обращала на него внимание. Приходилось менять работу. Так, кочуя с места на место, он забрался в глушь, поселился возле индейской деревушки, затерянной в джунглях. У него был ящик с лекарствами, где хранилось все его земное достояние. Вскоре он прослыл лекарем. Он был единственным белым на весь обширный край, и его знали индейцы в радиусе тридцати миль. Каких только больных не приходилось ему врачевать! Он даже «воскрешал из мертвых».

Однако и он чуть было не заразился распространенным недугом — манией золотоискательства. Те, кого поражает эта болезнь, вечно ищут золото, они знают несколько историй о заброшенных рудниках, носятся со схемами и картами, рассказывают басни, слышанные от индейцев и метисов, о местах, где будто бы лежат груды золота. Они рыщут повсюду, и, чем неприступнее горы, чем больше опасностей, тем сильнее они убеждены, что цель близка.

Многие из них умирают от голода и жажды, становятся жертвами змей или хищников. Нередко на них нападают бандиты.

Подвергся такому нападению и Травен. К счастью, ему удалось выбраться невредимым из переделки, и он оставил мысль о поисках своего Эльдорадо.

В ярко написанной в джек-лондонских традициях повести «Проклятье золота», надо думать, отражены подлинные события, пережитые автором.

Выздоровев от «золотой лихорадки», он снова изнывал на хлопковых плантациях, охотился на аллигаторов где-то на границе штатов Сан-Луис-Потоси и Тамаулипас и стал участником событий, описанных в романе «Мост в джунглях». Затем он попадает в Тампико, трудится на нефтяных промыслах «Кондор ойл компани». Об этом прожорливом иностранном хищнике, нещадно эксплуатировавшем землю и народ Мексики, рассказано в романе «Белая роза».

Книги Б. Травена позволяли проследить пути-дороги писателя. Из его сочинений стало ясно, что он много странствовал, видимо, у него долгое время не было постоянного адреса. «Я не могу просиживать штаны,— говорил он.— Я должен бродить». Он был, возможно, последним бродягой в век паспортов.

Впрочем, одно время он не обладал паспортом. И что значит оказаться на чужой стороне без документов, писатель познал на собственном опыте. «У кого нет паспорта, тот — никто»,— напишет он позже в романе «Корабль смерти».

Полицейские чины, не желая иметь дело с бродягой, высылали его из одной страны в другую — из Бельгии в Голландию, из Голландии опять в Бельгию, оттуда во Францию, пока наконец он не оказался в Испании.

Человек беспомощен перед тупой и жестокой государственной системой, где царит власть золотого тельца. И только на корабле, обреченном на гибель ради того, чтобы дельцы получили страховку, ему удалось найти пристанище. Но судно терпит запланированную аварию, экипаж поглощают волны, и сам герой, чудом уцелевший, пережив своеобразную робинзонаду на полузатонувшем корабле, в конце концов тоже погибает в пучине: «Вошедший сюда избавлен от всех страданий».

Прогрессивный американский журнал «Нью мэссиз» назвал этот роман Травена своего рода «Моби Диком», «мастерским сочинением, которым может гордиться Америка».

Книга написана истинным моряком, а не верхоглядом, «побывавшим в каюте океанского парохода и вообразившим, что знает толк в морях и кораблях». Пассажир, говорит автор, «не в состоянии изучить не только море и корабль, но и жизнь экипажа». И действительно, каждая страница этой правдивой и страшной книги словно пропитана морской солью и полна яростного ветра. Она не оставляет сомнения, что в юности Травен был юнгой и стюардом на судне, курсировавшем вдоль тихоокеанского побережья обеих Америк, затем плавал в качестве палубного матроса, угольщика и кочегара. Доставлял груз хлопка из Нью-Орлеана в Антверпен, ходил на каботажных судах вдоль берегов Европы, имел дело с контрабандистами.

Однако и книги не помогли раскрыть тайну Б. Травена. По-прежнему загадки громоздились одна на другую, путали след,

сбивали с толку, мешали докопаться до истины. Но именно к этому стремился тот, кто называл себя Б. Травеном. Он был мастером мистификации, вводил в заблуждение, играл в прятки. Ему удавалось сохранять свою тайну благодаря множеству хитроумных предосторожностей; он ловко надувал любопытных благодаря разработанной им сложной системе общения с внешним миром, в частности с издателями; пользовался несколькими почтовыми ящиками, из которых корреспонденцию на его имя получали другие. Нередко в анонсах на книги Травена указывалось, что мексиканское издательство принимает оплату за его романы только почтовым переводом по адресу: Мехико, почтовый ящик 2520. Корреспонденцию из ящика с этим номером вынимала Эсперанца Лопес Матеос — не только переводчица его книг, но и доверенное лицо. Денежные переводы от швейцарского издателя И. Видера одно время поступали на текущий счет хозяйки гостиницы и парка в Акапулько.

Отшельник из Акапулько

У писателя Травена было несколько так называемых генеральных уполномоченных. Они вели все его дела, переписку с издателями. Хол Кровс считался одним из них.

Впервые это имя появляется после второй мировой войны, когда Травен согласился на экранизацию своих романов. Автором сценариев был Хол Кровс. С ним имели дело и режиссеры, желавшие снимать фильмы. Имя Хола Кровса встречается и на титульных листах книг Травена, где указывается, что этому «генеральному уполномоченному» принадлежит право переиздания.

Кто же такой Хол Кровс?

Человек этот часто путешествовал, появлялся обычно в темных очках и всячески избегал фотографов. Лишь дважды удалось его сфотографировать. Было известно, что Травен имеет свой сейф в «Банко де Мехико». Казалось нетрудным проследить за владельцем сейфа. Выполнить этот план взялся мексиканский журналист Луис Спота. След привел его на модный курорт Акапулько. Здесь, вблизи шоссе, ведущего в Мехико, расположилась гостиница с парком. В глубине его журналист увидел скромный домик с черепичной крышей. В нем под охраной двух собак жил странный отшельник. Не сразу удалось журналисту поговорить с обитателем дома, проявлявшим чрезмерную подозрительность и осторожность. Именно этот человек и оказался владельцем сейфа в банке. Более того, сюда поступала вся корреспонденция на имя Травена, проходившая предварительно через несколько промежуточных адресов и доставлявшаяся специальными посыльными.

Обстановка дома оказалась скромной: стол, стулья, полки с книгами. Обитатель его, назвавшийся не кем иным, как Торсваном, заявил журналисту, что Б. Травен — его двоюродный брат, что он болен и живет в Швейцарии. Он же, Торсван, служит писателю чем-то вроде секретаря. Л. Споту удалось тайком сделать несколько снимков Торсвана. Они появились на страницах мексиканского журнала «Маньяна» в 1948 году вместе с сенсационной статьей.

После этого случая Торсван вернул банку ключ от сейфа и скрылся. В то же время в одной из газет мексиканской столицы появилась его статья, как бы ответ на разоблачение Л. Спота.

«Автор кннг, о которых пишет Спота,— говорилось в статье,— покинул Мехико в 1930 году нз-за серьезных недоразуменнй с властямн и некоторымн частными лицами». Далее объяснялось, почему бо́льшая часть корреспонденции писателя Б. Травена пересылается через Мехико. Делалось это будто бы для того, «чтобы зарубежные нздатели думалн, что Травен жнвет еще в Мексике. Тогда его пронзведения покажутся более достоверными». С некоторых пор, заявлял Торсваи, писатель жнвет чрезвычайно замкнуто, в полном бездействнн. «Я не нмею права раскрывать, что побуждает его вести такой образ жнзнн, ибо это могло бы нанести ущерб его ннтересам».

Второй случай, когда Торсвана удалось застать врасплох н сфотографнровать, представился в Гамбурге в октябре 1959 г., куда он прнехал под нменем Хола Кровса, «генерального уполномоченного», на премьеру фильма, снятого по роману Травена. Появился он не однн, а в сопровожденнн элегаитной темноволосой дамы. В отеле «Атлантик» онн зарегнстрнровалнсь как Беррик Торсван (он же Хол Кровс) и Роса Элен Лухан, его жена.

С этого времени оба эти именн нензменно встречаются на титульных лнстах книг Травена, где говорнтся,что нм прннадлежит н право перензДания.

Как всегда, Хол Кровс и в Гамбурге избегал фотографов. Тем ие менее его все же удалось сфотографировать. Так к старой загадке прибавилась новая: кто же в конце концов этот Хол Кровс, ои же Торсван? И кто такая Роса Элен Лухан?

Но прежде посмотрим, какую роль играла во всей этой истории Э. Л. Матеос, младшая сестра будущего президеита Мексики.

Как уже говорилось выше, Э. Л. Матеос зиачилась переводчицей на обложках книг Б. Травеиа. Она же числилась издателем журиальчика «Б. Т. Бюллетень», иачавшего выходить с 1950 года в Цюрихе, где иаходился представитель Травена в Европе.

Тот, кто захотел бы изучить окружение этой сеньориты, без особого труда установил бы, что у иее есть двоюродная сестра Роса Элеи Лухан, вдова умершего промышлеиника Карлоса Монтес де Оса. В число ее родствеиников входили кинооператор Габриель Фигуероа, связанный с «генеральным уполномоченным» Холом Кровсом, жеиа сеньора Родригеса, мексиканского издателя произведеиий Травена, а также иекая Мария де ла Люс, та, кому официальио принадлежал парк с гостиницей в Акапулько, где, как упомииалось, жил Хол Кровс — Торсван.

Несомиенио, это был узкий круг лиц, близких к Травену, каждый из них мог бы кое-что рассказать о нем. Но вот беда, ни один из этих людей ие отличался разговорчивостью. К тому же Э. Л. Матеос в 1951 году иеожиданно покончила жизнь самоубийством. С этих пор и появилось имя Р. Э. Лухан иа книгах Б. Травеиа в качестве имеющей право на переиздание его произведений.

След ведет в Европу

Пока журналисты пытались выследить Травена в мексиканских джунглях, литературовед Рольф Рекиагель из Лейпцига отправился в ие меиее трудиое, ио и увлекательиое путешествие. Он вел свой поиск в библиотеках и архивах, за столом своего кабинета, штудируя произведеиия Травеиа, сведеиия о ием и его редкие выступлеиия в печати. Проанализировав миожество данных, он проследил путь Торсвана в Мексике. И тогда оказалось, что маршрут скитаний фотографа по этой стране совпал с описанием мест и событий, встречающихся в книгах Травеиа. Чем глубже виикал исследователь в книги и документы, тем больше убеждался, что «уполномочеииый» Хол Кровс, он же Торсван, и писатель Б. Травен — одио и то же лицо.

Одиако считать такой вывод окончательиым было преждевремеииым. Дело в том, что след писателя, скрывающегося под именем Б. Травеиа, вел через океан в Европу. И Рекиагель решил отправиться по нему.

Здесь иадо сказать иесколько слов о том, когда впервые появилось имя Б. Травеиа в печати. Весиой 1925 года редакция берлиисской газеты «Форвертс», тогда центральиого органа социал-демократической партии Германии, получила из Мексики рукопись романа «Сборщики хлопка». Было решеио его опубликовать, хотя имя автора ни о чем ие говорило, как и его адрес: Тампико, Ардо, почтовый ящик 72.

Итак, 1925 год — рождение писателя Б. Травена.

Для него самого это было полиой иеожиданиостью. «Деловой

характер письма, в котором мне сообщали о том, что рукопись принята,— признавался он через несколько лет,— не наполнил меня великими надеждами. Я считал публикацию романа простой случайностью, которая вряд ли когда-нибудь повторится. Мне казалось, что я совершаю очень удачную экскурсию в область немецкой литературы, но что более длительные поездки уже, вероятно, не последуют». Но автор этих строк ошибся. Писатель Травен, как отмечают справочники и печать ГДР, стал одним из любимых писателей. Его книги издавались неоднократно, пока фашисты не запретили их. В ГДР произведения Травена по-прежнему пользуются большим успехом. Высоко оценивает его творчество и критика, отмечая художественное и общественное значение книг Травена.

По мере того как Рекнагель изучал стиль книг Травена, все явственнее становилось их поразительное сходство, подчас идентичность мыслей и творческого почерка с забытым немецким литератором Рет Марутом.

Вот как рассказывал мне об этом сам Р. Рекнагель, когда я посетил его в Лейпциге летом 1977 года: «Загадкой Травена я заинтересовался лет двадцать назад. Как преподаватель литературы в Лейпцигском библиотечном училище имени Эриха Вейнерта, я из года в год рассказывал своим ученикам о творчестве Травена, читал им короткие выдержки из его произведений, и, как сказал бы Травен, «слова его горели в моем мозгу». Он стал моим добрым старым знакомым.

Однажды мне пришлось более глубоко заняться историей литературы периода Ноябрьской революции 1918 года. В центре внимания оказался Мюнхен, писатели Оскар Мария Граф (позже о нем я написал книгу), Лион Фейхтвангер, Леонгард Франк... Круг становился все уже: Эрнст Толлер, Эрих Мюзам, Курт Эйснер, Густав Ландауэр...

Внезапно я натолкнулся на творчество литератора, имя которого мне было совершенно неизвестно, зато стиль удивительно напоминал стиль Травена. Этот человек выступал в печати под именем Рет Марут. Впрочем, как вскоре выяснилось, у него имелись и другие псевдонимы. Об этом поведали не столько страницы старых изданий, сколько протоколы полицейских архивов. Я складывал камешек за камешком, пока из этой мозаики не возник портрет...»

О том, какой огромный труд проделал лейпцигский литературовед, пытаясь разгадать загадку Б. Т., свидетельствуют его многочисленные публикации. И вот итог поиска, книга-исследование «Б. Травен. Материалы к одной биографии», выпущенная дважды — в 1966 и 1970 годах — лейпцигским издательством «Реклам ферлаг».

Мне довелось заглянуть в лабораторию литературоведа. Рекнагель показал мне многие документы, тщательно подобранную картотеку, составленные им карты маршрутов Травена, его книги на разных языках, работы о нем зарубежных авторов и тому подобное. Можно сказать, передо мной находилось обширное досье «следственного» дела по розыску некоего Травена. Или, иначе говоря, своеобразная Травениана.

Каков же результат разысканий Р. Рекнагеля?

Впрочем, не будем спешить с ответом. Интереснее проследить за тем, как проходил сам поиск. Оставим на некоторое время Мексику и отправимся в Германию по следам Рет Марута.

Розыск продолжается

Тот, кто называл себя Рет Марутом, еще до первой мировой войны выступал в немецкой печати, иногда публиковал рассказы и статьи, затем в течение нескольких лет — с сентября 1917 по декабрь 1921 года — издавал журнал «Цигельбреннер», что в переводе с немецкого означает «Тот, кто обжигает кирпичи».

Р. Рекнагель прежде всего занялся журналом. И тогда открылось многое.

Под огненно-оранжевыми обложками, имеющими формат кирпича, Рет Марут публиковал исполненные яростного гнева статьи против «тягостных условий жизни» людей труда, с негодованием бичевал милитаризм, буржуазное государство, продажную печать.

В одном лице Рет Марут совмещал автора и редактора, сотрудника и издателя, выступая на страницах своего журнала под различными псевдонимами. Мало того, журнал извещал своих читателей, что ни телефона, ни адреса у редакции нет, и откровенно предупреждал: «Не трудитесь посещать нас: вы никого никогда не застанете».

Объясняя свое стремление остаться в безвестности, Рет Марут заявлял: «У меня нет ни малейшего литературного честолюбия. Я только порождение времени, которое стремится исчезнуть безыменным в необъятной вселенной...»

Рассказы Рет Марут печатал без подписи или под разными псевдонимами в издательстве «Цигельбреннер ферлаг», которое, однако, как и журнал, не было соответствующим образом зарегистрировано. Так, в 1919 году вышел анонимный сборник рассказов, очерков и рецензий «Синекрапчатый воробей». Но еще до того как появился журнал «Цигельбреннер», Рет Марут создал не зарегистрированное нигде издательство «Ферлаг И. Мермет», которое в 1916 году напечатало антивоенную его новеллу «Письма к фрейлин С...».

По мере изучения номеров журнала все отчетливее возникал портрет издателя, все явственнее становился образ его мыслей.

Нельзя было не заметить, что в публицистике Рет Марута нашли отражение социал-демократические идеи. Однако довольно скоро он разочаровался в них и даже предсказал задолго до Ноябрьской революции 1918 года, что, если «почтенные правые социал-демократы и придут к власти, они предадут дело рабочего класса».

Когда в ноябре 1918 года в Киле началось восстание матросов, ставшее «искрой, зажегшей революционный пожар в стране», а вслед за тем произошли выступления рабочих и солдат в других городах, Рет Марут объявил себя сторонником диктатуры пролетариата, которая, по его мнению, «единственная предпосылка свободы».

Обращаясь в те дни к революционным массам, он провозглашал: «Ваш лучший учитель — Россия». Как и другие подлинные немецкие патриоты и революционеры, Рет Марут с восторгом приветствовал Октябрьскую революцию. «Некогда я надеялся,— писал он,— что свет, который озарит мир, изойдет из Германии. Я очень хотел этого. Но он зажегся в России».

Реакционная пресса обрушилась на Рет Марута с нападками, началась травля. Его обвиняли в измене «делу нации», в приверженности большевизму. В апреле 1919 года «Зальцбургер кроник» прямо назвала его «пламенным большевиком». Популярность его росла. На

одном из собраний фабзавкомов рабочие единогласно избирают его в комитет пропаганды. Он становится правой рукой своего давнего товарища Густава Ландауэра — активного участника революции, впоследствии убитого реакционерами. Но, как и предсказывал Рет Марут, правые социал-демократы, пришедшие к власти в итоге Ноябрьской революции, во главе с тогдашним премьером Эбертом предали дело рабочих. Роль «кровавого усмирителя» исполнил министр и одновременно главнокомандующий Носке. Его солдаты ворвались в Мюнхен, Баварская советская республика пала, начались кровавые недели весны 1919 года.

Густав Ландауэр, Эрих Мюзам, Рет Марут и многие другие были схвачены и преданы военному суду по обвинению в государственной измене. Им грозила смертная казнь, но писателю удалось бежать. Скрывшись, он продолжал издавать «Цигельбреннер». Хотя и нерегулярно, журнал выходил до конца 1921 года.

Почти невероятно, что в условиях разгула реакции и слежки ему удавалось изготовлять свои «кирпичи».

Где скрывался Рет Марут и как выпускал журнал, не известно. Видимо, он продолжал жить в Мюнхене в подполье, но голос «Цигельбреннера» продолжал звучать.

И все же Рет Маруту пришлось исчезнуть. Есть, правда, сведения, что он скрывался в Кельне, затем нашел пристанище в Берлине у своего товарища, который дал ему свой паспорт и денег на дорогу. На другой день после отъезда Рет Марута нагрянула полиция — она шла за ним буквально по пятам. Вскоре Рет Марут сообщил из Бельгии товарищу, что паспорт у него украли. Так писатель стал беспаспортным бродягой. Больше никаких вестей о нем не поступало.

Поиски загадочного издателя «Цигельбреннера» привели Р. Рекнагеля в Мюнхен на Клеменсштрассе. Здесь, в старом доме № 84, некогда жил тот, кто называл себя Рет Марутом.

Тогдашний домовладелец хорошо помнит, что невысокий господин был приятным жильцом, всегда вежливым и приветливым. Приехал он из Франкфурта-на-Майне, кажется, в 1915 году. На столе в его комнате высились целые горы бумаги, до поздней ночи стрекотала пишущая машинка. Часто с ним приходила одна дама.

Здесь, на третьем этаже, Рет Марут изготовлял свои пылающие «кирпичи». Отсюда начал свой поиск и Рекнагель. Шаг за шагом шел исследователь к разгадке, проследил жизнь Рет Марута в Германии и постепенно из пестрой мозаики отрывочных биографических данных возникал портрет человека, его жизненный путь.

Удалось установить, что впервые имя Рет Марута упоминалось в 1908 году, когда он появился в Эссене как актер без ангажемента и член товарищества немецких работников сцены (членский билет № 8228). В следующем году он гастролирует с разъездной труппой в Гримитшау, где у него завязывается тесная дружба с актрисой Эльфридой Цильке. Раз в неделю, по ее словам, Рет Марут обязан был являться в полицию. Чем объяснить такой приказ? Вероятно, у него не было необходимых документов и в полиции он числился иностранцем. А может быть, причину внимания к нему полицейских властей следует искать в другом? Не случайно товарищи по сцене часто величали Рет Марута революционером.

F. 14

SERVICIO DE MIGRACION

REGISTRO DE EXTRANJEROS

NUM 30

EXPIDE EL 12 DE julio DE 19

Traven Torsvan

CUYA LEGAL ESTANCIA EN MEXICO QUEDA COMPROBADA CON ESTA TARJETA.

(FIRMA DEL PORTADOR)

QUIEN ENTRO EN MEXICO POR

EL DE junio

MEDIA FILIACION DEL INTERESADO

CONSTITUCION FISICA

ESTATURA .... COLOR

PELO .... CEJAS

OJOS .... NARIZ

MENTON .... BIGOTE

BARBA .... SEÑAS PARTICULARES

DATOS COMPLEMENTARIOS

EDAD 40 AÑOS. FECHA EN QUE NACIO

ESTADO CIVIL soltero PROFESION

OCUPACION

IDIOMA NATIVO .... OTROS

QUE HABLA

LUGAR Y PAIS EN QUE NACIO

NACIONALIDAD ACTUAL

RELIGION .... RAZA

LUGAR DE RESIDENCIA

NOMBRE Y DOMICILIO EN MEXICO DE PERSONAS QUE P... DAR REFERENCIAS DEL INTERESADO.

(FIRMA DEL FUNCIONARIO DE MIGRACION)

Иммиграционная карточка Травена-Торсвана

Из Гримитшау Рет Марут переезжает в Зуль, затем в Дюссельдорф, где вплоть до ноября 1915 года служит актером, играет в основном лакеев и кельнеров.

Но кто же был Рет Марут до того, как стал артистом и публицистом? Откуда он пришел, где родился? Сохранились ли какие-либо документы?

Единственное, что удалось разыскать,— это удостоверение личности, какие выдавались иностранцам в 1912 году. В нем указано, что Рет Марут — англичанин, британский подданный. Когда началась война с Англией, слово «англичанин» в графе «гражданство» по просьбе Рет Марута было перечеркнуто и заменено словом «американец». Других документов найти не удалось.

Доказательство тождества

Не один год продолжал свою кропотливую работу Р. Рекнагель. На его столе множились папки с бумагами, увеличивалось число выписок, «свидетельских» показаний, росла переписка.

«Зная биографию писателя и внимательно читая его романы, встречаешь на каждом шагу воспоминания о пережитом, образы и события, навеянные минувшим»,— говорил мне Рекнагель и напомнил признание Травена, что писатель «должен сам пережить всю печаль и все страдания, прежде чем выстрадать образы, которые вызывает к жизни». Это относится и к пейзажам. Травен пишет о Мексике и сравнивает описываемую местность с Руром, нефтяные скважины Тампико с угольными шахтами в Герне.

Во всех мексиканских книгах Травена можно найти сцены, в которых встают эпизоды из жизни писателя, связанные с его пребыванием в Германии, навеянные воспоминаниями о Ноябрьской революции...

Здесь, справедливости ради, следует сказать о том, что еще до Рекнагеля высказывалось предположение: Травен и Рет Марут — одно лицо. Но едва ли Рекнагель знал об этом, когда начинал свой поиск.

В 1926 году на немецком языке вышел роман «Корабль смерти», и писатель-антифашист Эрих Мюзам заподозрил в авторе книги Рет Марута, которого знал по Мюнхену. В первом номере журнала «Фаналь» за тот же год Эрих Мюзам напечатал статью «Где «Цигельбреннер»?». Он вспомнил о своем боевом товарище Рет Маруте и призывал его выступить с воспоминаниями о днях Баварской советской республики. Статья заканчивалась словами: «Ты нужен нам. Кто знает «Цигельбреннера»?»

Неожиданно из Мексики пришел косвенный ответ — в редакцию поступила статья без подписи, написанная в манере Травена.

О том, что Эрих Мюзам догадывался, кто такой Травен, подтверждает Вальтер Штоле, соратник этого немецкого революционера, погибшего в гитлеровском концлагере в 1934 году. В своем письме к Рекнагелю в сентябре 1960 года он сообщал: «С октября по декабрь 1933 года я сидел вместе с Эрихом Мюзамом в старой Бранденбургской тюрьме. Камера под самой крышей была битком набита — в ней находилось человек тридцать. Я сделал так, чтобы мой матрац, набитый соломой, лежал рядом с матрацем Эриха. Он страдал гораздо больше, чем я, и мне удавалось хоть сколько-нибудь ухаживать за ним. Для того чтобы окончательно не потерять себя в этих нечеловеческих условиях, мы беседовали о литературе и истории. Вспоминали мы и о Травене. Эрих сказал, что он хорошо знает его. Травен участвовал в создании Баварской советской республики, был арестован и отправлен вместе со многими революционерами на расстрел. Но, видимо, ему удалось бежать...»

Обратился Рекнагель и к другим ветеранам революционного движения, которые могли знать Рет Марута. В декабре 1959 года пришло письмо от Эрнста Никиша, бывшего председателя Центрального Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. «Помню, что я несколько раз встречался с ним,— сообщал он.— Рет Марут был стройный, хрупкий человек. Он пришел ко мне в то время, когда ему поручили руководить газетой «Мюнхенер нойестен нахрихтен»».

Вслед за Мюзамом высказал аналогичное предположение и писатель Манфред Георг. В 1929 году, обменявшись с Травеном несколькими письмами и одним из первых оценив его талант, он заявил, что Травен «принадлежит к немецкому поколению послевоенных революционеров». Тогда же Манфред Георг рассказал о том, как возник псевдоним «Марут». Будто бы это анаграмма слова «траум» (traum — мечта, сон). Стоит лишь переставить буквы в этом слове, и получится «марут».

Имелись, правда, и другие объяснения. Псевдоним этот заимствован из древнеиндийской литературы, где «маруты» — некие существа, обладающие способностью зачаровывать. Маруты сражаются с демонами, но их происхождение для всех тайна.

Бруно Травен и его жена Роса Элен Лухан

Со временем в руках Рекнагеля оказалось столько фактов, скопилось столько документов, подтверждающих тождество Рет Марута и Б. Травена, что сомнений больше не оставалось. Наконец он сличил и опубликовал фотографии Рет Марута и Б. Торсвана. И мы можем убедиться, что перед нами снимки одного и того же человека, называвшего себя разными именами: писателя Б. Травена, его «уполномоченного» Торсвана — Хола Кровса и исчезнувшего публициста Рет Марута.

Разгадка

В 1966 году прозвучал наконец голос самого писателя, выразившего признательность стране, давшей ему в свое время приют.

В мексиканском журнале «Сьемпре» появилось первое и, как он сказал, последнее интервью Травена. Корреспондент этого журнала встретился с писателем в его домашней библиотеке в городе Мехико.

Как он относится к тем небылицам, которые писали о нем?

«Все это дело журналистов!» — заявил 76-летний писатель. Он подчеркнул, что с любовью и уважением относится к Мексике, стране, гражданином которой стал, любит ее народ и чувствует себя мексиканцем.

«Доволен ли я своей работой? Нет, недоволен. Я хотел бы сделать больше, вечно жить и писать. Вы спрашиваете, почему некоторые из моих книг не опубликованы в США? Вполне возможно, потому, что я все вижу только с мексиканской колокольни. В отличие от американских литераторов, у которых злодей обычно мексиканец, в моем романе «Белая роза» им является янки. Многое, что пишется в США о Мексике, неправда».

На вопрос, жил ли он в Германии, Травен ответил утвердительно и добавил, что родители его были выходцами из Скандинавии.

Корреспондент «Сьемпре» сфотографировал Травена. Однако по его просьбе снимки не были напечатаны. Писатель согласился, чтобы вместо них был воспроизведен его скульптурный портрет работы Федерико Канесси, друга писателя.

Завеса тайны над именем Травена окончательно поднялась.

Вскоре, однако, из Мексики пришла весть: Травен скончался. На похоронах присутствовали многие выдающиеся представители творческой интеллигенции, в том числе художник-коммунист Давид Сикейрос. По завещанию писателя, тело его было сожжено, а пепел рассеян с самолета над тропическим лесом в штате Чиапас, над местами, где он прожил много лет.

В мексиканской прессе появились статьи о Травене его близких друзей. Наконец, в печати выступила вдова Травена Роса Элен Лухан. Она рассказала, что подлинное имя писателя — Травен-Торсван-Кровс, родился он в 1890 г. в Чикаго, в семье выходцев из Скандинавии. Отца его звали Бартон Торсван, мать — Дороти Кровс. Травен рано остался сиротой. С юных лет бродяжничал, был грузчиком, юнгой, кочегаром на судах, курсировавших между США и Европой. Во время первой мировой войны оказался в Германии. Здесь впервые проявился его талант публициста. Под псевдонимом Рет Марут он выступал в печати, издавал журнал «Цигельбреннер».

«Всю свою жизнь,— заявила жена писателя,— он был революционером и антифашистом. Он всегда боролся против несправедливости, за переустройство мира».

Роса Элен Лухан привела много фактов из жизни Травена и его деятельности, заявила о том, что писатель горячо приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию, что он примыкал в Германии к «Союзу Спартака», с восторгом встретил создание Баварской советской республики и принимал участие в работе революционных комитетов. После падения республики Травен бежал из Германии. Вскоре он появился под именем Торсвана в городе Тампико, на восточном побережье Мексики.

В этой стране, ставшей его второй родиной, Травен затерялся в девственных лесах Чиапас, жил среди индейцев, был сборщиком хлопка и золотоискателем, погонщиком скота в горах Сьерра-Мадре, работал на нефтепромыслах и лесоразработках. И всюду он изучал народ, его историю, наблюдал жизнь, о которой потом рассказывал в своих книгах. В столице Мексики он жил под фамилией Торсван, числился фотографом, изучал археологию в Мексиканском университете. Он увлекался древней цивилизацией майя.

На деньги, полученные за издание своих книг, совершил несколько путешествий в джунгли Юкатана и Чиапаса, столь же увлекательных, сколь и опасных. Собранные здесь материалы и легли в основу его романов.

С тех пор до конца своих дней писатель работал над историей доиспанской цивилизации в Мексике.

Таков путь Травена-Торсвана. Чтобы восстановить его, пришлось совершить путешествие не только по архивам и бесчисленным изданиям, но и по разным городам, встречаться с теми, кто знал и помнил Травена — Рет Марута. И наконец, как завершение этого своеобразного путешествия, Рекнагель оказался в доме своего героя

Писатель Бруно Травен. Фото начала 60-х годов

в Мехико, увы, уже после его смерти. Рекнагель перешагнул порог жилища, где жил писатель, увидел его кабинет, старый «Ремингтон», верой и правдой много лет служивший хозяину. Довелось ему заглянуть и в архив Травена.

Сегодня дом этот открыт для посетителей.

«Я наблюдал буквально паломничество многих читателей,— говорит Рекнагель и показывает мне вещи, принадлежавшие писателю (дар его вдовы) — пепельницу и старинную шкатулку.— Когда я был в Мексике и гостил у вдовы писателя, мне показали его дневники. Одна запись, сделанная в сентябре 1924 г. и связанная с романом «Сборщики хлопка», привлекла моё особое внимание. В ней говорилось, что рукопись этого романа (сто пять страниц) была послана двенадцати немецким газетам. И только одна газета — «Форвертс» издательства «Киппенхойер» в Потсдаме — опубликовала ее. Возвратившись в ГДР, я разыскал бывшего владельца этого издательства в Веймаре. От него я получил машинописный оригинал рукописи Травена. Рукой автора на ней сделаны многочисленные пометки наборщикам».

В кабинете Рекнагеля на стене висят самодельные карты. На них изображены маршруты странствий Травена по Германии и Мексике. Здесь же целая полка с книгами о писателе, изданными в разных странах.

«С каждым годом все больше появляется исследований о творчестве и жизни Травена,— говорит Рекнагель и достает с полки книги, вышедшие в ГДР, ФРГ, США, Англии. Издаются его романы и рассказы и в Советском Союзе.— А вот это,— продолжает хозяин,—

напечатанный с моим предисловием сборник рассказов, публиковавшихся 60 лет назад в «Цигельбреннере»».

«Ранние рассказы» Б. Травена — Рет Марута — это тоже своего рода открытие. Подобное издание выходит впервые, и заслуга в этом, несомненно, доктора Рекнагеля.

Помимо романов Бруно Травену принадлежит немалое число рассказов. Один из них — «Танцы индейцев в джунглях» — публикуется ниже.

БРУНО ТРАВЕН

ТАНЦЫ ИНДЕЙЦЕВ В ДЖУНГЛЯХ

Рассказ

Несколько месяцев жил я в джунглях в простой хижине в трех часах верховой езды от ближайшего поселка, где обитали белые, а вокруг меня жили только индейцы, причем хижина даже самого близкого из моих соседей находилась в получасе езды.

Как-то в очень жаркий ноябрьский день после полудня я сидел полуголый возле хижины и читал. Подъехал сосед-индеец, спешился и подсел ко мне. Мы поболтали с ним о том о сем. Индеец посетовал, а я подтвердил, что работать приходится чрезвычайно много, а денег за это получаешь сущую безделицу. Затем мой краснокожий сосед перешел к сути своего посещения.

— Сеньор,— сказал он, ухмыляясь,— нынче вечером мы танцуем, у нас есть музыка, муй бонита, и я буду играть на гитаре, я учился этому пять дней. Мы будем развлекаться,— продолжил он,— а вы здесь так одиноки и очень печальны, сеньор.

Печальным я не был, напротив, чувствовал себя совершенно счастливым. Подумать только: не слышать грохота трамваев, шума автомашин, телефонных звонков. Но если в хижине нет индианки-стряпухи, то, по представлениям индейцев, хозяин хижины, безусловно, несчастен. Может, это и так. Но я не имел тех восьми песо, которые следовало бы ежемесячно выплачивать стряпухе.

— Вот поэтому я и хочу пригласить вас, сеньор, приходите на наши танцы, ночью поедите у меня.

— А красивые девушки на танцах будут?—спросил я.

— Черт возьми, сеньор, самые красивые из тех, кто живет в этой округе!

Сразу же с заходом солнца я отправился в путь. Если не хочешь продираться сквозь заросли непроглядной ночью, следует торопить-

ся. Стоит солнцу исчезнуть за горизонтом, и оглянуться не успеешь, как наступит ночь, просто диву даешься, как быстро здесь темнеет.

Хижина соседа стояла на той же гряде холмов, что и мое пристанище, но в еще более густой чащобе. Почему он забрался так глубоко в джунгли, я говорить не буду, это совсем другая тема.

Место было идиллическое. С десяток гигантских эбеновых деревьев стояли то тут, то там на прогалине, с которой открывался вид на бескрайние джунгли. Безразличными, ничем не интересующимися стволами эти чудесные деревья не были. Седобородые (длинные серые космы мха свисали с их ветвей), они очень походили на древних, но общительных старичков, с удовольствием и нетерпением ожидающих начала танцев.

На поляне уже были два индейца с женами. После обмена чрезвычайно учтивыми приветствиями меня пригласили в хижину поесть. Подали черные бобы, тортиллы и кофе.

Стали прибывать другие гости — все индейцы; я был единственным белым; пригласили меня, видимо, лишь потому, что жил я в этом районе джунглей. Индейцы приезжали верхом на лошадях, мулах и ослах. Многие верховые животные были не оседланы. На ином животном сидели муж с женой и двумя детьми, да жена еще держала на руках грудного ребенка. В лыковых коробах были тортиллы, ведь танцевать будут до восхода солнца.

В узелках женщины держали свои праздничные муслиновые платья и лакированные туфли. Одеты же были в дешевые ситцевые платья, а ноги босые либо обуты в грубые самодельные сандалии.

Муж заботливо помогал жене сойти с животного. Она тотчас же забиралась в камышовую хижину или уходила за нее и мылась, пользуясь мылом, сильно пахнущим пачулями и мускусом. Потом распускала свои длинные черные, словно вороново крыло, волосы и тщательно расчесывала их. И выходила в праздничном наряде.

Взошла луна, круглая, сияющая, самодовольная, и заскользила в величественном своем шествии по звеняще прозрачному ночному небу.

Постепенно на поляне одна за другой стали несмело появляться женщины в своих модных платьях с короткими рукавами, оставлявших шею и спину обнаженными. В свободно лежащие на плечах и спине волосы были воткнуты цветы. Иные женщины — всего лишь пятнадцати или шестнадцати лет — были уже с грудными детьми. Много было беременных. Распорядитель вечера приготовил места для дам, положив несколько досок на старые ящики. Мужчины стояли, болтая друг с другом. К танцам они не переоделись, так как не имели праздничной одежды. На них были повседневные желтые или голубые бумажные штаны, белые или цветные рубашки, сандалии или ботинки и широкополые соломенные шляпы. Ни у одного не было ни жилетки, ни куртки. Вместо них на случай, если ночью станет прохладно, некоторые мужчины захватили с собой коричневые, красные или пестрые одеяла. Женщины накинули на плечи большие черные хлопчатобумажные платки. Такой платок служил и шляпой, и покрывалом, и одеялом, и шалью, и, по необходимости, носовым платком, а иной раз и пеленкой для грудного младенца, а если сложить такой платок в несколько раз, то и подушечкой, которую женщина, идя с речки, кладет на плечо под тяжелый кувшин с водой.

Скрипач с гитаристом получили свои бобы и кофе. Затем они скрутили сигареты и, закурив, стали играть. Мой сосед пока не играл, он хотел сначала потанцевать.

Его жене, красивой индианке, не было и двадцати. Одетая лучше своих подруг, сильно надушенная, она со вкусом украсила волосы несколькими цветками; старший ее сынишка, мальчик лет пяти, показал себя великолепным солистом-танцором, но всю ночь курил, выкурив не менее двух десятков сигарет. Она же — единственная из всех присутствовавших на танцах женщин, девушек, мужчин и детей — не курила. На этой поляне все старше двух лет курили, словно одержимые. Будь правдой хоть одна пятая того, что рассказывают о вреде курения, индейцы давно бы вымерли, ведь они стали курить табак на тысячелетия раньше, чем другие народы.

Как только раздалась музыка, начались и танцы. Этим людям не известна скованность, присущая европейцам в первые минуты танцевальных вечеров. Для индейцев танцы не дьявольский соблазн, не действие, порочащее порядочного человека. Были здесь женщины со своими детьми и внуками, были такие, что вот-вот станут прабабками. И эти полные жизни прабабки танцевали не меньше и не менее грациозно, чем пятнадцатилетние девушки.

Женщины давали детям грудь, не выказывая при этом никакого смущения: кормление проходило столь естественно, столь непринужденно, как если бы ребенок сосал молоко из бутылочки. Насосавшегося досыта ребенка мать заворачивала в свой черный хлопчатобумажный платок и укладывала на землю под скамью, так чтобы танцующие ненароком не задели ребенка. Сытые и довольные дети тут же засыпали и спали до полуночи, затем давали о себе знать и вновь получали свои порции молока, хотя матери от кормления до кормления танцами не пренебрегали.

Если по опыту знаешь, какие пресмыкающиеся, особенно ночью, ползают в тропических зарослях, даже если эти заросли и вырублены на участке в двадцать—тридцать квадратных метров, мороз подирает по коже при виде спящего на земле ребенка. Двух-трехлетки, немного повозившись и устав, ложились на землю возле сосунков и, поджав ноги, засыпали, словно сурки. Если у отца было одеяло, он подсовывал его под ребенка и заворачивал, как бревнышко; потом наступал черед более старших, они укладывались возле спящих и засыпали тоже.

До девяти вечера гости прибывали и прибывали. Мне становилось не по себе, если какая-нибудь женщина, перестав танцевать, прислушивалась и говорила: «Едут еще двое. Кто бы это мог быть?»

Дорога уходила длинными петляющими извилинами в заросли. Даже днем на самом свободном участке уже в сотне метров увидеть кого-нибудь невозможно. Из-за музыки и разговоров людей ничего не услышишь и в нескольких метрах. И если кто-нибудь скажет: «Едут двое на муле», то после этого пройдет добрый десяток минут, а то и больше, пока увидишь тех, о ком говорилось. У племен, живущих на юге Мексики, чрезвычайно развит дар улавливать звуки отдаленных источников, и нам, европейцам, эта способность кажется сверхъестественной.

Музыканты всё играют на слух. Время от времени они меняются инструментами: гитарист берет скрипку, скрипач — гитару. Если музыканту приходит охота потанцевать, какой-нибудь индеец заме-

няет его, возможно играя не так хорошо, как тот музыкант, который, впрочем, тоже не профессионал, а такой же работяга, как и другие индейцы, дровосек или угольщик. И мой сосед пожелал показать, чему он научился за пять дней. Я знал, что раньше у него гитары не было, я видел, как он впервые принес инструмент в дом, взяв его на время у кого-то. Ему показали, как надо держать гитару, объяснили назначение грифа — и все. Сейчас же он справлялся со своей гитарой на удивленне легко. Правда, всего лишь сопровождал скрипку, но ведь и это не так просто. Пару раз он, впрочем, сфальшивил, но тотчас иашел правильный тон.

Скрипач, маленький, тщедушный парнишка, танцевал с девушками мало. Он предпочитал исполнять гротескные танцы. Эти сольные танцы были настолько комичны, что хохотали до упаду не только индейцы, танцор заставлял смеяться и меня до колик. Искусство таица ие поддается описанию, гротескного — в особенности.

Музыканты играли американские уанстепы н фокстроты, затем вальсы, которые здесь таицевали в темпе старинной польки, только более медленно, подобио так называемому бостону. Венский вальс индейцам совершенно незнаком. Танцевали также нечто вроде рейнлендера (рейнской польки). Эти танцы для меня были малоинтересны.

Но каждый четвертый или пятый танец был танец племени, смотреть их мне доставляло огромное удовольствие.

Нечто подобное я наблюдал у птиц в брачную пору. Примерно так же танцевали они, и это было необычайно потешно.

Во время танца партнер и партнерша приближаются и расходятся, но ни разу не касаются друг друга руками. Через определенные интервалы музыка замолкает, и музыканты, а также те мужчины, которые в данный момент не танцуют, начинают петь. Это пение на самых высоких тонах человеческого голоса чрезвычайно ритмично, резкая и пронзительная модуляция тонов едва ли имеет что-нибудь общее с человеческим голосом (военный клич ацтеков был очень высоким, резким криком, он вселял ужас в испанцев, впервые услышавших его). Ужас испытываешь даже тогда, когда пение в этой тональности предназначено веселить и развлекать. Именно этот танец заставил меня, давно живущего средн индейцев, почувствовать, что нахожусь я в другом мире, что столетия отделяют меня от моего временн.

Луна стояла теперь прямо над нами. Тропическое ночное небо своей блестящей прозрачностью было подобно огромному черному жемчугу. Плато покрылось белой слабо светящейся пеленой, словно текущим тонким шелковым покрывалом, будто мерцающая дымка лежала на просторах джунглей. Это был ослепительный свет дня, укрытый толстым белым облаком. Мириады н мириады сверчков, жучков и всякой другой живности пели свою извечную песню тропической ночи, а в зарослях тем временем шла безжалостная битва за жизнь. Легкий ветерок веял в седых бородах эбеновых деревьев, и казалось, древние старички, за спиной у которых не одна сотня прожитых лет, кивают друг другу, рассказывая забавные истории. Стреноженные лошади били копытами и фыркали, ослы обдирали тощие деревца, жевали кору и жалобно трубили, отпугивая крадущихся в зарослях ягуаров. Время от времени между ног танцующих пробегала свинья, другая почесывала спину об обрубок

дерева, лежащий на земле, а третья, довольно похрюкивая, валялась в грязи выплеснутой кофейной гущи.

Тихо заплакал ребенок, мать перестала танцевать, подбежала к маленькому сверточку, пытавшемуся катиться по земле, подняла его, села на скамью, дала ребенку грудь, с удовольствием наблюдая танцующих.

Каждый танец музыканты играли до тех пор, пока танцующие не уставали настолько, что мужчины должны были отводить своих дам к скамьям. Пили только воду, но много. Двое подростков непрерывно бегали с ведрами к водоему в зарослях, возле которого в ночное время собирались хищные животные, томимые жаждой.

И я танцевал, танцевал непрерывно. Сначала молодые женщины и девушки робели. Но, убедившись, что я не кусаюсь и в танце ноги мои двигаются так же, как ноги их соплеменников, и вдобавок я угощаю всех сигаретами, они прониклись ко мне доверием. Очень скоро я научился индейским танцам, чему люди немало удивлялись. Петь танцевальную мелодию, правда, я не смог и никогда этому не научусь, для этого нужна длительная тренировка.

Вскоре я нашел для себя пару, с которой всю вторую половину ночи, за малым исключением, и протанцевал, никто на меня за это не обижался. Она была прабабкой. Темно-коричневая кожа ее лица была морщинистой, глаза — живые, маслянистые, черные, длинные пряди волос еще чернее, и кожа ее источала острый, не очень приятный запах. Возможно, с точки зрения европейцев, она напоминала чертову бабушку. Но танцевала божественно, ее грация, ее изящество в танце были непередаваемы.

С восходом солнца поблекла луна, утихла музыка. Одна за другой незаметно женщины уходили за хижину и некоторое время спустя возвращались в своих стареньких повседневных платьях с узелками в руках. Столь же незаметно, не прощаясь, садились индейцы на своих лошадей и ослов и исчезали. Взошедшее солнце осветило голую прогалину, на которой как будто никогда не танцевали, разве что только грезили о танцах.

Перевод с немецкого *Льва Миримова*

ИГОРЬ ДУЭЛЬ

ЛЕТОМ НА ПОЛЯРНОМ МУОСТАХЕ

Очерк

Единственным на острове сухопутным транспортным средством оказался замызганный, видавший виды трактор ДТ-54. На нем Владимир Николаевич Аносов, начальник полярной станции Муостах, и предложил проехаться к северному мысу. Но мне еще четверть века назад, когда я студентом ездил убирать урожай на целину, запомнился лязг и грохот этого трактора. Потому я осторожно спросил, не лучше ли пройтись пешком.

— Не получится...— ответил Аносов, как бы извиняясь.— Пеший поход занял бы целый день. А мне не позже трех часов надо вернуться.

Впрочем, путешествие не показалось тягостным. Песчаная отмель, по которой мы ехали, укатанная недавним штормом, превратилась в твердую и довольно ровную дорогу, и нас почти не трясло.

Слева лениво плескалось море, точнее, губа Буор-Хая. Вода была совсем не похожа на морскую — ни бирюзы, ни сини, коричневая жижа. Море Лаптевых начинает мутнеть еще за десятки миль от берега. И повинно в этом устье Лены: река выплескивает вместе со своими водами огромное количество ила.

Край песчаной отмели был густо завален плавником; каждая заскочившая на песок волна, прежде чем откатиться, долго шипела среди обрызганных измочаленных бревен, оставляя на них грязные клочья пены.

А справа над отмелью берег уходил вверх. Поначалу, пока трактор двигался вдоль южной части Муостаха, побережье острова покрывали пологие холмы, кое-где просеченные неглубокими распадками, похожими на овраги средней России. Но когда уже порядком

отъехали от станции, холмы сменила сплошная стена песчаного обрыва высотой семь-восемь, а то и десять метров. Она поднималась отвесно, и там, где виднелись следы недавних осыпей, песок нависал над отмелью козырьком, а ниже из-под него выступал фундамент острова — темная ледяная прожилина.

В одном месте, где лед выходил мощным пластом, я тронул Аносова за рукав и жестом попросил остановиться.

— Разрушается наш остров! — грустно сказал Владимир Николаевич, когда мы вылезли из трактора.

Я уже сам поиимал, что происходит. Таких островов, как Муостах, в Северном Ледовитом океане миожество. Они гибнут за считанные десятилетия, заставляя время от временн исправлять карты. Основа этих островов — ледяная лииза, накрытая слоем песка.

Я потрогал прожилину — осталось ощущение холода и камеииой твердости. Хорошо были видны густо вкраплеиные в лед песчинки, круглые катыши гальки, пузыри воздуха. Подняв камень, я стукнул по льду, но н малой крупицы не откололось. Я снова стукнул, вкладывая в удар всю силу,— на гладком боку прожилины не осталось и следа.

— От нее ломом кусочка не отобьешь,— сказал Аносов.— Поверить трудно, что этот лед тает. Но нной раз летом ие ездишь сюда недели две — месяц, а потом такое ощущение, будто в совершенно новое место попал. Не сразу и поймешь, что море слизало еще несколько метров суши, остров стал меньше.

Мы поехали дальше. Ледяная линза то нсчезала под песком, то снова возникала перед глазами и тянулась на десятки метров. Оиа словно привороживала меня, и, как только из-под песка выглядывал ее бок, я не мог уже оторвать от него взгляда.

Не впервые попадаю я в такие места, где наглядно видиы следы деятельности стихий, строящих и рушащих лик нашей планеты. Это и Курилы с их потоками застывшей лавы, похожимн на каменные реки, лишь на мгновение остановившими свой бег; и бухты вблизи Владнвостока, где на далеко отброшенном в море одиноком каменном кубе иной раз видншь рнсунок жил и складок, в точности совпадающий с тем, что на береговом мысу, отчего былое их единство не вызывает сомнений. Это и камчатский водопад, срывающийся в море с каменной террасы в иесколько десятков метров высотой, рассыпающийся тончайшими струями, похожими на русалочьи волосы. И стоит присмотреться к местности, как становится понятно, что терраса, по которой бежит вода, еще молода, она совсем недавио вздыблена из глубин Земли, потому-то еще не успел распилить ее водный поток, вырезав для себя удобное ложе, полого спускающееся к морю.

И каждый раз, когда вот так иаглядно видна игра сил стихии, возникает чувство, будто заглядываешь в заветное место, в саму мастерскую прнроды.

Дорога, прнведшая меня на остров Муостах, была не из коротких. Уже много лет мечтал я пройти Северным морским путем. И вот тем летом эта мечта сбывалась. Начал этот путь в Архангельске и шел все дальше на восток по Ледовитому океану через арктические поселки и города. За спиной уже остались Дудинка, Норильск, Диксон. Трижды прошел я иа ледоколах, проводивших сквозь

тяжелые льды караваны судов с грузами с востока на запад и с запада на восток, самым трудным по ледовым условиям того года участком морской трассы — вдоль побережья Таймыра. А потом у кромки льдов в проливе Вилькицкого пересел с ледокола «Капитан Сорокин» на попутный транспорт «Сегежалес» и еще через двое суток попал в Тикси.

Хоть старался я двигаться помедленнее, каждую возможность использовал, чтобы в сторону от основной трассы долететь к какому-то пункту на вертолете, самолете, подъехать на автомашине или вездеходе,— словом, повидать и то, что лежит как бы за обочиной «столбовой дороги» Арктики, двигался я все же много быстрее, чем хотелось. Меридианы, которые здесь, за полярным кругом, сходятся уже близко, мелькали, словно верстовые столбы. А слева и справа от основного пути оставалось много мест, куда, к сожалению, невозможно было добраться. Особенно острым чувство потери становилось тогда, когда курсы судов проходили совсем близко от островов, по береговым линиям которых были обозначены на штурманских картах полярные станции. Мне хотелось побывать на каждой из них. Но это было невозможно.

Повезло лишь однажды. Ледокол «Красин», на котором я дольше всего ходил, остановился после проводки очередного каравана в бухте Бирули, на севере Таймыра, для осмотра подводной части судна, и я упросил капитана, чтобы вертолет-разведчик, базировавшийся на борту ледокола и собиравшийся в очередной полет, забросил меня по дороге на полярную станцию острова «Правда», что находилась милях в пяти. Но удача выпала половинчатая: на острове я пробыл всего два часа — возвращаясь с задания, вертолет захватил меня и доставил обратно на судно.

Разговор на «Правде» с полярниками вышел слишком торопливый, сбивчивый, путаный. И так уж получилось, что больше говорили мои собеседники не о своем житье-бытье, а о белых медведях — «выдавали» одну байку про «хозяина Арктики» за другой.

Когда же — опять из-за того, что очень спешил,— задал я лобовой вопрос: что привело семерых молодых парней на остров, какая внутренняя потребность превратила их на годы в «полярных Робинзонов», всерьез мне никто отвечать не стал, а так, с шуточками сказали про охоту, про чистый воздух и тому подобное.

Словом, вернувшись на ледокол, почувствовал я острую потребность снова побывать на полярной станции. Расспрашивал бывалых моряков на «Красине», какой из пунктов будущего моего пути по арктическим морям даст наилучшую для этого возможность. Собеседники были едины во мнении: Тикси. Там одно из северных управлений гидрометеослужбы, некоторые «полярки» находятся сравнительно близко от поселка. И когда попал я в Тикси на лесовозе «Сегежалес», первый визит нанес в управление гидрометеослужбы. И тут мне повезло. Оказалось, что вечером того же дня идет в устье Лены небольшое судно «Дунай». Будет оно проходить рядом с полярной станцией Муостах и может меня туда забросить, а через сутки-двое — на обратном пути — забрать. Так я оказался на острове.

...Ледяная линза стала скрываться за грудами песка, ссыпавшегося с верхней части обрыва. Под особенно большой осыпью, которая

перегородила половину отмели, линза исчезла окончательно. Берег стал отлогим, а заодно потерял свою прямизну, отступил от моря дугой, образовав небольшую бухту.

Когда мы доехали до середины этой дуги, Аносов остановил трактор, жестом показав мне, чтобы вылезал, и сам вылез, прихватив плетеную корзину.

— Сейчас покажу вам единственную нашу достопримечательность,— сказал он, когда мы отошли немного от трактора.— Тут и пешком пройдемся, как вы хотели. Может, грибков найдем.

По узкому распаду, все более суживающемуся по мере подъема, мы выбрались на довольно широкое плато.

— Вот,— сказал Аносов.— Вот она — наша историческая достопримечательность.

Перед нами, неподалеку от берега, стояла полуразвалившаяся, почерневшая от времени изба.

— И кто же тут жил? — спросил я.— Какая-нибудь экспедиция?

Он кивнул:

— Экспедиция Института мерзлотоведения из Якутска. Целое лето стояла. Они и дом сложили из плавника.

Мы подошли к избе. Над дверью была прибита дощечка, на которой, как объяснил мне Аносов, участники экспедиции выжгли свои фамилии, но от времени дерево растрескалось, виднелись только отдельные буквы. Внутри избы царил разор брошенного жилья. Покосившаяся крыша опасно нависала углом. Казалось, вот-вот она рухнет.

— Вот и вся наша история,— сказал Аносов, когда вышли наружу.

— Ну и что же, нашли здесь что-нибудь интересное?

— Вроде нет. Подтвердили, что остров разрушается, и уехали. Впрочем, я точно не знаю. Это ведь лет десять назад было, до меня.

— Так какая же здесь история?

— Ну как же! — удивился Аносов.— Ученые на острове жили, изучали что-то. Вот дом на память остался. С тех пор и эта бухта называется бухтой Мерзлотников.

— Так и на карте помечена?

— Да нет же, на карте такую бухточку помечать отдельным именем не станут. Это у нас на станции так называют. И от смены к смене передается.

Аносов задумался на минуту, потом сказал:

— Вообще память здесь, на Севере, долго держится.

Он усмехнулся смущенно, как мне показалось, должно быть, от того, что фраза вышла несколько напыщенной, и, видимо желая скрасить это впечатление иронией, добавил:

— Наверно, потому, что воздух холодный, лед. В общем консервативная среда.

От этих слов я внутренне встрепенулся, ибо представилось, что́ прячется за ними нечто важное. И надежда возникла, что получен будет — хоть частично — ответ на тот вопрос, который постоянно маячил передо мною после полета на остров «Правда». Я только приказал себе не спешить, не спрашивать ни о чем в лоб, а то опять сведется разговор, как тогда, к историям про белых медведей.

Жилой дом на островной полярной станции

А поначалу, когда выпрыгнул из лодки на песок острова Муостах, на Аносова я и не обратил особого внимания. Тут, видно, то сказалось, что не было в его облике ничего колоритного, связанного с традиционными представлениями об арктической экзотике. Ни особого какого-то выражения мужественной суровости, ни даже бороды. Возраста он был, по арктическим понятиям, среднего — немного за тридцать. Сложения тоже среднего — не толст, не тонок; лицо простое, русское, без особых примет. Да и одежда была на нем того осредненного рабочего типа, с какой на любых параллелях и меридианах страны встретишься: цигейковая ушанка с кожаным верхом, телогрейка, резиновые сапоги.

Если к этому добавить, что держался он просто, говорил спокойно, а в распоряжениях, которые при мне отдавал, чувствовались знание дела и толковость, то выйдет, что по всем приметам выглядел он хозяйственником среднего (опять же!) звена. Его легко было представить колхозным бригадиром, прорабом на стройке, начальником причала в дальнем порту.

За домом мерзлотников потянулась земля, густо покрытая мхом, а кое-где и редкой травой. Лишь в низких местах трава становилась погуще, помахивали на ветру белые султанчики пушицы, похожей издали на одуванчик, то и дело желтыми каплями вспыхивали полярные маки. Глядя на зеленый ковер, покрывший землю, нельзя было не удивиться способности трав и мхов выстоять, прижиться в самых, казалось бы, невероятных условиях — на тонком слое почвы, покрывшем ледяную линзу.

Я попытался передать это свое ощущеиие Аиосову, но, должио быть, оттого, что я все еще не знал, как с ннм разговарнвать, вышло у меня слншком краснво, выспренне. Сказал вроде того, что, мол, каждой здешней былннке хочется инзкий поклон отвесить за мужество н жнзнестойкость. Однако Аносов понял меня, более того, как-то вдруг изменил своему спокойствию, карие его глаза сверкнули:

— Вот именно! — подхватил он. — Здесь каждое растение — чудо! Даже когда на острове годами живешь, не устаешь удивляться.

Я заметил в ответ, что, по моим наблюдениям, не у всех людей, работающнх в Арктике, навсегда остается это чувство.

— Знаю, — согласился он нехотя, будто нзвинялся за кого-то. — Только мне кажется, еслн пронзошло с человеком такое, лучше ему подаваться на материк...

Он вдруг прнсел на корточкн н поманил меня:

— Вот, посмотрнте!

У самых его ног чуть высовывалась нз мха ярко-красная пуговка — головка сыроежкн.

Аносов вынул нз кармаиа телогрейки перочнниый иож, аккуратно срезал грнб н, распрямнвшись, передал его мне:

— Видалн такое?

Секунду терзалн меня протнворечнвые чувства: хотелось подыграть ему, сказать «не видал», ио я очень боялся допустить в наше общеиие, начавшее только складываться, хотя бы одиу фальшнвую иоту. И это соображенне пересилило:

— В общем-то сыроежек в Подмосковье много... — сказал я осторожно.

— Это только иазванне совпадает! — ответил он задиристо. — Гриб совсем другой. Вы его пощупайте, прнжмнте пальцами!

Я сжал гриб — он оказался плотным, словно это была не настоящая сыроежка, а вырезанный из дерева грибок для штопкн.

— Не похож на подмосковные? — радостно спросил Аносов. — Здесь все такне. Мало того, что сама ткань грнба плотная. В тундре иет ни червей, нн муравьев — грибы портить некому. Они у нас крепенькне. Одни к одному! Так что глянднте под ногн, ищнте. Раз однн нашелся, будут н другие. Мы нх не рвем — срезаем. Держите. — И он протянул мне складной ножик.

Мы пошлн дальше. Земля перед намн то н дело приподнималась пологнмн прнгоркамн, в ннзннах между которыми часто хлюпалн под ногами болотца, а кое-где оказывалнсь мелкне озера, которые мы то преодолевали вброд, то обходили по берегу. Сыроежкн попадалнсь часто. И такне же пуговкн, как первая находка Аносова, и побольше, почти обычного размера, но все плотиые, словно кусочкн дерева.

Аносов рассказал мне еще об одном уднвительном свойстве здешннх грнбов: нет средн них горьких, несъедобных, а главное — ядовитых. Выходнт н в этом важная рацнональность н как будто даже чнстота помыслов северной прнроды.

Так, потнхонечку собнрая сыроежкн, дошли мы до северной оконечностн острова. Постояли несколько мннут, глядя с обрыва на плоскую песчаную косу, тянувшуюся желтым языком от острова Муостах к матернку — мысу Муостах, на узкий мелководиый пролнв, нх отделявшнй.

Аносов сказал, что зимой по льду с материка приходят на остров песцы. На северной оконечности Муостаха самое лучшее место для охоты. Он предложил вернуться к трактору другим путем — мимо песцовых ловушек.

Мы остановились на горке над самым берегом у длинного бревна, край которого был укреплен на врытом в землю столбе. Это и есть песцовая ловушка. Аносов объяснил, как поднимают бревно, как закладывают под его край какое-нибудь лакомство для зверя — приваду. Когда песец принимается за еду, он задевает за веревку, удерживающую бревно, и оно падает на голову песца.

О жестоких подробностях добычи диких зверей говорил Аносов спокойно, деловито. И этот тон удивил меня: казалось, он не вяжется с недавними суждениями. Я сказал, что и песец, прижившийся в этих местах, по крайней мере не меньшее чудо, чем та же пушица.

— Вы, видать, не охотник? — спросил Аносов, мягко улыбнувшись.

— Нет, не охотник.

— А мясо диких зверей едите?

— Конечно, ем. Я же не вегетарианец.

— Вот видите. Здесь только любоваться природой невозможно. Гриб — чудо, но мы его срежем и съедим. Рыба — чудо, но мы ее постоянно ловим. Олень — чудо, но, если к нам забредет, пристрелим и до косточки обглодаем. То же самое утка или другая птица. Поставки с материка нам идут неплохие, но ведь и свежатина нужна. Так что охотничья повадка в нас здесь крепко въедается.

— Но песцы-то в пищу не идут!

— Конечно, нет! Это дело другое. Мы их шкурки сдаем государству. Я же говорю — все дело в охотничьей повадке.— Аносов задумался ненадолго, будто взвешивая еще раз свои слова, потом сказал твердо, решительно: — Нет, как хотите, я никакого противоречия не вижу. Одно дело, когда за зверем на вездеходах по тундре гоняются или с вертолетов его бьют. Это, конечно, самое настоящее хищничество. А мы охотимся древним способом, каким здесь сотни лет вели промысел. Тогда ущерб природе не наносили, значит, и мы не наносим.

Я подумал, что на острове связи человека с животным и растительным миром выступают яснее, рельефнее, прямее, а значит, кажутся более грубыми.

Об этом я и сказал Аносову. И он, по лицу было видно, моему признанию обрадовался: всякому по душе, если другого удается убедить в правоте своих суждений.

Наш разговор стал непринужденным, я, естественно, старался как можно больше узнать о жизни и быте зимовщиков, их работе и досуге.

Аносов то и дело возвращался к занимавшей его теме. Он был твердо убежден: многие беды на Севере происходят из-за того, что люди, едущие сюда работать, думают пробыть в этих местах недолго. Иные потом остаются на многие годы, но все равно «чемоданное настроение» не исчезает. Они не заботятся даже об устройстве своего быта. Впрочем, это еще полбеды. Хуже, что некоторые и к своему делу относятся как к временной работе: после меня хоть потоп!

Взять хотя бы плавник. Сколько его валяется по берегам полярных островов? Тысячи кубометров! Конечно, для зимовщиков это удобно: дрова заготовлять не надо. Но если широко взглянуть, по-государственному, ведь это масса загубленного леса. Кто этот вред тайге нанес? Конечно, временщики, те, для кого Сибирь лишь недолгая арена деятельности, кому одно нужно — заработать побольше.

Нет, на Север надо ехать всерьез и надолго, оседать здесь крепко, пускать корни. Аносов, например, глубоко убежден, что на зимовки должны ехать не холостяки, а люди семейные, с семьями ехать. Он сам, когда еще учился в Ленинградском арктическом училище, твердо решил, что поедет на «полярку» с женой.

Как задумал, так и вышло. Жена его, Лариса, гидрометеоролог, все пять лет, что он на зимовках, с ним вместе. А еще на их станции две семьи: Захаровы Павел и Нина, он — старший радиотехник, она — повар; Зелинские, Виктор — старший гидрометеоролог, Татьяна — техник-актинометрист.

Получается такое соотношение: всего на станции девять человек, из них шестеро семейных.

А ведь как бывает, когда на «полярках» одни мужчины? То и дело жалуются начальники станций, что не могут своих «гвардейцев» заставить держать комнаты в порядке. Пол в кают-компании помыть — целая проблема. А кроме того, при ненормальной, холостой жизни и за собой следить лень: роба мятая, ходят небритые. При такой жизни и работа выполняется спустя рукава.

А на Муостахе у каждой семьи своя комната. И нелепо было бы даже напоминать женщинам, чтобы они следили за порядком. У них это в крови. Станция для них родной дом, семейный очаг. Ну и холостяки волей-неволей подтягиваются. Если у соседей уют, неловко и собственную комнату запускать. Или другое взять: кают-компания всегда сияет, и никому в голову не придет явиться сюда в робе, грязных сапогах. А ведь все эти мелочи в совокупности составляют нечто очень важное — стиль жизни.

Правда, Аносов ради справедливости обратил внимание, что Муостах в смысле реализации этой программы — место идеальное. Ибо из-за того, что находится он поблизости от Тикси, разрешают полярникам держать и детей. Однако если продумать все основательно, то количество станций, куда семья сможет ехать на работу в полном составе, вероятно, удастся расширить.

Тут мне показалось, что Аносов слишком увлекся.

— Но у вас-то, на Муостахе, пока детей нет?

Он посмотрел на меня удивленно:

— Как нет? Трое! Андрюша Зелинский, Вова Захаров и наша Валерия. — Аносов, вспомнив что-то, добавил: — Ну да, вы же ночью прибыли. Детсад наш уже заснул, а уехали мы рано — дети еще не встали. Вернемся — познакомитесь! Они-то про вас вчера целый день расспрашивали. Узнали, что кто-то должен приехать, и все приставали: какой дядя? Чей он папа? Где будет жить?

— Но ведь семьдесят второй градус?..— спросил я осторожно.— Полярная ночь, морозы. Как же здесь детям?

Аносов усмехнулся:

— Я, правда, не врач, но, по моим наблюдениям, отлично.

— И не болеют?

— Бывает, коиечио. Но гораздо реже, чем на матернке. Там ровесники иаших ребятишек то грипп подхватят, то коклюш, то свинку. Особенно в детскнх садах. А на нашем острове нн одного микроба. Воздух чнстейший!

— Но ведь кто-то должеи постояиио заниматься детьми, следить за иими.

— Следим! Зимой одиих из дома ие выпускаем. Кто свободеи, тот с иими и погуляет—со всей троицей. А летом сами бегают по станции, все время иа виду.

— И иравится им иа острове?

— По-моему, иравится. Впрочем, это вы сами увидите...

За разговором время бежало незаметно. Корзина постепенио иаполиялась сыроежками. Так добрались до дома мерзлотников и тем же распадком, что подиимались вверх, спустились иа отмель к трактору.

Аносов взял из кабины аккуратно завернутые в бумагу бутерброды, термос с кофе, мы наскоро перекусили и двинулись к станции. Но еще и полдороги ие проехали, как Аносов остановил трактор.

— Еще одиа малеиькая экскурсия,—сказал он, улыбаясь.—Так сказать, для полноты картины. На этот раз природиая иаша достопримечательиость. Не ахти какая, ио для иас очень важиая.

Мы пошли вверх по пологому склоиу и через иесколько миниут оказалнсь у озера, размеры которого были чуть больше тех, что до этого иам попадались.

— Вот едииствеиный иастоящий пресный водоем иа Муостахе,— сказал Аиосов торжествеиио.

— А остальиые?—Я показал иа сверкавшие по всей округе водяные блюдца.

— То, считайте, лужи. Сегодия есть, завтра высохли. А это постояииое озеро.

Я обратил виимание иа следы тракториых гусеииц, которые подходили к самому берегу озера и змеились от иего иа юг, к станции.

— Оказывается, ваш славиый ДТ ие так уж безиадежно стар,— сказал я Аносову,—он не только по ровной местности бегает, ио и по пересечеиной?

— Коиечио, бегает. Но мы по туидре только к озеру ездим. Летом воду отсюда доставляем, зимой—лед. И точио по одиому следу, ведь здесь слой почвы тонкий. Содрать-то его легко, а зарастает он десятилетиями.

...Одииокий тракториый след, бегущий от озера и теряющийся за пригорками, который увидел я иа острове Муостах, до сих пор стоит перед глазами. А по коитрасту вспоминается совсем другая картииа, увидеииая иа Диксоне.

Поселок Диксон состоит из двух частей. Бóльшая часть его расположена на материке, на коренном берегу Еиисея, а меиьшая— иа ближием острове, который тоже иосит это имя. В островной части—аэропорт, иесколько учреждеиий, жилые дома. Здесь я провел иесколько дией в ожидании очередиого каравана судов, идущих иа восток.

Дома занимают краешек острова. А вся остальная его часть пока еще пустыиия. И поскольку Диксои был первым иа моем пути заполяриым островом, это пространство с самого приезда манило

Линза вечномерзлого льда в основании острова

меня. И не терпелось посмотреть, как выглядит земля, о которой столько было прочитано. Но когда я выбрался однажды вечером за окраину поселка, открылось нечто совершенно неожиданное: вся округа была иссечена отпечатками гусениц. Иногда они проходили совсем рядом, параллельно друг другу. Следы были узкими, глубокими, по всей видимости, ездили здесь на новеньких мощных вездеходах, которым ничего не стоило двигаться старой колеей. Но каждый водитель искал дорогу поровнее и почище, а потому выбирал целину. Это были полосы лишенной признака жизни земли. Они гляделись безобразными шрамами на зеленом фоне тундры.

Не знаю, кто именно оставил эти шрамы, но не сомневаюсь, повинны здесь те самые временщики, о которых говорил Аносов.

Контраст между гусеничными следами на двух разных островах был тем более разителен, что судьбы этих островов совершенно несхожи. Диксон стоит на крепкой каменной основе, и нет никаких причин думать, что он в обозримом будущем исчезнет. А Муостах, как уже говорилось, рушится на глазах. Оттого, казалось бы, здесь более простительны недальновидные поступки. Стоит ли осложнять свое существование, жалея обреченный остров?

Но Аносову не приходили в голову такие соображения. Логика его замечательно проста: раз дан под опеку начальнику станции этот остров, то, пока высится он над губой Буор-Хая, дóлжно о нем заботиться. И тут я подумал, что первое мое впечатление об Аносове, когда представился он мне хозяйственником среднего

звена, не было ошибочным. Конечно, разные бывают хозяйственники, но большинство таких, кто помнит, что само название их социального статуса происходит от того же корня, что и слово «хозяин». Они и становятся рачительными хозяевами того, что им доверено.

...С утра, пока ездили мы с Аносовым, солнце пряталось в пелене облаков. А когда подъезжали к станции, ветер разогнал тучи, и солнце, стоявшее высоко в небе, залило всю округу праздничным сиянием. Лучи его отразились в легкой ряби губы Буор-Хая, в стеклах домов, в огромном фонаре маяка и запрыгали над островом тысячами бликов.

Встречала нас живописная орава — трое ребятишек и двое станционных псов. Все пятеро казались шарообразными. Собаки Дымка и Бизон — оттого, что были низкорослы и лохматы, а дети — из-за множества одежд, в которые укутали их по ветреной погоде. Словно ртуть, эти шарики то сливались в один ком, то рассыпались в стороны, раздавались лай, визг, крик, победные вопли.

Когда мы вылезли из трактора, этот клубок накатился на нас, шарики запрыгали у ног, издавая еще больший шум, и Аносову стоило немалых трудов навести порядок.

Потом, сопровождаемые чуть утихомирившимся эскортом, двинулись мы к кают-компании. У ее дверей Дымка и Бизон вынуждены были отстать, хотя и жалобным визгом, и всем своим видом постарались изобразить глубочайшую обиду и полное собачье отчаяние. А дети вкатились за нами.

На обед мы с Аносовым опоздали. Кают-компания опустела, только повар Нина Захарова возилась у плиты. Она попросила подождать минутку. Но тут пришла Лариса Аносова и взялась за дело: она была свободна от вахты. Мы уселись за стол. Дети тоже заявили, что проголодались, заняли свои места и оттуда, пересмеиваясь и перешептываясь, наблюдали за «новым дядей»...

Потом Аносов повел меня показывать станцию, рассказывая о современных методах изучения атмосферы и гидросферы нашей планеты. Перечислить все методы, подчеркнул он, непросто. Здесь и специальные спутники Земли, самолеты ледовой разведки, ледоколы, особые «корабли погоды», автоматические радиоустановки, разбросанные по труднодоступным районам. Так что, казалось бы, гидрометеорологические станции, которые тридцать — сорок лет назад были главными поставщиками необходимой информации, теперь потеснены новой внушительной техникой. Однако раздел гидрометеорологии, непосредственно занятый изучением погоды, недаром называется синоптикой — слово происходит от греческого «синопсис», что значит «обозреваемый, дающий обзор всех частей целого». Чтобы понять, какие процессы господствуют в атмосфере и гидросфере, как пойдет борьба сил природы, определяющих состояние воздушной и водяной оболочек (а без этого невозможно составить прогноз погоды), необходимо располагать одновременно полученными данными в различных точках Земли. Большинство таких сведений дает сеть гидрометеостанций. И работа каждой из них существенно влияет на общую картину, особенно когда речь идет о станциях на островах Северного Ледовитого океана, ведь Арктику недаром называют «кухней погоды».

Если бы вдруг какая-то станция прекратила работу, то образо-

вался бы пробел в картине развития атмосферных процессов.

Конечно, в Арктике сегодня работают крупные центры по изучению погоды, целые гидрометеорологические обсерватории с коллективами в несколько десятков специалистов. Но и маленькая станция острова Муостах (по официальному табелю о рангах, станция второго разряда) — одна из необходимых ячеек гигантской всепланетной сети. Станция осуществляет целый цикл наблюдений по метеорологии, гидрологии, актинометрии (наука о солнечной радиации), следит за содержанием озона в воздухе. Кроме того, Муостах принимает информацию о погоде от двух АРМСов (автоматических радиометеорологических станций), расположенных поблизости. И еще она занимается практическими нуждами района — снабжает данными о погоде аэропорт Тикси, а моряки и речники получают с Муостаха сведения о волнении на подходе к бухте. Эти сведения особенно нужны в период, когда буксирные суда ведут из устья Лены в Тикси огромные плоты. Для их перегона коротким морским путем нужен почти полный штиль: любая шальная волна, заскочившая в бухту, может разметать плоты.

Наконец, еще одна забота полярников — маяк, который питается электроэнергией станции.

Из девяти зимовщиков Муостаха четверо (в том числе и сам Аносов) — гидрометеорологи, двое — актинометристы, радиотехник, электромеханик и повар.

Гидрометеорологи несут вахту круглосуточно. У них восемь основных сроков наблюдений (через каждые три часа). Кроме того, ведутся ежечасные наблюдения за погодой на авиатрассах и за состоянием моря. Все гидрометеорологи одновременно и радисты. Комплексный подход к изучению различных процессов в атмосфере и гидросфере позволяет воссоздать общую картину, увидеть явления во взаимосвязи и взаимообусловленности. Словом, полученные данные становятся черновым материалом для науки. Потому зимовщики, сказал Аносов, относятся к своим обязанностям с особой ответственностью.

...Потом мы окунулись в прозаическую сферу — пошли смотреть то, что начальник станции назвал хозяйственными объектами. Но и эти «объекты» были сработаны со знанием дела.

Баня с отличной каменкой, и пар здесь удается поднять такой, что быстро выгоняет усталость из натруженных рук и ног, прибавляет здоровья. Хороша оказалась коптильня, устроенная на рыбацкий манер: печка с тлеющими над огнем опилками и ящик, пристроенный к концу трубы, в которую проходит дым. Продукцию ее я пробовал за обедом и ужином. Должен признаться, что, хотя на многих рыбных промыслах побывал, редко где случалось отведать столь великолепно прокопченной рыбы. Немалое впечатление произвел на меня гигантский холодильник, сооруженный очень просто: с учетом природных особенностей прокопали песок метра на полтора в глубину, а когда дошли до ледовой линзы, выбили во льду широкую нишу. Даже в тот августовский день в погребе царствовала стужа, и все находившиеся здесь припасы: и оленьи туши, и рыба, и разные продукты, доставленные с материка,— искрились снежными кристаллами.

Ну а потом я попросил позволения осмотреть маяк. Еще с моря поманила меня загадочная его вертикаль.

Маяк Муостаха выглядит именно так, как рисуют эти сооружения в детских книжках,— огромная, совершенно ровная колонна. Она поднимается над островом метров на тридцать. Сооружен маяк одновременно со станцией, в середине тридцатых годов, когда начиналось строительство порта Тикси, налаживалось регулярное судоходство в восточном районе Арктики. В то время главным строительным материалом был лес. За прошедшие десятилетия доски обшивки посерели, но от этого только выиграли: теперь серебрятся под солнцем, будто лемехи на крыше северной деревянной церкви. И поставлен он, как ставили когда-то поморские умельцы соборы,— на взгорке и хорошо вписывается в окружающий пейзаж.

Мы поднялись на невысокое крыльцо, пристроенное к основанию маяка. Аносов открыл дверку и пропустил меня вперед. Глянув вверх, я еще раз сравнил маяк с церковью, вернее, с деревянной колокольней. По бесконечным крутым лесенкам долго лезли мы до верха. Лестницы, как и вся основа сооружения, были сработаны из толстого деревянного бруса, который здесь, внутри маяка, не потерял своего золотистого смоляного цвета и запах издавал свежий, лесной.

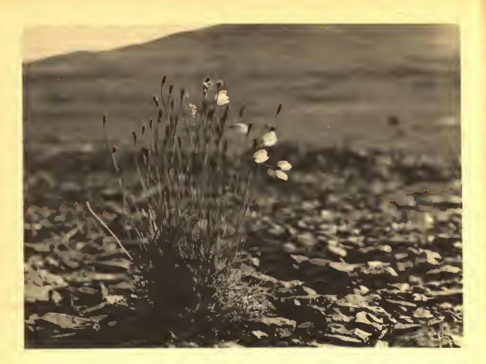
На верхний балкончик, укрепленный вокруг маячного фонаря, мы добрались в полном изнеможении. Зато, когда отдышались, открывшийся вид вознаградил за все. Очертания губы Буор-Хая читались четко, будто на карте. Видна была и северная оконечность острова, где мы уже побывали, и мыс Муостах, рогом вспарывающий морскую гладь. И название мыса (Муостах — по-якутски «рогатый») легко и естественно уложилось в памяти. А левее, в легкой туманной дымке, обозначились на фоне высоких гор поселок Тикси, многочисленные суда на рейде. Тени по всей округе лежали резкие, и оттого каждый уступ и подъем местности воспринимался рельефно. А голые каменные хребты и складки сияли под солнечными лучами бесконечным разнообразием красок — от бледно-розового до ярко-синего. Казалось, они не отражают, а сами излучают свет. И от этого пейзаж воспринимался как яркая декорация в духе картин Святослава Рериха.

А потом, когда спустились с маяка и подошли к жилому дому станции, увидели мы на первый взгляд немудреную бытовую сценку, но была она здесь столь неожиданной, что врезалась в память наравне с великолепным пейзажем Буор-Хая.

Представьте себе большой одноэтажный деревянный дом, обшитый тесом, который стоит на взгорке. Перед домом выстлана досками широкая площадка. Все это залито ярчайшим солнечным светом. А на крыльце, на скамеечке, живописной группой сидят три молодые женщины с вязанием в руках. Греются на предзакатном солнце, неторопливо шевелят спицами и ведут тихий разговор. У их ног, разомлев от солнца, развалились лохматые псы.

Трое пестро одетых детишек то крутятся возле дома, то скатываются под горку к берегу, в нескольких десятках метров от которого двое мужчин, сидя в лодке, перебирают сеть. И видно, как время от времени над бортом лодки поблескивает чешуей крупная рыбина.

Все будто с лубочной картинки срисовано, будто перенесено в наш бурный век из никогда не существовавшей сказочной страны,

Цветы Заполярья

населенной счастливыми людьми, жившими в согласии друг с другом и со всем окружающим их мнром. И это происходнт на семьдесят втором градусе северной широты, далеко за полярным кругом, на пустынном, состоящем нзо льда острове.

Все это нн в коей мере не означает, что можно нзображать жизнь Заполярья в идиллических тонах. Трудности Арктикн с ее суровым бытом пока еще остаются. Но в тот момент, когда мы возвращались с маяка, я думал совсем о другом. Мне казалось, что я уже могу кое-что ответить на тот вопрос, с которым ехал сюда, на Муостах: почему в наши дни находятся люди, которые всем благам современной цивилизации предпочитают жизнь среди ледовых просторов? Естественно, что увлеченность свонм делом стонт здесь на первом месте.

Но не только это нграет роль. Как порой не хватает нам общення с природой! Особенно болезненно воспрнннмают это многие жители городов. Отсюда н турпоходы, н альпинистскне восхождения, н плавания по бурным рекам на самодельных плотах, не всегда кончающиеся благополучно.

На заполярном острове этой проблемы не существует. Первозданная прнрода — вот она, ступи лишь за порог. И не на однн отпускной месяц, а постоянно, нзо дня в день находишься с нею в самых тесных контактах.

Но пожалуй, главное в том, что здесь, на острове, ты не праздный соглядатай, любующийся травамн н птнцами, сама твоя

работа прямо и непосредственно связана с изучением природы. В этом — смысл пребывания на полярной станции.

Чувство оторванности от мира? Как это ни парадоксально, вероятность его возникновения куда больше в городе, чем на дальнем острове. Впрочем, тут, конечно, однозначные суждения неприемлемы. «Нестыковка» с другими людьми в Арктике воспринимается особенно остро. Однако, как правило, общение в малой человеческой группе бывает душевным, естественным, ведь сами условия жизни, противопоставленность малой группы окружающему миру невольно сближают людей.

...После ужина все собрались в кают-компании. Сам собой возник общий разговор о литературе, о московских писателях, книги которых читают и перечитывают зимовщики, и вообще о жизни.

А в три часа ночи меня разбудил вахтенный метеоролог Виктор Зелинский. «Дунай» уже подходил к полярной станции Муостах. Пора снова в дорогу.

АРКАДИЙ НЕДЯЛКОВ

ХШИ-НО-ХШИ

Рассказ

Впереди был отпуск. Осталось сдать отчет, а там — лесное озеро, где водились отменные лещи. Я сидел в лаборатории и усердно работал, когда меня пригласил заведующий нашей кафедрой. Я не без досады отложил в сторону отчет: хотелось побыстрее его закончить. Досада еще более возросла, когда я увидел, что профессор держит в руках увесистую рукопись. Не хватало еще писать рецензию, дня два потребует. Профессор раскрыл рукопись там, где была закладка.

— Это отчет об интродукции шиншиллы на Памире. Прочтите-ка вот это,— с этими словами он протянул рукопись мне.

Я прочел: «После выпуска шиншиллы в урочище Яхчисор отмечалось нападение гюрз на зверьков. Две шиншиллы погибли еще в вольере, куда их выпустили после продолжительного содержания в клетках». И дальше: «Одной из причин исчезновения шиншиллы в местах выпуска можно считать нападение на них змей».

Я посмотрел на профессора.

— Рецензию представить до или после отпуска?

— Какую рецензию? Ехать туда нужно! И немедленно! Шиншилл выпускали в местности на высоте более 1800 метров над уровнем моря, а ведь выше 1500 метров гюрзы встречаются редко. Отыщите и привезите для морфологических исследований десятка два этих змей. Я договорился о лицензиях. Когда будете ловить змей, заодно поищите и шиншиллу. Выехать нужно через два дня. Вопросы есть?

Какие тут вопросы? Профессор одним выстрелом убивает двух зайцев: дает мне возможность познакомиться с памирской гюрзой, а за это я должен проверить, прижилась ли в горах шиншилла. Разве

можно отказаться от такой поездки? Даже если для этого нужно отложить отпуск? Лещи в лесном озере могут облегченно вздохнуть!

Четыре тысячи километров в наш век преодолеть — пустяк. Через три дня вместе со старым другом герпетологом Василием Карпенко я уже оказался в памирском кишлаке Зигар, откуда до урочища Яхчисор оставалось около тридцати километров «острой тропы». В отчете так и было написано — «острой». Ходить по горам мне приходилось много, но с «острой тропой» я встретился впервые. О ней речь впереди.

Найти проводника и нанять вьючных ослов нам помог учитель местной школы, и на рассвете через пять дней после отъезда из Москвы мы вышли на эту самую тропу.

На переднем осле едет проводник, пожилой горец Гариф-бобо, на двух других — наши пожитки. Мы с Василием идем пешком. Тропа вывела нас на берег Пянджа в узкий глубокий разлом. Обычно говорят, что реки текут. К Пянджу это слово вряд ли применимо: Пяндж скачет по камням.

В ущелье хмурый полумрак. Свежо. Даже в штормовках пробирает холод. Глухо рокочет река. Цокают ослиные копытца. Скрипит под сапогами каменная крошка. Тропа то спускается к самой воде, то отходит от реки и вьется среди валунов и остроконечных глыб. Полумрак цепко держится у скал и склонов ущелья. Идем час, другой. В полумраке спотыкаемся о камни, и вдруг... откуда-то сверху волна света, будто включили электрическое освещение. Это солнце вышло на снежные пики. Косогор сменяется спуском, спуск — подъемом. Мы изрядно разогрелись. Штормовки сняты. Надо бы передохнуть, но Гариф-бобо поглядывает вверх и торопит:

— Давай, давай! Солнышко вышло на половину склона. Оно ждать не будет. В жару на Пашмык подниматься трудно! Давай, давай! Отдохнем на перевале!

— Гариф-бобо, — спросил Василий, — где вы научились так хорошо говорить по-русски?

— Проводником был, геологов водил. Потом в войну на фронте был. Потом в госпитале лежал. Вот и научился.

У подъема на перевал Пашмык мы оказались тогда, когда солнце уже пронизывало поток Пянджа, бегущий на дне ущелья. Подъем начинался в урочище Овгард — неширокой покатой террасе на берегу Пянджа. Вдоль реки прохода по берегу нет. Здесь поток с ревом гложет отвесные скалы. Тропа пересекает террасу и между скалами ведет вверх, туда, где даже после жаркого памирского лета белеют пятна снега. Прыгает с камня на камень ручеек, и тропа тянется вдоль него, переходя с одного берега на другой и по временам исчезая под водой. В таких местах из-под наших ног брызги летят во все стороны. Но вот тропа уперлась в крутой глинистый склон. Гариф-бобо, кряхтя, слез с осла, потопал, разминая ноги, и сказал:

— Ишакам чуть-чуть отдохнуть надо!

— Нам тоже! — в тон ответил я.

Отдыхали недолго. Гариф-бобо проверил вьюки, перевязал потуже поясной платок, подвел своего осла к едва заметному следу на склоне, ткнул его палкой в круп и скомандовал:

— Кх!

Осел шумно вздохнул и полез по склону вверх. Вьючные ослы, не дожидаясь тычка палкой, потянулись за ним.

Двадцать шагов по косогору вверх, крутой поворот и опять двадцать шагов вверх. Зигзаг за зигзагом, зигзаг за зигзагом — вверх к перевалу. Пот выступил на лбу, стал заливать глаза, рубаха взмокла. Во рту пересохло. В висках застучало. Справа — каменная стена, слева — обрыв. Неожиданно выбрались на небольшую площадку. Рядком, касаясь друг друга боками, стоят ослы. Гариф-бобо подтягивает подпруги. Мы повалились было на камни, но проводник тут же нас поднял.

— Вставайте! Нельзя лежать! — строго сказал он. — Если сразу после подъема лежать, ноги болеть будут. Вставайте! Сейчас дальше пойдем!

И опять зигзаги подъема. Кажется, конца им не будет. Но вот глазам открылось выжженное солнцем холмистое плоскогорье. Вдоль холмов вьется тропа. Мы достигли перевала. Высотомер показал, что мы поднялись на 800 метров, а абсолютная высота над уровнем моря — 2470 метров.

После отдыха Гариф-бобо уселся на осла и сказал:

— Ну, осталось пройти Хиш-но-хиш, а там и Яхчисор близко.

— Гариф-бобо, а что по-таджикски означает это название?

— Хиш-но-хиш — это значит «хочешь не хочешь, другой дороги нет».

Ни кустика, ни деревца, только щетка жесткой, выгоревшей на солнце травы да торчащие из глины камни. Палящее солнце. Горячий, обжигающий ветер. Шагаем час, другой. Проводник отдыхать не дает. И вдруг ослы остановились. Перед нами обрыв.

— Вот это и есть Хиш-но-хиш, — сказал проводник.

Глянул я вниз — и дух захватило. С этой высоты Пяндж кажется грязно-белой лентой не шире ладони. Вниз в каменном желобе тянется серая осыпь с уклоном градусов шестьдесят.

Обычно полагают, что спуск легче подъема. С этим не поспоришь, если речь идет о лестнице многоэтажного дома, но Хиш-но-хиш — дело иное.

Как и на подъеме, пересекаем осыпь зигзагами, только теперь движемся вниз. А под ногами то твердые глыбы, то скользкая каменная крупа. Того и гляди не устоишь на ногах. За каждым из нас идет осел. Одних их здесь оставлять нельзя. Животные могут побежать, и тогда разобьются. Мой осел идет, не отставая ни на шаг. Он то опускает морду и нюхает камни, то задирает голову и налезает грудью мне на спину. Осел в мыле. Я тоже. У осла бока ходят ходуном. У меня тоже. Зигзаг за зигзагом, зигзаг за зигзагом.

Тропа подошла к отвесным скалам. Резкий поворот — и вот два густых карагача и родничок. Тень и вода! Все припали к роднику. Не вода — нектар!

Отдыхали около часа, потом проводник поднялся и подошел к ослам.

— Ну, осталось самое трудное — перейти ишачий Сират*!

— Ишачий Сират? — удивился я. — Разве эта тропа ведет в ишачий рай?

— Тропа ведет в Яхчисор, — усмехнулся проводник. — Ну а что такое ишачий Сират, сейчас увидите.

---

* По поверьям мусульман, Сират — мост в рай, переброшенный над адом. Сират тоньше волоса и острее бритвы. Грешники не могут его перейти. Они срываются в ад.

По осыпн мы спустилнсь к гряде невысокнх выветренных скал. За нними глухо ревел Пяндж. Правее гряды косогор, покрытый мелкой сланцевой крошкой.

— Вот он, нщачий Снрат!

Шнрнна косогора — метров двадцать, на вид он обычен.

— Чего же тут страшного? — спросил я.— Косогор как косогор.

Проводннк молча подошел к косогору, поднял увеснстый плоскнй камень н плашмя бросил его на сланцевую крошку. Камень шлепнулся на косогор н медленно, но безостановочно пополз внна. Мы следилн за нним, пока он не сорвался в Пяндж.

— Еслн ишак упадет, дорога ему одна — в Пяндж! Подняться он не сможет.

— А еслн упадет человек?

— Людей страхуют длнnной веревкой.

— Почему же не подстраховать осла?

— Тогда заранее читай заупокойную молнтву!.

— ?!

— Э... э..! — недовольно протянул проводннк.— Как не понять? Ишак тогда за собой стянет!

Гарнф-бобо обвязался веревкой, конец ее подал мне, подогнал своего осла к краю косогора, ткнул его палкой под хвост и закрнчал:

— Кх! Кх! Эй! Эй!

Осел прыгнул на косогор н заскакал, с трудом вытаскивая ноги из крошева. Проводннк спешил за нним, не переставая крнчать н

охаживать палкой по бокам. Прыжок вперед — полметра вниз. К концу перехода они оказались ниже нас метров на двадцать.

Моя очередь. Обвязываюсь веревкой. Тычу осла палкой в зад и выскакиваю следом за ним на осыпь. Обошлось без происшествий, только дышал я, как загнанная лошадь, а сердце билось где-то возле горла.

За Сиратом до Яхчисора шла пологая ровная тропа, но и на ней спотыкались и ослы и мы. Тропа и в самом деле оказалась острой — резала ноги. Дойти бы скорее до ночлега, а там отдыхать до утра. Но получилось иначе...

Тропа привела под густые деревья. После палящего солнца тень, прохлада и журчащий ручеек. Благодать!

Ослы развьючены и привязаны к деревьям. Перед водопоем им надо выстояться. Гариф-бобо и Василий, блаженно улыбаясь, разлеглись на берегу ручейка. Я хотел последовать их примеру, но, взглянув на дерево, обмер. На ветке, свисавшей над ручьем, лежала гюрза! Толстая, серо-голубая. Прыжок к хваталке! Зажимаю змею возле головы, стаскиваю на землю, и через минуту она тяжело ворочается в мешке. Еще через минуту мы с Василием устремились на охоту.

— Куда вы? Отдыхать надо! Завтра не встанете!

— Встанем, Гариф-бобо, обязательно встанем! — уже на ходу отозвался я.

— Не ходите! Поберегите ноги! Плохо будет!

Куда там! Конечно, следовало прислушаться к словам проводника. Раз змеи есть, они от нас не уйдут и завтра. Но так уж устроен ловец: увидел добычу — забыл обо всем на свете.

Терраса Яхчисора ярусами прилепилась к гранитному исполину — горе Хазрат-ага. Верхние ярусы — узкие карнизы, нижний — широкая, немного покатая площадка. Когда-то это был большой сад, в котором стоял многолюдный кишлак. Теперь же люди бывают здесь редко. Развалины кибиток заросли непролазным бурьяном. Сад одичал. Ветки многих деревьев обломаны. Виноградная лоза разрослась, местами уцепилась за сучья деревьев и обвила их до самой вершины, но больше она стелется по земле, покрывая и камни и скалы. Настоящие джунгли.

Договорились не разбредаться друг от друга далее слышимости голоса. Василий пошел вдоль ручья, а я пробился через джунгли к гранитной стене горы Хазрат-ага. Здесь заросли были не столь густы. Кое-где стена обрушилась. Курумники — груды обломков — излюбленное место для змей.

На первом курумнике я обнаружил несколько змеиных лежек. Это нетрудно: камни обычно покрыты пылью, а на лежках пыль стерта. Отметил лежки столбиками из камней.

На втором курумнике наткнулся на нору какого-то мелкого хищника: горностая, ласки или хоря. Возле щели пошире — сухой помет с остатками шерсти, перья и кости. Ломать голову над этим не пришлось. У нижней кромки курумника лежала высохшая тушка каменной куницы, а чуть в стороне — тоже высохшая крупная гюрза. Туловище змеи возле самой головы перегрызено почти до половины. Кто на кого напал? По ряду признаков в логове были детеныши.

У третьего курумника рос густой, раскидистый карагач. В траве под ним я нашел мертвого скворца: лежит, раскинув крылья, словно

летит. Поднял птицу. Повреждений не видно, только клюв в запекшейся крови. Запаха тления нет, значит, погибла недавно, а виновница ее гибели — гюрза. Она часто заползает на деревья и замирает на ветках. Птицы не замечают их, присаживаются поблизости и становятся добычей змеи. Однако бывает, что гюрза схватит птицу, но удержать не может. Птица улетает, но, если зубы змеи пробили ее кожу, падает мертвой под тем же деревом. Ощипал я скворца. Так и есть: вся тушка сизо-багровая (яд разрушил сосуды, и кровь разлилась по мышцам), на грудке две колотые ранки — след змеиных зубов. Гюрза, может быть, еще на дереве. Сажусь на камни и тщательно осматриваю крону карагача. Казалось, я буквально прощупал глазами каждую ветку и все же обнаружил злодейку только тогда, когда она пошевелилась.

С земли змею не достать. Позвал на помощь Василия. Вдвоем мы справились со змеей легко. Я залез на дерево и согнал гюрзу на землю. Василий зажал змею хваталкой и сунул в мешок.

Солнце свалилось за гребень горы Хазрат-ага, на Яхчисор надвинулась тень. От Пянджа сразу же потянуло сыростью. Вот тут-то мы и почувствовали то самое, о чем предупреждал проводник: к стоянке идти надо, а ноги не поднять. Мы присели на камни, но отдых облегчения не принес. Уже в густых сумерках, спотыкаясь на каждом шагу, кряхтя и охая, добрались к костру. Казалось, он совсем рядом, но как до него добраться, если ноги подкашиваются и каждый шаг отдается в мышцах щемящей болью?

— Хочешь скажу, о чем ты сейчас думаешь? — окликнул меня Василий.

— Давай!

— Ты клянешь себя, что не послушался проводника.

— Кто открыл тебе мои сокровенные мысли?

— Ноги!

Утром новая неожиданность — густейший туман. В метре от костра сплошная сизая стена. Может быть, это и к лучшему? Все равно ходить мы не можем. Даже шевелить ногами больно. Молча сидим у костра, слушая неумолчный рев Пянджа. Сыро. Промозгло. Отсыревшие дрова горят плохо. Дым стелется по земле, щиплет глаза.

Проводник посоветовал нам размять мышцы ног. Занялись массажем. Сначала самые легкие поглаживания заставляли нас охать, но потом стало легче. Мы даже понемногу походили. А тут и туман рассеялся. Камни, кусты, трава, деревья, штормовки и спальники будто побывали под дождем. Едва прояснилось, как хлынули такие жаркие лучи солнца, что влага исчезла на глазах.

Когда наши ноги пришли в нормальное состояние, мы прежде всего прочесали виноградные джунгли. На лозах было множество небольших гроздьев — лакомство для скворцов. Целый день здесь вертелись стайки этих птиц. Где птицы, там осенью и змеи. Ходить по джунглям приходилось осторожно. Гюрза могла спрятаться в листьях, а крупная змея достанет ногу и выше голенища.

В зарослях мы часто находили кучки помета.

— Чьи?

— Это медведи виноград ели, — пояснил Гариф-бобо, — ночью они приходят, днем спят где-нибудь поблизости. Вы их не бойтесь. Они смирные, людей не трогают.

Медвежьи следы мы видели каждый день, но самих зверей не встречали. Это очень огорчало Василия. Он хотел сфотографировать медведя.

— Встретятся еще! — успокаивал его проводник.— Медведи к нам присматриваются.

Лучшее время охоты на гюрз — ранние утренние часы. Остывшие за ночь змеи выползают поежиться на солнышке, лежат на открытом месте и не проявляют такой прыти, как днем. Но нам досаждали туманы. Они висели над Яхчисором часов до десяти. Мы выходили на охоту, едва туман начинал редеть, но уже через час жаркое солнце прогоняло в тень и змей и нас. На третьи сутки солнце заволокли перистые облака, оно приятно пригревало. На одном из валунов я заметил змею. Окраской она походила на неядовитого полоза, да и туловище у нее было не таким внушительным, как обычно у гюрз.

«Полоз»,— решил я и стал подбираться поближе, чтобы лучше разглядеть змею. Она заметила меня еще издали, свернулась в клубок и зашипела.

Это меня рассмешило. Поди ж ты, тоже пугает, словно ядовитая! Гюрзы шипят не часто. Решил поймать задиру. Полозов обычно ловят не хваталкой, а просто рукой. Так хотел поступить и я, но змея успела соскользнуть с валуна и скрыться в гуще виноградных листьев. Раздвигаю листья без каких-либо предосторожностей. Где же она? Змея прижалась к камню и снова зашипела. Рукой до нее не дотянуться. Хваталкой вытащил я змею из зарослей, а она крепко вцепилась в шток хваталки чуть выше захватов. Пригляделся я и ахнул: по штоку ползла желтая капелька. Яд! Я чуть было не схватил голой рукой самца гюрзы.

Сунул я гюрзу в мешок. Немного успокоился, огляделся вокруг и... увидел медведя. Мишка оперся о скалу передними лапами шагах в двадцати и внимательно меня разглядывал. Уши стояли торчком, морда настороженная. Зверь не очень большой, с барана, бурый.

Хоть и говорил нам проводник, что в Яхчисоре медведи смирные, но кто знает, какое у этого мишки настроение?

Рука сама нащупала нож. Другого оружия у меня не было. Но медведь нападать не собирался. Некоторое время мы молча разглядывали друг друга. Потом я решил нарушить молчание.

— Ну,— обратился я к медведю,— что делать будем?

Мишка повертел головой и остался в том же положении.

— С кем это ты разговорился? — спросил Василий из зарослей.

— С медведем!

Появление моего напарника зверь воспринял спокойно. Он только немного отошел и сел.

— Не шевелись! — закричал Василий.— Какой кадр будет!

Я и без того застыл в неподвижности. Василий, издавая восторженные восклицания, щелкнул «Зенитом». В конце концов медведю, видно, надоело позировать. Он повернулся и неторопливо удалился к скалам.

Когда мы рассказали о встрече с мишкой проводнику, тот сказал:

— Этот медведь живет здесь давно. Лет десять. Я каждое лето вижу его в Яхчисоре. Еще один медведь, побольше, тоже ходит поблизости, но он осторожнее. Боится людей. Прячется от них.

За неделю мы исходили террасу Яхчисора вдоль и поперек,

изучили каждый укромный уголок, каждую скалу, каждое дерево. Ящик для змей был почти полон. Однако ни шиншиллы, ни даже ее следов мы не видели. Эта часть задания оставалась невыполненной. Шиншилла — зверек ночной, днем ее обнаружить трудно. Мы сделали несколько контрольно-следовых полос: разровняли пыль на тропинках, посыпали зубным порошком камни и землю в тех местах, где могли жить шиншиллы. Утро начиналось с осмотра контрольных участков. Живности в Яхчисоре было много. Наши полосы были сплошь истоптаны. Мы видели отпечатки лапок мелких зверьков и извилистые ленты, оставленные змеями, крестики птичьих следов, но характерных подушечек с пятью точками от коготков шиншиллы мы не находили.

Как-то меня осенило: если шиншиллы в Яхчисоре есть, то хищникам это должно быть хорошо известно.

На другое утро я собрал сухой помет с остатками шерсти у той норы, где лежали мертвые куница и гюрза. Осматривая ящик с гюрзами, Василий увидел, что какая-то змея оставила помет с шерстью. Мы тут же собрали помет и поместили в отдельный пакетик. Строение шерстинок и пуха у шиншиллы весьма своеобразно, и специалисты-пушники установят, были ли шиншиллы в числе жертв хищников.

Частые туманы и сырость, которую они приносили, навели меня на другую мысль: а не могло ли это прогнать зверьков от Пянджа? Отсыревший пух не защищает зверьков от холода. У себя на родине, в Андах, шиншилла обитает в сухом высокогорье, а терраса Яхчисора располагалась над уровнем моря примерно в 1400 метрах. Это высокогорьем не назовешь. К террасе примыкают склоны пиков 4000—5000 метров. Может быть, зверьки перебрались туда?

Своими мыслями я поделился со спутниками.

— Ты, наверное, прав,— поддержал меня проводник,— в боковых саях суше и теплее, чем у Пянджа. Сходите в сай Яхчисороби. Он недалеко. Дорогу я покажу.

На Памире жизнь там, где вода. Все ее источники известны, и каждый имеет собственное имя. Если название местности оканчивается на «су», там река или речка, если «булак» или «чашма» — родник, но чаще к названию добавляют просто «оби», что значит «вода».

У Яхчисора свой источник — небольшая речушка Яхчисороби. Рождается она где-то на заоблачной высоте у ледника, на террасу вытекает почти в самой ее середине и тут частью растекается по арыкам, частью попадает в Пяндж. Ущелье, в котором речушка течет до террасы, так и называется — сай Яхчисороби.

Пройти в этот сай не просто. Километра два мы шли прямо по воде в угрюмой каменной щели, откуда видна лишь узкая полоска неба, потом дорогу преградили завалы такой высоты и крутизны, что без проводника мы бы повернули назад. Ну а Гариф-бобо осмотрел завал, крякнул и, цепляясь за выступающие камни, полез вверх. Нам пришлось последовать за ним. Одолели первый завал, а там второй. Одолели второй — на пути третий, самый трудный. Влезли мы и на третий. Тут каменная щель окончилась. Мы вышли в широкую овальную котловину, со всех сторон окруженную неприступными обрывами. Вдоль обрывов сплошные курумники и непролазные заросли чингиля. По дну котловины в зарослях тростника и

солодки вьется речушка. Берега ее завалены множеством валунов и обломков скал, а в промежутках — глинистые полянки с низенькой плотной травой. Речка неглубока, однако местами попадаются заводи и ямы. Вода кристальной чистоты, даже на дне ям виден каждый камешек. Дно чаще мелкогалечное, реже песчаное, а кое-где и гранитное.

В котловину мы выбрались еще до того, как в нее заглянуло солнце, но ни тумана, ни той сырости, что постоянно чувствовалась у Пянджа, здесь не было. Сунулись мы в заросли чингиля, но тут же повернули обратно. У этого кустарника не только на ветках, но и на каждом листочке весьма острые колючки. Пришлось идти по руслу речки.

На первой же полянке из-под ног веером выскочили кузнечики, а у камня, свернувшись клубочками, лежали два гюрзенка. На следующей полянке опять кузнечики и гюрзята. И на третьей то же!

Пока мы шли до верхнего конца ущелья, насчитали на полянках больше полусотни гюрзят. Не сай, а змеиный детский сад! Оно и понятно, условия для этого в сае Яхчисороби идеальные: пищи — изобилие (сеголетки гюрзы едят кузнечиков), тепла — в избытке даже утром, воды — в избытке, все, что нужно для роста и развития. На верхнем срезе обрывов появились первые отблески лучей солнца. Они медленно, но безостановочно поползли по каменным стенам к их подножию. Как по сигналу, сразу в нескольких местах раздалось звонкое: «Ке-ке-ке-ке-ке! Ке-ке-лик! Ке-ке-лик! Ке-ке-лик!» И тут же: «Пинь! Пиньть! Пиньть!»

С ближнего курумника шумно взлетела какая-то птица. Свистя крыльями, она пронеслась над нами и села на полянку в трех метрах. Следом за ней одна за другой приземлились еще десятка полтора пернатых. Довольно крупные, больше голубя, серо-желтые, с кокетливыми дымчатыми нагрудниками, красноклювые птицы сбились в тесную кучку и, вытягивая шеи, с любопытством разглядывали нас. Кеклики! Так близко, хоть палкой бей!

— Молодые, глупые! — вздохнул Гариф-бобо.— Совсем не боятся человека. Люди здесь очень редко бывают, вот птицы и непуганые. Хорошо, что охотникам сюда хода нет. Один выстрел — и всему выводку конец!

Василий щелкал затвором аппарата, повизгивая и всхлипывая от восторга. Кеклики тихонько кудахтали и вытягивали шеи. Видно, делились впечатлениями.

«Пить-тюу! Пить-тюу!» — донеслось с курумника. Кучка словно взорвалась. Громко хлопая крыльями, кеклики взлетели все сразу и стайкой потянулись на голос.

— Мать позвала! — пояснил Гариф-бобо.

И в этот день, и в другие кеклики подлетали к нам вплотную. Речушка Яхчисороби начиналась у высоченной отвесной каменной стены. Вода падала с камня на камень, с уступа на уступ к подножию стены и бурлила в омуте, как в котле. Каменная стена там, где ее смачивала вода, до самого верха поросла пушистым зеленым мхом, а чуть в стороне от струн падающей воды, между камнями, какая-то птица свила гнездо — громоздкую, широкую чашу из мха и сухих листьев вперемешку с глиной. Гнездо все на виду, а подобраться к нему нельзя — со всех сторон омут. Гнездо было пустым, но Василий неустанно снимал его. Я не знал, чье это гнездо,

и осведомился о причине столь щедрой траты пленки.

— Профан! — почти закричал на меня Василий. — Это же гнездо синей птицы!

Из бурлящего омута вода вытекала на широкий галечный перекат. За перекатом темнела глубокая яма. Вода здесь была недвижна, но, едва мы приблизились к яме, она как бы вскипела, и из ямы через перекат к водопаду метнулась стая рыб. Перекат был мелким, а рыбы — крупными, мчали они по мели, поднимая буруны, как торпедные катера. Где еще увидишь такое?

— Снимай! — закричал я Василию. — Чего медлишь?

Тот только руками развел: пленка кончилась, аппарат перезаряжать нужно. Василия успокоил проводник:

— Эта рыба называется маринка. Очень пугливая. Она нас испугалась и устремилась в глубокое место, чтобы спрятаться. Там ей долго не пробыть: шум от водопада. Мы уйдем, и рыба вернется. Тогда и снять ее можно.

Мы вернулись к перекату через час, снимки получились отличные. И не только снимки. На обед вместо надоевшей похлебки из консервов у нас была отменная уха. Маринка — вкусная рыба, но нужно тщательно удалять из ее брюха икру и черную ядовитую пленку.

К полудню котловина превратилась в пекло. У Пянджа даже днем тянет прохладный ветерок, а здесь воздух неподвижен, солнце жарит вовсю. Пришлось спрятаться в тень скалы на берегу речушки. После ухи всех разморило. Мы разлеглись на песочке и задремали.

Проснулся я от шороха. Где-то рядом ползла большая змея. Звук ползущей змеи достаточно услышать лишь раз, его не спутаешь ни с чем другим. Мне этот звук был знаком очень хорошо. Не поворачивая головы, скосил я глаза в сторону звука и в широкой щели, в метре от моей головы, увидел толстый бок гюрзы. Змея уползала в щель. Стремилась, видно, к воде, но, выставив голову из щели, увидела нас и решила убраться восвояси. Не успела, попала в мешок. Внушительной по размерам оказалась одна из мамаш гюрзиного детсада.

После возни с гюрзой дремота прошла, но покидать тень было рано. Котловина словно вымерла. Все живое попряталось от жгучих лучей солнца. Только крупные серые ящерицы — агамы оживленно бегали по берегу речушки. Поймав в траве кузнечика или жука, они легко взбегали по отвесной стене скалы, двигая челюстями, съедали жертву и, замерев, устремляли глаза на солнце.

Кроме агам жары не боялся орел. Он медленно парил высоко над горами.

— Скука! — зевнув, сказал Василий.— Пойду агам ловить. Нужно привезти с десяток в зоопарк.

Снасть для ловли агам предельно проста, вроде удочки — длинная камышинка с петелькой из лески на тонком конце. Когда вспугнутая агама взбежит на скалу и замрет там, считая себя в безопасности, ей на шею набрасывают это петельку. Ни тонкой камышинки, ни лески агама не боится. Только не нужно делать резких движений. Плавно подводи конец камышинки, и любопытная, доверчивая агама сама сунет голову в петлю.

Василий срезал камышинку подлиннее, привязал леску и пошел на охоту. Мне не хотелось жариться на солнце. Я остался в тени и лениво следил за парящим орлом. Постепенно птица снизилась и кружила над котловиной. Круги становились все уже и уже. Вдруг орел сложил крылья и камнем упал на ближние скалы. Зачем? Может быть, поймал кого-нибудь? Я побежал посмотреть и про жару забыл. Подбегая к скалам, осторожно выглядываю из-за камней: на берегу речушки орел сражается с гюрзой! Распустив крылья, птица наскакивает на змею, поочередно выбрасывая перед собой когтистые лапы. Здоровенная змея свернулась в спираль и отбивается бросками головы.

Эх, «Зенит» у Василия! Какой снимок можно было сделать! Оглядываюсь, а Василий совсем недалеко. Крикнуть бы, да нельзя. Чуткая птица непременно услышит. Присев на скалу, я знаками стал звать напарника. Тот не сразу заметил мои сигналы, а потом направился ко мне не спеша. Я отчаянно махал рукой. Наконец Василий сообразил, что я зову его неспроста, и побежал, но было уже поздно. Орел взлетел. Тяжело взмахивая крыльями, птица набирала высоту, держа извивающуюся змею. Левой лапой орел ухватил гюрзу за хвост, а змея старалась дотянуться до лапы. Чем выше поднималась птица, тем отчаяннее билась змея. И вдруг орел разжал когти. Змея шлепнулась на камни, подскочила, как мячик, и осталась недвижной. Орел сел рядом. Несколько ударов клювом, и птица снова в воздухе. Теперь лапа держит змею поперек туловища. Мерно взмахивая крыльями, орел поднялся над котловиной, нашел восходящий поток, перешел на парящий полет и скрылся за горами. Там, где он клевал змею, мы нашли голову гюрзы.

Солнце склонилось к закату. По котловине поползли длиниые тени. Стало прохладнее. Спавший возле скалы проводник зашевелился и сел, протирая глаза.

— Пора возвращаться к Пянджу. Оставлять ишаков на ночь без присмотра нельзя!

— А как же шиншиллы? Надо бы еще поискать!

— Вы ищите, а я пойду. Только помните, что завалы нужно пройти до темноты. Если задержитесь, разложите костер и ночуйте. В темноте по завалам лазить опасно.

Проводник ушел. Мы посовещались и решили осмотреть курумники за зарослями чингиля. Пока продирались через чингиль, он взял с нас дань клочками одежды. Несколько позже мы извлекли из своей кожи не один десяток заноз.

Ходьба по курумникам не проста. Многие глыбы качаются, и, прежде чем ступить иа такую глыбу, нужно убедиться, что она не вывернется из-под ноги. Медлеино бродили мы по курумникам, методически осматривая камни и щели. Ни шиншилл, ни их следов.

Бродили мы по теневой стороне котловины, а на солнечиой тень медленно, ио неудержимо ползла от подножия обрыва к его верхнему краю. Солнце уходило. Нам следовало торопиться. Василий прибавил шагу, иаправляясь к завалам. Я отстал. Потом заторопился и шагнул на иеустойчивую глыбу, она вывернулась, и я шлепнулся на довольио острые камни. Не успел я прийти в себя от боли, как с ужасом почувствовал, что заскользил по камням вниз, а за мной поползла вся масса курумника. Выше меня курумник состоял из весьма солидных обломков скал, и они тоже пришли в движение. Любая из этих глыб могла раздавить меня, как букашку. Нужно было побыстрее убраться с их пути. Подниматься на ноги времени не осталось, пришлось по-обезьяньи удирать иа четвереньках. Глыбы сиачала двигались медленно, но постепенно иабрали скорость и с глухим стуком, подняв облако пыли, обрушились в заросли чингиля.

И вот тут-то из какой-то щели рядом со мной выскочил серый зверек с оттопыренными полукруглыми ушами и длиниым хвостом. Кончик хвоста украшала кисточка.

Шиншилла! Оползень выгнал ее из убежища. Шиншилла пробежала мимо меня так близко, что зверька можио было бы схватить.

Куда же делся зверек? Я ползал по курумнику в том месте, где исчезла шиншилла, заглядывал в каждую щель. Тщетио! Эх, мне бы сейчас чутье!

— Что с тобой?—участливо спросил меня невесть откуда появившийся Василий.—Ты не рехнулся? Может быть, сильио ушиб голову?

— Шиншилла!—выдохнул я.

— Где?!

— Где-то здесь! В камии ушла!

Василий кинулся ворочать камни и вызвал еще один оползень, который едва ие погреб под собой иас обоих. Одиако шиншилла будто в воду канула. Мы облазили курумник сверху донизу, вдоль и поперек. Уже в густых сумерках подошли к завалам и на спусках чудом не сломали шею. Однако и тут нам повезло. Мы добрались до стоянки возле Пянджа хоть и не совсем целыми, но все-таки здоровыми.

Глядя, как при свете костра мы мажем друг другу синяки и ссадины йодом, Гариф-бобо сокрушенно вздыхал и отворачивался. Мы не обращали внимания на его красноречивые взгляды и вздохи. Мы же шиншиллу нашли!

Спали в эту ночь плохо, а на рассвете, захватив оставшийся зубной порошок, продукты и спальники, уже пробирались сквозь туман ко входу в щель, которая вела в котловину.

Зубной порошок покрыл курумник от подножия до самого верха, и трое суток мы посменно дежурили, не спуская глаз с белого пятна. Нет, не вышла шиншилла. Видимо, она ушла с этого участка в первую же ночь, а может быть, ее придавило оползнем.

Мы оставались в котловине, пока была еда.

Ранним утром четвертого дня навьючили ослов и двинулись в обратный путь. Дойти до Зигара за один день не удалось. Пришлось ночевать на террасе Овгарда после спуска с перевала Пашмык. На ужин у нас были размоченные в кипятке окаменевшие куски пресных лепешек. Утром вышли без завтрака, натощак.

Оказии до Кала-и-Хумба пришлось ждать два дня. Мы отсыпались и отъедались в гостеприимном доме учителя Амирхона.

Пока мы жили в Зигаре, мужчины относились к нам весьма почтительно. Гораздо почтительнее, чем при первой встрече. Причина этого была нам непонятна, и я спросил об этом у Гариф-бобо.

— Не!— искренне удивился старик.— Разве не вызывает уважения смелость?

— Чья смелость?— в свою очередь удивился я.

— Вы говорили всем, что идете в Яхчисор, чтобы ловить там гюрз?

— Говорили.

— Вы привезли оттуда больше трех десятков этих проклятых аллахом тварей и подтвердили свои слова делом.

— Ну и что?

— Одно дело — говорить о своих намерениях, а совсем другое — выполнять их. Ты сам прошел по тропе в Яхчисор и обратно. Как ты думаешь, успели бы мы привезти оттуда человека живым, если бы его укусила гюрза?

Мое сообщение о том, что я видел в Яхчисоре шиншиллу, вызвало интерес. Туда срочно послали двух лаборантов — крепких молодых ребят. Они прожили в Яхчисоре больше месяца, но шиншилл так и не встретили. Либо я видел единственного уцелевшего зверька, либо шиншиллы живут так скрытно, что встречи с ними исключительно редки.

Что же касается высокогорной популяции гюрзы, то в отчете о выпуске шиншиллы была допущена неточность. Высотомер (альтиметр) показал, что Яхчисор расположен на высоте всего 1341 метр над уровнем моря.

Сенсации не получилось.

ВЛАДИМИР ДАНИЛОВ

ТРОЛЛИ НАЛИМЬЕГО ЛБА

Рассказ

На Нижней Тунгуске каждая мало-мальски приметная вершина или скальный выступ имеют свое название. Гора Коврижка, гора Нога, Дурной мыс или вот хотя бы этот самый Налимий Лоб...

...До Туруханска оставалось не более двадцати пяти километров. Для нас такой переход был сущим пустяком. Почти тысячу километров прошли мы на своем плоту по Нижней Тунгуске, и оно, это удивительное судно, ни разу не подвело нас. Можно было гордиться, что построено оно собственными руками.

Рама плота и палуба покоились на семи пустых металлических бочках, сдвинутых торец к торцу, словно батарейки в фонарике. Для большей остойчивости к бортам прикрепили шесть резиновых лодок — по три с каждого борта. На плоту мы поставили палатку-десятиместку, таган для костра, да еще осталось место для пары бочек с бензином, десятка канистр и поленницы дров, которые мы заготовляли на каждой стоянке.

На Учамском пороге нас лишь чуть-чуть качнуло. На Большом несколько шалых волн прошлись по бортам и наплескали воды в лодки.

Правда, ниже поселка Учами плот сел на мель, но виноваты в этом мы сами: проглядели. Когда бочки под плотом заскрежетали по гальке, все попрыгали в воду и, не разобрав, куда тянется мель, затащили свой «корабль» на еще более мелкое место. Пришлось потратить несколько часов, чтобы на казанке перевезти на берег часть груза и облегчить плот.

В палатке разместились семеро — два отряда. Одним командовал

Николай — высокий широкоплечий уралец с бурой бородой, которая закрывала ему всю грудь. Это была замечательная борода. Мы прозвали ее кормилицей. Дело в том, что ничья другая борода не годилась на изготовление мушек-обманок для ловли харнуса. Быть может, харнус на Нижней Тунгуске был очень разборчив, но Николай похохатывал, когда мы выстригали пучки волос из его богатой растительности, и приговаривал:

— Меня здесь вся рыба знает, уж пятый раз прохожу Тунгуску. Уважает...

Начальником второго отряда была женщина, и все звали ее Мэм, видимо, потому, что, когда возвращались из боковых маршрутов по притокам Тунгуски, на плоту распоряжалась одна она.

Сумерки нас застали, когда на правом берегу показался поросший лиственницами и кедрачом каменный массив Налимьего Лба.

— Ночевать будем на левом берегу,— распорядилась Мэм.

— А почему не у Налимьего? — спросил Николай.

— Нельзя,— ответила она.— Там живут тролли.

Николай как-то двусмысленно хмыкнул, словно чем-то поперхнулся, но в ту же секунду Мэм громко крикнула:

— Тролли!

Звонкий возглас покатился по долине Тунгуски, и через несколько секунд со стороны Налимьего Лба докатилось:

— Олли...

— Лоли...

— Оле...

Мы остолбенели. Мэм бросила на Николая победоносный взгляд и сказала:

— Убедился? Трое из них уже проснулись.— И, усмехнувшись, добавила: — Ты же знаешь, что тролли работают по ночам, как все добропорядочные гномы.

Получалось именно так, как она сказала. Олли, Лоли и Оле уже проснулись и следили за нами из крохотных пещерок Налимьего Лба.

Володька, наш бортмеханик, запустил «Вихрь», и плот, который норовил уже отважно померяться силами с каменной твердыней Налимьего Лба, нехотя потащился на левый берег Тунгуски.

Это были последние сотни метров, когда наш «Бич» — так мы нарекли свой плот в начале пути — шел под мотором. У самого берега «Вихрь» вдруг неестественно взвыл, и пенная дорожка, взбиваемая его винтами, оборвалась. Мотор замолк. Видимо, громада плота, которую он толкал почти тысячу километров, в конце концов дала себя знать.

— Тролли не любят шума. Это они испортили мотор,— сказала Мэм.— Надо браться за весла.

Мы по трое встали вдоль бортов и начали подгребать к берегу. Уже считанные метры оставались до леса, когда бочки под плотом заскрежетали по гальке. Еще раз стаскивать наше судно с мели никому не хотелось: силы были на исходе. Вчера мы вернулись из «боковушки» — пешего маршрута. Пока наш «Бич» под присмотром моториста Володи болтался в устье Летней, мы «пробежались» по этому притоку Тунгуски до Венлокского яруса. А это в один конец добрых пятнадцать километров, да вдобавок на приустьевом участке Летняя течет в настоящей трубе, стиснутая скалами. Но без

граптолитовых сланцев, крапленных битумом, мы не могли вернуться, и день был потрачен не зря.

...Мы кое-как сдвинули плот с мели, и нас понесла река.

— Ну что ж, поедем в гости,— сказала Мэм.

Мы налегли на весла, направляя неуклюжее судно к Налимьему Лбу. Тунгуска старалась как могла, чтобы скорее доставить нас туда.

Над тайгой взошла луна. Серебряная дорожка перерезала всю реку и обрывалась в тени черной громадины Налимьего.

Когда мы вплотную приблизились к мысу, плот замер, как вкопанный. Гребли изо всех сил, но стояли на месте.

— Давайте передохнем,— сказал Николай,— чертовщина какая-то.

Едва мы кончили грести, наш плот медленно пошел против течения, а вместе с ним поползла и лунная дорожка.

— Это тролли,— негромко произнесла Мэм.

Николай сплюнул в сердцах и закрутил головой. Его борода начала подметать лунную дорожку. Мы сушили весла и ждали приказа.

Наконец Николай хлопнул себя по лбу:

— Тролли, тролли,— пробормотал он,— да это же самое настоящее улово*.

Мы разом все поняли. Налимий Лоб преграждал путь реке и отбивал прибрежное течение.

— Кругом, ребята!— скомандовал Николай.— Греби дружней!

Мы стали грести в обратную сторону, и снова Тунгуска помогала нам. Вскоре плот приткнулся к широкой поляне, чуть выше Налимьего Лба. Мы зачалили его, забив в берег кол. На поляне в серебристом свете луны стояла высокая ель, а чуть поодаль теснился темный кедровый островок.

Наскоро поужинав, мы забрались в спальные мешки. Намаявшись с веслами, ребята разом уснули. А ко мне почему-то сон не шел. Я лежал с открытыми глазами.

Разные мысли приходили в эти тихие минуты. Конечно, троллей нет и не может быть. Они живут в сказках. Мотору давно пора было выйти из строя. Улово устроила сама Тунгуска, она же намыла бесчисленные мели. И все-таки жалко, что не встретили троллей.

Усталость брала свое. Глаза начали слипаться. Я поймал себя на мысли, что тролли рядом, за стенкой палатки, в черной громадине Налимьего Лба. Их зовут Олли, Лоли, Оле. Ну конечно, это они. Оле я знаю с детства. Это Оле-Лукойе — гном, приносящий сон. Оле-Лукойе... Я слышу, как он стучит своими деревянными башмачками и спускается с Налимьего Лба. Явственно слышу «цок-цок-цок». Торопится он ко мне. И снова на берегу тишина.

Сон прошел бесследно. Я улыбаюсь в темноте. Наверно, я ошибся, это не Оле, а Лоли сбежал по каким-то своим делам к реке.

И тут доносятся новые звуки: легкий шорох и знакомые всплески. Какой-то зверь, может лиса, пришел к реке на водопой. Боясь потревожить сон ребят, я выбираюсь из спальника и откидываю полог палатки. От реки шарахается темный силуэт похожего на

* Улово — водоворот с обратным течением, который образуется перед скальным выступом или ниже порога.

собаку зверя и исчезает в высокой траве. В эту секунду от Налимьего Лба послышался легкий стук деревянных башмачков тролля. Я обернулся и увидел на лунной дорожке кругн. Никакой это не гном, а просто камешек, сорвавшийся со скалы.

Я снова застегиваю спальник, прислушиваюсь, чего-то жду. Вокруг все тихо. Потом явственно различаю тихое постукивание башмачков и песенку. Это ко мне спускается с угрюмого утеса Оле-Лукойе. Конечно же, он несет мне сон...

...Проснулся я от истошного крика. Сразу и не разобрал, во сне это или наяву. Ребята спали как убитые, но крыша палатки уже посветлела. И тут снова пронзительное «куик»!

Пока я выбирался из палатки, гагара успела отплыть на приличное расстояние. В сердцах я выхватил из поленницы тоненькое бревнышко и запустил в нее, но было уже поздно. Крики гагары разбудили всех.

Я оглядел берег. При свете начинающегося дня Налимий Лоб не показался мне таким угрюмым, как в вечерних сумерках. Под елью, что высилась посредине поляны, стояла выбеленная дождями и солнцем палатка. Возле нее сидела, разглядывая меня, собака. Три женщины косили траву.

Полдня мы лазили по Налимьему Лбу, брали образцы. А дело это было не из легких. Покатый склон совсем не приспособлен для пеших хождений. Поставишь ногу на какой-нибудь выступ и выкалываешь образчик из нужного покрова. Да надо еще успеть поймать отколотый образец, иначе он проворно нырнет в Тунгуску. Потом достаешь из рюкзака мешочек, заполняешь этикетку и прячешь образец в рюкзак. И так вот работаешь в течение нескольких часов, пристраивая то одну ногу, то другую. Со стороны наше лазанье по скале, наверно, выглядело довольно занятно.

Наконец настал час, когда мы выгребли плот на середину Тунгуски и река понесла нас к Туруханску.

Однако судьба приготовила нам новое испытание. Едва мы доплыли до Дурного мыса, с Енисея подул ветер. Палатка на ветру превратилась в самый настоящий парус, и плот довольно бойко пошел против течения.

— К берегу, ребята, и побыстрее! — решительно скомандовал Николай.

С середины реки мы подгребли к берегу. Потом на длинной веревке — чалке сделали широкую петлю.

— Пойдем бечевой,— сказал Николай и первым накинул на плечо петлю.— Будем меняться через каждые полчаса...

...Когда настала моя очередь, я понял, как тяжел и неуклюж наш плот, как вязок берег перед Дурным мысом и как плохо, что нет здесь добрых гномов...

ВСЕВОЛОД ЕВРЕИНОВ
НИКОЛАЙ ПРОНИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЗАЛЕСЬЕ

Рассказ

1

И встал новый день. Как и отстоявшие пред ним, начался он по-осеннему, в тумане и серости. Но лезвие зари остро и холодно прорезало восток, шар солнца медленно выкатился над зазубринами лесного окоема, похожего на шеломы бессчетного воинства. И день стал все яснее и яснее разгораться, празднично украшенный сентябрьским убором. Зажглись золотом стволы необхватных сосен, рдела листва. Обындевелые травы засверкали многоцветьем радужных искр на каждом стебельке и листике.

Потеплевшие лучи выгнали последние клочья белесого тумана из низин и оврагов, и всеобъемлющее торжество осеннего погожего дня пронизало округу. Дорогу обступали теперь сумрачные разлапистые ели, и она текла верста за верстой, обрываясь иногда в лощину или упираясь в стену дерев, и тогда казалось — нет ходу дальше. Но впереди опять где-то ждал поворот, и расступалась глухая, непроезжая дебрь, и бежали по сторонам золотые сосны, широколистые дубы, заросли лещины и малины.

Вои ехали молча, только поскрипывали седла, стучали копыта о корни лесных гигантов и валежины да всхрапывали кони, отгонявшие, мотая головами и звеня уздечками, надоедливую лесную мошкару. Кони шли шагом, и никто не понукал их. Хотелось смотреть по сторонам и вверх, на вершины дерев, и вниз, под конские копыта, пить лесные запахи, слушать тишину, вобравшую в себя посвисты птах, стук дятла, скрип далеких телег, везущих доспехи и тяжелое вооружение. Ехали вольно, без опаски, сняв

кольчуги, а многие и армяки, оставшись в одних белых холщовых рубахах. И каждый как бы сливался со всем этим лесиым миром, что-то заставляло пристально всматриваться в неброскую красоту лесной стороны, столь много говорящую сердцу. И взоры их были не суетны. Неторопливо, успокоенно внимали они всему сущему. Самый воздух вливал в истомленное тело новые силы. Вот она, земля отчая и дедичья, за которую шел великий бой за Доном...

Свершен тяжкий ратный труд. И вельми много осталось и простых кметей, и бояр, и воевод, и князей русских на этом поле.

Навсегда...

Дорога упала в иизину, болотистую, поросшую осокой и кустарником. Показался шатер церквушки, неотличимый издали от вековой ели, и вот она, Евлога, с темной, будто бездонной водой меж усыпанных порыжелой хвоей берегов. Стволы дерев посветлели: это впереди небо глядело в зеркальное блюдо озера. На лесиой луговине стояло несколько изб, но больше было новых, еще недостроенных срубов, светившихся янтарно на фоне темно-зеленой хвойной чащобы. Каждый невольно вдыхал пахучий аромат свежесрубленных сосен. Все вокруг было усеяно плахами, щепой, корьем. Кое-где лежали стволы, не очищенные от сучьев и коры. Крестьяне, видно, спешили поставить иовые дома до зимы. Да приспело еще более важное, как не догадать: ушли воевать Мамая. Живы ли? Бог весть...

Князь Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский подъехал поближе к озеру, соскочил с седла, бросил поводья гридииу, чтобы иапоил коня, и сел на смолистые ошкурениые бревиа. Стало уже почти по-летнему жарко, и Боброк расстегнул кафтан и сиял высокую опушенную мехом шапку. Он посматривал на срубы, любуясь умелой работой. Ладили их ставить высокими, иа каждый шло не меньше ста бревен, рубили их «в лапу». Некоторые срубы были подведены под крышу. Изготовили кое-где и охлупень с коньком, и «курицы», удерживающие скаты кровли.

Вои, следуя примеру киязя, спешились и повели коней поить. День гулял по округе солнечный, пахло навозом, дымком с огородов. Оттуда неторопливо шли женщины, по двое тащившие корзины с большими светло-зелеиыми кочнами капусты и морковью.

Несмело оии подошли к Боброку и поклоиились до земли.

— Егда ушли мужья ваши? — спросил он, прииимая кувшин парного молока и ломоть пахучего ржаного хлеба из рук босоногой девчонки, которая тут же спряталась за спииы старших.

— На Спас еще, осударь-батюшка,— голос у женщины был грудной, чистый, оиа так и выпевала слова, а сама с затаенной болью смотрела на кметей, видно не решаясь спросить, не знает ли кто о судьбе ее супруга,— со дружиною князя пресветлого Володимера Ондреича...

— Князь Серпуховской,— с расстановкой сказал Боброк, ставя на землю кувшин и кладя за обшлаг кафтана кусок недоеденного хлеба для коня,— в час сей со полцы свои вместе с великим князем Московским идет на Коломну-город. Аще живы мужья ваши, они там обретаются, аще посечены в битве...— Боброк не договорил, уронил руку с колена и поник седеющей главой.

Неподвижно и молча стояли возле него простые русские женщины, старые и молодые, в домотканой одежде, в повязанных по самые брови платках. И не могли они не знать, не предчувствовать, что многие здешние жители не вернутся сюда. Но ни плача, ни причитания, ни вздоха даже. Лица суровы, лишь в потупленных долу глазах несказанная боль.

Фыркали лошади, пившие воду, били по ней копытами, и сверкающие брызги разлетались веером. Негромко переговаривались вои, позвякивала булатная сталь. Щедро льющийся с неба солнечный свет был преисполнен мира и покоя.

А пред глазами Боброка неотступно стояли одни и те же видения. Они отошли, а и отшедшие хватают за душу.

Снова и снова выезжает он с Дмитрием Московским во чисто поле в канун сражения. Вражий стан затаился в ночной тиши. Что сулит грядущее? Как изведать? Волхвы на Волыни, где их и посейчас видимо-невидимо, улавливают ветер. Боброк повернулся к слабому его дуновению вполоборота, поднял лицо к звездам и произнес заветные слова. И вот пахну́ло душным восточным базаром, неведомо откуда донеслось его разноголосье, слившееся в волчий вой жуткий, крики вранов, глухой клекот орлий кровожадный. И еще раздался вдали стук и гром, будто град кто возводит.

Дмитрий сидел в седле неподвижно и прямо, багряный его плащ при свете звезд казался черным, тяжелыми складками падал на круп коня.

И понял вдруг Боброк: все земные пути вели князя сюда, к главному делу его жизни. И тогда повернулся к русскому лагерю. Дмитрий тронул повод, и конь его тоже переступил ногами. Оба они увидели, что вместо зарниц, полыхавших с вечера, на заходе посветлело, как бы разлился свет зари.

— Добрый знак!— негромко сказал Боброк.

Что-то заставило его слезть с коня и припасть правым ухом к сырой земле. И ясно различил женские рыдания и причитания. Татарские матери убивались о судьбе своих сыновей, тужили и русские невесты.

В глубокой задумчивости вернулись они в свой стан. А наутро... Как не тщиться было Мамаю нечестивому Русь одолеть, коль сумел он собрать столь великую силу! Померк свет божий от несметных стрел. С завыванием и криками дикими ринулось разноплеменное ордынское воинство на ратн князей русских. И кочевников-степняков, и наемников-фрягов прельстил Мамай златом, а паче всего посулами всласть пограбить Залесские земли. И втрое было силы нечестивой против русских полков.

...Для него, старого воина, самое трудное было удержаться, не ринуться в битву, когда не стало видно русских стягов. Все поле, казалось, затопили Мамаевы полчища. Но недаром он, Боброк-Волынский, провел полжизни в военных походах.

Мудро расположил он свой засадный полк. Правильно рассчитали они с Владимиром Андреевичем Серпуховским момент для всесокрушающего удара. Вся несметная сила Мамаева уничтожена или рассеяна по лицу земли...

Пережить такое побоище... Но и это еще не все. Надо было хоронить погибших. Трубы, трубы, трубы... Долго звучали они, сзывая всех, кто остался в живых. И тут же, на Дону, московский

боярин Михалка Александрович стал составлять горестный список посеченных в битве. И первым в нем шел любимец великокняжеский Бреньков Михайла Ондреевич. И было это для великого князя Дмитрия все едино что отнять уды — руку или ногу. А вслед за ним занесли князей Белозерских — Федора Романовича и сына его Ивана, оба под стать дубам великорослым. Князь Федор Тарусский, брат его Мстислав, князь Дмитрий Монастырев, Ондрей Акатьевич, нарицаемый Волуй, Дмитрий Мининич...

Все они участвовали в походах Дмитрия Московского: и на Михайлу Тверского ходили, когда вознамерился он занять великокняжеский стол, и на волжских булгар, и от литовцев отбивались не раз.

За Русскую землю сражались, не щадя живота своего, выходцы из других земель. Остались на поле боя Семен Мелик да Василий, оба из немец пришли; Ондрей Серкизович, по родословным книгам внук мурзы Чета, выехавшего из Орды в Московское княжество при Иване Даниловиче Калите. Мелики да Серкиз на Воже-реке отличились два лета назад, где наголову был разгромлен мурза татарский Бегичка. Но в той сече он, Боброк, не участвовал, сидел воеводою на Москве.

Свиток с именами усопших сам собой разворачивался... Инок Свято-Троицкого монастыря Александр Пересвет, Федор Воронец, брат тысяцкого Василия Вельяминова, Дмитрий Александрович Всеволож, брат его Владимир...

Токмо князья и бояре нарочитые, и вельможи знатные, и воеводы. А прочих бояр и кметей, и горожан, и смердов, и ратников не писал никто, множества ради имен... Записаны они в других книгах, где всему сущему на земле счет ведется особый и неукоснительный...

Князь Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский провел рукой по лицу, тряхнул седеющими кудрями, встал. Более всего страшиться надо, чтобы в нутро не заползла туга великая. Скорбь безмерная пустую душу сотворяет, некрепкую, и делается она как источенная червем древесина — труха. Лютая это напасть и тягостная. Мужи русские всегда преступали чрез нее и были отмечены доблестию.

Боброку подвели коня. Он надел шапку, застегнул кафтан, поправил широкий меч и легко вскочил в седло. Небольшая его дружина, видя поспешность князя, зауздала скакунов и двинулась следом, и теперь уже на рысях, ибо князь горячил коня.

Знал Боброк, слишком хорошо знал, что нельзя надолго отдаваться расслабляющему чувству, будь то скорбь, самодовольство, лень блаженная, тщеславие неуемное или еще что.

И сейчас уже надо собраться мыслями в тугой клубок. Нечестивый Мамай бежал. Куда? То до поры неведомо. С ним покончено. Но зорко и ревниво следят за великим княжеством Московским и иные враги, не менее беспощадные и лютые, чем ордынцы.

Солнце закрыли тучи, тревожно бегущие с захода, и Боброк подумал о Литве. На день единый опоздал Ягайла Ольгердович, великий князь Литовский, не поспел соединиться с Мамаем, а уж у Одоева был. А может, и выжидал, каков исход будет дела того кровавого. Больше похоже то на повадку Ягайлову... Но прознали вои русские, что далеко отбежал он от Дона с полками своими и всею силою. Только куда двинется сейчас?

Сам выходец из земель, попавших под руку литовских князей, знал Боброк, слишком знал повадку их нападать скрытно, внезапно, прямо по-волчьи, рвать остервенело все, что ни попадет. Ольгерд Гедиминович превзошел всех властию и силою, саном своим в земле Литовской, понеже ни пива, ни вина, ни меду не пивал, великоумством своим значение приобрел. И многие страны и земли повоевал, а паче всего русские княжества, и придвинулся вплотную к Московскому, и стал сосед ему грозный и беспокойный. Из двунадесяти сынов своих возлюбил он наипаче старшего, Ягайлу, ему же и великое княжение Литовское по смерти своей препоручил. Ан нет, не в отца пошел Ягайла, ладит поступать не по-волчьи даже, а по-разбойному. Потому доверять ему нельзя, более всего слову его. А смотрит он больше туда, в угорскую и немецкую землю. Того ради и веру задумал принять латинскую. А братья его, Ондрей да Дмитрий Ольгердовичи, в рати московской с полками своими полоцкими и дебрянскими бились с Ордою за землю Русскую. Так раздвоился в сынах своих Ольгерд Гедиминович... От стен крепостей Троки и Вильно ходил он в многодальние походы. Но все больше на восток, а от рыцарей Немецкой земли только оборонить земли свои желал. Много, много воевал он с Москвою, союз против нее с Тверью заключил. И потому весть «Литва грядет!» столь же страшна стала, сколь и напасть татарская.

Сейчас Ягайла удалился к своим пределам, немотствует. Кто ведает, надолго ли?

Союзу с Михайлой Тверским теперь предпочел он союз с Олегом Рязанским, врагом Москвы лютым и давним. Душегубный сей Ольг, едва двинулся на русские княжества темной тучею Мамай, послал к нему и Ягайле боярина своего Епифана Кореева, чтоб соединить силы свои на Оке-реке, под корень извести великое княжество Московское.

И быть бы тому зверю, подобно змею поганому огнедышащему, о трех головах, да поспел Дмитрий Московский срубить одну из них, самую лютую. Ан остались две, вельми лихоимные...

И опять Боброк вспомнил утробные голоса земли, коим внимал пред тем, как встали полки на поле за Доном. Увидел явственно лица усопших. В который раз будто кто толкнул: защита сейчас худая Москве. Все-все ушли с Дмитрием на Дон. Правда, оставил Боброк в вотчине великокняжеской — Переяславле Залесском отборных молодцов сот несколько про всяк случай. Но и всего только... Кого соберет оставшийся воеводою на Москве Федор Андреевич Свибл? Муж он доблий. Его тщанием возведена угловая кремлевская башня — Свиблова. Да и другие вельможи порадели изрядно: высятся белокаменные стены мощные на устрашение ворогам лютым. Да ведь на стенах тех защитников ныне не усмотришь... А там великая княгиня Овдотья Дмитриевна с малыми детьми Василием да Юрием. И его, Боброка, жена Анна, единокровная сестра великого князя Дмитрия.

Кто сочтет, сколько раз приходилось выступать ему в поход? И сколь много раз возвращался он с победою? Но никогда не терял он осторожности. Тревожило чувство опасности и в эти дни. Томило, только двинулись рати с поля Куликова. И потому, подъехав к великому князю Дмитрию, тихо, чтоб не услышал никто, сказал, что не будет медлить, с малою дружиною двинется прямо на Москву,

минуя град Коломну, готовую со всем торжеством великим и подобающими почестями встретить победоносное воинство, собравшееся под великокняжеским стягом Дмитрия Московского.

2

Слухом земля полнится. Худая ли, добрая весть не лежит, а бежмя бежит. А весть о победе князей русских над Мамаем нечестивым со всею его ордынскою силою достигла и Москвы, и Коломны, и Дмитрова, и Звенигорода, и Владимира, и Суздаля, и Новгорода Великого, и Плескова (Пскова), и других городов и весей русских преже, нежель туда добрались гонцы великокняжеские. Сердца тверичей и рязанцев, чьи князья враждовали с Москвою, тож расцветились радостью. Да и могло ль быть по-иному?

С того самого часа, когда иерей рязанского Архангельского собора Софоний узнал, что ордынский хан, мнивший вторым Батыем стать, бежал с поля Куликова и сам след его затерян, а мурзы ханские вкупе с единомышленниками своими и наемниками — бесерменами, арменами, фрягами, яссами, буртасами — стали добычей вранов и волков, захлебнулись в волнах донских или рассеяны по лицу земли, ощутил в душе нечто небывалое. Будто запели соловьи, пахнýло черемуховым цветом, само солнце второй раз в этом году улыбается по-весеннему.

Но чернее туч, мрачнее мрачного ходил князь Олег Иванович Рязанский. И сильнее обычного припадал на посеченную в битве правую ногу. Софоний хорошо знал, что лютой ненавистью пылает сердце его к великому князю Дмитрию и всему московскому. Обиды прежних междоусобиц забыть не может. И того, что Коломна давно уже стала московской волостью, и что его удельный князь Пронский руку Москвы держит, и что ходил Боброк на Рязань, когда похвалились рязанцы повязать московичей голыми руками. И пришел к тому Боброку успех. Помнит Софоний, как въезжал он в Рязань, как сел на великокняжеский стол князь Пронский. Но вновь стал володеть обширными рязанскими землями Олег. Подступали те земли аж к Можайску, что на заход от Москвы лежит. Ан ныне и укоротились руки Олеговы. И все те обиды больнее, чем старые раны, ноют...

Вот и случилось так, что, егда вострубил Дмитрий Московский большой сбор, Олег не токмо не встал, подобно другим князьям русским, под знамя Дмитриево, чтоб оборониться от Мамая, но и уподобился Святополку Окаянному, поднял руку на братьев своих.

Олег Иванович в бранех ратных страшен бывает, ума не занимает, но застилает разум злоба лютая. Замыслил под корень извести землю Московскую, искал соузу с ордынцами, и впрок не пошли уроки горькие. Прошлым летом показал он Мамаю броды на Оке, хотел направить на московичей. Но не пошли мурзы татарские, испугались Дмитрия: слишком памятно было сражение на реке Воже. Мало кто в Орду тогда вернулся, мурзы и ханы, сам Бегичка, вож нечестивых, в той битве погибли все.

И зло свое за погибель любезных сердцу его вельмож выместил Мамай на Рязани: и город пожег, и посад, и волости рязанские, в полон угнал несчетно народу. Сам Олег со княгинею Ефросиньей еле ноги унес в Московскую землю.

И сейчас было б то же от соузу того иечестивого. И князь то знает, ио лишает бог разума, кого иаказать хочет. Не поспел Олег соединить полки свои с Ягайловыми и ордыискими на Оке-реке, а после битвы за Доном растерялся, затаился, ждал: вдруг князья русские пойдут воевать рязанские земли. Но ие случилось того. Вот уж и возвращаются полки под знаменем Дмитрия Иваиовича, Коломны достигли, а не тронули, ие разграбили ничего, иикому же зла ие сотворили, ие досадили, ие бесчестили.

А Олег и тут хитрость оказал: прознал, сколь много крови пролилось иа поле Куликовом, едва треть того воииства возвращается, что выступило из Москвы, иесчетно число покошеиных с ранами великими, коих Дмитрий повелел везти иа излечение иа телегах долгих в стаи подмосковный. И восприиял Рязаиский киязь тихий нрав Дмитриев как боязнь и бессилие. И вот уже от злого сердца повелел: тех, кто в малом числе идет чрез отчину его с поля Куликова, имать и грабить и иагих пущать.

И держал в своем тереме Епифаиа Кореева, что приобык посольство вершить, дорогу изведал изрядно и в Орду, и в пределы литовские.

Все то примечал Софоний и часто дивился: разве ие ведает Олег Иванович, как взрастала, как страждала земля Русская? Не виикал в слово Мономахово, ие ведает о походе Игоря на половцев, не вник разумом в повесть печальиую о погибели Рязани, о том, как разорял сыроядец Батый землю его отчую? А иадо бы ему крепко помиить, что послал Юрий Иигваревич Рязанский пред лицом опасиости грозиой за помощью к Владимирскому киязю Георгию Всеволодовичу. Не прислал рати он. Не дали подмоги и другие князья. Всех их поодиночке одолел Батый. И опустилась ночь на Русскую землю на полтораста лет. Но вот явился великий князь Дмитрий Иванович, взял меч в правую руку и сокрушил безбоязнеиио Батыя новоявленного.

Софоний жадно ловил отзвуки великой битвы, все рассказы, доходившие до иего. Сам из дебряиских бояр, бывал Софоний за Окой, за Доном, помнит ковыльиую степь седую, от века оиа вотчиной степияков считалась иепреложио. А ныие Софоиий полюбил выходить за земляной вал города. Заокские степные просторы распахивались широко, и спокойио можио было смотреть в полудеиную стороиу, ие ожидая увидеть быстро надвигающуюся темиую массу всадииков иа низкорослых конях.

Софоний считал: киязь Александр Ярославич Невский — одиннадцатое колено от Рюрика. Иван Данилович Калита — триιадцатое, Калита же — дед великого киязя Дмитрия Ивановича Московского. Пятнадцатое колеио — прямой Рюриков потомок. Не ему ль возвестить зарю после долгой иочи, весиу после зимы студеной? И Олег знатен, ведет род от князей Черииговских. Но вручает иыне провидеиие судьбу земли Русской в руки Рюриковичей. Иное и случиться ие должио... Все так же иеспешио иесла свои воды Ока, но теперь оии текли в Лету, отмеряя совсем ииое время.

И вот пришел час тревоги великой. Еще не рассеялись осенние предутренние сумерки, как к иему постучался Протасий, духовник Олега Рязанского.

— Зрю, ведаю, Софоиий,— сказал ои,— сиедает тя беспокойство, и ие о себе токмо печалуешься, того ради иадумал поведать, что

открылось мне. Князюшка наш уже не трепещет боле Дмитриевой рати, глаголют, слышь, тех, кто меч держит, копье иль сулицу, не больно много. Да и сведомо стало князю, что Дмитрий уже распустил многие рати. Восхотел опять Олег Иванович с Ягайлой соединиться, мыслит незапно ударить на Москву, может, и до прихода Дмитрия... Кореев-то днесь к литовским пределам побежал...

Протасий входил в клеть церковную осторожно, скользнул, как тень, так же и вышел бесшумно, тайно. Неторопливо зашагал по пыльной дороге к терему князя, где стояли оседланные кони.

Софоний постоял малое время у слюдяного оконца. Голова горела, мысли вразброд пошли, и вдруг, будто стегнул кто: не помнил, как в конюшне оказался, трясущимися руками оседлал скакуна, пал на конь и лишь тогда стал соображать, к кому направить путь. Как не допустить злодеяния Олегова? Кому поведать о том, что вызнал? Ни Дмитрия Ивановича, ни князей, ни бояр его приближенных на Москве нет. В Коломне ли они? Да и предуведомить надо преже московичей: Ягайла может нагрянуть с западной стороны.

Конь уже давно во весь опор несся к Москве, когда Софоний решил: надо ему появиться в Симоновом монастыре, что год назад основан у развилки коломенской и серпуховской дорог. И дробный перестук конских копыт как бы подтверждал: да-да, да-да. Надо сообщить игумену Феодору. Поездка к нему не вызовет подозрений у слуг Олеговых и у самого князя Рязанского. Часто наведывался иерей Архангельского собора по делам церковным к Феодору, в миру Ивану, сыну Стефания, брата Сергия Радонежского. Двунадесять лет провел Феодор в Свято-Троицком монастыре, иночество принял там, схиму, а теперь вот основал на Москве обитель святого Симона. И для коня Софония дорога туда уж знакомой стала.

В вошедшем симоновский настоятель сразу узнал рязанца-иерея. Не осталось почти священных книг в Рязани, многажды полностью выгоравшей дотла за последние только годы. И нечего было выбирать канонарху для отправления службы. А на Москве книги хранили в каменных подклетях соборов, да и списывать их стали гораздо. Вот и приходилось рязанским иереям волей-неволей скакать в Чудов ли, в Симонов ли монастырь, дабы купить иль на время взять нужную книгу.

Вельми печаловался Софоний, что в рязанских пожарищах сгинули навсегда летописные древние свитки. А «Поучение» Мономахово да «Слово о полку Игореве» он держал теперь в собственной памяти и в сердце...

— Да будет с тобою благословение божие,— сказал Феодор, осеняя склоненную лысеющую голову иерея широким крестом.

— С победою великою, отче,— отозвался тот, с трудом поднимаясь с колен,— великую победу одержал над сыроядцем Мамаем князь Дмитрий Иванович... Донской...

Феодор быстро-изумленно взглянул на Софония. Донской? Это слово как-то само собой вырвалось из уст иерея, но, произнесенное, оно уже начало жить своею собственной жизнью, уверенно одеваясь плотью. Феодор несколько раз повторил его про себя. Донской! Как

хорошо и метко сказано. И удивляться ли тому, что оно произнесено человеком вроде бы из враждебного стана? Стан-то враждебный, да Софоний сoумышленник давний. Не раз, не два и в этой келье, и в Чудовом были говорены сокровенные речи.

Оба они — и настоятель и иерей — знали и крепко одобряли, что великий князь Дмитрий Иванович неизменно следовал совету деда своего Ивана Даниловича Калиты — жить заедино всем князьям русским. Случались крамолы и кары за то. А после битвы Куликовской все поняли правоту великокняжескую. Все ли?

Феодор сразу, как увидел Софония, остро почувствовал, что на сей раз его привели сюда совсем иные дела, нежели раньше. Он не торопил приезжего, понимая, что предстоит нечто важное.

Софоний сел на лавку, вытянул ноги, прикрыл глаза, чтобы собраться с мыслями. Вид у него был утомленный, даже измученный. На полах подрясника и сапогах ошметки грязи. Веки покраснели, глаза блестели воспаленно. Как бы очнувшись, он выпрямился, огляделся и заговорил, поглаживая бороду. По временам останавливался, зажимал бороду в кулак и нервно покусывал. И чем больше говорил, тем большее облегчение чувствовал, будто постепенно перекладывал груз неимоверный на другие плечи. Феодора же эта тяжесть все сильнее пригибала к скамье. Его худое аскетическое лицо заострилось, глаза заблестели, как и у Софония. И когда Софоний кончил свой рассказ, Симоновский настоятель еще долго сидел недвижно, словно окаменев. Потом кликнул служку и вышел вон из кельи.

Софоний с натугой стянул будто приросшие к ногам сапоги, снял подрясник и растянулся на лавке, подложив его под голову. Все тело гудело и ныло. Неимоверная усталость от многочасовой скачки сковала все члены. Он закрыл глаза, устроился поудобнее, повернулся на один, другой бок. Уснуть не удавалось. Перед глазами мелькали деревья, кусты, летевшие по ветру осенние листья. Леса и перелески сменялись пажитями, речными бродами, взгорками и буераками. Конь всхрапывал, тряс головой и спотыкался. Софоний торопливо хватался за повод и... пробуждался от недолгого сна. Потом опять проваливался в бездонную темноту, но откуда-то появлялся Олег Рязанский, подходил, подволакивая правую ногу, поднимал огромный двоеручный меч, чтоб опустить на голову иерея. Пытаясь увернуться от страшного удара, он скатывался с лавки.

Софоний сел, попытался успокоиться. Нет, не заснуть. Что-то рвалось наружу, требовало выхода. Софоний напряженно вслушивался в себя. Какие-то люди кричали, разговаривали на разные голоса. Он отчетливо слышал пение ратных труб, звон оружия, шум битвы.

Софоний поднялся с лавки, походил босиком по келье. Теперь он уже и видел, как сражаются русские рати. На столе, пред иконою, лежали листы бумаги, предназначенной для списывания книг. Взял один лист, плотный, шуршащий. Иерей не раз видел здесь бумагу и дивился немало: на Рязани о ней и слыхом не слыхивали. Никогда он не писал на бумаге. Искушение было велико. Софоний взял гусиное перо, поискал глазами чернильницу и неожиданно для себя вывел: «Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и брате его князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамая».

3

К дружине малой Боброковой присоединились новгородцы, что стояли на поле Куликовом плечом к плечу с ратями Андрея Полоцкого и Дмитрия Дебрянского, братьев родных Ягайлы Литовского. И были те вои рыжебороды, плечисты, на конях богатырских. Лица открыты, взгляд прямой. Скоры они и на радость, и на печаль, но тугу долго в себе не носят и зла ни на кого не держат, коль нет в том нужды особой. На добро же весьма памятливы. Многие среди них ушкуйничали, ходили на лодьях по Волге, бесермен пощипали изрядно, а уже потом к Дмитрию Московскому присоединились, сами от себя, не от бояр новгородских, не пославших рати на ордынцев.

Вот едет новгородец Есип Варфоломеев и московский ратник Иван Абакумов конь о конь, беседуют:

— Ну и рече князь Дмитрий Иванович: «Почто бесчинствуете? Почто гостей моих грабите? Не ведомо ль вам, что лучше малое имение с правдою, нежель богатство велие, лихоимством добытое?» — Есип Варфоломеев молчит, чтоб подчеркнуть законность и значимость вопроса, потом продолжает: — А Федька Хлыст, царствие ему небесное, рече: «Отложи, княже, нелюбовь свою. Грешны, аще грабили бесермен, они же у хрестьян награбили».

— Ну и принял в рать свою Дмитрий?

— Принял с охотою превеликою...— Есип заразительно смеется, но тут же прикрывает рот ладонью: пятеро братьев пришли к великому князю Дмитрию, а возвращается он один.

— И много ль у Мамая добра взял?

— Заплатил ордынец дань хорошую, токмо кровью сыроядцев своих...

...А дорога вела все дальше и дальше, вела и лесом, и полями, казалось, и конца ей не быть. Может, не надо и печаловаться, развеешь ли горе думой? Смотри и смотри, как привечает тебя родная сторона, вольно раскинувшаяся, уходящая на полуночь лесными увалами. Бессчетно в них урочищ и весей. Развертывался в синеватой дымке весь обильный и могутный Залесский край, земли русских княжеств, подклонившиеся под руку великого князя Дмитрия. Обильны здесь и бобр, и куница, и хохуля, и лиса, и векша, и заяц. Стадами бродят вепри, жируя в дубровах. Об эту осеннюю пору стучат грозными рогами лоси. Заберешься в чащобу — не миновать встречи с топтыгиным. А в реках лови и осетра и стерлядку, не ленись закидывать невод почаще. Возле малых рек и великих, озер лесных стоят по холмам, да и в низинах, города и селенья. В водную гладь смотрятся и церкви, и терема, и палаты боярские, и избы простого люда.

И вот открылась излучина широкой реки. Миновали вои Котел, Данилов монастырь, села Хвостово и Колычево.

Вон догнали путников с нехитрой кладью. Есип Варфоломеев распознал в них земляков с новгородской стороны, но те роняли слова неохотно, и он подъехал к остроглазому отроку, назвавшемуся Васильком. Тот поведал, что все они плесковичи, каменных дел мастера, побывали и в Новом Торге, и в Нижнем Новгороде. Были в других городах. Но нигде не встречали ничего достойного сравнения с родным Плесковом иль самим Новгородом Великим.

Есип кивал согласио, а все же и улыбку прятал в рыжую свою бороду.

На левом берегу реки, на высоком холме, куда взбирался темнохвойный бор, показалась заметная издали белокаменная кладка неприступных стен с мощными угловыми и проездиыми башнями. И там, за стенами, виднелись купола белокаменных же храмов. На левый берег вел наплавной бревенчатый мост, скрепленный коваными скобами. Все вокруг было истоптано конскими копытами, валялась порванная сбруя, сломанные колеса, древесный мусор. В нос ударил тот особый запах лесной воды, что ощущается и у малого бегущего в чащобе ручейка.

Кони несмело ступили на осклизлые бревна наплавного моста, осторожно переступая ногами. Вода, журча, обтекала бревна: течение, видно, было сильным. И когда одно из бревен резко погружалось, фонтан брызг обдавал всадников. Но никто этого и не замечал. Все взоры устремлены были на белые кремлевские стены. И тот, кто узрел их впервые, и сами московичи шептали невольно: «Лепота!..»

Плесковичам и новгородцам странно было видеть в глуши лесной столь дивный город, о коем мало что и известно было.

— Вот она, Московь-от,— сказал Есип Варфоломеев Васильку-отроку,— чудо чудное. Сколь ни зорили враги, ни палили незапные пожары, а она все прирастает да прирастает слободами и монастырями. Как разуметь тако?

Есип всюду прошел, остер умом и всеведущ. Не раз ушкуйничал на Волге-реке, а узревши ее, человек в помыслах своих и речениях как бы вдвое мудрее становится.

— Зри, отроче Василько,— указал он плетью на северо-запад.— Отсюда путь лежит в наши новеградские да плесковские края. И все, разумей, по рекам и озерам, мало где волоком. А там,— взмахнул он рукой, сделав широкую дугу,— стольный град, коий сам Мономах ставил, того ради и имя ему дано — Володимер. Не бывал? Вельми красно украшен град тот. Зреть надобно... Ну а дале Волга-река, а по Волзе...— Есип прикрыл глаза, вспоминая свои ушкуйные походы,— путь до самого моря Хвалынского, и в Лукоморье, и к яссам.— Есип махнул рукой на заход солнца.— Там, сам разумеешь, Литва, тамо и немец сидит, и угры, и ятвяги, и другие латинские страны. Одначе и они путь на Русь держат, и тогда Московь не миновать. Ну и в Царьград...

Тут кони ступили на землю и, повеселев оттого, что нет под копытами более зыбких бревен, тронули рысцой. Непрерывно бежавшие с запада тучи вдруг разорвались широкой полосой, и с неба брызнуло золото лучей, пронизавших все вокруг. И вслед за тем, будто только и ждали такого знака, разноголосо, хрипло и звонко-пронзительно закричали петушиные голоса. Обрываясь в одном месте, этот дружный крик-призыв подхватывался в десятках других. И тогда стало видно, как широк и иеоглядеи город. Во-он там Глинищи, много левее и дальше Пески, а в другой стороне — Бор, Болото, Дубровы, Сады, Лужницы, Поляны... Урочищ много, и каждое дало приют то ли монастырю, то ли слободе, то ли имению. А сразу их и не приметишь: лес да рощи. Зато тут, на берегу Москвы-реки, близ кремлевской стены, и оживление и многолюдие. И челны, и лодии, и плоты. И ряды поставлены, торг идет бойкий.

Василько смотрел во все глаза. А спутники его уже подинмались на холм. Пришлось и отроку стегнуть конька.

Ближе к Кремлю дома стояли теснее, строились в порядок. Срубы высокие, бревна неохватные, сосиовые иль дубовые, иной раз и тесаные иа брусья или же тесом обшитые. Дворы крыты. Частоколы, заборы, ворота вельми крепки и иадежны. Не больно казисты дома, решил Василько, нет и деревянного узорочья, как у них во Плескове. Ан очелья окои украшеиы. Есип и тут подсказал: дескать, птицы Сирии, Алконост, кентавр, русалка. А этот всадник, поражающий копьем злого дракоиа — иечистую силу,— святой Егорий Храбрый. Ои и есть главный святой во граде Москве.

Дымы шли из труб. По-черному здесь не топили. И это на удивлеиие пришлось камеицикам-плесковичам.

Есип Варфоломеев повернул было коия вправо, где на взлобке стояли дома гостей новгородских да псковских, отчего и называлось место Псковской горкой. Но куда там! Все его спутники двинулись прямо к проездной Фроловской башне, видио, потянуло к себе иовоявлеииое белокаменное чудо.

У башни стояли несколько повозок, крытых иноземной тканью. Завидев князя Боброка с его кметями, от них отъехал высокий всадиик иа буланом жеребце, кутающийся в широкий греческий плащ-хитои. С гречином был толмач, да и сам Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский разумел немиого по-гречески. Чужеземец поведал, что пришли иа Москву торговые гости-сурожане, с иими и татарии, рекомый Буруичай, тож торговать вознамерился с Русью. Ои же сам изограф царьградский, именем Феофан, приглашен епископом иовгородским храмов тамошних ради росписи. И поиеже сурожские его зиакомцы оставались здесь, на Москве, просил обезопасить для иего тот долгий путь от лихих людей и других иапастей всяческих.

Боброк ответил, что торговым людям, откудова бы оии ии пожаловали, здесь всегда рады. Сурожане же, коль зла не замышляют, подобно известному Некомату, предавшему великого князя, особым почетом и привилегиями многими пользуются. А ему, изографу Феофану, иадобио держаться вон тех воев, чей путь лежит в Новый город.

Разговаривая с гречином, Боброк иетерпеливо поглядывал в стороиу великокняжеского терема. Но вот накоиец и резиое его крыльцо. Князь соскочил с коня, и через минуту к иему с рыданиями припали Анна Ивановна и Овдотья Дмитриевна, обе княгини в высоких киках и летниках.

Но ие успел Боброк и кольчугу снять, как перед иим предстал духовник великокняжеский Феодор, иастоятель Симоновского монастыря. Молча выслушал его князь, только все более и более сдвигал темиые брови. Резкие складки обозначились на лбу, пролегли от крыльев иоса к углам рта. Хоть воеводой на Москве ныие Свибл сидит, а решать все ему, Боброку...

4

Привязав коней и не успев даже трапезы промыслить, стали храмы кремлевские осматривать. И иа Новгородской земле соборы велики, чудесны, да стоят уже века, а здесь все новой постройки.

Если из Заречья на Кремль любо глядеть было, то здесь, на холме, только поворачивайся во все стороны. Взгляд далеко хватает. И все для Василько внове, все интересно.

И вои, и мастеровые давно уже занялись котлами, что остались в Кремле от воинства великого, собиравшегося за Дон несколько недель назад. Воду натаскали, огонь развели, благо и дров припасено оказалось вдосталь. От котлов и запах пошел дразнящий, а Василько все рассматривал настенные росписи в полумраке соборов. Привлекали краски яркие, лики суровые. И откуда знать отроку, что уж три десятка лет работают на Москве греческие мастера. Первых пригласил еще митрополит Феогност при дяде нынешнего великого князя Симеоне Гордом, прозванном так за самовластный, необузданный нрав. Хотел Гордый украсить, расширить град свой. Сам грек, Феогност выбрал лучших мастеров, смотрел за работой. В одно лето расписали они Успенский собор. И почти сразу же русские иконники, великокняжеские мастера, стали работать в храме архангела Гавриила — Архангельском соборе. Переняв кое-что у гречинов, применив по-своему, приступили к росписи храма Иоанна Лествичника «под колоколы», давшего чрез века начало колокольне Ивана Великого. Потом настал черед храма Спаса на Бору. В Чудовом монастыре, основанном митрополитом Алексеем, завели мастерскую иконописную. Божественные лики письма московского появились во многих краях земли Залесской.

Нет, не оскудела она переимчивыми и чуткими к красоте внешней и внутренней, сокровенной, иконниками и стенописцами. А ведь сколь много погибло мастеров и под копытами коней степняков-захватчиков, и в пожарах междоусобных бессмысленных схваток и угнано в полон на веки вечные изукрашивать узорочьем всяческим домы нечестивцев!

В храме Спаса на Бору увидел Василько того самого черного, как жук, гречина, что встретился давеча у Фроловских ворот. Он разговаривал с Есипом Варфоломеевым, но уже без толмача, и потому новгородец долго вникал в смысл греческих слов, повторяя их за изографом. Потом закивал головой, а увидев Василько, подозвал его.

— Вишь, гречин-от с нами вознамерился путь держать. Нужен гридин ему за конем досматривать и кладью. Гривну сулит. Аз на тя указал...

Василько чудно было глядеть на гречина. Он расхаживал большими шагами, зорко посматривая на стенопись храма, странно озираясь кругом и шепча незнакомые слова тонкими губами. Полы хитона развевались, как крылья. Пронзительным оком посмотрел он на Василько, будто укоряя или обвиняя в чем-то. Не по себе стало отроку. Большая внутренняя сила чувствовалась в этом человеке.

Но оказалось, не один он, Василько, наблюдал за ним. Рядом стоял и еще один отрок, сероглазый, с вьющимися русыми кудрями. Взглянул псковский подмастерье, и сразу пришелся он по сердцу. Молодость скора на дружбу. А здесь еще увидел Василько и взгляд лучистый, и лицо открытое, и улыбку добрую. И поведал знакомцу, что ездил с дядьями по городам разным ставить строения каменные, а сейчас возвращается в родной Плесков, заодно подрядился и за конем черного того гречина смотреть. И узнал, что знакомца нового Андреем зовут, что сын он суздальских служилых людей Рублевых.

Грамоте рано учиться начал, и легко давалась она. И когда в одночасье от моровой язвы умерли родители и братья старшие, взяли его в терем князей Суздальских читать после вечерней молитвы книги светские и духовные. Наезжавшая к отцу великая княгиня Овдотья Дмитриевна взяла двенадцатилетнего Андрея в Москву, уж больно нравилось его чтение, вдумчивое, разборчивое... А князь Дмитрий Иванович любил посылать его и за Бреньковым, и за Боброком, и за другими вельможами, чьи имения отстояли далеко от Кремля. Так что и стали его почитать гонцом княжеским, а иные и нарицать стали Андрей Гонец. Но не к этому всему стремился он душой. Тут Василько покликал Феофан, и не успел Андрей докончить рассказ свой. А побеседовать с Васильком Андрею очень хотелось, все чаще стал он задумываться о жизни своей.

Сначала в кремлевском Чудовом, а потом и в Симоновом монастыре процветать стало списывание книжное. Всячески князь Московский радел тому делу, хоть самому за походами недосуг было книгу раскрыть. Знал он, что истинная мудрость книжным делом крепка и государь праведный волен заботу о нем проявлять. Захаживал в клети, где трудились переписчики, наблюдал за работой.

Все дело поручил духовнику своему Феодору, который и назначал книги к списыванию. Он же, случалось, сам брался за перо и кисть. Феодор имел свои виды насчет Андрея, зря, что тому нравится эта непостижимо тонкая и таинственная работа.

Буквы устава ложились ровными строчками, они стояли каждая особняком, но, связанные невидимыми нитями с рядом стоящими, заставляли глаз бежать все дальше и дальше, извлекая сокровенный смысл. Вот только что кусок пергамента ни о чем поведать не мог. А побывав в руках скорописцев, становился кладезем премудрости.

Непостижимо! А по писаному мастера выводили киноварью, голубицей и охрой буквицы и заставки. Тут и не разумеющему грамоте становится многое понятным... И вот листы сшиты, переплетены богато. Книга родилась! Отныне она будет служить не одному поколению людей, пока не изветшают страницы вконец и не выцветут буквы.

Списано Пятикнижие Моисеево, Поучения Ефрема Сирина, Пандекты Никона Черногорца, «Стихирарь», «Лествица», псалтырь...

Феодор стал давать для переписки лист-другой и Андрею и очень хвалил за трудолюбие и усердие. А потом дал сработать Евангелие на харатье — пергамене телячьей кожи лучшей выделки — в одну двенадцатую долю.

Поучал Феодор:

— Вникай в смысл, отроче, писаний бо много, но не все божественны суть.

— Как узнать, что истинно, отче?

— Важно мысленное деяние, сердечное и умное. Телесное упражнение — только лист. Мысленное же — плод. Без внутреннего напрасно трудиться во внешнем. Тако глаголет Сергий Радонежский, тако просветил и меня, многогрешного, двунадесять лет бывшего иноком Свято-Троицкого монастыря.

Узнал потом Андрей, что дядей приходится Феодору Сергий и многие находят разительное сходство между ними. Сергий не раз

бывал в Чудовом, но так случалось, что в отлучке находился Андрей и не видел старца, о котором говорили с благоговением. Но вроде бы он столь же невысок ростом, как и племянник, благообразен, тихоречив и просветлен челом. Оба остры умом и добры сердцем. Схожи они и раденьем неустанным о Русской земле.

А Феодор вдругорядь заводил речь уж об ином. Говорил то ли свои, то ли Сергиевы слова:

— Каждый живущий на земле — человек божий. И не подобает наскакивать на себе подобных с укором ли, бранью. Преже воздвигни свою совесть к лучшему, и тогда, может, постичь удастся другого.

И еще говорил Феодор:

— Целомудрие и чистота не во внешней жизни только. Сокровенный сердцем человек всегда чистотствует от скверных помыслов.

В часы до вечерней молитвы он просил читать Кассиана Римлянина, Нила Синайского, Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова. Андрея все больше и больше притягивала иконописная мастерская Чудова монастыря. Его волновали запахи олифы и рыбьего клея. Кажется, взяв в руки кисть, он смог бы изобразить все, что видит внутренним оком своим. Может ли он вправду донести это до других? Может? Андрей не знал.

Он брал угль печной, чертил на плахе облик зримого, простое впечатление от предметов, людей, природы. Нужен дар божий. Бог внемлет уму в творениях рук человеческих. Так учит Феодор. Андрей видел зыбкую небесно-светлую красоту, которая жила пока в его воображении. Он привычно думал словами Феодора: «Каждому дню в вечности принадлежит свое место, и вечность должна отразиться в нем». Но как изобразить такое? Как?

А тут изографы-греки молвить стали меж собою, что едет на Русь Феофан некий. Быстра и сильна кисть его, а нарицали того Феофана дидаскос, учитель по-ихнему... Как не взглянуть глазом одним на него? Сейчас ушел, видно, к своим единоплеменникам в Чудов. Глаголют они, что чтить и трепетать господа надо. Что люди пред ним? Если ты прошел сквозь муки земные, грехи, присущие тебе от рождения, еще не искуплены, нет! Страшись и мук загробных.

Но и другое проступало в творениях гречинов. Лик пресвятой Девы с младенцем на руках полон бесконечной любви и скорби. И всеблагой нежности. И тихой умиротворенности. Не так ли мать родная земля-кормилица радеет и скорбит о сынах своих? А у тех, кто почитает родной Московскую землю, судьба особая, многотрудная, суровая, какую не всякий и вынести в силах. Ордынцы вздохнуть вольно не дают уж который год. Московичи во главе всех сил русских бьются с ними не на живот, а на смерть. Где же и черпать крепость и решимость, как не у матери родной земли?

Андрей вспомнил, как торжественно выносили из Благовещенского собора лик пресвятой Богородицы, который Дмитрий Московский взял с собой в поход на Дон. Как младенцу без матери, так и всякому русскому без земли материнской и живу не быть. Всяк сразу поймет такое. Воздохнув от сердца, постигаешь многое, недоступное человецям с черствым и каменным подобием души.

Андрей улыбнулся, вспомнив горящие любопытством неуемным синие глаза Василько. Смотрел он на Феофана как на занятного

человека. Он же, Андрей, знал о нем больше н ждал: что прннесет с собой дидаскос на Русскую землю? Хотелось пойти в Чудов, еще раз взглянуть на него. Но прежде надлежало подняться в покон к великой княгине Овдотье. Дмитрнй, отъезжая на Дон, наказал быть прн ней неотлучно...

По переходной лестнице он поднялся из храма в терем велнкокняжеский. В первых просторных покоях сидел на лавке в красном углу князь Дмитрий Мнхайлович Боброк-Волынский, а возле него — озабоченный чем-то боярнн Федор Андреевнч Свнбл, грузный, плотный, с растрепавшейся густой черной бородой. У Боброка чело тоже было нахмурено.

Феодор Симоновский стоял у слюдяного оконца. Увидев Андрея, он сделал ему знак остаться.

— Вот и Андрей Гонец,— просветлело лнцо Боброка.— От Ольгерда отсиделнсь,— повернулся он к Свнблу, вндно продолжая давно начатый разговор,— тож н ныне будет, коль Ягайла нагрянет. Стены Кремля крепкн, не по зубам н Ольгу... Одначе нельзя допустить супротнвников тех на Московскую землю... Нужно мнр водворить, да вот грех какой — мнтрополита Алексея-то нет более...

Боброк нннчего не прнбавил, но н не было в том нужды. Все трое хорошо поннмали, о чем речь идет. Да н Андрей помнил рассказы об Алексее.

Пятнадцать лет тому князь Дмитрнй Суздальский не поступнлся ннчем пред тезкою свонм, отроком тогда, князем Московскнм, не

признал за ним ярлык на великое княжение, занял было и стольный Владимир. Твердой рукой направил Алексей юного князя Московского против мятежника. Выгнали москвичи суздальцев из Владимира, но не стали на горло Суздальскому князю, позволили свободно владеть своей отчиной. И понял он, что на руку лишь ордынцам распря, и отдал за Дмитрия Ивановича дочь свою Овдотьицу. Славная свадьба гремела на Коломне!

Но тут междоусобие затеял брат Суздальского князя Борис. Не восхотел Москве покориться. Заперся поначалу в Нижнем Новгороде, а потом исполчил рать свою. И паки литься бы крови...

Тогда послал Алексей в Нижний Сергия Радонежского, повелел затворить все церкви. Грозное то слово произнес игумен Троицкий, и ничего не осталось Борису, как склонить голову пред Дмитрием Ивановичем.

И инако водворял мир Алексей. Никто не носит сейчас его мантию, хоть многие и домогались. Сергий же отклонил ту честь высокую, как ни просили его.

Думали все об одном и пришли к одному же. Боброк хлопнул себя по коленям, вставая, и подошел к Феодору:

— Кого возьмешь с собой, отче, Гонца? Ну тогда...— Князь взял за плечо Андрея: — Грозит нам беда великая. Коль награяут недруги, дам знать, скачи в Переяславль от Сергия, в вотчинных землях великокняжеских людей, сколь есть, исполчить тогда придется.

Пока седлали коней и подводили вместе с заводными игумену и отроку, Боброк огляделся и увидел новгородских ушкуйников, сидевших возле котла с варевом. Негромко сказал сам себе:

— Пусть пообождут град сей покидать...

5

Они миновали темные избы сельца Клементьева: ни проблеска в затянутых бычьим пузырем оконцах, ворота наглухо заперты. Шагом, чтоб уняли дрожь взмокшие, враз похудевшие кони, готовые уже вот-вот рухнуть на передние ноги, подъехали к речушке, перебрели ее и поднялись по пологому склону оврага. Спешились у ворот монастыря. Чернец-привратник сразу узнал Феодора, хотя тот был в широкой монатье и уже смерклось порядком. Массивные дубовые врата приоткрылись, они вошли в подворье, привратник принял коней и отвел их к коновязи.

Вокруг четверообразно стояли клети-келейки, многие уже изрядно поосевшие и почерневшие от непогоды. Но виднелись и новые строения, светившиеся в полумраке сосновыми стенами. Повсеглядно — прирубы, клети и клетушки, амбары, дворы для скота. Угадывались тропки, в разных направлениях пересекавшие густо затравевшее подворье.

А в центре, куда сходились все пути, высилась вровень с вековыми деревьями шатровая церковь, воздвигнутая во имя живоначальной Троицы. Храм был поставлен в виде восьмерика из огромных пятисаженных сосновых бревен с прирубным алтарем. С запада — тоже прирубленная — вместительная клеть — трапезная. А вокруг паперть в виде галереи. Тут же шестерик звонницы. Врата храма были открыты, внутри мерцал тускловатый свет лампад.

— Отошла поздняя обедня,—сказал симоновский настоятель,—а и в келье игуменовой светец не вздут...

Андрей огляделся. В обители шла размеренная, неторопливая жизнь. Монахи и служки заканчивали свои каждодневные дела. Кто рубил дрова, кто возился со скотиной, кто готовил бочки под капусту. Он увидел старца-инока в клобуке, несшего, согнувшись, две дубовые бадейки на коромысле.

— Вот игумен,—шепнул Феодор.

Сергий тоже заметил вновь прибывших и слегка наклонил в знак этого голову. Андрей поразился его сходству с симоновским настоятелем. Сергий подошел к большой бочке под навесом и вылил в нее содержимое бадеек, потом неторопливо стал отвязывать от них пеньковые веревья. Феодор и Андрей подошли под благословение. Сергий осенил их крестом и повернулся, приглашая следовать за собой. В безлюдной трапезной вздул светец, вышел на малое время и все так же молчаливо принес хлебенное, глиняную чашу ушного, берестяной туесок меду. Андрей тут же взял одну из принесенных Сергием деревянных ложек, принялся за ушное. Феодор же ограничился тем, что зачерпнул квасу из бочки, стоявшей в углу, пожевал хлеба.

— Отче,—сказал он,—из Рязани Софоний прибежал...

— Ольг...—полуутвердительно, полувопросительно отозвался Сергий, но по тому, как игумен сразу насторожился и придвинулся к племяннику, было видно, что он в этом не сомневается.

— Зло ко злу начал прилагать. Софоний сказал: «Стражбу земли Русской до сердца донести не может, умыслил злокозненное». Стало ведомо Софонию: рязанцы-де не рушат союзу с Ягайлом, хоть и отпали ныне ордынцы от того союзу. Мнит вместе ударить на Дмитрия Московского, пока великий князь сил не собрал новых после побоища за Доном. Даже Михайло Тверской, союзник верный литовский, свершить то страшится...

Феодор замолчал, стал как-то невзначай прихлебывать ушное, видно, только тут почувствовал, сколь голоден.

Опустела миска, опустел и туесок. Лес, обступавший их со всех сторон, шумел уже по-ночному, глухо и тревожно. Верно, разыгрывалась непогода, подошли осенние ненастные дни. Здесь, на самом Маковце, ветер заходил сразу с нескольких сторон и раскачивал вершины сосен все сильнее. Крупные капли дождя застучали по крыше, но шквалистые порывы разорвали и унесли дождевые тучи. Пламя светильника колебалось, и оттого огромные лохматые тени бродили по стенам.

Так бы сидеть и сидеть молча, отдаваясь своим мыслям, которые бежали, бежали, уводили куда-то... И казалось, трапезная, тихо покачиваясь, плывет во тьме.

Феодор вспомнил годы иночества. Игумен Сергий сам был первым работником во всех делах: плотничал, строил кельи, ограды, рубил дрова, носил воду, косил траву, копнил сено, молол муку на жерновых, пек хлебы, готовил просфоры, делал восковые свечи, шил одежду и обувь. Того же и от других послушников ждал. Приходило много народу, принимали всех без изъятья. Но много и уходило. И все ж монастырь рос, а слава Сергия ширилась. Но и праведная жизнь не сделала б его имя столь известным и почитаемым на Руси. Как и митрополит Алексей, он подчинил все помыслы

борьбе с Ордой. Освобождение Руси из-под ига стало смыслом его жизни. И влияние свое немалое на Дмитрия Ивановича употребил на то же: твердил великому князю, чтоб не уступал, а стоял против ордынских притязаний мужественно и крепко. Так же и всем князьям русским, и боярам поместным говорил. И сам первый в том пример показывал. Поездка в Нижний, усмирение князя Бориса Константиновича — малая толика тех деяний...

Феодор посмотрел на троицкого настоятеля, сидевшего задумчиво со сложенными на коленях руками.

Вот здесь, в этой трапезной, великий князь Московский Дмитрий с братом двоюродным Владимиром Андреевичем и немногими близкими князьями и боярами пред тем, как на Мамая выступить, отведали монастырского хлеба-соли. Может быть, в первый и последний раз трапезная наполнилась звоном оружия, зычными голосами воинскими.

Со всей пышностью и торжественностью отслужили потом литургию. Далеко из ворот монастырских вышел Сергий, провожая Дмитрия, напутствовал словами высокими, благословил на битву. Тогда же попросились в рать Дмитриеву иноки-богатыри Александр Пересвет да Родион Ослябя. И доблестию превзошли всех, и славою себя покрыли. Да не забудет их вовек Русская земля!

Феодор опять посмотрел на Сергия и подумал, что, верно, мысли их текут в одном направлении: оба они пытаются предугадать грядущее, ибо не отпадет напасть татарская сама собой, как короста оспенная, даже и после столь славной победы.

Симоновский настоятель поднялся с лавки поправить светильник. Встал и Сергий, начал прохаживаться по трапезной. Привыкнув за долгие годы отшельничества размышлять вслух, он и сейчас заговорил негромко, как бы сам с собой:

— Егда на корабле гребец ошибется, малый вред причинит плавающим; егда же ошибется кормчий, всему кораблю пагуба. Тако и князь, чинящий вред людям своим. Увещевать ли Ольга Рязанского? Как восприимет он глаголы о единомыслии, о единении Руси? Преложит ли свирепство свое на кротость, утишится, укротится ли? — Сергий с сомнением покачал головой. — Унять его может только сила или... или свои же, рязанцы. — Игумен троицкий посмотрел просветленно на Феодора и продолжал: — Знают везде в Залесской земле, что Мамай вспять обратился. Тако со всеми будет, кто на Русь пойдет. Пусть скажет о том епископ рязанский Еремей. Услышат его. А для князя Олега приидет день господень и суд.

— Кому ж в Рязань ехать, отче Сергие?

— Тебе, Феодор, с келарем монастырским Никоном. После заутрени. Ну а теперь помолимся, братие, за посеченных на поле Куликовом.

Они перешли в церковь Троицы, и только тогда Феодор вспомнил, что совсем забыл представить своего юного спутника.

— Отче Сергие, отрок сей Андрей именем, прозвищем Рублев, родом суждальской. Назначил ему князь Боброк ехать отсюда за подмогой в Переяславль, коль Москву осадят.

Видя, что Сергий внимательно смотрит на Андрея, который быстрым взглядом серых глаз поглядывал на висевшие в храме иконы, бессознательно подражая в том изографу Феофану-гречину, симоновский настоятель счел нужным добавить:

— Отрок Андрей вельми прилежен и способен к книжному списанию, да и изографом стать может.

Сергий хорошо знал, что тут уж Феодор не ошибается, понеже сам в искусстве иконописном преуспел знатно. Он еще пристальнее всмотрелся в отрока. Потом сказал:

— Обитель наша велика стала, ликов же божественных скудно весьма. Прибился к нам иконник изрядный Прохор с Городца. Но нужен ему помощник и ученик.

Андрей не знал, что и сказать. В полной растерянности переводил он глаза с одного святого отца на другого. Поняв его состояние, Сергий сказал:

— Не торопись ответствовать, отроче. Согласуй преже с разумом и сердцем своим.

Помолчав, тихо добавил:

— Путь-то долгий предстоит...

И трудно было понять, относится это к поездке ли Андрея, к судьбе ли отрока.

Ожидая возвращения Феодора, Софоний спал урывками, ел то, что приносили служки. Стопка исписанных листов росла. Пришло спокойствие, мысли обрели стройность. Он обнимал мысленным взором длинную вереницу годов, приближая к себе далекое прошлое.

И тогда, как бы став на крутой вершине, он еще более восхитился свершенным великим князем Московским и всей силой его.

Время от времени пробегал глазами написанное. Строки любимых, не раз, не два читанных книг вдруг всплыли перед ним. И то, что писал иерей, теперь тесно переплеталось с этими крепко запавшими в память строчками.

Слово ложилось к слову, и возникало вроде бы строение дивное, храм, воздвигнутый во славу Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича. Но нет, понял Софоний, не только князей этих, но и всей земли Русской.

Славен древний град Киев на Днепре, славны киевские князья Рюриковичи. Много дел славных осталось по ним, летописи глаголют о том. Но не стало меж Рюриковичами согласия, и вот уже половцы празднуют победу над Игорем. А потом и татары одолели. Совсем невесело стало на родной земле. Ту́га и печаль.

Настала пора ныне возвеселить ее. С новой силой вспыхнуло у Софония чувство, что пришла весна, и пусть зазвенит жаворонок, красных дней утеха. Пусть взлетит под облака, увидит град Москву. Печален Игоря поход, но радостен Дмитрия. Как и скорбную песнь о судьбе Игоря, он наполнит свои страницы ржанием коней, звуками труб, звоном колоколов, опишет трепетание стягов, блеск доспехов. Восплакать надобно вместе с женами московскими, коломенскими, дмитровскими об их мужьях погибших. Но и поведать надо всем, потомкам даже отдаленным, о сече великой на поле Куликовом, на речке Непрядве.

...А было это побоище в лето шесть тысяч восемьсот восемьдесят восьмое от сотворения мира, от рождества же Христова — в одна тысяча триста восьмидесятое, от начала же Русской земли — в лето пятьсот сороковое.

Погрузившись в работу, Софоний ушел и от всего внешнего мира, совсем забыл, зачем приехал в Симонов монастырь, о своей бешеной скачке, собственно, перестал ждать и Феодора. Все отодвинуло, все заслонило собой творимое им «Слово».

И когда в неурочный час раздался колокольный звон, Софоний поднял от стола с недоумением голову и прислушался. Что это? Зачем сзывают народ? И, оглядев стены кельи, сразу все вспомнил, неуемная тревога заставила его выскочить одним духом за дверь. Сомнений нет! Олег ли, Ягайла ли, оба ль вместе, откуда-то грядет враг. Своего коня иерей нашел сытым, отдохнувшим за несколько дней. Он встретил хозяина довольным ржанием. Софоний быстро выехал за ворота.

Здесь, в Заяузье, лес, подступавший к самой Москве-реке, казался особенно густым и темным. Но с высокого левого берега, по которому вилась торная песчаная дорога, хорошо были заметны многочисленные тропы и стежки, сбегающие к бродам на Яузе.

Софоний нещадно нахлестывал коня, обгоняя и пеших и конных. Но теперь он постепенно стал различать, что вместо всполошного набата из соседних Андроньева и Данилового монастырей, с Крутицкого подворья, из далекого еще Кремля плывут равномерные, полнозвучные удары колокола. Казалось, они догоняют и перегоняют друг друга и не замирают, а лишь уносятся в дальние дали...

Чем ближе к Яузе, тем реже становился лес, и там, где у самого ее устья был сооружен деревянный мост, Софоний увидел строения. И тут из-за поворота дороги показался частокол копий. Шлемы с алыми еловцами, доспехи сверкали на солнце. Он сразу узнал ехавшего впереди князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского, опоясанного широким мечом, в золототканом парадном плаще. С ним-то, наверное, более всего и хотел свести счеты Олег Иванович. Ведь никто иной, как Боброк, пять лет назад разбил рязанцев, когда Олег восхотел «повязать москвичей голыми руками». Боброк и удельного князя Пронского сажал на стол Рязанский. Помнят, помнят князя на брегах Оки. Его полк решающий удар нанес Мамаевым сыроядцам.

Белый конь князя грыз удила, но, повинуясь поводьям тугим, гордо вскинул голову, перебирал тонкими ногами.

Софоний посторонился, пропуская дружину. Вон выстраивались в несколько рядов на берегу Яузы. Подъехали возки. Вышли великая княгиня Овдотья Дмитриевна, литовка Марья, супруга Владимира Серпуховского, другие жены воеводские и воинские. А народ все подходил и подходил. Со стороны Андроньева монастыря показался крестный ход с хоругвями и иконой божьей матери. Софоний медленно пробирался в толпе и вдруг осадил коня, носом к носу столкнувшись с симоновским настоятелем Феодором. Рядом на молодой каурой кобылке ехал отрок Андрей, которого рязанский иерей не раз видел в Чудовом монастыре за перепиской книг священных. Они так бы и проехали мимо Софония, увлеченные беседой, если б его конь внезапно не заржал. На этот призыв отозвалась лошадь симоновского настоятеля. Он увидел Софония, и его суровое лицо потеплело.

— Здоров будь, отец Софоний,— сказал он,— все ли мирно в нашей обители?

— Слава богу, а как...— Софоний не договорил, у него все еще от пережитого волнения стучало в висках.

— Олег Рязанский,— с ударением сказал Феодор,— имел наготове рать и хотел уж воинственность свою показать. Теперь же отбежал, одинокий, от града своего Рязани к другу новоявленному Ягайле Литовскому.

— Одинокий...— повторил Софоний и посмотрел вверх, куда были устремлены серые глаза Рублева.

Там, в вышине, радуясь осеннему солнечному дню, вольно кружили голуби. Андрею казалось, что и он парит, как птица. На душе было светло и спокойно. Очень тянуло к краскам, и он уже знал, что поедет к Сергию.

Феодор стал подробно рассказывать Софонию, как епископ рязанский Еремей отслужил молебен за победу русского оружия. А перед началом торжественного богослужения в присутствии всего причта обратился к собравшимся несчетной толпой рязанцам. Сказал, что настал великий час единения Руси и никогда не обретут рязанцы желанного покоя, коль будут этому супротивничать... И обратился гнев народный против князя злокозненного...

Молодой кобылке Рублева надоело стоять на одном месте, она начала подкидывать задом, видно, хотелось ей в этот погожий день вволю побегать, порезвиться. Андрей потрепал ее по шее, успокаивая, и тут увидел в толпе плесковича Василько. Подмастерье, как всегда, посматривал по сторонам любопытными глазами. Андрей привстал на стременах и радостно замахал знакомцу.

А над Кремлем, над рекой, над посадом, над слободами и монастырями, над садами и рощами, лугами, огородами и полями торжественно плыл колокольный звон.

Москва встречала Дмитрия Донского.

БОРИС НАКОНЕЧНЫЙ

ВЬЮЧНЫЕ ЛОШАДИ

Рассказ

Поисковые и съемочные партии в малообжитых районах используют теперь вертолеты и вездеходы, а вьючный транспорт уходит в прошлое.

Еще совсем недавно в этих партиях верой и правдой служили лошади, и порой печально очень становится, что их не будет рядом, настоящих товарищей таежных троп.

Нас было слишком мало, чтобы выделить кого-то специально для ухода за лошадьми, и поэтому каждая из них демонстрировала собственный характер, а все сообща — нрав полудиких сибирских лошадок, которые летом, в ту самую пору, когда топографическая партия арендовала их, должны по праву ходить в табуне и набирать жир для зимней деревенской работы. Нас было четверо, а дел на съемке местности много: измерения с помощью теодолита, мерной ленты и нивелира, потом вычисления; носили рейки, прорубали просеки-визирки, варили ночью кашу с тушенкой; закладывали геодезические реперы; выполняли другую работу, которую делили между собой, невзирая на чины и разницу в возрасте. Но самое тяжелое — переходы по тайге со всем экспедиционным имуществом и продуктами.

Трудности начинались с самого утра, когда дежурный, похожий на странное зеленое чудище, выползал из мокрой от росы или дождя палатки, принимал вертикальное положение и, поворачиваясь с приставленной к уху ладонью то в одну, то в другую сторону, пытался услышать звон колокольчиков в тайге сквозь комариный монотонный гул. Если к тому времени спутанные кони не были на пути к деревне, где до этого обитали, а колокольчики и ботала на

шеях былн слышны, то еще могло повезти: существовала некоторая вероятность, что мы поймаем н оседлаем наших приятелей, навьючим сумы со снаряжеием и таким образом прнспособим к делу. Но добиться этого было трудно, даже если кони мирно паслись у самого лагеря. Беда в том, что вьючиые животные ни за что не хотели прнступать к исполнению своих обязанностей, старались избежать этого всеми известными им способами: кусалнсь, лягались, подставляя зады вместо голов, давали стрекача по направлению к родной деревне, н, что было хуже всего, прнходилось тратить драгоценное рабочее время на то, чтобы догнать беглецов и вернуть в лагерь.

Поэтому тот, кто первым вылезал утром нз палатки, должен был прнмеиять своеобразную тактику. Оставаясь на месте, ои старался ие делать резких движений н начинал прнветствовать друзей с колокольчиками ласковым, вполне добродушиым тоиом, в котором не слышалось никакой заинтересованиости ко взаимному сближеиию: «Прнвет, одры! О-о-одры, это я! Здра-а-а-сьте! Ну как, не сожрал вас медведь за иочь?..»

Так приходилось поступать потому, что изучающе смотревшие нз чащобы лошадки могли в любой момент, мотнув головой н всхрапнув (тем самым давая понять, что они чем-то напуганы), развернуться в сторону родного дома н поскакать по тайге через валежины, круша по пути иебольшие деревца, обрывая путы. Тогда ищи-свищи их, теряя дни. Вот и прнходилось, не делая больших пауз, все время кричать: «Одры-ы-ы, одры-ы-ы! Это я, ваш хозяин!.. У меня корочка есть и суха-а-арнк! Черт бы вас побра-а-ал!..»

Всячески заискивая, колотя себя кулаком в грудь н потряхивая пустым мешком, человек прнближался к лошадям. Они давио зиалн, что в мешке ничего нет, ио по старой памяти иадеялись на вознагражденне, нх грызлн сомнеиия. Оии стояли и раздумывали: пугаться или нет. А когда к лошадям подходили поближе, они понимали, что бежать ие имеет смысла, это было бы слишком бессовестно. Ведь уже ясно, что это один из хозяев; теперь все попытки увильиуть от работы ограничивались тем, что вьючные животные крутились, пряча головы и подставляя зады, н тут иашего брата подстерегали совсем другие трудности.

Вдали они были некой общей массой, н надо было учитывать общую психологию стада. При непосредственном общении требовалось знать индивидуальные особенности. Здесь главное состояло в том (это мы постигли на горьком опыте), чтобы поймать меланхолнческого настроения кобылу по имени Пигалица, которая прятала голову меж двух других лошадей, а те ее всячески прикрывали. Но стоило изловчиться и положить узду или хотя бы хворостину на шею Пигалице, дело было сделано, она принципиально считала себя пойманной. Остальиые в конце концов тоже сдавались, ио вот если первой ловили ие ее, то занятие это становилось очень долгим, утомительным н даже опасиым, ибо две другие лошади, Бульдозер н Мазай, долго сопротивлялись и отчаянно брыкались. Но сбежать без Пнгалицы—такого они себе позволнть не могли.

Пойманый Бульдозер желал, чтобы седло подносили иепременио к его голове и давали обиюхать потник, иначе конь таращил глаза, вставал на дыбки, днко храпел и рвал поводья, опасно перебнрая в воздухе ногамн. Мазай же вскоре переставал горячить-

ся, но ждал, когда человек потеряет бдительность и появится возможность лягнуть или укусить его, причем хватка у Мазая была прямо волчья. В конце концов он делал вид, что смирился, и действительно успокаивался, давал положить на спину седло, но только для очередной уловки: надувался, чтобы не дать затянуть подпругу, и в это время даже не дышал. Обман только и можно было разоблачить, дав пинок под брюхо, подпруга тут же ослабевала; в это мгновение надо было не зевать и мигом подтягивать пряжку на три дырочки, иначе взбрыкнет, лязгнет зубищами и снова надуется с хитрым и вызывающим видом. Но если навешаны на крючья вьючные сумы, тогда все: Мазай становился бесценной для тяжелой тропы лошадью; коренастый, крепкий на ногах конек, сколько ни нагрузишь на него — везет.

Лучше всех управлялся с ними старый Архип Петрович, он общался с каждой на каком-то непонятном диалекте, некоторые созвучия немного напоминали французский язык. «Мц-мц. Вьё-ёу! Вьё-ёу!» — говорил он. Лошадь внимательно слушала его, но ничего не предпринимала. Тогда Архип Петрович вносил разъяснения посредством каблуков, что было, очевидно, понятнее, поскольку лошадь брала с места галопом, подбрасывала вьюки и Архипа Петровича.

У старика часто болели ноги, вот он поверх вьюков и садился; гора получалась, с боков вьюки на крючья навешаны, выше — тюки с продуктами, спальные мешки, все накрыто палаткой и перевязано вьючной веревкой, только голова впереди и хвост сзади торчит; на верх этой горы еще и Архип Петрович взобрался. А лошадка тянет. На переправах через реки Архип Петрович с вьюков не слезал и больные ноги повыше на конскую шею устраивал. «Ему,— говорит,— под грузом лучше, течением не снесет!»

Со стороны смотреть — отчаянное это дело; как только две другие лошади перебрались, старик бодро кричит напарнику, который под уздцы Мазая держит: «Пуща-а-ай!» Мазай ногами перебирает, не хочет от компании отстать, да напарник Архипа Петровича (совсем мальчик, школьник) оробел что-то и повод не отпускает: «Архип Петрович, т-того, захлебнется, н-н-е спеша, может?» «Пу-у-щай!» — раздается в ответ. Теперь глаза закрывай, у кого нервы слабые. Мазай зубами на ходу — щелк! — и с размаху в воду — бу-ух! Ноздри повыше держит, только и видно брызги и водяную пыль. Архип Петрович с трубочкой своей, как шах на слоне, восседает, а конек вроде подводной лодки. Но нет, удержался на ногах. Двигается гора имущества наискосок к течению, даже против течения забирает; видно, лошадка понимает, как лучше брести.

С другими лошадьми случалось всякое, а Мазай — надежный; ни разу не бывало, чтобы в болоте застрял или течение его сбило. Однажды мы видели, как он пытался перейти мелкий ручей по бревну вслед за Архипом Петровичем. Ходил «таежный корабль» за другими лошадьми самостоятельно. Повод за шею обмотают и пустят, он идет. Если меж двух стволов вьюки не проходят, он голову поворачивает, оглядывается и назад сдает, потом сам проход находит в стороне от тропы и рысцой отряд догоняет.

Бульдозер, что впереди Мазая ходит, другого нрава. Как только вьюки застрянут, силой берет. Нажал и прошел, а вьюки на деревьях оставил; деревцо на пути попадет — не свернет, грудью ломает.

Молодой он и пугливый. Пока караван движется, помощник топографа Володя рябчиков стреляет. Как пальнет сзади, Бульдозер с испуга своего проводника в спину толкает, пританцовывает, тот распластается на тропе в грязи, повернется лицом кверху и... видит конское брюхо. Бульдозер стоит покорно, ждет, когда проводник встанет. «Слушай,— кричит проводник Володе,— сколько ты палить будешь? Добыл ли хоть одну птицу?»

«Да упала вроде...»

«Вроде, вроде... Чего зря палишь?»

И точно, рябчиков весь день стреляет Володя, весь день Бульдозер мальчишку-проводника в грязь толкает, а вечером из одних консервов похлебку варим.

Пигалица слабая, много ли на нее нагрузишь? Мазай надежен — на него точные инструменты и сахар, а на Бульдозера — самое тяжелое: муку, крупу, консервы, мерные ленты, штативы, трубы реперов и другой металл. Лошадь старательная, но груз большой, а опыта маловато. Вот застрял как-то в болоте — дело гиблое: разрезали вьючную веревку, сняли поклажу, отцепили вьюки, что сверху оказались. Один за узду его тянет, двое — за хвост, и он помогает, выбраться хочет; мошка и комары облепили, кровь сосут, а он только больше зарывается, бедняга. Положили бревно, повалили березу — рычагом подваживать. Мы нажимаем на вагу, трясина проседает, Бульдозер кряхтит, бьет головой в болотную жижу, брюхо лишь чуть-чуть приподнимается. Бульдозер тяжко вздыхает. Сделали веревочную упряжь, запрягли Пигалицу и Мазая, давай вытаскивать упряжкой — нет, не получается. Мучились до полуночи — одна голова из трясины выглядывает, тяжело лошадь дышит. Пристрелить собрались. С утра решили еще помыкаться, если живой останется. Поставили палатку — и, не раздеваясь, спать! Утром смотрим: что за чудеса? Все три лошади пасутся. Как он выбрался, так и осталось для нас тайной.

И вот была еще загадка: почему Мазай с Бульдозером не хотели идти впереди, а за Пигалицей хоть куда: по болоту, по льду, вброд через реку. Она шествовала впереди маленького каравана, раз зауздали — шла за проводником куда угодно. Она была единственной «дамой», возможно, этим и объяснялась верная привязанность к ней двух других лошадей; никакими особыми достоинствами Пигалица не отличалась. Архип Петрович говорил, что эта кобыла на ходу куплеты сочиняет, и точно: ходила она, уронив голову на грудь; судя по всему, у нее была натура чувствительная, потому, наверное, и отличалась неудержимой тягой к родному дому. Она уводила лошадей к деревне из любого места тайги, как по компасу, а без нее они на это не отваживались.

Поздней осенью, когда землю припорошило снегом, двух лошадей приходилось поочередно привязывать в лагере, а одна в это время выкапывала из-под снега корм копытами. Предстоял последний большой переход — на базу партии. Когда Пигалицу отвязали кормиться, она сбежала; след вел, конечно, в сторону родного табуна, в деревню. Помощник топографа Володя и Архип Петрович взяли ружье, котелок, немного продуктов (на случай, если придется заночевать) и двинулись за беглянкой. Пигалица дошла до Енисея, спустилась на обледенелый берег. Здесь в сумерках преследователи ее след потеряли. Они принялись готовиться к ночевке, выбрали

удобное место, где стояли хорошие сухостойные деревья. Одно Архип Петрович стал валить топором для ночного костра, а Володя спустился к Енисею зачерпнуть воды. Он дошел до края забереги, нагнулся и тут услышал, что сзади шуршит галька. Обернувшись, увидел медведя, который брел к нему. Володя поставил котелок и снял со спины ружье. Ружье было одноствольное, то самое, с которым он охотился на рябчиков. Мы не раз наблюдали, как он приставлял тонкий ствол чуть ли не к хвосту доверчивой птицы — промахнуться было просто невозможно, но вот раздавался выстрел — и, к превеликому удивлению охотника, рябчик, отчаянно вереща, улетал в темный ельник. «Все дело,— утверждал Володя,— в неправильном соотношении пороха и дроби». И он подбирал заряды в течение всего сезона. Короче, ружье было слабой защитой. И тем не менее Володя не растерялся. Спокойно держа ружьишко наизготовку, спустился с забереги в воду и забрел в нее по колено, надеясь, что зверь не пойдет в реку. Но косолапый ковылял по забереге, ревел, поднимался на дыбки и тоже влез в воду. Володя стоял уже по пояс, вода была очень холодной, тело резала шуга, которая шла небольшими полями, но он ждал, прижимая к плечу приклад, не раздумает ли зверь идти на человека. Володя подпустил зверя на четыре метра и выстрелил. Медведь стал взбивать лапами воду и реветь, а Володя бросился по течению, взбежал на берег, к костру. Вдвоем с Архипом Петровичем они держали огонь целую ночь, а на следующий день возвратились в лагерь.

Позже деревенские охотники по нашим рассказам выследили этого опасного зверя и добыли его. Он отошел от места встречи с Володей метров на триста и залег за валежиной, у него оказались выбитыми оба глаза. А причина его злобы в том, что он был ранен в левую ягодицу до встречи с Володей, старая рана гноилась и не давала залечь в берлогу.

Но интересно другое: Володя с Архипом Петровичем пришли в лагерь к обеду, а Пигалица вернулась часа на три раньше, чему мы немало удивились.

На следующее утро все три лошади были навьючены в последний маршрут, к деревне. Продукты были на исходе, но все равно поклажа оказалась очень тяжелой: прибавилось еще имущество и снаряжение подсобных биваков, которыми пользовались от случая к случаю.

Тайгой и по забереге мы пробирались вдоль Енисея; по забереге лошади шли быстро, но копыта на молодом льду часто разъезжались, и надо было мигом подставлять под вьюки с одной и с другой стороны свои плечи, чтобы лошадь, падая, не сломала ногу.

Пожалуй, это был самый изнурительный переход. Когда мы пришли к деревне, тут же сбросили поклажу на землю и разожгли по договоренности с начальником партии два костра, чтобы наутро за нами пришла большая лодка. На этой же стороне реки стояли стога сена, уже заснеженные, здесь ходил колхозный табун, но лошади наши совсем обессилели. На привалах во время перехода они ложились с вьюками и не вставали, но и мы вымотались. Ночью мы тушили спальный мешок Архипа Петровича: загорелась вата, а он спал. Пришлось буквально вытряхнуть его из мешка, а ватный мешок бросить в воду. Архип Петрович так и не проснулся.

Лошади грызли ветки кустов, не отходя от лагеря, утром стояли кучкой у сваленных грудой вьючных седел. Это было жалкое зрелище: сбитая холка Мазая, выпирающие ребра и безвольно отвисшая губа Пигалицы, торчащие мослы и гноящиеся раны Бульдозера.

Мы погрузили вещи в большую деревянную лодку, которая приплыла с того берега, и попрощались с лошадьми. Архип Петрович взялся довести их до табуна. Он сел на Пигалицу, свесил по одну сторону ноги, ткнул ее в бок каблуком сапога: «М-мц. Вьё-ёу!» Лошади стояли и смотрели на нас. Лодка отплыла.

Вот и кончились полевые работы.

...Спасибо, братцы, товарищи тяжелых троп! Прощайте, друзья! Нет, до встречи! До следующего сезона!

ВЛАДИМИР БАРДИН

НА ОСТРОВАХ ОТЧАЯНИЯ

Очерк

Само название «острова Кергелен» таит в себе какое-то очарование... И все же если существует неблагодарная и негостеприимная земля, то именно острова Кергелен.

Э. Обер де ла Рю

Уже несколько дней, как, следуя на юг, теплоход «Башкирия» миновал траверс мыса Игольного, южную оконечность Африканского материка. Мы вошли в знаменитые своими бурями широты — «ревущие сороковые», но океан выглядит сонным, волны ворочаются нехотя, и качка почти не ощущается.

С утра за кормой парят несколько гигантских птиц. Размах их крыльев не менее полутора метров. Это странствующие альбатросы. К вечеру приходит сильная зыбь, отголосок дальнего шторма.

Я поднимаюсь в каюту капитана. Это мой первый визит за месяц совместного плавания. На судне капитан — лицо особое, для пассажиров нередко даже окруженное таинственностью. По прошлому опыту знаю: не проявишь инициативы, хорошо если за весь рейс два-три раза увидишь его, да и то на расстоянии. Без дела, конечно, к капитану идти не следует. Но у меня есть повод — хочу узнать подробности о предстоящем заходе на острова Кергелен.

Капитан — человек приветливый, держится просто. Невысокий, плотный, не старше 45 лет, он нисколько не походит на матерого морского волка, скорее наоборот, в нем преобладают черты сугубо сухопутного человека. И начинается наш разговор довольно прозаично: с сетования на «проклятые болезни». Капитану принесли стакан теплого молока, и он несколько смущенно объясняет, что ему

предписана строгая диета: перед самой экспедицией перенес желтуху, да к тому же нет-нет и даст о себе знать застарелая язва. Эта болезнь мне тоже хорошо знакома. Поэтому разговор сразу становится непринужденным.

Из-за перегородки, отделяющей спальное помещение капитанской каюты от кабинета, неожиданно вылетают две канарейки. Одна садится капитану на плечо. Птицы — подарок маленькой дочки. Они свободно летают по каюте, но сейчас пришло время устраиваться на ночлег, и хозяин сажает своих питомцев в клетку, завешивая ее куском материи, чтобы птицам не мешал свет лампы.

Для «Башкирии» рейс с участниками Советской антарктической экспедиции не в новинку, но на острова Кергелен судно раньше не заходило. На этот раз они оказались почти по курсу, и поэтому решено было попытаться запастись тут пресной водой, ведь предстоит длительное плавание вдоль берегов Антарктиды.

Чувствуется, что предстоящий визит капитану не по душе: подходы к островам исследованы плохо, глубины на картах показаны неточно. Опасаясь, что капитан может отказаться от захода на Кергелен, я спешу заметить, что этот архипелаг еще с прошлого века служил базой многочисленным промысловым экспедициям, добывавшим тут китов и тюленей.

— Так-то оно так,— невесело улыбается капитан.— Только разве можно сравнивать мелкие промысловые суда с нашим лайнером? Да и то, почитайте лоцию, сколько здесь разных суденышек затонуло, до сих пор у берегов видны следы кораблекрушений.

Мне ничего не остается, как согласиться. Я читал о неожиданных шквалах у здешних берегов, они представляют немалую опасность. А в некоторых проливах архипелага — того хуже: не исключена возможность напороться на мину. В годы второй мировой войны англичане кое-где минировали подходы. Фашистские военные суда все же здесь побывали, причем один из них хотя и не подорвался на мине, но получил серьезную пробоину, наскочив на подводную скалу. Минированные участки обозначены на специальных картах. Становиться на якорь там не рекомендуется. Впрочем, капитану обо всем этом, конечно, известно. Лоция — своего рода энциклопедия моряка, в ней собраны всевозможные сведения, необходимые в плавании.

Интерес к Кергелену — группе островов, лежащих в Южном океане у 50° ю. ш.,— возник у меня не вдруг. Еще в 50-х годах, в пору первых советских экспедиций в Антарктиду, мне случалось не раз проплывать мимо архипелага, однако курс благоразумно прокладывали на почтительном расстоянии от опасных берегов. А между тем с природными условиями архипелага, лежащего на границе умеренного климатического пояса и Антарктики, было бы весьма полезно ознакомиться географу, исследующему южную полярную область.

Я особенно заинтересовался Кергеленом, прочитав книгу известного геолога, швейцарца по происхождению, Э. Обера де ла Рю*, участника французских экспедиций на острова в период между 1928 и 1953 годами. По его мнению, природа архипелага неповторима.

---

* *Э. Обер де ла Рю.* Два года на островах Отчаяния. Изд-во географической литературы. М., 1957.

Капитан не слишком обнадежил меня, сказав, что мы непременно зайдем на острова при хорошей погоде. Но на погоду в этом районе трудно рассчитывать. Обер де ла Рю, описывая здешний климат, употреблял в основном отрицательные эпитеты: ужасающий, мерзкий, отвратительный, подчеркивая, что ясные, безветренные дни здесь — великая редкость.

Смеркалось. За иллюминаторами океан становился темно-синицовым. Ничего не предвещало хорошей погоды на завтра. Капитан пригласил меня на ходовой мостик: подошло время определяться. Процедура эта не хитрая, но мне, как человеку сухопутному, она всегда представлялась чем-то особенным. Да и сами моряки выполняли ее с увлечением.

Секстаном нужно «поймать» две-три звезды под углом не меньше 30° к горизонту и на месте пересечения их азимутов, которые находят в специальном каталоге по отсчетам времени наблюдения и величинам углов, засечь точку. Она и дает истинное местонахождение судна, его координаты на данный момент. Ловить звезды возможно только в сумерках, когда еще видна линия горизонта.

Мы стоим на правом крыле мостика. Уже ничто не напоминает о тропиках. Над нами проносятся рваные холодные облака. Дует напористый ветер. Судно, словно осознав, в каких широтах оно находится, все с большей почтительностью раскланивается с волнами. Капитан поеживается на ветру и в конце концов, оторвавшись от секстана, посылает матроса за меховой курткой.

Мне не удается различить в облачном небе ни одной звезды, но наметанный глаз капитана, облачившегося в теплую куртку и сразу повеселевшего, ловит Венеру. Она то появляется, то пропадает в облаках. Одновременно ту же операцию пытаются выполнить старпом и вахтенный штурман. Идет настоящая охота за звездами.

Поймав Венеру, капитан нацеливается на то место, где, по его расчетам, должно быть созвездие Андромеды, но тщетно: оно скрыто в облаках. Тем временем сумерки сгущаются и небо на горизонте сливается с поверхностью океана.

— Фокус не удался, — без особого, однако, огорчения констатирует капитан. — Повторим операцию завтра на рассвете.

Старпом и штурман, также не добившись успеха, откладывают инструменты.

Заходим в радиорубку за новостями. Связь с Москвой, до недавнего времени прямая, сейчас идет через радиоцентр нашей главной антарктической станции — Молодежной. До нее, однако, не близко: почти полторы тысячи миль. Радист в наушниках отрицательно качает головой и разводит руками.

В штурманской, расположенной рядом, я, воспользовавшись присутствием капитана, снял с полки том морской лоции и, расположившись у стола, где штурман прокладывал курс, принялся за чтение. Проходивший мимо старпом недовольно взглянул на меня. Его взгляд был достаточно красноречив: он не выносил посторонних в служебных помещениях. Но нет более увлекательного чтения, чем морская лоция, — от нее просто невозможно оторваться.

Одно только перечисление мысов, бухт, проливов, островов звучит, как музыка: полуостров Жанн-д'Арк, остров Кармен, бухта Воскресенье, проход Газель, якорное место Ролан-Бонапарт. А сам лаконичный стиль лоции, морская терминология! Если

Скалистый берег Кергелена

добавить хоть толику воображения, например: «Гавань Иль расположена между островами Норд, Ша, Симетьер и Кошон. Проходы, по сведениям 1941 г., заросли водорослями. Вблизи северо-западного берега о. Ша лежит затоиувшее судио с частями над водой. Гавань является бывшим опасиым от мин районом».

Нет, здесь нам явно не удастся побывать, наш капитан не станет рисковать судном. Тогда, может быть, здесь?

«Бухта Газель — одно из лучших убежищ для судов в районе островов Кергелен. Здесь водится много кроликов и гнездится большое количество морских птиц. В бухте можно принять пресную воду; она поступает по трубопроводу от водопада, который находится в 5 кабельтовых от берега. На северном берегу бухты Газель, у каменистой пирамиды высотой 3,7 м, был оставлен запас продовольствия для потерпевших кораблекрушение, но в 1941 г. никаких признаков этого запаса не обнаружено». Сюда заход тоже проблематичен: не известно, действует ли сейчас трубопровод. Судя по всему, лоция дает сведения, относящиеся к довоенному времени.

Следующая информация более оптимистична:

«Водопад Лозер ниспадает с северного берега бухты Хопфул... Здесь легко набрать пресной воды, ошвартовавшись у скал водопада, глубииа у скал 7 м. В скалах закреплено металлическое приспособление для крепления швартовов. Против водопада на глубине 20 м можно стать на якорь, здесь выставлена швартовая бочка, это якорное место хорошо защищено от северных и западных ветров».

Что ж, возможно, нам пригодятся эти ценные сведения. Однако во всех случаях надлежит прежде всего представиться хозяевам этих мест. Острова Кергелен находятся под суверенитетом Франции,

иаучиая станция Порт-о-Франс расположена иа юге острова, в заливе Морбнан. Вот уж там, если погода будет благоприятствовать, мы обязательио побываем.

Больше часа я просидел в штурманской, почерпнув массу любопытиых сведений: о количестве островов в архнпелаге — их более трехсот; о горах, высота которых достигает почти 2000 метров, о местных лединках, кое-где рождающнх свои собствеиные, кергелеиские айсберги; о растительности, в том чнсле о кергелеиской капусте — прекрасном протнвоцинготном средстве. Наконец, об уникальиом животном мнре, прежде всего морских слоиах, еще совсем иедавно подвергавшнхся безжалостному истреблеиию. Упомниались и животные-иовоселы, попавшне на острова с человеком: собакн, кошки, мышн и кроликн, освонвшнеся тут, судя по всему, иичуть ие хуже, чем в Австралии.

Словом, лоция действительно энциклопедия, полезиая ие только для судовождеиия. Оиа дает массу цеиных сведений потерпевшим кораблекрушенне.

Я не удержался н высказал эту неожиданно осеиившую меня мысль старпому, который как раз в этот момеит зашел в штурманскую н виимательно смотрел на карту. Мне хотелось как-то завоевать его расположение. Однако старпом помрачнел и, сверкиув глазамн, посоветовал идти читать в каюту. Сообразив, что сделал иепростительный промах, я, захватив лоцню, удалился.

На другой деиь появляется множество пернатых. Виднмо, земля близко. К странствующим альбатросам прнбавились пестрые капские голубн и совсем маленькие, юркне, как стрнжи, качуркн. У борта проплыла большая коричневая водоросль, очевидно оторваниая штормом от прнбрежных скал. Поднявшнсь на верхний мостик, я увидел наконец горнстые очертания островов Отчаяния.

Землн эти были открыты французской экспеднцией, возглавлявшейся Ивом де Кергеленом более двух столетий иазад, 12 декабря 1772 года. Любопытно, что сам Кергелен так н ие ступил на берег открытой им суши. До иаших дней дошла забавная подробность: руководнтель экспеднции скрывал в своей каюте даму сердца, некую Луизон. Может быть, из-за этого он никуда ие отлучался с корабля. Французскому мореплавателю, очевидио, было недосуг позаботиться о названии открытых земель.

В 1776 году Джемс Кук посетил острова, все еще остававшнеся безымяииыми. В одной из бухт англичане обнаружили бутылку с запнской своих предшествеиников. На Кука иовая земля пронзвела безрадостное впечатленне. Он писал: «Я мог бы из-за ее бесплодия дать ей вполне подходящее иазванне «Островов отчаяния», но чтобы не отнимать у господина де Кергелена чести открытия, я назвал ее Землей Кергелена». Таким образом, появленню своего именн иа карте Кергелеи обязан щепетильности своего английского коллеги.

Долгое время ни у кого не возиикало интереса к этим лежащим иа краю света землям. Но вот, когда начал развиваться морской промысел в Южном океане, сюда стали наведываться китоловы и тюленебои. Омывающне острова воды изобиловали наиболее цеиными в промысловом отношении голубыми китами, а на побережье располагались многочнслеиные лежбища тюлеией. В XIX веке здесь перебывало немало промысловых экспедиций, большей частью американских, безжалостно выбивавшнх все живое.

Во Франции тоже стали задумываться над тем, какую выгоду можно извлечь из далекого заморского владения. В конце концов архипелаг Кергелен вместе с рядом других принадлежащих Франции островов в южной части Индийского океана (Крозе, Сен-Поль, Амстердам) был в 1893 году сдан на 50 лет в концессию частным предпринимателям. Попытки разведения здесь овец, поиски полезных ископаемых не увенчались успехом и не принесли дохода концессионерам. По мнению Обера де ла Рю, из книги которого я почерпнул все эти сведения, острова решительно не подходили для освоения. Их изолированное положение, суровый климат и бедность природных ресурсов делают бесперспективными такого рода усилия. Однако благодаря своему географическому положению, этот архипелаг уникален. Изучение местной природы — вот что, по мнению ученого, должно было стать здесь главным.

...Весь вечер я не уходил с верхнего мостика, наблюдая медленно надвигающуюся землю. Мы вышли на траверс островов Рандеву и начали огибать архипелаг с востока, как и предписывалось лоцией. В бинокль уже можно было рассмотреть низкие, унылые, зализанные океаном берега, а дальше вставали высокие зазубренные пики, на склонах которых сквозь дымку смутно просматривались снежные пятна. Лучи заходящего солнца, пробившись в разрывах облаков, на миг раскрылись над островом гигантским веером, но тут же сомкнулись. Все сразу потемнело, приобрело жесткие темно-сиреневые тона.

От перемены освещения, казалось, резко похолодало. И я впервые вспомнил об антарктической меховой одежде, ожидавшей своей поры в корабельной кладовой. К тому же судно изменило курс, ветер стал лобовым и оттого еще более колючим. Жгучие соленые брызги достигали теперь верхнего мостика. Наверное, со стороны моя съежившаяся фигура в куртке с поднятым воротником походила на нахохлившегося пингвина. А лет двадцать назад я подставлял лицо встречному ветру, стремясь «задубить» кожу, дабы выглядеть бывалым моряком. То было счастливое время первого океанского путешествия!

По правому борту уже совсем четко рисовался полуостров Курбе, восточная оконечность архипелага. Неприютная равнина, на которой выделялись две горы конусообразной формы, что выдавало их вулканическое происхождение. Обогнув полуостров, мы должны были войти в залив Морбиан, где располагалась французская научная станция.

Почти в полной темноте повернули на запад и вошли в пролив Рояль, ведущий в глубь архипелага. Ветер сразу ослабел, небо прояснилось, лишний раз свидетельствуя, сколь изменчива здешняя погода. Высыпали звезды, и холодный свет их посеребрил поверхность океана. Близ борта замелькали крылья больших светлых птиц, привлеченных разноцветными палубными огнями.

Судно сбавило ход. Приближался ответственный момент. На мостик вышел капитан. Он надел унты, которые были ему явно велики. Маленький, в спадающих на щиколотки унтах, он выглядел рядом со стройным, подтянутым старпомом не очень внушительно и даже трогательно.

Берег все ближе. Справа, у самой воды, возникли вдруг из мрака и замерцали узкой полосой электрические огни. Порт-о-Франс!

Мы прошли еще несколько миль, огоньки исчезли. Теперь уже прямо перед нами угадывались очертания берега. Капитан сбавил ход до малого и самого малого. Боцман на баке изготовил якоря к отдаче. Ночь предстояло провести на рейде в заливе Морбиан.

Рассвело. И так близко возник берег, что до него было бы легко добраться вплавь. Вокруг судна покачивались коричневые щупальца диковинных водорослей. Я вспомнил предостережение лоции, рекомендующее избегать участки, заросшие водорослями: можно наскочить на подводную скалу. Очевидно, вчера ночью «Башкирия» подошла гораздо ближе, чем следовало.

Набирая высоту, берег ступенями отступал от залива. У самой воды зеленели лужайки. Выше, на горных склонах, белели пятна снега. Местный ландшафт отнюдь не представлялся мне таким уж негостеприимным. Однако наш заход сюда всего лишь кратковременный визит, а в таких случаях многое зависит от настроения.

Станция, огоньки которой мы видели ночью, была скрыта невысоким мысом, и наше внимание сосредоточилось на тюленях, лежащих на прибрежной гальке. Их было множество.

Участникам экспедиции, за исключением тех, кто работал на станции Беллинсгаузен, пожалуй, не приходилось наблюдать такого скопища этих животных. Вероятно, это были самые колоритные представители ластоногих — морские слоны. Но с корабля трудно было различить, кто есть кто.

До сих пор видеть морских слонов мне случалось только на фотографиях. По оценкам Обера де ла Рю, на Кергелене насчитывается около четверти миллиона этих животных.

Морские слоны интересовали не одного меня. На баке, вокруг вышедшей на прогулку статной судовой парикмахерши Эммы, мгновенно возникла группа полярников. Розовощекий геофизик в больших очках одолжил у Ганса, моего соседа по каюте, геолога из ГДР, мощный цейсовский бинокль. Он галантно предложил его Эмме. Сам же, встав рядом, принялся давать пояснения:

— Морские слоны ведут полигамный образ жизни. Каждый уважающий себя слон держит гарем, в котором не меньше нескольких десятков самок. Отдельные самцы могут взять на себя труд позаботиться и о целой сотне.

Эмма нерешительно сказала:

— Но я не вижу гаремов.

— Теперь ничего и не увидишь,— ответил геофизик.— Сейчас конец ноября, по-здешнему — началось лето. Все позади. Опоздали месяца на два.

Вскоре выбрали якорь, и «Башкирия» направилась к Порт-о-Франсу. Из-за мыса показались радиоантенны, и тотчас открылся вид на французский поселок. На высоком мысу, за которым начиналась пологая ложбина, стояло строгое прямоугольное здание с крестом над порталом. За ним, на склоне, виднелось странное нагромождение каких-то исковерканных металлических конструкций. Основные постройки располагались в центре ложбины: приземистые коробки современного вида. Лишь один узкий двухэтажный дом, похожий на остов корабля, выглядел архаичным, как парусник в окружении подводных лодок.

На пляжах острова — морские слоны

Вот и причал. Неподалеку, у самой воды, сверкнули пузатые баки для горючего. Даже в бинокль Ганса нигде не удалось обнаружить ни единого человека. Казалось, станция вымерла. На рейде лениво покачивалась плоскодонная баржа-самоходка. И на ней никого. Зато на пляже у причала и возле баков лежали тюлени.

Я поднялся на ходовой мостик, чтобы вернуть лоцию. Капитан на этот раз был в черных лакированных ботинках. И его смущало отсутствие признаков жизни на берегу.

— Угорели, что ли, французы? — спросил он меня.

— Рано еще.

— Рано?!

— Очевидно, они живут по парижскому времени.

— Ну все равно, разница невелика, пора бы вставать. И не могут все сразу спать. Должны же быть вахтенные. Гости на пороге, а хозяева спят? Мы бы им сейчас погудели, поприветствовали, а так — вроде неудобно.

— Гудеть тут, наверное, не полагается.

— Это почему же?

— Заповедник. Морские слоны потеряют аппетит.

— Как же! У них нервная система не в пример нашей. Гуди не гуди — они и не почешутся. Но что с нашими хозяевами? Да вот и они — легки на помине.

Из-за дома, с края поселка, вынырнул «пежо». Автомобиль беззвучно проплыл по центру поселка и скрылся за одним из строений. А несколько минут спустя улица оживилась. Группа людей направилась к пристани.

— Проснулись французы! — довольным тоном отметил капитан.

Тут его позвалн к раднотелефону, а я поспешил на завтрак.

Через час по раднотрансляции объявилн, что островитяне прнгласили нас в гости. Однако точное чнсло прнглашенных и персональный состав еще будут уточнены.

— Ты ведь не бывал во Францин?—спросил меня Ганс.

— Нн разу.

— Ну вот, поздравляю, сейчас побываешь. Вон у них здесь и свой Нотр-Дам,— кнвнул он в сторону здания с крестом.

Я улыбнулся и подумал, что, хотя, конечно, это не Париж, в столицу Франции имеют шанс попасть многие, побывать же на островах Отчаяния не снится, наверное, даже большинству парнжан.

Мы слонялнсь по палубе в ожиданни дальнейшнх событий. Берег был рядом, на него не терпелось ступнть — чувство, особенно понятное морякам.

Пока французы запускалн свою самоходную баржу (наш капитан решил поберечь корабельные шлюпкн), с протнвоположного берега залива Морбиан, очевидно, из района Пор-Жанн-д'Арк, где в былые времена действовал заводик по переработке китового н тюленьего жнра, подошел небольшой катер.

Приход «Башкнрнн» явно внес ожнвленне в жизнь островнтян. Длинноволосые парнн в ярко-желтых непромокаемых комбннезонах на катере с любопытством посматрнвалн на наш белый теплоход, особенно на кормовую палубу, где смешливой стайкой собралнсь судовые девчата во главе с Эммой, сделавшей себе грандиозную прическу, которую тут же метко окрестили «смерть французам».

Немного спустя подошла долгожданная самоходка с местным начальством. Вскоре стало известно, что переговоры «на высшем уровне» прошли удачно. Однн нз руководнтелей французской базы в прошлом прнннмал участне в Советской антарктнческой экспеднцнн, ходил с нашимн ребятамн на снегоходах на станцню Восток. А полярнннкн не забывают старой дружбы. Так что нашему появлению здесь, без сомнения, нскренне рады.

Галантные французы с особой учтивостью прнгласилн на берег представительннц прекрасного пола. Это сообщенне вызвало веселый переполох средн нашнх «прелестниц», и онн, не ожидая офнцнального распоряження, побежалн наряжаться. А мы не мешкая снарядилнсь в маршрут, предвкушая удовольствне вволю побродить по острову.

На барже до берега — пять мннут ходу. Встречный ветер выжнмает слезы. Небо вновь обложило облакамн. Но грех жаловаться: погода для этих мест приличная.

Самоходка упирается в причал. Мы молодцевато соскакиваем, делаем пять-шесть легких, пружинистых шагов по настоящей земле н едва не спотыкаемся о тюленьн тушн, разбросанные вдоль берега, словно вынесенные водой бревна. Судя по всему, мы угоднли в однн нз гаремов.

Вот они, морскне слоны! Глаза разбегаются. Пухлые, серозеленые туши распростерлнсь на прнбрежной гальке. Отдельные экземпляры длнной несколько метров весят наверняка больше тонны, но есть н «малышн» — на 200—300 килограммов. Я знал, что самцы, хозяева гаремов, достигают в длину шести метров н более

В благодушном настроении

двух тонн веса, и искал глазами такого разъяренного гиганта: должен же он ревниво реагировать на наше вторжение. Но очевидно, брачная пора миновала, страсти утихли, или, возможно, морской слон не увидел в нас соперников. Так или иначе, но владелец гарема не объявился. Самки продолжали лежать, полузарывшись носами в коричневые водоросли. Порой приподнимали головы и флегматично смотрели на нас. С неохотой, словно делая одолжение, открывали пасти и что-то бормотали. Отдельные толстухи, придавленные собственным весом, походили на комичные чудовища. Время от времени слонихи издавали странные, булькающие звуки или тяжко вздыхали, словно жалуясь на нелегкую гаремную жизнь. Некоторые, правда, вполне удовлетворенно посапывали или с наслаждением почесывались, а одна великанша вдруг плаксиво скорчила морду, сморщилась и неожиданно громко чихнула. Кто-то из полярников пожелал ей доброго здоровья.

Наших геологов в маршруте по острову взялся сопровождать молодой сотрудник станции, назвавшийся Мишелем. Этот блондин с прекрасными до плеч волосами походил на херувима. Срок зимовки Мишеля подходил к концу, настроение у него было отменное. Мы узнали, что сейчас в Порт-о-Франсе живет 90 человек. Но к концу лета ожидается группа советских специалистов-геофизиков, участвующих в совместном научном эксперименте по ракетному зондированию высоких слоев атмосферы.

Сам Мишель занимается электроникой, но питает слабость к геологии. Очевидно, поэтому ему и поручили сопровождать нашу группу.

Начинаем мы с просторного одноэтажного здания, расположенного несколько особняком у самого берега. Как и театр, который, как известно, «начинается с вешалки», и здесь в первую очередь — гардероб. На стенах развешаны резиновые ярко-оранжевые водолазные костюмы, акваланги. Первая лаборатория — биологическая. Ее хозяин — розовощекий крепыш, близоруко щурясь, обстоятельно рассказывает что-то по-французски. Он обращает наше внимание на стоящие на столах приборы и небольшую коллекцию рыб, очевидно обитающих в местных водах. В паузах херувим-Мишель выразительно жестикулирует, стараясь помочь нам понять смысл слов. Мы все одобрительно киваем и с чувством жмем руку раскрасневшемуся ученому.

В следующей лаборатории, судя по длинным столам с колбами, пробирками и замысловатыми стеклянными установками, обосновались гидрохимики. Учитывая, однако, что время нашего пребывания на острове ограничено, а осмотр других лабораторий, как уже ясно, не внесет переворота в наши научные представления, мы просим Мишеля вывести нас «на плеиэр», где мы сами сможем во всем разобраться.

Мишель охотно соглашается показать берег бухты; он уверен, что нас заинтересует выход пород в одной из ложбин. Мы поднимаемся на возвышенность, где находится здание с крестом — местная часовня. На небольшом постаменте перед часовней — статуя: женщина, прижав младенца к груди, смотрит на море, словно в ожидании доброй вести. Не знаю, была ли когда-нибудь на Кергелене хотя бы одна женщина с младенцем? «Острова Отчаяния» не избалованы женским обществом, хотя представительницы прекрасного пола изредка здесь бывают. Обера де ла Рю почти во всех его маршрутах сопровождала жена, а сегодня на берег острова сойдет группа одесситок во главе с Эммой. Это, несомненно, будет яркой страницей в истории острова.

С холма открылась темно-серая, словно залитая асфальтом, плоскость залива с многочисленными островами-шхерами. Дальше за ними — холмистый берег и снежная вершина горы Росс, господствующая над всей местностью. Возле часовни пейзаж был более прозаичным. Здесь сгрудились покореженные вездеходы, автомобили, тракторы. Эту унылую картину разъедаемого ржавчиной металла мы наблюдали еще с борта судна.

Это кладбище техники расположено на самом краю поселка. Спустившись в распадок, мы зашагали по мягкой и влажной кергеленской земле. Ее почти сплошь устилало сплетение коричнево-зеленых побегов — не привычная трава, а плотные, переплетающиеся стебельки, от которых в разные стороны разбегались фестоны узких листочков. Стебли покрупнее уходили в почву, формируя довольно мощный слой переплетающихся корней. Очевидно, это и была знаменитая ацена — растение-«путешественник», о котором обычно упоминают все, кто побывал на островах. Считается, что ацена занесена на здешний берег птицами, скорее всего странствующими альбатросами, но широкому ее расселению по всей территории острова способствовали кролики, невольно переносящие на своей шерсти семена ацены, имеющие цепкие крючки. Именно на это неприхотливое растение возлагались основные надежды, когда пытались развести здесь овец.

Шагая по низкорослым, стелющимся у самой земли зарослям ацены, мы то и дело оступались в небольшие, замаскированные стеблями ямки — кроличьи норы. Несколько серых зверьков шустро удирали по склону холма. Ганс, увлеченный маршрутом, скакал по склону, как горный козел, и ухитрился попасть ногой в веревочную петлю-силок перед одной из нор. То и дело встречавшиеся красные стреляные гильзы 12-го калибра свидетельствовали: здесь увлекаются охотой на кроликов.

Эти грызуны, завезенные на остров в 1874 году одним незадачливым капитаном, за столетие буквально заполонили остров. Все вокруг изрыто их норами, растительность угнетена, и, хотя кергеленская земля буквально устлана кроличьими костями, новые поколения плодовитых зверьков одолевают остров.

Миновав кроличьи поселения, наша группа выбралась на каменистый уступ на берегу залива. Тут прямо-таки глаза разбежались. На скалистой площадке было разбросано множество отливающих перламутром створок раковин. Как они попали сюда? Сначала мы подумали, что створки раковин принесены с залива ветром, ведь Кергелен славится ураганами. Но находчивый Мишель ухватил одну из раковин зубами и, взмахнув руками, словно крыльями, сделал выразительный вираж и выронил раковину на камни. Тут мы сообразили, что находимся в птичьей столовой. Чайки, вытащив во время отлива с береговой отмели крепко сомкнутые раковины, разбивают их таким хитроумным способом. К каким ухищрениям не прибегнешь, если хочется полакомиться нежными устрицами!

Вот бы и нам отведать даров моря! Едва ступив на твердую землю, мы все вдруг ощутили волчий аппетит: спеша поскорее высадиться на берег, мы пренебрегли корабельным обедом. Поэтому всякое напоминание о еде действовало на нас удручающе. Удиравшие от нас во все лопатки кролики поступали весьма предусмотрительно. Ганс, сделав отчаянный прыжок, чуть не ухватил зазевавшегося зверька за задние ноги, но то, что не удалось ему, очевидно, не составляло труда двум бурым птицам, солидно расхаживавшим неподалеку. Их сытый вид не мог не привлечь наше внимание. Никакого сомнения! Это были наши старые антарктические знакомые — поморники. На южнополярном материке они гнездятся вблизи колоний пингвинов и буревестников, уничтожая слабых и больных птиц.

Но вот появились полярные станции. И без особых колебаний меняют они жизнь, полную смелых поисков и разбойничьих вылазок, на прозябание вблизи станционных помоек. Несмотря на эти малопривлекательные черты, поморников справедливо считают «санитарами» Антарктиды. На Кергелене у них особенно много дел. Кроме «отбраковки» нежизнестойких особей в мире пернатых они ограничивают угрожающе растущую численность грызунов. А сколько хлопот с тюленями, особенно во время родов. Кто еще, кроме поморника, сумеет так ловко, словно хирургическими ножницами, перекусить пуповину? Нет, недаром присвоено этой огромной чайке звание «птица-санитар».

Двигаясь вдоль берега, мы пересекли несколько пологих ложбин. Сейчас дно их почти сухо, но во время дождей здесь несутся потоки. Об этом свидетельствуют многочисленные промоины. Уцелевшие участки грунта, скрепленного корнями ацены, кое-где торчат на

склонах ложбин в виде причудливых столбиков-останцов высотой в рост человека.

Бóльшая часть прибрежной равнины — это прекрасно видно по стенкам промоин — сложена слоистыми песками, принесенными из центральной части острова потоками талых ледниковых вод. И сейчас там располагается огромный ледниковый покров Кука. А в прошлом оледенение распространялось почти на всю территорию острова, захватывая даже часть береговой отмели.

Повсюду, где только есть вода, в ручьях и лужах на дне ложбин, лежат тюлени. Сопят, похрюкивают, порой шумно плюхаются по грязи. Теперь им раздолье на Кергелене — бóльшая часть острова объявлена заповедником.

Никто, кроме ученых, не смеет уже поднять руку на этих удивительных морских чудищ. На ластах некоторых тюленей видны специальные яркие метки: с их помощью можно проследить пути и сроки миграции животных.

Я отстал от группы, фотографируя морских слонов. Мишель с геологами оказался далеко впереди. Они торопились к распадку, где, по словам Мишеля, были «о ля-ля, какие минералы!». В этом нет ничего удивительного. Архипелаг Кергелен вулканического происхождения. В лавах на месте пузырьков газа часто образуются красивые кристаллы различных разновидностей кварца: халцедоны, агаты, аметисты.

Решив не догонять группу, я свернул к морю: оттуда, из-за холма, послышался резкий вскрик, словно чья-то мольба о помощи. В уютной галечниковой бухте расположился, по-видимому, один из наиболее многочисленных гаремов. Я обходил и перешагивал преграждавшие путь тела. Лишь одна самка приподняла голову, чтобы взглянуть на меня. Оскалила клыкастую, алую изнутри пасть, издала урчание и тут же, будто обессилев от этого прилива гнева, опустила голову и закрыла темные, словно лакированные, глаза без зрачков.

Вдоль полосы прибоя прыгали три небольших пингвина, внешне заметно отличавшиеся от тех, которых мне приходилось видеть в Антарктиде. Именно в надежде на такую встречу я и свернул к берегу. И не ошибся: у воды резвились ослиные пингвины — коренные жители Кергелена. Они не образуют больших колоний, но на архипелаге этот вид наиболее многочислен. Ослиных пингвинов считают самыми сварливыми, непоседливыми и раздражительными. Тем не менее в отличие от своих сородичей, мигрирующих с севера на юг в зависимости от сезона, они не покидают острова. Кто знает, как объяснить их тоскливые, пронзительные крики? Что это — призыв, обращенный к соплеменникам, или просто печальная жалоба этой «неудавшейся», как ее порой называют, птицы, которой не суждено подняться в воздух?

Три ослиных пингвина решительно не желали фотографироваться. Они плюхнулись в воду, быстро заработали крылышками и нырнули — только я их и видел! А жаль, в окрестностях Порт-о-Франса пингвинов мы больше не встречали. Возможно, эти птицы не обладают выдержкой и спокойствием тюленей и не любят, когда их тревожат. А станция с ее современным техническим оснащением —

постоянный источник беспокойства. И ведь вот еще что: яйца пингвинов — признанный деликатес, а у ослиного пингвина, по мнению знатоков, они самые вкусные. Сейчас острова объявлены заповедником, но ведь в прошлом было иначе. Обер де ла Рю упоминает, что сто лет назад пингвины попадали под выжимной пресс хозяйничавших на островах промышленников: жира в птицах было маловато, но ведь «сырье» всегда под рукой. Иной раз из-за отсутствия топлива тушки бросали в огонь под большими котлами, в которых перетапливался тюлений жир. А на острове Сен-Поль пингвинов использовали в качестве приманки для ловли лангустов. Может быть, поэтому местные пингвины, предки которых испытали на себе ужасы «инквизиции», оказались чересчур уж пугливыми, не в пример своим доверчивым антарктическим собратьям, которые не только не убегают от человека, но, наоборот, с любопытством устремляются к нему.

Воздух на берегу особый — терпкий, насыщенный крепкими йодистыми испарениями. Гниют выброшенные волнами длинные коричневые водоросли. Стебли одних напоминают тонко нарезанные куски кожи, других — темные шнуры, к которым словно для украшения подвешены пузатые, наполненные воздухом колбочки, очевидно играющие роль поплавков.

Я с трудом отдираю одну из плетей для коллекции. На блестящей мокрой поверхности виден рисунок внутреннего строения, похожий на сплетение кровеносных сосудов.

Давно выброшенные на берег водоросли далеко не так привлекательны. Тугие, гладкие стебли утратили блеск и превратились в невзрачные, сморщенные бечевки.

Пока я бродил по пляжу, геологи, достигнув конечного пункта маршрута, повернули назад, и мы встретились. Довольный Ганс показывает янтарные обломки халцедонов. В утешение мне Мишель обещает подарить специально отполированные образцы.

Время в маршруте всегда летит быстро. Близится вечер. А Порт-о-Франс мы еще не осмотрели. Энергично прошагав первые километры по кергеленской земле, все вдруг ощутили непривычную тяжесть в ногах. Ганс, который предпочел нашим резиновым сапогам свои новые туристические ботинки, стал прихрамывать. К тому же начал моросить косой, колкий дождь.

Мы заторопились: чего греха таить, нас не оставляли мысли о жареной крольчатине. Наконец добрались до поселка. Среди рядов строений из гофрированного железа, напоминающих ангары, находились апартаменты Мишеля. Мы оказались в уютном кабинете с большим письменным столом, книжными полками и радиоэлектронными схемами.

Мишель широким жестом высыпал на стол горсть отполированных агатов, их кучка почти мгновенно растаяла: для геологов о лучшем сувенире и мечтать нечего. И у нас есть что подарить на память нашему проводнику: открытки с видами Москвы и Ленинграда, значки, марки, шкалики фирменных напитков. Все довольны. Мишель, тряхнув локонами, предлагает продолжить осмотр станции.

Мы направляемся в центр поселка к зданию «кают-компании». Перед ней просторная площадь, на мачте развеваются два флага — трехцветный французский и наш с серпом и молотом, поднятый в знак уважения к гостям. Неподалеку — традиционный для полярных

Площадь Шарля де Голля в Порт-о-Франсе

станций столб с указателями направлений и расстояний до наиболее дорогих сердцу зимовщиков точек нашей планеты. Конечно, здесь Париж, Лион, Марсель, Гавр, есть и Москва и, к удовольствию хромающего Ганса, Берлин. А сама площадь носит имя генерала де Голля.

Около флагштока — любопытная реликвия — видавший виды чугунный чан — напоминание о времени варварского уничтожения морского зверя. В таких чанах вытапливали тюлений жир.

— Это не наш,— поясняет Мишель,— американский.

На первом этаже «кают-компании» — библиотека, различные подсобные помещения. Наверху — просторная столовая с цветными светильниками. Невысокая сцена, усилитель с микрофоном и большой барабан в углу. Что ж, по вечерам здесь можно недурно проводить время. Впрочем, иной раз нет необходимости дожидаться вечера. И сейчас тут шумно и многолюдно: полярники, моряки, русские, французы — все в отменном настроении. Работает бар. Два бородача в белых передниках едва успевают вскрывать бутылки и наполнять бокалы красным вином. Однако запаха жаркого в «кают-компании» не ощущается.

Смакуя вино, которое мы тут же окрестили «бургундским», рассматриваем герб Кергелена на одной из стен. В центре — пингвин, прибрежные скалы, курящийся вулкан и какое-то странное насекомое, отдаленно напоминающее таракана. Два морских слона в боевой позе обрамляют герб, придавая ему законченность.

Что за загадочное насекомое изображено на гербе, мне так и не удалось выяснить. На Кергелене вообще нет вредных насекомых. Комары, мошки — бич нашего Севера — тут отсутствуют. Что каса-

ется тараканов, то оии могут освоиться где угодно. Я иеоднократно убеждался в этом. Но вряд ли изображеиие этого существа может украсить герб. Скорее всего это был морской рачок или микроскопический клещ, обитающий иа скалах.

Из «кают-компании» устремляемся иа почту. Улица ведет вверх по ложбиие к возвышеииости, увеичаниой лесом радиоантеии. По обеим сторонам улицы — аккуратиые сине-голубые прямоугольники сбориых домов. Мишель объясняет, что у каждого здесь своя отдельиая комиатка площадью 10—12 квадратиых метров. Я вспомииаю, как сетовал Обер де ла Рю на плохие жилищиые условия иа станции и клял мышей, ианосивших ощутимый урон его коллекциям. Одиако все это было более четверти века назад, в пору оргаиизации поселка. Тогда этих иарядиых здаиий, обшитых пластиком и металлом, ие существовало.

На почте миоголюдио. Местиый почтмейстер важно штемпелюет французские почтовые марки. За сущую малость можио приобрести иабор, посвящеииый фраицузским поляриым исследоваииям. Коиверт с такой маркой, погашеииой иа Кергелеие,— мечта любого филателиста. Как и во времеиа знаменитого мореплавателя Кука, иа островах предпочитают иатуральиый обмеи. Вскоре с помощью Мишеля мы становимся обладателями памятиых коивертов со штемпелем почтового отделеиия Порт-о-Фраиса.

С почты мы заглядываем иа расположеиную поблизости электростанцию. В машииной зале все сверкает чистотой. Ровио гудят дизели. У пульта улыбается приветливый пареиь. Со стены ободряюще подмигивает зиойная брюиетка с ромашкой в зубах. Так и хочется подмигнуть ей в ответ!

...Мы спускаемся к берегу залива. Здесь, иа восточиом краю поселка, среди типовых построек выделяются стекляииые фасады двух оранжерей. На грядках — яркая зелеиь салата, петрушки, спаржи, даже красиые цветы, иапоминающие гераиь. Ораижереи подсвечиваются кварцевыми лампами: солица в этих облачных широтах ие хватает. Вот в Аитарктиде, иаоборот, иапряжеииость солиечной радиации исключительио высока и ораижерейиое подсобиое хозяйство при умелом ведеиии оправдало бы себя полиостью. Даже дилетантские опыты дают в Антарктиде высокие результаты. Создание ораижереи позволило бы не только улучшить пищевой рациои зимовщиков, но, очевидио, представило бы и определеииый иаучиый интерес... У каждого свои заботы. Зиакомясь с хозяйством французов иа Кергелеие, иевольио устремляешься мыслями дальше к югу, к коиечиой цели иашего путешествия.

Из соседиего сарайчика доиосится кудахтаиье.

— Сто яиц в деиь,— с гордостью поясияет иаш гид, присев иа корточки и похлопывая себя по бедрам.— Есть у иас и иикубатор.

— Зиачит, свежая курятиия, яичница,— соображаем мы.

В загоне за курятииком грустно жмутся друг к другу приземистые бараны. Нам уже грезятся кусочки шашлыка, шипящие иа вертеле.

— Муфлоиы,— поясияет Мишель,— их специальио завезли сюда для акклиматизации. Но в холода, в период бескормицы, их миого погибает.

Хрюканье из соседнего сарая говорило само за себя. Мы не стали заглядывать туда, а иаправились к берегу. У воды, на лужайке,

средн тюленей паслась стайка домашних уток. Утром они приходят к морю кормнться, а к вечеру самн возвращаются в свой загон. Иногда там оказываются пннгвнны: очевндно, в качестве гостей. На Кергелене обнтает также дикая утка Итона, небольшая по размеру, но, как утверждал Обер де ла Рю, ее мясо очень нежное.

Ферма Порт-о-Фраиса пронзвела на нас впечатленне, французы отнюдь не вегетарнанцы. Недоставало лншь крупного рогатого скота. Очевидно, ацена для него малопрнгодный корм. Следовательно, молоко на Кергелене, как н в Антарктиде, порошковое. Но в случае крайней необходимости — Мишель сделал выразнтельный жест — можно подонть овцу.

Целый день без пнщн, на ногах, мы сбились в тесную кучку, напомнная муфлонов в пернод бескормицы. Однн из геологов, очевидно чтобы отвлечься от голодных мыслей, начал энергнчно разминаться.

Мншель догадливо кнвнул головой н прнгласил следовать за собой. Мы воспрянулн духом.

Но нас постигло жестокое разочарованне. Помещенне, куда нас прнвел Мишель, даже отдаленно не напомннало столовую. В просторной комнате, разделенной барьером на две части, стояли столы для пинг-понга, лежали гири, штангн, имелся даже тренажер-велоснпед.

Спортзал выглядел запущенным, ннвентарь запылился. В летнее время необходимость пользоваться им отпала. В свободные часы лучше прогуляться по берегу, посмотреть на птиц и тюленей, поохотиться на кроликов илн совершнть экскурсию в горы в понсках редкнх минералов.

На стенах спортзала висело несколько орнгинальных картннок, изображающнх зимовщиков за свонм любнмым делом: однн смотрнт в телескоп на звезды, другой нзмеряет температуру морского слона, а вот целая группа сиднт вокруг костра, в центре, в языках пламенн, что-то поджарнвается на вертеле...

— Нашей смены тут еще нет,— сказал Мншель,— но обязательно будет, оставнм на память.

Я вглядываюсь в лица знмовщиков — предшественннков Мншеля, стараясь представнть, как прошла нх работа, с какимн чувствамн онн покидалн остров, был лн для них год нзоляцнн от остального мнра попусту потерянным временем нлн онн обогатились знаннямн, возмужалн, обрели уверенность в себе.

Обер де ла Рю порой с нескрываемой горечью пишет о равнодушии н непоннмании, с которыми он столкнулся однажды в Порт-о-Франсе. Зато о другой экспеднцнн на Кергелен у него сохранилнсь самые радужные воспомннания. Так н в Антарктнде — бывают экспеднции удачные, но бывают н крайне трудные, со срывами. Каждая новая экспедицня — новый коллектив со свонми собственнымн проблемамн, свонмн победамн н пораженнями.

Неутомимый Мншель увлекает нас дальше. Мы проходнм мнмо странного деревянного дома, напомннающего остов выброшенного на берег судна. Он резко выделяется средн современных типовых построек. Нет сомнення, это как раз то «странное сооруженне, запроектированное так, чтобы оно лучше сопротнвлялось ветру, но

неудачно поставленное по отношению к странам света и сильно раскачиваемое во время бурь, что приводит в отчаяние занимающих его метеорологов и радистов». Со времен Обера де ла Рю в Порт-о-Франсе многое изменилось. Метеорологи и радисты здесь уже, конечно, не живут. Мишель вовсе не рекомендовал нам заглядывать в это историческое помещение. Выразительно взглянув на нашу понурую группу, он решительным жестом указал на аккуратный барак, на стене которого был изображен красный крест. По его мнению, нам требовалась срочная медицинская помощь.

В амбулатории Порт-о-Франса дым коромыслом! Тут уже находится группа наших антарктических врачей. Местная медицина угощает гостей чудодейственным напитком собственного изготовления. На голодный желудок он оказывает поистине волшебное действие.

В госпитале Кергелена совершают порой сложные операции, ведь до ближайшего медицинского стационара тысячи километров. К услугам врачей Порт-о-Франса прибегают не только местные сотрудники, но и моряки, которых занесла судьба в эти дальние края.

...А между тем срок нашего пребывания на французской базе истекал. К причалу, где нас уже ожидала знакомая баржа-самоходка, со всех сторон, из жилых домиков и лабораторий, стекались советские и французские полярники. Впрочем, коллектив станции Порт-о-Франс вряд ли правильно называть полярным. Остров Кергелен расположен далеко от полюса. В северном полушарии, к примеру, на той же широте находится Киев. Но в южном — все иначе. Климат острова достаточно суров. В любой день, независимо от сезона, возможны заморозки. Почти всегда дует ветер, идет снег или дождь. Нескончаемое осеннее ненастье определяет лицо Кергелена. И в довершение печальной картины — на островах не увидишь ни единого деревца. Лишь унылые кустарнички, мхи, лишайники да кое-где куртины дикой кергеленской капусты.

...Вскоре все погрузились на баржу. Полная палуба русских и французов. Затянули «Катюшу» — и баржа тронулась. Два врача — русский и француз, обнявшись, исполнили танец, который сделал бы честь островитянам времен отважного мореплавателя Кука.

А через час мы снялись с якоря, заботливо переправив французских коллег на берег. Им оставалось провести на Кергелене считанные дни, нас ждала Антарктида.

ГАЛИНА ИВАНОВА

НОЧНЫЕ СПОЛОХИ В УРОЧИЩЕ МЕДЕО

Документальный рассказ

Жарко. На выгоревшем белесом небе маленькое, словно съежившееся, солнце сверкает с какой-то особой ожесточенностью. Не спасает от зноя и роскошный зеленый наряд Алма-Аты: как и все живое, деревья изнемогают, в пышной зеленой кроне нет-нет да и мелькнет желтый лист, который медленно падает на пересохшую землю. На асфальте лежит синяя узорчатая тень пирамидальных тополей и белых акаций; еще недавно вдоль тротуара невнятно бормотал веселый арычок, от которого тянуло прохладой, но сейчас воды в нем нет. Пучки травы, пробивающиеся в щели между бетонными плитами, которыми выложен арык, пожухли и торчат, словно обрывки мочала. А за городом ослепительно сверкают белоснежные шапки льда и снега на вершинах синих гор, отроги которых либо покрыты тянь-шаньскими елями, либо округло-голые, коричневатые от выгоревшей невысокой травы.

По тротуару неторопливо шагают, возвращаясь с обеденного перерыва, двое друзей. Сергей, высокий сероглазый парень с выгоревшими волосами, то и дело вытирает стекающий с лица пот скомканным, влажным платком. По широкому, круглому лицу его друга Одиля можно сразу узнать казаха: небольшие, черные, чуть лукавые глазки, прямые темные волосы, белозубая улыбка добродушного рта, смуглая кожа. Сергей по специальности сварщик, а его друг и напарник Одиль — слесарь. Одиль помогает при сварке, делает разметку трубопроводов, снимает фаску. Сергей и Одиль работают вместе несколько лет, привыкли друг к другу.

— Смотри, Одиль, опять вертолет в горы полетел.

— Так ведь они все лето над ледниками мотаются, караулят.

— Туда бы, в горы, сейчас,— Сергей тоскливо посмотрел на белеющие вершины гор,— там прохладно, хорошо... Давай в субботу махнем с ночевкой?

— Не,. лучше на рыбалку. На Или покупаемся, рыбки наловим, уху на костре из жереха сварим.

— Ну что ж, можно и на рыбалку.

Некоторое время друзья шли молча, потом Одиль заговорил, жалуясь:

— Ох, Серега, еще четыре часа мучиться! С утра-то ничего, можно работать, а после обеда — никаких сил нет!

— Это тебе... А мне каково с держаком да с маской? Вон уж кожа на лице лупится. Дождичка бы... Наверное, опять к сорока подбирается?

— Да-а...

Около проходной стояла грузовая машина. Увидев подходивших Сергея и Одиля, из кабины вылез начальник участка Николай Петрович.

— Привет, ребята! На территорию не заходите, сейчас поедем.

— Куда, Петрович? Мы ведь еще сегодняшнее задание не кончили, осталось порядочно, почти до конца дня хватит.

Начальник участка махнул рукой:

— А, сейчас не до этого! Вот в чем дело, ребята: около часа назад по ущелью Медео прошел сель, ожидают еще; селевая ловушка почти полна, а труба стока забита, и вода не сходит. Нужно срочно сварить трубы для сброса воды, установить насосы для откачки. Селевой поток угрожает городу, жителей некоторых районов эвакуируют. Работать придется напряженно, в опасных условиях. Питание организуют на месте. Сварочный аппарат, кабель, электроды, маски уже в машине. Впрочем, это дело добровольное, если не захотите ехать, будем искать других.

— Ты что, Петрович? Конечно, поедем, ведь правда, Одиль?

— Какой может быть разговор! Едем.

— Тогда, Сергей, проверь, все ли уложили в кузов.

И вот уже, набирая скорость, машина мчится по улицам. Сергей и Одиль удобно устроились на брошенных в кузове телогрейках, закурили.

А город жил обычной жизнью: широко распахнуты двери магазинов, идут люди по своим делам, мчатся автомашины... Начался подъем в гору, надсадно завыл мотор. В обычные дни по этой дороге мало кто ездил: изредка проедет автобус, проскочит легковушка. А сейчас вверх, в гору, сплошным потоком ехали грузовики. В кузовах — трубы, кабель, различное оборудование, ящики с минеральной водой, бидоны с молоком... Машины, не имеющие специальных пропусков, автоинспекторы заворачивали обратно.

Сергей много раз ездил по этой дороге: он любил смотреть соревнования конькобежцев, проходившие на катке Медео, нравилось и просто полазать по горам, полюбоваться природой, которая здесь сказочно прекрасна, отдохнуть от жары и городского шума под тенью голубоватых елей. Но сейчас знакомая дорога была не похожа на обычную. Да, сель — это страшно. Сергей вспомнил, как одиннадцать лет назад грязекаменный поток захлестнул красивейшее озеро Иссык, прохладное синее озеро среди лесистых гор... Гово-

рят, когда-то давно вблизи города селевым потоком было снесено целое селение; по Каргалинскому шоссе и сейчас видно поле округлых камней — тут и огромные валуны, не в одну тонну весом, и поменьше. Да и в самом городе часто увидишь такие же.

Дорога сделала последний поворот, и перед Сергеем открылась знакомая панорама ущелья. Регулировщик, стоявший у поворота, показал направо, где ниже катка уже было много машин, суетились люди.

— Побудьте в машине, я узнаю, где нам разгрузиться,— сказал Николай Петрович, выпрыгивая из кабины.

Вернулся он довольно быстро.

— Поедем к самой плотине. И вот что, ребята, если услышите крик «сель!», немедленно выскакивайте из машины и бегите в гору. Ясно? Ну, поехали!

Они с трудом выбрались из массы других машин, которые все подъезжали, выехали на левую, пустынную дорогу. Почти сразу же их остановил постовой. Николай Петрович что-то сказал ему, милиционер заглянул в машину и кивнул: «Проезжайте!» Сергей оглядывался. Не́ журчит речушка у подножия горы, ее каменистое ложе покрыто толстым слоем коричневого ила, который уже высох и растрескался... Когда машина поднялась выше, Сергей увидел просеку, спускавшуюся к плотине, и ему стало не по себе. Голубоватые ели, окаймлявшие просеку, имели жалкий вид: ветки обломаны, верхушек некоторых деревьев как не бывало — торчат высокие измочаленные пни; вместо бархатисто-зеленой травы с яркими пятнами цветов — обнаженная земля, иссеченная глубокими бороздами, кое-где слой рыжего ила... Груда искореженного металла... Приглядевшись, Сергей понял, что это селезащитное заграждение, сваренное из толстых двухтавровых балок — раньше оно стояло высоко́ в горах, а сейчас было смято, скручено, расплющено и отброшено селевым потоком к плотине... Огромная котловина за плотиной исчезла, ее заполняла серо-коричневая полужидкая масса с плавающими на поверхности обломками. Ниже плотины и на склонах гор лежали камни, видимо выброшенные потоком. Машина остановилась, к ней подошел немолодой худощавый человек в зеленоватых светозащитных очках.

— Сварщики?

Николай Петрович открыл дверцу кабины:

— Сварщик и слесарь. С оборудованием.

— Разгружайтесь. Вон там, правее, ближе к трубам.

Машина проехала несколько метров, развернулась. Сергей слез, открыл борт:

— Подавай, Одиль.

Разгрузились быстро. К ним подошел Николай Петрович:

— Я поехал. Вы будете в распоряжении Борисова,— он кивнул на человека в светозащитных очках,— счастливо вам, ребята!

Машина уехала.

— Кто из вас слесарь? — спросил Борисов.

— Я,— ответил Одиль.

— Идите к стропальщикам стыковать трубы,— Борисов показал Одилю на рабочих, стоявших около трубоукладчика,— там есть сварщик, он берет трубы на прихватки. А вы,— он повернулся к Сергею,— будете варить вместе с Михаилом, вон там, выше. Скоро

подъедут еще сварщики, поставим на следующий стык. Будьте внимательны: при крике «сель!» немедленно бросайте сварку и бегите в гору как можно выше.

— Понятно.

Оглядываясь на Сергея, Одиль стал спускаться ниже, к группе рабочих, на которых ему указывал Борисов. Сергей прикинул на глаз, хватит ли привезенного кабеля, решил, что хватит. Попросил электрика подключить аппарат, захватил маску, пучок электродов и полез на верхнюю кромку плотины, волоча за собой кабель.

Сварщик, который работал наверху, перестал варить и поднял маску:

— Подкрепление прибыло? Привет! Вари с той стороны, вдвоем-то веселей дело пойдет!

Сергей надвинул маску, взял поудобнее держак. Солнце жгло затылок через фуражку, жар от раскалившейся трубы дышал в лицо. Он еще не начал варить, а одежда взмокла от пота.

«Да, прямо скажем, не курорт»,— подумал Сергей, прилаживаясь поудобнее. Сверкнуло голубое пламя, разбрызгивая вокруг искры.

...Какой бесконечный этот шов... Сергей постепенно терял чувство времени, казалось, прошло много часов с тех пор, как он приехал сюда... Он варил, варил, обливаясь потом, задыхаясь от жары...

Внезапно со всех сторон, как многоголосое эхо, раздался вопль: «Сель идет!» Михаил уронил держак, закричал: «Беги!»

Сергей, отбросив маску и держак, побежал в гору. Где-то вдалеке раздался гул и треск, гул разрастался, переходил в чудовищный рев, раздирающий уши, под ногами содрогалась земля. Сергей уже не бежал — задыхаясь, карабкался на четвереньках из последних сил. А рев и треск приближались с невероятной быстротой, и, казалось, над самой головой что-то трещало, ломалось и падало. Не в силах больше карабкаться, Сергей выпрямился и повернулся назад, готовясь встретить неминуемую гибель. В это мгновение раздался новый звук, похожий на залп сотен орудий. Сергей увидел, как чудовищная серая масса обрушилась в селехранилище. Колоссальные камни, несколько тонн весом, летели во все стороны, один из них с чавканьем врезался в землю довольно близко от Сергея. А потом наступила тишина — такая неправдоподобная, звенящая, в которую еще нельзя, невозможно было поверить...

Сергей опустился на землю, чувствуя, как ноги и руки трясет мелкая дрожь. Снизу к нему бежал Одиль:

— Сергей, ты жив? Цел?

Сергей прикрыл глаза рукой:

— Жив, Одиль.

Друг молча сел рядом. Они, наверное, долго просидели бы так, если бы из репродукторов не раздался голос, старавшийся говорить спокойно:

— Селевая опасность миновала. Всем вернуться на рабочие места.

— Помоги мне встать, Одиль,— глухо сказал Сергей,— надо идти варить.

Одиль протянул ему руку, помог встать. Медленно, стараясь преодолеть дрожь и слабость в ногах, Сергей стал спускаться вниз. В это время из репродукторов донесся тревожный голос:

— Уровень в селехранилище повысился. До верхней кромки плотины осталось шестьдесят сантиметров.

Сварочный аппарат и кабель не пострадали. Только один из камней упал на маску, вдавив ее в землю. Сергей взял запасную маску. Подошел Михаил:

— Поехали дальше?— сварщик старался говорить шутливо, но голос его прерывался, по бледному лицу стекали капельки пота.

— Поехали...

Сергей поднял держак, надел маску, подошел к трубе. «А ведь немного осталось»,— с облегчением подумал он.

Подъехал на машине Борисов:

— Как вы тут? Живы? Много еще осталось?

— У меня совсем пустяки,— ответил Михаил,— а у тебя, Сергей?

— Скоро закончу.

— Вот и хорошо. Ниже будет не так опасно. Прибыли еще сварщики, вы закончите сами, а они пусть варят следующий стык.

Михаил закончил раньше и спустился вниз, к следующему шву. Сергей остался один. Издалека глухо доносились голоса, удары о металл...

— Вот и все,— вслух произнес Сергей, окидывая законченный шов придирчивым взглядом. Он собрал остатки электродов, взял держак и стал спускаться вниз. К нему подошел Одиль и позвал обедать:

— Так Борисов распорядился.

Сергей постоял, с удовольствием вдыхая пахнувший хвоей воздух. Бросил кабель и электроды, снял маску. Умылся из бочки с водой, выпил бутылку минеральной воды, которая стояла тут же, в ящике. Обед в столовой был отличным. Поев, закурили и, не теряя времени, пошли к трубопроводу. Они не дошли нескольких метров, как раздался крик:

— Сель!!!

Сергей и Одиль мгновенно бросились к горе, вскарабкались довольно высоко, остановились, наблюдая с тревогой, как бегут сварщики — успеют ли? Опять дикий гул и рев, которые нельзя сравнить ни с чем — нет похожих звуков; оглушающий удар многотонной селевой массы... Отсюда, с горы, было хорошо видно, как селевой поток легко, словно песчинки, нес огромные камни, как ломал вековые ели...

— Вернуться к рабочим местам! — донеслось из репродукторов. И чуть позже:

— До кромки плотины осталось пятнадцать сантиметров. В теле плотины появились трещины, идет слабая фильтрация. Из Новосибирска для осмотра плотины специальным самолетом вылетел академик...

Сергей и Одиль быстро сбежали с горы, подошли к Борисову:

— Где варить?

— Вон, чуть ниже, видишь, парень один варит? Вставай рядом.

Солнце опустилось низко и, казалось, остановилось, зацепившись за гору. Из ущелья несло холодноватым ветерком. На площадке сновали электрики, заканчивая монтаж прожекторов. Стало прохладнее, Сергей ощущал сильную усталость, болела спина, резало глаза. А он варил, варил...

«Пятнадцать сантиметров до края плотины, — думал он, — еще один поток — и селевая масса хлынет через край... Трудно представить, что произойдет, когда со всевозрастающей скоростью поток грязи и камней помчится на город... Может быть, это случится сегодня ночью, когда люди будут мирно спать в своих домах... А вдруг не выдержит плотина? В ней появились трещины... Пять миллионов кубометров селевой массы... Наверное, весь город окажется погребенным под ней... А плотина-то ведь экспериментальная...»

Сергей помнил, как сооружалась плотина. Направленным взрывом на это место была обрушена одна из стоявших рядом гор... И сколько было разговоров об этой плотине — строить или не строить? Против направленного взрыва выступали в печати некоторые ученые... А что было бы сейчас, если б не плотина?!

Сергей как-то даже не задумывался над тем, что если прорвет плотину, то и он сам, и его товарищи погибнут первыми. Над этим просто незачем было думать — они должны успеть сварить трубу, должны успеть...

Солнце скрылось, только золотисто-розовое пламя заката полыхало на снежных вершинах. Вспыхнули и опять погасли прожекторы, вспыхнули еще раз и залили ослепительным светом ущелье, а за освещенной площадкой сгущались ночные краски, переходя из синих в непроглядно-черные.

Прилетевший академик, высокий, седой, в очках с толстыми стеклами, карабкался по камням, рассматривая трещины в теле

плотины. Потом, весь измазанный, стоял в толпе инженеров и что-то спокойно объяснял. Сергей услышал только одно слово, которое он ждал больше всего:

— Выдержит...

Подошел Борисов:

— Идите поспите часа три-четыре.

Сергей отрицательно замотал головой.

— Поспите, вы не можете больше варить,— уже строже сказал Борисов,— я разбужу вас через четыре часа.

Сергей бросил держак, снял маску, взял телогрейку и заполз в одну из труб, лежавших на склоне горы. Не успел он устроиться поудобнее, как уже спал крепким сном невероятно уставшего человека.

Была еще ночь, когда его разбудил Борисов:

— Вставайте, Сергей, заканчивать будем.

Ныло все тело, болела каждая косточка, каждый сустав. Сергей ополоснул лицо холодной водой, взял из ящика бутылку кефира, выпил. Огляделся. Он стоял на склоне горы, откуда было хорошо видно все ущелье, плотина, грязевое озеро позади нее. На поверхности грязевого озера плавали понтоны с установленными на них насосами. Кто-то отчаянно смелый — ведь если пойдет сель, с понтона не спасешься — подключал насосы к кабелю, переброшенному с берега.

Сергей сбежал с горы, нашел маску, держак. Последний шов... Наконец закончен и он. Сергей отошел в сторону. Еще светились кое-где голубые огни сварки, но постепенно они гасли, как звезды в предутреннем небе, вот погас последний...

— Включить насосы!

Зашелестело в трубах, застучали о металл мелкие камешки; еще несколько секунд — и на склон горы мощным потоком хлынула полужидкая коричневатая струя, сбегая с шумом и журчанием в пересохшее ложе речки.

А люди спали в своих домах, и мало кто знал в ту ночь, что за их жизнь, за жизнь прекрасного города идет самоотверженная борьба в урочище Медео... Они узнают об этом потом, когда исчезнет всякая опасность.

ИВАН НИКИТИН

ПЛЫВУЧЕЕ ЗОЛОТО

Очерк

В очерке рассказывается о начале реконструкции золотой промышленности нашей страны под руководством видного партийного деятеля и хозяйственника А. П. Серебровского, о котором В. И. Ленин писал: «Серебровского считаю ценнейшим работником».

— Алло! Говорит Казаково! Главный бухгалтер Бабич. Я задержал самозванца.

— Кого? — переспросил удивленный Рассадин.

— Са-мо-званца! Выдавал себя за монтера, все выведал, вызнал о золоте и... бац! Предъявил документы на имя Серебровского!

— Как одет? — Рассадин смахнул со лба капельки пота.

— В кожанку и высокие сапоги.

— Где директор рудника?

— В Шахтаму уехал. Мною проверено: самозванец украл документы. Это точно!

— Хорошо. Выезжаю.

Этого еще не хватало! Серебровский — не простой «золотарь», а начальник Главзолота, заместитель наркома Серго Орджоникидзе.

Зацокали подковы по галечной дороге. В сопровождении двух милиционеров Рассадин поскакал в Казаково. Грызло беспокойство: «Как могло случиться, что документы Серебровского оказались у проходимца?»

Рассадин знал Серебровского давно, еще до революции... На Владивостокском рейде восстали корабли: военный транспорт «Тобол», отряды миноносцев, матросы Сибирского флотского экипажа,

минные роты. К ним присоединились солдаты Хабаровского резервного полка, портартуровцы, прибывшие во Владивосток из японского плена, артиллеристы крепости...

Рассадин с товарищами захватил во Владивостоке здание военно-окружного суда, караульные помещения, разоружил охрану крепостной гауптвахты и выпустил арестованных, поджег городские тюрьмы и полицейские участки.

Потом — Нерчинская каторга: Горный Зерентуй, Казаково, прииск Дальний, побег.

Серебровскому за участие в восстании на военном миноносце присудили пятнадцать лет каторги. Но он бежал. Восемь раз арестовывали этого человека. И неизменно он убегал.

На этот раз скрылся за границу.

Бухгалтер встретил милиционеров за околицей.

— Здорово, Бабич! — приветствовал его Рассадин, спрыгивая с коня.— Рассказывай.

— Он прибыл вчера вместе с обозом,— не отвечая на приветствие, возбужденно рассказывал Бабич.— «Откуда, братец? По какому делу?» — спрашиваю. «Из Москвы,— говорит,— на сборку драги». Мы обрадовались: столица прислала монтера! Пригласили монтера поесть, попить, отдохнуть с дороги. А он под шумок скрылся. Задал коню корма и отправился спать на сеновал. Утром, осмотрев хозяйство, принарядился, галстук нацепил и предъявил документы Серебровского. «Много золота в сейфах храните, товарищ бухгалтер?» — спрашивает. «Ишь куда закидывает,— сообразил я и ответил: — Не дури мне голову, товарищ монтер. Иди собирай свою драгу». А он посмеивается: с этим, мол, успеется. Я строже: «Тут не Москва, товарищ монтер. У нас свои законы»,— прикрикнул, значит.

— А если это действительно Серебровский? — спросил Рассадин.

— Нет! На начальника он не похож. И другое: зачем же Серебровскому на сеновал забираться, когда у нас кровати есть?

— Где он?

— В кабинете директора я его запер. Охрану выставил.

Рассадин и Бабич вошли в контору. Бухгалтер отпер массивную дверь, обитую дерматином, и пропустил вперед начальника милиции.

Человек с документами Серебровского сидел в кресле за широким директорским столом из красного дерева и, склонившись над бумагами, что-то писал.

«Вот нахал!» — подумал Бабич и громко крякнул.

Монтер поднял голову.

— Александр Павлович! — воскликнул Рассадин.— Вот обрадовал!

Серебровский вскочил, обошел стол, бросился навстречу.

Они крепко, по-братски, обнялись, расцеловались. Потом обернулись к Бабичу и захохотали. Обескураженный и растерянный бухгалтер тихо вышел, плотно прикрыв дверь.

— Что же мы стоим?! — радостно пробасил Рассадин, усаживаясь на венский стул.

Серебровский сел на диван, посмотрел на Степана. «Тот ли это Рассадин, волосатый верзила в черном бушлате, с громовым голосом? А теперь гимнастерка, сапоги, темно-синие галифе. Появились

мешки под глазами, шрамы на лице». Поглядел и Рассадин на Серебровского. Как и в те далекие годы, он был высокий, плечистый. Но глаза уже чуть-чуть усталые.

— Поизносился, Александр Павлович. Ишь, голова-то в инее.

— И тихая вода берега подмывает,— рассмеялся собеседник. Его добрая, мягкая улыбка напомнила прежнего Серебровского.

— Надолго, Александр Павлович?

— Поживу немного.

— Что нового в Москве?

— Вечером за чайком поговорим о столице,— Серебровский поднялся, натянул фуражку, одернул кожанку.

Они вышли на высокое крыльцо. Увидев Бабича, уныло стоявшего у плетня, Серебровский окликнул:

— Товарищ бухгалтер! На столе директора я оставил приказ по руднику. Вам объявлена благодарность за бдительность!— И повернулся к Рассадину:— Извини, Степан Борисович, я пройдусь немного. Готовь лошадей. Поедем в Дальний.

Александр Павлович размашисто зашагал к Унде, думая о Рассадине. Вечером они вспомнят революционные годы, друзей...

...На краю поселка Серебровский остановился, огляделся. Влево, у горы, виднелись копры шахт, щебеночные отвалы. Грохотали камнедробилки. Вправо, по косогору, сновали люди, тарахтели телеги. Споро и весело рабочие заканчивали разборку Казаковского централа. Они уже снесли высокий каменный забор, и взору открылось обширное тюремное кладбище с почерневшими крестами. А возле забора — островерхие памятники, железные оградки — последнее пристанище приискового люда и купеческой знати.

В середине прошлого века здесь по царскому указу лилась через край жестокость. Людей истязали, не зная милосердия. Зверея от пролитой крови, шествовал с розгами палач Ефтин. И путь его и сейчас отмечен крестами да могилами.

Александр Павлович спустился с холма. Вкривь и вкось стояли кресты. Нет до них никому дела. Многие рухнули, сгнили, рассыпались в труху, дожди и ветры сравняли с землей могильные холмики. Защемило сердце. Как коротка жизнь!

Первый раз он подумал об этом много лет назад, когда стоял на коленях перед гробом жены. Анна Ивановна зачахла от туберкулеза, неустроенного быта, плохого питания. Вторая жена — Евгения Владимировна, дочь землемера, убитого бандитами,— оказалась смелой, сильной, ладной. Вместе с ней переносили тяготы жизни — всегда в пути, в тайге, на приисках. Сейчас она в таежном штабе на станции Приисковая, в сорока километрах отсюда.

Осторожно обходя могильные холмики, Серебровский рассматривал надписи на крестах. Кто тут похоронен?

«Михайлов Петр Илларионович»,— прочитал он на мраморной плите.

Да это горный инженер, брат поэта Михаила, который попал под мрачные своды Петропавловской крепости. В своей прокламации «Молодому поколению» Михаил Михайлов звал к свержению самодержавия.

«...Не народ существует для правительства, а правительство для народа... Нам нужен не царь, не император, не помазанник божий, не горностаевая мантия, прикрывающая наследственную неспособность;

мы хотим иметь главой простого смертного человека земли, понимающего жизнь и народ, его избравший...»

И за эти страстные, негодующие слова — шесть лет каторги. Четырнадцатого декабря 1861 года, в пять часов утра, поэта-революционера привезли на Мытнинскую площадь для гражданской казни. В серой арестантской одежде, в кандалах осужденный спокойно поднялся на помост в сопровождении жандармов. Под барабанный бой его поставили на колени, чиновник зачитал приговор, палач переломил над обнаженной головой Михайлова шпагу.

Друзья купили возок, теплые вещи, и «государственный преступник» под охраной двух жандармов отправился за студеное Байкал-море в страну Изгнания — в Нерчинский округ. В марте он заехал к брату Петру на Казаковский рудник. Здесь Михаил ненадолго задержался. Он снова занялся литературным трудом, открыл школу для детей служащих и крестьян. Но вскоре по распоряжению царя его отправили в Кадаинскую тюрьму на каторжные работы. Через два года он встретился здесь со своим другом Николаем Чернышевским, тоже сосланным на каторгу... «Сибирь — это сама история! — подумал Серебровский. — Вот и это Казаково. Кто тут только не побывал! Брел на вечное поселение в Якутию большевик Емельян Ярославский. Шел этапом в Горный Зерентуй революционер Егор Созонов, земляк...»

Вспомнилась Уфа, детство. Отец — ссыльный народоволец, слесарь на железной дороге. Мать умерла рано. Заботилась о нем тетка Лидия Михайловна...

— Александр Павлович!

Серебровский обернулся: на проселочной дороге милиционеры на конях. Рассадин с трудом удерживал в поводу рослого гнедого рысака, который изгибал крутую шею, косил глаза, храпел, пританцовывая, рвал поводья.

— Ох, и дикий же у вас конь, Александр Павлович! — покачал головой Рассадин.

— Дикий, говоришь? Верно. Шагом не ходит. Только галопом. Настоящий Ураган! — Серебровский потрепал коня по шее, взял под уздцы. И только прыгнул в седло, как Ураган сделал «свечу» и, закусив удила, рванулся вперед.

— Догоняйте! — задорно крикнул Александр Павлович, пригнувшись к луке...

В Дальний они приехали к обеду. Серебровский остановил коня, спрыгнул, бросил повод Рассадину.

— Загляну к геологам. Провожать не надо, Степан Борисович! До вечера!

Рассадин одобрительно смотрел вслед Серебровскому. Как легко, пружинисто спускался он с косогора к березовой роще! Начальник милиции знал, что Александр Павлович обычно без всякого сопровождения появлялся то на шахте, то на иловом заводе, то на стройке. Заглядывал в плавильные печи, проверял съемку золота на драге. В прошлый приезд зашел в механические мастерские и услышал «трехэтажную» ругань. Подошел поближе, постоял, спросил рабочего:

— Кого так поминаешь?

— Серебровского, — ответил слесарь. — Башковитый инженер, разбирается во всем, а из-за границы привез рухлядь...

Александр Павлович внимательно осмотрел станок, вздохнул:

— Извини, браток. Надули меня, прохиндеи!

Каждый приезд начальника Главзолота в Дальний заканчивался слетом — деловым совещанием ударников, руководителей производства. Всем хотелось услышать, что думают о золотой Унде в Наркомтяжпроме. Много критических замечаний и ценных предложений высказывали строители, горняки, металлурги.

На взгорок взбирался лесовоз, стонала на малой передаче коробка скоростей. А поодаль глухо грохотало, гремело. Там заканчивалось строительство третьей золотоизвлекательной фабрики. Громадное серое здание прямоугольными уступами поднималось в гору, величественно возвышаясь над рудником. Прокладывали аллейки, тротуары, намечали, где быть бассейну, фонтану, клумбам.

Александр Павлович остановился поразмыслить. В тресте Востсибзолото сделали заключение, что кривая запасов на Дальнем клонится книзу. И вдруг начальник Главзолота отчетливо осознал, что устоявшейся жизни на руднике, когда все просто и привычно, приходит конец. И все-таки все нужно тщательно взвесить.

О золотоносности Унды разгорелись жаркие споры. Многие ученые утверждают, что ундинское золото вторичного происхождения и образовалось при перемыве моренных отложений. Золото мелкое, тертое, в виде тончайших, едва различимых блесток — типичное «плывучее», неуловимое в лотке, вообще не имеющее промышленного значения. Ундинские промыслы истощаются, сливки взяты «кабинетом Его Императорского Величества». За шестьдесят лет добычи в царскую казну отсюда перекочевало девять тысяч триста сорок два пуда валютного золота.

«Что же случилось? — думал Серебровский. — Чтобы вскрыть кварцевые жилы, заложили шурфы. Золото показывалось, заманивало, дразнило, а потом исчезало бесследно. В чем дело? Коренное золото есть, но оно погребено под огромной толщей породы. Золотосодержащие жилы рождаются в недрах земли на различных глубинах. Возникают они по трещинам, и не в одиночку, а разветвляются, охватывая определенную площадь. Обвалы или реки могут обнажить или, наоборот, укрыть жилу. Геологи же, уцепившись за обнаженную жилу, должны научиться вскрывать и «слепые», невскрытые».

Продумав все до конца, Александр Павлович почувствовал не только облегчение, но и усталость, как после тяжелой, изнурительной работы. Он обогнул березовую рощу, взошел на крутой холм и увидел на берегу реки палаточный городок студентов-практикантов.

Серебровский подошел к самой большой палатке — штаб-квартире геологов. Здесь молодые инженеры намечали места разведки, изучали образцы горных пород, обрабатывали пробы, составляли геологические карты, зарисовывали выработки, писали отчеты.

— Здравствуйте, студенты! — начальник Главзолота направился к длинному, узкому столу, заваленному образцами, и, обращаясь к горному инженеру, спросил: — Ну как, Роман Алексеевич, золотит?

— Шурфы показали золото, — обнадежил Суровский. — К счастью, Александр Павлович, «кабинет» и золотопромышленники брали только россыпное «бешеное» золото Новой Калифорнии и не добрались до главного сокровища Дальнего — знаменитой Золотой

Горки, очень богатой рудным металлом. Месторождение необычно, со своеобразным пластинчатым кварцем, с тонким золотом. Жилы расположены сетками, петлями. Самое главное — их очень много!

— Показывайте,— оживился начальник Главзолота.

Вокруг стола сгрудились студенты. Они с уважением смотрели на Серебровского, по книгам которого познавали секреты добычи золота.

— Нами закончена геологическая съемка Дальнего и его окрестностей, уточнено многое из того, что было открыто до нас,— продолжал Суровский, развертывая планшет. Острие карандаша побежало по карте от шурфа к шурфу.— Смотрите, вот образцы.

Серебровский в большую лупу рассматривал пробы из шурфов. В некоторых образцах, извиваясь, пересекали друг друга прожилки сульфидов: золотисто-желтого пирита, темного, почти черного сфалерита и галенита, сверкающего серебром.

— Есть золото. Содержание проверить в лаборатории!— распорядился Александр Павлович.

Он взял серо-голубоватый осколок. И снова жилка с живым, теплым, чуть перламутровым блеском.

— Молодцы, студенты!— похвалил начальник, вглядываясь в загорелые лица парней и девушек.— После окончания института просим на прииск.

Молодежь обступила Серебровского.

— Расскажите, профессор, о вашем побеге с каторги,— попросил белокурый студент, застенчиво моргая близорукими глазами.

— Каторга была заменена дисциплинарным батальоном, который строил Амурскую железную дорогу,— глухо, с придыханием заговорил Серебровский.— Было мне тогда двадцать четыре года. С работы мы возвращались измученными. Ни книг, ни доброго слова. Одно утешение — скрипка. Матрос на ней играл. Как возьмет в руки, поведет смычком по струнам — слеза на глаза навертывается! Соберутся конвойные. А скрипка поет, заливается соловьем, плачет по-детски навзрыд, выводит печальный рассказ о радости минувших дней и тяжелой нашей доле... Кто-то взгрустнет, вспомнит родную Волгу, дубравы, красавицы березки, где гулял когда-то... Но скрипка уже не рыдает, а веселится и приговаривает: «Выйду ль я на реченьку, посмотрю на быструю...» И вдруг... понесется в частом переборе плясовая «Барыня»...

От воспоминаний профессор будто помолодел, румянец выступил на щеках. Баритон его стал звучнее, задушевнее.

— Когда лес оделся в зеленое платье и закуковала кукушка, скрипач-матрос сказал: «Генерал Кукушкин зовет. Надо уходить». Целый месяц не играл матрос. Уговаривали товарищи, просили конвойные, но моряк молчал и думал о чем-то своем.

Рассказчик умолк, задумался.

— Однажды вечером на лагерном дворе собрались заключенные и конвойные. Стали приставать к матросу, но он потупился и сказал: «Не могу! Если сыграю — уйду!» Конвойные раскрыли ворота, смеются: «Сыграй и беги! Только не обижайся на пулю!» И скрипка заиграла песню о том, как томится в неволе молодец: «Сбейте оковы, дайте мне волю, я научу вас свободу любить». Плавно и ровно, постепенно нарастая, напев птицей вспорхнул, ширясь, понесся в темноту. Матрос медленно ходил по двору и играл. Песня звала куда-то вдаль, тосковала по воле... Казалось, скрипка поет человеческим голосом. Замерли люди. Ни звука. Давно смолкла скрипка, но никто не тронулся с места...

Студенты стояли тихо, увлеченные рассказом.

— Наконец конвойные пришли в себя и кинулись за ворота... Ищи ветра в поле! Человек в тайге что иголка в стогу сена...

— Это были вы? — не выдержала кудрявая голубоглазая девушка.

— Недаром в народе говорят: скрипка — царица музыки! — продолжал профессор.— Это случилось на станции Мулино. Мы возвращались с работы. Смеркалось. И вдруг синий сумрак дрогнул, зазвенел колокольцами... Скрипка! Она пела о вольной волюшке, манила в тайгу... И я шагнул в сторону, побежал. Грохнул выстрел. Я побежал быстрее. Почувствовал, что обожгло ногу, когда я был уже в чаще. Шальная «пуля стрелка» меня не миновала, но я продолжал бежать... Споткнувшись, упал, заполз в кусты, притих. Очнулся на рассвете. Ногу ломило. Снова пополз... К вечеру увидел тропу. Тут и подобрали меня крестьянки. Прожил зиму в деревне, поправился. Таежные травы помогли вылечить рану. А потом — Париж. Встреча с Владимиром Ильичем. По его настоянию уехал в Брюссель учиться на инженера. И снова Россия.

Серебровский замолчал. О чем он думал в эти минуты, что вспоминал?

...Серебровский — председатель Азнефти. Его поношенная, подбитая ветром шинель, шапка-кубанка и стоптанные сапоги мелькают

на бакинских нефтяных промыслах, которые в первые годы после революции представляли полнейшее запустение.

Потом понадобилось срочно восстанавливать разрушенный белыми железнодорожный мост через Куру. Приглашенные для этого французские специалисты сказали, что здесь работы не менее чем на три месяца. Тогда на восстановление моста послали его, Серебровского. Сам делал все расчеты, руководил строительством, и... через четыре дня через Куру пошли поезда с нефтью.

Где только не побывал он! Ездил в Америку, Германию, Францию, изучая зарубежную нефтяную промышленность, а затем золотодобывающую технику. Изучил в совершенстве иностранные языки. Может беседовать и с членами парламента, и с простыми людьми. Специалисты всегда готовы выслушать его интересную лекцию. А сейчас вот из кустарного промысла создает он кузницу валютной мощи страны. Его называют королем золота, а у него нет и крупицы этого благородного металла.

— Продолжайте, Роман Алексеевич, свой отчет.— Серебровский вывел Суровского из задумчивости.

— А вот совсем редкий камешек, Александр Павлович!— Инженер протянул кусок зеленого кварца с красными проблесками.

— Это же чудо!— воскликнул Серебровский.— Немедленно покажите мне этот шурф.

Они вышли из палатки и направились к Золотой Горке. Гладкий, облизанный ветрами косогор покато сбегал к пряслам шахтерских огородов. Усеянная валунами серая земля. Инженеры поднялись на сопку и подошли к глубокому шурфу. Александр Павлович снял кожанку, надел брезентовую куртку, уселся в бадью, и воротовщики осторожно опустили его вниз.

Заместитель наркома замер от восторга. Пересекая наискось прямую стенку гранита, здесь залегала голубовато-зеленая красавица жила сечением до четырех метров. Словно ласточкины гнезда, торчали самородки...

К шурфу подошел приземистый пожилой горняк в промасленной робе. Опытным взглядом оценил горного инженера, который, забыв обо всем, осматривал кварцевые камни, кивнул на шурф:

— Кто там?

— Серебровский, Карп Ефимович,— пригнувшись, прошептал воротовщик.

Точно кипятком кто плеснул в горняка. Он отошел к крепи, опустился на бревно. Дрожащими пальцами достал кисет, свернул самокрутку, прикурил, жадно затянулся. А когда поднял глаза, воротовщик удивился: в них застыла тоска.

«А я-то его чуть на тот свет не отправил...»— горько подумал Карп. Осатанел тогда народишко, взлютовал, закрутился в кровавой кутерьме...

Было это весной 1921 года. Он, Карп Арапов, казак из станицы Троицкой,жил тогда в лагере под Константинополем среди тысяч солдат, увезенных белогвардейскими генералами из Крыма. Как псов бездомных, гоняли на работы к турецким помещикам, вербовали во французский иностранный легион. За отказ наказывали, даже били. Хошь живи, хошь помирай.

И тут дошли слухи: пришвартовался в Константинополе первый советский пароход «Джорджия» с нефтепродуктами. Газеты на все

лады расписывали «происки» большевиков в Турции, не жалея яда и грязи по адресу «красного корсара» Александра Серебровского. Шум в прессе усилился, когда в Константинопольский порт вошел второй пароход из Советской России — «Полония» с грузом бензина и дорогого машинного масла.

«Красный корсар принимает расчеты только в золотой валюте. В Константинополе он открыл мелкую экспортную контору. Его осаждают покупатели, деньги платят вперед. Намечается большой разворот торговли».

«Нефтяной корсар погрузил на «Джорджию» буровые станки, штанги, насосы, комплекты буров, наборы бурильных инструментов, закупленные еще Манташевым и Нобелем. Им оплачены пошлины семилетней давности — двенадцать тысяч рублей золотом».

«Французская компания «Сосифорс» в обмен на нефть взяла на себя поставку восьми грузовых автомобилей, одежды, обуви, ниток, сахара, какао и сорока тысяч пудов муки...»

«Фирмы «Гаджи-паша Турция-нефть» и итальянская «Альфред Альберти» открывают в Баку свои отделения для закупки нефтепродуктов...»

Так писали газеты.

Однажды Арапова вызвали в офицерский лагерь к полковнику Ефтину. В небольшой комнате барака за круглым столом, уставленным бутылками с виски, французскими и турецкими винами, заваленным фруктами и восточными сладостями, важно восседал бывший владыка Нерчинского округа. Напротив — тощий, худощавый англичанин с рыжеватыми волосами.

— Здорово, земляк! Садись,— ласково пригласил Ефтин, сверкая золотыми зубами.

Карп пригладил курчавую бороду, поправил рваную шинель, присел на краешек стула.

— В Совдепию не тянет?

— Кошки скребут на душе... ваше высокоблагородие! — признался солдат.

— Ты казак, кавалер Георгиевского креста. А за это большевики не милуют. Понял?

— Так точно, ваше высокоблагородие!

— Завтра утром шестьсот наших будут работать в порту. По сигналу затеют бузу, драку. Потом кинутся на «Джорджию» и подожгут ее...

Приподняв зеленую скатерть, полковник достал и положил перед Карпом фотографию.

— Это Серебровский. Ты должен убить его!

С карточки на Карпа глядел добродушный мужчина лет тридцати семи в черном костюме.

— Полиция предупреждена, мешать не будет,— продолжал Ефтин, наполняя стакан вином.— Выход в море закрыт.

— За одного большевика куча золота,— вставил англичанин.

— Промахнешься — пеняй на себя! — пригрозил Ефтин.

Одурманенный посулами золота, Арапов возвратился в свой лагерь. В огромном грязном бараке душно, смрадно. Где-то, далеко в углу, выводили протяжно:

Плачут, тужат казаченьки
В турецкой неволе...

«Завтра эти солдаты пойдут поджигать и убивать!» Леденящий холод заполз под рубаху казака. «Зачем? Для чего? Ну уж, конечно, не на благо им, солдатам, оставшимся без родины. Надо предупредить Серебровского. Пусть уплывает от греха подальше... Но как предупредить?»

И вдруг среди ночи в бараке появился сам Серебровский. Прихрамывая на раненую ногу, с трудом взобрался на топчан, всмотрелся в белеющие в полумраке озлобленные лица, обращенные к нему с угрозой. Глубоко вздохнул, заговорил негромко:

— Я начальник Азнефти. Вместе с рабочими из Баку и моряками из Грузии привез сюда нефть и обменял ее на продукты, одежду, машины и оборудование. Завтра вы должны нас убить, а все, что мы купили, уничтожить. У меня в Баку пятнадцать тысяч рабочих. А нужно — пятьдесят тысяч. Я вас спрашиваю, что вы здесь делаете? Неужели не хотите вернуться домой?

Какое-то непонятное чувство охватило солдат. На душе каждого было темно и горько. Барак взорвался яростными криками, бранью.

— Чего душу травишь, гад?!

В груди солдат клокотала ненависть к этому чужому, непонятному человеку — врагу, большевику. Он не кричал, не звал на помощь, спокойно стоял на топчане, даже улыбался. И это спокойствие остановило солдат. Велико было желание поверить в изменение своей судьбы.

— Вас натравливают хозяева компании «Ройял датч-Шелл». Эти господа владеют складами, трубопроводами и наливным флотом. Все продумано: с русскими расправятся русские, промышленные тузы останутся в стороне...

— Англичане? — разом ахнуло полтысячи человек.

Поднятая рука Серебровского не скоро остановила крики и ругань. Шум постепенно смолк.

— Помните: здесь вы потеряете себя в озлоблении и низости. А Россия живет! Вы нужны ей, ибо вы ее сыны. Я предлагаю вам работу, жилье, пищу, уважение нашей молодой республики к рабочим людям. Я зову вас к нам, в Баку, на трудную работу, которая очень нужна России.— Он помолчал, потом просто, деловито добавил: — Сегодня же ночью составьте списки всех желающих вернуться на Родину. Знаю, русскому человеку на чужбине горько. Своя земля и в горстке мила!

Около восьми тысяч обездоленных врангелевцев Серебровский постепенно перевез на нефтяные промыслы. Многие остались в Баку. А Карп, проработав пять лет буровиком, подался в родные края, в станицу Троицкую. От хозяйства, и в прежние годы захудалого, теперь ничего не осталось — только дом да амбар. Переехал на рудник. Стал горняком.

...Из шурфа вылез Серебровский, сбросил робу.

— Кто проходчик этого шурфа? — спросил он, надевая кожанку.

— Карп Ефимович Арапов,— сказал Роман Алексеевич.

В тишине что-то треснуло. Серебровский оглянулся: на бревне сидел Карп и машинально вертел в руках сломанный прутик. В зубах торчала давно потухшая самокрутка. Александр Павлович подошел к нему, тронул за плечо.

Карп встал, бросил под ноги окурок.

— Здорово, бурильщик! — улыбнулся Серебровский, крепко по-

жимая мозолистую руку горняка.— Э-э, да мы, кажется, знакомы? Стал горняком? Это замечательно! Спасибо, Карп Ефимович! Сам не знаешь, какое большое дело спас ты этим шурфом.

— Это вам спасибо! Вы тогда нас спасли...— смутился Арапов.

— Ну что старое поминать?.. Теперь мы поведем перспективную разведку в больших масштабах,— горячо заговорил Серебровский.— Проведем полную реконструкцию золотой промышленности. Заводы Иркутска, Алма-Аты, Уфы, Благовещенска нам уже дали новейшую технику. Мы заглянем в глубины недр земных!

Александр Павлович весело поглядывал на Арапова. Горняку передалось приподнятое настроение начальника Главзолота. А тот продолжал:

— Рано скептики пели отходную Дальнему. Со временем мы доберемся и до тертого золота. И в долину Унды пожалуют господа из-за океана, чтобы поучиться, как добывать «плывучее» золото, неразличимое даже в микроскоп!

АНАТОЛИЙ ПАРЕНЬКОВ

ПЕШКОМ ПО «КРЫШЕ МИРА»

Очерк

«...Здесь самое высокое, говорят, на Земле место... трудно дышать, огонь греет плохо и люди очень редки...»
Марко Поло

1

Итак, решено: идем! Затеяли мы, кажется, довольно сложное дело и, конечно же, рискованное. Памир недаром называют «крышей мира», а Мургабский район — самый высокогорный на Памире. Селения расположены здесь не ниже 3500 метров над уровнем моря, проверенной туристской тропы к Сарезу и Бартангу не существует, и нам самим предстоит прокладывать ее.

Правда, до нас в этих местах прошла группа М. Гендлина, которой Таджикский республиканский совет по туризму поручил разведать этот маршрут, относящийся к категории высшей сложности. Группу обеспечили высокогорным снаряжением, в ее составе шел опытный памирский альпинист Виталий Ткаченко. У нас же на троих — двухместная палатка, продуктов на неделю, небольшой запас сухого спирта для приготовления еды и много энтузиазма. К тому же о слаженности и спайке, необходимых для подобного сложного похода, говорить не приходится.

Алексея Горелика мы двое — другие члены группы — видим впервые. Алексей — гидролог. На Памире работает третий год. Уже два раза прошел по леднику Федченко через легендарный Ледяной перевал до Баляид-Киика и Алтын-Мазара. А это кое-что значит. В пути Алексей будет заниматься своими водными делами. Но вот с

Чержем Давлятовым мы проделали по горам сотни три километров. Давлятов — капитан милиции, иачальиик ГАИ Горио-Бадахшанской области, то есть хозяиии всех высокогорных дорог Памира. И отчаяииые памирские шоферы, вероятио, в знак особого уважения называют его «деви-куи», что озиачает «гориый черт». Капитаиу иужио осмотреть дороги, по которым будут ходить геологи и туристы. И хотя большинство этих дорог и троп совсем ие автомобильиые, все же это обязаниость его.

Ну, а моя задача... Я узиал, что часть маршрута за Сарезским озером будет проходить по ущелью Бартанга. Здесь во время одной из первых советских геологических экспедиций, обследовавших этот райои в тридцатые годы, погиб мой отец и его товарищи, попавшие в гориый обвал. Мие хотелось хоть что-иибудь узнать о трагической судьбе этой экспедиции.

Итак, иас трое. Впрочем, в самом начале маршрута ие трое, а четверо: в яководческом совхозе «Булуи-Куль», откуда иачииается наш путь, у Алексея Горелика и капитана Давлятова много зиакомых. И старший совхозиый зоотехиик Витаншо Зииатшоев сказал, что утром ои отправляет иа дальиюю летовку Баш-Гумбез вьючиых яков. Пойдет с иими комсорг совхоза Насреддии Эгамкулов, он и будет у иас проводником иа эту часть пути.

Утром приводят яков, которых здешиие жители чаще иазывают кутасами. Мие для поездки досталось огромиое животиое, более двух метров длииы, около полутора — высоты, страшио массивиое и тяжелое. Наслышавшись об этих искоииых обитателях высокогорий Азии, скорее зверях, чем домашиих животиых, дикие стада которых и теперь еще бродят по Тибету и Непалу, я с некоторой опаской смотрю иа мою «лошадку».

В неприветливости своего кутаса убеждаюсь сразу же, как только трогаемся в путь. При подъеме иа первую же гориую тропу он иачииает вздыхать, пыхтеть, отдуваться, будто ему очень трудио нести иа себе меия, мой фотоаппарат и иебольшой рюкзак. Правда, Насреддии говорит, что все это сплошиое притворство: яку просто ие хочется уходить из долины от вкусиого сена. Но мие от этого ие легче. Як еле-еле передвигает иоги. Никакие уговоры и поиукания иа иего не действуют. Мы безиадежио отстали от группы. Послав его в сердцах ко всем чертям, я спешиваюсь, чтобы хоть иа своих двоих догнать остальиых. Те оглядываются, призывно машут и смеются. Як же, чем быстрее я иду, тем торопливее семеиит за миой: ему ие хочется оставаться одиому.

Между тем тропа поднялась иа один из боковых отрогов хребта Базардара, или Северо-Аличурский. Она ие крута, хотя и проложена иа высоте 4000 метров. Это уже высоко. Догоиять пешком ушедших вперед трудио. При быстрой ходьбе задыхаешься, ие хватает воздуха.

Но все это компеисирует открывшийся вид иа север и северо-запад. На одиом с иами уровие тяиутся сиежиые гребии Севериого Аличура. За иими — массив Музкола, а еще дальше — ослепительио-белое сияние ледииков на сплетеиии хребтов Узла Гармо! Это уже за Сарезом, километрах в ста пятидесяти, где самое сердце Памира и недалеко высочайшая вершииа нашей страны — пик Коммунизма.

Все двадцать пять километров до озера Яшилькуль мы так и шествовали: впереди я, поспешая за остальиыми, як — за миой. Не

удивительно, что в домике метеостанции я как подкошенный свалился от усталости, и, казалось, ничто на свете уже не сможет поднять меня.

Однако гостеприимство хозяев, крепкий чай и сердечная улыбка Ниязмамеда — «начальника погоды» в этой точке земного шара — сделали свое дело. Я сел за дастархан с обильным угощением и даже позже сходил подкинуть своему яку сена.

Утром я осмотрелся. Из озера Яшилькуль берет начало река Гунт. Она течет через весь Западный Памир к Хорогу, где вливается в бурный Вахш. Сколько я ни смотрел на реку и карту, так и не нашел переправы через Гунт. Река бурная, ледяная вода неминуемо тотчас же собьет с ног любого пешего, и потому придется снова взгромоздиться на яка. Задолго до переправы я предложил своему кутасу целый ворох сена, робко надеясь, что это мое маленькое подхалимство сделает его более покладистым.

И действительно, вначале все шло отлично. Кутас бодро вошел в

реку и, вздымая грудью пенистый бурун, забрел в глубину. Но тут он вдруг остановился. Защищенный густейшей шерстью, кутас блаженствовал в бешеных струях ледяной воды. По его морде было видно, что вылезать на берег никак не входило в его расчеты.

Я осторожно тронул его каблуками. Потом легонько постучал по бокам прихваченной на всякий случай палкой — все равно что по каменной глыбе, торчащей из воды чуть ниже по течению.

Спрыгнуть с кутаса, как накануне, я тоже не мог. Если бы даже течение не разбило меня о камни, коробка с высотомером, фотоаппаратом, записные книжки, рюкзак исчезли бы бесследно.

Вконец раздосадованный, я начал что есть силы колотить упрямого кутаса пятками, кричал на него, цокал и нокал. Потом принялся стучать палкой по загривку. Бесполезно!

Блаженствуя в воде, он только хрюкал от удовольствия (именно такие звуки издают яки), а до меня ему просто не было никакого дела. Алеша Горелик, капитан и Эгамкулов опять покатываются от смеха.

Накупавшись вдоволь, кутас вдруг решил догнать ушедших вперед. Он двинулся из воды с такой прытью, что я тотчас же оценил все его возможности скалолаза, которые он до сих пор почему-то скрывал. По каменному валу, круто поднимавшемуся на плато, он шел так легко, будто бы и я, и туго набитые рюкзаки, и свертки, которыми теперь он был нагружен, не тяжелее пылинок. ...Як осторожно трогает копытами камень, кажущийся ему ненадежным, потом прыгает. Пролетая метра два, а то и три, приземляется на площадку, такую маленькую, что у меня замирает сердце. Но после каждого прыжка я все же победно оглядываюсь на спутников и смеюсь, хотя и несколько нервно.

Впрочем, не надо было обижаться на моего кутаса. Впоследствии я неоднократно убеждался, какое большое значение имеют яки в повседневной жизни жителей высокогорий. Яки дают мясо. Из их шерсти делают кошму, которой укрывают юрты, постилают на пол. Из той же шерсти изготовляют ткани для теплой зимней одежды и даже мягкую обувь.

Но самое удивительное — это молоко яков. Жирность его в три, а то и в четыре раза выше коровьего, поэтому по внешнему виду его не отличишь от сгущенного. Масло из ячьего молока сбивается тотчас же, оно очень пахучее и долго не портится. Зимой, в морозы, ячьим сливочным маслом приправляют чай, немного присаливают и приперчивают — такой чай прекрасно согревает и бодрит.

И еще: яки удивительно неприхотливые животные. Они круглый год находят корм среди, казалось бы, голых камней, выкапывая его даже под полутораметровым слоем снега. Благодаря трубчатому строению шерсти (внутри каждой шерстинки находится воздух) и плотному подшерстку яку не нужны никакие искусственные укрытия даже в сорокаградусные морозы при сильных памирских ветрах. Летом же кутасы пасутся вблизи зоны вечных снегов, здесь они отдыхают и находят необходимую прохладу.

Яки — единственные продуктивные одомашненные животные, которые могут жить на памирских высотах. Поэтому на Памире стараются расширить поголовье яков, поставить дело на прочную научную основу. Создан первый яководческий совхоз — «Булун-Куль»; разводят яков в колхозе «Памир». Знакомый уже нам

Центральный Памир. Яководческий совхоз «Булун-Куль»

совхозный зоотехник Витаншо Зинатшоев старается вывести породу яков, которые при стойловом содержании не снижали бы удоев и жирности молока.

2

С плато перевала Тахтакорум, что означает «каменные доски», открывается величественный вид на долину реки Лангар. Скалы здесь обрываются полукилометровой пропастью. Внизу чуть поблескивает ниточка реки, озерко, которое кажется с блюдечко. И это все, что лежит в горизонтальной плоскости. Остальное устремлено ввысь сплошными вертикалями, словно созданный чудаком-зодчим фантастический город без улиц и площадей, из одних только стен, башен и вышек.

Путь к Сарезу у нас, как и у группы Гендлина,— по Лангару. Но едва мы спустились в долину, острый глаз Эгамкулова издалека заметил приближающегося к нам всадника. Спустя час-полтора обмениваемся вежливыми таджикскими приветствиями с прикладыванием рук к сердцу. Затем начинается энергичный разговор на том же таджикском между новым знакомцем, оказавшимся Бахтавлятом Муратбековым — лучшим совхозным гуртоправом, первым Героем Социалистического Труда в яководстве, и Эгамкуловым. Втягивается в разговор и капитан Давлятов. Он тоже прикладывает руку к сердцу, тоже кланяется раз и еще раз. Потом оборачивается к нам и разводит руками:

— Надо заехать. Закои гостепрнимства гор ие разрешает пройтн мимо.— Потом тут же поясияет: — Муратбеков говорит, что их летовка лишь чуть в стороне от иашего маршрута. Но яководы зиают к Сарезу более короткий путь и выведут нас.

«Чуть в стороне» на поверку вышло полдия пути, что, впрочем, по местным поиятиям действительно ие так уже и далеко. Едем к хребту Базардара и с его камеииого перепада иаграждаем себя незабываемой картиной.

Мне кажется, что самым иеожиданным и необычиым в горах бывает то, когда под ногами вдруг разверзается... иебо. Дорога ведет все вверх и вверх, виезапно обрывается в густую иебесиую синь, а весь прочный мир — скалы, ледники, осыпи остаются где-то внизу. И кажется, что иоги вот-вот оторвутся от края скалы и ты поплывешь в воздушном океане. Я много раз испытал это. И всякий раз рождалось неповторимое чувство полета.

Горы здесь очеиь коитрастные. Справа от перевала — Северо-Аличурский хребет с безжизиеииыми острыми вершинами. Слева — Рушанский. Ои весь в серебряиом сверкании ледииков. Долиiы ниже — в изумрудиой зелеии альпийских лугов с грациозиыми эдельвейсами и ярко-красиым шемюром. Это — цветение самой природы!

Вот в такую очаровательиую долиу мы и спускаемся. У первой юрты летовки я остановился как вкопаный. Какой-то чудесный оркестр играет Бетховеиа. Мои уши еще полиы таииствеииого молчания вершии, журчания ручьев, шелеста ветра. И вдруг — Бетховеи во всем великолепии торжествующих звуков!

— Радио,— лакоиично поясияют вежливые мальчишки.

Вот тебе и гориая глухомань!

Но это далеко ие едииствеииый признак современности. Где-то за домиками стучит движок, а у соседией юрты пожилая киргизка дострачивает иа электрической машиике замысловатую вышивку для местной модиицы.

Долго гадать иад тем, почему так иастойчиво приглашал нас на летовку Муратбеков, ие пришлось. В сопровождеиии сторожевых собак к иам подошел сыи Бахтавлята — чабан Шакиргиз и сказал, что иеплохо бы иам приодеться: предстоит той (что-то вроде торжествеииого ужина) по случаю его помолвки.

Едва за горы упало солице, в самой большой юрте собрались гости. Посередине белой кошмы для почетных гостей шелковую скатерть — дастархан обильно уставили угощеиием. Сели иа кошму, скрестив по-восточиому иоги. Невесты ие было видно, а спрашивать, где оиа, навериое, ие полагалось.

Кругом суровые, иепрнступные горы, подиебесье, а в комиате — радиоприемник, стереофоиический магиитофои, проигрыватель с набором пластинок, рядом полки довольио обшириой библиотеки. Помимо книг о животноводстве, о космосе — иовинки художественной литературы. Тут же свежие газеты — республиканские и московские. Оказывается, их сюда доставляют вертолетами.

Мне припомнились слова Марко Поло о высокогорье Памира: «...здесь... трудно дышать, огоиь греет плохо и люди редки...» Как все же миого меняет время!

Что же касается угощеиия иа этом импровизированиом пире-тое, то тут были и дары яководства: молоко-айраи, душистое масло,

крутой жирный сыр, а также суп и жаркое — кебаб из мяса «овес Поло», «барана Поло», то есть архара, впервые описанного венецианцем, а также из мяса горного козла — киика.

Когда с едой было покончено, Шакиргиз взял рубоб. Вначале он тихо коснулся струн, будто пробуя их или дожидаясь, когда стихнут голоса, потом тронул еще раз, но уже резко, будто обозначив начало песни. И, вторя звуку, Шакиргиз затянул неожиданно высоко и громко. На рубоб он не глядел. Левая кисть его, державшая шейку инструмента, осторожно скользила вдоль тоненького грифа, правая била по отрывисто тренькающим струнам, создавая аккомпанемент.

Голос певца лился свободно и чуть торжественно. Паузы, подчеркивающие каждое четверостишие, не мешали этому. Песня была похожа на непринужденный рассказ человека о том, что ему только что пришло в голову, и останавливающегося время от времени, чтобы подобрать слова, которые способны выразить его мысль и чувства. Такую песню я уже слышал в детстве, когда отец однажды в летние каникулы взял меня с собой в геологоразведывательную партию. Мы тогда ехали не то по Голодной степи, не то по Южным Кызылкумам, что на западе Узбекистана. Наш караванбаши — хозяин каравана, возглавлявший длинную вереницу всадников, верблюдов и осликов, неторопливо шагавших в неимоверный зной по курившейся под ногами лёссовой пыли, вот так же импровизировал.

Отдавшись воспоминаниям детства, я не заметил, как певец смолк. Подождав, пока последний звук рубоба растает в молчании гор и ущелий, слушатели восторженно закричали: «Оферин»! «Яшаджан»! Это была традиционная похвала певцу. И не только из вежливости. Песня была действительно хороша! Потом мы узнали, что юный чабан на традиционных состязаниях ашугов Памира, которые состоялись в Хороге, был признан одним из лучших песенников-импровизаторов.

На третий день сердечного гостеприимства, которому, казалось, не будет конца, мы все же решили тронуться в путь. И тут выяснилось, что с нами теперь пойдет проводником Шакиргиз. Насреддин уступил ему это право после каких-то долгих и жарких переговоров.

Утром, провожаемые всеми обитателями летовки, мы тронулись. Долина впереди — широкая и удобная. Но наш новый проводник неожиданно свернул на старую тропу, и мы чуть ли не возвращаемся к перевалу Бардара. Мои спутники молча доверяются провожатому, как это принято в горах, а я, как всякий житель беспокойных городов, тотчас пытаюсь выяснить, почему мы идем обратно. Шакиргиз заверяет:

— Потом прямо пойдем, аксакал. К Сарезу скорее дойдем.— И почему-то смущенно добавляет: — Еще, аксакал, у Шакиргиза малмал дело есть.

На мой вопрос, что за дело, он дипломатично отмалчивается, видимо, не хочет раскрывать какой-то свой секрет.

Едва скрывается за поворотом пастушье стойбище-летовка, Шакиргиз заставляет нас карабкаться почти по отвесным скалам на вершину хребта. Именно карабкаться, а не подниматься, потому что ни до этого, ни потом, странствуя по горам, я даже не пытался преодолеть такие кручи.

Горная тропа с овринигом в ущелье р. Бартанг

В полдень опять открывается перевал Бардара, но теперь он оказывается ниже нас. Смотрю на высотомер: 4920 метров над уровнем моря. Решительно сбрасываю рюкзак и, сев на камень, жадно хватаю воздух широко открытым ртом. Потом меня прорвало, и я набрасываюсь на своих спутников, главным образом на Шакиргиза:

— Думаешь, я какой-то горный черт, как Давлятов, да? Говори, зачем потащил нас на скалы?!

Шакиргиз молчит. Потом на его щеках появляется румянец смущения. Чего-чего, а этого я от него не ожидал. Поднимаюсь, беру рюкзак и свертки и иду первым не оглядываясь. Хотя очень уж хочется узнать, что же все-таки ищет на этих забытых аллахом высотах Шакиргиз.

Вскоре чертыхаюсь уже не я один. Ругаются все дружно. А Шакиргиз по-прежнему вежливо прикладывает руки к сердцу и дипломатично объясняет:

— На ту сторону горы легче так пройти. Озеро Сарез совсем-совсем рядом будет. И еще речка будет...

Как это «рядом»? Какая речка? Но делать нечего — гребень горы в самом деле близок. Высотомер показывает 4420 метров. Нижняя линия снежного фирна уже далеко под нами. И силы на исходе. Мы дружно ложимся на валуны отдыхать. Но в это время Шакиргиз кричит сверху, радостно размахивает руками и показывает куда-то:

— Водопад! Водопад!

— Водопад!? На этой-то высоте?

Мы карабкаемся к проводнику. Действительно, на противоположной стороне хребта каньон, а над ним прямо из толщи ледника

низвергается водопад и видна речка, вблизи узкая, а дальше расширяющаяся и бурная.

Наш специалист по горной воде Алексей Горелик достает гидрологическую карту. На ней никакой реки, текущей здесь из ледников, не обозначено. И не мудрено. Речка вливается в Лангар коротким, от силы полуторакилометровым, пенным каскадом, летящим по узкой, извилистой и мрачной щели в скале. Вряд ли на дно ее когда-нибудь проникают солнечные лучи, и потому этой речки нет даже на картах аэрофотосъемки.

Открыл этот приток Лангара Шакиргиз. Это и есть его «секрет», эффектом которого он теперь вполне наслаждается.

Но график нашего маршрута нарушается. Алексею не только нужно сделать гидрологический анализ водного баланса Шакиргизсая, как мы тотчас же единодушно нарекли речку, но и «снять» характеристики соседних ручьев и потоков, падающих с ледника подобно бабочкам-однодневкам, умирающим вечером где-то в вышине, чтобы опять возродиться утром с первыми теплыми лучами солнца.

Этой работой мы занимаемся два дня. Конечно, теперь уже Алексей безбожно таскает нас по кручам, острым ребрам скал и осыпям, о которые мы обдираем в кровь и колени, и локти, и ладони. Вечерами, вконец измотанные, мы дружно, с предельно серьезным видом смотрели в пикетажную книжку, где Алексей выводил колонки цифр, означающие кубометры воды, скорость течения, приносимые осадки и еще бог знает что. И гордились. Это был новый, уточненный баланс старика Лангара, который может снабдить водой пастбища и дать ее энергетическому Сарезу...

3

В ущелье Лангара произошла еще одна интересная встреча, по-новому осветившая Памир, его жителей и исследователей.

Вниз по течению реки, за скалой, удивительно похожей на буддийского монаха в тюрбане, присевшего у воды, стояла небольшая капроновая палатка, какой обычно пользуются геологи-поисковики. Возле нее деловито возился мальчик-таджик лет десяти — двенадцати. Больше никого не было видно.

— Кто ты и что тут делаешь? — спросил капитан Давлятов.

— Я — дустор, — с достоинством ответил мальчик.

— Дустор? Да тебя из-под камней не видно, — усмехнулся наш «хозяин памирских дорог».

— Да, дустор, — подтвердил мальчик. — Меня самый старший начальник геологов так назвал...

(По-таджикски «дустор» означает «разведчик», горцы так называют тех, кто находит ценные камни или полезные минералы.) Потому-то капитан и поинтересовался:

— Раз ты дустор, что же ты нашел?

— Вот вернутся Юрий Алексей-ата и Михаил Николай-ата, спросите, что я нашел, — ответил юный разведчик.

Геологи Юрий Алексеевич Пронин и Михаил Николаевич Колюжняк, приехавшие час спустя, в ответ на наши вопросы позвали дустора в палатку. Спустя минуту он вышел оттуда, бережно держа

на ладонях большой синий камень, в котором словно застыла бездонная глубина памирского неба.

— Лазурит! — воскликнули мы разом.

Ляпис-лазурь, Ладжвуар, Ладжвар. Сколько еще названий у него! О лазурите, сказочном камне западной части Памира — Бадахшана, веками слагались легенды и песни. Изумительные по красоте геммы и камеи, амулеты и священные жуки-скарабеи из бадахшанского лазурита археологи находят в гробницах египетских фараонов самых ранних династий. Жрецы древнего Ирана, Вавилона и Индии высекали на лазуритовых пластинках тайные формулы магических заклинаний, шапочки китайских мандаринов «срединной империи» украшались шариками голубого лазурита в знак исключительной власти и достоинства их владельцев.

С древнейших времен из него готовили природный ультрамарин — краску, не тускнеющую со временем. Мы восхищаемся шедеврами художников эпохи Возрождения, не подозревая, что именно памирский камень сохранил для нас поразительные синие и голубые тона на полотнах старых мастеров. А вспомните, с каким восторгом писал о бадахшанском лазурите гениальный итальянский ювелир XVI века Бенвенуто Челлини!

В своем «Путешествии» великий венецианец Марко Поло писал: «Здесь есть камни, из которых добывается лазурь; лазурь прекрасная, самая лучшая в свете...»

В одну из прошлых поездок на Памир мне удалось пройти путем Марко Поло. Тогда я узнал, что в результате землетрясений и других стихийных бедствий, нашествий завоевателей копи обрушились, затерялись следы древнейших разработок. Долгое время только в песнях да легендах оставалась память о синем камне «крыши мира».

Советским геологам в тридцатые годы удалось вновь открыть лазуритовую сокровищницу. Небольшой отряд, в составе которого был будущий писатель Павел Лукницкий, обследовал район неизвестного тогда пика, который впоследствии стал называться пиком Маяковского. Однажды трое геологов вышли к верховьям ущелья Ляндживардара и увидели потрясающую картину: отвесную скалу прорезали гигантские жилы самоцветов. Под их ногами лежали глыбы чистейшего лазурита!

Находка юного разведчика, помощника геологов, вызвала у меня немало воспоминаний.

В конце шестидесятых годов я тем же путем прошел в Ляндживардару с начальником геологической партии Геннадием Подшиваловым. Тронулись мы из Хорога и поначалу брели той же дорогой, какой проходил здесь семь веков назад Марко Поло, — от Скесема (Кишма) на «памирскую высь», к озеру Зоркуль.

Теперь вместо тропы над пропастями здесь довольно широкая дорога, которая привела нас с Подшиваловым в известный со времен Марко Поло кишлачок Куги-Лялъ. Пройдя его, венецианец записал: «В этой области встречаются драгоценные камни-балаши, красивые и дорогие; родятся они в горных скалах. Народ, скажу вам, вырывает большие пещеры и глубоко в них спускается так точно, как это делают, когда копают серебряную руду...»

Старинные копи, где добывали балаши — рубины, а точнее, благородную шпинель, и сейчас видны на горных склонах, возвыша-

Озеро Искандер-Куль. Высота 2195 м над уровнем моря

ющнхся над Пянджем выше кншлачка Куги-Ляль. Но еще в начале нашего века их полностью выработали, теперь они завалены осыпавшнмнся камнями.

Наш путь с Подшнваловым и дальше совпадал с тем, что проделал когда-то Марко Поло. Пройдя к Зоркулю, венецнанец н его спутннкн сделали еще одну остановку. В одном нз вариантов текста «Путешествия» читаем: «...там есть также трн горы, богатые серой, н серные нсточникн постоянно вытекают из них...» По поверью, эти нсточники появились после того, как сын пророка ударом посоха убил здесь дракона. Один нз них находится в узкой долине реки Гармчашма, около кншлака того же названия. Отсюда уже вйден пик Маяковского, против которого расположены месторождения лазурнта.

Из недр холма с отложившейся серой вырывается и бьет на много метров ввысь целебная вода н горячий пар. Здесь построен бальнеологический курорт, и мы со спутником, как, вероятио, н Марко Поло, с удовольствием нскупались, разом смыв пыль н усталость.

Наши пути с венецнанцем здесь разошлись. Нам теперь прямо на запад, в глубь гор, к пику Маяковского, венчающему собой стык высочайших хребтов — Шахдарннского и Зимбардора. С автомашины пересаживаемся на верховых лощадей. Других видов транспорта здесь нет. Но и верхом до подножия пика Маяковского нам потребовалось почти два дня. Особенно тяжела тропа по Лянджвардаре, если только можно назвать тропой хаотическое нагромождение скальных глыб. После каменного хаоса долины начался длинный подъем по леднику, а затем копыта лошадей вновь застучали по гнейсовым плитам крутой тропы, проложенной геологами н первыми

разработчиками. Тропа лепится по, казалось бы, совершенно отвесной стене. Животные задыхаются: здесь уже пятикилометровая высота. С трудом дышим и мы. Вокруг только скалы, лед да густо-синее, переходящее в черноту «космическое» небо.

Да, нелегко добраться к ущелью Голубых Сокровищ! Еще труднее жить и работать — каждое резкое движение заставляет сердце бешено колотиться, а приступы горной болезни — «тутека» — вызывают тошноту и головокружение. Мало помогают и пилюли «Рутина»...

Повторяю, я вспомнил все это, когда держал на ладони кусок лазурита, найденный на Лангаре совсем еще юным следопытом-дустором, которого звали Мухтам. Сюда, на Лангар, и пройти легче и разрабатывать копи проще, и потому я спросил у геологов, имеет ли новое месторождение промышленное значение.

— Собственно, коренных залежей мы еще не обнаружили,— с сожалением ответил Пронин.— Помимо лазурита, найденного Мухтамом, мы отыскали еще несколько осколков и россыпь, которые принес, по-видимому, какой-то из притоков Лангара. Но безусловно, где-то здесь и коренное месторождение. Найти его — дело времени...

Мы пожелали удачи геологам и их юному помощнику, и наша группа вновь двинулась в путь.

4

Когда до Сарезского озера осталось полдня пути, отвесные скалы вновь вплотную придвинулись к реке. Здесь Шакиргиз опять принялся за дипломатию:

— Аксакал,— начал он, адресуясь ко мне, как к самому старшему по возрасту.— Еще мало-мало отдыхать надо. Очень важное дело есть...

Пояснений не последовало, но мы, вновь заинтригованные, послушно ставим палатку. У нас уже кончился препарат «Рутин», как-то снимающий высокогорное недомогание, вызываемое недостатком кислорода. Потому я лег у входа в палатку, чтобы легче дышалось. Но все же не заметил, как к утру Шакиргиз исчез.

Едва рассвело, мы с Алексеем уже ищем беглеца, зовем, кричим, бегаем по склонам, заглядывая за каменные столбы-«монахи», даже в щели, где не укроется не только человек, но и выводок горных куропаток-кекликов. Из палатки вылез капитан Давлятов, заразился нашей тревогой, тоже бегает и тоже кричит.

После этой беготни мы сидим, облокотившись на обломки скал, и тяжело дышим.

Восходит солнце. Оно вначале разбрасывает свои лучи где-то поверх облаков, окрашивая их в разные цвета. Но вот ветер разрывает облака, и солнечный свет сразу падает на горы через эти прорехи. Острые грани ледников, морены, ручейки, сбегающие с вершин, и река в долине как-то дружно отразили первый солнечный залп. И вот тогда я увидел Шакиргиза.

— Вот он, смотрите! — обрадованно закричал я, показывая на скалы, висящие над нами.

Метрах в пятистах над местом нашего ночлега, у самого ледника, ходил Шакиргиз, что-то ощупывал, срывал и, бережно прижимая к себе, шел дальше. И вдруг я все понял и захохотал:

Ледник-водопад на высокогорье

— Ай-я-яй, братцы, он же влюблен! И затащил нас сюда, заставил ночевать, чтобы нарвать эдельвейсов покрасивее, каких не сыщешь у долины...

У горцев есть такой обычай. Если парень хочет узнать, любит ли его девушка, он должен показать ей свою отвагу и силу: нарвать эдельвейсов, которые растут очень высоко, в труднодоступных и опасных местах. И если девушка примет такой подарок, значит, все в порядке!

Эдельвейсы, которые принес наш милый влюбленный, оказались особенными. Таких крупных, серебристых и красивых я еще не встречал. Они особенно хороши ранним утром, когда солнце только коснется их и не успеет высохнуть роса.

Теперь наш путь лежит прямо к озеру.

Я не стану пересказывать всех событий, случившихся с нами на пути к Сарезу. Впереди все время вздымались горные вершины, то сверкающие чеканным серебром ледников, то окутанные черными тучами. Несколько раз мы переправлялись через стремительные потоки, вымокали в ледяной воде и тряслись от холода.

В узком ущелье, где в Лангар впадала какая-то речушка, подул

ураганный ветер, и все наполнилось ревом и воем. Острые ребра скал то басовито гудели, то визжали, как сотни рассерженных поросят. А избушка пастухов из жердей рыма — памирского тополя, обложенная камнями, в которой мы укрылись от непогоды, вздрагивала от крыши до пола, будто кто-то злобный и сильный тряс ее.

Вечером на метеостанции в Ирхте, стоящей на берегу залива Сарезского озера, нас встретили с тем же безграничным радушием, как и везде в горах. Начальник метеостанции Мирзоолим Олимов суетится, накрывает на стол и предлагает умыться, привести себя в порядок. После «операции Эдельвейс» вид у нас действительно не из лучших.

Из кухни уже доносится аппетитный запах кебаба — жаркого из горного козла-кника, а Шакиргиз опять исчез. Я иду искать его, но останавливаюсь на пороге завороженный.

Поэты и путешественники многих поколений утверждали, что горы создают торжественное настроение, располагают к размышлению. Это справедливо. Какая-то доля величественности окружающего мира переливается в душу человека, в нем пробуждается гордость от того, что он не раб, а властелин этой могучей и грозной природы.

Так думалось и мне, когда я неторопливо шел вдоль берега. А вот и Шакиргиз. Рядом с ним девушка. Она держит букет эдельвейсов и смотрит на нашего проводника. Я догадался: это его невеста Азизмо.

Мне почему-то захотелось крикнуть: «Шакиргиз, не надо было эдельвейсов. Она и так знает, что ты настоящий парень!» Но я не крикнул. Зачем мешать влюбленным?

5

— Только вот что — плывите подальше от берега,— напутствовал нас начальник метеостанции, когда мы решаемся двигаться дальше.— Историю Сареза вы знаете, поэтому будьте осторожны.

Предупреждение, пожалуй, не лишнее. За два дня в Ирхте мы не раз видели, как с отвесных берегов срывались камнепады. А что касается истории Сареза, она довольно широко известна, но все же вкратце напомним.

Ночью 19 февраля 1911 года титанический удар подземных сил расколол гору над кишлачком Усой сверху донизу. Шесть миллиардов тонн камней и скал рухнули в ущелье реки Мургаб и образовали завал высотой 700 метров и шириной у основания около восьми километров.

Соседние кишлаки Сарез и Ирхт, давшие названия озеру и метеостанции, покоятся теперь на глубине 500 метров под теми 90 кубическими километрами воды, которые за шесть с половиной десятилетий накопились у завала.

Алексей Горелик занят этими цифрами. Воды рек и озер Памира — его дело, дело гидролога. От метеостанции до кишлака Нусур, по ту сторону плотины, созданной природой, где, собственно, начинается река Бартанг после ее слияния с Кударой, хорошая тропа, но мы плывем по озеру, так как Алексею нужно еще раз осмотреть, как фильтрует Усойский завал.

С нами плывет местный охотник-таджик. К нему сейчас и обращается Алексей:

— Понимаешь, человечество только еще мечтает строить такие плотины, как этот завал. А тут — бери, используй готовенькую, сделанную природой. А водохранилище?..

— Что? — почтительно переспрашивает старый охотник.

— Электростанцию, говорю, надо строить. Проложить канал и соединить Сарез с соседним озером Шидоу. Потом пробить тоннели к Бартангу, поставить парочку турбин на Бартанге мощностью эдак по миллиону киловатт каждая. Тогда весь Памир можно залить электроэнергией.

Идею постройки электростанции на Сарезе высказал еще лет пятьдесят назад инженер Караулов, один из первых исследователей энергетических ресурсов памирских рек. А незадолго до нашего прихода с Сареза уехала комплексная энергетическая экспедиция, которая в течение двух лет изучала водный баланс озера, запасы влаги в окружающих ледниках и множество других проблем.

На перспективной промышленной карте республики такая станция уже есть. Мощность ее — в зависимости от нужд развивающегося народного хозяйства Памира — может быть от восьмисот тысяч до полутора миллионов киловатт и больше. И это дело недалекого будущего. Пока же экономика Центрального Памира еще только начинает набирать свою мощь, и потому старый охотник не совсем понял грандиозные планы энергетического преобразования высокогорного Сареза.

Прощаясь, горец что-то горячо говорит Чержу Давлятову на горно-таджикском наречии. Капитан переводит:

— Он предостерегает нас. Теперь нужно быть особенно осторожными. У местных жителей есть такая поговорка: «Кто на Бартанге не бывал, тот Памира не видал». И еще недоволен, что одни идем. Без местных жителей.

Но мы все же решились идти без местного проводника, хотя впоследствии не раз жалели об этом.

За Сарезом высота 4000 метров. С гребня водораздела бросаем последний взор на долину Мургаба: два озера рядом — Сарезское и отделенное от него перемычкой Усойского завала Шидоу. Но какие они разные: цвет Шидоу — изумрудно-зеленый, Сарезское — ярко-синее. Будто два драгоценных камня в серебряной оправе ледников.

Впереди — Западный Памир. Другой мир. Другие горы. Уже нет широких долин, пологих подъемов к вершинам. Гигантские стены хребтов плотно встают один за другим. Ущелья, разделяющие их, узки и глубоки, реки — бешеные. Это опасные горы!

Как действуют чары этих гор, их властная сила, я почувствовал, едва мы спустились в долину Бартанга. «Высокая теснина» — так переводится это название. Действительно, скалы обрываются отвесно километра на полтора, а местами на два. Тропа, даже не вьючная, а пешая, робко жмется к горам над пропастями, петляет по крутым осыпям.

И еще погода. Там, за водоразделами, почти все время светило солнце, иногда холодное, но всегда яркое. В верховьях Бартанга тучи бродят, пасутся на горах, как стада коз и кутасов, потерявшие пастухов: внизу — в одну сторону, вверху — в другую. Дождь, холодно, сыро!

Вскоре у нас остались сухими только спины под рюкзаками. Несмотря на это, капитан Давлятов, как говорится, «разошелся».

Отобрал у Алексея Горелика котелок, у меня — палки от палатки и, размахивая ими, действительно эдаким «горным чертиком» скачет по скалам. Возможно, капитан уже хорошо акклиматизировался, или просто высота здесь не такая, как на перевалах к Сарезскому озеру. А вернее всего — ему хочется утвердить свое достоинство природного памирца.

Но горы и ему напомнили о себе, умерили пыл. Спускаясь к кишлаку Нусур, мы, как и все проходящие здесь, положили по букетику горных цветов на могилу смелого геолога Александра Гогичеладзе, погибшего при переходе через эти скалы.

Вскоре открылся кишлачок Нусур — первый в верховьях Бартанга. Скорее вниз — к жилью, теплу и зеленым островкам деревьев, которые мы так давно не видели!

Однако, напившись неизменного зеленого чая и обсушившись, прикидываем: до темноты можем дойти если не до кишлака Чадуд, то хотя бы до Рошорва.

Радушный хозяин вначале многозначительно кивает на окно, за которым начался хлесткий дождь, а когда мы все же вскидываем на плечи рюкзаки, идет с нами далеко за селение и показывает тропу, на которую нам предстоит ступить. Он назвал ее Об-чак — «капающая вода». Действительно, множество сочившихся сверху ручейков покрыли тропу зеленым мхом, сделали ее скользкой. И едва я делаю два-три шага, как у меня начинают разъезжаться ноги.

Но это не так страшно, если бы не дождь и густой туман, закрывающие ближайшие выступы тропы и дно долины, которая где-то далеко внизу. Но теперь уже нам с Алексеем Гореликом не хочется ронять перед жителями Памира — нашим хозяином и капитаном Давлятовым — престижа смелых горопроходцев.

Я понимаю, что спешить опасно, но все же с непонятным самому себе упорством вступаю на тропу. Вскоре от моей бодрости не осталось и следа. Ноги скользят при каждом шаге, дождь заливает глаза. Туман такой плотный, что порой не видно, куда ставишь ногу. Теперь в передвижении участвуют все мышцы тела: пальцы ног, когда пытаешься судорожно вцепиться носком сапога в выбоину, ладони, хватающиеся за любой выступ скалы, живот, которым припадаешь к тем же скалам, и даже шея, потому что пытаешься зацепиться подбородком за вмятину в граните в надежде любым способом увеличить трение и не соскользнуть в пропасть.

В Рошорве жители, глядя на нас, покачивают головами. А Алексей философски изрекает:

— Да, братцы, горы-то шутить не любят. Потому, прямо скажем,— на этот раз нам крупно повезло...

Да, горы шутить не любят, соглашаемся и мы с капитаном Давлятовым.

Утром воздушные потоки смахнули тучи с гор. При солнечном сиянии стала видна вся сила и мощь Бартанга. Два могучих хребта — Рушанский и Язгулемский, сверкающие снегами и висячими ледниками, возносятся на три километра вертикально вверх над ложем реки. Со страшной силой обрушивается Бартанг то на один, то на другой склон хребтов, если можно назвать склонами скалистые, отвесные обрывы в сотни метров высотой.

На реке почти нет плёсов. На всем двухсоткилометровом пути от Сареза до Пянджа Бартанг падает непрерывными каскадами, чтобы

На стыке ледников Вавилова и Беляева. В лагерь опустился вертолет

слиться с Пянджем уже на целый километр ниже по вертикали, чем у своего истока. Вряд ли есть реки, даже на Памире, подобные Бартангу! К тому же его каньон — это самая узкая и глубокая щель на всей «крыше мира».

По пути к районному центру Сипонжу догоняем попутчицу. Девушка-горянка в традиционных шароварах, в ярком атласном платье, на груди ожерелье из мелких цветных бусинок. Кажется, без всякого труда она несет на хорошенькой головке довольно тяжелый груз, не придерживая его рукой даже на узеньких прибрежных тропинках.

Алексей, капитан Давлятов и я, как представители «сильной половины человечества», галантно предлагаем помочь нести нелегкую ношу. Задорно улыбаясь и прищуривая большие агатовые глаза, какие я видал только у жительниц соседнего Рушана и вот здесь, на Бартанге, она отклоняет помощь всех троих и, главное, не сбавляет

шага даже на таких подъемах, где мы откровеиио иачинаем пыхтеть.

Пока идем, выясняется: нашу попутчицу зовут Савсон. Она гостила у роднтелей в кишлаке Басид, на том же Бартанге, где родилась и выросла. Теперь возвращается в Сипонж.

Савсон закончила музыкальную школу в Душанбе, училась в Московской консерватории. Была с коицертамн в Лениираде, Киеве, Свердловске и еще в добром десятке городов. Пела в Индни и Иране.

Мы смущены до крайности. Вот тебе и горяика из забытого аллахом уголка Земли!

Сипонж — это последний населеиный пункт на Бартанге, куда нз сердца Памира ведет пешеходная тропа. Дальше — асфальтированиая автомобильная дорога, выходящая на транспамнрскую автостраду Ош — Душанбе через Хорог — «владение» капитана Чержа Давлятова. В Сипоиже конец иашего маршрута. И к вечеру мы уже в Хороге.

Здесь прощаюсь со свонми верными товарищами. Когда самолет, иа котором лечу в Душанбе, поднимается иад горами, я вспомннаю, как на Сарезе смотрел на двух влюблеииых с букетиком эдельвейсов, о встречах с геологами, ищущими «сииий камень», н нх маленьким помощником, о людях, которые пасут яков и слушают Бетховена в глубине Высоких Гор.

Осталось добавить иемногое. В начале своего рассказа я упоминал о цели своего путешествия.

Планомерное исследование Памира советские геологн иачалн в самом начале трндцатых годов. Средн «геологнческих первопроходцев» был н мой отец. Каждую весну, как только в горах таялн сиега и открывались перевалы, в Ташкенте — тогдашием геологическом центре Средней Азни — комплектовались разведывательиые партии.

Одиниадцатилетиим пареиьком отец взял меня в горы. Онн ошеломили меия величием вершии, гулким эхом глубокнх каньонов, очарованием долин. Но я боялся затеряться в этом грозиом и прекрасном мире. Поняв мое состояиие, отец сказал:

— Не бойся потеряться, сынок. Доверяй тропкам. Даже самая маленькая из них обязательно прнведет тебя к людям.

— Даже вот эта? — спросил я, показывая на едва заметиый след, проложениый по граниту скал.

— И эта тоже.

С тех пор я полюбил гориые тропы. Оии разговаривалн со мной, рассказывая о прошедших здесь людях и жнвотных. А когда мие исполнилось четырнадцать лет, отца не стало — ои погиб в теснинах Бартанга. Землетрясение и камениый обвал, случнвшиеся иочью, погребли людей, спавших в палатках.

В зрелые годы я и сам иемало ходнл по горам Памира в составе поисковых и разведывательиых партий. Но на Бартанге побывать так и не пришлось. Вот почему, когда мы спустились в Сипоиж и мои товарнщи расположились на отдых, я сразу пошел к местным аксакалам, лелея иадежду иайти очевидца давней трагедин.

И что же? Оказалось, что местиый житель Мурат-Шо Кадырханов, одии из рабочих — проводников экспедиции, остался тогда в живых. Когда могучий толчок сбросил со склона хребта на спящий лагерь громады камией, Мурат-Шо пас лощадей в стороне.

Теперь уже белобородый Кадырханов привел меия в боковой

каньон километрах в пятнадцати от Сипонжа. Еще издали мы увидели этот обвал, ставший последним прибежищем моему отцу и его товарищам. Сейчас он похож на гигантский застывший водопад. Потом мудрый Мурат-Шо оставил меня одного. На закате я поднялся в горы, круто дыбящиеся на противоположной стороне каньона, и остался там ночевать.

Утром, пока не взошло солнце и не выпило росу с цветов и трав, я пошел искать эдельвейсы. И вот — серебристые цветы, не менее прекрасные, чем Шакиргиз подарил невесте. Чуть выше я набрал целую охапку ярко-красных цветов шемюра, спустился в каньон и положил букет к подножию обвала.

ВЯЧЕСЛАВ МЕШКОВ

СЕЛЕМДЖИНСКИЕ ЭТЮДЫ

...Нет никакой отдельной от нас природы... каждое малейшее движение воздуха есть движение нашей собственной жизни.

Иван Бунин

Запах хвои

Каково за делами да заботами поднимать глаза и видеть, как черные, серые, бурые сопки становятся с каждым днем зеленее!

Каково вдыхать после дождя сладкий запах тополевых побегов, молодой лиственничной хвои!

Каково слышать из залитой солнцем пади голос глухой кукушки, ощущать холод таежного ручья, бегущего по камням!

Каково сознавать, что, уехав отсюда, может быть, никогда вновь этого не увидишь, не услышишь, не ощутишь!

Что будет?

Я знаю, что будет на Селемдже до следующей весны.

Будет короткое теплое лето. Будут долгие моросящие дожди. Тяжелый туман окутает сопки, а когда он рассеется, все увидят, что пожелтели березы. Ясным утром будет пахнуть палым листом и тающими льдинками. Потом будут грязно-охристые склоны, голубое небо и мертвеющее солнце. Однажды ночью землю укутает снег, и на чистый этот снег упадут последние лиственничные хвоинки...

И настанет холод. Ах какой — долго-долго — будет холод!

Моросит

Зеленые мокрые сопки на границе Амурской области и Хабаровского края. Вершин не видно: они в серых, тяжелых облаках. Моросит нескончаемый дождь. Приторно пахнет багульником.

Я бреду по руслу прозрачного ключа, перелезаю через обомшелые стволы, скачу по камням, продираюсь сквозь заросли красной смородины.

Тропы нет. И на много верст вокруг нет троп. Лишь стреляная гильза да истлевшая пачка от папирос, попавшиеся мне за долгое время пути, говорят о том, что и здесь когда-то ступала нога человека.

Вдруг передо мной — совсем уж неожиданно — на ветке черемухи висит брезентовый плащ.

— Кто здесь? — кричу я.

Нет ответа. Только слышно, как журчит в камнях вода и шелестит дождь по листве.

— Я возьму плащ,— говорю я громко и нарочито бодро.— На обратном пути повешу на место!

И, накинув его на плечи, пробираюсь дальше — по камням, бурелому, кустарнику...

Плащ — тяжелый от воды и неуютный. Мне становится вдруг неловко: кажется, я поступил слишком бесцеремонно, нагловато. Обернулся: «Ш-ш-ш-ш»,— заезженной пластинкой шумит в безмолвии дождь, а мокрые ели глядят понуро и, кажется, с укоризной.

Я вернулся и повесил плащ на тот же сучок.

Белая бабочка

Кончилось лето, но белая бабочка все бьется и бьется в мое окно, как и в прежние ночи.

Когда прилетит она в последний раз? Завтра? Послезавтра?..

Пасмурно и сыро

Когда в лесу пасмурно и сыро, ярко-желтые кроны осин сами начинают излучать свет.

Когда в лесу пасмурно и сыро, так крепок запах прелой листвы, что щекочет в ноздрях, а голова тяжела, как от вина.

И так зябнут пальцы от скользких маслят!

И так радует слух нечаянный посвист синицы!..

Когда в лесу пасмурно и сыро, мне кажется, что я в осеннем Подмосковье: вот-вот услышишь из-за леса далекий, знакомый свисток электрички!

Последние листья

Рассеялась серая мгла, мутная снежная пелена. В голубеньком небе — яркое, белое солнце.

В унылом лесу шум еще живого ручья — единственный звук. Все словно вымерло тут. Только вьются над почерневшим багульником серые мошки.

Но пока желты и мохнаты, будто кукольные мишки, лиственницы. И висят еще листочки на иве — старые стружки. И обнаженный тополь гнется, качается на ветру, но никак не хочет отдать десяток последних листьев.

Первая пороша

В тайге зима — тихая, мягкая. От тяжести снега поникли ветви берез, зеленые лапы кедрача, резные веточки лиственниц. Стало вдруг ясно, как снег был необходим пустому, мрачному лесу.

В еловой пади застыли сосульками водопады. Свистят рябчики. Пестрый дятел стучит на старой сушине. Где-то на склоне ворчит на раннюю порошу медведь.

Я поднимаюсь по крутизне, скольжу, падаю. Утоляю жажду кисло-сладкой брусникой пополам со снежком.

А над головой пролетают кучевые облака как последнее, грустное напоминание о лете; и октябрьское солнце, словно ободряя нежными, теплыми пальцами, трогает щеку.

Воронья стая

В поселке в глубоком скрипучем снегу проложены тропинки к колодцу. Первый снег да вот эти тропинки — пожалуй, единственное, что есть для меня трогательного в зиме.

На голых ветвях лиственниц, словно черные плоды, стая ворон. Они необычно молчаливы и от этого еще неприятнее. Когда вы проходите мимо, вороны вдруг взлетают, расправляя с шорохом крылья. Скоро и они покинут этот суровый край до весны.

«Не бойся зимы...»

Полсотни градусов ниже нуля. Туман, как густая каша: за сорок шагов не видно светящихся окон. Когда я иду по улице, мне кажется, что я — горящий фитиль, язык пламени; ко мне можно поднести озябшие руки и греть, как над костром.

«Выжить — выждать. Выжить — выждать»,— вертится в голове чья-то рифма. И вот уже чудится — это снег под ногами скрипит: «Выжить — выждать...»

Тяжелый гнет зимы...

Но однажды, листая книгу, я наткнулся на восточную мудрость: «Бойся осени — за ней зима. Не бойся зимы — за ней весна».

Как много могут вместить в себя человеческие слова! Это не просто мудрость, но еще и чувство! Чувство древнее, может быть животное,— чувство природы.

А ведь и в русском языке — не случайно же — нет глаголов «перевесновать», «перелетовать», «переосеневать», но есть — «перезимовать»!

В розовом свете

На восходе солнца ехал на попутке из Февральска в Токур. Долгая снежная дорога. Синие ели. Бронзовые тополя. Далекие розовые сопки.

Молчал, молчал — ие выдержал:

— Красота!

Шофер, оказалось, о том же молчал:

— Не говори! Красотища такая, что больше и желать ничего ие хочется. Хоть выходи тут да под елкой умирай!..

И опять ехали молча. Я думал о том, как часто сиисходительно, даже осуждающе говорят о человеке: «Он видит все в розовом свете...»

А что тут зазорного?

Ведь лучшие мечты людей рождались в розовом свете!

И главная наша любовь — не так ли? — приходит к нам в розовом свете. (До смерти хватило б иам розовых красок!)

А сколько людей полюбили эту далекую стылую землю, возможно, за то, что когда-то открылась она им в розовом свете?

Но может быть, это с завистью говорят: «Он видит все в розовом свете»?

Монолог

— Вы видели когда-нибудь сопки зимией ночью? Когда полная луиа освещает холодную землю и бескрайнее иебо. Когда раскидистые деревья, заиндевелые кусты и сухие стебли бурьяна бросают на сиег узорчатые тени. Когда так ясен лунный лик, что видиы даже почки на тонких ветвях берез. Когда так тихо и недвижно все вокруг, что кажется, будто нарушить священную эту тишину могут только легкие шаги сошедшего иа землю бога... Нет? Вы не видели?.. Тогда — извините! Я не смогу объясиить вам этого чувства...

Февраль

Золото, серебро и лазурь. Солнышко высоко подиялось, пригревает. Вылезли иа улицу мужики, дрова рубят, курят...

Суковатые лиственничные чурки сиачала противятся ударам колуна, но неожиданно со вздохом раскалываются, обдавая смолистым, морозным запахом своего нутра. Иные чурки обросли зеленым мхом и лишайником, а из одной, трухлявой, посыпались вдруг черные муравьи — видно, зимовали в стволе...

Ловко, весело! Радостно, будто праздник. Распрямишь спиу — передохнуть — и заслушаешься пением сииицы:

— Весиа! Весна! Весна! Вес...

Вышла ко мне соседка: «Ты моих уже два полена расколол! Меия не обманешь: я за тобой с самого иачала иаблюдаю!.. Ишь, размахался!»

В тайге

Сходил посмотреть, не видно ли в тайге весиы.

Ветреио, ясио. Шелестят, трепещут лохмотья бересты. С темных елей падают комочки снега. Попискивают в ветвях черноголовые гаички, стайками перелетают ополовники: порх!.. Чечетки теребят березовые сережки... и сыплются на голову снежная пыль, сухие семена. Рисуются в солнечиой дымке чериые силуэты лиственииц, с их ветвей свисают золотисто-зелеиые бороды.

По ключу — желтые наледи. Заглядишься по сторонам, замечтаешься и — провалишься под сиег, в воду!..

Вечер

Запах талой влаги. Аромат цветущих ив. Воздух как вода в омуте: то холодная струя омоет, то — неожиданно ласково-теплая.

Солнце садится в распадок Малого Токура и долго не уходит, купаясь в желтом затоне.

Наконец на долину падает огромная тень, и солнечные лучи медленно уползают вверх по склонам. Мне слышно, как маленькая пеночка, оттягивая разлуку с солнцем, перелетает по сопке все выше и выше — вот уже еле слышна ее простая песенка...

Но гаснут лучи, смолкает голос птицы, опускаются сумерки. И лишь покрытые снегом голые вершины пока еще светятся розовым на фоне густеющей синевы неба.

Май

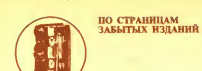
В Экимчане три дня назад вскрылась Селемджа. Поверхность воды уже чиста, редко проплывет по горной реке одинокая льдина.

Но по галечным косам осталось умирать еще много льдин — они медленно тают и рассыпаются на многогранные сосульки, сверкая под солнцем, как груды сказочных самоцветов.

Я сижу на большом, утонувшем в разноцветной гальке стволе тополя и вижу, как по берегу гуляет человек. Он пинает ногой звенящие льдины, оглядывается кругом, смотрит в небо, где под облаками тянутся к северу вереницы птиц, и глубоко вздыхает. В руках у него большая сосулька; его горячим ладоням, наверное, приятно чувствовать, как она тает.

Он поравнялся со мной, заглянул мне в лицо и хотел было что-то сказать, заикнулся уже... Может быть, он хотел сказать, как хорошо сейчас, как легко на душе, как здорово, что ушла зима, но подумал, очевидно, что я посмеюсь над ним, и поэтому промолчал.

И побрел дальше.

НИКОЛАЙ ТЕЛЕШОВ

ГОРОД ТОБОЛЬСК

I

Вокруг меня не было ни души, когда, отворив калитку, я вошел в небольшой садик, расположенный на самом краю холма и обнесенный чугунной сквозной решеткой, изображающей копья; здесь в беспорядке росли цветы, кое-где торчали, тоже в беспорядке, кусты смородины, в траве лежали пушки — вот и вся обстановка, среди которой возвышается мраморный обелиск, предназначенный увековечить память завоевателя Сибири. Эта ли беззаботная обстановка или тишина и безлюдие повлияли на меня, но только мне сделалось вдруг почему-то грустно и жутко, точно я стоял не перед монументом, но попал на чью-то одинокую могилу. И этот высокий холм, с которого видны пустынные тобольские улицы, и тихий запущенный садик, и решетка вокруг него с черными холодными копьями — все напоминало кладбище, а мраморный шпиц, не выражающий ничего определенного,— все равно как продажный кладбищенский памятник, готовый вещать своей надписью об Иване Ивановиче или о Петре Петровиче с одинаковым безразличием, так и этот, одинаково годный для Ермака и для Сусанина и для кого угодно,— возвышался и светился на солнце, но говорил не столько о славе и подвигах, сколько об общей человеческой участи — смерти.

Может быть, не всегда бывает здесь так безлюдно; может быть, в этом саду гуляют горожане, резвятся дети, слышатся человеческие голоса, но в это время был я только один среди безмолвия и безлюдия. Отсюда, с холма, открывалась прекрасная картина на лежащий внизу город, и невольно, глядя на окрестные холмы и

лощины, воображенню рнсовалнсь старинные битвы, когда горсть храбрецов отннмала у татар целое царство н десятком выстрелов обращала в бегство многотысячную коннницу, готовую растоптать копытамн отважных прншельцев. «Стреляют огнем н громом,— в ужасе кричалн про ннх татары,— н стрел не видно, но огонь нх прожнгает латы и убивает насмерть...»

Проходит в памяти ряд блестящих картин победы н славы; но вот смеияются оин другой картиной: бурный Иртыш, ненастная осенняя ночь, перерезанные казакн н непобедимый Ермак, бросающнйся в волны — в свою могилу...

Где, в самом деле, настоящая могила великого атамана? Труп его вытащили нз Иртыша татары н во главе с побежденным царем Кучумом, наслаждаясь запоздалым мщеннем, шесть недель сряду пускали в Ермака стрелы. По словам летописцев, над трупом его леталн стаями хищные птицы, ио ие смелн его коснуться, н что страшные видения и сны заставили наконец татар схоронить атамана на Бегншевском кладбище, под кудрявою сосною. В день погребения онн нзжарили н съели будто бы 30 быков, а доспехи Ермаковы разделили между жрецами и князьямн... В страшные сны напуганных дикарей еще можно вернть, но далее летописцы грешат, уверяя, будто над могилою Ермака совершались многне чудеса: сиял яркий свет и пылал столб огненный, пока духовеиство магометанское, испуганное их действнем, не иашло способа скрыть эту могилу,— «ныне никому неизвестную», как говорит Карамзин...

На всех четырех сторонах обелиска вырезано сверху по золоченой ветви, а снизу начертаны объяснительные надписи; на одной из сторон его нмеется дата «1581», что обозначает год вступлення Ермака в Искер после знаменитой битвы с Маметкулом. В честь этого событня, решившего покоренне Снбнрн, в Тобольске установлен 26 октября местный празднНк.

II

Прн нменн Тобольской губернни невольно вспоминаются «решения и уложения» н все, что «на основании статьн такой-то» приводнт сюда массу людей иа нзвестный срок. Здесь даже н грамотность пошла от

ПРЕДИСЛОВИЕ

Открыть одиу из новых рубрик иашего ежегодиика — «По страницам забытых изданий» — редакция решила очерком Николая Телешова о старом Тобольске (журнал «Вокруг света» за 1895 г.). Это делается ие только потому, что литературиые достоинства самого очерка, написанного замечательиым мастером художествеииого слова, талант которого высоко ставили Горький и Бунин, заслуживают того, чтобы вериуть его современному читателю со страниц пожелтевших от времени журнальиых подшивок. Этого заслуживает в первую очередь сам географический «объект», избранный маститым автором для своего рассказа,— сибирский город Тобольск, о котором один из русских ученых иекогда сказал: «Тобольск дал родиие великого Менделеева, и одиого этого уже достаточио, чтобы вся Россия была ему бесконечно призиательна н благодарна». Впрочем, этот древиий русский град (ие за горами уже четырехсотлетняя дата его осиования) знаменит своей долгой н богатой событиямн нсторней. Тот старый Тобольск, каким ои

ссыльиых шведов, которые в 1713 г. завели здесь школу. Так как это были люди образованиые — пленные офицеры, то и успех оии имели огромиый, и к иим присылали для обучеиия детей из отдаленных мест. Сюда сослали даже угличский колокол, копия которого находится в местном музее; в свое время этот колокол подвергся, как это ни странио, полному наказанию, как живой преступник, по всем правилам: его выдрали плетьми, оторвали ухо и закабалили в Сибирь. Носился слух, будто изгианник-колокол ие достиг места своего заточения и при перевозке утоиул ие то в Тоболе, не то в Иртыше и вместо настоящего преступника привезли в ссылку поддельиый. Как бы то ни было, но ссыльиый колокол иаходился в Тобольске 300 лет, и только года два или три иазад его «простили» и вериули в Углич.

По народиой молве, это был первый ссыльиый; с его «легкой руки», если можио так выразиться про колокол, началась сюда ссылка и людей; теперь его увезли обратио и, следуя иародиому поверью, можио иадеяться, что Тобольск ие станет более пополняться преступниками, а будет предоставлеи мирному просвещеиию.

Город стоит во главе такой обшириой губерии, что если Германию и Австрию, взятые вместе, сравнить с иею по простраиству, то Тобольская губерния окажется иесколько попросториее. Зато народонаселеиия в ией едва-едва иаберется полтора миллиоиа, причем статистика свидетельствует о иедостатке в женщинах: по губериии иа 100 мужчин приходится только 96 жеищии, а в городах и того меиьше — 88. Одиако имеино с жеищинами и приходится считаться обществу трезвости, хотя в сущиости и жеищииы, и общество трезвости борются против одиого и того же — против кабацкой водки, разиица только во взглядах. Общество иа пагубу водке устраивает чайные с читальнями и тумаиными картииами, а женщины гонят (из ревности мужей к кабакам) так иазываемую самосидку, которая за крепость и едкость вкуса особеиио цеиится и даже предпочитается кабацкой водке. Конечно, это домашиее винокурение преследуется, но самосидку гонят чуть не в каждом

предстает перед нами в очерке Телешова, иеузиаваемо измеиился за годы Советской власти.

После открытия на «тюменском меридиане» месторождений нефти н газа город превращается в крупнейшнй цеитр нефтехимии. Через древний Тобольск, оказавшийся как бы иа пересечеиии миогих эпох и маршрутов, пролегают иыие пути к сокровищам недр северной земли. Напомним кратко основные вехн тобольской летописи, которые помогут читателю иесколько раздвииуть времеииую панораму города, запечатленного Телешовым.

Тобольск, ныне город областиого подчинення Тюменской области, однн нз крупных портов иа Иртыше, осиован в 1587 г. отрядом казаков. С конца XVI н до иачала XVIII в. он был главиым адмииистративным центром Снбнрн. В Тобольске велось летописание, открылись первые в снбирском крае школы, театр, типография, издавался первый сибирский журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Некоторые исследователи полагают, что в этом журнале принимал участие А. Н. Радищев. И с этим можио согласиться, так как великий русский революционер в 1790—1791 гг. жил в Тобольске (т. е. как раз в то время, когда там выходил журнал).

Старый Тобольск (Фото начала века)

селе, преимущественно женщины, где-нибудь в хлеву, в лесу, на так называемых каштаках. Большею частью ее гонят зимой перед праздниками, и у кого нет своих приборов, тот отдает муку мастерице с платою за ведро водки 25—30 коп. Из пуда муки выходит около четверти водки. Самосидка, несмотря на свою незаконность, все-таки удерживает «слабых мужей» от шатания по кабакам.

В XIX в. с перемещением торговых путей и строительством Транссибирской магистрали значение города упало. Однако много имен в русской истории прочно связано с этим городом на Иртыше. Тобольск — родина замечательного композитора, автора знаменитого «Соловья» А. А. Алябьева, выдающегося художника В. Г. Перова. Здесь прошла большая часть жизни поэта-сказочника П. П. Ершова, создателя «Конька-Горбунка». Город бережно хранит память о пребывании в нем многих декабристов (В. К. Кюхельбекера, М. А. Фонвизина и др.), Ф. М. Достоевского, Н. Г. Чернышевского, В. Г. Короленко.

За годы Советской власти древний Тобольск изменился, помолодел. В 1913 г. вся промышленность города состояла из кустарных заведений по обработке растительного и животного сырья (кожевенные, маслобойные, лесопильные). На каждом из них в среднем работало... пять мастеровых. В послереволюционную пору экономика Тобольска шагнула дальше, чем за предыдущие три века его истории. Сейчас за одну неделю в городе производится продукции больше, чем за целый год до Октября.

Новостройки — отличительная черта современного Тобольска. От величавого Чувашского мыса, у подошвы которого в былые времена казаки

III

На высоком холмистом берегу Иртыша, подобно кремлю, возвышаются белые каменные постройки присутственных мест, собор, колокольни и башенки старинной ограды; здесь же находится тюрьма и музей, а собственно «обывательский» город раскинулся в низине, у подошвы этих холмов, с незатейливыми постройками и тихими улицами, выстланными досками. Проезжая по этим деревянным мостовым, я то и дело встречал вывески с четкой надписью: «Раскурка табака»; такие вывески встречались обыкновенно возле трактиров, на плохоньких дощатых террасах. Сначала я думал, что здесь торгуют каким-нибудь особенным табаком или по крайней мере существует для народа раздробительная продажа вроде того, что за грош предлагается выкурить трубку, но оказалось вовсе не то. В городе курить вообще на улицах запрещено, и для этого отведены места на трухлявых трактирных террасах, именно там, где обозначена эта «раскурка». Вероятно, такое распоряжение сделано в видах безопасности, потому что судьба издавна преследует Тобольск пожарами: в 1643 г., будучи еще не городом, а только острогом, он сгорел, но вновь построился и вновь сгорел. Наконец, когда город уже разросся, случился опять пожар в 1788 г., когда сгорел монастырь с семинарией, 9 церквей и более тысячи обывательских домов. Даже накануне моего приезда случился пожар, немаловажный по своим последствиям: сгорело временное помещение губернского суда со многими делами и решениями.

История Тобольска немногословна. Еще до прихода Ермака там, где находится Панин бугор, стоял татарский городок Бицик-тура, т. е. женин город,— вероятно, резиденция одной из жен Кучума, хана сибирской орды. Предполагают, что город был разрушен казаками и оставлен. После основания Тюмени в 1587 г. повелено было голове Даниилу Чулкову плыть с 500 казаками в устье Тобола

Ермака бились с Кучумом, городские граиицы вытяиулись по иртышскому берегу до устья Тобола. Севериые рубежи Тобольска устремились к железной дороге и речиому порту. Вокруг города кольцом расположились его «спутники», где живут судостроители, речиики, портовики. Строится крупиейший в Сибири Тобольский иефтехимический комбинат.

Железная дорога! Жители Тобольска мечтали о ией без малого сто лет. Почетный граждании Тобольска Дмитрий Иванович Меиделеев с надеждой говорил, что «будущее родиого города представляется обещающим в том случае, если придет железиая дорога к устью Тобола». До революции трижды выдвигались проекты строительства дороги. Но каждый раз ие реализовывались. Теперь мечта тобольчан сбылась. Магистраль, проложеиная от Тюмени до Нижневартовска, проходит через старииный сибирский город.

По геиеральиому плаиу сроком до 2000 г. предусмотреио сохранить для потомков исторические памятники Тобольска и одиовремеиио придать ему облик иового современного города. Все мемориальиые места будут восстановлеиы. Вдоль Иртыша протяиется живописная иабережиая. В центре города поднимутся высотиые здания. Населеиие возрастет примерно впятеро и достигнет четверти миллиоиа человек...

Владимир Сурмило

н основать там город, что н было нсполнено в том же году. Сначала это был небольшой острог под именем Тобольска, а потом, то сгорая дотла, то разрастаясь, Тобольск мало-помалу занял прочное положенне н в 1708 г. сделан был губернским городом. В состав тогдашней Тобольской губернии вошли не только вся Сибирь и нынешняя Пермская губерния, но и часть Вятской губернии.

Тобольск процветал, пока находилось в нем управленне Западной Снбнрью, но когда это управление перенесли в Омск и Снбирский тракт благодаря этому нзменился, то Тобольск остался в стороне, присмирел и заглох и ожнвляется теперь только в летние месяцы, когда подплывают к нему суда н пароходы; тем не менее он твердо отстаивает заветы своих пленных просветителей н помнмо школ, семннарнн и гимназнн год от года увеличивает число ученых н благотворительных учреждений. Между прочим, здесь существует уже более четверти века общество, которое оказывает помощь молодым людям, окончившим курс в среднних учебных заведениях Тобольской губернии и поступающим в высшие учебные заведения.

Местный музей находится в нагорной части города, в саду Ермака, н помещается в собственном каменном здании вместе с метеорологической станцней. (К 1 января 1893 г. в коллекциях музея числилось 5863 предмета, в бнблиотеке — 2300 названий, а в кассе денег — 469 р. 61 к.) Как и в других музеях уральскнх н снбирскнх, здесь собраны коллекции растеннй, рыб н птиц, зверей и насекомых, минералов, монет и прннадлежностей инородцев здешнего края: идолы, костюмы, оружие, домашние рукоделия; но помнмо общего ннтереса собранных предметов, которые можно видеть во многих других музеях, здесь находятся вещн чисто местные, имеющие прямую связь с исторней Тобольска.

У самого входа помещается точная копня ссыльного колокола (орнгинал, как я уже сказал, был «прощен» н недавно отослан обратно в Углич). Это небольшой колокол вышнной в однн аршнн н однн вершок, опоясанный рельефной надписью, объясняющей его печальную судьбу. (Прнвожу эту надпись целиком, по подлинной орфографнн: «Сей колокол в которой били в набат прн убнении

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Николай Дмитриевич Телешов (1867—1957) дебютировал в литературе в 80-е годы XIX в. В своих первых рассказах развивал чеховскую тему изобличения мещанства, пошлости обывательского быта.

В 1888 г. писатель познакомился с Чеховым. Именно по совету Чехова, совершившего сахалинское путешествие, Телешов отправился на Урал и в Сибирь. Эта поездка обогатила его знанием жизни народностей Сибири, русских переселенцев. Очерки и рассказы из быта сибиряков, первоначально публиковавшиеся в ряде прогрессивных журналов тех лет, составили первые три сборника Н. Телешова: «На тройках», «Повести и рассказы», «За Урал (Из скитаний по Западной Сибири)», принесшие автору широкую известность.

В предреволюционные годы творчество Телешова прочно связано с демократическими, свободолюбивыми тенденциями русской литературы. В своих рассказах и повестях писатель выступает в защиту рабочих, обездоленного крестьянства, протестует против империалистической войны.

Наиболее значительные произведения Н. Д. Телешова послеоктябрьской поры — повесть «Начало конца» (1933 г.) из эпохи первой русской революции и неоднократно переиздававшаяся книга литературных мемуаров «Записки писателя», воспроизводящая атмосферу творческой жизни России на рубеже XIX—XX столетий.

благовернаго царевича Дмитрия в 1593 году. Прислан из города Углича в сибирь вссылку во град Тобольск к церкви всемилостиваго Спаса что на торгу а потом на Софийской колокольне в часобитной. Весу в нем 19 п. 20 ф.».) Кроме колокола здесь находятся другие исторические предметы: маленькие, почти игрушечные, пушки, которыми Ермак наводил ужас на татарские полчища, кольчуга, шлем и колчаны хана Кучума, старинное вооружение, образцы стеклянной посуды тобольской фабрики с 1749 по 1848 г. и работы пленных шведов: орел со шведской башни, весы 1718 г., глиняные картины ссыльного Цезика, изображавшего в барельефах грустные житейские сцены; выставлена обширная коллекция каторжных клейм, которые выжигались на теле преступников, и, наконец, собрано 5 портретов Ермака старинной работы, 1581—1584 гг. (По словам Карамзина, Ермак был «видом благороден, сановит, росту среднего, крепок мышцами, широк плечами, имел лицо плоское, но приятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза светлые, быстрые—зерцало души пылкой, сильной, ума проницательного...» Приблизительно таким Ермак изображен и на портретах.) Между прочим, здесь находится громадных размеров скелет тура, допотопного быка; по уверению провожатого, таких редких экземпляров всего два: один в Стокгольме, а другой здесь.

IV

Существует русская поговорка: «Сесть на медведя легко, а вот попробуй-ка с него слезть».

В точно таком же положении оказался и я, когда начал справляться о времени отплытия парохода. Определенного расписания здесь не полагается, и Тюмень высылает пароходы, когда вздумается, т. е. по мере накопления груза. Никто не мог мне ответить, когда придет обещанный мне в Тюмени *Лебедь;* говорили гадательно, но спокойно:

— Может, нынче придет, а может—через неделю.

Рассчитывали тем не менее на прибытие парохода в ночь, поэтому и предложили мне ночевать не в гостинице, а на так называемой конторке. Ночевать «на конторке» значило просидеть несколько часов на собственном чемодане, среди узлов и разного багажа, в маленькой узкой комнатке, построенной на плавучей барже, заменяющей пристань.

С наступлением сумерек город мало-помалу затихал: пустели и без того пустынные улицы, замолкали голоса на базаре, припрятались торговцы со своими оленьими шапками и туязами, гасли огни... У ног моих плескался широкий сердитый Иртыш; над головою сияли звезды, и, несмотря на полночь, восток начинал уже разгораться зарею: летние ночи здесь бледны и коротки, почти незаметны... Пришли мне на память другие ночи—ясные, изумрудные ночи Востока с их молчаливой истомой; припомнились южные нежные ночи, с морским воздухом, с одуряющим ароматом апельсинных цветов, с чуть уловимыми отзвуками мандолин и песен... Вспомнились, наконец, наши родные ночи, такие же тихие, унылые... Но и у нас цветут в мае яблони и жасмины, чего здесь не было и нет; и у нас сияют тихие звезды; и у нас широко катятся речные струи, но есть здесь какая-то разница, какая-то неуловимая разница между

намн н темн, над которымн в эту тихую летнюю ночь возвышается на холме егнпетский профиль памятника н музей с его каторжными клеймами н ссыльным колоколом... Впередн виднелось речное пространство, а за ним расстилалась долнна — может быть, даже степь — гладкая, ровная и пустынная.

Когда же рассвело н взошло солнце, где-то вдалеке послышался густой, продолжительный крик парохода. Средн затишья н речного простора как-то особенно гулко н властно разносился этот баснстый голос, мннут пять тянувшнй одну беспрерывную ноту, н было не то прнятно, не то жутко сознание, что наступило время проннкнуть еще глубже в эту страну с горьким прошлым н великим будущнм...

Публикация *Владимира Сурмило*

ФАНТАСТИКА

ФАНТАСТИКА

ВИТЯЗЬ НАУКИ, ПРАВОФЛАНГОВЫЙ ФАНТАСТИКИ

Слово об Иване Ефремове

В 1982 году Ивану Антоновичу Ефремову исполнилось бы 75 лет. Почти десятилетие не дожил он до этого зрелого для творческого человека возраста. Но за свою не столь уж долгую жизнь он успел очень и очень многое. Он не только стал видным ученым, доктором биологических наук, профессором, лауреатом Государственной премии, создателем новой отрасли науки — тафономии, но и одним из зачинателей советской научной фантастики, проникал зорким взглядом художника и в далекое прошлое, во времена египетских фараонов, Александра Македонского, и в грядущее коммунистическое завтра.

Его роман «Туманность Андромеды» обошел весь мир и сделал для воспитания молодежи в коммунистическом духе не меньше, чем целая армия пропагандистов и агитаторов. Иван Ефремов — любимый писатель всех, кто зачитывается научной фантастикой. И в год юбилея писателя мы предоставляем слово ему самому. Он повествует о себе с подкупающей простотой и скромностью, адресуясь к тем, кто размышляет, как совместить работу с учебой, каков должен быть путь в науку, каких ценностей искать в жизни. Любителям фантастики он рассказывает о своем проникновении в будущее как о чем-то совершенно обыденном.

Образ Ефремова, крепкого и рослого парня, увлеченного своим делом лаборанта и матроса, плававшего в самом бурном из морей — Охотском, грузчика, человека, который заканчивает среднюю школу экстерном за два года, а Горный институт без отрыва от работы — за два с половиной года, встает перед нами во всей своей притягательности. Мы проникаемся убеждением, что сделанное им будет служить все новым и новым поколениям читателей и ученых.

Александр Казанцев

ИВАН ЕФРЕМОВ

НЕ ОПУСКАТЬ КРЫЛЬЯ

Редакция «Строительной газеты» ознакомила меня с письмами строителей, которые работают и учатся в вечерних и заочных учебных заведениях. Среди них есть письма людей, по тем или иным причинам бросивших учение. И я оглянулся назад, на годы первого десятилетия Советской страны.

Может быть, для читателей газеты будет интересно узнать про мой путь в науку.

В годы гражданской войны я жил на Украине и остался без родителей в возрасте двенадцати лет. Меня приютила автомобильная часть Красной Армии. Я пробыл в ней до демобилизации и расформирования в конце 1921 года, после чего поехал в Ленинград (тогда еще — Петроград) с твердым намерением учиться.

Мальчишке, хоть и не по годам рослому и развитому, но порядком заморенному постоянным недоеданием, мне пришлось сначала туго. Много было просто беспризорных, не говоря уже о безработных, неквалифицированных, как и я, чернорабочих. Единственно, с чем не было никакой трудности,— это с квартирами: бывшая столица Российской империи после голодной войны и блокады империалистов наполовину, если не на три четверти, пустовала.

Для поступления на рабфак и получения стипендии я не имел рабочего стажа на постоянной работе. Не подходил я и по возрасту, а вечерних школ тогда не было. Пришлось поступать в обычную среднюю школу, изо всех сил наверстывать упущенное за годы гражданской войны, кончая по два класса в год (экстерната тогда не было). Если бы не помощь бескорыстных учителей, бесплатно помогавших мне в занятиях, и если бы не помощь общественных

организаций, ведавших питаннем ребят, мие бы ннкогда ие справиться и ие окончить школы за два с половиной года.

Но как бы ни были трудны занятия, иадо было еще и жить. Лето, часть весиы и осеии, вообще всякое свободное время проходило в погоие за заработком. Мы были воспитаны в старинных правилах. Мало-мальски подросшие дети ие могли быть в тягость родителям или родствеииикам. Поэтому обратиться за помощью к родствениикам, что сейчас так легко делают ниые молодые люди, в те времена казалось просто иевозможным, и я должеи был обеспечивать сам себя.

Я иачал с разгрузки дров из вагонов иа товарных станциях Петрограда. В одииочку удобиее всего выгружать «швырок»— короткне полеиья по пол-аршина в длииу. «Шестерку» (110 см) одии далеко ие отбросишь: завалишь колеса вагоиа и придется ее перебрасывать дважды. За разгрузку из вагоиа в 16—20 тоии «швырковых» дров платили три рубля. Если втянуться в работу, то за вечер можио было заработать шесть рублей—примерио треть месячной студеической стипендии. Но после такой работы домой приходил далеко за полиочь, в беспокойном сне виделись бесконечные дрова, а иа следующий день почти ии на что ие был годеи. Кроме того, такая работа требовала усилеииого питання, поэтому иадо было жить и питаться ие как студеиту, а как грузчику, расходуя гораздо больше деиег, чем зарабатывал.

Когда я сообразил, что ие могу учиться в таких условиях, то перешел иа выгрузку дров с баржей. Отапливающнйся дровами Петроград сиабжался ими ие только по железной дороге, ио и по реке. Деревяииые баржи подходили прямо к домам по миогочисленным протокам-речкам, проиизывавшим весь город. Сиимали решетку набережиой, прокладывали доски, и дрова катали иа тачках прямо во дворы. Тут можио было заработать в деиь рубля четыре и ие уставать так сильио, как иа выгрузке вагоиов в одниочку. Катала дрова артель, поэтому работа шла с роздыхом и при ловком обращеиии с тачкой не была слишком тяжела.

Когда я стал засыпать иад задачииками и видеть во сие белые булкн, которые иикак ие удавалось съесть, я понял, что надо снова менять род работы.

И тут я иашел товарища. Вдвоем мы стали ходить по дворам пилить, колоть и укладывать дрова в обшириые леиииградские подвалы, использовавшиеся как сараи. На этой работе можно было в любое время сделать перерыв и даже кое-что соображать по прочитаниому нз учебников, когда работа ие требовала особого виимания. Так я и прожил бы таким кустарем-дровяииком, если бы ие подвериулась вакансия помощиика шофера в одиом из артельиых гаражей. Затем—шофер грузового автомобиля системы «Уайт», с цепной передачей модели 1916 года.

С таким трудом иайдеииую работу пришлось, одиако, тут же оставить, чтобы сдать выпускные экзамеиы. Буквально на последиие рубли я уехал на Дальний Восток почти сразу после окоичания школы. Плавал там матросом иа парусио-моториом судие «Интериациоиал» иа Сахалии н по Охотскому морю до поздией осеин 1924 года. Потом вериулся в Леннград, чтобы поступнть в университет. Стипеидии мие ие досталось—их было очень мало. Пришлось сиова браться за иеквалифицированиый труд.

Иван Антонович Ефремов в студенческие годы (1925—1926 гг.), препаратор Геологического музея в Ленинграде (публикуется впервые)

Дело пошло несравненно легче. Во-первых, тогда студенты не были обязаны посещать лекции, лишь бы своевременно отрабатывать лабораторные задания и сдавать зачеты. Во-вторых, были организованы студенческие рабочие артели, прикрепленные к разным организациям, подбиравшим им работу полегче и поприбыльнее.

Я вступил в студенческую артель из самых здоровых ребят, которая работала в порту. Особенно выгодна была погрузка соли (девятипудовые кули посильны не каждому), а также катание дубовой клепки. Мокрая, она составляла на тачке очень тяжелый груз, обращаться с которым на узких и гнущихся досках-трапах — целое искусство.

Мы зарабатывали при удаче до девяти рублей в день. Двухнедельная работа обеспечивала два месяца безбедного, по тем студенческим меркам, житья.

На одной из работ, взявшись вместе с товарищами построить ограждение вокруг чьего-то капустного огорода, я едва, как говорится, не «отдал концы»: исцарапал ржавой проволокой руки, заразился столбняком.

Я понимаю, что наши усилия найти работу могут вызвать сейчас снисходительную улыбку у молодежи. Стоит пойти на любую

стройку — и готово... Да, но в то время строек в городе почти не было. Если и случались, то на них не было отбоя от постоянных, квалифицированных строителей. Я был одно время секретарем комиссии по летней практике. Мы сами, студенты, распределяли места на практику. Это был более серьезный вопрос, чем может сейчас показаться, потому что для нестипендиатов два-три месяца летней практики, то есть оплачиваемой работы по своей или близкой специальности, были возможностью не только подкормиться, но и материально обеспечить себя хоть на часть следующего учебного года. Если бы вы видели, сколько слез сопровождало каждое распределение путевок на летнюю практику, вам стало бы ясно нелегкое положение студенчества в начале нэпа.

К концу первого года обучения в Ленинградском университете я получил постоянное место шофера ночной смены на пивном заводе и среди студентов стал «богачом» с постоянной зарплатой от пятидесяти до шестидесяти рублей в месяц. Однако это «богатство» мне не принесло никаких сбережений на будущее. Товарищи вокруг жили так бедно, что я не мог не помогать им. В результате мой высокий заработок позволял лишь иногда покупать книги. Все остальное расходилось по рукам, и, конечно, безвозвратно.

Осенью 1925 года я поступил в Академию наук лаборантом геологического музея.

Казалось бы, мне оставалось только закончить университет. На деле получилось совсем не так. Разнообразная деятельность лаборанта, сама наука так увлекли меня, что я часто засиживался в лаборатории до ночи. Все труднее становилось совмещать столь интенсивную работу с занятиями. К тому же с весны до глубокой осени приходилось бывать в экспедициях. Вскоре и совсем бросил занятия, не будучи в силах совмещать дальние экспедиции в Среднюю Азию и Сибирь, где я уже работал в качестве геолога, хотя и не имел еще диплома.

Мне посчастливилось быть в рядах тех геологов, которые открыли пути ко многим важным месторождениям полезных ископаемых. Эта трудная работа так увлекала нас, что мы забывали все. Забыл и я о своем учении.

Я то и дело «спотыкался», когда приходилось отстаивать свои взгляды, выставлять проекты новых исследований или «защищать» открытые месторождения. Наконец, мне стало ясно, что без высшего образования мне встретится слишком много досадных препятствий. Будучи уже квалифицированным геологом, я ходатайствовал о разрешении мне, в порядке исключения, окончить экстерном Ленинградский горный институт. Мне пошли навстречу, и в течение двух с половиной лет удалось, не прерывая работы, закончить его.

Сколько я каялся и бранил себя за то, что оставил учение и не довел его до конца раньше, когда у меня было еще мало обязательств, накоплено мало исследований, требовавших спешного завершения.

Сейчас, когда я, пожилой, много видевший ученый и писатель, смотрю в прошлое, мне ясно, что стремление и воля к знаниям не оставляли меня. Я пробивался к знаниям, чувствуя и понимая, какой огромный и широкий мир открывается передо мной в книгах, исследованиях, путешествиях. Но каковы бы ни были мои способно-

сти и желания, сделать доступным все духовное богатство мира могло лишь систематическое образование. Все это — школа и уроки, диктовки и задачи — было трудным препятствием, но и в то же время ключом, открывшим ворота в новое, интересное, прекрасное.

Мне повезло с учителями — на пути оказались хорошие, высокой души люди. Настоящие педагоги, сумевшие разглядеть в малообразованном, плохо воспитанном, подчас просто грубом мальчишке какие-то способности. Но мне думается, что если бы этого не случилось, то все равно я бы продолжал преодолевать все трудности учения. Воля, как и все остальное, требует закалки и упражнения. То, что казалось трудным вчера, становится легким сегодня, если не уступать минутной слабости, а бороться с собой шаг за шагом, экзамен за экзаменом.

Тренировка стойкости и воли приходит незаметно. Когда учишься ездить на автомашине, трудно справляться с ней и следить за дорогой, знаками, пешеходами. И вдруг вы перестаете замечать свои действия, машина становится послушной и не требующей напряженного внимания. Так и с трудностями жизни. Привычка к их преодолению приходит незаметно, учиться становится легко, только нельзя давать себе распускаться и жалобиться. Товарищи будут с уважением называть такого человека собранным, волевым, мужественным, а он будет удивляться: что такого в нем нашли особенного?

И если вы действительно стремитесь к знаниям, то не поддавайтесь слабости, никогда не отменяйте своего решения. Дорогу осиливает и ослабевший человек — пока он идет. Но, упав, ему будет трудно подняться, много труднее, чем продолжать идти!

«Строительная газета» № 17 (4419), 7 февраля 1964 г.

СТРАНА ФАНТАЗИЯ

— Как вы стали фантастом?

— Видите ли, для меня это слово является не совсем точным определением. Я скорее фантазер. Фантаст — это уже нечто специфическое. Вроде бы человек сидит и специально фантазирует на заданную ему тему. А я просто с детства придумывал самые различные изобретения. То же самое и в науке. Тут я тоже касался самых неизведанных тем, самых неразработанных отделов — и в геологии, и в палеонтологии.

— В рассказе «Алмазная труба» вы предвосхитили открытие алмазов в Якутии. Что вам помогло сделать это?

— Помогло то, что я геолог, много лет проработавший в Сибири, стерший вместе с товарищами немало «белых пятен», существовавших еще в те времена на сибирской карте. Но я не совершил никакого особого пророчества. Просто перенес в настоящее то, что принадлежало еще будущему, еще должно было быть открыто, но в чем не сомневался, так как считал, что геологические структуры Сибири и Южной Африки схожи.

Вообще предвосхищений у меня оказалось несколько. Еще будучи совсем молодым ученым, я поставил вопрос о необходимости исследования дна океанов. Написал об этом статью и послал в

«Геологишерундшау». В то время это был солидный научный журнал. И через некоторое время получил ответ, подписанный известным тогда специалистом по морской геологии Отто Пратье. Он писал, что «статья господина Ефремова абсолютно фантастична. Никаких минералов со дна добыть нельзя. Дно океана не имеет рельефа. Оно совершенно плоское и покрыто толстым слоем осадков». Так меня, мальчишку, он «уничтожил». Статья не была опубликована. А теперь мы знаем, что на дне есть и хребты, и ущелья, и открытые выходы пород.

Точно так же получилось и с «Тенью минувшего». В «Литературной газете» Ю. Н. Денисюк, изобретатель голографии, сам признал, что заняться поисками натолкнул его мой рассказ, опубликованный в 1944 году. В нем, кстати, я писал, что все затруднение — в отсутствии сильного источника света. С изобретением лазеров и мазеров такой источник появился!

В рассказе «Озеро Горных Духов» я говорил о ртутном озере на Алтае. Сейчас ртуть там нашли. Может, со временем и еще какие-нибудь «предсказания» сбудутся?

И это совсем не в силу какого-то моего пророческого дара. Просто, когда вы являетесь ученым довольно широкого плана, то впитываете все, что «носится в воздухе». А потом, обладая некоторой долей фантазии, это не очень трудно представить в уже «реальном» виде.

Вот почему я считаю, что фантазия — чрезвычайно ценная вещь. И тут я опять-таки не делаю никакого открытия, а следую мысли Владимира Ильича Ленина, который прямо указывал, что «фантазия есть качество величайшей ценности...».

Мы часто повторяем эти слова, но не очень вдумываемся в них. А ведь если такой человек, как Ленин, подчеркивает, что фантазия — «величайшая ценность», так это неспроста. И действительно, если бы не было фантазии, то и вообще бы все науки стояли на месте.

По-моему, фантазия — это вал, поднявшись на который можно видеть значительно дальше, пусть порой еще в неясных контурах.

Помните стихи Фета:

Одной волной подняться в жизнь иную,
Почуять ветр с цветущих берегов...

Это, в общем-то, фантасты и делают.

— Большинство зарубежных фантастов рисует встречу землян с другими цивилизациями в мрачных красках. В ваших же произведениях, наоборот, преобладает оптимизм. На чем он основан?

— Основан прежде всего на глубочайшей вере, что никакое другое общество, кроме коммунистического, не может объединить всю планету и сбалансировать человеческие отношения. Поэтому для меня вопрос стоит так: либо будет всепланетное коммунистическое общество, либо вообще не будет никакого, а будут пыль и песок на мертвой планете. Это первое.

А второе заключается в том, что человек по своей природе не плох, как считают иные зарубежные фантасты, а хорош. За свою историю он уже преодолел в себе многие недостатки, научился подавлять эгоистические инстинкты и выработал в себе чувство взаимопомощи, коллективного труда, и еще — великое чувство любви...

Иван Антонович Ефремов в последние годы жизни

Вот это и дает мне право считать, что хорошего в человеке миого и при соответствующем социальиом воспитании ои очень легко приобретет ту дисциплииу и ту предаииость общему делу, ту заботу о товарище, о другом человеке, которые иеобходимы для устройства коммунистического общества.

— Вас как геолога должиы особеиио интересовать образцы породы, доставлеииые «Луиой-16». О чем можио судить по таким образцам? Что могут рассказать кериы с Марса и других плаиет?

— Когда вы попадаете в совсем иеизведаиную область и перед вами вдали высится хребет, вы думаете, что, добравшись до иего, первым же ударом молотка откроете нечто совершеиио иовое. На самом деле почти никогда так ие бывает. Вам приходится следить за подробностями геологического строеиия, собирать образцы из разиых мест, и только тогда постепеиио вырисовывается достаточно полная картина.

Так и тут. Придется доставлять образцы с разиых мест Луны, может быть, сотни образцов. Все оии будут одии другому противоречить, не будут сходиться данные, учеиые будут спорить. И только после серьезиых изучеиий картина станет ясиа.

Особую роль, можно сказать, иовую эпоху в изучеиии планет открыли дистанциоино-управляемые самоходиые аппараты, подобиые иаходящемуся сейчас иа Луне «Луноходу-1». Задолго до того, как иога человека ступит иа Марс, Веиеру и другие плаиеты,

«Марсоходы», «Нептуноходы» и другие планетопроходцы сообщат людям много важного и интересного.

Хотя, конечно, повторяю и подчеркиваю, каждый первый кусочек, доставленный с другой планеты, безусловно, представляет колоссальный интерес, и всегда мы будем ожидать чего-то совершенно нового!

— Каким представляется вам земной транспорт через 100—200 лет?

— Тут у меня большие расхождения с моими советскими и зарубежными коллегами-фантастами. Я считаю, что скорость наземного транспорта не должна очень сильно возрастать — для массовых передвижений это не нужно.

В исключительных случаях — для выяснения срочных вопросов, для медицинской помощи и тому подобного — должен, конечно, существовать сверхбыстрый транспорт, скажем ракеты. В остальном же он должен быть экономичным. Скорость поезда 200 километров в час мне кажется вполне достаточной.

Необходим прогресс не столько в скорости, сколько в грузоподъемности, в ширине колеи. Мне представляется широкое рельсовое полотно, метров шесть, десять даже. Каждый вагон будет равняться среднему кораблю. Кроме того, значительное количество транспорта, особенно в городах, должно уйти под землю. Ведь в дальнейшем техника снабдит нас механизмами, быстро роющими тоннели.

— Давайте уточним. Все, что вы сказали, в основном относится к грузовым поездам. Ну а пассажирские будут существовать через сто лет или будет уже что-то совершенно новое?

— Обязательно будут, со скоростью 200—300 километров в час. Кому нужно быстрее, сядет в ракету или в самолет. Вообще, знаете, вспоминаю момент, когда, выбравшись из тайги, умывшись, упаковав и сдав в багаж вещи, наконец садишься в поезд, где мягкие диваны, тепло, светло... Это такое блаженство, что готов и десять суток ехать. Короче говоря, я за «медленный» земной транспорт, который дает возможность не только переехать из одного места в другое, но и по дороге насладиться созерцанием прелестей земли.

— А теперь, Иван Антонович, два последних традиционных вопроса. Первый: ваше увлечение в свободное время?

— Дело в том, что у меня нет свободного времени.

— Нельзя так отвечать, это запрещенный прием.

— Ну хорошо, но тогда не увлечение, а так, мелкая страстишка. «Собрание красавиц», как шутя называют у нас в семье. Когда нужно было иллюстрировать «Туманность Андромеды», оказалось, что художники не умеют рисовать красивых женщин, разучились... Я стал вырезать из разных журналов фотографии, чтобы дать художникам материал. И вот у меня теперь несколько папок портретов красавиц, с которыми я не знаю, что делать...

— И последний вопрос. Над чем вы сейчас работаете?

— Я почти закончил историческую повесть из времен Александра Македонского.

— Как называется повесть?

— Название пока условное — «Легенда о Таис».

Беседу вел *В. Гиткович*

Газета «Гудок», 24 ноября 1970 г., № 275 (13768)

ГЕННАДИЙ ТИЩЕНКО

ВАМПИР ГЕЙНОМИУСА

Фантастический рассказ

«...Вампир Гейномиуса — мелкое млекопитающее из отряда перепончатокрылых — опаснейшее кровососущее животное планеты. Тончайшее жало вампира пронзает оболочку скафандра высшей защиты, что приводит к заражению местной микрофлорой.
Меры в случае нападения:
Тотчас после укуса необходимо заклеить скафандр гермопластырем и как можно скорее ввести укушенному сыворотку Берга. В противном случае через полчаса неизбежен летальный исход».

Из отчета первой экспедиции на Геону

Вокруг до самого горизонта простиралась холмистая равнина, покрытая оранжевой травой и мелким красноватым кустарником.

Дормион поднимался к зениту, затопляя все вокруг ослепительным голубым светом. В высокой сочной траве заливались трелями местные цикады. Изредка в небе проносились перепончатокрылые дракончики — птеродоны, охотившиеся за ящероподобными химерами. Было жарко до помрачения. Пот лил с Янина в три ручья, несмотря на то что охлаждение скафандра было включено на полную мощность.

— Удивительная планета,— сказал Янин, когда они наконец присели в тени огромного пурпурного куста.

— Рано делать выводы,— усмехнулся Новицкий, но не успел ничего добавить.

Нечто темное, плоское пронеслось над ним, впилось Янину в плечо и тут же, почти мгновенно, взмыло в поднебесье.

— Что это было? — Янин попытался улыбнуться, но губы его не слушались.

Новицкий внимательно осмотрел плечо товарища.

— Могу вас поздравить с тем,— сказал он,— что состоялось ваше знакомство с вампиром Гейномиуса. Немедленно на корабль! Первый укус особенно опасен, так как в организме нет даже начального иммунитета...

Борьба человеческого организма с проникшими в него инопланетными формами жизни даже после введения сыворотки длится более шести часов. Почти до самого вечера Янин метался на койке медпункта в бреду. Тело покрылось сыпью, температура была за сорок. Временами он впадал в забытье.

Лишь на исходе седьмого часа сыворотка оказала решающее действие.

Открыв глаза, Янин увидел озабоченное лицо Новицкого.

— Теперь, когда вы побывали одной ногой в ином мире, понимаете, почему мы настаиваем на эксперименте? — спросил Новицкий.

— Неужели вы все прошли через это? — Янин улыбнулся какой-то вымученной улыбкой.

— Абсолютно все... Даже капитан Друян. А ведь он лишь раз выходил из звездолета... Вампиры предпочитают кусать вновь прибывших. Именно поэтому здесь лежите вы, а не я.

— Довольны?

— Как вам сказать... Чтобы понять всех нас, вы должны были пройти через это. Риск был незначителен, ведь мы находились в двух шагах от звездолета. А пройти через это рано или поздно все равно пришлось бы. Куда опаснее работать на границе десятиминутного радиуса или, что еще хуже, удаляться в силу любознательности еще дальше... Вот им я действительно не завидую...— Новицкий встал.— Желаю вам успеха в вашей дальнейшей деятельности. И советую хорошенько выспаться. Теперь у вас есть начальный иммунитет, и следующие укусы будут не столь болезненны, как предыдущие.

— Спасибо, обрадовали.— Янин сел было на край кровати, но, почувствовав, как кружится голова, вновь лег.

— Даже если не сможете заснуть, рекомендую, как врач, полежать пару часов,— сказал на прощание Новицкий.

Поздним вечером в кают-компании звездолета собрались все члены экспедиции.

Новицкий представил Янина пилотам, вернувшимся из разведывательных полетов.

— Прошу любить и жаловать. Биолог Михаил Янин — представитель нашего филиала Комитета по Контактам. Прибыл с базы специально для того, чтобы решить вопрос о вампирах.

— Кусанный? — вызывающе спросил кто-то из пилотов.

— Успел отведать,— усмехнулся Новицкий.

— Ну и как?

— Нормально,— ответил Янин.

— Перейдем к делу,— сказал капитан Друян.— Расскажу в двух словах представителю Комитета о сложившейся ситуации.

По предварительным сообщениям первой экспедиции мы знали, что планета необычайно похожа на Землю и очень подходит для освоения. Цель нашей экспедиции — комплексное изучение всех ее физико-биохимических характеристик.

Атмосфера Геоны вполне пригодна для дыхания, что выгодно отличает ее от других планет. В принципе мы могли бы работать здесь без скафандров, особенно в полярных областях, если бы не смертельно опасная микрофлора.

В первые дни наши исследования продвигались довольно успешно, но после гибели Комптона и Агеева мне пришлось запретить индивидуальные работы за пределами безопасной зоны. Теперь мы вынуждены топтаться на пятачке близ звездолета, а остальные области планеты, по своим климатическим и биогеографическим условиям весьма отличающиеся от здешних, остаются практически неизученными. И все из-за вампиров... Если бы не они, мы уже через два месяца закончили бы работу. А так она затягивается на неопределенный срок...— Друян старался говорить спокойно, но это удавалось ему с трудом.— Даю слово биофизику Комлеву,— объявил он после паузы.— Два месяца назад он выступил с предложением... Впрочем, думаю, он лучше расскажет об этом сам, как автор изобретения...

Комлев, высокий парень с длинной, худой шеей, был эмоциональнее Друяна.

— Как биолог я прекрасно понимаю, что это такое — уничтожить в массовом масштабе недостаточно изученных животных. Я имею представление об экологическом балансе и о прочих подобных вещах... И все-таки не вижу другого выхода...— Комлев на мгновение задумался.— Несколько слов об этих животных. Жало вампира состоит из кремнийорганических соединений, по твердости не уступающих алмазу. По-видимому, оно возникло в процессе эволюции для пробивания панцирей псевдомастодонтов, встречающихся здесь в изобилии.

Все наши попытки дополнительного бронирования скафандров, увы, успехом не увенчались; вампиры обладают тонким ультразвуковым аппаратом, позволяющим мгновенно находить уязвимые места. А сплошное бронирование скафандров и невозможно, и нецелесообразно, так как в нем станет невозможно по-настоящему исследовать планету. Против вампиров не помогают и бластеры: животные эти нападают молниеносно, и человек просто не успевает применить оружие.

Почти два с половиной месяца назад мне удалось установить частоту сигналов, которыми самки вампиров призывают к брачному полету самцов. Известно, что самки вампира охотой не занимаются: их, как и детенышей, кормят самцы, доставляя высосанную кровь прямо в гнездо. Следовательно, можно записать этот сигнал и, приманив им, уничтожить самцов. Тем самым вероятность нападения станет почти равна нулю.

По приблизительным подсчетам, для восстановления экологического баланса региона понадобится не более полугода. Кроме того, мы можем ускорить этот процесс, приманив тем же ультразвуком самцов из соседних регионов.

— А не лучше ли записать сигнал опасности и отпугивать им вампиров? — спросил Янин.

— В том-то и дело, что такие сигналы не зарегистрированы,— сказал Друян.

Янин внимательно посмотрел на капитана, потом на Новицкого.

— Ладно,— сказал он наконец.— В других условиях я не стал бы даже обсуждать подобные предложения, но будем считать ваш случай исключительным. Даю разрешение, но при одном условии: эксперимент проводится при минимальных мощностях генератора и силового поля...

В полночь на обзорной площадке звездолета собрались все свободные от вахты члены экипажа. Комлев уже отрегулировал генераторы, и все с нетерпением ждали начала эксперимента. На экране электронно-оптического преобразователя окружающий ландшафт выглядел еще фантастичнее, чем днем. Остывающие после дневного зноя деревья казались на этом участке инфракрасного спектра голубыми, поверхность планеты светилась мрачным багряным пламенем, а теплокровные животные фосфоресцировали призрачным фиолетовым светом и оставляли за собой шлейфы разогретого алого воздуха.

Эксперимент начался вскоре после полуночи, когда самцы вампира завели свои «ультразвуковые серенады».

Генератор ультразвука включили на минимальную мощность, установив вокруг звездолета сферическое защитное поле. Прошло пять минут, а вокруг ничего не изменилось.

— Может быть, усилить сигнал?—несмело предложил Комлев.

— А может, они и вовсе не прилетят?—вместо ответа сказал Друян.

— Ультразвук генератора ничем не отличается от натурального,— Комлев недоуменно пожал плечами.

— А действительно, не усилить ли мощность звука?—спросил Друян у Янина.

— Подождем минут пять—десять,— сказал Янин, с трудом подавляя в себе нахлынувший неведомо откуда охотничий азарт.

Новицкий, стоявший рядом, тяжело вздохнул, но ничего не сказал. Прошло еще минуты три, и тут на экране электронного преобразователя показался быстро приближавшийся к звездолету вампир. Это был молодой, довольно крупный самец. Он летел, широко расправив крылья, стремительный, напряженный, словно струна.

— Красиво летит,— с сожалением вздохнул Новицкий.

Друян недоуменно взглянул на него, а когда вновь повернулся к экрану, самец уже падал вниз, ярким искрящимся комочком догорая в силовом поле звездолета. Комлев торжественно взглянул на Друяна. «Ну, что я говорил? А вы еще сомневались...»—эти слова были написаны на его лице.

Янин, брезгливо поморщившись, повернулся к экрану. Он не понимал таких людей. Откуда эта жестокость? Инстинкт первобытного охотника, пробудившийся через тысячелетия, или нечто худшее, чем атавизм?

Между тем сгорающих в силовом поле животных с каждой минутой становилось все больше. Вскоре весь экран покрылся яркими вспышками. Отдаленно эта картина напоминала фейерверк, который Янин видел в далеком детстве, когда торжественно отмечалось возвращение первой межзвездной экспедиции.

Вокруг звездолета уже образовалось довольно широкое кольцо обугленных животных, когда Янин потребовал прекратить это массовое уничтожение.

— Думайте обо мне что хотите,— сказал он,— но это бесчеловечно. Это не выход... Обещаю вам, что в течение недели найду средство обезопасить нас от укусов.

Утром, не дожидаясь разрешения Друяна, Янин отправился в разведывательной капсуле к полюсу Геоны. Он летел со скоростью трехсот километров в час на высоте нескольких сот метров и мог детально изучать ландшафт, проплывающий внизу.

Часа через полтора полоса бордово-оранжевых саванн кончилась и началась зона желтой тайги. Янин задумчиво смотрел на желтые деревья, столь напоминавшие осенний земной лес, и думал о событиях прошлой ночи.

...Новицкий просидел у него в каюте почти до утра.

— Я видел, как вы смотрели на Комлева,— говорил он, лениво потягивая кофе.— Я знаю, вы нас считаете живодерами, готовыми уничтожить все живое на этой планете ради собственной безопасности.

Янин не возражал, хотя вовсе не считал так.

— Агеев был близким другом Комлева,— продолжал Новицкий. Это шестая экспедиция, в которой они вместе участвовали. Комлев очень тяжело пережил его гибель и вчера в какой-то степени мстил за друга...

— Комлева можно понять,— ответил Янин.— Но все равно это

глупо... Вы мне лучше скажите, почему вампиры предпочитают кровь вновь прибывших?

— Я не раз задумывался над этим.— Новицкий вдруг встал и зашагал своими широкими шагами из угла в угол.— Это действительно странно, но, может быть, вампир, обладая чутким ультразвуковым аппаратом, способен не только находить уязвимые места в броне, но и зондировать внутреннее состояние живого существа? Вспомните ультразвуковые дефектоскопы...

— Но для чего ему это?

Новицкий недоуменно посмотрел на Янина:

— То есть как это для чего? Известно, что за один мгновенный укус вампир выпивает изрядное количество крови. Для этого в его организме имеется специальная полость, в которой он может создавать разряжение и втягивать в нее кровь...

— Ну, это я знаю,— нетерпеливо протянул Янин, все еще не понимая, к чему клонит собеседник.

— Согласны ли вы с тем, что, чем больше крови в животном, тем больше и ее давление?

— Ну и что?

— Значит, тем больше крови вампир сможет втянуть за один укус. На кого же ему выгоднее нападать: на кусанного или некусанного?

— Очень искусственно и неубедительно...— сказал Янин разочарованно.— По-моему, все сложнее...

...Капсула скользнула над берегом большого таежного озера. Некоторое время Янин раздумывал, лететь ли дальше или приземлиться здесь.

В это время внизу показалась довольно широкая полоса песчаного пляжа, и Янин повел капсулу на посадку.

Он сам толком не знал, зачем полетел в эти неизученные места. Интуиция?.. Сейчас, вспоминая минувшую ночь, он подумал, что некоторые его догадки подтвердились. Он вспомнил, что самцы летели к звездолету волнами и каждая следующая волна была значительно многочисленнее, чем предыдущая. Но так было до определенного момента. Незадолго до того, как он запретил продолжать эксперимент, волны животных поредели.

И еще он вспомнил, как поразились Друян, Новицкий и сам Комлев, увидев, сколько животных привлек ультразвук. Их было в десятки раз больше, чем предполагалось. Ультразвук малой мощности не мог собрать такого количества вампиров. Значит, перед тем как двинуться к звездолету, вампиры передавали информацию в более отдаленные места. Потом они как-то распознали, в чем дело, и передали сигнал опасности... Выходит, этот сигнал все-таки существует? Почему же они передают его только в случае, когда гибель грозит всему биологическому виду? Может быть, они вообще не сталкивались веками с опасностью? Действительно, кто на этой планете представляет для них серьезную угрозу? Медлительные, неповоротливые мастодонты, безобидные химеры или отставшие в развитии на миллионы лет птеродоны? Почти доказано, что вампиры — самые высокоразвитые животные на планете. Они не знают врагов, так как у них самая совершенная нервная система, мгновенная реакция. Лишь пришельцы из другого мира — люди могут представлять для них опасность. Не потому ли именно вампиры так

часто нападают на нас? Ведь вокруг столько более безобидных «доноров». А люди опасны: вампир, пришлепнутый Новицким, далеко не первым погиб от руки землян...

Янин посадил капсулу у самой опушки оранжево-желтого леса и замер в ожидании. Стояла абсолютная тишина, и это не нравилось биологу. Подождав еще немного, но так ничего и не дождавшись, Янин включил магнитную запись «серенады вампиров».

Прошло минут десять, но ни один самец не прилетел на этот зов. Янин ждал полчаса, час. Вампиров не было.

Подтверждались его самые мрачные предположения. Теперь напрасно будут ждать самки самцов: «серенада», зовущая в брачный полет, стала отныне сигналом бедствия...

Некоторое время биолог еще ждал, не веря, что информация об опасности этого ультразвукового сигнала дошла сюда, за сотни километров от звездолета. «А что, если эта информация распространилась по всей планете?» От этой мысли биологу стало не по себе. Хорошо еще, если самки выработают новый призывный сигнал. А если нет?

Бояться более нечего: теперь у людей было средство, отпугивавшее их врагов. Но Янина эта мысль ничуть не радовала.

Не выключая генератор ультразвука, Янин вылез из капсулы и огляделся. Опушка оранжево-желтого леса начиналась в десяти шагах. С противоположной стороны желтела полоса песчаного пляжа, на который лениво накатывались волны голубого озера.

«Надо было сесть подальше от зарослей,— подумал мельком биолог,— мало ли кто оттуда может вылезти?» Но тут же эта мысль была вытеснена раздумьями о судьбе вампиров и довольно ощутимом нарушении экологического баланса планеты в результате их гибели...

Ноги глубоко провалились в песок, и даже сквозь толстые подошвы Янин чувствовал, как раскалена почва. Подойдя к воде, биолог увидел у самого берега длинное полупрозрачное тело водяной змеи. Вот она, изящно извиваясь, догнала небольшую сиреневую рыбку, и через мгновение жертва уже трепетала в прозрачном желудке пресмыкающегося.

Страшный треск заставил Янина обернуться. На месте зеркальной капсулы тупо топтался огромный панцирный псевдомастодонт. Останки капсулы превращались в крошево металла и пластика. Янин выхватил бластер, и через минуту громадное животное превратилось в гору дымящихся мышц и костей.

Преодолевая отвращение, Янин подошел к разрушенному аппарату. У биолога все еще теплилась надежда, что большой передатчик капсулы уцелел. Ведь радиус действия передатчика, вмонтированного в скафандр, не превышал двадцати километров. Однако, едва начав поиски, Янин наткнулся на комок сплавленного металла, в котором без особого труда узнал остатки передатчика. Материалы, из которого был сделан передатчик, может быть, и могли выдержать вес чудовища, но звездным температурам лучей бластера ничто не могло противостоять...

Янин не знал, сколько времени он простоял у обломков капсулы. К действительности его вернула боль в плече. Это был укус вампира. Внезапно биолога охватила полнейшая апатия. Он равнодушно посмотрел вверх и увидел над собой целую стаю вампиров.

В этом не было ничего удивительного, ведь спасительная ультразвуковая «серенада» уже не звучала... Янин засек время и, отойдя от обломков капсулы метров на десять, лег в высокую оранжевую траву.

«Через полчаса после укуса неизбежен летальный исход»,— вспомнил он строки инструкции. Сейчас уже ничто не могло его спасти: даже ракетный бот не преодолеет за полчаса расстояние, отделявшее его от звездолета...

Высоко в небе парили вампиры. Чтобы не видеть их, Янин закрыл глаза. Он почти физически ощущал, как внедряются в его тело мириады смертоносных микроорганизмов чужой планеты. И еще он чувствовал укусы вампиров...

...Очнулся Янин от боли.

Открыв глаза, он некоторое время не мог понять, что мелькающие перед глазами серые пятна не что иное, как крылья вампиров. Они заполняли буквально все пространство вокруг. Янин подумал, что продолжает бредить, но боль становилась все сильнее, и это было реальностью. Боль искорками вспыхивала по всему телу, и Янин понял, что вампиры все еще кусают его.

С трудом подняв онемевшую руку, Янин взглянул на часы и не поверил своим глазам: он был без сознания пятьдесят с лишним минут. Еле-еле Янин повернулся на бок и почувствовал сильное головокружение.

— Много из меня, гады, крови высосали,— прошептал он сквозь стиснутые от боли зубы.

Потом он медленно дополз до ближайшего дерева и, превозмогая боль, держась за покрытый красноватым лишайником ствол, встал на ноги. В голове гудело, ноги подкашивались, но он был жив. Жив — наперекор всему...

Сознание постепенно прояснилось, но голова продолжала кружиться, и Янин вынужден был сесть, опираясь на ствол спиной. Он уже начал догадываться, что именно с ним произошло, но для полного понимания все еще не хватало сил.

Укусы вампиров стали реже, Янин решил прекратить их совсем. К счастью, бластер был при нем...

— Все,— процедил Янин сквозь зубы. Он чувствовал, что силы постепенно возвращаются и их было уже достаточно, чтобы обдумать положение.

Ему было ясно, что своим исцелением он обязан все тем же вампирам. Он удивлялся, почему никто раньше не догадался, что вместе с микробами вампиры при укусе впрыскивают в организм человека и антитела для борьбы с ними. Те самые антитела, благодаря которым от этих микробов не погибают местные животные. Просто раньше, при одиночных укусах, дозы антител были слишком малы. Это был тот редчайший случай, когда яд в больших дозах превращался в противоядие... Значит, скафандр ему теперь ни к чему. Фауна и флора Геоны не страшны человеку, искусанному вампирами...

«Что же,— думал Янин,— ради такого открытия можно было оказаться на грани смерти. Ведь оно дарит людям целую планету...»

...До звездолета Янин добрался через три недели, когда все считали его давно погибшим. Он шел без скафандра, уплетая за обе щеки какие-то ядовито-синие плоды. Плоды чужой планеты...

АНАТОЛИЙ МЕЛЬНИКОВ

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ОСТРОВЕ МЭН

Фантастический рассказ

Утро выдалось хмурое. Над морем проносились клочья серых разорванных облаков. Вильям Пейн вышел из своего приземистого каменного дома и, тяжело ступая, направился к гаражу. Мокрый от дождя гравий недовольно поскрипывал под ногами, словно не хотел, чтобы его беспокоили в такой ненастный день. Пейн вздохнул: дела, нужно ехать за товаром в Рамси, иначе принадлежащий ему крохотный магазин, находящийся под одной крышей с домом, не прокормит его до нового курортного сезона. Здесь, на острове посреди Ирландского моря, туризм — единственный серьезный «бизнес». Сюда влекут людей широкие песчаные пляжи, живописные скалистые пейзажи, старинные крепости, возведенные когда-то викингами на путях своих средневековых походов. В те редкие дни, когда Пейн мог позволить себе оставить ненадолго работу, он отправлялся на запад на машине по узким дорогам острова, петлявшим среди холмов. Проходило совсем немного времени — и перед ним открывался величественный замок Пил...

В летний сезон население острова увеличивалось раз в десять. Множество гостиниц, построенных в основном в старом викторианском стиле, полукругом обступают вытянувшуюся на две мили лазурную бухту. В туристский сезон они заполнены до предела. На побережье не умолкает шум автомобильных моторов, а на набережной слышится стук конки — на потеху туристам! Из дансингов и ресторанов доносится музыка. Летний сезон кормит.

Пейн бросил взгляд на шпалеры пальм, кроны которых колыхались на ветру, словно вывернутые наизнанку зонтики. Пальмы на широте севернее Лондона! Иные туристы не верят своим глазам.

Таково благотворное влияние Гольфстрима. Викинги не случайно облюбовали этот клочок суши.

Над входом в гараж красовалась эмблема острова — три согнутые в беге человеческие ноги в круге. «Как ни кинь меня, я пойду»,— говорили о ней древние жители острова. Как и все местные патриоты, Пейн гордился ее уникальностью. Правда, некоторые историки утверждают, что подобная эмблема существовала когда-то на одном из островов Средиземноморья, но достоверно о ней ничего не известно.

Пейн открыл двери гаража. Видавший виды светло-зеленый «пежо» стоял на своем обычном месте. Привычно распахнув дверцу, Пейн уселся за руль, вставил ключ в замок зажигания. При первом повороте ключа двигатель фыркнул, но не завелся. При втором Пейн услышал лишь щелчок включающегося контакта. Стартер не вращался. «Ну и ну,— подумал Пейн.— Неужто меня надули с новым аккумулятором? Когда это он успел сесть?»

Он вышел из машины, поднял капот. Рядом с аккумулятором топорщилась ярко-рыжими иголками какая-то масса. Пейн вначале подумал, что кто-то над ним подшутил, подсунув в моторный отсек моток медной проволоки. Но в этот момент «моток» шевельнулся. Пейн невольно отпрянул.

Теперь он разглядел тонкие зеленоватые щупальца, полускрытые иголками, которые плотно обхватывали плюсовую и минусовую клеммы аккумулятора. Кем или чем бы ни было это существо, оно нуждалось в энергии.

Когда оторопь миновала, Пейн решил, что оставлять рыжую массу в автомобиле все же не следует. Но как к ней подступиться? Подумав, Пейн натянул резиновые перчатки и только после этого коснулся руками ярко-рыжих иголок. Они оказались на удивление мягкими. Пейн все глубже погружал в них пальцы, пока не ощутил небольшое утолщение в центре — нечто вроде головы, откуда расходились щупальца.

Существо вело себя очень смирно. Однако в этот момент Пейна ничто не удивляло. Он поражался собственному спокойствию, словно все это происходило не с ним. Занятый мыслями о магазине и товаре, который предстояло привезти, Пейн спасал автомобиль.

Пришлось приложить некоторое усилие, чтобы оторвать щупальца от клемм аккумулятора. Щупалец было пять. Теперь, когда существо было в руках Пейна, в нем угадывалось какое-то сходство с морской звездой, а может быть, с морским ежом. Здесь, на острове, это были самые естественные ассоциации.

Казалось, существо спало. Во всяком случае оно не проявляло никакой активности. Что с ним теперь делать? Выкинуть за ограду, словно выдернутый из земли сорняк? Однако интуитивно Пейн уже знал, что так поступить нельзя. С этим существом следовало обойтись поделикатнее.

Существо слабо вздрогнуло, и у Пейна вдруг возникло желание отнести его в дом. Пейн так и сделал. Существо, обладавшее способностью внушения, было, без сомнения, разумным и высокоорганизованным. С предосторожностями Пейн внес его в комнату. Поколебавшись мгновение, положил на кресло: было как-то неудобно класть мыслящее существо на пол.

В этой комнате ничего ценного не было: кровать с электрическим

подогревом, столнк, полка с книгамн, кресло, в котором сейчас находился незваный гость, на подоконниках — коллекция кактусов.

Пейн торопился: время уходило, а ему нужно было ехать в Рамсн за товаром. Не до гостей, будь это даже прншелец. Прншелец? Эта мысль заставила Пейна снова бросить взгляд на ярко-рыжую массу. Может быть, может быть...

Ему некогда выяснять сейчас проблемы межзвездных контактов, да н не его это дело. Не поможет же этот прнше... это существо, черт возьми, завести ему машнну и не снабднт товаром. А потому пусть остается здесь, пока Пейн не освободится. Потом разберемся.

Пейн на всякий случай щелкнул выключателем розетки (не хотел, чтобы гость, привлеченный магнитным полем, устроил короткое замыкание) и вышел нз комнаты, мягко прнтворнв за собой дверь.

Очутившись во дворе, Пейн увидел, что оставил открытымн дверн гаража. Он направился к нему, на ходу соображая, у кого бы одолжить машину. Уже опуская капот, Пейн подумал, а не попытаться ли ему еще раз завести мотор. Он снова повернул ключ. И тут — о диво! — двигатель мягко заработал с первой попытки.

— Дела! — только и вымолвил Пейн н выехал из гаража.

Он не поехал прямо в Рамсн, а сделал небольшой крюк, чтобы рассказать о случившемся «маленьким людям». Туристы с недовернем относятся к рассказам местных жителей об обитающем на острове маленьком народце. Некоторые путают «маленьких людей» с гномами, но это не одно н то же. По сутн дела нх никто не видел. Но зато они видят всех и знают, что у кого за душой. Самое же главное — они настоящие хозяева острова. И людям только кажется, что они здесь что-то решают. Пейн мог доказать это любому н каждому. Вот, скажем, случай с его прнятелем из Престона — Шепхердом. Приехал на остров он на три дня, но собрался уезжать уже на следующий день, поссорнвшись с близким ему человеком. Так вы думаете «маленькие людн» позволили ему это сделать? Как бы не так! В тот момент, когда Шепхерд прнехал в аэропорт, началась забастовка авиамехаников. Гость из Престона просидел в аэропорту целый день, а вечером все же поехал обратно в город и помирнлся с другом.

У Пейна было облюбовано местечко для общення с «маленькимн людьми» — небольшой мосток через ручей, где онн обиталн. Впрочем, это место было нзвестно н другим местным жителям.

Они, как н Пейн, рассказывалн «маленьким людям» свон новости, так что те постоянно были в курсе всех дел. Правда, никто нх не встречал, разве что какие-нибудь самые старые старики, и никто с ними не разговарнвал. «Маленькне людн» всегда только слушают, но в разговоры не вступают. Одобряют онн услышанное нлн нет, можно узнать только по последствиям.

Так вот, Пейн завернул к мосточку и выложил «маленькнм людям» все про рыжего прншельца. И хоть ответа не получил, уехал успокоенный. В Рамсн он благополучно получил товар, привез его в магазнн, постоял за прилавком. Покупателей можно было по пальцам пересчитать. Когда подошло время ленча, Пейн пошел к себе и обнаружил, что пришелец исчез.

В комнате на первый взгляд все было по-прежнему. Исключение составляла коллекция кактусов: она была основательно испорчена.

От опунцин остались одни колючки. Эпифиллюм был уничтожен наполовнну. Цереус, видимо, пришелся не по вкусу: его листочек откусили н выплюнули. Нетронутым оказалось лишь алоэ. К розетке пришелец, по-видимому, не прикасался.

...Дни проходили за днями, и вскоре Пейну начало казаться, что все случившееся только пригрезилось ему. Он, как всегда, ездил за товаром, стоял за прилавком, обслуживал немногочнсленных покупателей. Однн раз ему удалось побывать в южной части острова и полюбоваться замком, который называется Касл Рашен. Построенный в тринадцатом веке, а может, и раньше, это — единственный в своем роде замок на Брнтанских островах и даже в Европе. Глубокие рвы и высокие оборонительные стены настолько хорошо сохранилнсь, что и сегодня здесь можно с успехом отразить штурм какой-ннбудь пехотной частн.

Незаметно подошло время весеннего равноденствня. Наступили погожие дни. Пейн старался выкронть время для прогулок вдоль берега. Всюду он натыкался на бесхвостых кошек местной островной породы.

В часы отлива он бродил по плотному песчаному морскому дну, обходя темные, поросшие водорослями камни. Длинные темнозеленые стебли ламинарни напоминали щупальца рыжего пришельца. Откуда н зачем он явился н куда исчез?

Ожнвление в городке н на набережной говорнло о том, что курортный сезон не за горами. Перекрашивали фасады гостиннц, обновляли витрнны, на прилавках появлялись новые товары, которые, по расчетам владельцев магазинов, должны были поразнть воображение туристов и отдыхающих. Пейн тоже подумывал о том, как ему встретить предстоящий сезон. Конкурентов у него было хоть отбавляй.

Однажды утром к нему заглянул почтальон Уотерс. Пейн несказанно уднвился, когда почтальон вручил ему посылку величиной с портативную пишущую машинку. Адрес Пейна был выпнсан на лицевой стороне коробки с какой-то особой тщательностью. Тут же виднелся лондонский почтовый штемпель двухдневной давностн.

Пейн повертел посылку. Обратный адрес был невразумнтельным. Имени отправителя там как будто не было. Только значилось: «Датура Бурн Гилуб ХТМ Аркарула. Галактика ТВМА-3001».

Внутрн оказался черный металлический футляр, отполированный до зеркального блеска. Футляр раскрылся с легким щелчком, обнаружив аппарат вроде пишущей машинкн — с клавнатурой, только вместо букв там были какие-то мудреные символы. С задней стороны открывался широкий раструб.

Пейн повертел машинку так и сяк, пытаясь определнть ее назначение. Наконец, сунув руку в раструб, извлек оттуда конверт, по-виднмому содержавший пояснения. В конверте была полупрозрачная пластинка, которая вспыхнула яркими краскамн, как только Пейн к ней прикоснулся. Он присмотрелся как следует — сомнений быть не могло: на пластинке красовался сам ярко-рыжий прншелец!

И тут Пейн как бы услышал обращенную к нему беззвучную речь:

— Землянин! Прнми благодарность того, кого ты называешь про себя ярко-рыжим существом. Я немного огорчил тебя, посягнув на энергню твоего аккумулятора и на коллекцию кактусов. Знаю, что

средства твои скромны и тебе приходится много трудиться, чтобы заработать на жизнь.

Для нас, инопланетян, такой образ существования несколько странен, но мы живем в других физических условиях и потому не склонны осуждать землян.

За твою доброту ко мне и сдержанность я хочу вознаградить тебя, помочь существовать в твоем мире. Аппарат, который ты сегодня получил,— мой подарок. Это синтезатор, привычный в нашем мире. Ты сможешь по желанию получить разнообразные вещи — от одежды и домашней утвари до новейшей электронной техники на уровне достижений вашей науки.

Запомни: синтезатор предназначен только для тебя. Никто другой не сможет им воспользоваться. Когда захочешь что-нибудь получить, вставь эту пластинку в прорезь на крышке, и она покажет, какие клавиши нажимать. Держи пластинку всегда при себе. А теперь прощай. Желаю тебе удачи!

Изображение на пластинке погасло. Пейн некоторое время оставался неподвижным. К свершившемуся чуду нужно было привыкнуть. Человек скромных запросов, привыкший довольствоваться малым, Пейн не торопился извлечь выгоду из своего неожиданного приобретения. Если бы в доме была женщина, она бы тотчас подумала о тысячах вещей — больших и малых, которые ей якобы крайне необходимы. Но Пейн уже много лет жил одиноко.

Он присел и задумался. Да, аппарат поможет в делах его торгового предприятия. Надо проверить на деле, какие товары он способен производить. Если эти вещи действительно смогут оказать впечатление на покупателей, то он еще поборется со своими конкурентами!

Рассуждая подобным образом, Пейн взял пластинку и сунул ее в прорезь машины. Что бы такое придумать? Что бы мне самому пригодилось на этом острове, продуваемом всеми ветрами? Ага, хороший демисезонный плащ. Цвет — морской волны. Длина — ниже колен. Капюшон, пояс. Никаких погончиков. Пристежная подкладка на молнии. Можно и вторую — на меху. Какой мех? Котик. Можно будет носить зимой.

На пластинке, вставленной в прорезь, уже ясно были различимы символы, видимо соответствовавшие желаниям Пейна. Оставалось лишь найти клавиши с такими же знаками. Синтезатор работал бесшумно. Вначале из раструба появился ворот с капюшоном, затем — рукава, пояс, потом наружу вывалился весь плащ. Несколькими минутами позже появилась меховая подкладка. Вся операция заняла семь минут — Пейн засек время.

Плащ был превосходного качества. Пейн надел его и почувствовал, что лучшего плаща у него в жизни не было. Он ловко облегал фигуру и вовсе не стеснял движений. Помнится, лет десять назад Пейн купил хороший плащ в Ливерпуле, который обошелся ему довольно дорого, но и тот не шел ни в какое сравнение с нынешним подарком. Из зеркала на Пейна глядел пожилой мужчина, походивший в новом наряде на капитана дальнего плавания, только без форменной фуражки.

«Если весь товар будет такого качества, то он пойдет хорошо»,— подумал Пейн и решил заказать синтезатору что-нибудь модное, воздушное — для женщин. Скажем, кофточку с блестящими нитями.

Женщинам нравится блистать. Цвет — серебристо-голубоватый. Воротничок — отложной, как у свитера, но пышный, чтобы волнами ложился на грудь. Рукава — длинные, со складочкой от плеча до запястья.

Аппарат выдал серебристую кофточку. Пейн поднес ее к окну и невольно залюбовался. Редкая женщина устоит перед такой обновкой. Он начал давать синтезатору новые заказы. Появились кофточки розовые, оранжевые, желтые, потом голубые. За ними последовали купальные костюмы: из двух предметов, цельные, в сочетании со шляпками, пляжными брючками до колен.

Подумав, Пейн решил прибавить к ним зонтики из материала тех же расцветок. Получалось очень неплохо. Потом пошли джинсы: традиционные синие, бордовые и желтые, мягкие и грубые, вельветовые и гладкие, с фигурными нашлепками на мягком месте, с вышивкой, с заплатками в форме красного сердца под коленкой...

Пейн вдруг почувствовал величайшую усталость и присел среди этой груды товаров. Он с удивлением обнаружил, что уже наступил вечер. Увлекшись синтезатором, он провозился с ним весь день, даже про магазин не вспомнил. Ничего, теперь дела должны пойти лучше.

Солнце с каждым днем пригревало сильнее. Бесхвостые кошки табунами бродили вдоль вечнозеленых изгородей. По ночам доносилось их отчаянное мяукание и душераздирающие крики. С приходом тепла поток туристов усилился. До пика сезона было еще далеко, но покупателей прибавилось. Синтезированные товары у Пейна приоб-

ретали охотио: оии были добротиы и красивы. Одиако по скучающим взглядам жеищин Пейн вскоре поиял, что им, как всегда, хочется чего-то из ряда вои выходящего.

Одиажды вечером, покончив с делами, Пейи решил дать синтезатору иеобычиое задание. «Уж коли,— рассуждал ои,— аппарат этот виеземиого происхождеиия, то, вероятно, способен изготовить что-то особеииое». Он задумал платье из ткани, какой иа Земле еще ие зиали. Ткань эта должиа была греть в иепогоду, освежать в зиой и даже... освещать путь в темиоте! По желаиию оиа должиа была меиять окраску, фасон, самоподгоияться по размеру — и все это без прикосиовеиия человеческих рук.

Когда первое, шелковистое на ощупь платье появилось из раструба, Пейн ие поверил своим глазам. Затем заказал партию дамского платья всех мыслимых расцветок и коифигураций. Аппарат работал всю иочь, до рассвета. Утром невыспавшийся Пейи отиес в магазии партию иевиданиого товара. На каждом изделии была красочиая этнкетка со словами «Платье будущего».

Пейи еще ие успел развесить свой товар, как в магазии иагряиуло сразу иесколько молоденьких покупательииц, видио только что прибывших на остров. Необычная ткань сразу же привлекла их внимание. Оии иаперебой засыпали Пейиа вопросами:

— Что это за ткань?

— Сколько стоит платье?

Наиболее эиергичиые уже примеряли платья в кабинках, поражаясь эластнчиостн ткани и тому, как ладио оиа облегает фигуру. А когда по желаниям покупательииц платья иачали менять расцветку, восторгам ие было коица.

Пейи запросил цеиу втрое выше, чем за обычное дорогое платье, и подивился, с какой легкостью жеищины платили за то, чтобы казаться красивыми. Двеиадцать платьев было продано за четверть часа! А покупательниц и след простыл — оии убежали со своими обиовками, оставив Пейиа с кучей деиег иа прилавке. Ои только головой покачал и, закрыв магазии, отправился отсыпаться.

С этого дня Пейи иачал плаиомерное наводнеиие местного рынка своими синтезироваииыми товарами. От покупателей ие было отбоя. Теперь каждый, кто приезжал на остров, спешил в магазин Пейиа под пальмами иа иабережной, чтобы купить что-нибудь иеобыкиовеииое. Пейн придумал и иовые товары для мужчии: электронную бритву, самоподгоияющиеся по размеру туфли, автоматические шляпы-зоитнки. Бритва, иапример, привлекала покупателей тем, что включалась в тот момеит, когда человек просыпался, и иачииала иеназойливо брить его, пока ои медлеиио возвращался к реальиой действительиостн. А что может быть приятнее для мужчины, рассуждал Пейи, чем сознание того, что он только что встал, а уже выбрит и иа это не нужно тратить времеии. Особым спросом пользовался лазерный дезинтегратор комиатиой пыли.

Слухи о иеобыкиовеииых товарах разнеслись далеко за пределы острова. К Пейиу стекались сотни заказов, так что ие было никакой возможиости ответить всем. Ои все больше времеии проводил у сиитезатора, изготавливавшего самые фаитастические товары. Разумеется, ие аппарат их придумывал, а Пейи, так что у иего вскоре голова стала кружиться от иапряжеиия. Пришлось завестн каталог, чтобы избежать выпуска одиородиых товаров.

Поток туристов на остров все ширился, а с ними — в геометрической прогрессии — разбухал банковский счет Вильяма Пейна. Гостиницы и прежде не вмещали всех приезжающих в разгар сезона, а тут началось нечто невообразимое. Теперь люди хотели побывать на острове даже осенью, даже зимой!

Корабли и паромы шли на остров, загруженные до предела. Команды едва успевали обслуживать пассажиров. Даже в штормовые дни на палубах едва ли становилось свободнее. Молодежь, которая не рассчитывала устроиться где-либо с комфортом, везла с собой палатки и спальные мешки. Легковые автомашины на паромах стояли впритык. Самолеты взлетали и садились в местном аэропорту поминутно. Рядом с летным полем, под тоненькими пальмами на сочной, зеленой траве возник палаточный городок. На всех линиях — морских и воздушных — были введены дополнительные рейсы.

Пейн, не знавший ни минуты отдыха, возблагодарил всевышнего за то, что у него добротный, каменный дом — другой бы уже давно разнесли покупатели. Очередь в его лавку выстраивалась задолго до рассвета. Однако Пейн мог ежедневно обслужить лишь очень немногих. Пришлось обратиться за помощью в полицию, которая сдерживала напор чересчур активных посетителей. Теперь возле дома Пейна день и ночь дежурила машина с двумя полицейскими.

Тем временем капитал Пейна начал приближаться к миллиону фунтов. Он нанял продавцов, что значительно облегчило его работу. Но с синтезатором ему приходилось управляться самому — таково было условие рыжего пришельца.

Потом случилась небольшая неприятность: исчез один из продавцов, малаец, который при найме сказал Пейну, что у себя на родине вел дела торгового предприятия. Вместе с ним исчезла партия дезинтеграторов пыли.

Пейн понимал, что рано или поздно люди начнут докапываться до источника его необыкновенных товаров, не знающих конкуренции. Поэтому он заказал для дома бронированные двери. Окна были забраны изнутри металлическими решетками. Света в доме стало меньше, и это, как показалось Пейну, отрицательно повлияло на коллекцию кактусов.

Конкуренты Пейна начали разоряться один за другим. Теперь от них можно было ждать все что угодно. Так оно и случилось. Начали приходить письма с угрозами. Однажды утром возле дома Пейна грохнул взрыв. Пейн выскочил на улицу и увидел почтальона Уотерса, стоявшего с перекошенным от страха лицом. Рядом валялся исковерканный велосипед. Полицейской машины поблизости не оказалось.

Пейн ввел почтальона в дом и усадил на стул.

— М-м-мистер Вильям,— заикаясь, сказал Уотерс,— вам прислали заказное письмо, оно было очень толстое и словно бы погнутое. Машинально я попытался его выпрямить, а оно зашипело и в-в-взорвалось...

Уотерс отбросил письмо в сторону и потому отделался испугом. Дела принимали серьезный оборот. Нужно было решать, как быть дальше.

Поразмыслив, Пейн решил отлучиться на несколько дней, отправиться в Престон, чтобы встретиться со своим приятелем, сведущим в финансовых вопросах. Видимо, пришло время перенести дело

поближе к центрам цивилизации, где полиция н закон, как казалось Пейну, могли бы гарантировать ему более надежную защиту.

Объявив продавцам, что уезжает на несколько дней за новым товаром, Пейн отправился в путь. За двадцать пять минут небольшой реактивный самолет доставил его в знаменитый курорт Блэкпул. Через пять минут после приземлення Пейн уже сидел в такси, которое заказал еще на острове, в аэропорту. Машина мчала его в направленни Престона. Пейн уже начал привыкать к своему новому положенню человека со средствами.

Шепхерд, давний приятель Пейна, внимательно его выслушал. Однако вопрос, который он задал Пейну, едва тот смолк, прозвучал неожиданно:

— А стоит ли продолжать все это дело? Сколько ты уже на нем заработал?

— Больше миллиона фунтов.

— На твой век хватит. Дальше все пойдет сложнее и намного опаснее. Так мне все видится. Переехав в какой-ннбудь крупный центр, ты неизбежно вступишь в конкуренцию с более могущественнымн н жестокимн дельцами, которые постараются тебя уничтожить. В этом можешь не сомиеваться.

Трудно было не признать правоту собеседника. Но добровольно отказаться от дела... Магазнн худо-бедно кормил Пейна много лет. Словом, нужно еще поразмыслить, прежде чем принимать окончательное решенне.

Пейн поблагодарил Шепхерда н распрощался с ним. Он решил провести еще два дня в Саутпорте, побродить у моря, подумать. Свободные номера были только в самых дорогнх отелях, выходившнх фасадом на набережную. Пейн без колебаний направился в один нз них — «Ройал корт».

На следующий день он побывал в модных магазинах, снабжавшихся из Лондона и Парнжа, однако такнх товаров, как у него, в них, разумеется, не было и в помине. Здесь н не слыхалн о самоподгоняющейся обувн или электронных бритвах.

Да, он бросал вызов всем, так что рано или поздно столкнется с могущественными конкурентами. Шепхерд прав. Может, отказаться от дела н уехать с острова? Но ведь он прожил на нем всю жизнь...

Следующей ночью Пейна одолевали кошмары. Ему приснилось, будто его преследуют «маленькие людн». Онн требовали, чтобы он отдал им синтезатор рыжего пришельца. Пейн во сне поднвился тому, что «маленькие люди» вовсе не были похожн на людей или гномов, как представлялось миогим островитянам. Они были вроде кустов у того ручья, только ветвн нх судорожно дергались, словно руки, заносимые для удара. Корни им служили ногамн, а там, где ветви и корни соединялись, сверкали большие зеленые глаза...

Потом он вдруг увидел свой дом, вернее, то, что от него осталось,— груду дымящихся развалин. Пейн тотчас догадался, что в его отсутствне кто-то посягал на синтезатор, а рыжий пришелец, верный своему слову, сделал все, чтобы никто не завладел аппаратом.

Утром Пейн торопливо съел свой «континентальный» завтрак, состоявший нз крохотной булочки с джемом и чашечки кофе, н поспешил домой. Вдруг и правда на острове что-нибудь стряслось?

Когда самолет начал заходить на посадку на островной аэродром,

Пейи увидел, как бесновались волны у береговой линии. Ветер гиал потоки воды по асфальту взлетно-посадочной полосы. Управляемые фотоэлементом, двери аэропорта распахнулись перед Пейном и пропустили его на улицу. Ветер чуть ие сшиб его с ног. Начиналась осеиь.

По дороге из аэропорта Пейн остановил такси у мостка через ручей, где иачинались владеиия «малеиьких людей». Пейну показалось, что кусты у ручья сильно поредели. Может быть, «малеиькие люди», если таков их действительиый облик, иачали куда-нибудь переселяться?

Налетел порыв холодиого ветра, и Пейн словио очнулся. Да кто их видел, этих «малеиьких людей»? Кругом одии зелеиые кусты, как в недавием сне, и так же яростно машут ветвями под порывами ветра...

Пейи повериулся и пошел прочь, чувствуя, что иикогда больше сюда ие верием́ся.

Дорога перевалила через холмы. Вот первые дома и порт, забитый рыбацкими баркасами. Показалась зиакомая пальмовая аллея иа иабережиой. Пейн облегчеиио вздохнул и улыбнулся. Дом его стоял на прежнем месте.

Войдя в жилую комнату, Пейн первым делом снял свой капитанский плащ. Затем отыскал почтовую коробку, в которой ему когда-то был доставлеи синтезатор. Ои засунул аппарат в коробку вместе с полупрозрачиой пластинкой. Аккуратно вывел иа коробке адрес получателя:

«Датура Бури Гилуб

ХТМ Аркарула

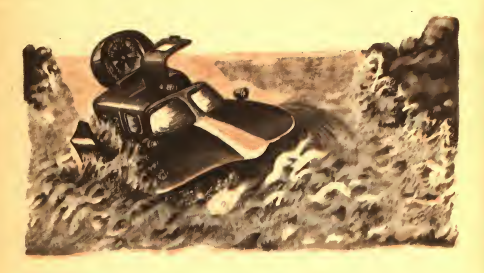
Галактика ТВМА-3001».

Под чертой ои иаписал свой почтовый адрес. Подумав мгиовение, добавил: «С благодариостью. Вильям Пейи».

ВЛАДИМИР ФИРСОВ

БУХТА ОПАСНОЙ МЕДУЗЫ

Научно-фантастический рассказ

Когда глиссер обогнул южную оконечность острова и длинный мыс отгородил меня от океана, волны сразу стали меньше. Солнце уже скрылось за горизонтом, и начало быстро темнеть. Но бухта была совсем близко, и, хотя ее горловину затянула пелена тумана, я круто положил руль вправо, посылая глиссер в дугу циркуляции.

Здесь, под защитой мыса, поверхность океана всегда была спокойной. В воздухе повисла тишина, набегающие на берег волны словно кто-то разгладил огромным утюгом, превратив водную поверхность в слегка колышущийся зеленый ковер. Выматывающая душу тряска прекратилась, и движение глиссера стало напоминать полет — бесшумный, упоительный полет за уходящим днем.

Наши автоматические пикеты Службы раннего оповещения располагались на восточных, обращенных к океану десятках больших и малых островов. Где-то вдали, за тысячи километров, таинственные тектонические процессы по временам взламывали океанское дно, рождая цунами, которые со скоростью реактивного самолета мчались к берегу, все набирая и набирая силу. Жители прибрежных городов вдруг видели, как отступает вода, обнажая дно с трепещущими рыбами и осевшими в ил судами. А затем, через считанные минуты, над побережьем вырастала чудовищная ревущая стена — миллионы тонн воды, приобретающей всесокрушающую силу. Пробегая в секунду по двести метров, вырастая с каждым мгновением, волна налетала на причалы, улицы, площади, сметала город с лица земли, а закончив свое губительное дело, останавливалась, опадала, уползала обратно, унося в своих мутных потоках трупы людей и обломки зданий... Служба оповещения предупреждала население и

корабли — люди уходили в горы, корабли удалялись от берегов, ио не было силы, которая могла бы спасти город.

Но теперь, впервые в истории, человек переходил от обороны к наступлению. СИНЗ — Станция интерференционной защиты — копила эиергию для защиты города. Все побережье защитить было невозможно: эиергии цуиами мы не могли еще противопоставить равную энергию, ио прорубить брешь в волне именио там, где она должиа ударить по населенному пункту,— вот что было иашей целью. Автоматические пикеты своими выдвинутыми в океан датчиками собирали обильную пищу для ЭВМ, которая рассчитывала режим работы генераторов интерференциоиой защиты: давление, температуру, течеиия, магнитуды... Данные об опасиых волиах шли по телеметрии иепосредствеино в ЦРО — Центр раниего оповещения, а кассеты с записями мы с Сергеем раз в неделю извлекали из пикетов и отправляли для обработки иа ЭВМ.

Но вчера вечером у Сергея разболелся зуб, и я отправил его с утренним катером в город, предупредив, что заночую в дороге. Я успел объехать все восемь пикетов на трех островах, а назавтра была суббота, и я мог весь деиь посвятить подводной охоте.

В эту бухту мы наведывались с Сергеем ие раз. Круглая, около полукилометра в диаметре, она была прекрасио защищеиа от ветра и волн высокими скалами. С океаном ее соединяла узкая, всего метров в тридцать, горловина, через которую я мог провести свое суденышко даже с закрытыми глазами. В бухте почти ие росла зостера, в зарослях которой любят прятаться ядовитые крестовички, поэтому для любителей подводиой охоты это место было сущим кладом.

На карте в нашем ииституте это место носило иазвание бухты Опасной Медузы. И это было странно. Ведь медуз там почти не встречалось, а ядовитых крестовичков и подавно: при каждом дожде потоки пресной воды стекали в бухту со всего острова, а крестовички ее не любят.

Мне иравилось охотиться тут: глубина небольшая, иепуганая рыба еще ие научилась бояться ружья, и порой у меня иа кукане после часа охоты оказывалось больше дюжины рыб.

Глиссер стремительно летел в полосе тумана, окутавшего вход в бухту. Мое ружье лежало иа стланях, рядом с рюкзаком, из которого торчали длинные синие ласты, и я уже предвкушал удовольствие завтрашней охоты. Пастельные тоиа вечерних красок земли и неба сгустились, потемнели. Легкий рокот электромотора отразился от иависшей справа скалы, потревожеиная вода зашлепала торопливо гребешками волн по гранитной стене, вдоль которой я мчался. Еще полсотни метров — и стоп, мотор! Глиссер, оседая и теряя скорость, опишет дугу к крохотному треугольиому песчаному пляжу, зажатому среди камеииых глыб.

Удар, распоровший диище глиссера, кинул меия вперед. За мгновение до этого я скорее угадал, чем увидел, какое-то препятствие — темную полоску, перечеркнувшую горловину бухты, сделал движение, чтобы привстать, и тут же был выброшен за борт. В ушах еще стоял треск рвущихся переборок, в рот и иосоглотку хлынула вода, меня крутило в глубине, как в цеитрифуге, голова звеиела от удара. В подводной тьме иельзя было поиять, где верх и где низ и куда иадо стремиться, чтобы глотиуть воздуха. Наконец инерция движения погасла, и я выныриул на поверхность за мгиовение до

того, когда удушье стало невыносимым. Колени саднило (я сильно ударился о борт), звои в голове прекратился, стих и рокот мотора, но низ живота болел так, словно меня лягнула лошадь, из-за чего даже дышать было больио. Я смерил глазами расстояние до глиссера, который медленно удалялся, заметно погружаясь в воду, оглянулся — до берега было гораздо ближе — и медлеиио поплыл к нему.

Здесь, в кольце скал, было уже темно. Я разделся, кое-как выжал одежду. Постепеино боль проходила, я стал осматриваться.

Темиота сгустилась, но все же я рассмотрел черное пятно — полузатонувший глиссер. Я не очень беспокоился за него: карманы непотопляемости не дадут ему утонуть, но в нем была рация, которая после длительного купания наверняка выйдет из строя. Недалеко от берега видиелся еще какой-то предмет. Я не сразу сообразил, что это мой рюкзак, а когда понял, стремглав кинулся в воду: ои-то непотопляемостью не обладал и держался на поверхности, очевидно, последние секунды.

Я доплыл до него, когда он только-только погрузился в воду, удачно нырнул и ухватился за лямки. Вскоре я уже блаженствовал на берегу, иатяиув гидрокостюм и с аппетитом уплетая консервы.

Темный силуэт глиссера все еще виднелся сквозь туман. Над скалами поднялась полная луна, и ее свет придал пейзажу особую прелесть. Тревога первых минут отступила. Я был сыт и одет, и у меня была пища иа несколько дней. Послезавтра, когда я не выйду иа связь, меня хватятся, и Сергей примчится сюда.

Тут я вспомнил о черной полосе у входа в бухту. Я натяиул ласты, пятясь вошел в воду и поплыл к горловине, чтобы рассмотреть таинственную преграду.

В годы войны мой отец был командиром катера. Он рассказывал, как им приходилось прорываться по ночам к захваченным врагом причалам через противокатерные заграждеиия — тяжелые цепи и специальные сети из тросов, густо увешаниые минами.

Нечто подобное я увидел и сейчас. Бухта была перегорожена стеной, начинавшейся среди прибрежиых камией. Она возвышалась над водой примерно иа полметра, уходя к противоположному берегу. Доходит ли она до самого диа? Я решил отложить свои исследования до завтра и потихоньку поплыл обратно к своему пристанищу, держась вплотную к берегу.

Луиу уже затянуло облаками. Я так и не иашел во тьме своей одежды и других вещей. В гидрокостюме было тепло, даже жарко, и я решил, что иадо вздремиуть до рассвета, а там уж и сплавать к глиссеру, чтобы установить размеры повреждения.

В темноте я начал ощупывать камни, отыскивая местечко поудобней. Непонятная тревога не оставляла меня. Что-то изменилось вокруг, ио я никак не мог поиять, что именно. И когда иаконец понял, то мгновеиио вскочил с камня, иа котором только что удобно устроился.

За два года работы иа островах я провел в этой бухте много ночей, знал ее вдоль и поперек, изучил ее звуки и запахи. В такую безветренную погоду здесь всегда царила полнейшая тишииа, нарушаемая только легким пришлепыванием крохотных волн. Сейчас от берега доиосился ровиый, приглушенный плеск, словио вдоль берега шло сильное течение.

Это так поразило меня, что я не сразу решился проверить свою догадку. В замкнутой, отгороженной от океана бухте не могло быть никакого течения. Но оно было — я убедился в этом, едва опустил руку в воду. Как раз в это время пелена туч разорвалась, и луна осветила все вокруг. И я убедился, что вода быстро мчится вдоль берега, словно где-то в центре бухты возник водоворот.

Невдалеке показался быстро плывущий предмет — какая-то палка, сверкнувшая на мгновение металлом. Я узнал свое ружье для подводной охоты и бросился ему наперерез. Завтра я настреляю рыб и украшу ими свой не очень-то обильный стол. Вдруг Сергей явится за мной только послезавтра?.. Течение валило меня с ног, но мне оставалось каких-нибудь два-три метра. Я схватил ружье и повернул обратно. При свете луны совсем рядом я разглядел камень, на котором оставил рюкзак и одежду. Ноги коснулись дна, но за несколько шагов до берега я почувствовал жжение на не закрытой гидрокостюмом кисти правой руки и с ужасом увидел, как от запястья оторвался и упал в воду крохотный комочек отвратительной слизи. Крестовичок!

У меня в запасе было лишь несколько минут. К счастью, рюкзак с аптечкой находился рядом. Но меня уже однажды ужалил крестовичок, а яд этой медузы вызывает анафилаксию: ужаленный человек не только не вырабатывает иммунитета к яду, но, наоборот, приобретает повышенную чувствительность даже к самым мизерным его дозам. Со времени первого знакомства с крестовичком я никогда не расставался с нужными лекарствами и сейчас торопливо шарил по камням в поисках фонаря — луна снова скрылась за тучами. В голове проносились странные мысли. Потом вдруг осенило: «Вот откуда название бухты! Наверное, его дал пострадавший». Наконец, фонарь нашелся, и я, торопясь, открыл аптечку, схватил шприц — тюбик с сывороткой, сорвал колпачок и всадил иглу в руку прямо через гидрокостюм, а затем сделал инъекции эфедрина и адреналина. Я знал, что через несколько минут меня охватит слабость, руки и ноги онемеют, станет трудно дышать, появятся мучительные боли в пояснице. Сыворотка, правда, ослабляет действие яда, и я ввел ее вовремя, но у меня был повторный ожог, при котором можно ждать чего угодно.

Самыми тяжелыми для меня будут ближайшие часы, и если я дотяну до утра, то, может быть, выживу. Я пристроил аптечку поближе, положил рядом с собой фонарь, подсунул под голову рюкзак. Теперь оставалось только ждать. Луна то выскакивала из-за туч, то пряталась, словно и ее захлестывал крутившийся в бухте водоворот. Где-то невдалеке с рокотом неслась вода, от ударов волн брызги взлетали высоко вверх и падали на меня подобно дождю. Гидрокостюм не пропускал воды, но я находился в нем уже давно, и стиснутое резиной тело требовало отдыха. Волны били все чаще и сильней, рокот перерастал в рев. А из середины залива вставал чудовищный гул невероятного водоворота. Захваченный движением воды, туман тоже устремился по кругу, и его белая пелена мчалась мимо меня, разрываясь на клочья мокрой ваты и срастаясь снова. Постепенно сознание заволокло, я провалился куда-то в небытие.

Солнце уже стояло высоко, когда сознание наконец вернулось ко мне. Я вспомнил ужас прошедшей ночи и, с трудом повернув голову, посмотрел на залив. Он напоминал круглое зеркало — до того

неподвижна была вода, и ничто не напоминало о бешеных потоках, которые захлестывали скалы в ночной мгле. Но в знакомом пейзаже чего-то не хватало.

Я не знал, сколько времени пролежал без сознания — одну ночь или несколько суток. На руке у меня были часы, но для чего они служат, я вспомнить не мог. Но зато я твердо помнил, что без лекарств не проживу, и на всякий случай протянул руку к камню, на котором оставил аптечку. Я знал, что там ее нет, что ночной водоворот унес спасительные ампулы, но все же шарил по камню — скорее для очистки совести — и очень удивился, когда нашел аптечку на месте. Тогда мне стало понятно, что все пережитое — лишь результат отравления и страшный водоворот привиделся мне в кошмарном сне. Я сделал себе уколы и потом долго лежал неподвижно, потому что сил совсем не было. В те минуты, когда я забывался, память опять и опять прокручивала передо мной события прошедшей ночи — полет глиссера, удар, боль...

Глиссер! Мне не надо было проверять, но я все же приподнялся и долго осматривал берега бухты, хотя знал, что это бесполезно и что ночной водоворот — не просто кошмар, привидевшийся отравленному мозгу. Я оглядел берег очень тщательно, камень за камнем. Я знал, что ищу напрасно, что глиссера нет, но мне хотелось удостовериться, что на берегу не осталось даже обломков, что все поглотил водоворот. И когда я убедил себя в этом, я стал сползать к кромке воды — туда, где развесил ночью одежду, где бросил ружье... Я не нашел ничего.

У меня еще хватило сил вернуться обратно, к аптечке. Последнее, что я сделал, перед тем как потерять сознание, стянул с себя гидрокостюм. А когда вновь обрел способность воспринимать окружающий мир, понял, что слышу шум автомобильного мотора.

На той стороне залива стояла огромная автоцистерна, около которой возились два человека. Я пытался встать и закричать, но сил не было. Возможно, они и услышали бы мой хриплый крик, но у них над ухом работал мотор, а посмотреть на этот берег, где я слабо размахивал единственной яркой вещью, которая имелась в моем распоряжении,— надувным жилетом, они не удосужились.

Я знал, что самое позднее завтра Сергей отыщет меня, но мне было очень плохо, и еще неизвестно, смогу ли я ввести себе лекарство, без которого мне грозит удушье и остановка сердца.

Люди на том берегу тем временем развернули толстый шланг, подключенный к цистерне, и опустили его в воду. Мотор заработал громче, и через несколько секунд по воде стали расплываться черные пятна.

Я смотрел, оцепенев. Эти люди выливали в прекрасный, чистый залив какую-то неимоверную гадость! Ветер донес до меня отвратительный запах. Мотор гудел, пятно расплывалось все шире. Емкость цистерны была самое меньшее тонн пять, и это значило, что залив вскоре погибнет: пленка маслянистой жидкости покроет поверхность воды, погибнут рыбы, растения. Кто бы ни были эти люди, они совершали преступление, и их следовало остановить. Но у меня не было сил, чтобы сделать это.

Я все-таки попытался подняться снова, но ноги не держали меня. Люди на том берегу закончили свое черное дело и уехали. Огромное, ужасное пятно, источая невыразимый смрад, расползалось по заливу, захватывая его целиком. Летнее солнце палило нещадно, и, когда вода в заливе начала снова кружиться перед моими глазами, я понял, что ночной кошмар повторяется.

Проснулся я от жажды. Солнце ушло за скалу и не так палило, но пересохшую глотку саднило. С трудом, изнемогая от усилий, я проколол острым камнем банку сардин, но в банке было густое, отвратительно теплое масло. Организм требовал воды, и только воды.

Я понимал, что умру, если не найду хоть немного воды. С трудом я стал пробираться между скалами в поисках какой-нибудь лужицы — дожди этим летом шли довольно часто. Кое-где мне удавалось найти влажную землю, но это все, что я смог обнаружить.

Инстинктивно я старался не удаляться от своего убежища, и, когда мне стало совсем плохо, успел-таки сделать себе укол.

Когда я открыл глаза, синее небо по-прежнему светилось надо мной. Я лежал в расщелине между камнями, видимо скатившись туда во время кошмара. Но не было тишины и покоя — скалы дрожали от рева авиационных моторов, а прямо над центром залива висел огромный вертолет, и от него отделился и стремительно полетел вниз какой-то предмет...

Я снова пришел в себя уже под вечер. Яд медузы, голод и особенно жажда туманили мозг, и поэтому новое появление автомашины я воспринял как нечто само собой разумеющееся.

На том берегу разворачивался большой самосвал. Он пятился к самой кромке воды, и человек в высоких сапогах шел перед ним,

показывая, как ехать. Когда колеса автомобиля въехали в воду, кузов начал медленно подниматься, и из него посыпался какой-то мусор — доски, ящики, мешки и даже несколько бараньих туш.

То, что люди на том берегу — преступники, я осознал уже давно. Закон об охране природы был хорошо известен каждому, и все, что делали неизвестные, очень четко подпадало под его параграфы. Поэтому, когда они вдруг заметили меня, стали кричать и размахивать руками, а потом, швырнув окурки в воду, кинулись ко мне вдоль берега, я понял, что ничего хорошего мне ждать не приходится.

Оружия у меня не было никакого, и в таком состоянии, как сейчас, я не мог оказать сопротивления двум здоровым, сильным мужчинам, поэтому стал забираться выше в скалы. Надежда была только одна: может быть, появится Сергей. Я упрямо лез вверх, срываясь и падая, а те все преследовали меня. Я слышал их отрывистые крики, но слабость снова накатила волной, перехватив дыхание и больно сжав сердце, и, когда они были совсем рядом, последним усилием свалил на них каменную глыбу. Камень запрыгал по скалам, не задев преследователей, и тогда я подобрал острый обломок и встал им навстречу, но тут удар по голове опрокинул меня.

Возвращалось сознание очень медленно. Вначале я увидел что-то белое и понял, что это потолок. Затем возникли два пятна, которые через какое-то время превратились в человеческие лица, и одно из них было лицом Сергея.

— А тех... поймали? — спросил я шепотом. Голос меня еще не слушался.

— Кого? — не понял Сергей.

Я попытался ему рассказать о том, что видел в заливе, о нападении на меня. Но слабость снова сомкнула мои веки.

А на следующий день Сергей привел в палату какого-то человека, лицо которого показалось мне знакомым.

— Вот, познакомься со своим спасителем,— сказал Сергей.— Это Юрий Иванович Чеботарев, доктор технических наук, руководитель проекта «Вихрь» в Институте охраны океана.

— Юрий...— пробасил незнакомец, протягивая руку. И тут я узнал его: он был одним из тех двоих...

Возмущенный, я попытался рассказать о безобразиях, которые вытворял этот человек на острове.

— Зачем вы лили в залив всякую гадость? — кричал я ему.— Сваливали туда мусор? Вы... вы преступник!

— Я вижу, мне надо познакомить вас со своей работой,— сказал мой гость.— Вы случайно попали на участок испытаний и подумали невесть что.

Вот что он рассказал.

Всевозрастающее загрязнение Мирового океана уже давно тревожило ученых. Нефть, масло, промышленные стоки и многое другое постепенно превращают океан в гигантскую свалку нечистот. Робкие меры, вроде запрета промывать баки танкеров забортной водой, успеха не имели. Как очистить океан? Для этого и был создан вихревой очиститель, очередную, шестую по счету модель которого испытывали в бухте. Предыдущие проверяли в лаборатории, шестая была изготовлена в натуральную величину.

Чеботарев рассказал, что их «Вихри» должны во множестве дрейфовать в океане. По существу каждый такой агрегат — это устройство по переработке любых продуктов, загрязняющих океан, упрятанное в автоматическую подводную лодку. Там, где вода чиста, «Вихри» тихо дрейфуют по течению, обшаривая пространство вокруг ультразвуком и радиоимпульсами, чтобы в случае необходимости уклониться от встречи с кораблями. Но вот приборы «Вихря» зафиксировали, что вода загрязнена. Автоматически включается циклонное устройство, и через несколько минут возникает водоворот, засасывающий всю грязь в приемники агрегата. Стволы деревьев, обломки погибших кораблей измельчаются плазменными резаками и тоже засасываются внутрь. После обработки отвердителями уловленные отходы прессуются и попадают в накопительный бункер — уже в виде плотно спрессованного кубика, пригодного для строительства плотин, насыпей, фундаментов. При заполнении бункера автоматически вызывается корабль-грузовоз, производящий дозаправку агрегата и забирающий отходы.

— Мы заимствовали идею заправки у космических аппаратов,— рассказывал Чеботарев, явно гордясь тем, что нашел новое применение этой идеи.— Бункер смонтирован в блоке с аккумуляторами и баками химических реагентов для обработки отходов. По сигналу с грузовоза он отделяется и всплывает, выбрасывая тросовую петлю, за которую его вылавливают. Одновременно включается циклон, и остается только сбросить с корабля сменный блок — с заправленными емкостями и заряженными аккумуляторами — поближе к воронке. Воронка сама втянет его внутрь аппарата, где он автоматически встанет на замки. Вся операция будет занимать около пяти минут при любой погоде, даже восьмибалльном шторме.

— Значит, мой глиссер сейчас...— Я изобразил ладонями кубик.

— Увы...— вздохнул мой собеседник.— Наш агрегат работает безотказно.

— А если бы я не упал в воду? Или решил искупаться? Меня бы тоже?..— Я снова изобразил кубик.

— Но ведь вы случайно оказались в районе испытания...— развел руками мой спаситель.— Теперь мы применим еще более надежную блокировку для предотвращения подобных случаев. Рыбу уже сейчас отпугивает ультразвуковой генератор, который включается вместе с циклоном. А вообще-то мы объявили залив запретной зоной и никак не думали, что кто-нибудь попадет туда через наше ограждение.

— Это все из-за тумана,— сказал я.— Слишком поздно заметил ваше ограждение.

— Ну а теперь вот какая приятная новость,— наклонился надо мной Сергей. Он взял с тумбочки газету, сложенную так, что в глаза сразу бросалось сообщение, набранное жирным шрифтом.

Я взял газету и прочел:

«Службой сейсмической разведки два дня назад было зарегистрировано подводное землетрясение значительной силы в северной части океана. Возникла мощная волна — цунами, которая, как показали приборы службы оповещения, со скоростью до 700 километров в час движется по направлению к Восточным Островам. Население угрожаемой зоны своевременно оповестили и эвакуировали в глубинные районы.

Одновременно была включена опытная Станция интерференционной защиты, разработанная коллективом ученых Института физики океана Академии наук СССР. Сигналы датчиков, расположенных в различных районах океана, автоматически обработала электронно-вычислительная машина, что позволило уточнить параметры волны и ее энергию. Подводные излучатели интерференционной защиты по указаниям ЭВМ были сориентированы перпендикулярно фронту цунами и подключены к конденсаторам — накопителям энергии. По мере приближения волны ее параметры непрерывно уточнялись с помощью автоматической системы прогнозирования цунами и немедленно вносились необходимые поправки в пусковое устройство защитной установки. Волна в районе Острова должна была достичь двенадцати метров высоты при скорости около 200 километров в час на кромке береговой полосы. Ее удар мог причинить городу и портовым сооружениям огромные разрушения.

Когда цунами приблизилось, автоматическое пусковое устройство с помощью энергии накопительных конденсаторных батарей создало встречную волну равной мощности. Произошло взаимогашение волн. По фронту цунами образовался разрыв около пяти километров. Опасность для города была ликвидирована. Волнение в прибрежной зоне, возникшее как следствие гашения волны, существенно не отличалось от сильного шторма и не причинило повреждений портовым сооружениям и прибрежным постройкам».

По мере того как я читал, буря восторга поднималась в моей душе. Расчеты оказались правильными, а наша работа ненапрасной! Побежден страшный и коварный враг! Я не удержался и захлопал в ладоши. Сергей и Юрий с улыбкой наблюдали за мной.

Потом Чеботарев сказал:

— Как видите, и наша, и ваша работа оказалась успешной. Да в сущности ведь она едина. Все мы работаем над проблемой «Человек и океан» — только находимся на разных концах этого «коромысла». Вы защищаете людей от океана, мы — океан от людей...

Я взглянул на улыбающегося Чеботарева. А ведь верно: мы солдаты одной армии. И как это раньше не пришло мне на ум?

— У меня только один вопрос: а для чего все-таки там, на острове, вы ударили меня по голове?

Он сделал круглые глаза.

— Да ничего подобного. Вы упали от слабости и ударились затылком о камень...

Я приподнялся и крепко пожал Юрию руку.

БОРИС МЕЩЕРЯКОВ

ГАРНИТУР С САПФИРАМИ

Фантастический рассказ

По многолетней привычке мнсснс Стоун проснулась рано. Посмотрела на старенькнй буднльннк, чуть заметно вздохнула — было еще половина шестого.

Уже давно Джо потерял работу, а она так и не прнвыкла вставать позже.

Джо спал на спине, н, хотя в комнате было довольио прохладио, лнцо его блестело от пота. Она заботливо убрала налнпшую на лоб мужа прядь сильно поседевшнх волос и сразу же поняла, что у него жар. Вырастив двонх детей, миссис Стоун научилась ие хуже чем градусником определять ладонью, повышена ли температура, н сейчас, озабоченная, вспомнила, как ночью Джо иесколько раз просыпался н, отбрасывая одеяло, говорил, что ему жарко и душно.

«Где же он мог простыть? — тоскливо подумала она.— Еще только сентябрь, н на улице не так уж холодно».

Джо смешно зачмокал губами и улыбнулся. Лн всегда радостно удивлялась его способиости чувствовать прнкосновение ее рук во сне. Особеино нравилась его сонная улыбка, по-детски нежная и беззащитная.

— И надо же было такому случиться именно сейчас,— прошептала Лн, прижавшнсь к мужу.— Что с иами будет, Джо, милый? Вчера мнстер Брэдли предупредил меня, что если мы не заплатим за квартиру, то ои вышвырнет нас на улицу.

Она то ли жаловалась, то ли советовалась с ним. Затем, судорожно всхлипнув, она нежно, как маленького, погладила его по голове и выругала себя:

— Какая же я глупая! Ну разве он виноват, что заболел? Ему бы сейчас крепкого бульона, а где взять денег? Нужно было быть более экономной, пока Джо работал, и побольше откладывать иа «черный день». Может, попросить взаймы у детей? Но они живут небогато, у каждого семья. Нет! Скорее я умру с голоду, чем стану для них обузой. Да и Джо ие похвалит за это. Скоро он проснется. Надо пойти на кухню приготовить хоть что-нибудь.

Когда она вернулась в комнату, муж встретил ее виноватой улыбкой:

— Доброе утро, родная. Опять рано встала?

— Доброе утро,— она наклонилась и ласково поцеловала его.— Как ты себя чувствуешь?

— Неплохо, только голова иемиого болит.

Сейчас я принесу тебе кофе.

— Не иадо. Мие ие хочется. Пора уж идти занимать очередь на бирже, как бы не опоздать.

— Лежн, лежи, не смей вставать! Ты нездоров, а в квартире холодно. Сегодия весь день отдыхай, и я буду за тобой ухаживать.

— Ты меня так совсем избалуешь,— отозвался Джо, но остался в постели.

После завтрака Ли стала одеваться.

— Ты куда?

— Надо сходнть по одному делу, не скучай без меня и ни в коем случае не вставай! Я скоро вернусь.

— Возвращайся скорее!

Уже в дверях она оберну лась н прощально помахала рукой. Издали было особенио заметно, как ои похудел: щеки ввалились, под глазами появились темные круги.

На улице ее подхватил поток спешивших по своим делам прохожих. Она шла и думала только о том, где бы достать денег. В доме не осталось ни одной вещи, которую можно было продать или заложить.

Миссис Стоуи бесцельно бродила по улицам, подолгу останавливаясь у витрин. В жизии у иее были всего две золотые вещи — два колечка. Ее иевольно привлекали витрины ювелирных магазинов.

Оба кольца подарил ей Джо. Первое, обручальное,— в день венчания, а второе, узенькое, с маленьким аметистом,— когда она родила первеица. Правда, кольца пришлось продать год иазад.

Ей никогда не надоедало любоваться сверкавшими драгоцеииостями. Джо зиал это и всегда терпеливо стоял с ней у витрин.

В одном магазиие ей особенно нравился изящный гаритур из кулона, перстня и сережек с ярко-синимн сапфирами. Как пошли бы эти украшения к тому нежно-голубому платью, что она видела сегодня в витрине соседнего универмага!

Миссис Стоуи вздохнула про себя:

— Вот старая дура! Лучше бы подумала, где достать несколько пенсов на пакет молока для Джо, чем глазеть на витрины.

Она побрела дальше, разглядывая тротуар. Вдруг ей повезет и она найдет моиетку! Потом у нее заныли от усталости ноги. Она решила немного передохнуть в маленьком скверике с чахлыми деревцами. На скамейке лежала оставленная кем-то газета. Ли взяла ее и принялась перелистывать, иадеясь, что попадется объявление о работе. Но ничего подходящего не оказалось.

На последней странице ее внимание привлекло странное предложение. Сначала миссис Стоун подумала, что это шутка.

«Вам нужны деньги?» — участливо вопрошал крупный заголовок. И тут же следовал совет зайти по указанному ниже адресу в исследовательский медицинский центр. При этом разъяснялось, что фирма покупает чувства.

«Кому нужны мои чувства? — недоуменно подумала миссис Стоун.— И как это их можно купить?» Но ведь объявления стоят очень дорого, станут ли ради шутки выбрасывать деньги на ветер? И Ли решила пойти в клинику; она находилась в двух шагах.

К доктору Рейли подошла секретарша и протянула визитную карточку:

— Сэр, к вам мистер Корнуэлл.

На белоснежном пластике, обрамленном золотым тиснением, было написано: «Фред Корнуэлл, коммерсант». «Ого! — подумал Рейли.— Сам Корнуэлл! Один из финансовых королей».

— Пригласите его, мисс Келли.

В кабинет вошел довольно пожилой мужчина с худощавым холеным лицом.

— Весьма рад вас видеть, мистер Корнуэлл! — Рейли с подобострастной улыбкой встретил клиента на пороге кабинета.— Прошу вас сюда,— он указал на глубокое и удобное кресло.

Подождав, пока посетитель усядется, сел напротив. Рейли был профессиональным психологом и видел, что, несмотря на снисходительный взгляд и властные жесты финансового магната, Корнуэлл не знает, как начать разговор. Это было вполне естественно. Сюда всегда приходили только с просьбами или жалобами, а просьбы и жалобы равно унизительны — человек как бы расписывается в собственной слабости.

— Не хотите ли чего-нибудь выпить? — пришел клиенту на помощь Рейли.

— Нет, благодарю вас. Я с вашего разрешения лучше возьму сигару.

Когда Корнуэлл выпустил струю ароматного дыма, Рейли решил сам начать разговор:

— Вы, видимо, намерены воспользоваться услугами нашей клиники?

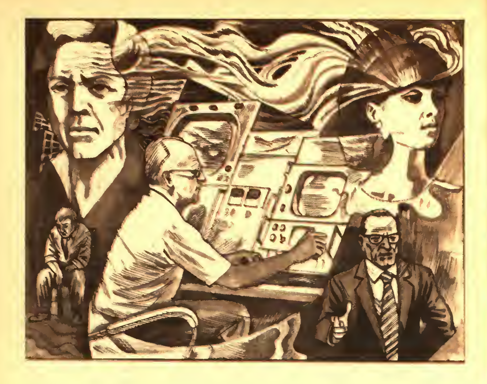
— Именно так. Я долго колебался, прежде чем обратиться к вам. У меня к вам довольно... как бы это сказать... довольно деликатное дело.

— Наша цель как раз в том и состоит, чтобы помогать в подобных случаях. Доверьтесь нам. Разумеется, гарантируется полная конфиденциальность нашей беседы.

— Дело в общем-то не такое уж необычное... — что-то вроде смущения отразилось на лице Корнуэлла.

Рейли, затянувшись сигаретой, откинулся в кресле и приготовился слушать.

— Видите ли,— начал высокопоставленный клиент,— я не так уж молод. Стукнул пятьдесят один год. Первая жена, которая была старше меня, умерла. Детей у нас не было. Нельзя сказать, что я прожил жизнь пуританином. Но недавно,— финансист затянулся,

скрывая волнение,— я встретил девушку и влюбился в нее, как мальчишка. Вы сами понимаете, что с моим положением мне не составило труда уговорить ее выйти за меня замуж. Но мне надоело покупать улыбки, притворную нежность. Говорят, каждая женщина — актриса и может разыграть роль влюбленной. Но я трезво смотрю на вещи... Что я могу внушить сейчас моей Джоан? В лучшем случае — уважение.— Корнуэлл умоляюще посмотрел на Рейли.— Вы понимаете меня? Я всю жизнь зарабатывал деньги, делал свой бизнес. И сейчас я преуспеваю, но внутри — пустота. И мне вдруг захотелось настоящего, не купленного чувства. Захотелось, чтобы хоть раз в жизни женщина любила меня не за деньги, не из тщеславия, а всем сердцем. Мне хочется иметь семью — любящую жену и детей. Я не пожалею самой крупной суммы — назовите ее.

— Думаю, мистер Корнуэлл, что смогу вам помочь, но...

— Что же вы остановились? Я же сказал, что заплачу столько, сколько потребуется.

— Нет, нет! Дело не в деньгах. Просто донор, отвечающий требованиям вашего заказа, встречается крайне редко. Придется подождать.

— Как долго? В моем возрасте время бежит гораздо быстрее, чем в юности.

— Позвольте объяснить, в чем дело, не вдаваясь в излишние подробности. Поверьте, очень многие обращаются к нам за помощью. Каждый приходит со своим. Это и страх, и неуверенность, и пресыщение, и многое-многое другое.

Когда-то это все лечили психоаналитики. Но их методы, если отбросить изрядную шелуху шарлатанства, сводились к одному — к внушению. Подобное лечение отнимало массу времени и еще больше средств у пациентов. А результаты? Они были ничтожными. Многие процессы, затрагивающие высшую нервную деятельность, вообще не поддавались столь примитивному воздействию.

А что такое чувство? Это нервные связи — всего лишь след импульса, прошедшего по нейронам. Все, что мы воспринимаем, все, что чувствуем, откладывается вот здесь.— Рейли постучал себя пальцем по голове.— И чем глубже воздействие, тем стабильнее след, тем сильнее связь, которая закрепляется особыми химическими соединениями, создавая, так сказать, мостики памяти. Когда были изучены эти глубоко специфические соединения, возникла идея матричной нейроиндукции. Суть ее в следующем. За образец берутся нервные связи одного человека и особыми, тонкими методами переносятся в нервную систему другого. Этот чрезвычайно сложный процесс разрабатывался и совершенствовался очень долго. Сейчас мы можем оказать помощь всем, кто в ней нуждается. Нужно лишь найти подходящего донора.

— Но, мистер Рейли, неужели за все время существования вашей клиники к вам не обращался ни один подходящий для меня донор?

— Конечно, обращался.

— Так в чем же дело? Если я вас правильно понял, возьмите нужные чувства и пересадите их Джоан.

— Видите ли, все не так просто. К сожалению, пока что при нейроиндукции происходит необратимое разрушение переносимых связей. На каждого пациента нужен отдельный донор. Уж больно тонкий инструмент человеческий мозг! Надеюсь, теперь вы понимаете, что надо подождать. Истинная любовь в наш век такая редкость!

Когда посетитель ушел, Рейли вызвал секретаршу.

— Зарегистрируйте этот заказ с пометкой «весьма срочно».

В холле исследовательской клиники сидели несколько человек: тут были и подростки, и пожилые люди с унылыми лицами неудачников. Всех, кто приходил, просили заполнить анкету. Потом их поодиночке приглашали в приемную. Большинство задерживалось там совсем недолго, зато другие вовсе не выходили оттуда.

Когда пригласили Ли, она, войдя в кабинет, увидела средних лет мужчину в очках. Он предложил ей сесть.

— Я доктор Мервилл, а вы,— он взглянул на анкету,— миссис Лилиан Стоун, не так ли?

— Да, сэр.

— Что вам угодно?

— Я... не знаю. Я пришла по объявлению.

— Так, понятно. Вы указали, что у вас есть муж.

— Да, сэр. Я уже 31 год замужем.

— Не согласились бы продать свои чувства к нему, если вы его любите?

— Простите,— она смущенно улыбнулась,— я не совсем понимаю. Мне, что, надо рассказать о нем?

— Нет, миссис Стоун. Просто ваше чувство к мужу мы с помощью специальной аппаратуры перенесем другому человеку,— он

говорил монотонно. Видимо, эти фразы ему приходилось повторять изо дня в день.

— А это не больно?

— Нисколько. Вы ничего не почувствуете, просто посидите в кресле несколько минут, вот и все.

— Сколько мне заплатят, если я соглашусь?

— Вообще-то мы платим по прейскуранту от 100 до 10 000 фунтов. Но если ваше чувство очень сильное, вы получите еще и премию.

— Я согласна!—сказала Ли, а про себя подумала: «10 000 фунтов! На эти деньги можно будет пригласить к Джо врача, заплатить по счетам, и еще останется куча денег. Ну и что из того, что кто-то к кому-то будет относиться так же, как и я к Джо? Я честная женщина, заботливая хозяйка, любящая жена и мать. За все эти годы Джо ни в чем было меня упрекнуть».

— Вот и отлично. Прошу поставить здесь вашу подпись. Это чистая формальность. Вы просто подтверждаете, что продаете свое чувство добровольно и никаких претензий к нам не предъявите. А теперь пойдемте.

Ли попала в большое помещение, уставленное какой-то сложной аппаратурой. Ее усадили в кресло, тщательно закрепили на голове что-то похожее на шлем, от которого отходил толстый кабель. Человек в белом халате склонился над панелью с приборами. Вскоре он сообщил, что миссис Стоун им подходит.

— Скажите, а когда произойдет это... эта операция?—спросила Ли.

— Примерно через час. Вся процедура займет не более пяти минут. Если хотите, можете пока погулять, а еще лучше—посидите в холле.

Джоан в сопровождении мистера Корнуэлла приехала через сорок минут после звонка Рейли.

Увидев нагромождение непонятной аппаратуры и склонившихся над пультом людей в белом, она с удивлением посмотрела на супруга и подчеркнуто холодно спросила:

— В чем дело, дорогой? Что все это значит?

— Не волнуйся, Джоан. Ты очень часто жалуешься на невыносимую мигрень. Я посоветовался с доктором Рейли, он предложил обследовать тебя с помощью новейшего оборудования.

Когда Джоан вышла из соседнего кабинета, Корнуэлл поразился перемене в ее лице. Девушка смотрела на него с безграничной любовью, кроткой нежностью и трогательной лаской. Подойдя к мужу, миссис Корнуэлл заглянула ему в глаза и сказала:

— Родной мой, доктор Рейли сказал, что у меня нет ничего опасного. Головные боли прекратятся,—она помедлила и, смущаясь, добавила:—Когда у нас родится ребенок. Любимый, поедем домой. Хоть это и не было больно, но я очень и очень переволновалась.

В соседнем помещении к миссис Стоун подошел сотрудник клиники:

— Вставайте, мэм.
— Уже все закончилось? Так быстро?
— Я же обещал вам, что вы ничего не почувствуете. Вот вам чек на 13 000 фунтов.
— О! Благодарю вас!

Получив вознаграждение, миссис Лилиан Стоун отправилась покупать голубое платье и гарнитур с сапфирами — то, о чем она мечтала всю жизнь.

ЗБИГНЕВ ПРОСТАК

ГОСТЬ ИЗ ГЛУБИН

Фантастический рассказ

То, что я хочу рассказать, случилось два года назад. Странная история, неясная до сих пор. Я был очевидцем этих событий с самого начала и до конца. Невыясненного конца. И хотя над решением этой невероятной загадки бились многие ученые, это ни к чему не привело.

Это произошло в пограничном предгорном районе Польши, покрытом прекрасным, высокоствольным лесом, через который меж холмов, по извилистому коридору течет одна из самых чистых польских рек. По распоряжению представителей властей прессу на место происшествия не допустили, а журналистам, разузнавшим что-то, запретили публикации. История была настолько странной и неправдоподобной, что походила на фантастику. Я не буду описывать все сложности, связанные с получением разрешения на опубликование этой истории. Скажу только одно: я получил разрешение не на репортаж, а на научно-фантастический рассказ с многочисленными ограничениями и запретами. По тем же понятным причинам я не укажу ни одного географического названия, которое позволило бы установить место происшествия. А тем, кто все-таки догадается, искренне советую — не надо туда ездить. Территория охраняется, так как исследовательские работы все еще продолжаются. По тем же соображениям (это ведь всего-навсего научно-фантастический рассказ) фамилии участников происшествия мною изменены. Я стремился лишь к тому, чтобы верно передать факты, таинственный колорит этого события и вкус большого приключения. Удалось ли мне это, судите сами.

Я сидел в своем кабинете, терзая пишущую машинку и себя, когда зазвонил телефон. Уверенный, что это главный редактор с

очередным напоминанием, я нехотя поднял трубку.

— Решт у телефона,— мрачно буркнул я, стараясь создать впечатление страшно занятого человека, что, впрочем, было недалеко от истины.

— Привет, редактор. Метек говорит. Как у тебя со временем? Не сможешь ли забежать ко мне?

Я повеселел. Мечислав Ковальский, известный физик, специалист в вопросах обработки металлов методом взрыва, член польской Академии наук, был моим давним другом. Мы вместе кончили гимназию, вместе воевали в годы оккупации. Потом наши дороги разошлись. Я начал изучать журналистику в Кракове, Метек — физику в Варшаве. Спустя годы, переехав в столицу, я разыскал тогда уже известного ученого, и по сей день это мой самый верный друг. И потому ничто не могло обрадовать меня больше, чем его звонок: появился повод оторваться от нудной, навязанной главным темы.

— Трудно сказать. Видишь ли, я как раз сижу над репортажем,— старался я оправдаться перед собой.— А в чем дело?

— Это не телефонный разговор, старик. Если все-таки заскочишь, обещаю «бомбу» в прямом и переносном смысле слова. Да такую, какой на Земле еще и не видывали.

— Как это понимать?

— Приезжай — увидишь.

Что оставалось делать? Мой друг никогда не бросал слов на ветер. Если он утверждает, что это «бомба»,— значит, «бомба». Какой еще не видывали? Значит, не видывали. Не сказав никому ни слова, я выбежал из редакции. Мне повезло: я тут же поймал такси и уже через пятнадцать минут входил в кабинет известного физика. Увидев меня, он встал из-за стола и, улыбаясь, протянул руку:

— Уже?! Быстро же ты. Хочешь подкрепиться?

Он достал с полки толстый томище. Кожаный переплет скрывал бутылку французского коньяка с фантастическим количеством звездочек и маленькие керамические стаканчики. Из ящика стола были извлечены какие-то хрустящие палочки и соленый миндаль. Расставив все это на столе, он сел и налил коньяк.

— Слушай, Янек, ты можешь вырваться на несколько дней?

— Куда?

— На природу. На границу.

— Отпадает. Рада бы душа в рай, да начальство не пускает. Ты ведь знаешь моего главного?

— Знаю.

— Ну, так в чем дело? Какой может быть разговор...

— Постой, постой,— прервал он меня с улыбкой.— Не торопись. Поспешишь — людей насмешишь. Твоего главного я знаю... Он, кстати, тоже в курсе дела.

— Каким образом?

— Очень просто. Я позвонил ему после нашего разговора.

— Ну и...?

— И он откомандировал тебя, так сказать, в служебном порядке в мое распоряжение. Так что свой репортаж выбрось из головы.

— Ну, знаешь!— Я залпом выпил коньяк.— У тебя, вероятно, связи с преисподней. Ну а... в чем, собственно, дело? Насколько я знаю главного, это, должно быть, не пустяк.

— Так оно и есть. Послушай, старик. То, что я тебе сейчас расскажу, должно пока что остаться между нами. Не хотелось бы затевать шум прежде времени.

— Не хотелось бы? Это кому бы не хотелось?

— Академии наук... властям... Дело странное. Может, оно и выеденного яйца не стоит, а может, окажется событием века. Решено не вмешивать в это ни прессу, ни радио, ни телевидение... Все случившееся рассматривать как дело, касающееся обороноспособности страны, а следовательно, как государственную тайну. Я выпросил разрешение на твое участие при условии, что ты ни слова не опубликуешь без моего согласия и согласия специалистов из Академии наук.

— Чем, как говорят, обязан?

— Ну, это уж совсем просто. Ты ведь знаешь, что нигде и шагу ступить нельзя без журналистов. Это дотошный народец! Сделай мы все без вас — скандал неминуем. А так — пожалуйста! — и пресса на месте. Ну и потом... я предпочел иметь дело с тобой, чем с каким-то безответственным болваном. Ясно?

— Вроде бы. Спасибо за доверие. Ну а теперь говори, в чем дело.

— Хорошо. Налей себе еще.— Он придвинул ко мне бутылку.— Одиннадцатого числа прошлого месяца работник одного из лесничеств, примыкающих к границе, доложил местным властям о странной находке. Описал он эту находку неоднозначно: не то авиабомба, не то бронебашня. Но не это показалось странным. Лесничий поклялся, что за два дня до этого на том месте ничего похожего не было. Пошли туда трое. Пешком, поскольку доехать ни на чем невозможно. Территория гористая, покрыта лесом. Итак, пошли они, как я уже сказал, втроем. Старший лесничий, заинтересовавшийся находкой, лесничий, открывший ее, и комендант местного отделения милиции. Посмотрели... Решили, что это авиабомба большого калибра, и дали знать саперам. Те послали офицера и несколько солдат с целью ликвидировать опасный объект. Но, увы... это была не бомба. Офицер, к счастью, оказался толковым парнем. Он расставил вокруг посты, чтоб никого не подпускать к «бомбе», и поднял на ноги всю свою воинскую часть. Дело дошло до воеводства, а оттуда попало к нам. Весь фокус в том, что это не бомба, не бронебашня — тут этим не пахнет. Я уже был там и видел.

— Так что же это?

— Не знаю. Попросту металлический обелиск высотой пять метров тридцать сантиметров и диаметром двести шестьдесят сантиметров. Похоже на гигантскую сигару, вбитую в землю на половину своей длины. Зондирование показало, что полная ее длина составляет десять метров шестьдесят сантиметров.

— У тебя есть снимки?

Он развел руками и покачал головой:

— К сожалению, нет. Это нельзя сфотографировать.

— Как это нельзя?

— Очень просто. Все фотопластинки чернеют, засвеченные каким-то излучением, хотя ни счетчики Гейгера, ни другие приборы ничего не обнаружили. Ни следа какого-либо излучения. Да, и еще: она всегда теплая, хотя, как ты знаешь, там, в горах, ночи прохладные, да и днем температура скачет. Не горячая, а теплая...

точнее, тридцать трн градуса по Цельсню. Ночью от иее исходнт слабое свечение. Вот, кажется, и все, что я могу тебе рассказать. Не потому, что не хочу,— ои замахал рукой, предупреждая мои возможные протесты.— Нет, ие потому. Просто я сообщил тебе проверенные на сегодня факты. Я сам, кроме этого, ничего не знаю. Завтра утром, если ты не против, мы поедем туда. Согласен?

— Что за вопрос?! Ясиое дело — поеду. Даже если все окажется весьма обыденным. Как зиать, может, это последняя ступеиь какой-нибудь ракеты-носителя или что-то в этом духе? Так или иначе поездка в горы на несколько дней за казениый счет и с благословения главного — кто же от этого откажется! Старнк, у меня трн года не было нормального отпуска.

— Вот н хорошо... Прости. Плохо, что ты так долго без отпуска, но хорошо, что согласеи. Тогда, если ты не против, завтра в девять я за тобой заеду.

Рейсовый автобус усердно взбирался по серпантину горной дорогн. По обеим ее сторонам высились склоиы, поросшие живописным смешанным лесом. В открытые окна врывался холодный ветер, насыщениый ароматом леса, листвы, грибов н чего-то еще. Нн с чем не сравнимый, неповторнмый запах пущи. На остановке в малеиьком городке иас ждал открытый военный «козлик» с рослым солдатом за рулем. С ним был гражданский в светлом костюме. Увидев иас, он улыбнулся:

— Очень рад, профессор, что вы вернулись. У иас иовые данные. Но об этом позже. Пожалуйста, саднтесь.

Через час мы были на месте. На большой поляне светлыми пятнами на фоне леса выделялись четыре большие военные палатки. За столиком под огромиым дубом сидело иесколько человек — военных и гражданскнх. Статиый блондии в форме советского майора расположился прямо иа земле. Сдвинув фуражку на затылок, он с улыбкой наблюдал за плывущими по ясному иебу облаками. Мы приблизились к сидящим. После того как все представились друг другу, ученые вновь углубились в днскуссию. Низкий худощавый офнцер с погонами подполковиика подошел ко мие и протяиул руку:

— Првветствую вас, редактор. Стало быть, и пресса уже на месте. Новицкий. Из Варшавской военио-технической академни.

— Решт. Очень приятно.

— Мие только что пришла в голову иеплохая идея. Здесь и без нас справятся. Если вы не усталн, редактор, пойдемте со миой. Осмотрим спокойно это диво.

— Это мое самое большое желание. Идемте.

— И я с вами. Не возражаете? — советский офицер поднялся и отряхнул брюки.

— Пожалуйста.

Мой собеседник, Новицкий, чувствовал себя здесь хозяином. Мы пошли по узкой тропинке, пробивающейся сквозь густые заросли орешника. Тропиика довольио круто взбиралась вверх, и очеиь скоро я почувствовал одышку. Что поделаешь, годы не те. К счастью, было уже недалеко. Еще поворот зеленого туннеля, еще однн и... На миниатюриой площадке, окруженной со всех сторон кустами орешника, ежевики, малины н молодыми сосенками, стоял светлый, почти белый, изящный обелиск. Мы подошли поближе.

— Можио дотроиуться? — обратился я к подполковннку.

— Пожалуйста. Это абсолютно безопасно.

Я провел ладонью по гладкой поверхности, а потом легко постучал пальцем. Судя по звуку, это был цельнометаллический аппарат, ибо то, что я видел, был, несомненно, металл. Типа высокосортной нержавеющей стали. Ни одной трещинки, ни одной царапины. Только метра на два ниже верхушки шел волнообразный, вытравленный в металле замкнутый пояс, немного темнее по цвету. Я сел на пенек и в задумчивости начал рассматривать загадочный объект. Это явно не было похоже ни на последнюю ступень ракеты-носителя, ни на бомбу. Тогда что же?

— И когда он упал?— спросил я, не обращаясь ни к кому специально.

— Упал?— протянул майор и иронично посмотрел на меня.— Упал? Посмотрите, товарищ редактор, вверх. Как?

Действительно. Над телом таинственного обелиска гигантский дуб так сплел свои ветви, что сквозь крону едва пробивался солнечный свет. Снаряд, или как там его назвать, должен был пробить брешь в густой листве. А тут никаких сломанных веток. Сплошная могучая крона над головой.

— Ну а как же тогда..?— Я посмотрел на присутствующих в изумлении. Подполковник пожал плечами, а майор, все так же улыбаясь, присел и указал на траву:

— Вот оттуда.

— То есть как? Из земли? Там ведь скальные породы. Толщина почвенного слоя не превышает метра... двух...

— Три метра шестнадцать сантиметров,— спокойно уточнил подполковник.— Остальная часть сидит в скале.

Я обошел обелиск с еще большим изумлением. Ни следа коррозии, грязи, царапин. Ничего. А ведь он должен пробиваться сквозь твердую породу.

— На крота это не похоже.— Я вновь постучал пальцем по гладкой поверхности.— А как выглядит подземная часть? Какая тяга? Что за мотор?

— Там ничего этого нет, редактор. Мы исследовали тщательно. Часть, находящаяся в скале, идентична верхней. Даже пояс такой же.

— Как же так, черт возьми?

Майор пожал плечами, а подполковник серьезно огляделся.

— Мы знаем ровно столько, сколько и вы. Завтра сюда прибудет специальная группа саперов. Вытащим это диво. Может, тогда узнаем побольше.

— Ну, конечно,— майор надвинул фуражку на глаза.

— Интересно... Ну, а пока что делать здесь больше нечего. Если вы уже нагляделись, товарищ редактор, пойдемте назад. Поживем — увидим.

Мы спустились вниз и присоединились к группе ученых, продолжавших ожесточенный спор. Я сел чуть поодаль, стараясь не пропустить ни слова из того, что говорилось. Довольно быстро я понял, что мнения разделились. Однако большинство полагало, что эта штука осталась еще с военных лет. Профессор Витвицкий, член польской Академии наук, считал, что монолитный блок из стали пролежал в скале более тридцати лет. В результате напряжений, обусловленных оседанием скальных пород, а может быть, воздействия

сейсмических сил его вытолкнуло иаверх. О матернале обелиска сказать было иечего. От его сверхтвердой поверхиости ие удалось отпилить ни кусочка. Самые прочные сверла ломались, не оставляя никакого следа иа зеркальиой глади. Не прниесло результатов и травлеине кислотами. Взрывчатых материалов по понятным причинам примеиять не хотелось. Гладкий, блестящий обелиск, казалось, насмехался над усилиями людей. По прнблизительным подсчетам, вес его составлял от тридцати до сорока тоии. Было решеио откопать блок и в горизоитальиом положеиии перетащить к месту, откуда можио было бы перевезти его к железнодорожиой станции, а далее — в одии из ииститутов польской Академин иаук. Когда я отправился спать, голова моя была иабита всевозможными теориями, из которых, вероятнее всего, ни одиа ие была верной. Как я смог уснуть, не зиаю, иаверное, устал от дальнего путешествия н впечатлеиий дня.

Звук, разбудивший меия, был несильиым. Что-то средиее между ударом гонга и треснувшим металлом. Чистый, глубокий, хотя и заканчивающийся каким-то неприятным скрежетом. Мииуту я лежал, прислушиваясь, но звук ие повторился. «А может, это было во сие? Да нет! Было слышио отчетливо». Я посмотрел иа часы. Два часа двадцать мииут. Мои товарищи спали, сладко посапывая. Я сел иа койке и закурил. Мне уже ие хотелось спать. Не зажигая света, я оделся и тихо, чтоб ие разбудить спящих, вышел из палатки. Ночь, хоть и холодиая, была прекрасиой. Сквозь кроиы деревьев просвечивали хороводы звезд на ясиом, безоблачиом иебе. Я стоял, вслушиваясь в шум леса. Догорающая сигарета обожгла пальцы. Я бросил окурок и старательио втоптал его каблуком в землю. Ну, так. Спать я уже, кажется, не буду. Скоро рассвет. И тогда я вспомнил слова моего друга о слабом свечении обелиска. Вот случай посмотреть на это. Через час уже светло, потом приедут саперы и — прощай! — увезут обелиск. Как можио тише я вошел в палатку и отыскал в чемодане фонарик. Освещая себе путь, я без труда иашел тропинку. Мой друг оказался прав. Пройдя иесколько десятков метров, я уже мог выключить фоиарик. Сквозь заросли сочился призрачный зелеиоватый свет, хорошо освещающий близлежащую территорию. Еще иесколько шагов, и я стоял перед сияющей колоииой. На полянке было светло, как в полнолуние. Просматривался каждый камень, каждый стебелек. Я сел иа тот же пеиек, что и в прошлый раз. Не иравилось мне здесь. Освещеиие было каким-то иереальиым. Что-то тут было ие так. Я пригляделся внимательиее и вдруг поиял. Ну коиечно! Не было теией. Несмотря иа то что свет исходил от изящного обелиска, предметы ие отбрасывали теией. Было похоже, что светится ие обелиск. Нет! Свет ниоткуда ие падал. Им было насыщеио все пространство! Я сидел без движеиия, напрасио пытаясь найти хоть какое-то разумиое объясиеиие этому страииому явлению. Подиеся руку к глазам, я заметил, что даже оиа испускала слабое, ио вполие различимое фосфорическое свечение. Неужели это какой-то иеизвестный вид излучеиия? И тут меия охватил страх: а что, если это вредио для человеческого организма? Нужио побыстрее уходить. Я хотел вскочить с пеинька, иа котором сидел и бежать, ио ие мог. Какая-то страииая слабость ие позволила мне встать. И тогда я услышал этот звук еще раз. Как будто прозвоиил колокольчик или лопиула пружииа. Звук близкий, явио исходящий

от все более интенсивно светившегося обелиска. На его поверхности началось какое-то движение. Сверху, от более темного пояса, стали медленно стекать волны сине-бурого тумана, а сам обелиск начал вибрировать. Сначала медленно, потом все быстрее, пока эта вибрация не стала почти неразличимой. Резко очерченные контуры вдруг размазались. Быстрей... еще быстрей. У меня закружилась голова. А перед глазами начали клубиться и густеть космы тумана. Внезапно движение прекратилось. Я чувствовал это... чувствовал без всяких сомнений... я видел. Все вокруг застыло без движения. Стена леса с темными контурами стволов и веток стояла словно вырезанная из плотной зеленой бумаги. Все оставалось так, как прежде... Только не было самого обелиска! В том месте, где он должен был находиться, зияла дыра. По крайней мере так это выглядело. Как будто кто-то одним искусным движением вырвал его и аккуратно разровнял края. Я отчетливо видел темный, почти черный, наклонившийся ствол дуба до середины его высоты, потом полный каких-то светлых, радужных переливов просвет, а выше — черный контур того же ствола. Впечатление фотографии, разорванной на две хоть и удаленные друг от друга, но идеально совмещаемые половинки. Я почувствовал капельки холодного пота на лбу и какую-то странную, парализующую слабость. Силы мне отказали. Наклонившись вперед, я мучительно, до боли в глазах всматривался в радужный просвет. Не знаю, как долго это продолжалось. Я потерял счет времени. Перламутровая полоса как будто расширялась, раздвигая границы леса, и одновременно приближалась ко мне. Все ближе, ближе. Вот

она уже рядом, на расстоянии вытянутой руки. Еще минута—и она поглотит меня. Я метнулся было в сторону. Куда там! Какая-то чудовищная сила сковала меня, будто бы впаяла в твердую глыбу кристалла. Я с трудом дышал: стокилограммовая тяжесть навалилась мне на грудь и... Вдруг все прошло. Ошеломляющее чувство парения. Легкие с блаженством втягивали чудесный ароматный воздух. Я стоял внутри небольшой стеклянной кабины. Над головой было черное небо, усеянное миллиардами удивительных немерцающих звезд. Они казались золотыми гвоздиками, вбитыми в черноту.

Я посмотрел вниз и вскрикнул. Под ногами, далеко внизу, лежала вогнутая чаша Земли. Сквозь разорванные клочки облаков были отчетливо видны контуры континентов и оловянная недвижимая гладь океанов. Справа, далеко уходя вглубь, белело неправильной формы снежное пятно полюса. Только одного. Другой был скрыт где-то за горизонтом. Видимость была исключительно четкой. В одном месте можно было даже различить вихревую спираль циклона, медленно перемещавшуюся на серо-синем фоне. Я абсолютно не понимал, что происходит. Не анализировал ситуацию, не старался ничего себе объяснить. Мне было хорошо. Я просто смотрел. Только спустя какое-то время мне показалось, что поверхность земного шара приближается. Медленно, но неуклонно. Я падал. Вернее, падала кабина, представляющая собой, по-видимому, часть чего-то большого целого, ибо надо мной с левой стороны были видны тени конструкций. И вдруг картина размазалась. Закружились разноцветные пятна, полосы. Исчезло черное, усыпанное звездами небо и разбухший земной шар. Вокруг меня возвышались остроконечные, достигающие облаков светло-голубые здания. Стены их излучали едва заметный приятный свет. Но они не были неподвижны. Как при наплыве кинокамеры, они едва заметно надвигались на меня и расходились в стороны. Широкая, вся в разноцветных пятнах правильной формы, изумительная по краскам, как персидский ковер, площадь... В центре ее стоял знакомый мне обелиск с поясом вокруг верхушек. И повсюду пустота. Никакого движения. Удивительный, сказочный город без жителей. Странный блестящий снаряд, ибо это был снаряд—без сопла, элеронов, крыльев. Без всего того, к чему привык глаз человека. Все явное, близкое, чуть ли не осязаемое... и накладывающийся на эту картину белый круг. Концентрические окружности с золотой глыбой в центре и медленно вращающиеся на орбитах малые осколки. И снова хаос цветов, беспорядочные полосы. Гладкая, невероятных размеров плоскость. Как страница гигантской книги. Как экран телевизора, на который кто-то проецирует изображение. Равнобедренный треугольник. Теорема Пифагора. Длинные ряды странно расположенных точек, создающих впечатление регулярности... системы, сущность которой я не был в состоянии понять. *Lingua kosmika.* Шум в ушах, чудовищная боль и черное полотнище ночи.

Что-то холодное на лбу, стучит в висках. Открываю глаза. Надо мной темно-зеленый шатер палатки и просачивающиеся сквозь щели золотые полосы солнечного света. Я резко сажусь. В голове вращаются жернова какой-то дьявольской мельницы.

— Ну, наконец-то. Напугали же вы нас, редактор. Что с вами было?

Я поднес руку ко лбу и, приходя в себя, огляделся. В палатке возле моей койки сидел неизвестный пожилой лысоватый человек с заметным брюшком. Толстощекое приятное лицо его выражало участие.

— Со мной?.. Я... Ничего... Кто вы такой?

Он широко улыбнулся, обнажив десны, и взял меня за запястье, одновременно поглядывая на часы. Мне стало все ясно.

— Врач?

— Эээ... Сейчас — да, врач. Моя фамилия Завадский. Терапевт. Ну, все нормально,— он отпустил мою руку.— Что же это было, редактор? На обычный обморок не похоже. Вы ведь, простите, здоровы, как бык. Так что же? Переутомление?

— Не знаю. Ничего не знаю. Никогда в жизни я не терял сознания. Просто не мог спать. Решил пройтись... Ну, туда... знаете... к обелиску... и...

— И подполковник нашел вас без сознания на этой полянке. Вы что-то бормотали, что-то кричали. О голубых домах, о каких-то жителях космоса. Переутомление, редактор, переутомление... и резкая смена климата. Ну, ничего. Все должно быть теперь в порядке. Я вам тут выписал кое-что,— он протянул мне рецепт.— А на будущее советую — покой, только покой.

— Извините, доктор, а почему так тихо? Где все?

— Пошли туда. На гору. Солдаты приехали. Привезли краны. Все туда пошли. Причуды все это, причуды... Не знаю. Меня это не касается. Я деревенский коновал... Ну, мне пора. До свидания, редактор,— он протянул на прощание руку, которую я рассеянно пожал, думая уже совсем о другом.

Мой врач встал и, прихватив свой старомодный докторский чемоданчик, направился к выходу. Тут он обернулся и сделал знак рукой:

— Лежите. Вам необходимо немного отдохнуть. Всего доброго.

Я сорвался с койки. Лежать?! Ничего подобного! Я тут буду отлеживаться, а тем временем саперы вытащат из земли обелиск. Ведь это абсолютно не может обойтись без меня. Я пригладил волосы и решительно направился к горе. Немного кружилась голова, но чувствовал себя я совсем неплохо. По дороге закурил, и головокружение прошло.

На полянке я застал всех. Они стояли молча, всматриваясь в густую сеть монтажных лесов, опутавших изящную колонну. Возле нее суетились три офицера. Тут же рядом пыхтел переносной дизель. Я подошел к группе собравшихся. Подполковник подал мне руку и улыбнулся.

— Уже на ногах? А врач разрешил? — спросил он негромко.

— Разрешил... Разрешил,— я пожал плечами.— Со мной все в порядке. А здесь что происходит? Вытаскиваете?

Он махнул рукой.

— Вытаскиваем. А вы ничего не знаете? Ну да, конечно,— он задумался.— Не вытаскиваем, а удерживаем. Эта чертовщина погружается.

— Погружается?

— Да, да, погружается! Уходит в скалу. Посмотрите внимательней. Уже почти на полметра ушла.

И верно. Только теперь я обратил внимание на то, что колонна

как бы уменьшилась. В эту минуту раздался сильный треск, и мотор пронзительно взвыл.

— Лопнули... Цепи оборвались... Теперь не удержим,— молодой подпоручик беспомощно развел руками.— Не удержим. Товарищ подполковник! Не удержим. Она погружается все быстрее.

Мы подошли ближе. Действительно, серебристый снаряд засасывало в землю. Не помогли многократные переплетения стальной цепи. Как огромная рыба, выскальзывал он из сетей и уходил в глубь скал. В тишине, бесшумно, все быстрей и быстрей. А мы стояли как парализованные от удивления. Первым пришел в себя профессор Ковальский.

— Сделайте же что-нибудь! Мы не можем этого допустить! Подполковник! Майор! Послушайте! Сделайте что-нибудь!

Ничто не помогло. Одна за другой отпадали цепи. Как охапки хвороста, валились монтажные леса. А снаряд таял на глазах. Уже только каких-то два метра... метр... полметра. Уже только несколько сантиметров, и блестящая острая верхушка исчезла под землей. Осталась небольшая ямка и темное пятно на зеленом дерне.

И только. На этом в принципе можно было бы закончить всю эту историю. Теперь вы уже знаете ровно столько, сколько знаю я, сколько знают военные специалисты и гражданские ученые. Разъехались мы все заинтригованные и разочарованные. Коротким был этот мой отпуск. Нужно было возвращаться к письменному столу. Даже о пережитом я пока что не мог написать. Мне бы не разрешили. Но работы по выяснению всей этой истории отнюдь не прекратились. Вероятно, вырубают в пуще дорогу, подвозят специальные экскаваторы. Все-таки хотят вырвать у земли и скал их тайну. Сомневаюсь, очень сомневаюсь, чтобы им это удалось. Если все так, как я думаю,— а мне кажется, я не ошибаюсь,— то они никогда не вытащат обелиск. Может, спустя годы он сам вынырнет из глубин, как запрограммировали его конструкторы. Кто они? Не знаю. Откуда? Тоже не знаю. Знаю только одно, что мы имели дело с техникой, опережающей нас на столетие. Это было прекрасно запрограммированное информационное устройство. Ведь то, что я видел тогда на полянке, наверняка было попыткой передать мне какую-то информацию. Видимо, я не прореагировал как следует, и информатор, оценив, что наша цивилизация еще не доросла до использования знаний, которые он хотел передать, вернулся туда, откуда прибыл.

Но он вернется. Наверняка вернется. Откуда у меня такая уверенность? Дорогие мои! Просто так, ради забавы ничего не делается. Информационное устройство хочет передать что-то и передаст. Когда? Пока неизвестно. Может, через десять лет или через сто. Остается посоветовать вам: следите внимательно за газетами. Когда-нибудь вы узнаете, что это время пришло. Что где-то там, в лесах, вновь появился огромный серебристый обелиск. Гость из глубин. Из глубин пространства, а может, времени?

Перевод с польского *Ольги Бондаревой*

Рассказ опубликован в сборнике «Гость из глубин». Изд-во «Чительник». Варшава, 1979 г.

ДОНЭЛД УЭСТЛЕЙК

ПОБЕДИТЕЛЬ

Фантастический рассказ

Стоя у окна, Уордмен наблюдал, как Рэвел шел нз зоны.

— Подойднте,— сказал он репортеру,— сейчас вы увидnте «Стража» в действии.

Репортер обошел стол и прнстроился у окна рядом с Уордменом.

— Один из них?— спросил он.

— Верно,— довольно усмехнулся Уордмен.— Вам повезло,— добавил он,— даже еднничные попыткн побега — большая редкость. Может быть, он это делает радн вас?

Репортер забеспокоился.

— Разве он не знает, чем это закончится?— спросил он.

— Конечно, знает. Некоторые не верят, но лишь до тех пор, пока сами не попробуют. Смотрите!

Они оба уставились в окно. Рэвел шел не спеша напрямик через поле по направлению к роще. Вот уже ярдов двести отделяет его от границы зоны, и тут фигура его перегнулась в поясе, а еще через несколько ярдов он схватился руками за жнвот. Он пошатнулся, но продолжал двигаться вперед, все сильнее качаясь н корчась от болн. Преодолев почти весь путь до деревьев, он в конце концов рухнул на землю и неподвижно застыл.

Уордмен уже не чувствовал удовлетворения. Теоретнческая сторона «Стража» нравилась ему больше, чем практическое воплощенне. Вернувшись к столу, он соеднннлся с лазаретом н скомандовал:

— Пошлите носилкн на восток, к роще. Там Рэвел.

Репортер встрепенулся при упоминании этого нмени и спросил:

— Рэвел? Тот самый? Поэт?

— Если его писанину можно назвать поэзней,— губы Уордмена

скривились: он читал так называемые поэмы Рэвела,— чушь и галиматья.

Репортер опять посмотрел в окно.

— Я слышал, что он арестован,— задумчиво сказал он.

Глядя через плечо репортера, Уордмен заметил, что Рэвелу удалось приподняться на локтях и что он медленно и мучительно ползет по направлению к роще. Но санитары уже трусцой приближались к нему. Уордмен увидел, как они подбежали, подхватили обессиленное тело и, пристегнув его ремнями к носилкам, понесли обратно в зону.

Когда они скрылись из виду, репортер спросил:

— С ним все будет в порядке?

— Несколько дней проваляется в госпитале. Растяжение мышц.

Репортер повернулся спиной к окну.

— Это было очень наглядно,— осторожно заметил он.

— Вы первый человек извне, который увидел это,— ответил Уордмен. И улыбнулся, опять почувствовав подъем.— Как это у вас называется? Сенсация? «Бомба»?

— Да,— согласился газетчик, садясь в кресло.— «Бомба».

Они вернулись к интервью — одному из десятков, данных Уордменом за год со времени реализации экспериментального проекта «Страж». Уже, наверное, в пятидесятый раз он объяснял, в чем назначение «Стража» и его ценность для общества.

Основной элемент «Стража» — крошечный радиоприемник, миниатюрная черная коробочка, хирургически вживляемая в тело каждого заключенного. В центре зоны находится «Страж»-передатчик, постоянно посылающий сигнал этим приемникам. До тех пор пока заключенный находится в пределах стопятидесятиярдовой зоны действия передатчика, ничего не происходит. Но стоит ему выйти за пределы этой зоны, как черная коробочка, вживленная ему под кожу, начинает подавать его нервной системе болевые импульсы. Боль будет нарастать по мере удаления от передатчика до тех пор, пока не станет невыносимой.

— Вы видите, что узнику не скрыться,— продолжал Уордмен.— Даже если бы Рэвел добрался до рощи, мы нашли бы его. Его выдали бы крики боли.

Проект «Страж» был предложен самим Уордменом, в то время служившим помощником начальника обычной каторжной тюрьмы в Федеральной системе. Критика проекта — обычная дань сентиментальности — лишь на несколько лет отсрочила его утверждение, но сейчас, когда проект наконец-то принят с гарантированным пятилетним сроком, Уордмен поставлен руководить экспериментом.

— Если результат окажется положительным — а я уверен в этом,— то все тюрьмы Федеральной системы будут реорганизованы по проекту «Страж». «Страж» сделал побеги из тюрьмы невозможными, бунты — легкоусмиряемыми, стоит лишь на одну-две минутки выключить трансмиттер. У нас нет охранников как таковых,— подчеркнул Уордмен.— Нам нужны лишь вольнонаемные для кухни, лазарета и подсобных служб. По экспериментальному проекту в заключении содержатся только лица, совершившие преступления против государства, а не против частных лиц. Можете сказать,— со смехом предложил Уордмен,— что здесь собрана вся Нелояльная оппозиция.

— Вы имеете в виду политических заключенных? — переспросил репортер.

— Мы здесь не любим подобных выражений,— вдруг ледяным тоном отрубил Уордмен.— Это словарь Коммн!

Репортер извинился, поспешил закончить интервью, и Уордмен, опять пришедший в хорошее расположение духа, проводил его к выходу.

— Вы видите,— он по-хозяйски широко развел руками,— никаких стен, никаких пулеметов на вышках. Наконец-то у нас есть идеальная тюрьма.

Репортер еще раз поблагодарил за уделенное ему время и пошел к своей машине. Уордмен подождал пока тот отъехал и направился к лазарету навестить Рэвела. Но тому ввели наркотик, и он уже спал.

Рэвел расслабленно лежал на спине и смотрел в потолок. Ему не давала покоя мысль: «Кто мог знать, что это будет так больно?»

Мысленно он взял большую кисть и, обмакнув ее в черную краску, написал на белом, без единого пятнышка, потолке: «Я не знал, что это будет так больно».

— Рэвел...

Он слегка повернул голову и увидел Уордмена, стоявшего у койки. Тот сказал:

— Мне доложили, что вы проснулись.

Рэвел ждал, что будет дальше.

— Я пытался объяснить вам, когда вас только доставили,— напомнил Уордмен,— что попытки бежать не имеют смысла.

Рэвел разжал зубы и ответил:

— Все правильно, не расстраивайтесь. Вы делаете то, что положено делать вам, я же делаю то, что должен делать я.

— Не расстраивайтесь? — повторил удивленный Уордмен.— Почему это я должен расстраиваться?

Рэвел перевел взгляд на потолок, но слова, намалеванные им лишь минуту назад, уже исчезли. Если бы у него были бумага и карандаш! Слова утекали из него, как вода сквозь сито. А бумага и карандаш были нужны, чтобы удержать их. Он спросил:

— Мне дадут бумагу и карандаш?

— Чтобы опять писать непристойности? Конечно, нет.

— Конечно, нет,— эхом повторил Рэвел. Он закрыл глаза и ясно увидел струйку утекающих слов. Человек не способен на оба занятия сразу — и на творчество, и на запоминание. Он должен выбирать. И Рэвел уже давно выбрал творчество. Но сейчас он не мог записывать сочиненное, и оно утекало из памяти, как вода, растворяясь в огромном внешнем мире.

— Бейся, бейся, крошка — боль,— сказал Рэвел.— Сделать выбор не неволь. В схватке с телом покажи, что сильнее — ты иль жизнь?

— Боль проходит,— сказал Уордмен.— Минуло три дня, и она уже должна стихнуть.

— Она вернется,— возразил Рэвел. Широко открытыми глазами он взглянул на потолок, и прочитал на нем слова: «Она вернется».

Уордмен вспыхнул.

— Не будьте глупцом. Она ушла навсегда, если вы опять не попытаетесь бежать отсюда.

Рэвел молчал. Улыбаясь, Уордмен ждал ответа, но затем нахмурился.

— А вы не сбежите,— заключил он.

Рэвел посмотрел на него удивленно.

— Конечно, уйду,— возразил он.— Разве вы этого не знаете?

— Никто не хочет испытать это дважды.

— Я никогда не прекращу попыток. Разве вы этого не чувствуете? Я никогда не прекращу попыток. Я никогда не перестану верить, что я тот, кто я есть. Вы должны это знать.

Уордмен уставился на него:

— Вы хотите пройти через это опять?

— Опять и опять,— ответил Рэвел.

— Вы бравируете,— гневно погрозил пальцем Уордмен, добавив:— Если вы хотите умереть, я предоставлю вам такую возможность. Знаете ли вы, что если вас не вернуть в зону, то вы там и сдохнете?

— Это тоже побег,— возразил Рэвел.

— Так вы этого хотите? Ладно. Покиньте зону, и я никого не пошлю за вами, обещаю.

— И в этом случае вы проиграли,— ответил Рэвел. Впервые за весь разговор он посмотрел в глаза Уордмену, видя перед собой злое, глуповатое лицо.— Это ваши правила,— продолжал Рэвел,— и по вашим правилам вы проиграете. Вы говорите, что черная коробочка удержит меня здесь, но это не означает, что она меня заставит не быть самим собой. Я же говорю, что вы ошибаетесь. До тех пор пока я буду пытаться уйти, вы остаетесь в проигрыше, а уж если черная коробочка меня убьет, вы проиграете раз и навсегда.

Всплеснув руками, Уордмен вскричал:

— Что значит проиграю? Вы думаете, это игра?

— Конечно, вы этого и добивались.

— Вы сумасшедший,— сказал Уордмен, направляясь к двери.— Ваше место не здесь, а в сумасшедшем доме.

— Это тоже проигрыш,— закричал вслед Рэвел. Но Уордмен уже хлопнул дверью.

Рэвел откинулся на подушку. Теперь, в одиночестве, воспоминание о всепоглощающей боли нахлынуло опять. Он боялся черного кубика, причем теперь, когда он узнал его страшную силу, боялся его гораздо больше,— боялся до такой степени, что и сейчас страх сводил желудок. Но еще он боялся перестать быть самим собой, и этот умозрительный страх был тоже силен; нет, он был куда сильнее и поэтому гнал его прочь из зоны.

— Но я не знал, что это будет так больно,— прошептал он. Рэвел еще раз написал эти слова на потолке, теперь красной краской.

Уордмену доложили, что Рэвел пришел в норму, и Уордмен посчитал нужным встретить его у дверей лазарета. Рэвел выглядел чуть похудевшим, даже постаревшим. Поднеся ладонь ко лбу для защиты от солнца, он взглянул на Уордмена и сказал:

— Прощайте, Уордмен!— И пошел на восток.

Уордмен не поверил:

— Вы бравируете, Рэвел!

Рэвел шел вперед.

Уордмен не помнил себя от гнева, порывался догнать Рэвела н задушить его голыми руками. Но он только сжал кулакн, называя себя благоразумным, рассудительным и милосердным человеком. Также н «Страж» был благоразумным, рассудительным н милосердным. «Страж» требовал повиновения, как н Уордмен. «Страж» наказывал бессмысленное неповиновенне, Уордмен — тоже. Раз Рэвел действует антисоцнально, безрассудно, то его нужно проучить. Рэвела нужно проучить для его же собственной пользы н для пользы общества.

— Чего вы хотите добиться этим? — закрнчал вслед ему Уордмен. Ненавидящими глазами смотрел он на удаляющегося Рэвела, но ответом ему было молчанне. Тогда он крнкнул:

— Я никого не пошлю за тобой! Сам прнползешь!

Уордмен следил за Рэвелом, пока тот значительно не удалился от зоны, виляя во все стороны н шатаясь. Он уже прнближался к роще — жалкая, скрюченная фнгурка с опущенной головой на дрожащих ногах. Последний раз взглянув на нее, Уордмен заскрежетал зубами н вернулся в канцелярню заканчивать месячный отчет. За прошлый месяц — лишь две попытки побега.

Два или трн раза за все это время он выглядывал в окно. В первый раз увидел Рэвела далеко в поле, он полз к деревьям. Во второй раз его уже не было видно, нздали доносились только крики болн. Они очень мешали Уордмену сосредоточиться на отчете.

Ближе к вечеру он выглянул опять. Из рощи были слышиы слабые, но протяжные вопли Рэвела. Уордмен стоял, прислушиваясь, мрачио сжимая и разжимая кулаки. Ои пробовал заставить себя ие чувствовать жалости... Для его же, Рэвела, пользы его нужно иаказать. Минутой позже пришел госпитальиый врач и сказал:

— Мистер Уордмен, мы должны вернуть его.

Уордмеи кивнул:

— Я зиаю. Но я хочу убедиться в том, что он проучеи.

— Ради всего святого!— воскликнул врач.— Разве вы не слышите?

— Хорошо, верните его,— бесстрастно согласился Уордмеи.

Врач сорвался с места, ио тут крики стихли. Оии оба повернули головы к роще, прислушиваясь. Тихо. Врач побежал к лазарету.

Рэвел лежал, исходя криками. Ои мог думать только о боли и о необходимости стоиать. Но иногда, издавая самый душераздирающий вопль, иа долю секунды ои вспоминал о себе, и в эти доли секунды все-таки полз, дюйм за дюймом удаляясь от тюрьмы, так что за истекший час он продвинулся приблизительио иа семь футов. Теперь его голова и правая рука были видиы с проселочной дороги, пересекающей рощу.

С одиой стороны, он ие осознавал ничего, кроме боли и собственных криков. С другой стороны, окружающая действительиость полностью, даже навязчиво, вторгалась в его созиание: и травинки у самых глаз, и спокойствие леса, и стволы деревьев над головой. И иебольшой фургончик, остановившийся иа дороге рядом с ним.

У человека, вышедшего из фургоичика и склоиившегося над Рэвелом, было обветренное, морщинистое лицо. Одет он был в грубую фермерскую одежду. Он тряхнул Рэвела за плечо и спросил:

— Ты ранен, пареиь?

— Нна ввостооок!— простоиал Рэвел.— Ниа ввостооок!

— Ничего, если я подниму тебя?— спросил человек.

— Ддааа!— произительио закричал Рэвел.— Ввостооок!

— Я лучше отвезу тебя к доктору!

Боль не усилилась, когда фермер поднял его и уложил иа спину в кузове грузовичка. Он был иа оптимальиом расстоянии от трансмиттера, и боль уже достигла предела. Фермер сунул в рот Рэвела какую-то свернутую тряпку.

— Прикуси это,— посоветовал он.— Станет легче.

Легче ие стало, но кляп приглушил вопли. Он был благодареи и за это.

Рэвел осозиавал происходящее: езду в густеющих сумерках, фермера, иесущего его в дом, построенный в колониальиом стиле, ио внутри выглядевший как госпиталь, доктора, осматривавшего его. Оии обменялись с фермером несколькими фразами. Затем тот ушел, а доктор вериулся и опять посмотрел на Рэвела. Доктор был молодым человеком в белом халате, рыжеволосым и широколицым. Он выглядел взволнованным.

— Вы ведь из той тюрьмы?

Рэвел все еще стонал через кляп. Ему удалось конвульсивно

дериуть головой, что должио было озиачать утвердительиый кивок. Казалось, тысячи ледяиых игл воизились в грудь, а шею у плеч дерут напильииком. Кисти выламывало из суставов, наподобие того, как гурман за обедом дробит зубами крылышко цыплеика. В желудке — океан огня. С иего сдирают кожу, бритвами кромсают иервы, молотами размалывают мышцы. Какие-то пальцы изиутри выдавливают из орбит глаза. Но, иесмотря иа изощрениость пытки, иа совершеиство действия боли, оиа ие выключала мозг, сохраняя ясиым созиание. И ие было для него иикакого ии забытья, ии забвения.

— Сколько зверства в иных людях! — произнес доктор. — Я попытаюсь удалить эту штуку. Не зиаю, что из этого выйдет, — иам ие объясняли принцип их действия, — но я попытаюсь извлечь ее.

Ои отошел и вериулся со шприцем.

— Его там нет. Мы обыскали всю рощу.

Уордмеи удивленно уставился иа доктора, хотя и зиал, что тот говорит правду.

— Ладио, — сказал он. — Кто-то подобрал его. У иего был сообщиик, который помог ему бежать.

— Никто бы ие осмелился, — возразил доктор. — Тот, кто помог ему, сам попадет сюда.

— Тем не меиее, — ответил Уордмен, — я вызову полицию, — бросил ои уже иа ходу в канцелярию.

Через два часа позвоиили из полиции. Оии уже проверили тех, кто обычио ездит по этому проселку, местных жителей, которые могли бы что-либо видеть или слышать, и иашли фермера, который подобрал иедалеко от тюрьмы ранеиого и доставил к доктору Элииу в Буиитауи. Государствеииая полиция была убеждена, что в действиях фермера не было злого умысла.

— В отличие от доктора, — хмуро отметил Уордмеи, — тот должеи был понять все почти сразу.

— Да, сэр, я тоже так думаю.

— Но ои не доложил о Рэвеле.

— Нет, сэр.

— Вы уже послали за ним?

— Нет еще. Мы только что получили сообщеиие.

— Я хотел бы поехать с вами. Ждите меия.

Уордмен выехал в санитариой машине, чтобы забрать Рэвела. Не давая сигналов, оиа подкатила к дому доктора Элииа, сопровождаемая двумя полицейскими машинами. Оии ворвались в крохотную операциоииую, когда Элии уже мыл в тазу инструменты.

Уордмеи жестом показал иа человека, лежавшего без созиания иа столе в центре комиаты.

— Вот Рэвел, — сказал ои.

Элин удивлеиио взгляиул иа операциоииый стол:

— Рэвел? Поэт?

— Вы ие зиали? Почему же тогда вы помогли ему?

Вместо ответа Элии виимательно посмотрел в глаза вошедшему и спросил:

— Вы и есть Уордмен?
— Да, это я.
— Тогда, я думаю, это ваше.— И Элин вложил в руку Уордмена маленькую окровавленную коробочку.

Потолок оставался белым, несмотря на попытки Рэвела взглядом выжечь на нем слова... Когда в глазах зарябило, он прикрыл их и написал на внутренней стороне век паучьими буквами единственное слово: «*Забвение*».
Он слышал, как кто-то вошел в палату, но любое движение требовало такого усилия, что еще некоторое время он держал глаза закрытыми. Когда же он их все-таки открыл, то увидел Уордмена, с мрачным видом стоящего у изголовья койки.
— Как вы себя чувствуете, Рэвел?—спросил он.
— Я размышлял о забвении,— ответил Рэвел,— и писал поэму на эту тему.
Он уставился на потолок, но там ничего не было.
— Вы просили... Вы однажды просили карандаш и бумагу. Мы решили, что вам их можно дать.
С внезапной надеждой Рэвел посмотрел на Уордмена, но потом до него дошел смысл его слов.
— Ах, вот что,— сказал он.
Уордмен нахмурился и спросил:
— Чего же еще? Я же сказал, что вам дадут карандаш и бумагу...
— Если я пообещаю больше не уходить.
Руки Уордмена сжали спинку кровати.
— Что с вами случилось? Ведь вам не уйти, теперь вы это знаете.
— Вы хотите сказать, что мне не выиграть. Но я и не проиграю. Это ваша игра, ваши правила. Если мне удастся свести игру вничью, то и это будет неплохо.
— Вы все еще думаете, что это игра,— сказал Уордмен.— Вы думаете, что все это несерьезно. Хотите посмотреть, что вы наделали?
Он подошел к двери, открыл ее, махнул кому-то рукой, и в комнату вошел доктор Элин.
— Вы помните этого человека?
— Помню,— ответил Рэвел.
— Его только что доставили,— продолжал Уордмен.— Примерно через час ему вживят коробочку. Вас это радует, Рэвел?
Глядя в глаза Элину, Рэвел сказал:
— Простите меня!
Элин улыбнулся и покачал головой:
— Не нужно. Мне казалось, что громкий процесс может помочь избавить мир от таких штучек, как «Страж». Но,— он кисло улыбнулся,— процесс не был громким.
— Вы оба слеплены из одного теста,— вмешался Уордмен.— Только и думаете об эмоциях толпы. Рэвел досаждает всем своими так называемыми поэмами, Элин—своей речью на суде.
Рэвел спросил у доктора, улыбаясь:
— О, вы произнесли речь? Сожалею, что не мог ее слышать.
— Она не была блестящей,— ответил Элин.— Я не рассчитывал,

что суд продлится только один день, и у меня не было времени подготовиться.

— Ладно, достаточно,— прервал их Уордмен.— Поболтаете потом, у вас впереди годы.

У двери Элин повернулся и сказал:

— Пожалуйста, не уходите, пока я не встану на ноги после операции.

— Вы хотите в следующий раз уйти вместе? — поразился Уордмен.

— Конечно,— ответил Элин.

Перевод с английского
Павла Каплуна

ФАКТЫ ДОГАДКИ СЛУЧАИ

ФАКТЫ ДОГАДКИ СЛУЧАИ

ЗЕМЛЯ: ВЗГЛЯД ИЗ КОСМОСА

Было время, которое называли эпохой Великих географических открытий. Благодаря космонавтике, развитию космических исследований Земли и Вселенной, нам кажется, нужно говорить о веке космического землеведения, которое позволит нам открыть много нового. Мы вступаем в эру великих космических открытий в природе.

А ведь, когда ушли в полет первые космические корабли, естествоиспытателям, занимающимся земными природными процессами, и даже тем из нас, кто владел различными дистанционными аэрологическими методами изучения Земли, космонавтика представлялась областью физико-математических и технических наук. Тогда мы еще плохо представляли, что космические полеты окажут такое существенное воздействие на естественные науки. Прошло совсем немного времени, как мы осознали громадное значение космических исследований для современной географии, геодезии и картографии, геологии, метеорологии, океанологии, изучения водных ресурсов, исследования растительного покрова, агрономии, экологии и многих других направлений научной и хозяйственной деятельности. Словом, результаты полетов космических аппаратов — и пилотируемых, и работающих в автоматическом режиме — существенно влияют на все науки о Земле.

Большая обзорность поверхности Земли из космоса и одновременность наблюдения ее при различных физических состояниях открывают исследователю ряд новых явлений. Появилось прежде всего то, что мы называем ныне эффектом интеграции признаков, т. е. при наблюдении из космоса отдельные, разрозненные элементы на поверхности Земли приобретают определенную закономерность в размещении. Появилась возможность как бы просматривать глубины суши и океана из космоса. Существенное значение для исследований имеет возможность одновременно наблюдать быстро протекающие процессы в атмосфере, гидросфере, почвенно-растительном покрове Земли. Все это создает самые благоприятные предпосылки для развития естествознания, с использованием методов дистанционного зондирования Земли из космоса. Естественные науки обретают новый характер, так как космонавтика дает новые методы познания, открывает новые горизонты развития науки, позволяя перейти от описательного фиксирования фактов и явлений к точным качественным и количественным оценкам. Мы теперь вправе говорить о космическом природоведении и космическом землеведении.

Новый этап развития естествознания не случаен. Он подготовлен всем ходом развития науки и техники. В целом усло-

Вынос мутных вод в Черное море. Снимок может быть использован для оценки поступления наносов

вия перехода естествознания в новое состояние можно сформулировать следующим образом:

1. Человек и созданная им аппаратура для исследования вышли за пределы Земли; планомерно осваивается околоземное космическое пространство, регулярно посылаются аппараты к другим планетам. Появилась возможность обозрено осмотреть Землю со стороны, охватив ее одним взглядом. Стало ясно, как мала наша Земля во Вселенной и как неравномерно освоена она человеком, как ранима природа и как важно теперь новое развитие естествознания.

2. В свою очередь уровень развития естественных наук стал ныне иным. Естественные науки давно уже перешли от инвентаризации и описания отдельных явлений и процессов природы к установлению общих для данной науки законов развития природного объекта. Резко возросло количество приборов в науках о Земле, и все больше информации выражается числом и мерой.

3. Информация, получаемая подобным путем, достигает такого объема, что может обрабатываться лишь новыми автоматизированными средствами, с применением математических методов. Это позволяет быстро оперировать большими объемами знаний.

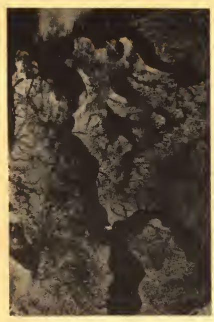
4. Человечество все отчетливее осознает ограниченность природных ресурсов планеты и вместе с тем испытывает всевозрастающую потребность в них. Отсюда необходимость брать от природы так, чтобы, максимально удовлетворяя потребности, наносить ей при этом минимальный ущерб.

Все это, вместе взятое, выдвигает перед естествоиспытателями новые задачи, заставляет осмыслить современный этап прогресса естествознания на новом рубеже развития человеческой мысли. Нам представляется, что пора поднять на новый уровень наши науки о Земле, и в частности такую комплексную науку, как землеведение.

Ранее под этим понимался раздел физической географии, изучающий географическую оболочку Земли в наиболее общих особенностях ее состава, структуры и развития. Однако значительный прогресс естественных наук в конце прошлого — первой половине нынешнего столетия привел к их большой дифференциации, нарушив связи внутри наук. Естествознание лишилось возможности рассматривать многие земные явления в целом. А ведь наша планета развивалась на протяжении 3,5 млрд. лет как единое целое — с ее атмосферой, гидросферой, литосферой и биосферой. Космический обзор Земли позволил нам рассматривать природные тела и явления как единое целое во взаимосвязи и взаимообусловленности естественных процессов, т. е. позволил снова вернуться к землеведению, но уже на новой основе — к космическому землеведению. Под этим мы понимаем раскрытие космическими методами природных процессов Земли в их взаимосвязи, взаимообусловленности, диалектическом единстве и противоречии.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что космическое землеведение предполагает единство дистанционных и контактных методов. Явления, установленные из космоса, должны быть непременно подтверждены на Земле. В приложении к изучению природных процессов на Земле в обиход вошел довольно емкий термин — «наземно-космическая этажерка». Он включает в себя комплекс исследований Земли из космоса, с высотных и низколетающих аппаратов, а также дешифрирование полученных изображений, при необходимости сопровождающееся геофизическими и буровыми исследованиями глубин континента, а для океана — комплексом глубинного зондирования водной оболочки.

Космическое землеведение — это не космическое природоведение. Последнее мы понимаем как науку более широкую, включающую в себя не только Землю, но и всю природу в целом. Космическое

Обская губа. Благодаря четкому изображению гидрографической сети снимок может использоваться для уточнения общей площади бассейна водосбора, густоты и протяженности сети малых рек

землеведение, как нам представляется,— одна из фундаментальных наук о земных процессах, направленных в конечном итоге на удовлетворение нужд человечества.

Как и у любой науки, у космического землеведения свои методы и цели исследований. Как уже говорилось, главный метод космического землеведения— сочетание всего многообразия дистанционных методов с наземными исследованиями.

Цели новой науки представляются нам в общем виде следующими.

Интеграция закономерностей всех естественных наук о Земле (космической геологии, океанологии, географии, экологии и т. п.) для установления закономерностей общих процессов, происходящих в атмосфере, гидросфере, литосфере, биосфере Земли, раскрытие взаимосвязи и взаимообусловленности этих процессов и явлений. Бесспорно, что в дальнейшем формулировки целей, задач, как и сами методы исследования, будут уточняться и развиваться...

Мы не только начнем понимать взаимосвязь между природными явлениями на Земле, но и ранжировать (классифицировать) их по степени важности, взаимозависимости и приоритетности.

Можно было бы привести немало примеров этой взаимосвязи и взаимозависимости. Опираясь на свой геологический опыт, я ограничусь одним примером зависимости геологического строения рельефа, почв, растительности, водного режима поверхности от глубинных процессов в недрах Земли.

Уже давно установлено, что литосфера Земли имеет глыбовое строение, состоит из отдельных блоков разного ранга. Глыбовые поднятия, возникшие в результате глубинных тектонических процессов, определяют геоморфологические особенности поверхности Земли, ее рельеф, почвенный и гидрологический режим, а вслед за этим — распределение растительности и биогеоценозов. Это прекрасно выражено во взаимосвязи растительного покрова Земли с почвенными, гидрологическими и геологическими структурами каждого крупного блока Земли. Такая зависимость доказана для Субарктики, тайги Сибири, пустынь Средней Азии, равнин европейской части страны. Причинно-следственная зависимость между двумя диалектически противоречивыми процессами — глубинными эндогенными, происходящими в недрах Земли, и процессами, обусловленными климатическими условиями, которые отражаются в характере рельефа, в почвах, во влажности, растительности,— устанавливалась и ранее. Но особенно ярко выявляется она при космических исследованиях.

Например, на карте разломов хорошо видно, что гидрографическая сеть континентов — прямое следствие глубинных геологических процессов в недрах планеты. Русла рек, особенно крупных,— это отражение разломной тектоники Земли. Все крупные реки текут по законам разломов. В некоторых разломных зонах располагаются сейсмоактивные районы. Многие крупные озера возникают на месте опусканий крупных блоков. Горы — результат интенсивных тектонических процессов, складчатости и поднятий, т. е. глубинных процессов. Значительные площади равнин, а иногда и болот образуются на отдельных блоках Земли, имеющих длительное устойчивое положение.

Рельеф Земли обусловлен взаимодействием внешних и внутренних сил планеты. Климатические условия, накладывающиеся на рельеф, влияют на распределение влаги, растительности, т. е. на то, что называют ландшафтом.

Связь между геологическим строением отдельных участков Земли, обусловленная геологическими процессами, рель-

Центральная Камчатка.
Хорошо видна гидрологическая сеть и крупные разломы земной коры. Снимок использован для выявления геологических структур района

ефом поверхности, созданым сочетанием эндогенных и экзогенных процессов в определенных природно-климатических зонах, распределением воды и суши, распространением растительного и животного мира, в общем виде известна давно. Но на открытие ее ушло несколько десятилетий работы больших коллективов естествоиспытателей, а космический взгляд, космические изображения дают возможность осознать эту закономерность за несколько десятков витков вокруг Земли. Теперь эту общую закономерность связи различных элементов поверхности нашей планеты нужно разрабатывать, детализировать и внутри ее искать новые количественные и качественные закономерности на новой основе космической информации, в виде фото или другого изображения всех этих элементов ландшафта.

Не исключено, что вскоре мы обнаружим связь между физическими свойствами Земли и распределением атмосферных явлений на ее поверхности. Статистические данные о частоте повторяемости облачности разной степени интенсивности в определенных частях Земли — пустынях, полярных и горных областях и даже зонах разломов и зонах с аномальной гравитацией — уже начинают накапливаться. Выявление связей атмосферных явлений с геологическими структурами и климатическими законами вполне вероятно, так как космические исследования позволяют изучить одновременно и быстро протекающие процессы, а автоматизированные системы обработки позволяют оперативно обрабатывать большие массивы информации.

Примеров, доказывающих пользу космических методов изучения Земли, достаточно. Пора от отдельных примеров переходить к планомерным комплексным исследованиям природных явлений и процессов. Нам представляется, что здесь открываются большие возможности. Автоматизированная обработка космических изображений с применением математических методов позволяет выразить математическим языком соотношение между различными элементами лика Земли и показать роль геологических, геоморфологических, биогеологических и других процессов, которые создали современную поверхность Земли. А от количественных оценок того или иного природного явления на поверхности мы можем переходить к оценке скорости его прохождения и продолжительности, т. е. в конечном счете получить уравнения природных процессов, раскрыть их закономерность, наметить прогнозы.

Такой представляется мне главная цель космического землеведения. Я, как геолог, рассматривал новое направление в естествознании — космическое землеведение — главным образом с позиций геолога, искал связь между геологическими, почвенными, биологическими процессами. Но возможна постановка и других, не менее крупных и важных задач. Опыт указывает на необходимость разработки космических методов в приложении к сельскому хозяйству, мелиорации, рыбному хозяйству.

Космическое землеведение видится мне как наука, состоящая из двух-трех ярусов знания, в основании ее классические земные науки — геология, география, экология, океанология и т. д. На следующем этапе эти науки приобретают космические методы, становясь космическими геологией, географией, экологией и океанологией. Интеграция выводов этих отдельных космических земных наук даст новое научное направление — космическое землеведение, которое становится вершиной пирамиды наук о Земле.

Закончить я хочу тем, с чего начал. Приступая к освоению космоса, мы считали, что это прежде всего техническая проблема, но время показало: космонавтика — не только дитя НТР. Космонавтика сама положила начало революции в

Очаги лесных пожаров и выгоревших участков растительности в Западной Сибири. Снимки со спутников системы «Метеор», опубликованные в журнале «Природа», № 11, 1980 г.

естествознании. Таким образом, на новом этапе сливаются в единый процесс познания технические и естественные науки, и в этом нам видится большое будущее развития человеческой мысли.

Космонавтика почти во всех направлениях человеческого знания производит ныне такие коренные изменения, что есть все основания говорить о космической революции в технике и науке. Мы, вероятно, еще не в полной мере осознали тот новый этап познания, на который выводит нас космонавтика, и не сделали еще соответствующих выводов.

Александр Сидоренко,
академик

КОРОТКО О РАЗНОМ

Четвероногие вездеходы

В министерстве, отвечающем в Индии за почтовые перевозки, предусмотрены статьи расходов на комбикорма, сено, ветки деревьев и каменную соль. Дело в том, что в труднодоступные районы страны доставка писем и посылок невозможна с помощью железнодорожных вагонов или автомобилей. В джунглях, горных и пустынных районах эта работа поручена живым вездеходам — слонам, верблюдам и мулам. И они перевозят почтовые грузы, которые по общему весу соперничают с теми, что перевозятся механизированными средствами транспорта.

Снова о падающей башне

Несмотря на огромное количество проектов по выпрямлению падающей Пизанской башни, ни один из них до сих пор не одобрен. О судьбе этого сооружения высказываются самые различные мнения. Некоторые специалисты считают, что положение ее стабилизировалось. Другую мысль проводит профессор Паоло Брунетто. Он утверждает, что башня обрушится через 23 года и 8 месяцев. Его диагноз базируется на самых последних измерениях скорости наклона башни за год.

СИБИРЬ НЕФТЯНАЯ И ГАЗОВАЯ

В окрестностях Тюменн высится старая буровая вышка, поставлениая еще в первые послевоенные годы. Для иефтяников это дорогая реликвия — начальная веха на долгом н архитрудном пути к нефти Снбнрн. С нее, бабушкн нынешней буровой техники, и зарождалась главная нефтяная база Страны Советов.

Советский Союз ныне одна нз нефтяных держав мира. За этим фактом — огромные усилия людей. Полезно вспомнить, что еще в 60-х годах СССР почти вдвое отставал от США по объему добычн этого ценнейшего энергетического сырья, однако в 1974 г. пронзошла смеиа мнрового лидера в нефтедобыче.

Уже много лет подряд советская иефтяная промышленность отличается устойчивостью роста: к 1980 г. она дала более 600 млн. т. нефтн с газовым конденсатом.

Вряд ли найдется другой вид сырья, добыча которого была бы столь эффективной н важной для общества. Затраты, даже весьма значительные, здесь быстро окупаются. А повышение удельного веса нефтн н газа в энергетическом балаисе страны, по данным академнка А. А. Трофнмука, на 1% приносит годовую экономию примерно в миллиард рублей.

Наиболее примечательная черта нефтяной индустрнн — освоенне новых месторожденнй. Заглянем в статистический справочник за 1964 год: в нем еще не зафнксирована добыча нефтн в таких ныне широко нзвестных районах, как Западная Снбнрь, полуостров Маигышлак в Казахстане, Удмуртия, Белоруссия. А ведь сейчас это нзвестные нефтяные центры страны.

И конечно, понстине «черной жемчужиной» в нашей нефтяной короне следует считать Снбирь. Открытие снбнрских иефтяных месторождений стало заметным событием шестидесятых годов. Печать — советская н зарубежиая — уделяла много внимания новым иефтегазоносным провинциям, не скупясь на щедрые прогнозы и громкне эпитеты.

К началу восьмидесятых годов, например, в Западной Снбирн геологн знали уже о двухстах месторожденнях жидкого н газообразного углеводородного сырья. И чнсло находок продолжало расти.

Миенне специалистов единодушно: все открытые месторождения уднвительны и на редкость щедры. Например, наиболее · крупное из них — Уренгойское — отличается нсключительной мощностью газового пласта. Причем газ всюду очень высокого качества, без вредных прнмесей.

Столь же высококачествен н газовый конденсат. Сама прнрода создала здесь, в промерзшнх недрах земли, некое подобне завода по выработке готового топлива. Газовый конденсат можно заливать в топливные баки тракторов, н дизели работают. Это настоящая арктическая солярка высшего класса, которая не замерзает даже при сильнейшнх морозах.

Бурение скважин идет и в пургу, и в крепкий мороз

Но самое замечательное, думается, даже не эти уже известные богатства, а обещающие возможности сибирских недр.

Геологи уверяют, что тут находится значительная часть всех прогнозируемых нефтяных и газовых ресурсов страны. Поясним: прогнозируемых — значит тех, которые могут быть открыты в обозримом будущем. Запасы тюменского газа оцениваются астрономической цифрой, счет идет на десятки триллионов кубических метров. Такие редкостные месторождения, как Уренгойское, Медвежье, Заполярное и Ямбургское, во всем мире по праву называют «звездами» первой величины. А ведь пока почти все открытые месторождения приходятся на мезозойские отложения, которым лишь 100—185 млн. лет.

Первые же глубокие скважины, пройденные на юге Западной Сибири, распахнули неведомые нефтедобытчикам палеозойские отложения: их возраст превышает 300—400 млн. лет. Здесь тоже есть нефть!

Особенно приметно междуречье Лены и Енисея в Восточной Сибири, где поисковые работы только начались.

О столь редкой нефти не смели мечтать и самые оптимистически настроенные патриоты Сибири. Однако даже тогда, когда не прошли еще первые восторги и удивления, специалистам-нефтедобытчикам, экономистам и транспортникам стало ясно: появились проблемы, с которыми раньше нефтяной промышленности СССР сталкиваться не приходилось.

У экономистов-географов есть термин — «транспортная освоенность территории». Ученые пользуются им, когда хотят сказать о состоянии транспорта в данном регионе. Сколько километров дорог приходится на квадратный километр территории? Каково среднее количество машин на такую же единицу площади? Сколько мастерских, гаражей, заправоч-

ных баз, складов и тому подобного? Все это учитывает ТОТ — показатель транспортной освоенности территории.

В Западной Сибири, особенно на севере Тюменской области, этот показатель был близок к нулю: не было почти ничего, что могло бы относиться к современному транспорту. Более того, впору было задуматься: а возможен ли он там вообще? Тюменские болота могли бесследно поглотить все транспортные средства.

На Западно-Сибирской равнине, в Среднем Приобье, где великая сибирская река Обь на протяжении нескольких сотен километров протекает почти в широтном направлении, природа и разместила свои скрытые кладовые. Места эти далеко не самые удобные для освоения: топи и непролазная болотная тайга, реки, озера, а местами и вечная мерзлота окружают нефтяные месторождения.

Что такое знаменитый Самотлор? В болотистом крае затерялись озеро и клочок земли, под которым нефть. Так и на любом другом месторождении: островок суши и трясина вокруг на десятки километров.

В таких природно-климатических условиях никому еще не приходилось организовывать крупномасштабную добычу «черного золота». В других районах СССР нефтепромыслы создавались на твердых, незаболоченных почвах.

Весной паводковые воды Оби и ее притоков затопляют огромные площади. Когда в это время летишь на вертолете, то незатопленные участки выглядят редкими островками в бескрайнем море. Надо еще учесть, что Среднее Приобье входит в зону Сибирского Севера. Зима здесь длится полгода. Морозы иногда доходят до 50°. Дуют обжигающие холодом северные ветры, часты обильные снегопады, пурга, туманы, способные на несколько дней приостановить транспортное сообщение.

На нефтяных полях Западной Сибири суровой, жесткой зимой порой неделями давит лютый мороз. Воздух становится густым, искрящимся туманом. Металл делается ломким и хрупким, как кусок сахара,— стукни посильнее молотком, он рассыплется или покроется трещинами.

Летом же тайга и болота кишат полчищами жалящих насекомых, окрещенных сибирскими старожилами емким собирательным словом «гнус». Иначе говоря, люди, которым пришлось осваивать нефтяные месторождения Среднего Приобья, попадали в особые, экстремальные условия.

Необычными оказались также демографические и экономико-географические условия хозяйственного освоения Среднего Приобья. Во-первых, до середины шестидесятых годов оно было очень слабо заселено, и, чтобы превратить его в нефтяной край, нужно было переместить сюда сотни тысяч человек из других районов СССР, а следовательно, построить для новоселов города и поселки. Во-вторых, люди столкнулись с бездорожьем: не было ни железных, ни автомобильных дорог на протяжении сотен и тысяч километров. В первое время пришлось использовать тракторы, бульдозеры, даже экскаваторы для перевозки грузов. Ведь доставлять их можно было только зимой, когда болотную трясину сковывал лед. Но и то не везде, и то с опаской: скованная морозами топь под тяжестью могла разверзнуться. Ледяная твердь порой не выдерживала тяжести машин, и болота «заглатывали» тракторы, автомобили, перевозимые на них строительные материалы, оборудование, продукты. Иногда машины погружались на глубину до 12 м. Вездеходы же в массовых грузоперевозках экономически невыгодны.

Кое-где выручали реки, но осваивать надо было территории, превосходящие иногда по размерам некоторые европейские государства. Единственным видом магистрального транспорта длительное время оставался водный. Однако навигация на сибирских реках коротка — пять, в лучшем случае шесть месяцев в году, да к тому же часть месторождений удалена от водных путей.

Авиация хоть и помогала перевозить грузы, но это слишком дорогой вид транспорта для таких целей.

И еще одна трудность выявилась в ходе освоения месторождений: Среднее Приобье удалено от промышленных центров, поэтому очень большой и долгий путь проделывали нефтяное и другое оборудование, строительные конструкции и детали, потребительские товары. От долгой дорожной тряски грузы часто портились, выходили из строя. Так, например, буровые станки пришлось доставлять из Закавказья, Поволжья, преодолевая расстояния в 3—5 тыс. км. А для того чтобы направить сибирскую нефть потребителям, нужно было построить трубопроводы протяженностью 2 тыс. км и более. Эти стальные артерии прокладывались через болота, многочисленные реки.

Сказывалось и отсутствие опыта хозяйственной деятельности в подобных условиях. Действительно, здесь, в Тюмени, задача освоения нефтяных полей оказалась сродни проблеме освоения иной планеты: нужна была другая техника, другие способы строительства дорог, другие методы добычи. В СССР еще не было налажено массовое производство машин, конструкционных материалов и

Мыс Харасавей, теплоход в ожидании разгрузки

других технических средств в «северном исполнении». Поначалу пришлось эксплуатировать в суровых природно-климатических условиях Среднего Приобья обычную, стандартную технику.

Все это, естественно, создавало ряд трудностей при хозяйственном освоении территории. Они сказались прежде всего в строительстве. В обжитых, старых нефтяных районах СССР — на Урале, в Поволжье, на Северном Кавказе, в Азербайджане — развитая транспортная сеть, а также относительно мягкие природно-климатические условия позволяли вести строительство промысловых объектов в течение всего года.

А на Среднем Приобье строительный сезон сперва длился всего три-четыре месяца. В лютые морозы не выдерживала техника: не заводились двигатели, раствор застывал в бетономешалках, резиновые шланги разбивались, как стеклянные. Сложно было наладить и эксплуатацию новых месторождений. Зимой, когда нельзя было вывозить нефть по реке, а магистральных трубопроводов еще не было, приходилось перекрывать скважины и они месяцами бездействовали.

Многие стандартные технологии оказались малоподходящими для необычных условий Среднего Приобья: они приводили к перерасходу средств. Пришлось начать поиск новых решений.

На болотных просторах Западной Сибири сначала робко, затем все увереннее загудели, зарычали снегоболотоходы — гибриды автомобиля и вездехода. Поднимая облака снежной крупы, поплыли платформы на воздушной подушке. Им не страшны ни топь, ни водная гладь, которые неодолимы для обычных машин. Специальные сухопутные платформы на воздушной подушке перевозят целые буровые вышки и домики для нефтедобытчиков.

Появился новый транспорт, позволявший иногда обходиться вообще без дорог в обычном смысле. Но совсем не строить дорог, конечно, было нельзя. Каждый километр шоссе по болотной земле обходился в 500—600 тыс. руб.! Деньги, что и говорить, немалые. К сожалению, дороги очень быстро выходили из строя. Тяжелые автомобили, морозы и дожди за три-четыре года полностью разбивали покрытие.

Приходилось постоянно «латать» шоссе, ремонтные бригады работали круглый год — и не справлялись. Когда едешь на автомобиле возле Нижневартовска или Сургута, недобрым словом вспомина-

ешь строителей. Ухабы и рытвины в отдельных местах, как на проселочной дороге. А каков же выход?

Настоящие, капитальные пути строятся в Западной Сибири не спеша, но основательно и надолго. Между Тюменью и Сургутом всего семьсот километров. Чуть больше, чем между Москвой и Ленинградом. Но почти вся трасса окружена болотами. А примерно двести километров она тянется по непроходимой зеленой топи. Но в 1976 г. гудок тепловоза услышали жители Нижневартовска — пришел первый поезд с грузами для нефтяников.

В день коммунистического субботника 17 апреля 1976 г. путейцы-строители уложили первый километр пути на север от Сургута. А 19 апреля 1980 г., тоже в ленинский субботник, монтировались рельсы на станции Тарко-Сале. Между двумя этими событиями лежат четыре года и... путь длиной 500 с лишним километров.

На следующий день, 20 апреля, в Тарко-Сале прибыл первый железнодорожный состав. За празднично украшенным тепловозом бежали два пассажирских вагона, четыре цистерны с дизельным топливом, одиннадцать вагонов с разборными домами, две платформы с гравием. Да еще восемь вагонов с продуктами. Так что пробный поезд, который ранним утром разбудил протяжным гудком жителей поселка, имел вполне солидный вес — полторы тысячи тонн. Через несколько месяцев такой же полновесный поезд пришел к новой станции Уренгой.

Дорога сразу же начала оплачивать те огромные капиталовложения, которые государство вложило в развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Вот только две цифры: если перевозка одной тонны промышленного оборудования по линии Тюмень — Сургут стоит пять рублей, то автомобильным транспортом — триста пятьдесят!

Огромные деньги экономит железная дорога в Западной Сибири. А можно бы, видимо, сэкономить и больше. Разве традиционная железная дорога — лучший транспортный вариант для края сплошных болот? И уже зреет идея дороги не совсем обычной. В Норильске и других северных городах дома стоят на сваях, а не на фундаменте. Так же проложены и трубопроводы. Почему бы на опорах, по воздуху, не протянуть нитку железной дороги? Монорельс? Быть может, тогда не придется возводить многокилометровые насыпи-плотины?

Упорство, мужество, изобретательность позволили сделать, казалось бы, невозможное — быстро и масштабно начать освоение нефтяных полей Тюмени. Но никакая изобретательность, понятно, не могла избавить от весьма значительных расходов — она их только сократила. Ведь начинать приходилось буквально с нуля во всем.

Да, новую Сибирь невозможно представить без нефти Самотлора. Это молодое месторождение известно всей стране. Никогда еще нефтяные ресурсы не осваивались столь быстрыми темпами. Первая поисковая скважина обнаружила нефть в 1965 г.

Она-то и позволила сибирякам перешагнуть... сразу через десять лет. Именно такой долгий срок требовали все операции по доскональной разведке, утверждению запасов, составлению схемы разработки.

Молодые нефтедобытчики Сибири не стали тратить годы. Они знали, что обнаружено перспективное месторождение. И уже через три года с небольшим Самотлор начал работать на народное хозяйство.

Трудно достался Самотлор, очень трудно. Под болотными топями, под таежным буреломом, под водной гладью большого озера лежала его нефть. Чтобы обогнать время, нефтедобытчики в морозном январе вырубили во льду промерзшего озера «окно» размером сто на сто метров, убрали горы льда и ила, пока не дошли до твердого грунта, наконец, засыпали котлован песком. Весной получился остров. Первый искусственный остров для буровой возвышался над водной гладью в полутора километрах от берега.

Теперь по озеру проложены, будто стрелы, бетонные дороги. По ним проезжают машины, спешат на работу люди. И все эти постройки кажутся обычными, будничными, к ним привыкли, как привыкают ко всему хорошему, удобному.

Бетонное кольцо автомагистрали тугим поясом охватило озеро Самотлор. К дороге подступает изумрудный моховой ковер, напоминающий строгий, подстриженный газон. Только на сибирском «газоне» не увидишь таблички «Ходить запрещается». Об этом и так знают все — ведь под зеленым ковром — трясина.

Лишь на сухих островках стоят пышные леса, около них — серебристые диски нефтехранилищ, штабели труб, оборудование, которого раньше не было у нефтяников страны. Путевку в жизнь ему дала Сибирь, Самотлор. Здесь зародилась новая, сибирская технология добычи. Местные условия подсказали очень важное инженерное решение: наклонно направленное бурение. Сложности при устройстве людей в суровом болотном краю потребовали максимальной автоматизации добычи, транспортировки горючего.

Однако самым главным, что дал Самотлор, был опыт. Опыт, который позволил всему сибирскому нефтегазовому гиганту расправить крылья и приступить к современному освоению новых месторождений, не боясь ни морозов, ни болот, ни бездорожья.

Промыслы нефти и газа в Сибири особые.

Бурение по старинке требовало густого леса нефтяных вышек, который просто не мог расти в болотном море Тюмени. Инженеры решили в одной точке бурить несколько наклонных скважин, которые пучком стальных жал вопьются в нефтяной пласт.

Так не было? Значит, будет! И в Сибири тысячи скважин оборудовали по-новому, «как в Тюмени». На молодые промыслы Западной Сибири за опытом стали приезжать буровики из старых нефтедобывающих районов страны.

Заново был найден способ строительства насосных станций, компрессорных и сепарационных установок и некоторых других важных промысловых объектов.

Станции, установки и оборудование теперь полностью собирают на заводе и уже готовыми, в едином блоке, перевозят по реке на стройплощадку нового промысла. Преимущества блочно-комплектного метода оказались настолько очевидными, что ныне все месторождения оснащают именно так. Промысел собирают, будто из кубиков, быстро и без дополнительных затрат. Сберегаются немалые государственные средства, а главное, резко сокращаются сроки освоения месторождений. Страна быстрее получает нефть.

Большой выигрыш во времени и в средствах дала и новая планировка коммуникаций на промыслах. В единый транспортный коридор ровными, параллельными рядами собраны трубопроводы, линии связи и электропередач — все жизненно важные артерии промысла. Компактность очень важна в таежном краю.

По-новому разместили технологические объекты. Например, если раньше замерная установка контролировала работу лишь нескольких скважин, то теперь она обслуживает сразу полтора десятка. По крупицам, по зернышку повышалась эффективность эксплуатации технологического оборудования.

Еще пример: отделение от нефти попутного газа, поддержание внутрипластового давления, удаление воды из нефтегазоводной смеси — это тоже жизненно важные циклы промысла. Они — как работа почек или сердца в организме человека.

И здесь небольшие вроде бы изменения в технологии позволили использовать огромный напор внутрипластового давления, который прежде теряли впустую. Так удалось «сэкономить» крупную насосную станцию.

Промышленный пейзаж менялся на глазах. Теперь не увидишь возле каждой скважины насосной станции, огромного сепаратора. Оборудования осталось мало, в пятнадцать раз меньше, чем прежде!

Не так людно стало на промысловых площадках: десятки скважин обслуживает лишь один оператор. Вот главная цель всех «модернистских» начинаний в Западной Сибири — повышение производительности труда!

Все стадии сбора, транспортировки и обработки нефти отданы во власть автоматизированной системы управления производством. Достаточно нажать клавишу на панели, как электронно-вычислительная машина даст всю оперативную информацию. Например, установка «Рубин» полностью заменила людей при сдаче нефти в магистральный трубопровод. Она не только замеряет количество очищенного продукта и определяет содержание воды и солей в нем, но и возвращает нефть на повторную подготовку, если что-нибудь не соответствует нормативам. Все операции «Рубин» завершает выдачей аккуратной квитанции о количестве и качестве сданной нефти.

В штатных расписаниях нефтепромыслов появились новые должности: математики, программисты, специалисты по системотехнике, технической кибернетике, вычислительной технике. Обслуживают они десятка два ЭВМ третьего поколения.

Создатели новой, сибирской технологии подумали и о том, как заменить единичные автоматы и измерительные приборы на целые комплексы. Чтобы и их собрать в единый блок прямо на заводе. Чтобы число рабочих на строительной площадке еще больше уменьшилось, а сроки монтажа сократились.

Научно-технический прогресс своей властной рукой урезал капитальные вложения на освоение месторождений более чем на треть. Вдумайтесь, что стоит за этой цифрой, если ежегодные вложения государства в сибирскую нефтепромышленность доходят порой до нескольких миллиардов рублей. Только на одном Самотлоре научно-технические новинки сберегли государству сотни миллионов.

Все эти новшества, помноженные на самоотверженный труд людей, позволили добиться небывалого роста главной нефтяной базы Советского Союза, созданной в Среднем Приобье.

Весной 1978 г. в ряде районов Западной Сибири побывал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Прези-

Вахта прилетела

диума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев. Он с большим интересом ознакомился с новой технологией добычи нефти. В одной из своих речей Л. И. Брежнев подчеркнул особую важность поиска новых технологических решений при освоении новых месторождений. О Западной Сибири он сказал: «Всего за десять лет мы превратили этот таежный край в главную нефтяную базу страны».

Так возводится устремленное в завтра здание экономики Западной Сибири — на таежной, необжитой земле создаются крупнейшие индустриальные гиганты, которые коренным образом изменят промышленный лик всей Сибири.

А что будет дальше? Как станет развиваться стратегия освоения нефтяных ресурсов Сибири? Вопрос далеко не праздный, ответ на него ищут уже сегодня. И хотя единого мнения специалисты еще не выработали, поговорить здесь есть о чем.

Каждый год вступает в строй несколько месторождений; буровые вышки, промысловое оборудование, поселок нефтедобытчиков создают «индустриальный ландшафт» на больших территориях, некогда безлюдных и диких. Потоки нефти с новых промыслов вливаются в нефтепроводную систему Сибири. Ясно, что долго так продолжаться не может, последствия выборочного освоения, которое велось до сих пор, печальны. Они приводят к истощению месторождений. Впрочем, нужно сказать сильнее — к разбазариванию ресурсов, гибели месторождений.

Нефтедобытчикам удобно снимать только «сливки» с продуктивного пласта и переходить к новым месторождениям. А между тем в недрах освоенных земель порой остаются запасы жидкого топлива, вполне соизмеримые с теми, разработку которых предполагается начать заново. Просто их невыгодно при сложившейся практике хозяйствования добывать.

Не случайно именно в Западной Сибири редко используется активное воздействие на пласт, например гидроразрыв пласта. За последние годы создано немало новых приемов повышения нефтеотдачи подземных кладовых. Однако они не применяются на сибирских промыслах.

Неоправданный рост вширь таежного нефтегазового комплекса сказывается и на экономических показателях. Например, затраты на переброску комплекта бурового оборудования на расстояние всего лишь 100 км в болотном краю примерно равны стоимости этого обору-

дования! Есть и еще один серьезный довод в пользу доработки уже освоенных месторождений — социальный. Распыление промышленных мощностей на большой территории обостряет проблему трудовых ресурсов, вызывает нехватку специалистов...

Богатством, даже таким необычным, как природные залежи Западной Сибири, надо пользоваться умело, тем более что число открываемых месторождений растет. Но должно ли столь же быстро возрастать и число промыслов? Количественный рост обязан уступить место качественному. Особенно в арктических районах Западной Сибири, где геологи открыли новые месторождения. Оценка их ресурсов показывает: добыча здесь будет обильнее, чем в Среднем Приобье, но обойдется недешево.

Напомню, тайга и тундра Тюменского Севера по площади не уступают двум Франциям. Понятие «расстояние» здесь совсем иное, чем в других районах страны. Летняя тундра непроходима даже для вездеходов. Возникнут особые трудности с транспортировкой нефти по тундровому бездорожью. Сложно наладить надежное энергоснабжение, ведь район Тюменского Севера отличается наиболее суровым климатом во всей Сибири, точнее, во всем северном полушарии.

Безусловно, окончательный выбор генеральной стратегии освоения «горячей земли» Тюмени потребует углубленных научных разработок. Это — дело недалекого будущего, которое началось уже сегодня, оно представлено в комплексной целевой программе «Сибирь».

Поиск стратегического варианта продолжается...

Однако что касается близкой перспективы, то решения XXVI съезда партии четко и ясно обрисовывают ее. Рост вширь пока приостановится. За одиннадцатую пятилетку намечено вовлечь в разработку около шестидесяти новых нефтяных месторождений. Это немало, но почти все они отличаются значительно худшими геологическими характеристиками, чем первые из осваиваемых. Как видим, время «снятия сливок» проходит. В цифрах это выглядит так. Если в десятой пятилетке средний дебит новой скважины доходил почти до 10 т в сутки, то в одиннадцатой этот показатель снизится почти в два с половиной раза.

Поэтому нефтяникам, чтобы сохранить былую экономическую эффективность промыслов, придется научиться строже считать государственную копейку, по-новому взглянуть на разведочное и эксплуатационное бурение. А главное, стать бережливыми хозяевами богатых недр. Вот почему следует ускорить внедрение новинок и достижений научно-технического прогресса. Они позволят увеличить производительность стальных магистралей, сократить расходы на перекачку жидкого сырья.

Сеть подземных магистралей Сибири — это очень сложное современное хозяйство, и обслуживать его надо тоже по-современному. С севера Тюмени тянутся газопроводы. Там главные запасы газа. Рядом с городом Надым — богатейшее месторождение Медвежье. Надымские операторы регулируют подачу «голубого топлива» в Москву, Ленинград, на Урал.

В ногу с Надымом шагает Уренгой — газовый «Самотлор» Тюмени. Из маленького поселка он вырос в город.

Экономический потенциал, а главное, опыт освоения дали жизнь еще одной новой сибирской отрасли — газовой промышленности.

Надо заметить: разведчики земных недр газ открыли раньше нефти. Но так сложились экономические обстоятельства, что добывать его в крупных масштабах стали лишь недавно, в 1972 г.

Город Надым... Когда идешь по его светлым улицам-проспектам, когда смотришь на высокие дома, на нарядных детей, не верится, что город заложен совсем недавно на месте, где стада диких оленей копытили ягель. Здесь ныне красуются клумбы с цветами, почву сюда привезли за тысячу с лишним километров.

Надым растет, строится. В городе на тысячу жителей рождается ребятишек больше, чем в среднем по стране. Редко на улице увидишь пожилого человека, бабушек и дедушек нет. Чтобы молодежь прижилась, растет в городе число детских учреждений, увеличивается — правда, не так быстро, как хотелось бы, — и количество предприятий с женским трудом: рыбокомбинатов, швейных мастерских.

Этот промышленный оазис в тундре расположен поблизости от месторождения Медвежьего, ставшего своеобразным полигоном, на котором прошла проверку новая технология добычи газа в сибирской тундре. И уже весной 1972 г. с этого месторождения потекла широкая газовая река. Здесь завершились испытания всего комплекса новых научно-технических решений. Идеи инженеров и строителей воплотились в металл и бетон.

Редкостные запасы газа позволили закладывать в Западной Сибири целые сверхглубокие колодцы — скважины увеличенного диаметра. Некоторые из них «поднимают» в сутки более одного миллиона кубических метров топлива. Это столько, сколько дает средний промысел в других районах страны! Стоимость

Путь к подземным кладовым

такой скважины, правда, чуть выше обычной, но зато производительность вдвое больше.

Надо ли лишний раз подчеркивать, что на сибирских газовых месторождениях резко сокращены затраты труда, а обходится газ намного дешевле, чем в среднем по стране?! И это при условии особых трудностей добычи!

Конечно, на экономику влияет и то, что газоносные пласты залегают на небольшой глубине, что «подходы» к ним сложены из мягких песчано-глинистых пород. Так или иначе, скважины здесь проходят на самых высоких скоростях бурения.

Сильная заболоченность территории заставляет размещать скважины даже более концентрированно, чем в Среднем Приобье на нефтяных месторождениях. Здесь сверхкомпактность важна еще и потому, что она позволяет наилучшим образом сохранить многолетнюю мерзлоту.

Вообще, проблема «мирного сосуществования» с вечной мерзлотой, ее сохранение под производственными и жилыми сооружениями — одна из важнейших на Сибирском Севере. Даже под дорожным покрытием нужно сохранять ее.

Порой незначительное оттаивание мерзлых оснований грозит нарушить монолит фундамента и вывести из строя все сооружение. Вот почему, прежде чем ступить на Тюменский Север, для газодобытчиков было насущно необходимо создать принципиально новые проекты промыслов.

И газопроводы, и различные инженерные коммуникации — все тоже прокладывали иначе, с поправкой на мерзлоту. По-другому хозяйствовать на Сибирском Севере нельзя.

Конечно, о всех новшествах научно-технического прогресса не расскажешь. Но так или иначе, «газовой» Сибирь стала быстрее, чем «нефтяной».

Стоит добавить: строительство различных объектов на новых промыслах ведется индустриальными методами. Здания возводятся, как правило, с применением специальных — приспособленных к Северу — панелей, завезенных из других районов страны.

Вспоминаю, в Нижневартовске на строительной площадке нового дома первое, что бросилось в глаза, — алая полоса транспаранта на заборе: «Московские дома — нефтяникам Сибири». Потом я узнал: первый «московский» дом москвичи построили здесь за двадцать пять дней. Такие темпы обеспечил технологический поток Москва — Нижневартовск. Из столицы, за тысячи километров, прибывали в Западную Сибирь вагоны с гру-

зом, такелажники с помощью башенных кранов перегружали панели иа панелевозы, которые доставляли детали будущего дома к строительной площадке.

В не меньших масштабах осуществляется и еще один технологический поток. Состав за составом уходят нз Ленинграда в восточном направлении. Пункт назначения: Новый Уренгой. Десятки современных домов возвели там ленинградцы.

Внешний вид домов такой же, как в самом Ленинграде, на Юго-Западе, где город выходит к морю, но внутренняя «оснастка» иная, с поправкой иа снбирский климат. Утеплены кровля и стены, в окиах тройное остекление, а лоджии застеклили. Здание и в пятидесятиградусный мороз не отдаст много тепла!

Я нигде не мог узиать, во сколько обходится государству такое быстрое строительство. Но видимо, оио оправданно: проще и выгоднее привозить из дальнего далека панели и сразу с панелевоза подавать иа этажи строящегося дома, чем возводнть на месте сложный строительный комплекс.

Можно долго рассуждать, во сколько обходится подобная технологическая схема строительства. Но важен конечный результат: технический прогресс в сложном и кропотливом процессе подготовки месторождения к эксплуатации позволил вдвое сократить прежние сроки.

Всякий опыт, как известно, накапливается по крупицам. Поэтому исследовательские работы иа Снбирском Севере не закончены. Скорее лишь разворачиваются.

Вспоминаю посещение Центрального днспетчерского управления Министерства газовой промышленности СССР. На огромной серебрнстой карте, как паутина, изображеиа сеть магистральных трубопроводов страны. И вдоль каждой черточки — сигнальные огни. Это — условные знакн: промыслы, компрессорные станции. Оператор нажатнем клавнши может в любой момент получить всю информацию о добыче газа как в целом по стране, так и по отдельным районам.

Когда «заговорили» недра Западной Сибирн, на карте Центральиой днспетчерской стали постоянно вносить нзменения. Если в 1965 г. газодобыча в Тюмени в общем-то почти отсутствовала, то через пятнадцать лет она превысила 150 млрд. $м^3$. Таким темпам нет аналогнй в мировой экономике.

Только 22 апреля 1978 г. началась промышленная эксплуатация первых скважин Уренгоя, н сразу же темп был взят понстине «снбирский». Месторожденне с самого начала, как того требовал план, орнентировалось иа 200—250-миллиардную добычу. Гнгант Уренгой не одинок, следом за ним открыло людям свон богатства н другое крупное месторождение — Ямбургское.

Большие надежды возлагают газодобытчики на нефтегазовую «целину» Восточно-Сибирской платформы. Словом, есть надежная сырьевая база, которая будет все время требовать внесения изменений на карте Центральиого диспетчерского управления.

Новый подход к освоению месторождений отразился н иа транспортировке газа. Системы мощных газопроводов, что потянулись с Сибирского Севера в европейские районы Советского Союза, на Урал,— тому лучшее подтверждение.

Строятся газопроводы из труб большого днаметра, что существенно снижает затраты на транспортировку газа.

Однако было бы неправильно смотреть на Западную Снбирь только как на новую топливно-эиергетическую базу страны. Нет. Оиа — фундамент снбирской нефтехимии. В Тобольске н в Томске заложены крупнейшие нефтехнмические комбинаты, сырьем для которых послужат нефть и газ.

Нефтяной газ — ценный дар природы. Но вот беда: для иефтедобытчиков попутный газ, так сказать, довесок к нефти, а переработка его — десятое дело на промысле.

Над Нижневартовском — иочное небо, облака малинового цвета. Горят факелы Самотлора. Даже на Самотлорском — самом освоенном месторождении — долгие годы нефтяной газ почти не использовался: его сжигали. На других промыслах пылающих факелов тоже достаточно.

Где же выход? Кто должен заботиться о пропадающем втуне прнродном богатстве? Нефтехимики. Но строительство газоперерабатывающих заводов и установок ведется в Сибнри далеко не так, как следовало бы. И дело здесь вовсе не в чьем-то нежелании или коисерватизме.

Построить крупный нефтехимический комплекс, в котором газоперерабатывающне заводы на промыслах станут вроде как заготовительными цехами сырья, непросто. Нужно время. Но уже скоро сгорающее над тайгой в факелах сырье будет превращаться в автомобильиые шины, строительные матерналы, пленку, минеральные удобрения, красители и другие товары Большой химин.

Напрнмер, Тобольск станет главным центром страны по выпуску изопрена — нсходного сырья для получения искусственного каучука. Может возникнуть вопрос: а для чего возить нзопрен из Снбирн в далекую Европу? Резон есть, и немалый.

На европейских каучукоделательных заводах готовый снбнрский полуфабрн-

кат позволит в несколько раз снизить затраты топлива. А это очень важно, потому что в центральных районах страны топливо не добывают, его привозят издалека.

Возможно, в Тобольске наладят со временем собственное производство каучука, и тогда город превратится в главного поставщика нефтехимической продукции для всей Сибири.

Близ Тюмени предполагается в будущем построить мощный химический комбинат, который обеспечит соседние области минеральными удобрениями и синтетическими волокнами.

Словом, планы, охватывающие длительную перспективу, уже сегодня обрисовывают экономику Западной Сибири достаточно четко и зримо.

Героические усилия коллективов ученых и производственников, строителей и промысловиков позволили достичь невиданных в истории темпов освоения месторождений.

Наша страна в рекордно короткие сроки создала новый крупный район по добыче нефти и газа. «То, что было сделано, то, что делается в этом суровом краю,— говорил Л. И. Брежнев о Сибири,— это настоящий подвиг. И тем сотням тысяч людей, которые его совершают, Родина отдает дань восхищения и глубокого уважения».

Точные и проникновенные слова. Они передают величие крупнейшей новостройки, развернувшейся в северных районах Сибири.

Мурад Аджиев

К тайнам древней медицины

При Монгольской академии наук создан Институт природных соединений. В его семи лабораториях трудятся биологи и химики, ботаники и фармацевты, историки и лингвисты. Объединение усилий столь разнородных специалистов не случайно. В их задачу входит расшифровка и изучение древних монгольских рукописей, в которых содержатся секреты индо-тибетской медицины. Потенциальная ценность манускриптов объясняется тем, что основная масса рецептов (а их около 3 тыс.!) основана на целебных травах и других растениях, в изобилии произрастающих и теперь на территории МНР. Лекарства, прославленные по всему Востоку, применялись в течение многих веков, но их составы не были до сих пор известны науке, ибо записаны на особом языке — религиозном варианте тибетского санскрита. Это препятствие было преодолено с помощью переводчиков — бывших лам, имеющих теперь степени кандидатов медицинских и исторических наук. Они, в частности, расшифровали древний рецепт, в состав которого входила повилика. Теперь на этой основе создан высокоценный препарат «Золотая нить», спасающий жизнь людей при внутренних кровотечениях, когда современные лекарства уже бессильны помочь.

Древние монгольские рецепты очень сложны. Порой они имеют до 300 ингредиентов. Они прекрасно вылечивают заболевания сердца, печени, сосудов. Химические исследования таких составов проведены специалистами ГДР. Медицинскую проверку помогли провести советские биологи — сотрудники Всесоюзного института лекарственных и ароматических растений. Ученые братских стран подтвердили высокую эффективность расшифрованных народных средств. Сейчас в Улан-Баторе налаживается выпуск еще нескольких ценных препаратов, основанных на старинных рецептах.

Они будут санитарами

В Куйбышевское водохранилище выпущено более 2 млн. мальков щуки. Конечно, это мероприятие вскоре доставит радость рыболовам, ибо выловить щуку — дело не простое, требующее азарта и искусства. Но не в этом главное. В водоемах, где обитает эта хищница, становится меньше сорных и больных рыб. Вместе с мальками щуки в Волгу запущена молодь ценных пород — стерляди, леща, жереха.

СКИТАЛЕЦ ПОНЕВОЛЕ

Ведь есть, право, этакие люди, у которых иа роду написано, что с ними должны случаться разные необыкновенные вещн.

М. Ю. Лермонтов

Встарь на второй неделе великого поста устраивалась в Ростове по обыкновению славная ярмарка. В 1780 г. выбрался на нее из Нижнего Новгорода второй гильдии купец Василий Баранщиков с партией доброго кожевенного товара. На ростовские торги возлагал он особые надежды, ибо числились за ним немалые долги. Поначалу дела у него ладились отменно: выручил удачливый нижегородец денег поболе, чем рассчитывал. Да вот беда — под вечер на радостях ноги сами собой привели его в кабак. Отсюда и пошли все его дальнейшие злоключення.

Не успел купец туго иабитой мошне нарадоваться, украли у иего кошель. Сразу вспомнил Баранщиков про заимодавцев, что ждут его не дождутся, и защемило сердце: не миновать, видно, долговой ямы, ведь расплачиваться теперь нечем. И решил он, что домой ему не след возвращаться, пока не раздобудет средств, дабы расквитаться с кредиторами.

Продал Баранщиков за сорок целковых лошадей с упряжью и розвальнями и отправился нскать счастья в Санкт-Петербург. В молодой столице ои нанялся матросом на корабль, отплывавший с грузом мачтового леса в Гавр и Бордо. Но до Франции Василию не суждено было добраться. Сойдя на берег в Копенгагене, он вновь стал жертвой злоумышленников, и на сей раз более серьезных, чем ростовские карманники. Двое датчан при помощи какого-то «иарядного плута», сносно изъяснявшегося по-русски, опоили Баранщикова и заманили на свой парусник. Там его приковали цепью за иогу и несколько суток продержали в трюме купно с другими товарищами по несчастью — пятью немцами и одним шведом. После выхода в море со всех этих горемык сняли цепи и принудили исполнять матросскую работу.

Длилось плавание изрядио. Прошли тропнк Рака, и стало очевидио, что держат курс они к Вест-Индии. Коиечной же целью, как вскоре выяснилось, был остров Сент-Томас — в ту пору одно из владений Дании в Карибском море. Здесь семерых пленников высадили и «поверстали в солдаты» — такова была форма рекрутского набора, процветавшая в колониальной армиии короля Христиана VII.

После мучительных иедель муштры новобранцев привели к присяге, и потекли однообразные дни гарнизонной служ-

бы. Баранщиков не особенно усердствовал на страже интересов датского монарха, и посему комендант счел за благо променять его испанскому генералу с близлежащего Пуэрто-Рико на двух рослых чернокожих. Начало новой жизни ознаменовалось тем, что Василию наложили на левую руку несколько клейм. Эту болезненную и унизительную операцию пришлось вынести не однажды: более десятка въевшихся в кожу отметин скопилось за время скитаний на чужбине. В остальном же он был доволен переменой своей судьбы. Означенный генерал определил его к себе на кухню для всякой черной работы: рубить дрова, таскать воду, чистить кастрюли. Это Баранщикову, с младолетия привыкшему к любому труду, пришлось куда больше по душе, чем часами вышагивать в карауле с тяжелым ружьем на плече.

Молодой нижегородец, статный и расторопный, вошел вскоре в фавор к хозяйке. Между делом овладев испанским языком, он поведал ей как-то, что в далеком отечестве без вестей о благоверном кручинится его супруга с тремя сирыми ребятишками. Высокородная сеньора сжалилась над Баранщиковым и упросила мужа отпустить его на волю. Генерал, который преклонялся пред красотой сеньоры, выправил купцу по всей форме печатный паспорт и даже снабдил некой суммой на дорогу.

Баранщиков стал изыскивать способ вернуться в Старый Свет. Капитан итальянского судна, шедшего в Геную, согласился взять его в свой экипаж. Теперь, когда каждый день хоть малость приближал его к дому, Василий совсем не тяготился матросскими обязанностями. Не чаял, что несется на всех парусах не только навстречу солнцу, каждое утро встающему из-за сонных волн океана, но и навстречу новой беде, пуще прежних.

Едва заступил на вахту год 1784, как близ Гибралтара генуэзцы были атакованы морскими разбойниками. При дележе добычи Баранщиков попал в долю пиратского паши, и тот отвез его в свою палестинскую резиденцию, где вменил в обязанность варить себе кофе (делать это приходилось раз пятнадцать на день). Звали любителя кофе Магометом, и, видимо посчитав необходимым хоть чем-то оправдать высокую честь быть тезкой самого пророка, он заставил белого невольника перейти в «истинную веру» — мусульманство.

Попробовал было Василий бежать, однако его поймали, и хозяин велел нещадно бить беглеца по пяткам самшитовыми палками. После подобной экзекуции довольно долго передвигаться можно было только ползком. Но бывший купец не сробел и, оправившись, рискнул вдругорядь попытать счастья — теперь уже подготовившись основательнее. Сговорился с добросердечным греком Христофором и в условленный час пробрался к нему на шхуну. Грек, весьма искушенный в провозе контрабанды, без труда укрыл купца от таможенников, и уже через день они были в Яффе. Отсюда Баранщиков вместе с Христофором совершил паломничество в Иерусалим, где истово покаялся в своем невольном вероотступничестве. На греческом корабле Василий посетил многие порты Средиземноморья, в том числе Венецию, а покинул его, сойдя на берег в Константинополе.

Тут наш нижегородец перво-наперво хотел было обратиться за помощью к российскому послу Я. И. Булгакову, но тот спешно выехал из города по причине свирепствовавшей моровой язвы. Пришлось Баранщикову удовольствоваться душеспасительной беседой с домоправителем его превосходительства, коему он и «изъяснил все обстоятельства». Тот крайне нелюбезно встретил земляка, очутившегося в бедственном положении, и посулил даже выдать его турецким властям, ежели будет докучать своими домогательствами. «Императорскому послу в Царьграде недосуг заниматься подобными пустяками»,— пояснил он.

Делать нечего — подрядился Баранщиков на поденную работу в порт, дабы иметь средства на пропитание. Потом случай свел его с записным пройдохой, который уверял, что он родом из Арзамаса. Этот отуречившийся арзамасец посулил Баранщикову солидный куш и безбедное существование, коль тот последует его совету. Наказал он Василию выдать себя за новообращенного магометанина, а таковым, согласно обычаю, дозволялось целую неделю собирать пожертвования в свою пользу. Нашелся и мулла, который за соответствующую мзду выдал необходимое свидетельство о якобы только что свершившемся приобщении к исламу. Долго Баранщикова улещать не пришлось, и вместе со своим «наставником» начал он обходить богатые стамбульские дома и мечети в ожидании доброхотных даяний. Предприятие сие увенчалось полным успехом: всюду щедро вознаграждали неофита, а великий визирь (к которому они тоже осмелились заявиться) пришел в столь неописуемый восторг от плечистого удальца, что тут же повелел зачислить его в янычары.

Так коренной волжанин попал в отборное султанское войско. Зажил он теперь совсем не худо, на полном довольствии. Служба его не особенно тяготила, и нес он ее исправно. Коварный арзамасец уговорил даже жениться, но за двоеженство был Баранщиков сурово нака-

зан: аллах послал ему супругу алчную и на редкость крутого нрава. Это еще больше усугубило неизбывную тоску Василия по родному краю и оставленному семейному очагу. Правда, имам увещевал его — в соответствии с законом Магомета — выбрать себе еще одну подругу жизни: авось окажется кроткой. Но Баранщиков на это не пошел.

По случаю байрама дворцовой страже учинили праздничный смотр, на котором Василий блистал в парадном янычарском облачении, подпоясанный богато расшитым кушаком, за который были заткнуты два пистолета с золотой насечкой и кинжал, оправленный драгоценными каменьями. Прямо со смотра отправился он к одному своему давнему знакомцу, сбросил чалму с бритой головы и переоделся в неприметное греческое платье. Наутро, «презирая все мучения, даже и самую смерть», коли случится, что пойман будет, пустился Василий в путь к пределам России через болгарскую и валашскую земли.

Спустя месяц с лишним добрался он до правобережья Дуная, где приветили его бывшие запорожцы и потомки тех казаков, что бежали сюда после подавления Булавинского восстания. Воспользовавшись ненадолго их гостеприимством, двинулся Баранщиков дале и в ноябре 1785 года достиг наконец Василькова — тогдашнего форпоста Российской державы. Оттуда после краткого допроса препроводили его в Киев. Правитель киевского наместничества генерал-поручик и кавалер Ширков милостиво выслушал его, пожаловал пять рублей и предписал явиться к нижегородским властям.

И вот после шести лет отсутствия взошел Баранщиков на крыльцо той самой избы, что частенько грезилась ему за морями, за долами. Жена, не перестававшая верить в мужнино возвращение, приняла его и ни в чем не винила. Но на этом не кончились мытарства купца. Ни городской магистрат, ни частные кредиторы не пожелали простить ему недоимки; а к тому, что значилось за ним по векселям, добавились еще неуплаченные гильдейные подати. Пошел с торгов дом, продан был весь скарб, но и этого не хватило. В итоге несостоятельный должник попал за решетку, и суд постановил «отослать его, Баранщикова, в казенную работу на соляные варницы в город Балахну», пока все сполна не отработает.

Чтобы оттянуть отправку на соляную каторгу, воззвал Баранщиков к согражданам, дабы «они вняли гласу человеколюбия и приняли во уважение истинные и неоспоримые бедности его доказательства и свидетельства». Но сограждане

остались глухи к его мольбам. Обратился тогда былой магометанин к духовенству Нижнего Новгорода, сказав, что страсто хочет исповедаться и получить отпущение грехов. Направили его к самому митрополиту санкт-петербургскому Гавриилу — мужу «острому и резонабельному». По десятидневном покаянии в Александро-Невской лавре состоялось окончательное возвращение Баранщикова в лоно православной церкви.

Очутившись во граде Петровом, предприимчивый нижегородец исхитрился иа славу позаботиться о спасении не только души, но и бренного тела. Смекалистые люди надоумили его переговорить с издателями и книготорговцами, которые проявили живейший интерес к рассказу Баранщикова. Некий отнюдь не тщеславный, но стесненный в средствах сочинитель взялся употребить свой талант, дабы придать необходимый литературный блеск бесхитростному повествованию нижегородского купца о том, что довелось ему претерпеть в чужеземных странах. Не лишено вероятности предположение, что таинственный С. К. Р. (не захотевший полнее представиться публике) несколько сдобрил собственной фантазией изложение и без того удивительных доподлинных событий. Как бы то ни было, в итоге появились на свет «Нещастные приключения Василья Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода, в трех частях света: Америке, Азии и Европе, с 1780 по 1787 год».

Книжица эта, как писал веком позже Н. С. Лесков в очерке «Вдохновенные бродяги», «до сей поры не обратила на себя внимания исторических обозревателей нашей письменности, а она этого стóит, ибо это едва ли не первый опыт «импонировать» обществу посредством печати». Завершалось первое издание сетованием на то, что после стольких испытаний, выпавших на его долю, Василий «и в своем отечестве угнетается крайней бедностью».

Невзгодами порой вымощен путь, ведущий к большой удаче. «Нещастные приключения» пошли прямо-таки нарасхват, вот и поправились дела Баранщикова, стал он чуть ли не знаменитостью. Чтобы понять успех книги, надо принять во внимание и то обстоятельство, что вышла она в год, когда началась русско-турецкая война. Яркие впечатления современника об Османской империи возбуждали немалый интерес. Спешно понадобились новые издания, с радужной концовкой, и их дополнили «Прибавлением, заключающим в себе описание Царьграда и турецких начальников духовных, воинских и гражданских», а также разделом «О странных турецких обычаях». Для пущей наглядности на отдельном листе воспроизвели клейма, скопированные с обеих рук нижегородского скитальца.

Второе издание книги — «с добавлением и фигурами» — расторопно оттиснули в том же 1787 г.; третье было выпущено в следующем, 1788-м, и, наконец, четвертое — в 1793 г. Инициалы С. К. Р. указаны на титуле только первого издания, в последующих они исчезают. Зато появляется немалый перечень сиятельных особ, кои, как сказано, «наипаче соизволили быть виновниками перемены злополучий Баранщикова во благо». Поясняется, что, представя сим знатным особам «краткое начертание своих приключений и бедствий» (то есть первое, объемом всего 72 страницы издание книги), он «обрел в них столь сострадательные сердца, что удостоился милостей, которые избавили его от тягостного и долговременного ига нищеты...». Так Василий нежданно для себя преуспел на новом поприще.

Перед соотечественниками он предстал теперь не только гонимым судьбой скитальцем поневоле, но и своего рода «открывателем новых земель». Для современников, конечно, весьма любопытны были описания вроде следующего: «По жаркости климата тамошнего нельзя носить другого платья, кроме парусного, и все датские солдаты на острове Санкто-Томас, или Святого Фомы, одеты в парусный мундир... Сверх жалованья производили печеного хлеба по одному фунту или литру самого плохого по их названию шкофта: оный весьма хуже нашего российского хлеба, да и черен, ибо состоит из произрастения банана, называемого датчанами платна банана, и варили кофий всякое утро по нарочитой чашке с сахарным песком; банана очень сытна, оную можно есть, кроме сырой, соленую, вареную, печеную и жареную, и сие произрастение подобно несколько видом нашему еловому дереву, а вкусом, как огурец, и этот плод бывает длиною в пол-аршина, толщиною не более нашего большого огурца, кожа на нем зеленая, дерево высокое, ровное как наша ель, листья аршина в три и так легки, как трава...

В Санкто-Томасе растут еще плоды, называемые кокосовые орехи, кои известны уже и в Санкт-Петербурге, да и всем почти россиянам. Они весьма вкусны, дерево их высокое и очень крепко, высотою, как наша большая сосна, и растет на полях; жители острова Санкто-Томас собирают с него орехи... Дикие обезьяны, как скоро примечены будут на дереве кокосовом или близко оного, то обитатели острова Санкто-Томас приходят к кокосовому дереву и нарочно обезьян пугают, дразнят, мечут в них

небольшими камешками; напротив того, обезьяны с дерева кокосова бросают самые орехи, которые они подбирают, там ие более стоит орех двух копеек, или штивера. Растет еще в Санкто-Томасе сахарный тростник, наши россияне из простых людей называют оный плод сахариым песком, и будто есть сего песку целые горы, но в доказательство противного говорю, что плод сей подобен нашей российской траве ангелике, или, попросту назвать, боршу, или коровнику, которая растет на мокрых местах большею частью, нежели на гористых н кою малые ребята рвут н, очнстивши кожу, едят, а американскнх прнродных жителей оного острова Санкто-Томаса арапов ребята, срезавшн сахарную трость, едят н сосут сладость патокн, разрезав на части; взрослые же американцы подрезывают тростник месяца через трн во всякое время, и он опять вторично вырастает; оии его не сеют и не сажают, но сам оный вырастает срезанный, нз его вяжут пучки, сделаны у них машины, по русскому названию, жомы, коими всю патоку выжимают н варят в котлах медных на огне, а она садится в песок, который они кладут в бочки, сделанные нз досок, прнвезенных из Дании, а тамошнее дерево не годнтся, нбо весьма крепко, а особливо самшнт, вернебук или красный сандал н прочне. Кофий на оном острове растет в немалом изобилии при морских заливах на деревах небольших, кои подобны нашей сливе или вишне н самой молодой яблоне, величиною не более аршина в два или три...»

Объективно оценнвая в наши дни этот памятник российской словесности, академик Н. И. Конрад писал: «Книга Василия Баранщикова представляет большую ценность с географической стороны как документ, дающий сведения о странах, в которых побывал ее автор, о нх природе, иаселении, о торговых связях, существовавших в ту эпоху. Столь же нитересна она в других отношениях — историческом н литературном... В ней затронуты, пусть и отдельными штрихами, многие из самых важных явлений истории Европы XVIII века, и это делает „Нещастные прнключения“ Василия Баранщикова документом весьма нитересным с исторической стороны. Книга эта столь же интересна н со стороны литературной; интересна тем, что в ней большой и разносторонний исторический матернал показан иа судьбе одного человека — не „героя“, а „жертвы“ эпохн. Возможно, так оно и было, что один и тот же человек действительно иа самом себе испытал все „прелести“ своего времени».

Муза истории Клио запечатлевает на своем пергаментном свитке имеиа не только тех, кто восхитил их, совершив нечто действительно значительное, но также тех, кто сумел чем-то незаурядиым прнвлечь ее строгий взор, — удивив, разгневав, озадачив или хотя бы позабавив. Поэтому в летописи русской историн XVIII столетия сохранилось и скромное имя Василия Яковлева сына Баранщнкова.

Святослав Бэлза

Неожиданный импорт из Бразилии

Французские рыбаки, промышляющие в среднем течении Роны, принесли ученым несколько стеклянных банок с водой. В них плавали беловатые диски диаметром 1,5—2 см. Было установлено, что это пресноводные медузы. Дальнейшее изучение показало, что они неведомым пока путем попали в Европу из рек Бразилии. Было также замечено, что некоторые европейские рыбы охотно поедают «иностранцев».

Малолитражка из кратера

Когда итальянские альпинисты успешно выступили в роли помощников экологов, газеты так прокомментировали их работу: «Когда-то Везувий засыпал своим пеплом несколько римских городов. Современные туристы нанесли на его склоны столько мусора, что его хватит для погребения по самые крыши по крайней мере утроенного числа таких городов».

Альпинисты несколько недель очищали вершину Везувия от консервных банок, пустых бутылок, старых газет. Туристы оставляют на склонах вулкана рваные палатки, ржавые котелки, изношенную обувь. Какие-то «весельчаки» подняли на гору кузов малолитражки и сбросили его в кратер Везувия. Для его извлечения понадобились усилия 20 человек.

ЧТО ПРОИСХОДИТ С КЛИМАТОМ?

Хотя мы и привыкли к непостоянству погоды, время от времени она преподносит нам такие сюрпризы, что невольно возникает вопрос: уж не изменяется ли земной климат?

Только за последнее десятилетие в нашей стране наблюдались и чрезвычайно холодная зима, и очень засушливое лето, и, наоборот, иногда казалось, что времена года поменялись местами. Наблюдались и необычно сильные дожди, вызывавшие разливы рек, наводнения, и ураганные ветры, и обильные снегопады, и другие стихийные бедствия. Сообщения о них поступают со всех континентов Земли.

Если в одном уголке земного шара теплее, чем обычно, то почти всегда в каком-то другом в это время, наоборот, стоят небывалые холода. А если где-то засуха, то отыщется место, где люди страдают от избытка дождей... Во всем мире капризы погоды и возможное изменение климата Земли — привычная тема для разговоров.

Как же в действительности обстоит дело с изменчивостью погоды и климата на нашей планете?

На протяжении большей части своей истории человечество находилось в постоянной зависимости от состояния погоды, приспосабливаясь к складывающимся климатическим условиям. Изменения климата заставляли людей уходить из одних районов и обживать другие. Но постепенно люди научились жить и в мало благоприятных по условиям климата местах, а с увеличением численности населения Земли стали осваивать все бо́льшие территории вплоть до жарких и засушливых пустынь и полупустынь, холодных полярных областей. Наконец, в нашем веке человечество переступило невидимый рубеж, когда постоянная борьба с природой для защиты от связанных с нею невзгод сменилась необходимостью щадить природу, которая в ряде случаев сама стала нуждаться в защите от человека.

В известной мере это относится к погоде и климату. Масштабы человеческой деятельности выросли так значительно, что стали влиять даже на погоду, особенно в крупных промышленных городах с многомиллионным населением. Врачи и ученые-климатологи обнаружили локальные изменения климата, и сам собой встал вопрос: может ли измениться климат нашей Земли под влиянием воздействия на него человека? А если может, то каково должно быть это воздействие, чтобы изменения климата были благоприятны? Многие забеспокоились: а не грозит ли человечеству резкое ухудшение климата, и если да, то можно ли это предотвратить?

В любом уголке нашей планеты погода меняется от месяца к месяцу, от сезона к сезону, и в разные годы она неодинакова. Если же присмотреться к погоде, наблюдающейся в какой-либо местности на протяжении нескольких де-

сятков лет, то можно заметить пределы изменений здешней погоды, наиболее типичные ее черты в целом и для каждого сезона года.

Напомним, что под погодой подразумеваются конкретные в данный период атмосферные условия у земной поверхности и на некоторой высоте (10—20 км), а вся многолетняя совокупность этих условий, присущая данной местности, рассматривается как климат. Таким образом, погода может изменяться многократно в течение суток, климат же куда более устойчив; чтобы обнаружить его изменения, нужны данные за многие десятилетия, а то и века или даже тысячелетия...

Само слово «климат» происходит от близких по звучанию греческих слов «клинейн» и «клима», означающих «наклонять» и «район» или «зона». Древние греки считали, что климат определяется широтой места, то есть углом, под которым солнечные лучи падают на земную поверхность. Значит, климат местности не может меняться—всегда остается неизменной широта данного района. В наше время в это понятие вкладывается более широкий смысл: климат—целая совокупность состояний системы океан—суша—атмосфера на протяжении длительного времени, по крайней мере нескольких десятилетий.

Современная наука исходит из того, что земной климат за миллионы лет существования нашей планеты претерпел значительные изменения под влиянием ряда природных факторов—астрономических, геофизических, метеорологических. Астрономическая группа факторов включает светимость Солнца, положение и движение Земли в Солнечной системе, наклон ее оси вращения к плоскости орбиты и скорость вращения. Это все внешние климатообразующие факторы. Вполне возможно, что глобальные колебания климата в далеком прошлом нашей планеты связаны с изменениями параметров земной орбиты и наклона земной оси. Геофизические факторы связаны со свойствами Земли как планеты: ее размерами и массой, скоростью вращения вокруг оси, внутренними источниками тепла, собственными магнитными и гравитационными полями, особенностями поверхности и ее взаимодействия с атмосферой. В отдаленном прошлом они могли существенно влиять на климат. Достаточно указать на предполагаемый дрейф материков, изменения конфигурации и высоты горных хребтов и т. п. Наконец, группа метеорологических факторов касается основных характеристик атмосферы и гидросферы. Например, содержание в атмосфере термодинамически активных примесей (воды и углекислого газа), а также аэрозолей (частичек пыли, солей, дымов и т. п.) имеет большое значение для формирования климата.

Изменения земного климата в прошлом за многие тысячелетия более или менее ясны. О них свидетельствуют данные различных наук, не противоречащие друг другу. Но, как это ни парадоксально, однозначного ответа на вопрос об изменениях климата в наше время не найдено.

Десятки миллионов лет назад на Земле преобладали теплые и умеренные климаты, с более равномерным распределением тепла по земной поверхности. Соответственно был богаче и разнообразнее животный и растительный мир. Однако мягкий климат время от времени становился более суровым на относительно короткие периоды, составлявшие по продолжительности менее десятой части всех геологических эпох прошлого. Так, в юрский период, около 150 млн. лет назад, температура воды в неглубоких участках морей была на 5° С выше современной, кораллы обитали даже на 50—60° с. ш. В эоцене, около 50 млн. лет назад, в Гренландии росли тис, ель, тополь, береза, орешник, а травяная растительность была распространена вплоть до северных берегов острова, ныне покрытого километровым ледяным панцирем. В плиоцене (в пределах 10 млн. лет) климат все еще был значительно мягче и теплее современного: средняя температура воздуха в северном полушарии была выше на 3—4° С.

Периодические похолодания на Земле происходили, возможно, из-за изменения состава газов земной атмосферы и прозрачности последней (в том числе в связи с вулканической деятельностью). Не исключено, что здесь играли определенную роль и колебания наклона земной оси... Похолодание климата началось примерно 70 млн. лет назад, а наиболее существенное понижение температуры произошло в четвертичном периоде, то есть около миллиона лет назад. С тех пор четыре раза наблюдались оледенения, вызвавшие резкие изменения в растительной и животной жизни. Последнее наступление льдов на континенте Евразии происходило около 10 тыс. лет назад. В дальнейшем площадь оледенения в полярных областях все еще продолжала колебаться, но в гораздо меньших масштабах. Соответственно продолжались и изменения климата. Более стабильным климат Земли стал лишь за последние 2 тыс. лет, хотя отступления от среднего уровня наблюдаются постоянно. В 20—30-х годах нашего века наблюдалось потепление, в 40-х оно сменилось относительным похолоданием, затем в 70-х годах снова наметилось потепление, оказавшееся неу-

стойчивым. Что наблюдается сейчас, в начале 80-х годов, точно сказать нельзя. В зависимости от того, какое количество данных привлекать для анализа и какой методикой расчетов пользоваться, можно получить различные результаты. Иногда прямо противоположные. Одни ученые склонны считать, что потепление продолжается и земной климат постепенно будет приближаться к наблюдавшемуся в плиоцене. Другие, наоборот, считают, что потепление бесповоротно закончилось и Земля стоит перед новым наступлением льдов, в преддверии новой ледниковой эпохи... Если можно прийти к противоположным выводам при анализе одного и того же материала, значит, нет убедительных свидетельств в пользу какого-либо из них. Ведь периоды в 15—25 лет с потеплениями или похолоданиями на протяжении трех последних столетий наблюдались неоднократно. Так, известна очень суровая зима 1739/40 г. в Европейской России, сходная с зимой 1978/79 г. Памятны суровые зимы 1809, 1912, 1941/42, 1949/50, 1955/56, 1965/66 гг. и, наоборот, очень теплые 1924/25, 1948/49, 1951/52, 1956/57 и 1975/76 гг. Но все эти колебания объясняются естественными причинами.

А может ли уже сложившийся климат изменяться под влиянием человеческой деятельности? Да, если люди вмешаются в естественные факторы формирования климата настолько серьезно, что нарушат приходо-расходный баланс тепла и влагообмена такой большой и сложной системы, как наша Земля и окружающая ее атмосфера. Какие это факторы? Приток солнечного тепла к земной поверхности и способность последней его поглощать и отражать, а также атмосферного воздуха и содержащихся в нем примесей пропускать лучистую энергию и усваивать ее. Для упрощения задачи следует считать количество поступающей на Землю лучистой энергии Солнца неизменным (в противном случае климат Земли изменится и без вмешательства человека).

Одним из самых существенных с этой точки зрения результатов человеческой деятельности следует считать загрязнение атмосферы. Оно может быть химическим, пылевым или аэрозольным и тепловым.

Химическое загрязнение изменяет содержание в воздухе углекислого газа, играющего важную роль в тепловом балансе атмосферы. С ним связано внесение в атмосферный воздух различных вредных примесей, в том числе окислов тяжелых металлов, серы и других веществ, которые не только отравляют воздух, но и могут способствовать разрушению стратосферного озона. Этот газ, как известно, защищает живые организмы от губительного воздействия жесткого космического излучения.

Пылевое загрязнение искусственными аэрозолями уменьшает прозрачность воздуха для солнечных лучей, в том числе и для ультрафиолетовой радиации. Оно может также влиять на тепловой баланс системы атмосфера — Земля.

Тепловое загрязнение растет вместе с ростом энергетической вооруженности человечества (примерно на 3% в год). Поскольку вся добываемая людьми тепловая энергия практически полностью уходит на нагревание атмосферы, то, как показывают расчеты, она уже в будущем столетии угрожает вызвать повышение температуры воздуха на Земле на несколько градусов. Пока такое повышение заметно лишь в крупных городах, получивших у климатологов название «тепловых островов». Средняя годовая температура Москвы и Ленинграда, например, выше, чем в окружающей их сельской местности, на 2—3° С, а минимальная в Москве — на целых 8° С. В больших городах чаще выпадают слабые осадки, слабее ветры, больше дней с облачной погодой... Рост городов, образование мегаполисов, влечет за собой расширение «тепловых островов». По расчетам некоторых ученых, уже в относительно недалеком будущем прогрессирующее увеличение тепловыделений из-за интенсивного сжигания всех видов топлива угрожает перегревом атмосферы, чреватым необратимыми отрицательными последствиями...

Некоторым, хотя и не очень большим, утешением могут служить другие расчеты, показывающие, что человечество не будет в состоянии долго сжигать в огромных количествах органическое топливо: его запасов на Земле хватит самое большее на сто пятьдесят лет. Волей-неволей придется людям найти другие виды энергии, использование которых (например, атомной) не связано с расточительным расходованием кислорода и выделением большого количества углекислоты...

Что же касается озона, основная масса которого сосредоточена в нижней стратосфере, на высоте около 23 км, то до последнего времени считалось, что ему угрожает разрушением все увеличивающееся содержание в воздухе окислов азота, заносимых на эту высоту самолетами (окислы азота возникают при сгорании топлива в авиационных двигателях). В последние же годы установлено, что несравненно бóльшую опасность для слоя озона представляют другие продукты человеческой деятельности — фреоны, а окислы азота сравнительно быстро нейтрализуются, взаимодействуя с водяным паром, также в изобилии

образующимся при сгорании авиационного топлива.

Таким образом, пока еще накоплено недостаточно данных для объективной оценки состояния проблемы в целом. Однако закрывать глаза на угрозу подобных изменений нельзя, ибо установлено их влияние на условия жизни на Земле.

Если допустить худшее — что человечество непроизвольно изменит климат, то сумеет ли оно уцелеть, приспособившись к новому климату?

Для этого надо, чтобы изменения протекали очень медленно. Всякие скачкообразные колебания климата, как и других характеристик окружающей среды, губительны для всего живого, они приводят к радикальным изменениям биосферы. Академик Ф. Ф. Давитая утверждает: «Современная биосфера насчитывает менее 1% видов животных и растений, обитавших на Земле за время существования жизни,— остальные вымерли». И это касается лишь природной среды обитания. Что же произойдет при изменениях прозрачности атмосферы, а следовательно, ее состава в результате хозяйственной деятельности?

Как уже говорилось, наиболее серьезную проблему представляет изменение содержания в атмосферном воздухе кислорода и углекислого газа, а также возможность уменьшения содержания озона. Академик Ф. Ф. Давитая сделал расчеты для двух неравных по продолжительности периодов: от начала хозяйственной деятельности человека до 1969 г. и за последние 50 лет. Оказалось, что расход кислорода и выделение углекислого газа в результате сжигания различных видов органического топлива за эти два несоизмеримых по времени периода в абсолютных цифрах весьма схожи. Расходование кислорода продолжает возрастать каждый год приблизительно на 10%, и уже сейчас оно составляет огромную цифру — 10 млрд. т в год. Содержание углекислого газа в воздухе за последнюю четверть века увеличилось примерно на 15%. Если так будет продолжаться и далее, то уже в следующем столетии на Земле начнет ощущаться недостаток кислорода, а избыток углекислого газа может создать «парниковый эффект» и вызвать заметное потепление. Но все это, конечно, лишь предварительные прикидки, без учета других факторов, прежде всего влияния Мирового океана, поверхность которого, взаимодействуя с атмосферным воздухом, может в каких-то пределах регулировать количество содержащихся в нем кислорода и углекислоты.

Раз характер антропогенных изменений климата трудно предсказать, значит, и масштабы их не поддаются точной оценке. Но ведь даже самые малые изменения климата могут привести к очень серьезным последствиям. В самом деле: если, как утверждают некоторые ученые, увеличение содержания в воздухе углекислого газа, зафиксированное к настоящему времени, будет продолжаться и это приведет в будущем столетии к повышению среднегодовой температуры воздуха «всего» на 2° С, то растают льды Арктики и Антарктики и уровень Мирового океана повысится на 70—75 м, тогда многие крупнейшие города и порты мира окажутся затопленными; уйдут под воду огромные пространства прибрежных низменностей и равнин, ныне густонаселенных... Если же, как утверждают другие ученые, потепления не произойдет, а из-за уменьшения прозрачности воздуха в связи с наблюдающимся ростом его загрязненности, наоборот, начнется похолодание, то те же несколько градусов понижения среднегодовой температуры способны вызвать новое оледенение — наступление полярных льдов на умеренные широты...

В прошлом нашей планеты уже наблюдались и длительные, и кратковременные похолодания, сопровождавшиеся оледенением многих географических районов в обоих полушариях Земли. Все они не были связаны с человеческой деятельностью, а вызывались совсем другими причинами. Есть предположение, что это связано с выбросом большого количества вулканической пыли в стратосферу, уменьшившей ее прозрачность, способность пропускать солнечные лучи. Замечено, например, что даже извержения отдельных мощных вулканов сопровождаются изменениями погоды, в частности похолоданием, длящимся несколько лет. После извержения в Индонезии вулкана Тамбора в 1815 г. на следующий год среднегодовые температуры в северном полушарии оказались ниже обычного на 1°, в Индонезии в июне 1816 г. наблюдались снегопады и заморозки. После извержения вулкана Кракатау целое десятилетие на Земле было холоднее обычного.

Все рассуждения об изменениях климата, как и все расчеты, с ними связанные, следует вести с учетом состояния полярных шапок нашей планеты. Полярные льды называют еще маятником, раскачивающим климат Земли. Они возникли по геологическим масштабам совсем недавно, и с их появлением климат стал менее устойчивым. Полагают, что появление полярных шапок льда связано с длительной вспышкой земного вулканизма, наблюдавшейся в четвертичном периоде. Тогда резко уменьшилась прозрачность атмосферы, наступило заметное похолодание.

Однажды возникнув, ледяной покров в полярных областях резко изменил тепловой режим атмосферы. Дело в том, что льды, в отличие от обычной поверхности суши и океанов, отражают в несколько раз больше солнечной радиации, чем поглощают. Обладая высокой отражательной способностью, льды не в состоянии эффективно использовать лучистую энергию Солнца для нагревания земной поверхности и приземных слоев воздуха.

Расчеты показывают, что при существующем сейчас в Арктике ледяном покрове (граница которого проходит примерно на 72° с. ш.) средняя температура всей земной поверхности (15°C) приблизительно на 2°C ниже, чем если бы не было льдов. Ну а если бы даже на короткий период вся поверхность Земли покрылась льдом, то ее средняя температура была бы примерно минус 85° C, то есть понизилась бы на 100° C!

Расчеты показывают, что таяние многолетних морских арктических льдов будет значительным уже при повышении средней температуры в северном полушарии на 2° C; таким образом, в случае дальнейшего повышения температуры воздуха к 2000 г. площадь арктических льдов сильно сократится, они быстро превратятся в тонкие, однолетние, а к 2025 г. исчезнут совсем. Для таяния ледников Антарктиды и Гренландии нужны не десятилетия, а многие столетия. Однако в Западной Антарктике, где огромные ледники опускаются с континента в морскую воду (как, например, ледник Росса, занимающий половину поверхности моря того же наименования), разрушение части ледникового щита и его таяние может произойти быстрее — на протяжении столетия.

Исчезновение многолетних морских льдов в Арктике повлечет за собой сильное потепление в высоких широтах северного полушария. Здесь температура воздуха вырастет значительно сильнее, чем в средних широтах: зимой она не будет опускаться ниже минус 5—10° C, а летом поднимется до плюс 7—10° C.

Что касается изменения уровня Мирового океана из-за таяния льдов, то, по мнению ряда ученых, в первое столетие оно будет незначительным. Лишь частичное разрушение антарктических ледников, если оно произойдет, к исходу этого срока способно поднять уровень воды в океане примерно на 5 м. Некоторые американские ученые полагают, что катастрофические последствия таяния основной массы полярных льдов, связанные с повышением уровня Мирового океана на десятки метров, возникнут в XXII в., другие ученые относят это гипотетическое событие на более дальние сроки...

Считается, что морские льды снижают температуру воздуха в Центральной Арктике примерно на 5° C летом и на 20° C зимой, а влияние их в средних широтах значительно слабее, чем в высоких. В приэкваториальной же зоне оно вообще малоощутимо. Потепление в Арктике уменьшит контраст температуры между высокими и низкими широтами, что приведет к ослаблению атмосферной циркуляции, то есть уменьшится интенсивность переноса водяного пара с океана на сушу. Это неизбежно скажется на облачности, частоте и интенсивности выпадения осадков на континентах. Засушливые области Земли станут еще безводнее, а районы переувлажнения станут получать осадков еще больше. Таким образом, нарушение ледового баланса планеты нежелательно, человечество заинтересовано в сохранении стабильности климата.

В заключение некоторые выводы на основании всего сказанного.

Первое. За последние два-три столетия, когда велись систематические наблюдения за погодой, на Земле не отмечено никаких экстраординарных метеорологических явлений, которые не были бы известны раньше.

Они кажутся нам более частыми и значительными лишь потому, что усовершенствовались средства связи и мы стали получать о них более регулярную и более полную информацию, чем когда-либо в прошлом.

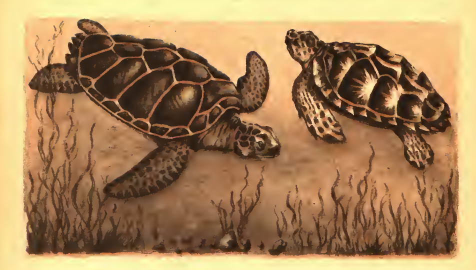
Второе. Климат Земли за последние две тысячи лет не претерпел сколько-нибудь заметных изменений, нет бесспорных доказательств изменения его в глобальных масштабах под влиянием человеческой деятельности. Однако они заметны в крупнейших городах и в местах, где люди преображают земную поверхность: сводят леса, уничтожают естественный травяной покров, осушают болота или создают крупные водохранилища.

Третье. Угроза непреднамеренного и необратимого изменения климата Земли под влиянием хозяйственной деятельности, безусловно, существует. Но необходимых данных даже для предварительных прогнозов пока не собрано.

Итак, каков же ответ на вопрос, поставленный в заголовке статьи? С климатом Земли пока ничего могущего внушить какое-либо беспокойство не происходит, но он сейчас, как и все природные факторы существования жизни на нашей планете, требует неослабного внимания. Нельзя допустить, чтобы состояние его равновесия было нарушено.

Павел Астапенко

МОРСКИЕ ЧЕРЕПАХИ

На борту каравеллы царило оживление. После долгих бурь, бесконечных часов отчаяния и страха надежда снова вериулась к морякам вместе с радостным возгласом: «Земля, вижу землю!» Это было в 1492 г. Корабль Колумба шел к новому коитииенту между коварными подводиыми рифами Карибского моря, чтобы найти путь к берегу одного из островов. Виезапно перед иосом каравеллы иачали подииматься масляно-зелеиые диски, которые со всех сторои окружили ее. То тут, то там иад водой подиимались змееподобные головы каких-то живот-иых. Все оиемели. Всмотревшись повнимательиее в прозрачную воду, моряки ясно увидели панцири черепах. Их было так много, что они мешали двигаться кораблю. Вода просто кипела от бронированных тел животных. Пораженный их изобилием, Колумб иазвал открытые им острова Лас-Тортугас («тортуга» — черепаха).

Эта встреча со страниыми обитателями океана была далеко не единствеииой. Более того, без преувеличеиия можио сказать, что вся история колонизации Американского коитинеита европейцами тесно связана с морскими черепахами. Их было так много и оии так прочио вошли в рацион жителей новых поселений, что пришельцы из Старого Света действительио стали считать, что они нашли землю обетованную. Несколько позже черепах иачали использовать в качестве «живых консервов». Во время продолжительных плаваний в Европу н вдоль берегов вновь открытого континеита корабли брали иа борт черепах. Это спасало моряков от цинги, указывает профессор Орчикор. Люди, уцелевшие при кораблекрушениях, питались свежим и сушеиым мясом черепах в течение месяцев и даже лет. Нетрудио представить, что при таком повышеином внимании к черепахам от их изобилия давным-давио ие осталось и следа. В тех районах, где когда-то Колумб был поражеи их огромиым количеством, сейчас едва ли иайдешь две-трн черепахи. В те далекие годы, когда они стали доступной и вкусиой пищей для сотеи тысяч людей, количество этих животиых начало катастрофически снижаться. Особеино сильно отразился на численности черепах хищнический сбор отложеииых в песок черепашьих яиц. Движимые инстинктом продолжения рода, черепахи выходят иа берег. На суше они становятся совершеиио беспомощными. Стоит им только ступить на землю, и можно считать, что они уже пойманы. То, что не успевает сделать человек, довершают собаки, еиоты, соколы-мышеловы и другие четвероногие и периатые хищники. А когда едва вылупившиеся черепашкн устремляются к морю, они тоже становятся легкой добычей. Только иезначительиая часть чудом спасается в воде.

И все же черепахи уцелели. Оии и по сей день — объект охоты в некоторых странах, хотя трудно поверить в их прежиее изобилие. Больше всего пострадала так иазываемая зеленая черепаха. Она привлекает внимание и современных гастрономов. Ведь это из иее готовят

знаменитый черепаховый суп. Едва ли стоит описывать рецепт его приготовления, но все же отметим, что для этого используют студенисто-хрящевые образования между костями грудины и часть зеленого жира под спинным щитом. Именно этот жир и дал название виду зеленых черепах. В пищу употребляют и мраморно-желтые яйца, покрытые тонкой кожистой оболочкой.

Съедобны и другие виды морских черепах. Впрочем, они не отличаются большим разнообразием. Известны только четыре вида, обитающие в водах экваториально-тропических морей и сравнительно редко попадающие в умеренные широты. Зеленая черепаха встречается даже у берегов Англии, Бельгии и Голландии, куда попадает вместе с течением Гольфстрим. Она предпочитает прибрежные воды, где на глубине 4—6 м простираются заросли зостера и других видов морских водорослей, которые служат для нее основной пищей. Питаются зеленые черепахи и медузами, мидиями и некоторыми ракообразными. Держатся около скалистого дна с впадинами и небольшими пещерами, где и находят места для отдыха и укрытия от врагов. Эти черепахи достигают в длину 100—140 см и внушительного веса — 200—300 кг.

Черепаха-бисса по внешнему виду очень похожа на зеленую, но имеет меньшие размеры (70—90 см) и панцирь у нее сердцевидной формы. Обитает она в прибрежных водах и устьях рек с илистым или песчаным дном. Питается в основном мидиями, улитками, асцидиями, ракообразными, реже водорослями. Верхняя челюсть биссы снабжена острыми зубцами, с помощью которых она отделяет мидию от колонии и раскусывает раковину на части. Яйца биссы считаются самыми ценными. За биссой охотятся еще и из-за великолепного панциря.

Черепаха-каретта достигает длины до 100 см, встречается во многих морях. Часто можно увидеть дремлющую на поверхности черепаху за сотни миль от берега. Однако чаще каретта встречается в прибрежной зоне, а иногда даже в устьях рек. Питаются эти черепахи ракообразными, медузами, морскими губками и рыбой, которую активно преследуют и ловят.

Наиболее малочисленна сейчас (вероятно, из-за низкой плодовитости) масляная черепаха. Она имеет округлый панцирь, редко превышающий в диаметре 70—80 см. Водится в прибрежной зоне.

Созревание яиц даже у экземпляров одного вида происходит в различные сроки в зависимости от района обитания. Например, зеленая черепаха откладывает яйца на острове Шри Ланка с июля по ноябрь, на острове Вознесения — с января по июнь, а в Карибском море — с мая по октябрь. И вот это-то время созревания яиц и отражает биологическое приспособление к конкретному району.

Наибольший интерес представляет способность черепах передвигаться на большие расстояния в океане к местам размножения, обычно тем, где они сами появились на свет. Инстинкт ведет их через все препятствия. Возьмем для примера зеленую черепаху, обитающую в экваториальных водах Атлантического океана. От мыса Ресифе на бразильском побережье они отправляются в долгий путь к острову Вознесения, отстоящему от Бразилии на 2350 км, чтобы отложить там, на песчаных пляжах, свои яйца! Как они добираются до острова, как ориентируются в безбрежных просторах, как находят затерянный в океане клочок суши?

Один летчик во время второй мировой войны совершал перелет из Бразилии в Бирму. Тогда транспортные самолеты не могли брать большого количества горючего. Взлетев с мыса Ресифе, они должны были делать посадку на острове Вознесения для дозаправки. Он вспоминает, с каким трудом нашел этот островок. А ведь самолет был оборудован современными по тому времени навигационными приборами. Многие пилоты — товарищи этого летчика — так и не смогли отыскать островок и погибли в волнах Атлантического океана.

Если вооруженному современной техникой человеку трудно добраться до острова Вознесения, то каково должно быть чувство ориентации у мигрирующих черепах? Профессор А. Кар склонен считать, что черепахи ориентируются по небесным телам, и, кроме того, черепахи обладают способностью улавливать признаки суши в открытом море по «запаху» родного острова, который доносят океанические течения. Этот вопрос, несомненно, очень сложен и касается не только черепах, но и целого ряда других «морских навигаторов» — рыб, тюленей и т. д., которые без компаса, секстана, лоции, карт и астрономического ежегодника безошибочно передвигаются в нужном направлении.

Окольцованные на острове Вознесения черепахи встречались только на бразильском побережье. На африканском же берегу не было найдено ни одной такой черепахи.

Перед выходом на сушу происходит оплодотворение яиц. После этого стремление попасть на берег становится исключительно сильным. Иногда пойманных в это время черепах привязывают временно к плавающему бую. Отмечены

случаи, когда черепахи, таща за собой тяжелейший буй, успевали выползти на берег и снести яйца.

Черепахи выходят на сушу только ночью. Ступившая на песок черепаха очень пуглива. Еле уловимого звука или зажженной спички достаточно, чтобы заставить ее вернуться в море. В благоприятных условиях, набравшись смелости, она движется необычайно быстро для своего неуклюжего тела, подняв или опустив голову, как будто обнюхивая следы бесчисленных поколений своих предков.

Найдя сухой песок в таком месте, куда не достигают волны, она начинает копать ямку одновременно передними и задними лапами. С этого момента и до тех пор, пока не будут отложены все яйца в вырытое гнездо, за ней можно спокойно наблюдать без всяких мер предосторожности. Она будет продолжать откладывать яйца, не обращая внимания на оглушительный шум и не замечая, что ей прямо в глаза светят десятки карманных фонарнков. Черепаха засыпает песком сотню снесенных яиц, каждое из которых имеет диаметр около 5 см, маскирует гнездо и отправляется к морю. Насколько такая маскировка эффективна, трудно сказать. По крайней мере для браконьеров — собирателей яиц она совершенно бессмысленна, потому что черепахи оставляют за собой на песке такой же след, как и небольшой гусеничный трактор.

Очутившись в воде, черепаха не сразу отправляется в обратный путь. В течение непродолжительного времени она откладывает еще 3—4 порции яиц и только тогда возвращается в свои родные края. Инкубационный период продолжается от 45 до 60 дней. Песчаное гнездо смягчает температурные колебания. Вылупившиеся раньше всех черепашки не сразу покидают гнездо, а лежат в нем в ожидании, пока другие не освободятся от своей скорлупы. И только тогда все разом, как по сигналу, начинают шевелиться, разрывают песок и по кратчайшему пути направляются к морю. Лишенные родительской защиты, они должны как можно быстрее преодолеть пространство от гнезда до воды, так как именно в эти минуты они становятся массовой жертвой хищников. Величиной со спичечный коробок, подталкивая друг друга, будто чувствуя, что нельзя останавливаться, с исключительной способностью ориентироваться маленькие черепашки целеустремленно двигаются к воде. Этот марш представляет собой удивительное зрелище.

Есть ли морские черепахи в Черном море? Низкая зимняя температура не благоприятствует постоянному обитанию черепах в черноморских водах. Но они все же попадаются в этом море. Несомненно, много таких случаев осталось незамеченными, но некоторые хорошо известны.

Зеленая черепаха была поймана в ноябре 1898 г. возле Созополя. Она весила 42,5 кг и имела длину 70 см. Черепаха была препарирована и сейчас находится в Музее естествознания в Софии. Другой вид — каретта — дважды встречался в черноморских водах. В конце лета 1936 г. волны выбросили на берег около Шаблы полуметровую черепаху, которая впоследствии стала экспонатом Музея естествознания в Бухаресте. Второй экземпляр каретты (длиной 68 см) в ноябре 1947 г. попал в сети рыболовецкого траулера «Кондрос» около Масляного мыса. Ее доставили в Варненский аквариум, где она прожила до марта 1948 г. в бассейне с температурой около 10° С. Так как в Черном море отсутствуют оптимальные условия для жизни морских черепах, вполне понятно, почему они лишь случайно попадают через Босфор и Дарданеллы.

Количество черепах сократилось и в Средиземном море. Поэтому вероятность того, что они попадут в Черное море, еще больше уменьшается в наши дни.

В некоторых странах — на Кубе, в Мексике, США, Доминиканской Республике — продолжается отлов черепах для гастрономических целей. По данным ФАО, в 1975 г. было выловлено 517 т зеленой черепахи, 360 т биссы и 500 т каретты. Эти цифры невелики. Значительно больший ущерб причиняет сбор яиц в гнездах в местах массового размножения черепах.

В последнее время принимаются меры по охране морских черепах. В ряде стран созданы в этих целях заповедники.

К. Николова

Перевод с болгарского
Ольги Котовой

Из болгарского альманаха
«Фар» («Маяк») 1978 г.

ПЛЕННИКИ ОКЕАНА

Призраки среди льдов

В стране ледяного безмолвия, среди засиеженных торосистых равнин и айсбергов, под тусклым небом Арктики странствуют полярные Летучие Голландцы. Обледенелые, в саване туманов, бороздят они ледяной простор по воле ветров и течений. Вмерзшие в лед полярные Голландцы нередко дрейфуют целыми десятилетиями в безбрежных просторах Арктики. Эскимосам-охотникам, китобоям и полярникам-исследователям не раз случалось видеть в морозной мгле призрачные корабли. Причудливо обросшие чешуей льда, с седыми сталагмитами мачт, они ревниво и безмолвно хранят свою тайну. Выходцы из ледяной могилы, появляясь неожиданно, вселяли в души суеверных моряков времен парусного флота неописуемый страх.

Немало судов поглотили ненасытные льды и холодные воды океанов. Известно только, что корабли эти ушли и не вернулись. Никто никогда не узнает о трагедиях, пережитых их экипажами: мрак полярной ночи, штурм льдин, безнадежные скитания в засиеженных просторах, муки голода и леденящей стужи.

О тяжелых драмах, разыгравшихся в белом безмолвии Арктики, узнают иногда, случайно встречаясь с такими кораблями.

Первыми, кто увидел арктический Летучий Голландец, были китобои английского корабля «Гренландия». Это произошло давно, в августе 1775 г. Капитан Уарренс в погоне за стадом китов привел свое судно за 72-ю параллель в море Баффина. Дальше путь преграждали тяжелые льды и огромные айсберги. С вороньего гнезда китобойца было видно, что за этими горами простираются сплошные поля многолетних льдов.

Но как ни озабочен был капитан Уарренс судьбой своего корабля, сделать он ничего не мог: ветер неожиданно стих, и паруса безжизненно повисли на реях. Оставалось одно: ждать. Ветер задул только к вечеру второго дня. К ночи он перешел в шторм, повалил снег. Вокруг поднялся ужасный грохот: льдины со скрежетом наползали одна на другую. Пришли в движение и айсберги: они гулко сталкивались и опрокидывались, кроша лед. В полдень кончилась пурга и выглянуло бледное полярное солнце. Наконец-то китобои могли разобрать, где была чистая вода; они торопились вывести свой корабль из ледяного лабиринта и взять курс к родным берегам. Еще вчера стоявшие неприступной стеной айсберги расступились, начав свой медленный дрейф на юг.

Вдруг китобои увидели, как над одним из айсбергов плавно движутся три верхушки мачт с поставленными парусами. «Неужели здесь кроме нас есть еще судно? Ведь сюда вряд ли кто-либо осмелится забрести!» — подумали в недоумении моряки. Но мачты продолжали двигаться. Вот из-за айсберга показался бушприт, потом аллегорическая фигура богини, украшавшая нос корабля, потом и сам корабль... Китобоям сразу же бросились в глаза странно развернутые реи незнакомца и неестественно поставленные, надутые ветром паруса. Они как

будто были в несколько раз толще обычных. Да и весь корабль казался каким-то застывшим н оцепеиевшим. «Голландец!—с ужасом закричали моряки.—Это роковой предвестник нашей гибели. Горе вам, китобон!»

Кто-то нз гарпуиеров уже начал читать молитву, кто-то побежал в кубрнк за Бнблией. В это время иеизвестный корабль ударился килем о подводную кромку плывшего перед ним айсберга. От толчка рухнула за борт его фок-мачта. Судио остановилось в двухстах метрах от «Гренландии».

— Это не Голландец!—воскликнул капитан китобойца,—это судно, терпящее бедствие. Им необходимо оказать помощь. Четырех гребцов ко мие!

На воду спустили однн из вельботов, и Уарренс с матросами направился к странному кораблю. Приблизившись к паруснику, моряки увидели, что его корпус сильно помят льдом и обветшал. Палуба, покрытая толстым слоем льда и снега, была пуста. Капитан Уарренс несколько раз крнкнул. Ответа не последовало. Поднимаясь с кормы на палубу, капитан мельком заглянул в иллюминатор н увидел виутри каюты сидящего за столом человека. На столе были разложены какие-то бумаги. Из-за плохого освещения Уарренс ничего больше рассмотреть не смог. Китобои поднялись на палубу н, открыв люк, вошли вовнутрь. Сначала они направились в салон, где Уарренс видел человека. Тот не обращал внимания на вошедших. Это был мертвец с зеленым лицом и провалившимися глазамн. В руке он держал гусиное перо. Перед ним лежал раскрытый журнал. На недописанной странице моряки прочитали английский текст: *«14 ноября 1762 г. Семнадцатый день мы зажаты в этих льдах. Вчера погас огонь. Наш капитан пытается безуспешно разжечь его. Сегодня утром скончалась его жена. Спасения нет...»*

Не говоря ни слова, Уарренс н матросы вышли нз салона.

В каюте капитана на кроватн они увидели женщину. Ее лицо хорошо сохранилось, и лишь по неестественному положению ее тела можио было понять, что она мертва.

Рядом, на полу, прнвалившнсь к кровати, сидел мертвец. Одной рукой он сжимал кресало, другой—кремень. Тут же лежал еще один труп. Видимо, это н был капитан, о котором упоминалось в судовом журнале.

На баке, в кубрике на койках оказалось еще несколько мертвых матросов. В проходе у деревянного трапа обнаружили скорченный труп юнги. На корабле не было нн крошки пищи, ни топлива.

Ужас охватил китобоев—людей суеверных и набожных. Матросы начали роптать—они потребовали немедленного возвращения иа «Гренландию».

Незаметно от них Уарренс сумел забрать часть вахтеииого журнала. Именно часть, потому что, когда капитан взял со стола журнал, тот начал рассыпаться в его руках.

Когда «Гренландия» вернулась в Англию, Уарренс заявил о своей иаходке лордам Адмиралтейства. Но по остаткам представленного им журиала не удалось установить название н порт приписки этого плеиника полярных льдов. При осмотре же корабля моряки «Гренландии» не смогли прочитать на его корме стертое временем название. Имя этого первого арктического Летучего Голландца, тринадцать лет находившегося в цепких объятиях льдов, так и осталось неизвестным.

В списках полярных Летучих Голландцев есть один «классический прнзрак» нз громадной семьи пароходов. Его история, хотя и кажется невероятной,— достоверный факт, зафиксированный в анналах мореплавания XX в. Она началась в то время, когда наша страна была охвачена одной мыслью—о спасеннн экспеднции на пароходе «Челюскин», когда к лагерю Шмидта уже приближались первые спасательные партии.

Американский ледокольный пароход «Бэйчимо» грузоподъемностью около 1,5 тыс. т принадлежал «Компании Гудзонова залива». Каждое лето ои доставлял продовольствие, топливо, оружие и боепрнпасы охотничьим факторням, разбросанным вдоль берегов моря Бофорта. В обратиый рейс на пароход грузили пушнину, которую эскимосы и канадские трапперы приносили на склады в обмен на деньги и товары.

6 июля 1931 г. «Бэйчимо», имея на борту 36 членов экипажа под командованием капитана Коривилла, вышел из Ванкувера в очередное плавание за пушниной вдоль западного побережья Канады, через Берингов пролив в море Бофорта.

Испытанные и закаленные в суровых условиях Арктики моряки предвидели впереди тяжелое н небезопасное плавание, но не предполагали, что для них этот рейс на «Бэйчимо» окажется последним. Благополучно миновав Берингов пролив, судно вошло в воды Арктики и взяло курс на восток. Достигнув мыса Айсн-Кейп, судно натолкнулось на большие поля иевзломанного льда, прижатого к самому берегу. Чтобы пройти 140 миль, отделявших мыс Айси-Кейп от мыса Барроу, пароходу потребовалось 26 дней. Наконец, достигнув устья реки Маккензи, «Бэйчимо» встретил более легкие льды. Пробившись через залив Амундсеиа к конечной цели рейса—заливу Коро-

нейшеи, пароход посетил ряд факторий.

К середние сентября 1931 г. близ мыса Барроу «Бэйчимо» оказался в ледовом плену и долго кружил в поисках проходов средн нагромождеиий льда. 30 сентября пришлось застопорить машину и остановиться. Пароход прочио вмерз в лед.

К счастью, «Бэйчимо» находился поблизости от фактории иа мысе Барроу, где «Компания Гудзонова залива», предвидя, вероятио, такие случаи, построила жилье.

Капитан, ожидавший шторма со сиежными зарядами, приказал команде покинуть судио и по льду перебраться на сушу. Пурга шла за ними следом и продолжалась двое суток. Все это время команда «Бэйчимо» находилась в укрытии.

На третий день случилось нечто непредвидеииое: лед неожиданно ослабел н иачал дрейфовать от берега, оставляя у судна полосу чистой воды. Капитан воспользовался этим. Команда перебралась иа «Бэйчимо» н развела пары. Три часа корабль полным ходом шел иа запад. Казалось, опасность миновала. Но вскоре капитан Корнвилл понял, что «Бэйчимо» вместе со льдом дрейфует к скалистому берегу.

По радио передали сигнал «SOS» и иачали готовиться на тот случай, если пароход разобьется о скалы. Команда, однако, осталась иа судие, иадеясь, что его можно будет спасти.

15 октября, когда до скалистого берега оставалось иесколько миль н положеиие казалось безнадежным, судовладелец выслал с базы, находившейся за 600 миль, в Номе, два гидроплана. Они забрали 22 человека, оставив капитана н 14 матросов присматривать за судном с цениыми мехами. Оставшиеся моряки отдавали себе отчет в том, что им придется выдержать долгую арктическую зиму, а весной, когда растает лед, привести судно иа базу. Не откладывая, они иа толстой льдине, в миле от судна, раскинули лагерь н перебрались с парохода туда. Из лагеря можно было наблюдать за «Бэйчимо», не опасаясь, что вместе с раздавленным льдами судном они пойдут ко дну.

Темной ночью 24 ноября ураганный ветер и снегопад измотали силы команды. Когда ураган прекратился, в сером зимнем рассвете моряки увидели лишь фантастические, высотой до 20 м, иагромождеиия льда. Никаких следов судна ие было. Безрезультатные поиски продолжались целый день. Напрашивался естественный вывод: пароход «Бэйчимо», раздавленный льдами, пошел ко дну.

Когда поисковая команда, считая, что ее миссия, таким образом, закончилась, собиралась вериуться домой, в лагерь явился эскимос, который охотился в этом районе на тюленей. Он принес сеисационную весть, что видел пароход на расстоянии около 45 миль к югозападу от лагеря. Он узиал «Бэйчимо» по длинной трубе и округлому мостику.

Группа нз 15 человек в сопровождении эскимоса с трудом добралась до плененного судна н убедилась, что спасти его невозможно. Из трюмов забрали иаиболее ценные меха и покинули судио, считая его потерянным иавсегда. Вскоре оии вернулись домой самолетом, радуясь, что остались в живых.

С тех пор прошло немало времени, н вдруг в Ванкувер стали поступать сведеиия, кажущиеся фантастическими. Эскимосы сообщали, что пароход «Бэйчимо» по-прежнему блуждает среди льдов в иескольких стах милях западнее поселения Барроу. Здесь судио посетили американские промышленники, которые сняли с него груз пушнины на сумму 200 тыс. долл. Корпус парохода оказался совершеино иеповрежденным.

12 марта 1932 г. охотник н исследователь Лесли Мелвин обнаружил пароход, направляясь по льду на собачьей упряжке с острова Хершел в Ном. Судио держалось на воде поблизости от берега. Заинтересовавшись, охотник взобрался иа борт и убедился, что в трюмах попрежнему имеются меха, а машинное отделеине ие пострадало. Но так как ои был один, то о спасеиии «Бэйчимо» нечего было и думать.

Минуло еще иесколько месяцев. На этот раз «судио-призрак» заметила во льдах группа золотоискателей. Они подтвердили, что корабль иаходится в хорошем состоянии, но, ие будучи моряками, спасти его не пытались.

В марте 1933 г. пароход «Бэйчимо» придрейфовал к месту, где его покинула команда. Около тридцати эскимосов, увидев судно, на каяках поспешили к нему н забрались на палубу. Едва они начали его осматривать, как подиялся сильнейший шторм и снегопад. Напуганным эскимосам пришлось провести на судне без пищи десять дней, пока погода ие позволила им, охваченным суеверным страхом, покинуть этот несокрушимый пароход.

В августе 1933 г. судовладельцы получили очередное известие, что нх судно без команды спокойно дрейфует в северном иаправлении к полюсу. Однако они ие решались послать вслед за иим спасательную группу — это было просто невыгодио.

В июле 1934 г. к борту парохода «Бэйчимо» подошла исследовательская шхуна, иа которой находились учеиые, и среди них Изабелла Хатчинсои —

Вот он, призрак Белого Безмолвия... Английская баркентина, вмерзшая в лед Арктики

известный шотландский ботаник. Ученые провели на покинутом корабле несколько часов, о чем уведомили судовладельцев.

Между тем об одиноком судне уже создавались легенды. Как эскимосы, так и белые охотники безошибочно узнавали пароход «Бэйчимо» по его характерным очертаниям и длинной серой трубе. Судно неизменно сопровождали нагромождения льдов, которые словно стерегли его от попытки неожиданного бегства. Природа не желала его уничтожить, а человек — спасти.

Была, однако, предпринята попытка спасения путешествующего отшельника. Капитан Хью Полсон, судно которого в октябре 1939 г. находилось в море Бофорта, заметил на горизонте пароход «Бэйчимо».

Погода для этой поры стояла хорошая, поэтому капитан решил подойти и попытаться взять корабль на буксир. Однако через несколько часов ему пришлось отказаться от буксировки, так как начались ледовые поля и Полсон должен был принять меры по спасению собственного судна.

В марте 1962 г. несколько эскимосов, ловивших на каяках рыбу, вновь заметили «Бэйчимо». На этот раз судно спокойно плавало вдоль берегов моря Бофорта; длинная труба его была покрыта коррозией, борта сплошь порыжели от ржавчины.

Эскимосы не решились подняться на палубу. Они испытывали суеверный страх перед этим скитальцем и верили, что потопить его невозможно, что пароход обладает какой-то сверхъестественной силой в борьбе со штормами и льдами и будет кружить здесь вечно, одинокий и покинутый людьми, бросившими его на произвол судьбы.

Течение смерти

Много веков назад японцы обратили внимание на загадочное исчезновение своих рыбацких джонок в Тихом океане. Порой, уйдя в тихую погоду на промысел, рыбаки не возвращались домой. Это казалось странным и необъяснимым: не было ни тайфунов, ни штормов, а суда пропадали без вести.

Жившие по другую сторону Тихого океана индейцы западного побережья Северной Америки долгое время не могли понять, откуда к ним приплывают странные корабли с истощенными, потерявшими человеческий облик желтокожими людьми. Иногда на этих таинственных кораблях вместо живых людей обнаруживали человеческие трупы или скелеты...

Американским индейцам было невдомек, что эти корабли приплывали к ним из Японии. Они не знали, что, подхваченные мощным потоком течения Куро-Сио близ Японских островов, джонки выносило в открытый океан, где они двигались на восток со скоростью почти 40 миль в сутки, пока Калифорнийское течение не прибивало их к западному побережью Мексики или Калифорнии. В некоторых случаях, попав в плен Куро-Сио, рыболовные суда дрейфовали от Японских островов на северо-восток и примерно на широте острова Хоккайдо попадали в плен Северо-Тихоокеанского течения, а затем, подхваченные прибрежным течением, оказывались на берегу острова Ванкувер. Так, в 1813 г. капитан английского брига «Форрестер» Джон Дженнингс в нескольких милях от острова Ванкувер взял на буксир японскую джонку. Выяснилось, что целых полтора года это суденышко блуждало в океане. Невероятно, но факт: из 35 находившихся на его борту рыбаков трое остались живы!

Немало японских джонок было найдено и на Алеутских островах, у мыса Адамса, у острова Адак, у мыса Флаттерн, близ острова Атту и в других местах западного побережья Северной Америки.

В 1834 г. капитан американского парусника «Ллама» Мак-Нейл выменял у индейцев, живших на берегах реки Колумбии, трех японских моряков. Их джонка, занесенная в эти края течением Куро-Сио, разбилась на мели мыса Флаттерн. Трое оставшихся в живых японцев стали пленниками индейцев. Мак-Нейл доставил их в форт Ванкувер, откуда их через Китай отправили в Японию. Необычайные приключения этих трех японцев запечатлены американской писательницей Евой Эмери Дай в ее увлекательном романе «Мак Дональд из Орегона».

Историкам мореплавания известно немало случаев, когда джонки, попав в поток Куро-Сио, выносились другими течениями к западному побережью Северной Америки, от Мексики до Аляски.

Первая японская джонка, зарегистрированная в анналах морской истории как судно, переплывшее Тихий океан, была обнаружена жителями Мексики близ порта Акапулько в 1617 г. На ее борту нашли семь скелетов. К 1876 г. историки насчитывали уже 60 таких «кораблей смерти». Лишь в нескольких из них оказались чудом спасшиеся люди. Как правило, японцы, попав в плен Куро-Сио, погибали на исходе второй недели. И не от недостатка воды или пищи; рыбаки умирали от сознания, что находятся в плену «течения смерти». Старинные японские легенды об этом страшном течении рассказывают, что рыбы и птицы избегают пересекать его и лишь акула-людоед преследует обреченного рыбака, занесенного на эту «дорогу смерти».

Особенно боялись японцы Куро-Сио зимой, когда в северо-западной части Тихого океана свирепствуют циклоны и западные ветры, относящие утлые рыбацкие суденышки в открытый океан. Нередко подхваченные Куро-Сио джонки становились вечными скитальцами океана: если они попадали в так называемый западный круговорот субтропических вод северной части Тихого океана, их носило по воле волн до тех пор, пока они не шли ко дну или их не замечал встречный корабль.

Так случилось в 1832 г. с одной крупной японской джонкой, которую тайфун сделал пленницей Куро-Сио. Течение вынесло судно в западный круговорот субтропиков северной части Тихого океана. Изодранные в клочья паруса джонки не позволили ей вырваться из объятий течения. На борту корабля находились шесть моряков. У них имелся большой запас воды и риса. Одиссея обреченных японцев продолжалась восемь с половиной месяцев. Но вот кончилась вода. Ее приходилось собирать во время дождей. Когда их не было, моряки утоляли жажду кровью пойманных птиц и полоскали рот морской водой. Так, изнемогая от жажды, моряки провели еще три месяца. Один из японцев не вынес лишений, и его похоронили в море. Остальных спасли китайские рыбаки, когда джонка оказалась неподалеку от острова Тайвань. Беспрецедентный дрейф пятерых японских рыбаков, благополучно вернувшихся в родной порт Осака, продолжался почти год!

В ноябре 1854 г. японскую джонку, в которой оказался единственный живой человек, обнаружили близ Гавайских островов. Уцелевший сообщил, что плавал в океане семь месяцев!

**К новеллам
Вячеслава Мешкова
«СЕЛЕМДЖИНСКИЕ
ЭТЮДЫ»**

«Каково за делами да заботами поднимать глаза и видеть, как черные, серые, бурые сопки становятся с каждым днем зеленей?»

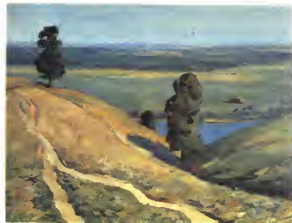
«Поверхность воды уже чиста, редко проплывет по горной реке одинокая льдина».

«...Как хорошо сейчас, как легко на душе, как здорово, что ушла зима!»

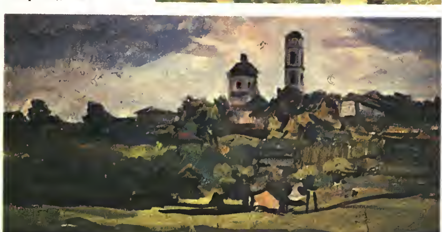
Суровый и девственно-нежный Селемджинский край

Владимир Найденко
«НА ПРОСТОРАХ ПОДМОСКОВЬЯ»

Иллюстрированный очерк

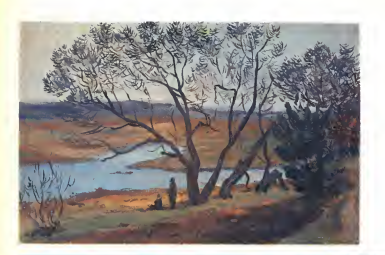
Кашира. Вид с Оки

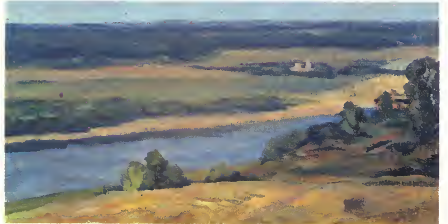

Козловка. Вдали — Белопесоцкий монастырь XV в.

Лужники. Серый день

Через Оку

Окские дали

Судостроительный завод *

*** Из собрания Каширского краеведческого музея**

Владимир Бодрин

ПО ГОРОДАМ ГДР

Фотоочерк

В мире стремительно растут города. В 1900 г. в них проживало 10%, в 1980 г.— 46% населения планеты; к концу XX в., по оценке Демографического центра ООН, городское население составит свыше 50%. На Земле есть страны, достигшие очень высокой степени урбанизации, намного превышающей среднемировую. К их числу относится и ГДР (около 17 млн. человек), в городах которой живет 76% ее населения.

ГДР — самая густонаселенная и самая «городская» страна среди социалистических государств Европы. Здесь, на территории в 108,2 тыс. кв. км, насчитывается 1100 городов, то есть один город приходится менее чем на 100 кв. км. И естественно, что природа ГДР, в которой постоянно присутствует человек,— это настоящий культурный ландшафт со своими специфическими проблемами. Высокая насыщенность небольшой территории страны городами, промышленными предприятиями, транспортными артериями заставляет внимательно относиться к вопросам использования земли, недр и вод, охраны окружающей среды от загрязнения. Опыт ГДР по устранению или смягчению неблагоприятного воздействия на природу скоплений населения и промышленно-

Берлин. Календарь и часы, показывающие время на всех долготах, на площади Александерплац

Берлин. Дворец республики — политический, общественный и культурный центр столицы ГДР

Берлин. Дворец республики. Главное фойе

Берлин. На площади перед Красной ратушей (памятник архитектуры XIX в., на снимке слева)

Берлин. Университет имени Гумбольдта, основан в 1809 г.

Центр Берлина ночью. 39-этажное здание отеля «Штадт-Берлин»

Берлин. Фонтаны ночью перед Красной ратушей

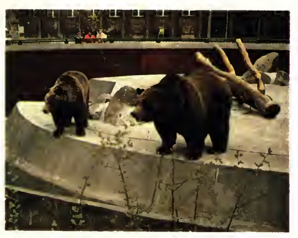

Карл-Либкнехтштрассе — одна из самых оживленных берлинских улиц

Центр Берлина. На дальнем плане — отель «Штадт-Берлин» и вокзал «Остбанхоф»

Берлин. Парк у озера Мюггельзее, район Кёпеник

Берлин. Дом Берлинских издательств. Здесь размещается ряд издательств ГДР

сти в городах имеет немаловажное значение для других социалистических стран, ибо со временем и они достигнут такого же уровня урбанизации.

Города республики различны по своему возрасту — от многовековых до новейших социалистических, возникших в годы народной власти. Часто такой город имеет в центре средневековое ядро, вокруг которого сформировались кварталы более поздних времен.

В одном из скверов в центре Берлина. Медведь — символ этого города

Александерплац — площадь в центре Берлина, важнейший узел городского транспорта

Берлин. Новые жилые дома в районе Инвалиденштрассе, район Митте

Как следствие феодальной раздробленности Германии, от прошлого сохранилось большое количество местных центров — бывших столиц феодальных владений, а ныне малых и средних городов. Среди них наиболее известен Веймар, связанный с именами Гёте и Шиллера.

Ведущую роль в жизни страны играют крупные города — ядра агломераций: Берлинской, Лейпциг-Галльской (двухцентровая агломерация), Карл-Маркс-Штадтской и Дрезденской. На севере ГДР формируется Ростокская агломерация.

Берлин — столица ГДР, крупнейший по населению (1 153 тыс. жителей, 1981 г.) город, сильно разрушенный во время войны и восстановленный в годы народной власти. Дальнейшему развитию Берлина как политического, экономического и культурного центра республики ЦК СЕПГ и правительство ГДР уделяют особое внимание.

Набережная в Варнемюнде — аванпорте Ростока

Росток. Судоверфь. Здесь строят торговые суда грузоподъемностью до 20 тыс. т

Росток. Ратушная площадь. Старая часть ратуши, построена в XIII в.

Росток — крупнейший морской порт республики и центр судостроения

Росток. На переднем плане старинная башня с крепостными воротами

Дрезден. Центральный универмаг «Центрум» на Прагерштрассе

Дрезден. Дети на улице города

Лейпциг (570 тыс. жителей) — второй после Берлина город по величине, объему промышленного производства, торговым и транспортным связям, культурным учреждениям науки и искусства. Еще в средние века он был важным транспортным узлом и центром ремесел, что способствовало возникновению здесь крупной международной ярмарки.

Галле (230 тыс. жителей) вместе с его окружением — центр разнообразной, прежде всего химической, промышленности, машиностроения и пищевой промышленности. Наряду с этим широко известны его университет и Академия естественных наук.

Дрезден (520 тыс. жителей) — старинный город, в прошлом

Дрезден. Цвингер. Вход в Дрезденскую картинную галерею

Дрезден. Цвингер. Сикстинская мадонна

резиденция саксонских королей, основан в начале XIII в. За годы народной власти здесь получили большое развитие электротехническая, электронная и приборостроительная промышленность. Однако он сохранил свое значение и как центр культуры, науки и искусства (дворец «Цвингер» со знаменитой Дрезденской галереей и др.) общегосударственного значения.

Лейпциг. Центр города. На дальнем плане — высотный жилой дом у Главного вокзала

Лейпциг. Рыночная площадь в старом городе

Заальфельд — старинный немецкий город

Заальфельд. Река Заале в черте города.

Росток (225 тыс. жителей) — город и порт в центральной части балтийского побережья ГДР. За последние 30 лет он превратился в «морские ворота» республики; в порту наряду со старой была создана новая глубоководная гавань, построена новая магистральная железная дорога, связавшая Росток с Берлином.

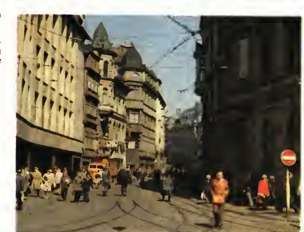
Фотографии
Л. Бергольцева и
М. Трахмана

Галле. Памятник Генделю на площади. Установлен в 1859 г.

Галле. Главная площадь с памятником архитектуры XVI в. — церковью Маркткирхе с четырьмя башнями

Галле. Центр старого города

А вот случай из истории «течения смерти», который в свое. время вызвал сенсацию в мировой прессе. В полдень 31 октября 1927 г. вахтенный штурман американского грузового парохода «Маргарет Даллар» доложил капитану Пейну, что заметил с мостика дрейфующее в океане судно. Пароход, изменив курс, подошел на четверть мили к незнакомцу. В бинокль было хорошо видно, что на его борту нет никаких признаков жизни. Капитан приказал спустить на воду шлюпку и осмотреть корабль.

То, что увидели поднявшиеся на борт неизвестного судна американские моряки, повергло их в ужас. На палубе среди спутанных тросов и сломанных мачт в различных позах лежали еще не разложившиеся трупы... Их было одиннадцать. В одной из кают кормовой надстройки на койке нашли еще один. На письменном столе каюты лежала кедровая дощечка с несколькими иероглифами, как потом выяснилось, обозначавшими имена членов экипажа, название судна и имя его владельца. В небольшом сундуке в каюте нашли исписанные иероглифами две толстых тетради: вахтенный журнал и дневник второго помощника капитана.

Вот перевод с японского двух последних страниц этого дневника:

«23 декабря 1926 г. во время сильного шторма нам отказал в помощи грузовой пароход «Уэст Айсом». Наш двигатель вышел из строя, и мы подняли сигнал бедствия. Увидя его, пароход подошел к нам. Это было в 700 милях от берегов Японии. Ричард Хэлли — капитан «Уэст Айсом» предупредил нас об опасности нашего положения. Мы отказались бросить свое судно, надеясь, что они помогут нам починить двигатель или возьмут на буксир. Но пароход неожиданно ушел, бросив нас на произвол судьбы.

Во время дрейфа нескончаемые штормы со всей силой обрушивались на наше судно. Вскоре мы потеряли всякую надежду починить двигатель. Нам удалось поставить паруса, но их изорвало в клочья. Ветры и течение уносили нас все дальше и дальше от родных берегов. Спустя шесть недель мы вновь заметили судно. Но оно не разобрало наших сигналов бедствия.

5 февраля серьезно заболел один из членов экипажа.

9 марта умер механик, а двое других от слабости не в состоянии подняться с коек. Продукты на исходе.

Между 12 марта и 1 апреля умерло пять рыбаков и первый помощник капитана.

5 апреля капитан Токизо Мики поймал большую морскую птицу, которую мы тут же съели. На следующий день умер еще один член команды.

14 апреля после длительной борьбы поймали и с трудом подняли на борт акулу. К этому времени все оставшиеся в живых сильно ослабли от истощения и болезни бери-бери.

19 апреля на борту умер десятый человек.

6 мая тяжело заболел капитан. Через четыре дня в живых остались только капитан Мики и я. У нас совсем нет сил, чтобы управлять судном...»

Последняя запись, датированная 11 мая 1927 г., гласила: *«Ветер от нордвеста. Погода облачная. Ветер свежий. Море неспокойное. Дрейфуем под уцелевшими обрывками парусов».*

Забрав с собой документы, американские моряки вернулись на свой пароход. Страшное судно взяли на буксир и привели в порт Сиэтл. Позже удалось выяснить, что это рыбопромысловое судно называлось «Райо Яйи Мару», которое 8 декабря 1926 г. вышло из порта Мисаки на промысел тунца.

«Маргарет Даллар», как уже говорилось, обнаружило его 31 октября 1927 г. С конца декабря 1926 г. по конец октября 1927 г. «Райо Яйи Мару» находилось в плену «течения смерти», пройдя в Тихом океане более 5 тыс. миль. Обнаружили морского скитальца немного южнее мыса Флаттери (США).

Находка капитана «Маргарет Даллар» стала в США сенсацией года № 1. Жители Сиэтла бросились в порт, чтобы взглянуть на корабль-призрак. Один ловкий предприниматель пытался даже превратить «Райо Яйи Мару» в платный аттракцион. Однако японский консул заявил, что такое намерение не что иное, как кощунство. По буддийскому обряду с трупов состригли по пряди волос и отправили родным моряков в Японию. Трупы и судно облили бензином и сожгли.

В 1960 г. мир узнал имена четырех советских молодых воинов — А. Зиганшина, Ф. Поплавского, А. Крючковского и И. Федотова. Сорванная жестоким штормом, военная баржа «Т-36», на которой юноши несли службу, оказалась во власти суровой стихии. Штормовой ветер, течение понесли корабль на юго-восток от Курильских островов. Выйдя из холодного течения Ойя-Сио, баржа была подхвачена одним из потоков Куро-Сио, которое увлекло ее в океан. Сорок девять дней отважные воины боролись с морской стихией, почти без пищи и пресной воды, пока им не оказали помощь американские моряки. Это труднейшее испытание советские воины выдержали с честью.

Лев Скрягин

СОХРАНИТСЯ ЛИ ПРИРОДА ГРЕНЛАНДИИ?

Поставляя в другие страны шкуры морских зверей, рыбу и креветок, Гренландия издавна славилась чистотой своих продуктов. Однако разработка полезных ископаемых, в частности месторождений нефти, свинца, цинка, молибдена, туристический бум и другие антропогенные (обусловленные человеческой деятельностью) факторы обострили проблему охраны окружающей среды на острове Поэтому решение датского парламента, поставившее природу Гренландии под защиту закона, не было неожиданностью. Еще в начале нынешнего века известный ботаник М. Порсильд (чье имя носит одно из наиболее уязвимых и нуждающихся в опеке растений острова — бескильница Порсильда) обратил внимание общественности на необходимость этого. К счастью для гренландцев, легкомысленно расточавших ресурсы живой природы, магистр Порсильд был не только страстным поборником идей охраны природы, но и человеком дела. По его инициативе в 1912 г. на острове Диско был организован заповедник. Впрочем, это слово едва ли здесь уместно. Речь шла лишь об охране богатой и разнообразной флоры небольшого островка, затерявшегося вблизи западного побережья Гренландии. Прибегая к современной терминологии, изъятый частично из хозяйственного использования район следовало бы назвать резерватом растений. Ни доступ в заповедник, ни охота на его территории запрещены не были. Но идея оказалась плодотворной, и скромный резерват на острове Диско стал прообразом системы охраняемых территорий Гренландии, рождающейся в наши дни.

Что же охраняет датский закон? Прежде всего ресурсы флоры и фауны гигантского острова, только 15% которого свободны ото льда. На севере, где природа очень чутко и болезненно реагирует на малейшие внешние воздействия, это имеет особое значение. Закон поставил под защиту уникальных представителей животного мира высоких широт Арктики — белых медведей и моржей, тюленей и китов, овцебыков и северных оленей. Ограничены и точно определены нормы отстрела этих животных. А на некоторых из них охота вообще запрещена. Однако для местных жителей сделано исключение. Даже на территории национального парка в северо-восточной Гренландии профессиональным охотникам из числа аборигенов разрешено заниматься промыслом диких животных, в том числе белых медведей. Но охота разрешена только на животных, достигших определенного возраста. Медвежата до одного года и самки с детенышами охраняются круглый год. Запрещено охотиться с самолетов, вертолетов, использовать наземные средства механического транспорта. Нельзя содержать белых медведей в неволе или вывозить их за пределы острова без особого разрешения властей.

Охраняется заметно поредевшее птичье население острова. Действующим законодательством установлены виды птиц, на которые разрешена охота. Приняты особые меры по охране птичьих базаров. Сотни тысяч пернатых, обосно-

Греилаидия. Особо охраняемые природные территории заштрихованы: Национальный парк в северо-восточой Гренландии. заповедиик «Залив Мелвилл», резерват растений на о. Диско

вавшнхся на скалистых берегах острова, служат подлннной достопримечательностью Гренландии. На птичьих базарах, а также на расстоянии 2 км от них охота на птиц строго запрещена. В общем законодателям пришлось основательно потрудиться, чтобы отрегулировать охоту на днких зверей н птиц, а также рыбный промысел у берегов Гренланднн.

Однако события развиваются стремительно, и жизнь ставит перед островитянамн новые проблемы. Гренландия давно уже не «оазнс», где обитают простодушные и бесхитростые эскимосы-охотники, о которых с такой подкупающей любовью писали знаменитые датские нсследователи Севера — Кнуд Расмуссен н Питер Фрейхен.

Мировой энергетический крнзнс н связанные с ним поиски новых источников энергии обратили взоры нефтепромышленников к континентальному шельфу Гренландии. Бурение нефтяных скважин здесь, как н в других районах Севера (на Аляске и в Канаде), прнводит к невиданному доселе загрязненню прнродной среды. Разлившаяся нефть губительно действует на морских зверей, рыб и птиц. Парадоксально, что морские млекопитающие, безжалостно нстреблявшнеся на протяжении веков с целью получения жира, используемого как смазочный материал н как горючее в лампах, обязаны своим спасением бурному развитию нефтедобывающей промышленности. Побочные продукты переработки нефти, как известно, с успехом заменили столь необходнмый в прошлом жнр китов н тюленей. Однако по ироннн судьбы нефть из спасителя морских животных иа наших глазах становится виновником нх гибели.

Добыча нефти и связанная с ней деградация природной среды прнводят к радикальным изменениям в экономике Гренландии. Рушится традиционный, сложившийся на протяжении столетий уклад жизни, рыболовство и промысел морского зверя становятся второстепеным занятием, уступая место иным, более современным формам ведення хозяйства. Что лучше для гренландцев: промысловые охоты и рыболовство или индустриализация страны? Вот суть проблемы, решить которую предстоит самим жителям острова.

Особую роль в охране природы Гренландии прнзваны сыграть заповедные террнторин. Это уже упоминавшнйся резерват растений на острове Диско, заповедник в залнве Мелвилл, у западного побережья острова, н национальный парк в северо-восточной Гренландии. Площадь последнего — 70 млн. га. Это самый большой нацнональный парк в мире. В заповеднике н национальном парке охраняются и их постоянные обитатели — тюлени. Охраняются лежбища моржей н места, где устраивают берлоги белые медведн. Здесь строжайше запрещено беспоконть или дразнить животных. Установлена даже минимальная высота полета самолета над охраняемыми террнториями — 500 м. На территорни заповедника н национального парка разрешено лишь проводить научные исследования. Национальный парк открыт н для турнстов, число которых с каждым годом растет.

Закон защищает не только животный н растительный мир острова. Охраняются старнннные поселения эскимосов н скандинавов, места захоронения древних жителей острова. В заповедных зонах, где охраняются памятники старины, нельзя вестн раскопки, разводить костры, ставить палатки.

Система охраняемых территорий продолжает расширяться. На южном и юго-западном побережье острова, в районах старинных поселений скандинавов — Эстербюгд и Вестербюгд, планируется создать прнродно-исторические парки.

Юрий Фейгин

КАМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ КЫЗЫЛ-ДЖАРА

Среди названий больших и малых хребтов Казахстана и Средней Азии часто повторяется сочетание двух коротких слов — Кара-Тау (черные горы). Это объясняется не только цветом слагающих их скальных пород. Нередко древние сказания повествуют, что там обитают злые духи или происходили трагические события, память о которых сохранилась надолго.

Джамбульские Кара-Тау — самый северный хребет Тянь-Шаня. Он проникает в глубину южноказахстанской пустыни более чем на 400 км. В 30-х годах этот район был известен находками таусагыза, одного из видов одуванчика, который предполагалось использовать в качестве каучуконоса. Позднее здесь открыли месторождение цветных металлов, и в сердце гор вместе с рудником вырос уютный зеленый город Кентау. Сейчас в Кара-Тау разрабатываются богатейшие залежи фосфоритов.

И другими сокровищами знамениты горы. В центральной их части расположено уникальное озеро-заповедник, по берегам которого ученые обнаружили ценнейшие отпечатки животных и растений юрского периода. А на северных склонах хребта, в сопке Кызыл-Джар, академик АН Узбекской ССР Е. П. Коровин нашел очень интересную верхнемеловую флору.

В длительной истории становления органического мира нашей планеты вторая половина мелового периода (80—100 млн. лет назад) известна как время появления и бурного расселения наиболее высокоорганизованных цветковых растений. В сущности уже тогда началось формирование современного зеленого убора Земли.

Ископаемые флоры этого периода найдены во многих районах земного шара. Не столь редки они и в пределах нашей страны. Но все равно многие этапы образования столь знакомых нам растительных сообществ до сих пор остаются неясными. Слишком скупа и неполна «каменная летопись». Поэтому сведения о малоизученном местонахождении растительных остатков не могут не вызывать самого живейшего интереса.

Поиски ископаемых растений помимо их научной значимости очень увлекательны сами по себе. Ими можно заниматься десятки лет, но все равно, когда удается обнаружить хорошие отпечатки, это переживаешь по-новому, особенно если отпечатков много и они разнообразны. Такое местонахождение можно посещать неоднократно и каждый раз находить что-то новое. И вот накапливается солидная коллекция. Так было и с сопкой Кызыл-Джар.

К подножию ее я попал осенью 1961 г. Найти сопку не составило большого труда. Выехав из города Кентау и перевалив через восточные склоны хребта, мы направились вдоль гор на север, пока они, постепенно понижаясь, не слились с окружающей пустыней. Кызыл-Джар видно издалека. Холм стоит на пологой равнине, опускающейся к котло-

вине озера Ащекуль, и бросается в глаза своей яркой окраской. Слагающие его слои имеют фиолетовый, желтый, а главным образом киргично-красный и оранжевый цвета. На плоской вершине сохранилась безымянная старая могила. Отсюда и название — Кызыл-Джар (красная могила). Так же называется и расположенный рядом колодец с солоноватой, но вкусной водой.

Обычно на юге Казахстана осенью работается хорошо. Спадает летний зной, но еще достаточно тепло. Но в том году неожиданно быстро похолодало. Утром вылезать из спального мешка очень не хотелось. Утренняя стужа заставляла торопливо натягивать на себя теплые вещи вплоть до полушубка. Часам к одиннадцати воздух прогревался и можно было даже загорать. Потом температура снова постепенно падала.

Надежды, которые я возлагал на краснобокий холм, были велики, но действительность превзошла самые смелые ожидания. Верхняя его часть, сложенная плитчатыми, плотными разноцветными глинами, оказалась буквально набита великолепными отпечатками. Они покрывали каждый кусок породы. К концу первого же дня у меня в руках оказалось свыше сотни образцов.

Назавтра я гораздо быстрее вылез из спального мешка, предвкушая находки, сулящие много нового и интересного. Но природа решила встать на защиту тайн своего прошлого. После полудня неожиданно при безоблачном небе началась песчаная буря. Видимость ухудшилась так, что и вытянутую руку не разглядеть. Пришлось срочно сворачивать лагерь и буквально ощупью выбираться из кипящего песчаного месива. Хорошо, что образцы были упакованы и уложены в ящик накануне вечером.

На следующий год, теперь уже знакомой дорогой, я снова отправился на сопку Кызыл-Джар. Стояло жаркое казахстанское лето. Днем температура доходила до 45°C в тени. Мы вставали с рассветом, работали до полудня, потом устраивали перерыв до пяти часов, а затем снова занимались сбором образцов, пока не опускались сумерки. Пожалуй, эти часы были самыми плодотворными: становилось все прохладнее, менее резким был солнечный свет.

Вдвоем с коллектором мы расчистили на вершине холма просторную площадку. Теперь, осторожно откалывая слой за слоем, можно было отбирать все, что заслуживало внимания. А его заслуживало весьма многое. К сожалению, работу пришлось прекратить через четыре дня. Шофер высказал вполне обоснованное опасение, что если мы будем продолжать в том же духе, то едва ли экспедиционная машина стронется с места под тяжестью образцов.

На многих плитках растительные остатки соседствовали с четкими отпечатками насекомых. Не меньше было экземпляров огромных, до 5 см в поперечнике, чешуй каких-то гигантских рыб.

По возвращении в Москву я передал эти материалы палеонтологам. Как сказали они мне, им не встречалось ничего даже отдаленно похожего на эти чешуи. В очень осторожных выражениях было высказано предположение, что они принадлежали древним окуиевым.

Зато скромная коллекция ископаемых насекомых совершенно неожиданно вызвала у палеоэнтомологов подлинный взрыв энтузиазма. Там оказалось много форм, тоже ранее не известных науке. Обычно между передачей материала на определение и получением результатов проходит порядочное время. А тут через несколько дней раздался телефонный звонок, и я получил приглашение прийти в Палеонтологический институт. Вскоре по нашим следам на Кызыл-Джар отправилась палеоэнтомологическая экспедиция, собравшая уникальную коллекцию из 400 великолепных образцов. По словам ныне покойного начальника экспедиции А. Г. Шарова, еще ни одно палеонтологическое учреждение мира не имело такого обширного собрания верхнемеловых насекомых.

Я еще дважды побывал на удивительной сопке. Правда, теперь отбирал отпечатки более осмотрительно. Но все равно размеры коллекций выросли до 1200 экземпляров.

Их изучение дало многое. Прежде всего поражало необычайное видовое разнообразие растений. Отпечатки, извлеченные из слоев глин, общей толщиной не более двух и протяженностью около сотни метров, принадлежали более чем 150 видам, распределявшимся по 58 родам, из которых 42 существуют и в наши дни. Предположение о том, что современный растительный мир формировался уже в верхнемеловую эпоху, нашло, таким образом, самое убедительное подтверждение.

Три четверти сборов касалось платанов. Прекрасно сохранившиеся крупные трехлопастные листья с характерным жилкованием вызвали особенный интерес у первооткрывателя кызыл-джарской флоры Е. П. Коровина. Рассматривая очередные находки, он как-то шутливо заметил, что если сделать такие же отпечатки с листьев ташкентских платанов, то, наверное, трудно будет отличить ископаемые формы от современных. Но это во многом соответствует действительности. За десятки миллионов лет платаны практически остались неизмен-

Отпечатки древних растений на камне

ними. Причем не только они. В нашей коллекции есть хурма, дубы, каштаны, вязы, ивы... Внешний облик листьев, плодов, коры удивительно сходен с тем, что можно увидеть на деревьях, растущих сейчас в различных районах Казахстана и Средней Азии. Особенно поразил меня один отпечаток листа тополя. Я сравнивал его с экземплярами, хранящимися в гербарии Московского государственного университета. Ближе всего наш образец оказался к белому тополю. Но совершенно идентичными были листья, сорванные с дерева в Джамбульской области, в сотне километров от сопки Кызыл-Джар.

Одним словом, свыше 90% образцов принадлежат древесным растениям, произрастающим до сих пор. Невольно напрашивается вывод: не определяет ли подобное сходство также и близость природных условий? Другими словами, не было ли в столь далекую от нас эпоху заложено начало формирования современных среднеазиатских и казахстанских ландшафтов?

В засушливом климате, который царит здесь, лиственные деревья могут существовать лишь при добавочном увлажнении, вблизи пресноводных водоемов. Примерно та же природная обстановка существовала и в верхнемеловое время, о чем повествуют ископаемые коллекции.

Вспомним, как происходит захоронение ископаемых растительных остатков. Лист, ветка, плод переносятся ветром или водой в прибрежную часть ближайшего водоема. Чтобы они бесследно не исчезли, попросту не сгнили, требуется сложный комплекс физико-химических условий. Естественно, в наши руки попадает ничтожная часть того, что здесь когда-то росло. Растение должно быстро затонуть, погрузиться в слой ила, стать недоступным влиянию кислорода. Затем оно долго пропитывается циркулирующими в иле минеральными растворами, соли которых постепенно замещают органическое вещество клеток, не нарушая их внешнего облика. И только после всего этого слои окаменевшего ила сохраняют для нас в течение огромного промежутка времени копии, повторяющие до мельчайших подробностей форму листа, когда-то оторвавшегося от дерева.

Степень сохранности отпечатка позволяет судить, насколько далек был путь от дерева до водоема. Особенно это легко установить, если лист крупных размеров, сложной формы, с зубцами, что увеличивает возможность механических повреждений.

На Кызыл-Джаре отпечатки отличаются удивительной сохранностью. У листьев платанов хорошо видны даже своеобразные сосочки на зубцах, которые у ископаемых форм встречаются редко. Деревья, очевидно, росли на берегу водоема, жались к воде, как и их современные сородичи. А о том, что водоем был пресноводным, свидетельствуют личинки стрекоз, обнаруженные палеоэнтомологами в собранной ими коллекции.

Там есть образцы, несущие следы сравнительно дальнего путешествия. К их числу относятся засухоустойчивые хвойные или деревья с жесткими кожистыми листьями, испарявшими минимум влаги.

Конечно, было бы неправильно говорить о полной идентичности природной обстановки современной и верхнемеловой эпох. В то время возле сопки Кызыл-Джар плескалось теплое море, создававшее бо́льшую, чем сейчас, влажность воздуха. Наверное, были и другие отличия. Но в целом есть основание предполагать сходство ландшафтов. Это подтверждается нашими находками.

До сих пор в моем рассказе фигурировали растительные формы, аналогичные ныне существующим видам. Но нередко природа ставит исследователя в тупик сложными загадками.

Крупнейший советский палеоботаник А. Н. Криштофович при изучении меловой флоры Дальнего Востока обнаружил странное растение. Нельзя было даже сказать, что это за отпечатки — листьев или уплощенного стебля. По форме они резко различаются: то это был овал, то широкий или узкий конус; некоторые имели вид беспорядочного сочетания нескольких лопастей, различных по очертанию и направленных в разные стороны. Объединял их только очень своеобразный тип жилкования. Средней жилки не оказалось, вся поверхность покрыта тонкими многочисленными жилочками, повторяющими своими изгибами форму отпечатка. Органы размножения, которые могли бы помочь классифицировать растение, обнаружить не удалось. Пришлось находку назвать условно и довольно длинно: протостеблелист многоформный. Отнесли же растение пока что к гипотетическим хвойным.

Кроме Дальнего Востока, протостеблелист в меловой флоре долго не встречался. И вот вдруг мы его обнаруживаем — и в большом количестве! — на сопке Кызыл-Джар. Среди собранных здесь отпечатков тоже нет даже двух, хоть отдаленно похожих друг на друга. По внешнему облику казахстанские образцы совершенно идентичны дальневосточным. Но одна находка породила надежду уточнить родственные связи загадочного растения.

В основании одного отпечатка, имеющего форму узкого, утончающегося книзу клина, я увидел след такого же вытянутого и узкого органа плодоношения, напоминающего спороносный колосок. Драгоценный образец упаковали особенно тщательно, в Москву прибыл он благополучно, но при дальнейшем его изучении меня постигло разочарование. Действительно, это оказался орган спороношения, характерный для высших споровых растений, таких, как плауны или хвощи. Но доказать, что он и протостеблелист — единое целое, не представлялось возможным. Когда отпечаток отделялся от слоя, была допущена непростительная оплошность. Самый кончик длинного, узкого основания вместе с какой-то частью колоска были отрублены и остались в породе. Установить дефект удалось только при изучении под бинокулярной лупой при хорошем освещении.

Так и осталось неизвестным, рос ли колосок от основания протостеблелиста, или произошло механическое наложение частей различных растений. Генеалогическое древо протостеблелиста нарисовать не удалось.

В кызылджарской коллекции есть еще несколько отпечатков, напоминающих одно- или двухрядные колоски злаков. В числе известных нам растений мелового периода представители травянистых форм, как правило, не встречаются. Краснобокая сопка и тут оказалась оригинальной: здесь эти растения были обнаружены. Но аналогов среди уже известных современных или ископаемых форм тоже подобрать не удалось. Пришлось ограничиться отнесением их к подклассу однодольных.

Речь пока шла о представителях растительного царства. А иногда даже это установить сразу не удавалось. Кызыл-Джар преподносила подобные сюрпризы.

Как-то я обратил внимание на очень странные мелкие отпечатки длиной не более двух сантиметров. Представьте себе короткий стебель в виде перевернутого ребристого конуса, переходящего в тонкий корневидный отросток. От основания конуса кверху отходят три лепесточка, тоже конусовидной формы, с перистым жилкованием и четкой средней жилкой.

В целом все это напоминало молодой росток с типичными семядольными ли-

сточками. Но почему листочков три? Трехдольное растение? Таких отпечатков набралось более десятка.

По возвращении в Москву я по старой памяти потащил свои находки в alma mater — Московский университет. Там ботаники пришли к заключению, что это не рвстение. Зоологам отпечаток напомнил хвостовое оперение личинок стрекоз, которые здесь были обнвружены.

Вывод об отнесении отпечатка к миру животных мне показался маловероятным. Но для доказательства противного нужны были веские аргументы. Дождался я весны, вооружился сачком н отпрввился за город ловить личинок стрекоз. Вскоре убедился, что иа конце их тела — трн перышка, по форме похожие иа мои находки. Однако известно, что тело лнчинкн постепенно сходит на нет, а ни в коем случае не рвсширяется. Но главное — перышки имеют совершенно нное жилкование. Значит, больше было шаисов, что найденные в иедрах Кызыл-Джара непонятные организмы все-таки принадлежат к миру растений. Этому нашлось еще одно подтверждение.

На одном из образцов после препарнровки открылся отпечаток соплодия: масса мелких семян тесио сидят на булввовидном цветоложе. Несколько более крупных (виднмо, созревших) семян заметны рядом. Когда я их рассматрнвал при небольшом увеличении, то невольно обратил внимание на сходство формы семян с нижней половиной странных отпечатков. Тот же ребрнстый конус, только меньше размером. Кроме того, на широком конце четко выделялись трн крохотных сморщенных комочка, которые вполне могли оказаться неразвернувшимися семядольными листочками. А если так, то принадлежность загадочных отпечатков к животному миру полностью нсключалась.

Ну а как же быть с тремя семядолями? Этому тоже нашлось вполне логичное объяснение. Трех- и даже четырехдольные растения можно и сейчас отыскать на тропических островах Тихого океана. Их описал академик А. Л. Тахтаджан во время экспедиции на «Витязе».

Знвчит, они вполне могли произрвстать в верхнемеловое время, даже, нвверное, встречались повсеместно. Иначе чем объяснить, что их в одиой точке обнаружено более десятка, ведь сохраняется нскопаемых остатков очень немного по сравнению с жившими когда-то растениями. Напомню еще, что в меловой период проходил очень важный этап эволюции растительного царства. От каких-то еще неизвестных голосемянных отделился н сформировался новый, наиболее высокоорганизованный класс цветковых растений. Процесс, очевидно, протекал одновременно в нескольких районах земного шара, но разными путями, поэтому-то могли появиться одно-, двух- и трехсемядольные растения. Неизвестно, каких вначале было больше, но широко распространились наиболее жизненные, преимущественно двудольные формы, которые и составляют основную массу ископаемых покрытосемянных мелового пернода.

Об нскопаемых богатствах сопки Кызыл-Джар можно рассказывать очень много. Редко встречвются места, где так удачно сочетался когда-то целый ряд фнзнко-химических процессов, обеспечивших идеальную сохранность многообразных остатков животных н растений. Наверняка недра сопки таят еще немало неизвестного нвуке.

Станислав Самсонов

Урожай с плантации пней

В окрестностях города Крефельд (ФРГ) существует весьма необычная плантация. Среди леса вспахана большая поляна и засажена гнилыми пнями. Высота каждого нз них около одного метра. Эти «посадки» систематически орошаются, чтобы древесина была мокрой. На пнях предварительно делаются тонкие продольные разрезы, и в них под небольшим давлением вспрыскивается питательный раствор со спорами грибов одного из видов опят. Примерно через три недели появляются первые маленькие грибы, а еще через неделю снимается урожай. За специфический лесной запах эти грибы чрезвычайно ценятся любителями. Плантация исправно дает урожай уже в течение пяти лет.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЛОН

Сурин — небольшой городок в 452 км к востоку от Бангкока, находится, можно сказать, в самом центре древнего легендарного Сиама. Исстари царем животного царства здесь считается слон: в Таиланде его любят, почитают и охраняют, как ни в одной другой стране мира. На протяжении многих сотен лет слонов здесь отлавливают, но не для того, чтобы заполучить ценные бивни, а чтобы одомашнить этих животных, приучить жить рядом с человеком.

Ежегодно в Сурине устраивается своеобразный фестиваль толстокожих гигантов. Нынешней осенью главной героиней фестиваля и любимицей публики стала слониха Кум Аке — солидная 50-летняя «дама» ростом 2 м 70 см и весом 5000 кг. Встреча этой слонихи с сотней солдат, решивших померяться с ней силой, закончилась в ее пользу. Во время состязания по перетягиванию каната «люди против слона» Кум Аке опустилась на колени, и сто человек не смогли сдвинуть ее с места: туго натянутый канат толщиной в человеческую руку даже не шелохнулся. Жюри присудило победу слонихе.

В суринском фестивале толстокожих гигантов принимают участие только слоны — победители отборочных соревнований. В фестиваль помимо уже названного входят еще шесть видов состязаний.

Прежде всего это состязание в беге. Некоторым слонам удается развить скорость до 40 км в час; когда бегут слоны, под трибунами зрителей дрожит земля.

Затем на пути слонов устраиваются лабиринты из бутылок, дынь, всевозможных пластмассовых предметов. И надо сказать, что в этом виде соревнований слоны демонстрируют совершенно незаурядную сообразительность.

Устраивают для слонов и игру в футбол. Управляемые таиландскими юношами, они гоняют мяч, который в пять раз больше обычного.

Проводится и такое состязание. Верхом на слонах новоявленные таиландские ковбои должны заарканивать молодых животных, разбежавшихся по полю.

Самое эффектное зрелище праздника — парад боевых слонов, после которого на глазах у публики разыгрываются сцены войны в джунглях.

Наконец, демонстрируется выучка и дрессировка этих сообразительных животных. В этом последнем состязании принимает участие (правда, не без риска для жизни) и публика: двенадцать зрителей-добровольцев легли на траву рядком на расстоянии одного метра друг от друга, образовав «живую дорожку», по которой должны были пройти пять слонов. Слоны продвигались вперед очень медленно, аккуратно ставя ноги так, чтобы не задеть лежащих на земле людей.

И все же самый волнующий для местных зрителей момент фестиваля — появление других важных его участников — туристов.

Дело в том, что фестиваль приурочивается обычно к моменту, когда в этом районе Таиланда начинается отлов диких слонов для одомашнивания. Это и привлекает иностранных туристов. Местные жители собираются в Сурин не столько

чтобы полюбоваться на слонов, сколько поглядеть на приехавших в такую даль иностранцев. В общем именно туристы — подлинный «гвоздь программы» фестиваля. По официальным данным, в 1960 г. в Таиланде побывала 81 тыс. иностранных туристов; в 1978 г. их число удвоилось и продолжает расти.

Следует подчеркнуть, что в Таиланде слон — вовсе не объект забавы. 200 толстокожих участников фестиваля в Сурине — это лишь малая часть слоновьего стада страны, насчитывающего 4 тыс. голов. В экономике Таиланда, во многом зависящей от эксплуатации джунглей, рабочие слоны используются в качестве живых тракторов, хотя, конечно, по мере внедрения техники стальные машины начинают вытеснять животных.

Прогресс есть прогресс, его не остановишь. Но праздник, проводящийся в Сурине, продолжает пользоваться огромной популярностью: в маленьком таиландском городке умеют любить и уважать этих великолепных животных.

Джанпаоло Петитто

Перевод с итальянского

Фридэнги Двин

Распознали уловку людей

Дельфины, очевидно, гораздо «интеллектуальнее», чем до сих пор думали ученые. Об этом может свидетельствовать следующий факт. По просьбе японских рыбаков были построены пластмассовые модели, имитирующие злейших врагов дельфинов — зубатых косаток. Эти модели прикреплялись к сетям, чтобы отпугивать стада морских животных, набрасывающихся на улов. Однако полимерные чучела, хотя и были очень грамотно окрашены, не испугали «интеллигентов моря».

Флот Клеопатры

Одна из морских битв римского флота с египетским произошла у берегов Эллады. Это случилось 1950 лет назад. В сражении приняло участие более 400 кораблей. Когда победа начала клониться в сторону римлян, Клеопатра и ее полководец Марк Антоний повернули свой флагманский корабль в сторону Африки. Оставшаяся эскадра египтян была уничтожена.

Греческим аквалангистам удалось обнаружить место грандиозного сражения. Как они утверждают, под слоем ила корабли хорошо сохранились. Специальная комиссия подводных археологов приняла решение о разработке технического проекта подъема древних боевых судов.

Чайный лист — причина вихрей

Каждый год над чайными плантациями в Кении разражается несколько опустошительных ливней с градом. По рассказам старожилов, таких явлений не было до того, как появились тут посадки чайных кустов. Ученые решили все это проверить, найти причины участившихся бурь, наносящих серьезный урон сельскому хозяйству. Прежде всего они исследовали атмосферу и убедились, что во время сбора листа теплые потоки воздуха поднимают вверх массу микроскопических органических частиц. Они оказались кусочками засохших чайных листьев. Такие же частицы были обнаружены и внутри ледяных шариков-градинок.

Вывод был однозначным: именно чай является причиной образования градовых туч. Его частицы становятся ядрами кристаллизации, вокруг которых в холодных слоях атмосферы нарастает лед и превращается в град. Причины известны, а вот методы борьбы с этим явлением пока еще не найдены.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ЧИСТОЙ ВОДЫ

От редакции

В 1980 г. Организация Объединенных Наций приняла решение объявить наступающее десятилетие Международным десятилетием питьевой воды. Цель этого важного мероприятия — обеспечить чистой водой все население земного шара к 1990 г.

Несмотря на бурное развитие науки и техники, нехватка чистой воды все острее ощущается во многих районах мира. Сегодня загрязненную воду потребляют на 100 млн. человек больше, чем пять лет назад. Загрязненная вода — одна из самых серьезных причин многих инфекционных заболеваний. По данным ООН, болезнями, передающимися посредством воды,— трахомой, слоновой болезнью, малярией, диареей и др.— страдает около 1 млрд. человек.

Наиболее сложное положение с питьевой водой в развивающихся странах, где из-за несоблюдения элементарной санитарии ежедневно умирает 16 тыс. детей. Однако проблемы водоснабжения очень остро стоят и в промышленно развитых странах.

В публикуемой ниже статье, написанной по материалам американской печати, рассказывается о состоянии водных ресурсов в США, трудностях с водоснабжением и принимаемых мерах по их преодолению.

Проблема воды в США

Человечество стонт перед лицом серьезных проблем, связанных с потреблением воды. Не миновала чаша сия н Соединенные Штаты Амернки — страну с разиообразными климатическими условиями н высоким уровнем развития снстемы водоснабжения.

16 млрд. т осадков, ежедневно выпадающих на территорию США, распределяются по стране крайне неравиомерно. Западные штаты, в которых сосредоточено 60% национальных богатств, получают лишь четвертую часть влаги. Трудности ожидают не только засушливые бассейны рек Колорадо н Рно-Гранде, ио н богатые влагой восточные районы страны. Еслн повторнтся засуха начала шестидесятых годов, превратившая, по свидетельству очевидцев, многочисленные скверы и парки Нью-Йорка в пустыри, десятки миллионов амерпканцев, живущих от Бостона до Вашингтона, будут вынуждены резко сократить свой водный рацнон.

Приметы этого видны уже сегодня. Нью-йоркский водопровод питается водой нз чнстых водоемов, расположенных в северной части штата. Это ги-

гантское сооружение, состоящее из сотен километров туннелей, акведуков и трубопроводов, вызывает восхищение специалистов. Но даже при столь совершенной системе водоснабжения Нью-Йорку угрожает серьезная нехватка воды. За последнее время уровень воды в основных водохранилищах угрожающе падает. Обеспокоенный этим, мэр Нью-Йорка вынужден был призвать жителей города к экономии: «отказаться от мытья посуды проточной водой, ограничиться душем вместо ванной и использовать стиральные машины только на полную загрузку».

Американцы не пожалели средств на гидротехнические сооружения: возвели два миллиона дамб и плотин, оросили шестьдесят миллионов акров полей, прорыли судоходные каналы, по которым сегодня перевозится пятая часть всех грузов, построили пятьдесят тысяч государственных и частных гидроэлектростанций, осушили сто миллионов акров болот и пробурили сотни миллионов колодцев.

В результате столь массированного наступления на природу произошли самые удивительные метаморфозы. Благодаря каскаду плотин течение реки Теннесси — девятой по величине реки в США — можно теперь остановить, и это не труднее, чем повернуть водопроводный кран. А вот река Чикаго потекла... вспять, только так избавили озеро Мичиган от сточных вод чикагской канализации. Из грунта, на котором стоит Хьюстон, техасцы выкачали столько воды, что город опустился на несколько футов, а жителей некоторых районов пришлось выселить, так как их могло затопить морской водой залива Галвестон. Бурная Колорадо отдает столько воды городам и фермам, расположенным вдоль ее засушливых берегов, что почти исчезает в песках Мексики, не успевая донести свои воды до океана. Ежедневно на карте Соединенных Штатов появляется шесть новых искусственных озер; в основном это водохранилища и декоративные пруды. Кроме того, американский ландшафт каждый год обогащается 50 тыс. водоемов на фермах.

Однако, несмотря на все эти чудеса водоснабжения, свыше 4 млн. американцев ощущают острую нехватку питьевой воды. В основном это фермеры и жители маленьких городков, куда не доходят муниципальные водопроводные системы. Особенно остра эта проблема в угледобывающих районах Западной Виргинии. Журналист Томас Кэнби рассказывает, что своими глазами видел, как из водопроводного крана на кухне в одном из домов лилась непонятного цвета жидкость с отвратительным запахом. «Это еще ничего,— сказала хозяйка дома,— иногда вода идет столь густая, что даже не стекает, а остается в раковине. Питьевую воду мы берем из придорожной колонки примерно в миле отсюда». Она показала Кэнби результаты химического анализа водопроводной воды. Чего там только не было: железо, марганец, хлориды, сульфаты! Ее дочь заболела из-за этого гепатитом, а местный адвокат тщетно пытался привлечь водопроводную компанию к суду за нарушение девяноста трех (!) медико-санитарных норм...

Грустное впечатление осталось у Кэнби и от посещения поселка Роки-Бранч, расположенного в узком скалистом ущелье реки Гайандот. Нечистоты стекают в реку и просачиваются в колодцы.

Ближе к восточному побережью, в штате Виргиния, с водой тоже туговато: твердые гранитные породы восточных Аппалачей содержат очень мало грунтовых вод; можно бурить скважину на шестьсот футов и не найти ни капли. Одни черпают воду из рек, нередко загрязненных различными стоками, другие собирают дождевую воду, стекающую с крыш вместе с листьями и птичьим пометом, третьи пользуются услугами автоцистерн. Некоторые даже покупают на автозаправочных станциях газированную воду и используют ее для умывания и приготовления пищи.

Земная кора напоминает гигантскую губку. Она жадно впитывает воду, которую приносят дожди или таяние снегов; через зернистые почвы и трещины в скальных породах вода просачивается глубоко в землю. Там, где вода может растечься в ее толще, образуются резервуары, которые называются водоносным слоем. Верхний край водоносного слоя, или, как его называют, водное зеркало, служит основной целью бурильщиков колодцев. Таким образом, под нашими ногами находятся огромные запасы свежей воды, ее в 30 раз больше, чем во всех реках и озерах, вместе взятых.

Мощные водоносные слои часто выходят на поверхность. Там, где водное зеркало лежит у самой поверхности, образуются болота или сильно увлажненные участки. В местах, где водное зеркало прорезают трещины — результат почвенной эрозии,— берут начало реки. Если на пути грунтовых вод встречается полость в земной коре, образуется озеро.

...Когда-то давным-давно потоки осадочных пород со Скалистых гор, сползая на Великие равнины, образовали водоносный слой Огаллала. Этот огромный подземный резервуар протяженностью восемьсот миль — от Южной Дакоты до

Техаса — содержит достаточно воды, чтобы заполнить озеро Гурон.

Фермеры уже давно стали пользоваться этим источником: сначала качали воду с помощью ветряных двигателей, затем перешли к приводным насосам... Сегодня на просторах Великих равнин вырыто 150 тыс. колодцев, которые орошают гигантскую территорию площадью более 10 млн. акров.

Практически не пополняясь влагой с поверхности земли, водный массив Огаллала истощается такими темпами, которые не могут не вызвать беспокойство. Местные ирригаторы уже сейчас могут вычислить, когда их скважины станут нерентабельными или просто пересохнут. К концу нашего столетия специалисты предсказывают экономический спад в этом районе. Первыми жертвами станут, на их взгляд, обитатели южной части Великих равнин в окрестностях города Лаббока (штат Техас), поскольку редкие дожди не обеспечивают пополнения подземных вод.

Какая же судьба ждет район, в котором истощаются водные ресурсы? Наглядным примером служат земли вокруг изнывающего от зноя городка Пекос к юго-западу от Лаббока.

«...Моему взору открылись заросшие бурьяном усадьбы фермеров,— вспоминает Томас Кэнби.— Ржавые трубы оросительных систем были разбросаны по полям, подобно останкам погибшей цивилизации».

Судя по рассказам местных жителей, раньше здесь был сущий рай: тысячи фермерских хозяйств, богатые плантации хлопка, 15 хлопкоочистительных фабрик обрабатывали собранный урожай. Подземные воды истощались, однако их пока хватало. Но в 1973 г. цены на природный газ поднялись настолько, что качать воду стало невыгодно. Насосы остановились, а вместе с ними прекратило свое существование и сельское хозяйство.

Из тысячи ферм во всей округе осталось лишь несколько десятков. Вместо 15 хлопкоочистительных фабрик со скрипом работают лишь три.

Выкачивание подземных вод более быстрыми темпами, чем они пополняются, геологи называют выемкой — по аналогии с добычей полезных ископаемых. Но можно ли сознательно заниматься выемкой столь жизненно необходимого вещества, как вода? Некоторые ученые считают, что можно.

«В выемке подземных вод нет ничего страшного,— утверждает один из ведущих американских специалистов по водоснабжению, Стив Рейнолдс,— при условии, конечно, что это делается с умом. По сути это ничем не отличается от выемки нефти или железной руды».

Если и считать воду полезным ископаемым, то уж, конечно, не совсем обычным. Известно, например, что подземные воды служат крупнейшим аккумулятором солнечной энергии. Изолированные от сезонных перепадов температур, они круглый год поддерживают среднегодовую для данного района температуру. В штате Огайо, например, это около 12°С. Вода с такой температурой хранит в себе огромное количество солнечного тепла. Это лишний раз подчеркивает, насколько бережно нужно относиться к водным запасам на нашей планете.

Больше всего в США достается, конечно, рекам, которые испокон веков притягивали к себе людей. На их берегах возводились города и промышленные предприятия: реки всегда были важнейшими транспортными артериями и источником энергии. Всего лишь сто лет назад почти вся энергия в США вырабатывалась с помощью водяного колеса. Речная вода была естественным растворителем для бесчисленных химических процессов; в реки сливали отходы промышленные предприятия. По мере распространения водопровода и канализации они все больше стали использоваться для сброса нечистот.

Десять лет назад в одном из промышленных центров штата Огайо Кливленде произошел удивительный случай, как бы символизирующий плачевное состояние американских рек. Покрытая нефтью и строительным мусором река Кайахога, на которой стоит город, загорелась. Пожар ликвидировали, но еще долгие годы американцы называли Кайахогу «рекой позора». После этого власти штата были вынуждены принять меры к очистке реки.

Не так давно местные жители обнаружили на поверхности озера Онтарио радужную пленку, похожую на разлитую нефть. Они забили тревогу, и органы охраны окружающей среды начали расследование. Следы привели в небольшой городок Осуиго на юго-восточном побережье Онтарио.

...Есть в Осуиго зловещее место, которое горожане окрестили черной лагуной. Это огромный котлован, доверху заполненный зловонной густой субстанцией. Берега котлована уставлены десятками тысяч железных бочек, из которых вытекает сильно загрязненная жидкость, образуя причудливые многоцветные лужи. В котлован спускает свои отходы одно из химических предприятий в ожидании, пока фирмы по переработке этих отходов не вывезут их. Но фирмы не справляются с таким количеством отходов, и ядовитая масса, постепенно пере-

ливаясь через край котлована, попадает в озеро.

Еще в 1958 г. группа лимнологов — специалистов по озерам, составляя отчет о состоянии Великих озер, пришла к выводу, что эта жемчужина американской природы погибает. В первую очередь это касалось озера Эри. Мощный поток загрязняющих веществ, в основном азота и фосфора, содержащихся в сточных водах и минеральных удобрениях, стимулирует рост водорослей, которые, потребляя кислород, лишают рыбу этого жизненно необходимого газа. Гигантское озеро площадью 10 тыс. квадратных миль оказалось под угрозой заболачивания.

С тех пор прошло более двух десятилетий, но, несмотря на энергичные меры, которые обошлись в десятки миллиардов долларов, полностью остановить этот процесс не удалось. Труднее всего справиться с минеральными удобрениями, которые, смешиваясь с осадочными породами, продолжают попадать в воду.

На востоке США (в штате Нью-Йорк) расположен горный массив Адирондак. Это очень живописный уголок страны, богатый лесами и горными озерами; бóльшая его часть давно уже превращена в один из национальных парков. Было время, когда этот край славился форелью. Рыболовы до сих пор с грустью вспоминают, как плескалась она на поверхности тамошних речек и озер. Но в шестидесятые годы рыба стала пропадать, а в некоторых озерах, расположенных выше других, и вовсе исчезла.

Изучая это довольно странное явление, ученые отметили значительное повышение кислотности в озерной воде. Вскоре была разгадана и эта загадка.

Даже самая грязная вода, проходя через гигантский природный фильтр гидрологического цикла, обретает первозданную чистоту. Но, выпадая на землю в виде осадков, вода проходит через загрязненную атмосферу, потому и наблюдаются так называемые кислые дожди.

Десятки теплоэлектростанций, расположенных на Среднем Западе, работают на угле и нефти. Чтобы не загрязнять воздух в прилегающих районах, эти электростанции оснащались высокими трубами. Но ведь продукты горения в конечном итоге выпадают на землю вместе с осадками. Потоки влажного воздуха со Среднего Запада, двигаясь на северо-восток, несут с собой и продукты сгорания топлива электростанций. Дойдя до гор Адирондак, влага конденсируется и выпадает на землю в виде разбавленных азотной и серной кислот.

Почти в двухстах озерах этого района рыбы уже нет. Специальные пробы показывают, что кислотиость в них в пять— десять раз превышает иорму. Помимо всего прочего это значительио ускоряет эрозию скальных пород, окружающнх озера. Миогие считают, что «кислые дожди» могут отрнцательно сказываться н на росте лесов в этих горах.

Ежегодно на каждый акр землн в штате Мэриленд выпадает прнмерно 40 дюймов осадков (около 1000 мм). Это средняя норма для богатых влагой районов к востоку от Мнссиснпи. Только в самые засушливые годы поля и леса нспытывают здесь недостаток влагн, а рекн н подземные водоносные слои всегда полиы воды.

Дальше на запад зеленый покров землн прннимает рыжевато-корнчневый оттенок. В Айове ежегодно выпадает 31 дюйм осадков, в восточной Небраске— 27. Стоит только перейти через сотый меридиан в западную Небраску, и начинается самая засушливая часть Америки. В Вайомннге в среднем выпадает лишь 14 дюймов влагн в год, в самом сухом штате Невада—менее девяти. Скудость водных ресурсов, постояниая нехватка питьевой воды и многие десятилетия непрерывной борьбы с засухой выработали у жнтелей этих районов особо бережное отношение к влаге.

Когда в 1847 г. мормоиы пришли в Солт-Лейк-Вэлли, они увидели засушлнвые солончаковые земли, которые можно было возделывать только с помощью нррнгации. Сначала им пришлось нелегко: ведь они не нмели об этом ни малейшего представлеиия. Но все же поселенцы прорыли канал и направили воду на картофельную плантацию. Путем проб н ошибок онн определили критическнй угол иаклона русла канала, при котором течеине не размывает оросительные рвы. И вскоре суровые земли стали давать обильные урожан.

Конгресс США основал в 1902 г. Бюро мелиорацни и принял закон о мелиорацин земель. Первым детищем Бюро было строительство плотины иа реке Солт-Рнвер в Аризоие для снабжения водой засушливых окрестностей города Финикс. Позднее была воздвигнута плотиia иа реке Колорадо. Оиа направила буриые воды этой реки иа орошеиие овощиых плаитаций Империал-Вэлли. Через все западные штаты протянулись гигантские системы водосиабжеиия, которыми миогие миллионы американцев пользуются и по сей деиь.

Строительство речиых плотин на западе США с самого иачала иатолкнулось иа активиое сопротивлеиие со стороиы побориков сохранення природы в ее первозданиом внде. Известиый американский иатуралист Джон Муир не смог в 1913 г. добиться запрещения стронтельства водохранилища в уннкальиой калифорннйской долнне Хетч-Хетчи-Вэлли, но его последователи оказалнсь удачлнвее, н с тех пор уже несколько проектов создания плотин положено под сукно. Борьба за охрану окружающей среды ведется сегодия, как никогда, шнроко.

В спнске нз 25 крупнейших рек США Колорадо занимает последнюю строчку, значительно уступая даже реке Уобаш, протекающей через штат Индиана, или флорндской Аппалачиколе. Но по неукротимости своего нрава, великолепню окружающей прнроды, бесчнсленным петлям н поворотам русла она ие нмеет себе равных.

На своем долгом путн в 1450 миль— от Скалистых гор до мекснканскнх песков—Колорадо дает жнзнь 3 млн. акров орошаемой пустыии и многим городам. Пока река еще не обмелела, но лет через десять ситуация может измениться. Планируется осуществить гигантскнй проект, что позволит каждую секуиду через туннель, прорубленный в горах, перекачнвать иа восток 90 т воды из Колорадо для пополнеиия скудеющих запасов почвенных вод в Финиксе н Тусконе.

Недалеко от границы штата Юта Колорадо пополняется водой нз живописной речки Долорес. Однако союз этих двух рек оказывается ие слишком желательным. Торопясь иа свиданне с Колорадо, Долорес протекает через солевые отложения. В ее водах ежедневно растворяется такое количество соли, которого хватило бы иа одиннадцать железнодорожных вагоиов.

Другие притокн тоже иесут соль в Колорадо. Кроме того, в воде, поступающей на орошаемые земли, ежегодно растворяется по две тонны солей с каждого акра, а ведь эта вода возвращается в реку. В результате на низких берегах реки гнбнут посевы, земли приходят в негодность, а убытки составляют 50 млн. долл. в год.

В засушлнвых районах Южной Калифорнии в Колорадо не впадает ни одна, даже малеиькая, речушка. Напротив, из нее вытекают две рекн, созданные руками человека. Одиа орошает Империал-Вэлли, другая, протяжеииостью 242 мили, доходит до Лос-Анджелеса.

В 1966 г. иа Калифорнию обрушилась страшиая засуха. Жители штата стали лихорадочио скупать бурильные установки и за год вырылн около 30 тыс. колодцев и скважин. Почвеииые воды помогли фермерам выстоять в трудные времеиа, ио это значительио снизило уровиь водиого зеркала.

Когда иа смеиу засухе пришли тропн-

ческие ливни, ученые из Сакраменто с нетерпением ждали, как это скажется иа водном зеркале. Уровень грунтовых вод во многих районах восстановился, но в ряде мест, в частности в широкой долине Сан-Хоакин-Вэлли, где выкачивание грунтовых вод было наиболее интенсивным н длительным, подземные воды так и не пополнялись в нужном количестве. В результате неумеренного выкачивания воды почва в этом райоие, равиом по площади штату Коннектикут, осела местами на 30 футов.

Какие же проблемы ждут американцев в будущем? Во-первых, специалисты предсказывают значительное усиление конкуренции за обладание водными ресурсами, особенно в западных районах страны. Во-вторых, по мере роста стоимости воды все большую роль начнет играть ее повторное использование. В Денвере, например, уже строится мощная установка, которая будет перерабатывать сточные воды для нх применения в ирригационных системах. Ученые всерьез принялись за изучение возможности переработки этих вод для потребления в домашнем хозяйстве.

В западных штатах, где девять из десяти потребляемых галлонов воды расходуется на орошение полей, огромный экономический эффект может дать капельная ирригация. Многие домовладельцы на западе начинают отказываться от традиционных зеленых лужаек н цветников, требующих слишком много воды, н намерены довольствоваться кактусами н другими неприхотливыми декоративными растениями.

В Нью-Йорке, Бостоне н других старых городах на востоке страны придется значительно обновить водопроводные системы, ведь на сегодняшний день, по самым скромным подсчетам, треть воды нз нью-йоркского водопровода простонапросто уходнт в землю.

Засуха в Калифорнии показала, что большинство американцев без особого ущерба для себя могут существенно урезать водный рацион. Жители округа Мэрни, который сильнее других пострадал от засухи, вынуждены были сократить потребление воды на 63%, а в Окленде и его окрестностях — на одну треть. Примечательно, что и сегодня, когда тяготы засухи давно позади, жители этих районов продолжают потреблять воды меньше, чем прежде.

Прошли годы, ио отголоски калифорнийского бедствня слышны и по сей день, и не только на засушливом Западе, но н в богатых водой районах восточного побережья. Людн начинают понимать необходимость бережного отношения к водным источникам. Конгресс США принял поправки к федеральному закону о контроле над загрязнением воды, которые предусматривают превратить воду всех американских рек и озер в «пригодную для купания н разведения рыбы». Органы охраны окружающей среды выделили на строительство муниципальных очистных сооружений 25 млрд. долл. Но для осуществления указанной цели — это лишь капля в море. Естественно, что многие американцы не без оснований опасаются: а не останутся ли эти планы лишь на бумаге?

Сергей Тартаковский

Голубое шоссе

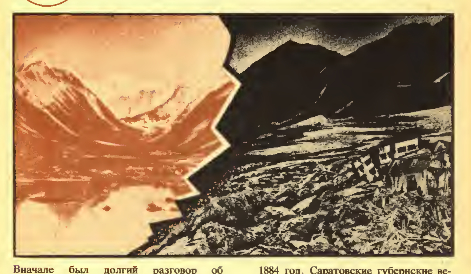
Вскоре в географические карты Южной Америки будут внесены существенные поправки. Принято решение о начале осуществления проекта «Голубое шоссе», в ходе которого в единую систему будут объединены реки Венесуэлы, Бразилии и Аргентины. В результате должна образоваться новая транспортная артерия общей длиной 45 тыс. км. Она будет самой протяженной в мировой практике. Строительство каналов н плотин должно решить и проблемы орошения засушливых земель.

Рисунки сибонеев

На Кубе ведется интенсивное изучение пещер. Многие из них задумано сделать доступными для туристов. Вскоре посетители смогут увидеть наскальные рисунки, возраст которых почти 2500 лет. Изображены звери, рыбы, змеи, насекомые и цветы. Встречаются и сложные геометрические фигуры ритуального назначения. Все это — самые древние на Кубе произведения народного искусства. Сделаны они охотниками индейского племени сибонеев, живших на острове Пунта-дель-Эсте. Красками служили сажа, соки некоторых растений и минералы.

ВСЕГДА ЛИ ТВЕРДА ЗЕМНАЯ ТВЕРДЬ?

Вначале был долгий разговор об оползнях вообще. Узбекские оползневнки, оказывается, отменно знали нсторню оползней мира, а не только своих, среднеазнатских. В результате в моем блокноте появилась такая запись: «Случись нужда в составлении хроники всех оползней, то начинал бы ее Дименский (на ручье Киргилях), около 40 тыс. лет назад засыпавший малютку-мамонтенка. И пожалуй, этот оползень — единственный со знаком плюс: он сохранил науке, миру мамонтенка Диму (так его назвали по имени бульдозернста, который нашел животное) в идеальной сохранности — в космах желтой шерсти, с желудком, наполненным той, древией, травой. Потерявший мать, нсхудавший от голода, он, семимесячный сосунок, пытался насытиться травой, бродя у реки. Поранил ногу, свалился в промоину и утонул в ледяной воде. Крутой берег реки, оползая, скинул на него пласт земли, похоронив на 40 тыс. лет в вечной мерзлоте».

Других добро творящих оползней что-то ученым не вспомнилось.

...Первая половина XV в. Нижний Новгород. «Оползла гора сверху над слободой н засыпала 150 дворов с людьми н со всякой скотиной», — свидетельствует летопись.

1523 год. Прн впадении рекн Суры в Волгу огромный оползень уничтожил город Васильсурск.

1884 год. Саратовские губернскне ведомости: «Еще за несколько дией до катастрофы земля начала медленно оползать к Волге, покрываясь на поверхности трещинами н буграми. По ночам слышался треск домов н звяканье ломающихся стекол. Полы в домах приподнимались, печи давали трещины. В 11 часов утра 20 сентября движение земли стало быстрым н значительиая часть горы с шумом обрушилась в реку. Крупные здания, находившиеся иа Соколиной горе, переломились надвое, натрое н некоторые затем упали».

1889 год. Приволжское село Федоровка. Еще свидетельство: «Шатались стены домов, глухо гудела содрогавшаяся земля, а жители вдруг поняли, что н они, и их избы... медленно движутся к Волге! Пришлось переселяться в другое место».

Богатая историография у оползней! Но человеку, не видевшему их, трудно представить жуткое зрелище, когда земная твердь, столь надежная н потому не замечаемая нами, вдруг трескается, как лед весной, и уходит из-под ног. Мне предложили посмотреть документальный кинофильм, снятый любителем Ампиловым. (О грядущей катастрофе в Каранкуле инженеры-геологии знали заранее, жители были срочно эвакуированы, а отчаянный смельчак Ампилов, кинолюбнтель, остался на безопасном, с точки зрения оползневиков, склоне горы, чтобы снимать взбунтовавшуюся твердь.)

Овраги — раны земли — в горах ли, в степях, в тайге... Овраги — потерянные для человека пашни, леса, луга (Серпуховский район)

...Это ни на что не похоже! Аналогии найти трудно. Земля, извечно твердая, терпеливо сносящая и нас, и наши «Жигули», тракторы, КрАЗы, МАЗы, треснула, загудела и поехала-покатилась, как черная река. И вот уже не катится, а несется, все наращивая скорость, и теперь не река это, а ревущая, пенящаяся черная пучина, глотающая без следа блеющую отару овец, беленький домик путевого обходчика, хрустнувшие, как спички, гиганты-тополя...

Фильм — пожалуй, единственный документальный о «живом» оползне — кончился, а я ловлю себя на мысли, что с недоверием и ужасом всматриваюсь в серую твердую ташкентскую землю под ногами — не предаст ли? Не стронется ли с места?

Сколько дремлющих сил, не известных человеку, таишь ты, земная твердь! И не поспешили ли мы, доверчиво назвав тебя твердью? Землетрясения, обвалы, сели, оползни... Из всех этих стихийных бедствий менее всего изучены оползни. Узбекские геологи исследуют и стихийные оползни, и те, что вызваны строительной деятельностью человека. Для удобства они получили названия. Снятый на пленку инженером Ампиловым оползень носит имя Каранкульского — по кишлаку Каранкуль, где он начался. А были еще Ходжикентский, Атчинский и много других. В горных районах Средней Азии зарегистрировано почти 10 тыс. оползнепроявлений! На одном из них, сейчас затаившемся, мне удалось побывать. Это в Чимганском ущелье, облюбованном горнолыжниками, спелеологами, туристами и, оказывается, еще почвоведами.

Синий домик на пути оползня

Вот он, глубокий, прорезавший склон горы сверху донизу овраг. Замерший, недвижный сейчас, поздней осенью. Весной ручьи и потоки с гор размывают его края, того и гляди придет земля в движение.

Но и сейчас из глубины оврага-пропасти пахнуло на нас затаившейся бедой: камешек летит туда томительно долго. Спутники укоряли меня за него: может начаться обвал.

— Да и от края лучше отойти подальше, — советует доктор геолого-минералогических наук Игорь Степанов. Он сотрудник Института агрохимии и почвоведения АН СССР, что в Пущино, под Москвой, но, как и другие почвове-

Оползнеопасный склон Москвы-реки, где расположен шедевр русского зодчества — Коломенское с его храмом Вознесения — неотложная забота московских инженеров-геологов

ды, облюбовал Чимганский оползень: уж очень хорошо видны здесь все пласты земли. Не нужно рыть глубоких шурфов в разных местах, чтобы выяснить структуры почв региона. В самом верху этого слоеного пирога — тонкая черная полоска. Это наша живая земля, собственно почва, которая дает жизнь растениям.

— Видите, черная полоска — прерывистая. Вначале она тянется вдоль карьера на одной высоте, но в месте понижения сужается, а потом вовсе сходит на нет,— говорит Степанов.— Это может означать, что между вершинами этих гор когда-то была земля! Плато! А смыта эта земля водой. И такое незаметное человеческому глазу движение продолжается, пока когда-нибудь, через миллионы лет, не сровняются вершины гор, и тогда снова здесь будет плато...

Впечатляющий экскурс — сразу и в далекое прошлое, и в еще более отдаленное будущее. Но меня больше волнует сегодняшнее и завтрашнее, более близкое. Вот эта темная полоса, о которой с увлечением толкуют сейчас оползневики и почвоведы, и есть та почва, которая нас кормит. Под ней, такой узкой,— разноцветные, безжизненные пласты, умершие. И оползни отнимают у нас эту столь нужную человеку и всему живому полоску.

Если когда-нибудь снова придет в движение сегодня мирный Чимганский оползень, рухнет вниз и пропадет для нас этот кусочек земли, на котором мы сейчас стоим, исчезнет вон тот куст шиповника с багровыми крупными ягодами и вон то кряжистое деревце боярышника, сплошь усыпанное желтыми шарами свежих и пресных, как родниковая вода, ягод. Как не пожалеть об этой земле?

Но... мирно курятся трубы домиков поселка Чимган, отары овец серыми кучевыми облачками лениво движутся по склонам. Справа, выше,— турбаза «Чимган» и пионерские лагеря. Им пришедший в движение оползень тогда не грозил, а вот поселок как раз стоял на его пути, и первым — синий деревянный домик, который хорошо виден нам. Его тогда оползень срезал, как гриб, и проглотил. Но... вернулись жители и упрямо поставили новые дома на том же месте. И синий домик, первым встретивший оползень, тоже. Инженеры-геологи обнадеживали: пока оползень не опасен. Его движение возможно раз в 40—50 лет, да и то после 4—5 лет обильных дождей,

что в этих местах случается не часто. Есть же потухшие вулканы, есть и за́мершие оползни.

Многое зависит от зимней и весенней погоды. Обилие снега — радость для земледельца, но тревога для оползневика. Лёссовый грунт местных гор тогда пропитывается влагой, как губка, рыхлые пласты земли приобретают подвижность, и, если сдвинутся, где уже раз была катастрофа, она может приобрести еще большие размеры.

Уследишь ли за ними? Но это нужно. А раз нужно, значит, и можно — такова извечная человеческая логика, побуждающая к действию.

Приташкентская геологическая экспедиция объединения «Узбекгидрогеология» взяла на себя эту сложную задачу. Начальник экспедиции Мухтар Галиевич Ходжаев рассказывал:

— Мы выявляем оползни, наблюдаем и ищем меры борьбы с ними. Долгое время считалось, что бороться с оползнями невозможно. Хорошо, если оползневики научатся предвидеть зарождающееся движение, чтобы вывести из опасного района людей. Но жизнь заставила заняться невозможным: раз люди все дальше и дальше уходят в горы, чтобы выращивать на лёссовых почвах горных склонов различные культуры, чтобы пасти скот, прокладывать дороги, строить поселки,— значит, ненадежная горная земля может на это ответить землетрясением, селем, оползнем. Поэтому впереди тех, кто осваивает горные участки, непременно должны идти люди науки. А если этим пренебречь...

И Мухтар Галиевич поведал, что же тогда может случиться.

...Планировалось строительство Нагорного канала. Породы в этих местах коварные, лёссовые. Оползневики предостерегали: нужно бетонировать борта канала. Но гидротехники не вняли голосу специалистов. Воды канала прорвались в первый же год. Бетонировать борта пришлось в спешном порядке.

...Или вот строили автобазу у подножия горы. Оползневики говорили: склон ненадежный, может произойти оползень. «Перестраховщики!» — услышали они в ответ, но склон, потревоженный строительством, сбросил пласт земли, сполз на автобазу.

...Проектировалась горная дорога через поселок Чимган (по ней мы ехали к оползню). Оползневики, ссылаясь на свои расчеты, предлагали провести ее намного выше, чем хотели проектировщики. Но те и слушать не стали: «Чем ниже, тем дешевле!» Очень скоро дорожники убедились в обратном. Частые обвалы и сели делают дорогу зимой и весной непроезжей, ремонт ее требует больших затрат. Возвращаясь с Чимгана, специально обращала внимание на следы оползней по склонам — им несть числа.

Две «истории болезни»

Планомерное изучение оползневых явлений в республике решено было проводить в три этапа: выявить оползнеопасные точки, детально их исследовать, затем уже создать специальную службу наблюдения и оповещения, не дремлющую с ранней весны до поздней осени, т.е. все время действия оползней.

В самом начале этой работы с начальником экспедиции стряслась беда: вертолет, на котором он облетал оползнеопасный район, попал в аварию. Надежды на то, что Ходжаев выживет, почти не было: многооскольчатые переломы рук и ног, сотрясение мозга, большая потеря крови — пропавший вертолет искали полдня. Хирургам в Ташкенте и Москве его дважды как бы вновь пришлось собирать по косточкам. И вот приговор: вторая группа инвалидности.

...Он лежал дома в гипсе, слышал стрекот вертолетов, увозивших его товарищей туда, где накапливают силы оползни, и самые горькие думы приходили ему в голову. И когда к нему зашел директор объединения «Узбекгидрогеология», ныне покойный, Нариман Назрулаевич Ходжибаев, Ходжаев устало подумал: «Пришел посочувствовать, утешить».

Но директор начал ругаться:

— Долго собираешься бездельничать? Работу забросил! Все на самотек пустил! Безобразие!

Опешивший Ходжаев хотел напомнить, что его еще два года будут держать в гипсе, что он получил инвалидность. Как можно его ругать? Но странно, слушать разнос директора было приятно, тем более что тот решительно перешел к делу:

— В районе Ангрена и Ходжикента активизируются оползни. Задумано большое дело — не только выявлять, но и останавливать их. Открываем войну стихии. А ты бездельничаешь! Сегодня же ставлю телефон у твоей кровати! Входи в курс дела, обзванивай, проводи совещания, руководи и чтоб скорее на ноги! Дел — невпроворот.

Ходжаев не знал, что весь этот разговор был задуман и отрепетирован старыми его товарищами, знавшими его деятельную натуру и уверенными в том, что работа нужна ему сейчас больше лекарств. Телефон действительно поставили. Мухтар Галиевич, вначале стесняясь, потом все увереннее звонил на объ-

екты, выясняя обстановку. Приглашал специалистов к себе с картами и расчетами. Врачи диву давались: вопреки их предположениям меньше чем через год Ходжаев снял гипс, встал на костыли и первое, что сделал,— облетел на вертолете оползнеопасные участки, которые не успел осмотреть в тот роковой полет, и сверил составленные экспедицией карты.

Скоро и костыли не понадобились. Никто не мог заподозрить в этом крепком, кряжистом человеке недавнего инвалида. Разве что шрам на щеке напоминал об аварии.

Врачи, день за днем писавшие историю его болезни, натолкнули Ходжаева на мысль вести «историю болезни» каждого оползня.

— Да, да. Оползень — это тоже болезнь, болезнь Земли,— убежденно говорит Мухтар Галиевич.— И нам надо понять причины ее возникновения, найти методы лечения и, конечно, профилактики.

...Служба наблюдения и предупреждения весной следит особенно пристально за притаившимися оползнями. Проверяются колышки, которыми утыканы его края: чуть изменится расстояние между ними — «свистать всех наверх» — оползень оживает!

Измеряют влажность пород, сравнивают с базовой цифрой. Анализируют пробы грунта. Подкрепив свои выводы электроразведочными и топогеодезическими исследованиями, оползневики решают, велика ли опасность, что конкретно можно предпринять для обуздания стихии. Досье на каждый оползень к концу года становится внушительным. Что же могут оползневики?

«Уговорщики оползней»

Человек учится не воевать, а договариваться со стихиями. Так когда-то в Древней Руси первых пиротехников называли «уговорщиками огня». Оползневики — уговорщики оползней.

Сейчас в Узбекистане они в почете. Без их участия не обходится ни один проект, о каком бы строительстве ни шла речь — канала, водохранилища, дороги, завода, санатория, высоковольтных линий. То же касается освоения новых земель в предгорьях. Цель оползневиков — так обследовать территорию будущего строительства, чтобы исключить саму возможность оползней.

Но если подвержен оползням обширный регион, пусть даже раз в 30—40 лет, как тогда быть? Обходить его стороной? Не осваивать? Пусть пустует? Сидеть и ждать, когда разразится катастрофа?

Ученые научно-технического производственного объединения «Узбекгидрогеология» после почти 17-летнего изучения оползнеопасных районов республики пришли к убеждению, что замедленное развитие оползней нужно ускорять, вызывая их движение и умело регулируя его. В итоге удастся остановить оползень окончательно, создав безопасную зону. Как регулировать?

Самый крупный здесь Ангренский оползень оказался серьезным экзаменом. Когда впервые в мире здесь, в Ангрене, началась подземная газификация угля, никто не мог предполагать, что она вызовет такой колоссальный оползень. Только в последние годы инженеры-геологи научились прогнозировать послезавтрашние результаты сегодняшних начинаний человека. Что же произошло в Ангрене?

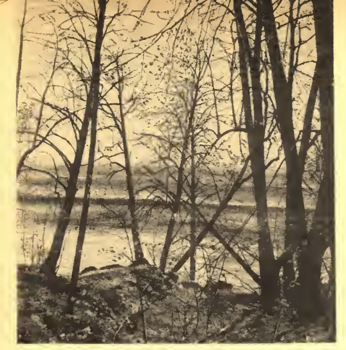
Под мощным угольным пластом в 10—12 м оказалось почти полое пространство, и, когда выгорел пласт, отдав газ «на-гора», земля обрушилась и вызвала движение... противоположного берега реки Ангрен! Начался гигантский оползень. Объем его — до 800 тыс. $м^3$, площадь, пришедшая в движение,— до 8 $км^2$, средняя глубина движения — 100 м, скорость — 4—6 мм/сек!

Не будь инженерной геологии, не будь оползневой службы, от подземной газификации угля в Ангрене, быть может, пришлось бы вовсе отказаться.

Но специалисты дали прогноз развития оползня с учетом дальнейшей работы. Были предложены меры для прекращения оползнеопасных явлений: надежно сдерживать земную твердь станут здесь отвалы горных пород; они заполнят пустоты, восстановят необходимое равновесие.

А любую оползневую трещину, как ни парадоксально, есть смысл привести в движение, ускорить ее развитие искусственным водонасыщением и провести разрушительный процесс в жестких рамках, отмеренных человеком, остановив затем навсегда.

— Ведь при естественном развитии оползня в склоне устанавливается замкнутая система — не нарушенный водный мешок,— рассказывает доктор геолого-минералогических наук Р. А. Ниязов.— Искусственным увлажнением мы добиваемся раздробления склона. Из нескольких точек, через штангу, под давлением подаем воду в глубь склона, насыщаем вначале нижние пласты, потом верхние и таким образом создаем поле влажности искусственно. При этом лёссовые неустойчивые породы сжимаются и дают вертикальные трещины. Склон разрушается. «Водный мешок», созданный искусственно, не распространяется дальше, зато на данном оползнеопасном участке влажность достигает критической точки и процесс замирает.

Деревья не всесильны. Они укрепляют только поверхность склона, но грунтовые воды могут размягчить почву, и тогда появляется «пьяный лес» (Филевский парк)

— Это можно сравнить с возведением фундамента здания,— добавляет Ходжаев.— Строители увлажняют предварительно грунт, а после просадки кладут фундамент. Вот и мы после «профилактики» оползнеопасного района можем уверенно сказать: стройте здесь, люди, селитесь, но не забывайте... о деревьях.

Почему Ходжаев напомнил о деревьях? Ведь гигантские оползни, тронувшись в страшный поход, не щадят целые леса!

Потому что, по наблюдениям оползневиков, движение земли в горах часто начинается там, где нет «зеленых друзей» человека, где они своими корнями не скрепляют почвы. И потому оползневики ратуют за рекультивацию— восстановление покрова — самый простой и надежный способ закрепления почв, если они стронуты каким-либо строительством. На опасных голых и крутых склонах гор нужны террасы с зелеными насаждениями, тогда эти массивы земли вряд ли попадут на карту оползнеопасных точек. А сажать можно и загодя, еще только планируя освоение района.

Об этом и рассказывали мне инженеры-геологи узбекской оползневой службы. Сейчас, осенью, в диспетчерской тихо. А вот весной у телефона постоянно дежурят. Люди, находящиеся далеко от города, в опасных точках, сообщают: «Оползнепроявление, наблюдаемое мной, в прежнем состоянии. Движения не замечено» или: «Меры, принятые против такого-то оползня, оказались эффективными. Движение остановлено...»

Там, где течет река

— Под крылом самолета — Волга,— объявляет стюардесса. Мы кинулись к иллюминаторам, но, конечно, ничего, кроме белой ваты облаков, не увидели. А летящие со мной узбекские инженеры-геологи принялись рассказывать:

— Строители на Волге не помышляют начинать работу над проектом, если не знают мнения оползневиков,— будь то шоссейная дорога, новый поселок, завод или высоковольтная линия: любая строительная деятельность человека сопряжена здесь с риском вызвать оползень.

— Как же «уговаривают» оползни волжане?

— Ненадежные склоны закрепляют сваями, специальными гигантскими шпонами. Сооружают подпорные стенки. Подрезают крутые верхние уступы, что, конечно, меняет привычную живописность берегов. Но есть более простой способ — посадка деревьев и кустарников. Хлопот у волжан много, так что и тут не мешало бы создать постоянную службу наблюдения за оползнями.

— На Кавказе, «в глубокой теснине Дарьяла», опасно ссыпается земля с горы, на которой высится воспетый Лер-

монтовым замок царицы Тамары — забота для грузинских оползневиков.

Дарьял — серьезная речка: горная, капризная, сильная. Крымские оползневики одержали крупную победу — хорошо укреплен Южный берег Крыма.

— А наша кроткая смиренница — Москва-река? Бывают ли на ней оползни?

Ответ был неожиданным:

— Бывали и могут быть. Семь излучин «смиренницы» считаются весьма оползнеопасными, и среди них та, на которой находится знаменитый заповедник «Коломенское».

Московские строители, работавшие без контакта с оползневиками, запланировали было здесь построить набережную с асфальтовым покрытием и гранитными парапетами, автобусные и автомобильные стоянки с бетонированными площадками.

Этот проект был отвергнут по соображениям охраны памятников старины. Однако, кроме того, инженеры-геологи представили расчеты, из которых явствовало, что не только нельзя здесь ничего строить, но нужно срочно принимать меры к укреплению берегов: грунтовые воды за прошедшие века размыли их, земля весной ползет под ногами. А над этим коварным обрывом стоит шедевр русского зодчества XVI в.— храм Вознесения.

Чтобы уберечь Коломенское, инженеры-геологи предлагают кроме обычных укреплений берегов устроить естественную набережную с пологой облицовкой валунами и неширокую пешеходную дорожку вдоль берега, обсаженного кустарником.

Ведь остановили когда-то московские инженеры затаившиеся оползни на Ленинских горах!

Каждый легко заметит эту до поры до времени скрытую опасность: свежие обрывы, глубокие трещины, характерную ступенчатость склонов, искривленные, а то и упавшие деревья — «пьяный лес» (в Филевском парке, например). Это приготовилась к движению земная твердь, и нам, людям, нужно научиться удерживать ее на месте.

Людмила Жукова

«Коуновский Стоунхендж»

На плоскогорье близ деревни Коунов в Чехословакии вот уже несколько лет подряд выезжают экспедиции астрономов. Там найдена площадка, на которой расположено 14 рядов камней, ориентированных в основном с юга на север. Имеются и разные ответвления. Интересно, что эти кварцевые камни в естественном виде в округе не встречаются. Вес их колеблется от 50 до 400 кг.

Считают, что ряды камней — это древний календарь. Подробный план их расположения, составленный учеными, показывает, что камни могли служить для определения дней солнцестояния, восхода планет и других астрономических явлений, полезных для древних земледельцев. О возрасте «Коуновского Стоунхенджа» пока идут споры. Одна из предположительных цифр — 3000 лет.

Найдены карты Франклина

Как известно, первые карты Гольфстрима составил в 1770 г. Бенджамин Франклин, ученый и политический деятель. Он изучал это течение по рассказам капитанов парусных судов и дал точные указания капитанам американских кораблей, доставляющих почту в Европу. По картам Франклина путешествие через Атлантику сократилось почти на две недели.

Эти географические документы считались утерянными. Но вот недавно в одной из библиотек Лондона при ревизии архива удалось обнаружить сразу несколько экземпляров морских карт Франклина. Их сверили с современными и поразились точности работы ученого XVIII в.

ЖИВЫЕ КОМПАСЫ

В годы первой пятилетки мне довелось работать в совхозе на Северном Урале. Совхоз организовали в деревне Селянка, расположенной в стороне от тракта Березники — Соликамск. Деревня была небольшая, дворов сорок. К самым огородам и гумнам подступала вековая тайга, лишь местами носившая следы деятельности человека.

Летом и осенью тайга щедро отдавала людям свои дары — ягоды, кедровые орехи, грибы. Особенно много было тенелюбивой ягоды — черники.

Однажды летним утром наша мама взяла лукошко и пошла в лес за черникой. Подошло время обеда — нет мамы. Еще подождали — нет и нет. Не иначе заблудилась в дремучем лесу. Нужно искать. А куда идти — не знаю. Хорошо соседи показали дорогу, по которой пошла мама. Взял у знакомого бригадира берданку и пошел. Уже вечерело, когда я вышел за околицу. Тот день выдался пасмурным. А огромные ели еще более усиливали сумрак на лесной дороге-просеке. Не прошел и одного километра, вижу — навстречу движется небольшая фигурка. Мама! Худенькая, бледная. В руке — полное лукошко черники. А губы синие-синие: весь день питалась одной лишь этой ягодой... Оказалось, она действительно заблудилась в лесу. Отошла от деревни подальше, свернула в сторону, стала собирать ягоды и вскоре потеряла всякую ориентировку. Да еще и небо было в какой-то дымке. Раньше мы жили на Киевщине. Там леса не столь велики. Пройдешь немного, и если не выйдешь из леса, то обязательно на лесную дорогу попадешь, которая куда-нибудь да выведет. А на Северном Урале леса тянутся на сотни и тысячи километров, а затем переходят в сибирскую тайгу. Хорошо, что мама попала в конце концов на нужную дорогу и вышла к деревне. А если бы зашла в глушь? Могла бы проблуждать в тайге несколько дней и недель. Такие случаи бывали в тех местах и раньше, да и сейчас еще бывают.

Но и в менее густом лесу люди нередко теряют направление и плутают среди деревьев. И взрослые, и дети. Порой и туристы блуждают. Измучаются, наголодаются, страху наберутся, пока выйдут к какому-нибудь селению.

Сбиться с пути, особенно в облачную и туманную погоду, да еще ночью, когда не видно таких ориентиров, как солнце, луна и звезды, может каждый. А в незнакомой местности и днем можно заблудиться. Дело в том, что в силу ряда анатомических и физиологических особенностей организма человек при ходьбе всегда немного отклоняется вправо. Если он идет по дороге, тропинке или видит какой-либо ориентир, он движется правильно. Но если таких ориентиров нет, он начинает описывать большие круги. Такое бывало с путниками в степи, пустыне, даже с опытными охотниками в глухом лесу. Вот тут-то и требуется умение определять линию север — юг, чтобы ориентироваться.

Проще всего определить, где находятся страны света, при помощи компаса. Но обычно люди его с собой в лес не берут, да и не у каждого он есть. Но уж

коль попал человек в беду, сбился с пути, то и сам лес может ему помочь, подсказать, куда нужно идти. Ведь в лесу, если разобраться, полным-полно различных компасов: деревья, пни, травы, лишайники, ягоды, муравейники, гнезда птиц и многое другое. К тому же на помощь приходят еще и небесные светила.

Надежный компас — деревья. На открытой местности или на большой поляне можно ориентироваться по одиноко стоящим деревьям — они сразу скажут, где север, а где юг. Ель, например, с южной стороны обычно более ветвиста и пушиста. То же и у лиственных пород: с южной стороны у них больше ветвей и они длиннее, а листва гуще и зеленее, чем с тенистой, северной.

Обращать внимание нужно и на кору. На стороне, обращенной к северу, она толще, грубее и темнее. У берез с южной стороны кора чистая, белая, а с северной — всегда темнее, с трещинами, наростами, пятнами. Разумеется, для верности нужно осмотреть кору нескольких деревьев.

В хвойном лесу кора тоже весьма красноречива. Осмотрев сосну, нетрудно заметить темную вертикальную полосу, тянущуюся по стволу от земли почти до самой вершины. Она всегда на северной стороне. Во время дождей, туманов, осенней и весенней сырости кора деревьев намокает со всех сторон. Но чуть пригрело солнце — с южной, восточной да и с западной стороны кора высыхает быстро. А на тенистой, северной влага застаивается, в коре появляются различные микроорганизмы, и в конце концов она темнеет. Вот и образуется полоса. Хвойные деревья подскажут, где юг, а где север, еще и натеками смолы-живицы. Обычно больше всего ее с южной стороны.

А различные мхи и лишайники, покрывающие кору? Эти низшие растительные организмы влаголюбивы и предпочитают северную сторону старых деревьев. Все это относится и к пням. У них также южная сторона более сухая, а мхи и лишайники растут на северной.

Здесь, однако, нужно уточнение. Если стволы деревьев затенены ветвями, мхи растут и на южной стороне, но их меньше, они реже, ниже.

Вообще в густом лесу условия совсем иные, чем для растущего одиночного дерева. В сообществе, где одно дерево затеняет другое, его ветви не всегда более развиты именно с южной стороны.

В глухих лесах, особенно в сырых таежных дебрях, могут встречаться и отступления от общего правила обрастания деревьев мхом и лишайниками. Местами стволы вообще лишены этого «украшения». А кое-где попадаются и такие участки леса, где одно дерево обросло мхом с южной стороны, другое — с северной, а пень — со всех сторон. Ничего удивительного! Густая тень и обилие влаги позволяют лишайникам и мхам обитать где угодно.

Бывает, что человек заплутался высоко в горах, где нет деревьев. Ориентироваться помогут кусты, травы, те же мхи, лишайники. Здесь все они предпочитают расти на солнечной стороне. Кроме того, в горах дольше сохраняются участки, покрытые снегом или льдом. А так как снег тает медленнее на северных склонах, то и тут можно определить части света.

Хорошим компасом может быть и трава: на полянах, окруженных деревьями, она выше, гуще и зеленее с южной стороны в первую половину лета. Во вторую половину, в разгар лета, травы здесь уже пожелтели, высохли, а на северной — еще свежие, сочные, зеленые.

На лугах, лесных полянах и опушках встречаются растения, которые так хорошо показывают направление частей света, что их даже называют компасными или компасниками. Одно из них — дикий салат, или, как его именуют ботаники, латук компасный. Он растет в Прибалтике, в центральных областях нашей страны и далее на восток, до границ Башкирии. Листья латука всегда повернуты ребром к зениту, чтобы жаркое солнце не перегревало их. Вот и получается, что ребра листьев латука — компасная стрелка. Точно так же поставлены листья у девясила обыкновенного, трехжилкового василька, у серпухи лучистой, пижмы обыкновенной (дикой рябинки).

А всем известный ориентир — подсолнечник? Ведь этот солнцелюб держит свою головку-корзинку обращенной к светилу, даже если оно скрылось за облаками. Чтобы точно определить направление стран света, нужно лишь учесть, что на востоке солнце бывает примерно в 7 часов утра, на юге — в час дня, а на западе — в 7 часов вечера.

Движения листьев и цветков растений под влиянием света называют фототропизмом. Они осуществляются строго упорядоченно, ритмично, в зависимости от освещенности, смены дня и ночи, температуры воздуха и других факторов. Определенное значение здесь имеет то, что с освещенной стороны в тканях растения усиливается транспирация, испарение воды, тургор их клеток становится меньше, чем с затененной стороны, и это обусловливает наклон соцветия — шляпки подсолнечника — в сторону солнца. Кроме того, — а это, пожалуй, важнее — скорость роста клеток тканей

на освещенной стороне замедляется, а на затененной — усиливается.

Не менее солнцелюбива и череда — однолетнее травянистое растение из семейства сложноцветных. В нашей стране череда встречается почти повсеместно в сырых местах — по берегам ручьев, речек, по канавам и на болотах. Ее цветущие головки-корзинки также вращаются вслед за солнцем.

А посмотрите на куст шиповника. Он весь, со всех сторон, усыпан цветками. И оказывается, они также следят за солнцем: утром смотрят на восток, днем глядят на движущееся по небу солнце, а вечером провожают его за горизонт. Выходит, шиповник — настоящий солнцегляд. Но так реагируют лишь цветки, растущие на солнечной стороне. А те, что находятся на северной или затенены в глубине куста, смотрят вверх или в сторону, где больше света.

Собирая на лесных полянах землянику, присмотритесь к ягодам: они тоже могут кое-что поведать о частях света. Зреющая ягода всегда более красная с южной стороны, зеленее — с северной. А если кустики земляники растут вокруг пня или дерева, то быстрее созревают ягоды на южной стороне.

Животные также могут помочь определить линию север — юг. Очень удобно пользоваться для этого муравейником. Муравьи — теплолюбивые насекомые, и они обычно возводят свои пирамиды над подземными жилищами с южной стороны дерева или пня. И всегда южная сторона муравейника, которая сильнее прогревается, более полога и длиннее. Если муравейник устроен на открытом месте, все равно это общее правило остается в силе.

Кое-что могут подсказать и птицы. Так, в средней полосе и северных районах нашей страны гнезда в большинстве случаев они устраивают на южной стороне деревьев, кустарников или каких-либо строений. Дятел выдалбливает себе дупло в старом дереве всегда отверстием на юг. Ведь в средней полосе дожди и ветры чаще с северо-запада. Предпочитают домики и дупла с входом на юг и юго-восток и скворцы. А посмотрите, как осенью или зимой устраиваются на ночлег в стогу воробьи. Они терпеливо выдергивают травинки или соломинки, чтобы приготовить себе пристанище, и всегда с южной или западной стороны.

Но в то же время известна и такая народная примета: к холодному лету птицы вьют гнезда на солнечной стороне деревьев, а к жаркому — на теневой. А ласточки в городах и этого правила не соблюдают. В Уфе, например, на проспекте Октября есть две колонии ласточек: одна обосновалась под балконами дома с восточной стороны, другая — с западной.

Иногда советуют определять стороны света по направлению полета перелетных птичьих стай. Но они осенью не всегда летят строго на юг. Этого-то и не учли два опытных охотника. Одни из них был профессор-геолог, а другой — известный писатель-натуралист, прекрасный знаток птиц Виталий Бианки, рассказавший об этом случае в одном из своих очерков.

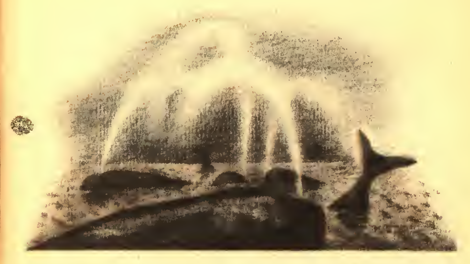
В теплый осенний день они охотились на озере Большой Сарыкуль, юго-восточнее Челябинска, и заблудились в камышах. Солнца в тот день не было видно: его скрыли тучи, мгла и дымка. В небе то и дело пролетали стаи уток, гусей, журавлей. Птицы спешили в теплые страны. Охотники решили идти вслед за птицами в южном направлении. Но миновал час, другой, третий. Все бесконечные камыши. И только тогда охотники вспомнили, что птицы, улетая на юг, движутся не по прямой, а делают углы, зигзаги, повороты. А утки и гуси над громадным озером и вовсе кружат — кормятся, жируют здесь. Выручила охотников стайка кукш — представителей семейства врановых (кроме них в это семейство входят грачи, воро́ны, сороки, крупные черные во́роны, галки, сойки, кедровки, клушицы). Кукши летели над озером прямо к берегу, как и положено «сухопутным» птицам. Охотники пошли в том же направлении и вскоре заметили темные купола стогов сена.

Здесь рассказано лишь о некоторых живых компасах. В природе их великое множество. В трудной ситуации они могут оказать весьма существенную, порой даже неоценимую помощь. Но пользоваться ими нужно умело, с учетом особенностей каждого из этих живых организмов-компасников. И это лишний повод проявить любознательность, изучать живую природу.

Иван Заянчковский

САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ КИТ

В прошлом веке военные флоты почти всех стран с превеликой охотой вербовали китобоев, ведь люди этой профессии слыли превосходными моряками и отменными храбрецами. И действительио, нужно было обладать незаурядной отвагой и сноровкой, чтобы на иебольших парусных суденышках и хрупких шлюпках-вельботах охотиться с копьем-гарпуном на самых крупных и сильных из всех существующих животных.

Среди этих морских гигантов некоторые киты настолько отличались своими размерами, окраской или повадками, что получали у китобоев собственные имена, становились широко известиыми.

События, положнвшие начало известности самого знаменитого в мире кита, произошли 12 августа 1819 г. В этот день амернканское китобойное судно «Эссекс» отправилось с острова Нантакет, что в штате Массачусетс, в южную часть Тнхого океана на промысел китов. Пятнадцать месяцев спустя, 20 ноября 1820 г., когда «Эссекс» находнлся в экваториальных водах Тнхого океана, дозорный на топе мачты заметил стадо кашалотов.

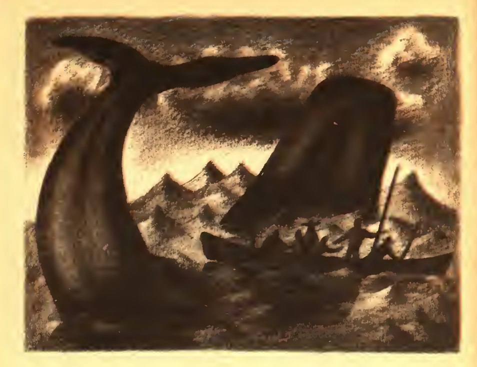
Преследовалн зубатых китов три вельбота. Одним командовал капитан «Эссекса» Джордж Поллард, командиром другого был первый помощник капитана Оуэн Чейз, команду в третьем возглавлял второй помощник Мейзер Джой.

Вскоре Чейз загарпунил кашалота, но тот, подныриув под вельбот, пробил его борт свонм хвостом. Чейз был вынужден обрезать гарпунный линь, связывавший вельбот с разъяренным животным, и велел матросам заткнуть пробоину куртками и что есть мочи грести к «Эссексу».

Пока корабельный плотник с матросами ремонтировали вельбот, Чейз, стоя на палубе «Эссекса», вдруг заметил всплывшего поблизости кита. Поначалу он не придал этому значения: киты нередко разбивают и топят преследующне нх шлюпки, ио чтобы кит напал иа судно — такого он еще не слыхивал.

Несколько мгновений спустя спокойствне Чейза н наблюдавших за китом членов команды сменилось неописуемым ужасом. Кашалот, длина которого составляла примерно 85 футов (26 м), мчался с явным иамерением таранить судно, которое было почти вдвое длиннее его. Раздался удар, послышался треск досок обшивки, и в трюм «Эссекса» хлынула вода, а кашалот, повторив атаку, снова ударил головой в борт уже покалеченного судна. Спасти «Эссекса» не представлялось возможности. Члеиы команды под руководством Чейза едва успели спустить на воду запасной, иеповрежденный вельбот н погрузить в него два сундучка н кое-какие ннструменты, как китобоец лег на борт.

Тем временем два оставшихся в море вельбота возвращались к «Эссексу». Капитан Поллард, увидев свое выведениое нз строя судно и покинувших его моряков, был просто потрясен.

— Ради бога, мистер Чейз, скажите, что пронзошло?

— Нас таранил кит,— объяснил первый помощник.

Капитан Поллард велел матросам обрубить такелаж «Эссекса», после чего судио иесколько выпрямилось. Это позволило взять на судие небольшой запас галет, 700 л пресной воды, два компаса, навигационные приборы и пять живых черепах.

На следующее утро командиый состав «Эссекса» держал совет. Хотя судио и оставалось иа плаву, воспользоваться им для возвращения на родииу было иельзя. Пускаться на поиски ближайшей земли морякам предстояло на трех небольших, открытых палящим лучам тропического солнца вельботах со скудиыми запасами провизии. Ближайшая суша — Маркизские острова — находилась на расстоянии 1400 миль, но, по слухам, там обитали людоеды. От ближайшего материка — Южной Америки — бедствующих моряков отделяли 3000 миль.

Было решеио плыть через Тнхий океан в надежде встретить по пути какого-нибудь китобойца, а на худой конец испить чашу испытаний до диа и попробовать достичь побережья Южиой Америки, на что, как рассчитывали моряки, могло уйти примерио два месяца.

Один нз вельботов занял капитан Поллард с шестью матросами, в другом находился первый помощник Чейз с пятью члеиами команды, в третьем — второй помощник Джой с экипажем нз шестн человек. Людн были посажены на голодный паек — одну галету и полпинты (0,23 л) пресиой воды в деиь. Черепашье мясо на первых порах скрашивало этот скудный рациои, но оио скоро кончилось. Люди постоянно испытывали голод и жажду.

На девятнадцатый день плавания разразился сильный шторм. Моряки умудрнлись не потерять друг друга нз виду в бушующем океане, но сильным ветром их вельботы сиесло с иамечениого курса. Чтобы вериуться иа первоиачальиый курс, пришлось долго грести. Люди стали получать двойной рацион, ио н это не могло прнбавить сил истощенным матросам, которые с трудом двигалн веслами.

На тридцать первые сутки пути заметили остров. Моряки не сразу решились пристать к нему, опасаясь людоедов, одиако голод и жажда пересилили страх перед неизвестным. Людоедов иа острове ие было, ио, увы, не оказалось там н достаточиого количества пищи и пресиой воды. Остров мог прокормить некоторое время самое большее трех человек, ио иикак ие двадцать. Поэтому через неде-

лю моряки покинули этот клочок суши, оставив на нем трех добровольцев, которые предпочли дожидаться спасения на твердой земле.

Снова подняли паруса на вельботах. Моряки надеялись добраться до острова Питкэрн, где жили семьи мятежников со знаменитого брига «Баунти», но потом решили, что найти этот остров в океане будет так же трудно, как иголку в стоге сена. Поэтому повернули к более обширной суше — острову Пасхи. На сорок пятый день путешествия капитан Поллард установил, что вельботы снова снесены ветром с намеченного курса, и надежда доплыть до острова Пасхи иссякла. Вельботы взяли курс к островам Хуан-Фернандес, которые находились от них примерно в 2500 милях, у западного побережья Южной Америки. Воды и провизии оставалось совсем немного.

На пятьдесят вторые сутки плавания, не выдержав лишений, умер и был похоронен в море один из членов команды. Через два дня после этого разразился шторм. Когда на следующие сутки небо прояснилось, Оуэн Чейз и четверо матросов в его вельботе, осмотревшись вокруг, не увидели ничего, кроме безбрежного океана. В ночной тьме два остальных вельбота затерялись где-то среди штормовых волн. Чейз со своими людьми продолжил нескончаемый переход через Тихий океан. Вскоре умер и был предан морской пучине еще один моряк. В этом вельботе осталось четверо.

На шестьдесят девятые сутки они были настолько измучены лишениями, что ни у кого уже не хватало сил управлять вельботом. На восемьдесят первые сутки один из них лишился рассудка от нестерпимой жажды: он потребовал подать ему чашку воды и салфетку. Через час он скончался. Теперь в живых осталось трое; одному из них было всего семнадцать лет. На девяносто первые сутки этот юноша лег на дно шлюпки и приготовился умереть, но тут показался парус.

Трое китобоев, мало чем отличавшиеся от скелетов, были подобраны британским судном. За три месяца плавания в открытой шлюпке по Тихому океану они преодолели 4500 миль.

Через пять дней китобойное судно подобрало в океане вельбот с капитаном Поллардом и еще одним матросом. Эти двое удалились от места гибели «Эссекса» на 4600 миль. Второй помощник капитана Мейзер Джой и команда его вельбота пропали без вести.

Капитан Поллард сообщил представителям военно-морского флота США о трех матросах, оставшихся на необитаемом острове. Одному из американских военных кораблей было отдано распоряжение остановиться у этого острова и снять с него людей, если они еще живы. Когда корабль пришел туда, эти трое все еще не теряли надежды на спасение.

Таким образом, из двадцати моряков, отправившихся после гибели «Эссекса» на вельботах, в живых осталось лишь восемь человек. Капитан Джордж Поллард совершил еще один рейс. На этот раз его судно разбилось, наскочив на риф, и снова Полларду пришлось плыть в открытой шлюпке, но теперь он вместе с экипажем был подобран через пять дней после крушения. Больше Поллард в море не отправлялся.

Первый помощник капитана Оуэн Чейз продолжал ходить в море и дослужился до капитана. Его перу принадлежит отчет об этой морской трагедии, названный им «Рассказ о необычном и горестном крушении китобойного судна «Эссекс» из Нантакета».

Из всех участников описанной трагедии самым известным стал кашалот. Рассказ об этом свирепом ките услышал, а потом прочитал молодой моряк-китобой Герман Мелвилл (1819—1891), который впоследствии включил эпизод нападения кита на судно в свой знаменитый роман «Моби Дик», увидевший свет в 1851 г.

Геннадий Дмитриев

Где же родина пороха?

Работая над расшифровкой древних рукописей, индийские специалисты установили, что большинство рецептов медицины Центральной Азии имеют более древнее происхождение, чем предполагалось до этого. Кроме того, они впервые появились в Индии.

Анализируя трактат «Нитишастра», индийские историки пришли к выводу, что порох в других азиатских странах появился на несколько столетий позже, чем в их стране. В трактате имеется описание «огненных шаров», используемых в военном деле и для устройства праздничных фейерверков. Изобретены они были еще до нашей эры. Шары наполнялись смесью из древесного угля, серы и калийной селитры, т. е. дымным порохом.

ВЕРНИТЕ РОГ НОСОРОГУ...

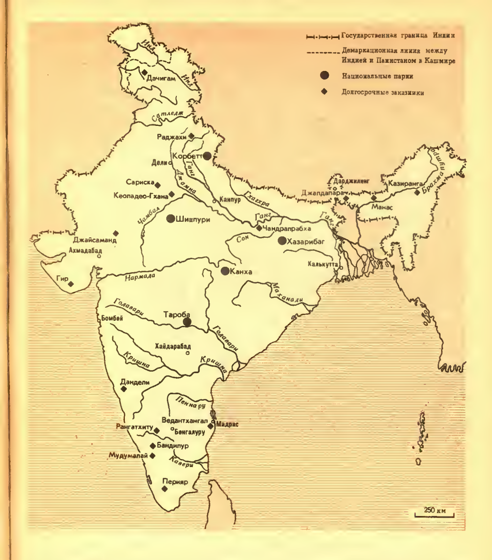

Теоретически мы, как никто, высоко ценим жизнь и часто колеблемся, прежде чем уничтожать даже самое подлое или самое вредное животное.

Джавахарлал Неру

Европейца, впервые приехавшего в Индию, не может не поразить любовь индийцев к животным и даже обожествление некоторых из них. Это имеет давние традиции и опирается на религиозные верования. Например, один из богов индийского пантеона — Ганеш изображался в виде слона. На религиозных праздниствах появлялись ярко разукрашенные четвероногие гиганты. Культ этого животного нашел свое выражение в бесчисленных великолепных поделках из слоновой кости, металла, ценных пород дерева. Не менее почитаем в Индостане и лев. На государственном гербе Индии изображены четыре сидящих могучих льва. Очень популярен тигр. Ему поклоняются не только в Индии, но и в Непале, и в других странах Юго-Восточной Азии. Частям его тела приписывают магическую силу. Из костей зверя готовят бальзам — средство от ревматизма и других болезней. Особой любовью пользуются обезьяны. Встретить их можно везде: не только в джунглях, но и в деревне, и даже в городе. Но пожалуй, наибольшим почетом пользуется корова. Ее чтут как священное животное, благоговейно склоняются перед ней в молитве, украшают цветами. Обычай почитания коров, видимо, стар, как мир. Он берет свое начало с тех далеких времен, когда жители долины Ганга занимались скотоводством и их существование целиком зависело от сохранения поголовья стада. Вот что говорится об этом животном в Ведах: «Всякий, кто убьет корову или съест ее мясо, будет тлеть в аду столько лет, сколько волос было у нее».

Во времена британского колониального владычества власти не принимали никаких мер для защиты живой природы. И лишь после того, как в 1947 г. Индия завоевала независимость, правительство страны смогло серьезно заняться проблемами охраны диких животных. Первым шагом в этом направлении было создание в 1952 г. Совета по охране природы. Сегодня Индия остается одной из немногих стран Азии, где сохранились уникальные представители животного и растительного мира, давно уже исчезнувшие в других местах. В непроходимых джунглях, на степных равнинах и в пустынях можно встретить таких редчайших теперь животных, как большой индийский однорогий носорог, азиатский лев, антилопа гарна, гималайский тар, золотой лангур, длиннохвостая макака, карликовый кабан. Ученые подсчитали, что в Индии обитает 500 видов

диких животных, 2100 видов птиц, более 30 тыс. видов всевозможных насекомых, множество рыб, земноводных, рептилий. Богат и растительный мир. Здесь произрастают ценные породы деревьев: розовое, сандаловое, черное, красное, тик. Славится своей древесиной сал, гималайский кедр. Одного только бамбука встречается 110 видов. На юге Индии немало самых разнообразных видов пальм.

Богатство животного и растительного мира определяется разнообразием природных зон: на севере — высоченные цепи Гималаев, на юге — знойные тропики, на западе — суровые просторы пустыни Тар, на востоке — влажные джунгли Ассама.

Конечно, по европейским масштабам природа Индии еще достаточно богата, но до прихода английских колонизаторов диких животных в стране встречалось неизмеримо больше. Двухвековое колониальное господство Англии сопровождалось разграблением и уничтожением живой природы. Чего стоит охота на львов, тигров, леопардов — традиционное развлечение британской аристократии, вице-королей, лордов, высокопоставленных чиновников. Индийские магараджи в этом смысле не отставали от английских

Индийский однорогий носорог — настоящее чудо. Природа неплохо позаботилась: у животного острый и крепкий рог, а толстая и грубая кожа, как панцирь, надежно защищает его тело. Носорог питается травой, любит болотистые места, поросшие густою травой. Он живет до 75 лет. Охота на этих редких теперь представителей фауны Индии повсеместно запрещена

хозяев. Известный индийский орнитолог доктор Салим Али вспоминал, что в 1953 г. в Мадхья-Прадеш он встретил старого магараджу Сургуджа. Тот похвалялся, что на днях застрелил 1100-го по счету тигра!

Стремясь вкусить острые ощущения, добыть ценные шкуры, слоновую кость, высокопоставленные чиновники и иные браконьеры безжалостно уничтожали слонов, носорогов, львов, тигров, леопардов, гепардов, крокодилов, мускусных оленей. Многие тысячи зверей были истреблены иностранными туристами.

И сейчас еще браконьерский промысел диких животных наносит природе Индии чувствительный урон, хотя с «двуногими хищниками» ведется решительная борьба.

В 1976 г. индийская полиция раскрыла в Дели тайный склад, где было припрятано 89 шкур тигров и леопардов. За каждую шкуру браконьеры на черном рынке получили бы по 1000 долларов. Другой пример ограбления дикой природы Индии. В августе 1979 г. индийские таможенники обнаружили весьма необычный груз, предназначенный для отправки за границу,— 150 тыс. змеиных шкур. И это в наше время, когда все виды змей в стране находятся под защитой закона.

Население Индии быстро растет (в год оно увеличивается на 13 млн. человек), и, естественно, во многих районах спрос на пахотную землю повышается, а поэтому площадь лесов сокращается. Сегодня они покрывают лишь 23% территории страны. Это привело к усилению ветровой эрозии почвы, нарушению экологического равновесия, ухудшению климата. За последние четверть века в Индии вырублены леса на площади в 5 млн. га. Ну и как следствие — вместе с лесами сократилась численность диких животных. Например, поставлено под угрозу

Тигр — одно из удивительных и, увы, теперь уже редких животных, существующих на Земле. Полосатый хищник — само совершенство. Несмотря на свои крупные размеры, зверь очень ловок, легко бегает и прыгает. Ни глубокий ров, ни речка его не остановят в погоне за добычей. Животное в состоянии делать огромные прыжки — до 6 м в длину и до 2,5 м в высоту. У тигра отличное зрение, слух, обоняние. Полосатая гигантская кошка живет довольно долго — до 40—50 лет. Охота на это животное в Индии официально запрещена

само существование бенгальского королевского тигра, льва, носорога.

Еще в средние века носороги обитали по всей долине Ганга. Но тростниковые джунгли, где предпочитают жить эти могучие животные, постепенно распахали. В результате ареал носорогов сильно сократился. В наши дни их можно встретить лишь в Ассаме, в заповеднике Казиранга, и в Западной Бенгалии, где насчитали 1354 носорога. Для браконьера носорог — особо желанная добыча. Беда в том, что до сих пор в Африке и Азии бытует легенда о чудодейственных свойствах рога этого животного. Снадобье из рога (он бывает до метра длиной) якобы способно возвращать утраченную мужскую силу, превращать простую воду в элексир жизни, а кусочек рога под кроватью роженицы облегчает ее страдания. Многие верят в эти чудеса. Цена рога на черном рынке достигает фантастической суммы — 35 тыс. рупий. А застрелить носорога для опытного охотника не составляет труда: несмотря на грозный вид, он очень доверчив, подпускает к себе на близкое расстояние и к тому же имеет слабое зрение.

Судьба слона сложилась более счастливо. Этот четвероногий гигант, как уже говорилось, пользуется в Индии всеобщей любовью, он непременный участник храмовых праздников. Слон давно уже приручен человеком и в течение многих веков трудится на корчевке леса. Это одно из самых умных животных. Специально обученный слон незаменим при охоте в джунглях, так как ни одно другое животное не может с такой легкостью пробраться сквозь густые заросли и через болота. В прошлом слон был грозной военной силой. Отдавая должное уму, силе и трудолюбию этого животного, древние индийские зодчие навсегда увековечили его во многих храмовых фресках и скульптурных изображениях.

17—3556

Сегодня азиатский лев сохранился только в Индии, в других странах Азии царь зверей давно уже не встречается в природе. Благодаря ряду мер, принятых индийским правительством, удалось сохранить от вымирания этих редких теперь уже животных, и хотя медленно, но все же поголовье их увеличивается. Обитают львы в Гуджарате, в Гирском лесу

Были времена, когда четвероногие гиганты водились почти по всей лесистой территории страны. Сегодня диких слонов можно увидеть лишь в Керале, Ассаме, Ориссе, Западной Бенгалии и Уттар-Прадеше. В заповедниках они находятся под присмотром и охраной. И хотя слон, как и другие редкие животные, защищен законом и охота на него запрещена, все же численность животных растет медленно. Главная причина — браконьерство. Ведь цены на мировом рынке на слоновую кость очень высоки. Дело еще и в сокращении площади лесов. Создавшееся положение усугубляется еще и тем, что слоны редко размножаются в неволе. Всего в Индии насчитывается сейчас 7 тыс. этих животных.

Особую тревогу вызывает судьба азиатского льва. Жизнь царя зверей сложилась далеко не по-царски. Он сохранился только в Индии. Считают, что этот зверь не столь ловок и хитер, как, скажем, тигр. Лев больше любит открытые пространства, чем джунгли, где прячется тигр. Кроме того, лев всегда был более почетной добычей, чем тигр. В начале нынешнего века в Индии оставалось всего несколько десятков львов. Естественно, судьба этого животного давно уже волновала ученых-зоологов. Сегодня звери сохранились в одном из самых крупных заповедников — Гирском лесу (его площадь 1295 км^2). На этой громадной территории встречаются густые заросли колючих кустарников, лесные чащобы, поляны. Здесь львы чувствуют себя привольно. Антилопы, олени, кабаны входят в их постоянное «меню». Ряд мер, принятых правительством, благоприятные условия существования и строгая охрана со временем дали положительные результаты. По переписи 1975 г., в Гирском лесу обитает около трехсот львов. Непосредственной угрозы исчезновения этой популяции уже нет, хотя численность львов возрастает довольно медленно.

На степных просторах Индии гепардов уже не встретишь. Для этого нужно ехать в Африку, в Серенгети. Последний индийский гепард был застрелен в 1948 г. Этот необычный зверь внешне напоминает крупную длинноногую собаку, а расцветкой — леопарда. Они отличаются необыкновенно быстрым бегом, и в средние века использовались охотниками в качестве ловчих животных.

Не так давно в Индии водилось немало крокодилов, охота на которых была любимым развлечением местных магараджей. В последние годы эти речные хищники встречаются все реже. По переписи 1975 г., в стране сохранилось лишь около 100 крокодилов. Это результат бесконтрольной охоты, браконьерства. Сегодня в штатах Уттар-Прадеш, Раджастхан и других созданы крокодиловые заповедники, а также специальные фер-

Эта громадная степная птица не орел, а крупная индийская дрофа. Размах ее крыльев более двух метров, высота около метра, а вес достигает 16 кг. В пустынных просторах западного Раджастхана когда-то встречалось немало этих птиц, но сегодня из-за преследований браконьеров число их значительно сократилось. Благодаря своевременно принятым мерам индийским властям удалось спасти эту редкую птицу от вымирания

мы по разведению этих животных. Ежегодно правительство ассигнует 450 тыс. рупий на мероприятия по охране этих пресмыкающихся.

Розовоголовая утка, горный перепел также давно уже исчезли и существуют лишь в памяти старожилов. Лесную белокрылую древесную утку сегодня можно увидеть очень редко. Сколько их осталось в природе, неизвестно. Нечасто можно полюбоваться и крупной индийской дрофой (вес ее достигает 16 кг). Эту птицу добывают из-за вкусного мяса.

Усилия индийских орнитологов направлены на спасение от полного уничтожения тибетского журавля. В 1980 г. они обнаружили в Ладакхе гнездовья тибетских журавлей. Ученые собираются отловить несколько птиц и получить от них потомство.

Большой вред окружающей среде наносит загрязнение промышленными и другими отходами рек, водоемов, каналов. Индийская пресса бьет тревогу: крупнейшая река южноазиатского субконтинента — «священный» Ганг теряет свою былую чистоту, экологическое равновесие в нем находится под угрозой. Это одна из причин, повлиявших на численность гангских крокодилов. Ученые приступили к разработке экстренных мер, чтобы исправить положение.

К сожалению, и воздушная среда многих больших городов оставляет желать лучшего. В крупнейшем индийском городе Калькутте, где сегодня проживает более 9 млн. человек, фабрики, заводы, автотранспорт ежедневно выбрасывают в воздух огромное количество копоти, сажи, дыма.

Специалисты установили, что загрязнение окружающей среды угрожает существованию 280 видов млекопитающих и 350 видов птиц. Уместно вспомнить, что применение современных инсектицидов в сельской местности также не проходит бесследно.

В национальном парке Канха (штат Мадхья-Прадеш) на горных склонах, покрытых сочной травой, можно увидеть много различных оленей — замбаров, аксисов, антилоп гарн. Олень замбар отдыхает на берегу пруда

Правительство Индии совместно с учеными разработало широкую программу защиты окружающей среды, сохранения флоры и фауны. В 1972 г. был принят закон об охране диких животных. Запрещена охота на 61 вид диких животных, занесенных в Красную книгу. Усилилась охрана заповедников, были приняты строгие меры против браконьеров, запрещены продажа и вывоз за границу шкур редких животных. Спустя два года был обнародован закон о предотвращении загрязнения рек, водоемов и других водных источников. А в конце 70-х годов проведен в жизнь закон о сохранении чистоты воздушного бассейна. Все эти постановления имеют важное природоохранное значение. Большую лепту в изучение живой природы и пропаганду охраны диких животных в стране вносит Бомбейское общество естественной истории, основанное еще в 1883 г.

В последние годы в индийских штатах намечен ряд мероприятий для восстановления экологического равновесия. Так, разработаны и уже осуществляются разнообразные программы воссоздания лесов. Решено каждый год проводить посадки деревьев и кустарников, особенно вдоль дорог, каналов, по берегам рек. Например, озеленяется пустынное побережье Бенгальского залива. Здесь вырастут казуарины — красивые хвойные деревья.

Научно-исследовательский институт леса в городе Дехрадуне (штат Уттар-Прадеш) стал одним из ведущих центров в стране, где решаются проблемы восстановления лесов. Четыре филиала института созданы в других штатах. В шести колледжах готовят специалистов лесных служб. Институт поддерживает постоянную связь с советскими учеными-биологами.

Важным направлением в охране флоры и фауны Индии стало заповедное

Антилопа гариа имеет изящные штопорообразные рога. Это редкое теперь животное очень красиво и обладает способностью быстро бегать, оно развивает скорость до 50 км в час. Антилопы гариа любят пастись иа открытых полянах, где их ие может захватить врасплох тигр. Бег животного напоминает стремительный полет. Сегодня это редкое животное находится под защитой закона

дело: расширяются старые заповедники, выделяются крупные средства на организацию иовых иациоиальных парков и заповедников. Индийские зоологи считают, что сеть заповедников, национальных парков, питомников, специальных ферм играет огромиую роль в сохранении и увеличении численности диких животных. Ныне в стране свыше 150 национальных парков и заповедников. Среди иих есть подлинные жемчужины природы, слава о которых разнеслась по всему свету. Это иациональные парки имени Джима Корбетта (штат Уттар-Прадеш) и Канха (штат Мадхья-Прадеш), известные тиграми, оленями замбарами и аксисами, заповедники Казиранга (штат Ассам) и Джалдапара (штат Западная Бенгалия), где водятся однорогие индийские иосороги. Уже говорилось о заповеднике Гирский лес (штат Гуджарат), где обитает иебольшая популяция азиатских львов. Заповедник Дудва (штат Уттар-Прадеш) прославился болотиыми оленями, заповедники в Бхаратпуре (штат Раджастхан) и в Кариале (штат Махараштра) известны как подлинные царства водоплавающих птиц. В Периярском заповеднике можно встретить диких слонов, гауров — диких быков, красных волков и других животных. В заповедниках ведется научная работа по сохранению и увеличению популяций редких и исчезающих видов животных. Вот интересный факт. В конце 70-х годов в городе Тривандраме (штат Керала) состоялось совещание, посвященное проблеме сохранения диких слонов. Для улучшения среды обитания этих животных было решено объединить три соседних заповедника в штатах Керала, Карнатака, Тамилнад в один, громадный по своей территории. Это дало положительные результаты: поголовье диких слонов стало увеличиваться.

В восточном углу Индии, в штате Ассам, в долине реки Брахмапутры раскинулся знаменитый своими носорогами заповедник Казиранга (площадью 430 км^2). Здешние джунгли — рай для носорогов. Густые тростниковые заросли, мелкие болотца, прогретые солнцем, — любимые места животных. Здесь их никто не тревожит. Власти охраняют заповедник от браконьеров. Численность но-

В Индии обитает великое множество различных видов обезьян. Среди них встречаются и редкие виды: золотой лангур, белобровый гиббон, макака с львиным хвостом. И не все обезьяны безопасны при кормлении, так как обладают вот такими зубами, как у этой макаки

сорогов медленно, но увеличивается; их здесь более 900. Это самая крупная популяция в Индии.

Один из старейших и известных во всем мире заповедников — Национальный парк имени Джима Корбетта (площадь его — 324 $км^2$). Это необыкновенно красивый уголок природы Индии. Здесь, в предгорьях Гималаев, в начале века жил и охотился знаменитый охотник и писатель Джим Корбетт. Мир диких животных тогда был несравненно богаче. Полагают, что в Индии тогда насчитывалось 40 тыс. тигров. По данным специалистов, к 1972 г. численность полосатых хищников снизилась катастрофически — их осталось всего 1827.

Чтобы спасти «короля джунглей», правительство еще в 1973 г. приняло проект «Тигр». На его осуществление была выделена большая сумма — 6 млн. долл. Проект предусматривал не только создание новых и расширение старых заповедников, где тигры могли бы жить и размножаться, но и ограничение лесозаготовок, создание отрядов для борьбы с браконьерами. Сейчас в Индии создано 11 тигриных заповедников.

Все это начинает приносить свои плоды. В таких известных заповедниках, как Национальные парки имени Джима Корбетта, Канха и других, популяции тигров возросли. В штатах Мадхья-Прадеш, Уттар-Прадеш, Ассам, Западная Бенгалия обитает 1662 тигра. По оценкам ЮНЕСКО, проект «Тигр» признан наиболее удачным мероприятием по спасению диких животных. Сегодня в стране около 4 тыс. тигров.

В заповеднике Дудва (площадь его — 490 $км^2$), на границе с Непалом, природа очень щедра. В джунглях кроме слонов встречаются тигры и пантеры, гиены и обезьяны, пятнистые олени и питоны, много мелких животных и птиц. Но славу заповеднику принесли болотные

олени. Они занесены в Красную книгу. Сегодня в мире сохранилось немногим более 4 тыс. этих красивых животных, половина из которых обитает в заповеднике Дудва.

Заповедник в Бхаратпуре (площадью 2883 км²), что в ста милях южнее Дели,— царство водоплавающих птиц. Муссонные дожди превращают окрестные низины в мелкие озера, удобные для них. Сюда с наступлением осени слетаются тысячи всевозможных пернатых. Индийские орнитологи подсчитали, что в иные годы их здесь до 300 тыс. С приходом зимы в заповеднике появляются еще многотысячные караваны перелетных птиц. Из далекой Западной Сибири, например, прилетают журавли. Это, так сказать, сезонные гости: они остаются до весны, а затем возвращаются в родные края. В Бхаратпуре зарегистрировано 320 видов птиц, причем около трети — перелетные.

Местные власти, администрация заботятся о пернатых (ведь птицы приносят большую пользу, уничтожая вредителей на окрестных полях). В прудах и озерах разводят рыбу для подкормки птиц, высаживают деревья и кустарники, ведут дренажные работы. Орнитологи наблюдают за пернатыми, проводят учет, кольцевание птиц.

Широкую известность получили индийские ботанические сады. Наибольшей популярностью пользуется Калькуттский, раскинувшийся на ста гектарах. Он находится на берегу реки Хугли. Здесь широко представлена флора, особенно фикусы, красное дерево, пальмы, кактусы. Индийские ботаники составили богатейший гербарий, собрали многотомную научную библиотеку.

Один из ботанических садов расположен на известном горном курорте Дарджилинге, на высоте 2 тыс. м. Близость Гималаев дает себя знать: температура воздуха здесь невысока, в среднем +20 +25° С. Дарджилинг — подлинная чайная столица. На местных плантациях произрастают знаменитые сорта индийского чая. Дарджилингский сад существует более ста лет. В нем собрано около 2 тыс. растений из различных азиатских стран. Чистый воздух, непередаваемая красота Гималайских гор, нежаркий климат — все это привлекает в Дарджилинг большое количество иностранных и местных туристов.

Зоологи хорошо понимают, что охрану животного мира в Индии сегодня нельзя рассматривать изолированно от соседних стран, ведь дикие животные и птицы не знают государственных границ. Вот почему эта проблема приобретает международный характер. Она вызвала необходимость координации действий стран этого региона. Ученые Индии уже наладили контакты со специалистами Непала, Бутана, Бангладеш. Разработана и проводится в жизнь программа совместных исследований. В частности, изучаются миграции тигров, места их стоянок.

Индийские натуралисты полагают, что сеть существующих заповедников, национальных парков, питомников, а также принятые правительством законы по охране диких животных вселяют оптимизм. Надо надеяться, что будущие поколения жителей Индии увидят и слонов, и полет снежно-белой цапли, будут любоваться быстрым бегом антилопы гарны, царственной походкой льва, услышат рев тигра. Ведь без всего этого человечество стало бы во сто крат беднее.

Аркадий Акимов

Костры древнейших обитателей Америки

Палеонтологи Калифорнийского университета сделали на специальном симпозиуме заявление, что доисторический человек пришел на Американский континент за 40 тыс. лет до н. э. Именно такую цифру неопровержимо показал радиоуглеродный анализ находок, сделанных на побережье Тихого океана. Там было найдено кострище, раздробленные кости мамонта и каменные рубила примитивной обработки. Так как находка при первом анализе оказалась сенсационно древней, была проведена серия повторных проверок в присутствии археологов из других университетов США, Канады, Англии и Норвегии. Первоначальная цифра оказалась правильной. На этой же приморской площадке были проведены дополнительные раскопки и обнаружены другие кострища. Они доказывают, что человек жил тут и охотился по крайней мере в течение 19 тыс. лет до того периода, который ранее считался временем его прихода в Америку из Азии.

КАК СПАСАЛИ «АРГУС»

«Аргус» — подводный обитаемый аппарат Института океанологии АН СССР. Назван он по имени мифологического чудища, но выглядит вполне элегантно: этакий ярко-лимонный гоночный автомобиль с килем и маленькой глазастой рубкой.

105-е его погружение началось, как обычно. Утром 21 июля 1980 г. аппарат выкатили на берег Голубой бухты под Геленджиком, по рельсовой дорожке спустили на воду. Предстояло взять с грунта геологические образцы.

Все шло привычно: глубина за иллюминатором, сначала нежно-голубая, все зеленела, синела, пока вокруг аппарата не сомкнулась наконец непроглядная мгла. Включили забортные светильники. В прожекторных лучах медленно уплывала вверх неровная стенка подводного ущелья.

В 11 часов 17 минут гидронавты услышали легкий скрежет по правому борту, «Аргус» дернулся, накренился. Второй пилот Леонид Воронов выглянул в верхний иллюминатор: в нескольких сантиметрах от толстого стекла он увидел стальную оплетку кабеля. Дали задний ход, но вырваться не удалось.

...После трехчасовых попыток освободиться из плена гидронавты поняли, что застряли прочно: кабель придавил аппарат, под лыжами — грунт, по бортам — стенки каньона. Стрелка глубиномера застыла на 340 метрах.

Так в солнечное июльское утро три человека оказались в беде: Евгений Павлюченко, командир аппарата, пилот-гидро́навт Леонид Воронов, студент-океанолог и стажер-гидронавт Сергей Холмов.

В Москве в Институте океанологии имени П. П. Ширшова была немедленно создана комиссия по спасению «Аргуса».

К месту происшествия подошло судно «Гидронавт» под флагом Министерства рыбного хозяйства СССР. Это оказалось очень кстати, так как на борту судна находился подводный аппарат «ТИНРО».

...Рассказывает один из участников спасательной операции, командир подводного аппарата Михаил Севрюгин:

— Когда мы погрузились и приблизились к грунту, то поняли, что найти «Аргус» будет сложно. Рельеф дна сильно пересечен: вымоины, обрывы, склоны... Гидролокатор в таких условиях почти бесполезен: получается сильный разброс эхо-сигнала. Однако мы обнаружили кабель и выставили над ним буй. Но кабель оказался не тот. По звукоподводной связи гидронавты «Аргуса» сообщили, что чувствуют себя хорошо, слышат импульсы нашего гидролокатора. Воронов просил передать жене, чтобы не волновалась.

...340 метров. Почти столько же шагов отделяет домик Вороновых от ангара «Аргуса». Людмила узнала о несчастье в числе первых. Сын-школьник и шестнлетняя Олеся почувствовали недоброе лишь утром — папы нет дома. Людмила провела бессонную ночь. Инженер-океанолог, она прекрасно понимала, что

Подводный аппарат «Аргус» на транспортной тележке перед спуском на воду
Фото А. Сидорова

грозит Леониду и его товарищам.

Кабельное судно «Цна» только что вернулось в Севастополь из трудного рейса, и ее капитан Ф. Китченко, объявив понедельник выходным днем, отпустил бóльшую часть команды по домам. По счастью, Федор Терентьевич задержался в каюте и сам снял телефонную трубку. Звонил оперативный дежурный: «Вам срочный выход в район Геленджика!»

Ночью «Цна» вышла из Севастополя. Путь неблизкий: быстрокрылая «Комета» и та летит до Геленджика часов восемь.

Тем временем на «Аргусе» встречали вторые подводные сутки. Павлюченко открыл новую банку с регенерационными пластинами. Белые пластины, похожие на большие вафли, отдавая кислород, набухали, желтели. Аварийный запас пластин таял, как таяла и энергия в аккумуляторных батареях. Осветительные плафончики давно выключили. Горела лишь крохотная лампочка приборной подсветки. Ответные сигналы спасателям выстукивали молотком по запору люка. Дремали, стараясь как можно меньше двигаться (неподвижный человек меньше расходует кислорода). Провизионный бачок был набит домашними бутербродами, но есть не хотелось. Воронов вел бортовой журнал, скрупулезно отмечая все события. Аппарат поднимут. В этом никто не сомневался. И верили, что поднимут раньше, чем иссякнет последняя пластина. Лишь бы не разразился шторм...

«Цна» пришла в район аварии к исходу вторых суток. Здесь уже скопилось немало судов — спасательных, поисковых, научных. Свежело. Кое-где вскидывались первые барашки.

Это только на первый взгляд просто — приподнять кабель и стащить его с аппарата. Во-первых, приподнять надо так, чтобы не повредить «Аргуса». Во-вторых, нащупать кабель на дне морском не так просто: чаще всего он врастает в мягкий грунт, уходит в ил... В-третьих, на карте значилось несколько кабельных ниток: под какой из них «Аргус»? Решили начать с той, что ближе к берегу.

На кабельный бак — носовую площадку с огромными ролями — вышел начальник кабельной партии Николай Ефименко со своими помощниками. Волновались.

— Дерзай, Яковлевич! — подбодрил капитан «Цны» Ф. Т. Китченко,— у тебя на кабель нюх особый!

Ушел за борт грапнель — кусок цепи с рогатыми звеньями. Минут через 15 прыгнула стрелка динамометра — есть зацеп! Подняли кабель.

Но напрасно гидронавты «Аргуса» вглядывались в иллюминатор — стальная оплетка возле стекла даже не дрогнула.

Бросили грапнель во второй раз. Снова зацеп! Радоваться, однако, не спешили: вдруг опять не то?

Холмов уверяет, что он первым заметил, как стрелка глубиномера сдвинулась «на микрон». Воронов прильнул к иллюминатору: тусклый свет светильника меркл во взбаламученной воде. Кабеля не было видно. Еще боясь поверить в то, что они свободны, гидронавты молчали. Потом сверху раздалась команда на всплытие. Продули цистерну. Но «Аргус», присосанный илом, не шелохнулся. Оставалось последнее — аварийный сброс груза. Семь свинцовых кругляшей упали на грунт, и аппарат дрогнул, качнулся...

Есть у гидронавтов своя песня (Холмов нередко поет ее под гитару):

> За стеклом планктон летит,
> как снег,—
> Это значит, мы идем
> наверх...

В иллюминаторах «Аргуса» бушевала планктонная метель...

Аппарат вынырнул в двух кабельтовых от правого борта «Цны». Стрелки часов показывали 4 часа 42 минуты. Когда отдраили люк, Холмов поразился красоте серого, чуть брезжащего рассвета.

Вот и все. В заключение можно добавить, что в мировой практике аварийные случаи с подводными обитаемыми аппаратами нередки. Это естественно: наука штурмует гидросферу планеты, и этим все сказано.

Аппарат «Аргус» — отечественной постройки. Он прекрасно выдержал необычное испытание. Особенно хорошо показала себя система жизнеобеспечения. 44 часа 25 минут провели гидронавты в небольшом по объему отсеке. Теплозащита не дала температуре внутри аппарата упасть ниже 17° С.

Главную роль в спасательной операции сыграло, конечно, кабельное судно «Цна». Говорят, в одном порту некий находчивый гид, который и слыхом не слыхал о тамбовской речке с таким названием, так перевел его своим спутникам: «Центральная научная академия». Шутка отражает долю истины. Если бы судам, как и театрам, присваивали ранг академических, «Цна» удостоилась бы его в первую очередь. Здесь подобрались подлинные мастера подводных трасс связи. Сам Федор Терентьевич — опытнейший на Черноморье капитан-кабельщик. Он высоко ценит изобретательскую жилку своих подчиненных. Вот электрик по кабельным устройствам Александр Кутик. Решил придумать то, чего нет пока ни на одном кабельном судне,— устройство для механической укладки кабеля в тэнксы — трюмы. Это тяжелейшая ручная работа. Кутик подготовил уже чертежи принципиальной схемы устройства. Судовые инженеры нашли их дельными. Сейчас работают над схемой сообща.

Мы сидим с Вороновым и Холмовым (Павлюченко — в Москве) внутри «Аргуса». На желтой рубке, потемневшей от черноморского сероводорода, еще виден смолистый след злополучного кабеля. Пространства внутри столько, сколько в танковой башне. К стенке ангара прикреплены поздравительные телеграммы из Москвы. Одна — за подписью заместителя директора Института океанологии: «Ваше мужественное поведение послужит примером для всех гидронавтов страны». Думаю, что не только для гидронавтов...

Мерцают южные звезды. Таинственно уходят в ночную воду рельсы из ангара. Воронов и Холмов спорят о преимуществах обитаемых аппаратов перед подводными роботами.

Они обсуждают новую программу — археологическую. Будут искать древний затонувший корабль-«амфороносец».

Николай Черкашин

Прилив-снабженец

Острова у западного побережья Ирландии имеют одну интересную достопримечательность. Их жители — в основном рыбаки — вот уже много столетий не закупают для своих домов ни строительных материалов, ни дров. Все нужное им доставляет Гольфстрим. Остается лишь после прилива выйти на берег и собрать обломки кораблекрушений. Тут и остатки яхт из Мексиканского залива, и сейнеров из Северной Атлантики. В наше время в дело идут и куски стеклопластиков, и металл.

Туристам охотно показывают старый дом, который целиком построен из остатков английского фрегата, налетевшего на рифы в 1740 г.

«КОСМИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК» БЕП-КОРОРОТИ

С началом космической эры перед человечеством возникла новая, весьма важная проблема поиска внеземных цивилизаций и установления с ними контакта. Ученые полагают, что у этой проблемы два основных аспекта: обнаружение внеземных цивилизаций и углубленное изучение сущности человечества как партнера по возможному древнему или будущему контакту. Действительно, кто же мы, люди Земли, каковы наши космические перспективы? Не менее интересен и вопрос о космической предыстории рода человеческого. Мы не говорим о легковесных, спекулятивных догадках дилетантов и тех, кто стремится ко всякого рода лженаучным сенсациям из корыстных побуждений.

Теперь, когда все чаще заходит речь о древних пришельцах из космоса, мы обращаемся к авторитету серьезных исследователей. Среди ученых пополняются ряды сторонников обстоятельного, глубоко научного подхода к вопросу о возможности древних визитов инопланетян на Землю. Изучаются в этих целях памятники материальной и духовной культуры прошлого, предпринимаются попытки найти внушительные аргументы в пользу палеоконтактов, которые в силу традиций все еще относятся к области фантастики.

Важный источник информации в этом отношении — легенды и предания отдельных племен, обитающих в наше время в труднодоступных джунглях и сохранивших в более или менее цельном виде космологические представления далеких предков и отголоски исторических событий.

Жоао Америко Перет в течение 14 лет работал в бразильском ведомстве по защите индейцев, хорошо изучил их быт, обычаи и предания, стал их подлинным другом.

В официальном органе международного Общества Древней астронавтики «Эншиент скэйс» (древние небеса) Перет опубликовал любопытное предание индейцев племени каяпо, обитающих в низовьях Амазонки. Оно повествует о человеке, пришедшем из космоса. Было это в давние времена, когда народ каяпо жил в большой саванне, откуда виделась горная цепь Пукато-ти. Однажды с гор в деревню пришел кто-то необычный. Он был одет в БО, которое покрывало его с головы до пят. В руке странный пришелец нес КОП — громовое оружие. Пришельца звали Беп-Коророти. Мужчины пытались защитить женщин и детей, некоторые хотели сразиться с обладателем КОП. Но их оружие оказалось бессильным. Каждый раз, когда храбрецы касались своим оружием странной одежды Беп-Коророти, они неизвестно отчего валились наземь.

Этот воин, должно быть, смеялся над слабостью тех, кто с ним сражался. Не иначе как он пришел из космоса. Чтобы показать свою силу, он поднимал свой КОП, направлял его на дерево или ка-

Наряд легендарного Беп-Коророти выглядит чужеродным и странным, особенно если учесть, что аборигены не отличаются богатством представлений об одежде

Облачение Беп-Коророти ассоциируется с современным космическим скафандром американского астронавта

мень и уничтожал их. Все решили, что он хотел этим показать, что пришел не для того, чтобы вести войну с жителями племени.

И все же самые смелые воины племени пытались оказывать сопротивление. В конце концов и им пришлось смириться с присутствием Беп-Коророти. Да он и не причинял людям никакого вреда, за исключением неприятных ощущений и страха при первом знакомстве.

Далее в предании говорится, что его сердечность и любовь к каждому постепенно поставили все на свое место, и индейцы почувствовали себя в безопасности. Люди подружились с Беп-Коророти. Он был мудрее всех и стал учить других неизвестным ранее вещам. Он убедил мужчин построить НГ-ОБИ, то есть мужской дом, который теперь строят во всех деревнях племени. В нем мужчины рассказывали юношам о своей жизни, о приключениях, а юноши учились на опыте старших, как вести себя в опасных ситуациях, как размышлять о серьезных вещах. Этот дом был школой, а Беп-Коророти стал учителем.

В НГ-ОБИ обучали ремеслам, совершенствовали оружие. Многим индейцы обязаны Великому воину из космоса. Это он основал «большую палату», в которой они обсуждали нужды и заботы племени. Бывало, что юноши не хотели идти в НГ-ОБИ. Тогда Беп-Коророти надевал свое БО — это странное облачение — и шел искать нерадивых. У юношей сразу пропадала охота противиться ему, и они быстро направлялись в школу.

Беп-Коророти умел творить чудеса. Если охота не удавалась, то он доставал свой КОП и убивал зверей... не нанося им ран. Охотники племени всегда могли

взять лучшую часть добычи. Беп-Кororoти сам не ел обычной пищи, а чем питался, неведомо. Он брал только самое необходимое для своей семьи, ибо взял в жены индейскую девушку.

В предании говорится, что пришелец однажды сказал, что уходит. Его не было много дней. И вдруг он снова появился на деревенской площади и издал страшный крик. Затем произошло что-то ужасное, от чего все лишились дара речи. Пятясь, Беп-Кororoти дошел до горной вершины. Неожиданно раздался сильный грохот, от которого задрожала вся местность, и Беп-Кororoти исчез в небе, сопровождаемый громом, огнем и клубами дыма. От этого происшествия, потрясшего землю, кусты были вырваны с корнем, а плоды уничтожены. Дичь исчезла, и племя стало голодать. Тогда дочь небесного человека — ее звали Ниопоути — сказала мужу, что она знает, где достать пищу. Она повела его в малоизвестное место, где стояло какое-то совершенно особое дерево. Она взобралась на это дерево, которое только казалось деревом, а было чем-то совсем иным, и попросила мужа нагнуть ветки так, чтобы они коснулись земли. Но как только это произошло, раздался сильный взрыв и дочь небесного человека исчезла в облаках пыли и дыма. Ее муж, чудом оставшийся в живых, но умиравший от голода, через несколько дней услышал грохот и увидел, что способное испускать молнию и гром дерево стоит на прежнем месте. Из него вышли его жена и Беп-Кororoти. Они принесли большие корзины, наполненные какой-то неведомой пищей.

Предание заканчивается тем, что небесный человек Беп-Кororoти опять с помощью фантастического дерева исчез в небесах.

В память о своем учителе из космоса, пишет в завершение своей статьи Жоао Америко Перет, индейцы племени каяпо и по сей день во время праздников одеваются в неуклюжие одежды из соломы, ибо так, по их словам, выглядело БО у Беп-Кororoти.

Когда эта статья о космическом учителе индейцев была подготовлена, автор получил майский номер «Эншиент скэйс» за 1980 г., в котором оказались весьма интересные этнографические сообщения.

Как пишет Йохан Файбэг (ФРГ), его друг Вольфганг Зибенхар в феврале 1980 г. путешествовал по Полинезии и был буквально потрясен, увидев ритуальный костюм, сплетенный из соломы, со шлемоподобным колпаком, закрывавшим голову. Этот необычный костюм очень похож на тот, что носят индейцы каяпо в Южной Америке. Полинезийское «божество» также носило жезл, подобный «громовому оружию» Беп-Кororoти. У полинезийцев сохранилась легенда о боге по имени Мауи, который подарил человечеству Огонь. Возможно, делает вывод Йохан Файбэг, Беп-Кororoти и Мауи представляют собой одно и то же божество. Беп-Кororoти в Тихом океане? Возможно ли это? Заимствован этот образ или самобытен? Каковы истинные первоисточники предания? Земные или все-таки космические?

По материалам зарубежной печати подготовил
Владимир Авинский

А что в тех коробочках?

В последнее время мексиканские и американские таможенники стали проверять багаж в аэропортах с помощью каких-то таинственных коробочек с прозрачной верхней крышкой. Процент обнаружения наркотиков, спрятанных в чемоданах и других вещах, резко возрос. Даже самые ловкие контрабандисты потеряли славу удачливых.

Что же скрывается в этих коробочках? Какое новое достижение современной науки? Оказалось, что с электроникой связи они не имеют. В коробочках сидят жучки-светлячки, пойманные в Центральной Америке. Эти насекомые начинают себя вести чрезвычайно беспокойно в присутствии малейших доз наркотических средств. Запах, например, героина, не улавливаемый самыми хитроумными приборами, заставляет жучков интенсивно испускать свет в виде коротких импульсов, выдающих их, так сказать, нервозность. Это свойство таможенники и используют в качестве индикатора.

К СОКРОВИЩАМ ШЕЛЬФА

Что такое шельф?

В Геологическом словаре говорится, что это слово происходит от английского shelf, то есть мель или «полка», а в специальной литературе оно означает материковую отмель. Так называются краевые части континентов, затопленных морем, глубина которого здесь обычно не превышает 200 м. Далее глубины резко увеличиваются, и за шельфом начинается материковый склон, крутизна которого доходит иногда до 45°. Склон этот представляет собой переходную область от шельфа к океаническому дну (ложу океана).

Ширина шельфа местами достигает 1500 км (например, у берегов Сибири и Китая), но он очень узок там, где континент окаймляют горы (например, у тихоокеанского побережья Южной Америки). Общая площадь, занимаемая шельфом на земном шаре, около 28 млн. км^2. Многие моря (Северное, Балтийское, Баренцево, Карское, Желтое) целиком лежат в пределах шельфа.

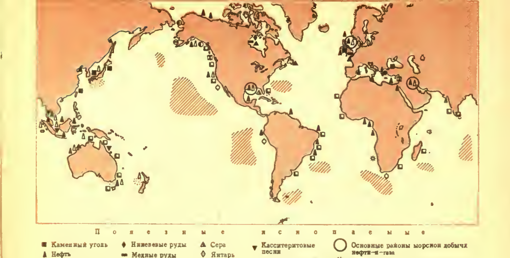
Чем же интересен шельф? Прежде всего тем, что это богатейшая кладовая разнообразных продуктов питания, полезных ископаемых. Нефть, газ, золото, платина, алмазы, олово, титан, торий, гафний, цирконий — вот далеко не полный перечень того, что содержится в недрах шельфа. Здесь растут многие виды водорослей, пригодных в пищу и для промышленного использования, а в водах шельфа обитают многие животные, в том числе промысловые рыбы. Более 80% их улова приходится на эти районы. Здесь и колонии моллюсков, и лежбища ценного морского зверя: моржей, котиков, различных тюленей.

Численность населения земного шара стремительно увеличивается, и если она составляет сейчас около 4,5 млрд. человек, то, по прогнозам ООН, к двухтысячному году достигнет 6,3 млрд. Футурологи считают, что к 2100 г. население Земли составит 20 млрд. В целом народонаселение мира за период с 1950 по 1975 г. увеличилось с 2 млрд. 500 млн. человек до 3 млрд. 900 млн., что составляет 1,9% ежегодного прироста.

Бурный рост населения земного шара требует и огромного увеличения средств жизнеобеспечения: продуктов питания, сырья для промышленности, не говоря уже о пригодных для жилья территориях. Однако ресурсы суши не безграничны, и здесь на помощь может прийти шельф.

К морским кладовым

Обследование ООН показало, что одним из самых распространенных в мире заболеваний становится белково-калорийная недостаточность. Почти половина населения земного шара испытывает белковое голодание, а это ведет к понижению сопротивляемости организма к различного рода инфекциям. Рыба же и другие морские продукты — важные источники животного белка. По данным Института питания Академии медицинских наук

Карта полезных ископаемых, расположенных на шельфе Мирового океана

СССР, человек должен потреблять около 20 кг рыбы в год. Недаром воды шельфа уже теперь стали объектом иногда настолько интенсивного лова, что это грозит нарушить природное восстановление запасов рыбы. Ученые считают, что мировой улов рыбы не должен превышать 80 млн. т в год. Между тем даже сейчас он превышает 70 млн. т, и уже наблюдается снижение запасов сельди в Северном море, добыча которой резко сократилась. А ведь, по данным ФАО (продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН), чтобы к 2000 г. обеспечить человечество рыбой, ее потребуется около 130 млн. т в год.

Где же выход из положения? Очевидно, он заключается в рациональном ведении всего мирового рыбного хозяйства, разумной эксплуатации биологических ресурсов моря, селекции и разведении наиболее ценных и быстро размножающихся видов рыбы и другой морской живности, их расселении и акклиматизации в различных по природным условиям районах. Однако в этом деле нужны согласованные действия всех стран мира.

Показательно, что площадь шельфовых вод, не превышающая 8% площади Мирового океана, дает почти 90% улова рыбы. Чем это объясняется? Причин здесь много. Рассмотрим лишь наиболее важные. Первая — это то, что воды шельфа прогреваются солнцем значительно лучше, чем глубины морей и океанов, поскольку инфракрасные лучи, несущие тепло, всецело поглощаются верхним слоем воды. То же происходит и с важными в биологическом смысле ультрафиолетовыми лучами. В верхних слоях воды и больше кислорода. Солнечный свет, проникая в водную толщу, начинает все более и более ослабевать, и на глубине 100—150 м его уже не хватает для активного роста растений. Следует иметь в виду, что цепочка живых организмов в море начинается с фитопланктона, развивающегося в теплых и мелководных областях континентального шельфа. Им и питается зоопланктон и другие мельчайшие животные, которых в свою очередь поедают рыбы и ракообразные. Кроме того, небольшие глубины шельфовых вод способствуют хорошему перемешиванию минеральных солей, как поступающих из океана, так и выносимых реками.

Биомасса придонных организмов на шельфе составляет около 200 г на 1 м^2, тогда как на глубинах более 250 м она не превышает 20 г. На глубинах более 3 тыс. м она составляет лишь одну тысячную биомассы шельфа. Кроме того, большинство рыб нерестятся в теплых водах шельфа.

Если рыбные богатства используются интенсивно, то шельфовая растительность осваивается далеко не достаточно, хотя еще древние ацтеки употребляли в пищу сине-зеленые водоросли. Растительные запасы шельфа огромны. Многие из водорослей, например широко известная морская капуста, могут употребляться в пищу непосредственно, другие, например морская трава анфельция, используются для получения агар-агара, широко приме-

няемого в кондитерских нзделиях, в микробиологии, в бумажной промышлеииости. Из водорослей ламииарии получают манит, примеияемый в медицине.

Делаются первые шаги в освоении минеральных богатств шельфа. Это прежде всего касается месторождений нефти н газа. Еще в начале прошлого века в Азербайджане, в море, близ берега, устранвали колодцы, изолированные от воды специальиыми срубами. Из этих колодцев, иа глубине 15—20 м ниже дна моря, для местных нужд добывалась нефть. Сейчас нефть уже добывается в Персидском и Мексиканском заливах, в Северном море, близ Калифорнии и в ряде других мест. Обиаружены н другие полезиые ископаемые. Это подводные золотые н платииовые россыпи у берегов Аляски, магнетитовые пески в заливе Ариока в Японии, титановые месторождения иа Балтике, алмазы у побережья Западиой Африки. Уже сейчас в Индоиезин, в Таиланде н на Мадагаскаре эксплуатируются шельфовые залежи олова, а в подводиых шахтах Японии ежегодио добывается свыше 10 млн. т угля. Добывают уголь под водой и в Новой Шотландии.

Море и космос

Решающее слово в выявлеиии минеральных богатств шельфа приıадлежит морским геологам. Сегодия их осиовная задача—выявлеиие перспективных месторождений нефти и газа.

Любая работа геологов на суше начниается с составления геологической карты, осиовой которой служат геодезические съемки местиости или аэрофотосъемка. Не отступают от этого правила и морские геологн. Однако их методы существенно отличаются от «сухопутиых». Ведь нужно получать сведения о морском дие через толщу вод. До иедавиего времеин и здесь нспользовалась только аэрофотосъемка, хотя при этом из-за сравнительно иебольшой высоты полетов для получения карты обширной террнтории приходилось делать тысячи снимков. Кроме того, дно шельфа иа таких сиимках просматрнвается лишь на глубину 10—15 м.

Совсем иное дело съемка с космических аппаратов, которая все больше и больше примеияется при исследованиях дна шельфа. Такие съемки охватывают сразу десятки тысяч квадратиых километров, и благодаря большой высоте полета космических аппаратов и примеияемой на них специальной аппаратуре дио шельфа может просматриваться при толщиие слоя воды до 100 м.

Космические съемки весьма экономичны. По данным американских исследователей, аэрофотосъемкв 1 км² обходится в 62 долл., а при съемке из космоса—всего лишь в 36 цеитов.

Но вот карта диа составлена. На иее при помощи эхолота, установленного иа специальио оборудованном судне, наносится рельеф диа шельфа, и получается рельефиая карта нзучаемого райоиа. При помощн геолоквтора проникают в глубь морского диа. Прибор этот способеи «просветить» гориые породы иа глубину до иесколькнх километров и определить характер этих пород. Самописец геолокатора вычерчивает профили, по которым устанавливают мощность различиых горных пластов, имеющиеся в иих разрывы и т. п.

Имея такую карту диа шельфа, геолог иадевает акваланг н отправляется в подводиый мир для иепосредствениого зиакомства с морским дном.

Собрав воедино всю полученнуую информацию, нсследователь составляет наконец окончательную геологическую карту диа шельфа, которая позволит определить наиболее перспективные места для поисков иефти, газа н других полезиых ископаемых.

Будущее за аквакультурой

Мы уже говорили, что в XXI в. потребиость в продуктах питания для всего иаселеиня земного шара значительио возрастет и что в увеличении пищевых ресурсов видную роль должны играть продукты моря. Однако без повышеиия его продуктивиости ие обойтись. Здесь необходимо вмешательство человека. Очевидно, следует всерьез заняться так иазываемой аквакультурой, которая предусматривает как разведение употребляемой в пищу морской живности, так и морское земледелие, которое еще иедавио казалось фантазией.

Кое-что в этом направлении делается уже теперь. Так, иа Дальнем Востоке водоросли ламинарию и морской салат выращивают в мелководных заливах. Чтобы ламинария лучше росла и ие стелилась по дну и ее легче было собирать, на воткнутых в дно шестах протянуты веревки, за которые растение н цепляется. Этот старннный способ получил ныне большое распространение около Калифорийского побережья США, где ежегодный урожай ламииарии превышает 160 т. Разведеиие водорослей не требует больших затрат труда, н лучше всего это удается иа мелководье в специальных траншеях, куда можно вводнть удобреиия, в том числе и микроэлемеиты. В природе иасчитываются тысячн видов водорослей. Путем селекции мож-

Научно-поисковое судно «Ихтиандр» в океане

но вывести сорта с невиданной урожайностью. Ведь даже в «неухоженном» море плотность зеленой массы, как принято говорить в «сухопутном» сельском хозяйстве, достигает 1,5 тыс. т на 1 км^2.

В 1965 г. в Японии на глубине 20 м был построен первый подводный рыбоводческий завод, где выращивают мальков лосося. Для этого на дне устроены обтянутые нейлоновой сеткой клетки, а через выходящую на поверхность трубу мальков кормят мелкой сечкой из сардин. Раз в месяц клетки посещает инспектор-аквалангист. Результаты этого эксперимента оказались весьма обнадеживающими, и японцы построили еще ряд таких хозяйств, теперь уже на глубине до 50 м.

Американские опыты по разведению креветок в специально огороженных бухтах показали, что такие «плантации» площадью несколько миллионов гектаров могут давать «урожай», равный всему годовому улову в открытом море. Во Франции выращивают в садках омаров и устриц.

В нашей стране первая подводная ферма организована на Дальнем Востоке, на экспериментальной базе «Посьет», где разводят морского гребешка — моллюска, обладающего высокими питательными свойствами и широко используемого в кулинарии. На этой же базе ведутся опыты по разведению морской капусты, устриц и трепангов.

Как показывают расчеты, разведение всех этих «даров моря» в условиях ферм значительно дешевле, чем их добыча в природных условиях. Кроме того, искусственное разведение морских организмов позволяет не только сохранять их численность, но и увеличивать ее.

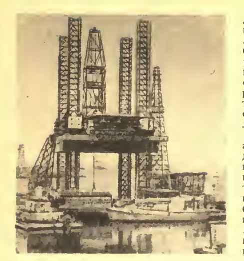
Большое значение, очевидно, будет иметь селекция для выведения наиболее продуктивных видов рыб, их переселение и акклиматизация. В СССР этим занимается ВНИРО — Всесоюзный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии. В 1970 г. в Азовское море переселили из Америки стальноголового лосося и полосатого окуня — крупную рыбу, отдельные экземпляры которой весят до 50 кг. Еще раньше американцы переселили эту рыбу из Атлантики в Тихий океан, где она стала уже объектом промысла.

Стальноголовый лосось хорошо поддается селекции. Американскому ихтиологу Дональдсону удалось вывести породу, у которой значительно увеличились плодовитость и скорость роста.

Однако все это пока робкие попытки. Давно пора переходить к обширному, всесторонне развитому морскому хозяйству. В Советском Союзе за последнее время предприняты некоторые шаги в этом направлении. Скоро появятся карты, показывающие биологические ресурсы, которые изучают на шельфе океанологи, химики и биологи. В последние годы оформилось новое направление в науке — шельфоведение. Обсуждению ее проблем был посвящен третий Всесоюзный симпозиум, проходивший в Географическом обществе СССР.

Битва за шельф

За последнее десятилетие шельф Мирового океана стал ареной столкновения интересов многих стран. Еще в 1958 г. в

Плавучая буровая платформа для бурения на шельфе

Женевских конвенциях был закреплен принцип свободного рыболовства в море. Однако вскоре многие государства установили вдоль своих берегов двенадцатимильные собственные промышленные зоны. Это породило конфликты вроде так называемой тресковой войны между Исландией и Великобританией.

Еще острее стоит вопрос об эксплуатации полезных ископаемых шельфа, и в первую очередь месторождений нефти и газа. Здесь возникают еще более серьезные конфликты, особенно обострившиеся в связи с возникшим в капиталистическом мире энергетическим кризисом. Греция и Турция претендуют на богатый нефтью шельф Эгейского моря. Дело было передано в международный суд, а тем временем каждая из сторон пыталась утвердиться на как можно большем участке шельфа.

В «погоне за шельфом» дело доходило до курьезов. Так, однажды несколько англичан «оккупировало» небольшую необитаемую скалу Рок-Олл в Атлантике, чтобы контролировать окружающую ее 12-мильную зону. Эта «оккупация» вызвала немедленный протест со стороны Дании, поскольку скала находится вблизи Фарерских островов, принадлежащих ей. Однако до начала «нефтяного бума» эта скала никого не интересовала.

Особенно разыгрались страсти после обнаружения нефтяных и газовых месторождений в недрах дна Северного моря. Когда в мае 1970 г. в норвежских водах было обнаружено первое крупное месторождение нефти, названное Экофиск, туда устремился целый ряд иностранных нефтяных компаний с английским, голландским, французским, итальянским, бельгийским, канадским и, конечно, американским капиталом, который в конечном счете и наложил на все лапу. У общественности Норвегии возникает вопрос: кто же будет использовать нефтяные богатства норвежского шельфа — Норвегия или иностранные монополии?

Эти монополии, в первую очередь американские, обратили свои взоры и на другие перспективные места мирового шельфа. Еще в 1970 г. Дэвид Рокфеллер, президент американского «Чейз Манхеттен бэнк», заявил, что американские нефтяные компании вложат в течение ближайших десяти лет 35 млрд. долл. в нефтедобычу на шельфе Юго-Восточной Азии. Знаменательно, что в поисках нефти здесь принимал участие военно-морской флот США.

До последнего времени американская корпорация «Арамко», обосновавшаяся на шельфе Персидского залива, была здесь безраздельной хозяйкой, и лишь недавно ее акции были выкуплены королем и шейхами Саудовской Аравии. До начала 1979 г., когда был свергнут шахский режим в Иране, на нефтепромыслах страны также безраздельно хозяйничали американцы.

С 1976—1977 гг., когда большинство стран расширило свои прибрежные экономические зоны до 200 миль, «битва за шельф» еще более обострилась.

Нависшая опасность

Есть одна причина, которая может свести на нет все усилия по превращению шельфа в неисчерпаемый источник продуктов питания. Это — добыча нефти, которая на шельфе многих морей уже сейчас ведется всевозрастающими темпами. Для этого используются мощные стационарные и плавучие буровые платформы. Вот как описывает одну из них корреспондент американского журнала «Нэшнл Джиогрэфик» Рик Гор: «Мы находимся на «Чарли» — гигантской буровой платформе нефтяной компании «Бритиш Петролеум». Четыре стальные ноги платформы, загнанные в дно на глубине 149 м, держат три палубы и буровую вышку, возвышающуюся на 25 м над поверхностью моря. Платформа рассчитана на то, чтобы выдержать удары волн высотой до 30 м, и на ветер скоростью до 200 км в час. Сейчас ветер дует со скоростью 90 км, но бывают скорости и 150 км. Тогда остается только надеяться, что расчет платформы был точен».

Недавно в Англии построили еще более крупную буровую платформу, названную «Кисхорн монстр» (Кисхорнское чудовище).

При эксплуатации таких платформ капиталистические монополии в погоне за сверхприбылью нередко пренебрегают элементарными правилами техники безопасности. Это ведет порой к трагическим, а подчас и непоправимым последствиям. Так, например, 22 апреля 1977 г. в 21 час 30 минут по местному времени в Северном море, в 270 км от норвежского города Ставангер, произошла авария на крупной буровой платформе «Браво», принадлежащей американскому нефтяному концерну «Филлипс», эксплуатирующему норвежское шельфовое нефтяное месторождение Экофиск. На этой платформе сорвало предохранительное устройство, в результате чего, прорвав толщу воды, на высоту 60 м от поверхности моря хлынул нефтяной фонтан. Каждую минуту можно было ожидать страшного взрыва: ведь достаточно было одной искры, скажем, от удара выброшенного нефтью камня о металл, как все взлетело бы на воздух. К счастью, этого не случилось и 112 человек, находившихся на платформе, удалось эвакуировать. Во всех прибрежных странах забили тревогу. Англия послала к платформе пожарное судно «Киви», оборудованное пожарной помпой и груженное детергентами. Швеция направила суда, оборудованные для борьбы с загрязнением моря. Дания послала к месту катастрофы спасательную буровую платформу «Орион», чтобы рядом с аварийной пробурили другую скважину, которая помогла бы снять напор и прекратить выброс нефти.

С 22 по 30 апреля этот нефтяной фонтан ежесуточно выбрасывал в море 4 тыс. т нефти. И когда, наконец, выброс удалось прекратить, на поверхности воды осталось огромное бурое нефтяное поле, покрывавшее площадь 2 тыс. км^2.

Предыдущие нефтяные катастрофы, в частности случай с аварией гигантского танкера «Торри Каньон», показали, что применение детергентов, даже если ими удалось осадить нефть на дно, приводит к еще более губительным последствиям для всего живого на глубине, куда в конце концов попадают нефть и ее растворители. Поэтому норвежские власти отвергли предложение о применении детергентов, и нефтяное поле продолжало дрейфовать.

Район, где произошла катастрофа на «Браво»,— это самый богатый рыбой район Северного моря. Кроме того, там именно в это время происходит нерест обитающих на шельфе рыб. Таким образом, одна из важнейших отраслей норвежской экономики — рыболовство получило колоссальный ущерб. При дрейфе нефтяного поля к западу такая же участь постигла рыболовство Англии и Дании. Катастрофа на «Браво» поставила под угрозу места нереста сельди, особенно у банки Блоден Граунд, расположенной невдалеке от датских берегов. По мнению биологов, последствия этой аварии будут сказываться в течение многих лет.

Нефтяная пленка на поверхности моря, как и нефть на дне, наносит огромный вред всему биологическому сообществу моря. Она не пропускает солнечные лучи, замедляет обогащение воды кислородом. Перестают размножаться планктон и водоросли — основные продукты питания многих морских обитателей. Пленка убивает икру и мальков, живущих у самой поверхности.

В мировой печати усиливается критика монополий, варварски эксплуатирующих нефтяные богатства шельфа. Норвежский министр по вопросам охраны окружающей среды Гру Харлем Брютланд, выступая в парламенте, подчеркнула, что ответственность за случившееся на платформе «Браво» несет исключительно «Филлипс». Американский нефтяной концерн обвиняют в том, что, разрабатывая шельфовые нефтяные месторождения, он не заботится о соблюдении безопасности, а думает лишь о прибыли.

Перед человечеством стоит вопрос: как совместить необходимость увеличения пищевых ресурсов шельфа с варварской добычей нефти из его недр?

Дмитрий Раша

Пражская форель

Еще совсем недавно на берегах Влтавы, в черте чехословацкой столицы, людей с удочкой невозможно было встретить. Рыболовы знали о высокой степени загрязнения воды индустриальными стоками.

В наши дни картина резко изменилась. Жители Праги теперь ловят не только плотву и карпов, но и форель. Все это — результат работы очистных сооружений, установленных недавно на всех крупных заводах. Кроме того, благодарить надо и рыбоводов, которые выпустили в реку миллионы мальков ценных рыб.

ВЛАДИМИР НАЙДЕНКО

НА ПРОСТОРАХ ПОДМОСКОВЬЯ

Текст к иллюстрированиому очерку (см. вклейку)

Кашира, одии из старейших городов Подмосковья, иаходится в ста километрах от столицы. Всего два часа езды электричкой — и у станции Акри, окружениой сосиами, видеи раскинувшийся иа горизонте город. Переезжаем Оку, красивейшую из рек средией полосы России. Замечателеи вид вставшего иад Окой города со спускающимися к воде дорожками, садами, пристаиью, лодками.

Когда-то иа реке был разводиой поитоиный мост, ио после возведеиия автомобильиого моста в ием отпала иеобходнмость.

Ока, то широкая, с плесами и излучниамн летом, то покрытая льдом и сиегом зимой, привлекает многих туристов и отдыхающих.

Станция железиой дорогн иаходится в трех километрах от центра города. Отсюда идут автобусы в разиые места Каширского райоиа: Ступиио, Ледово, Новокаширск, Озеры, Серебряиые пруды, Ожерелье. На окраиие города, у реки, расположеиы железиодорожные мастерские, заводские корпуса, судостроительный завод.

Дорога поднимается к Ямским улицам. Здесь иаходилось открытое археологами самое древиее поселеиие, так иазываемое Каширское городнще (VII—IV вв. до и. э.) дьяковской культуры. Эти поселения располагались обычио иа высоких местах, защищенных с одиой стороны рекой и оврагом, с других сторои выкапывали рвы, возводили тыи.

Город первоначальио находился на левом берегу Оки, близ устья реки Каширки. Первое упоминание о нем относится к 1353 г. Это выпнска нз духовиой грамоты великого киязя Московского Ивана Ивановича. Городское место имело в длиину 80, поперек — 60 сажеи. Было двое ворот: главные и водяиые, выходящие иа реку. Восемь башеи у городских стеи, колодец, от иего шел тайный ход к реке. Старая Кашира — так ее называют сейчас — была крепостью Московской Руси, где стояли сторожевые полки, готовые оповестить об опасиости и оказать сопротивлеиие врагу. Это был пограничиый город, сбориый пуикт русских войск, укрепленный валом и деревянными башнями. Кругом стояли засечиые леса — естествеииый заслои бескоиечиым иабегам татар. На территории Каширского уезда засечиая черта ближе всего подходила к Оке и была меиьше защищеиа лесами, сюда обычио и устремлялись ханы со своими отрядами и опустошали Каширский уезд.

«А как почуют царев (крымских хаиов) приход и царевичей, посылает государь бояр своих на пять полков, а в полку по два бояриина. Большой полк стоит в Серпухове, правой руки полк в Колуге, левой рукн полк иа Кошире, передовой иа Коломне, сторожевой полк в Олексиие...» — говорит летопись.

В 1571 г. Кашира была разрушеиа крымским ханом Девлет-Гиреем, ои разорил и сжег 2500 дворов.

С середииы XV до середииы XVII в. произошел 31 крупиый иабег, а малых жди каждый год летом, иногда и дважды.

На месте Старой Каширы сейчас село Зиамеиское. На пологом берегу с сосияком и белым песком сохранились земляиые укрепления и очертания севериых и южиых ворот. Эти места проходили шестьсот лет иазад русские войска по пути к Куликову полю.

С Каширой связаны и события крестьяиского восстания под руководством И. И. Болотникова. Возле города, иа реке Восьме, в 1607 г. он принял сражеиие с царскими войсками, возглавляемыми Шуйским. И хотя царские войска были более многочисленны, разгромить восставших не удалось.

Между 1613 и 1624 гг. Кашира отстраивалась заново, ио уже иа иовом месте, иа правом берегу Оки, у деревии Козловка. В описании 1678 г. сказано: «Город Кашира — деревяниый, рубленый, по ием башеи: две с проезжими воротами, семь башен глухих». Засечиая зоиа теперь прошла к югу. Во время

польской интервенции жители Каширы собрали ополчение и послали его в Москву на помощь Минину и Пожарскому.

К XVIII в. деревянные укрепления города развалились и были снесены.

С верхней городской площадки, называемой «пятачком», можно увидеть на левом берегу Оки строения Белопесоцкого монастыря (XV в.) — самые древние в городе. Монастырские укрепления говорят о том, что он строился и как крепость. Сейчас здесь ведутся археологические раскопки и намечается восстановление этого исторического памятника.

Многие названия улиц Каширы напоминают о старине — Ямская, Стрелецкая, Пушкарская. Каменное двухэтажное здание бывшего казначейства в стиле барокко с элементами классицизма построено во второй половине XVIII в. Рядом — белокаменные дома екатерининской эпохи, недалеко — торговые ряды, колокольня бывшего женского монастыря, церковь Николы Ратного.

В конце XVIII — начале XIX в. Кашира становится уездным торговым городом. До середины XIX в. через нее проходил тракт, носивший название Каширского, по которому шли из Ельца в Москву обозы с хлебом через Венев, Павелец. В конце XIX в. началось строительство железной дороги. Кашира осталась в стороне, тракт опустел.

До Великого Октября Кашира оставалась захолустным городком с небольшой кустарной промышленностью.

В самом центре города ныне находится краеведческий музей. В этом доме в 1919 г. М. И. Калинин провел собрание местного актива. Многие экспонаты посвящены строительству Каширской ГРЭС у станции Териовка, первенца ГОЭЛРО. В сентябре 1921 г. В. И. Ленин приезжал из Горок на строительство электростанции. Ее первая очередь была закончена в следующем году. Ток Каширской ГРЭС получила Москва и прилегающие к ней районы. Рядом со станцией вырос новый город Новокаширск.

Великая Отечественная война — это особая страница в истории города. Осенью 1941 г. прорвавшиеся фашистские танки генерала Гудериана на реке Мутенке, в двух километрах от города, встретили зенитчики и бойцы истребительного противотанкового батальона. Их поддержал подошедший кавалерийский корпус генерала П. А. Белова. С левого берега Оки по врагу били гвардейские минометы. Советские войска перешли в наступление и разгромили группировку противника. На стендах музея — оружие, вещи, документы, фотографии героев обороны Москвы, карта боевого пути кавалерийского корпуса, дошедшего до Берлина. В память о героических подвигах советских воинов у деревни Зендиково устроен мемориал с Вечным огнем. Сюда в День Победы приезжают жители города и окрестных сел, представители воинских частей, ветераны войны почтить память погибших в боях за Родину.

За Козловкой расположен дом отдыха «Кашира», который окружен липовой и березовой рощами. В годы войны здесь был госпиталь. С высокого берега открывается вид на Оку. Излучина реки уходит к северу. За рекой город Ступино, лес, который переходит в Приокско-террасный заповедник. По Оке можно проплыть до Серпухова и вниз к Озерам. Недалеко от Озер, при впадении реки Смедва в Оку, расположена бывшая усадьба известного писателя Д. В. Григоровича Дуледово. В сельце Даровое жил Ф. М. Достоевский, описавший эти места в романе «Братья Карамазовы». Посещали каширский край И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой.

По Оке движутся грузовые суда, катера, «ракеты».

К вечеру затихает городской шум, закатные лучи солнца меркнут, падают голубые тени, мерцают огоньки пристаней. Сверкает огнями ГРЭС. Широко разливается Ока у Тарбышево. Стеной стоит лес на левом берегу, и далеко уходят плёсы.

Звероящеры из меловых карьеров

Мел — один из видов тонкозернистого известняка, которым богата Белгородская область. И очень часто в карьерах, где он добывается, можно увидеть палеонтологов Ленинградского университета. Ведь мел — это следы мельчайших водных организмов, обитавших в древнем теплом море 135—200 млн. лет назад. И вместе с ними сохранились окаменевшие следы и более крупных существ длиной подчас до 15 м. Недавно там ученые нашли кости плезиозавров — хищных рептилий с длинной шеей, умевших очень быстро плавать с помощью четырех крупных ластов. Обнаружены и кости других вымерших чудовищ, в частности ихтиозавров. Все эти находки чрезвычайно ценны для науки.

«КРЕЩЕНИЕ» СУДНА

«Плыви по морям и океанам, славь имя кораблестроителя и моряка, я нарекаю тебя...» — такова традиционная формула «крещения» спускаемого со стапелей нового судна. О форштевень корабля разбивают бутылку шампанского. Это делает обязательно женщина, «крестная мать» новорожденного судна. Она считается почетным членом экипажа и пользуется правом бесплатного проезда на «своем» судне.

Обряд «крещения» — одна из древнейших морских традиций. Первое его описание обнаружено в египетских папирусах и относится к 2100 г. до н. э. Это был, если можно так выразиться, отчет о спуске на воду корабля фараона.

На протяжении тысячелетий обряд «крещения» носил религиозный характер и имел целью заслужить покровительство богов новому судну. Считалось, что лучше всего для этого принести человеческую жертву. Викинги при спуске своих кораблей обрекали на гибель невольников, которых укладывали под килем.

На островах Западного и Восточного Самоа после спуска пироги на воду нескольких человек бросали за борт на съедение акулам. Полагали, что задобренные таким образом хищники в дальнейшем не тронут тех, кто будет плавать на пироге. Финикийцы кропили борта судна кровью только что заколотых красивых девушек-рабынь.

Римляне при спуске своих судов приносили в жертву взятых в плен пиратов. Более гуманными были греки, которые, правда, тоже использовали для обряда «крещения» кровь, но не человеческую, а молодого барашка.

Со временем менялся и характер «крещения». Но еще долго преследовалась все та же цель — снискать расположение богов, властвующих над стихией.

В средневековье неизменным атрибутом «крещения» стало вино, которым щедро кропили палубу перед выходом в первое плавание. Именно так «крестили» суда, участвовавшие в путешествии Христофора Колумба. Вероятно, на «Санта Марию» пожалели хорошего вина. Ведь, как известно, каравелла трагически закончила свое существование.

В церемониях «крещения» зачастую участвовали высокопоставленные государственные и церковные деятели. Хроники сообщают, например, что в 1418 г. в Саутгемптоне (Англия) королевский корабль «крестил» епископ. За это он получил 5 фунтов стерлингов. В годы правления династии Тюдоров (1485—1603) этот обряд обставлялся весьма пышно. Королевский сановник произносил тост за благополучные плавания корабля. Ему преподносили вино в золотом кубке. Затем этот кубок выбрасывали за борт.

В конце XVII в. выбрасывание драгоценных кубков за борт прекратилось. Устанавливается обычай разбивать о форштевень спускаемого на воду судна бутылки с вином. Эта церемония сохранилась до наших дней, с той лишь разницей, что по примеру Франции стали использовать благородный напиток — шампанское.

История «крещения» судов хранит немало забавных страниц. Так, например, американский военный корабль «Конститьюшн» был «окрещен» водой и, «обидевшись», не пожелал после такого убогого торжества сойти со стапеля.

Бывало и так. Датский транспорт, предназначенный для плавания в арктических водах, был «окрещен» глыбой льда, а одно из американских судов... мороженым. Для этих целей использовалось и молоко. В Индии вместо бутылки шампанского о форштевень спускаемого на воду судна разбивают кокосовый орех. В Японии судно украшают множеством цветных лент и воздушными шарами, а в Турции — кропят кровью молодого барашка, шашлыком из которого потом лакомится команда «новорожденного».

На некоторых верфях моряки и судостроители придают большое значение тому, чтобы бутылка шампанского разбилась о корпус судна с первого удара. Можно представить, как волнуется тогда «крестная мать».

Давид Эйдельман

Сложная ли это проблема?

Нет, не сложная. Так отвечают на вопрос об очистке дна рек от затонувшей древесины работники порта в городе Чайковском. Там создана специальная бригада, которая за год поднимает со дна Камы свыше двух тысяч кубометров сосны и ели. Технология простая: речной буксир оборудуется подъемным краном с ковшом грейферного типа. Добытые грейфером бревна просушиваются, а затем поступают на обычную лесопилку. Из «подводной древесины» делают доски разных размеров. Одни идут на обшивку дачных домиков, другие — на изготовление тары для овощей и фруктов.

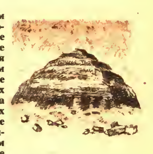
Зеленые долгожители столицы

Около четырехсот уникальных по возрасту деревьев зафиксировали недавно в столице активисты Московского городского отделения Общества охраны природы. Например, в музее-заповеднике «Коломенское» сохранились могучие дубы, которым по 400 и даже по 500 лет. В Ботаническом саду на проспекте Мира растет трехсотлетняя ива, которая, по преданию, посажена Петром I, поощрявшим разведение лесов. Он же и сам посадил много дубов в подмосковных лесах, которые теперь стали городскими парками.

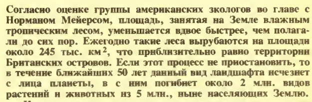
Московские энтузиасты составили картотеку зеленых старожилов, где указывается их возраст, вид, размеры, биологические особенности. Все это делается для того, чтобы продлить жизнь вековых деревьев, украшающих Москву.

Еще одна пирамида

Ученые подозревают, что количество пирамид в Древнем Египте было значительно большим, чем их открыто археологами на сегодняшний день. Именно поэтому международные научные экспедиции в последние годы вели интенсивные раскопки в районе Саккара, где возвышается известная ступенчатая пирамида фараона Джосера. По косвенным данным, там должны были быть и еще подобные же сооружения. Попытки вести раскопки в глубину песчаных наносов ни к чему не привели. Успех пришел, когда археологи решили снести вершину одного из песчаных холмов. Под ним оказалась каменная кладка. Дальнейшие работы привели к открытию еще одной ступенчатой пирамиды. Она сложена из массивных монолитов. По первым данным, эта усыпальница сооружена 4700 лет назад. На ее полное исследование потребуется немало времени.

Тропический лес отступает

Согласно оценке группы американских экологов во главе с Норманом Мейерсом, площадь, занятая на Земле влажным тропическим лесом, уменьшается вдвое быстрее, чем полагали до сих пор. Ежегодно такие леса вырубаются на площади около 245 тыс. км^2, что приблизительно равно территории Британских островов. Если этот процесс не приостановить, то в течение ближайших 50 лет данный вид ландшафта исчезнет с лица планеты, а с ним погибнет около 2 млн. видов растений и животных из 5 млн., ныне населяющих Землю.

К влажным тропическим лесам американские ученые относят сообщества вечнозеленых растений, занимающих низменные области с большим количеством годовых осадков, средней температурой 24°С, без заморозков. Их основные районы расположены в Латинской Америке, Африке и Юго-Восточной Азии. Демографическая статистика показывает, что из каждых десяти детей, которые должны появиться в мире в течение ближайших двадцати лет, девять родятся в этих регионах. По мере роста численности населения увеличивается и «давление» на тропический лес. Его вырубают ради расширения обрабатываемой земельной площади.

Известно, что почвы в тропических лесах крайне бедны. Обильные осадки вымывают из них питательные вещества, и корни деревьев поэтому уходят до 30 м в глубину. Почва практически не содержит таких нужных растениям микроэлементов, как кальций, магний, калий и фосфор, так что для их питания совершенно необходима большая масса опадающих листьев и гниющей отмершей растительности.

В Таиланде и на Филиппинах делается немало, чтобы предотвратить полную гибель лесов. Но дело в том, что на некоторые породы деревьев (тик, красное, розовое) цены постоянно растут, а развивающиеся страны вынуждены в поисках средств предоставлять международным компаниям права на лесоразработки. Пролагаемые туда дороги открывают путь фермерам, нередко вырубающим участки для пастьбы скота или посевов. Только в Бразилии в период между 1966 и 1978 гг. более 80 тыс. км^2 лесов превращено в пастбища для 6 млн. голов скота.

В наибольшей степени опасность тропическому лесу угрожает в Эквадоре, Бразилии, на Гавайях, Мадагаскаре, в Шри Ланке, Индонезии (острова Калимантан и Сулавеси), Танзании и Кении, на острове Новая Каледония.

Использование ветровой энергии в Голландии

Правительство Голландии приняло план инженера-гидравлика Л. В. Ливенсе по использованию ветровой энергии. План предусматривает не осушать участок Маркерваард залива Зейдер-Зе площадью 40 тыс. га, как это предполагалось ранее, а превратить его в крупный резервуар морской воды, огражденный дамбами и плотинами высотой 15 м. На

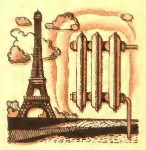
плотинах устанавливается 400 ветровых двигателей, турбины которых будут вырабатывать от 1 до 1,5 мегаватт электроэнергии. Эта энергия предназначена для накачивания в резервуар воды. В четырех точках резервуара устраиваются проемы, через которые вода будет падать с высоты 12,5 м, вращая 160 турбин, вырабатывающих 10 мегаватт электроэнергии каждая. Ночью треть этих турбин будет также накачивать воду в резервуар, повышая ее уровень.

Предполагается, что эта система удовлетворит 10% потребности Голландии в электроэнергии. Стоимость строительства составит 3 млрд. гульденов.

Перспективы геотермальной энергетики во Франции

Согласно официальной оценке, количество энергии, которое Франция могла бы получать, используя все известные ныне источники подземного тепла на своей территории, эквивалентно приблизительно использованию 10—13 млн. т нефти в год. Большие запасы глубинных термальных вод находятся непосредственно под Парижем. Однако их использованию препятствуют высокие цены на земельные участки, необходимые для бурения. Поэтому основные меры в этом направлении предпринимаются пока в провинции. Так, в районе Сен-Дени-ан-Валь, вблизи Орлеана, уже подается на поверхность вода с температурой 70°С. Ее будут использовать для подогрева теплиц площадью 15,7 га, где выращиваются фрукты и овощи. Глубина залегания термальных вод — 1500 м. Добыча ведется с помощью техники, обычно применяемой при бурении нефтяных скважин. После достижения полной мощности источник будет давать энергию, равную использованию 3—5 тыс. т нефти в год.

Подземные воды часто содержат загрязняющие вещества, поэтому обычно бурят две скважины: из одной выкачивают горячую воду, во вторую поступает отработанная. Расходы составляют в среднем 1 млн. ф.ст. на бурение, 500 тыс. ф.ст. — на строительство сооружений на поверхности и на эксплуатационные расходы — 60 тыс. ф.ст. в год.

Во Франции предполагается до 2000 г. ежегодно вводить в строй по 20 геотермальных источников энергии. Окупаясь за 8 лет, каждый из них должен работать в продолжение по меньшей мере 30 лет.

В районе Блуа (юго-западнее Парижа) предполагается подавать на поверхность воду с невысокой температурой (30—40°С) с глубины всего 400—800 м. Затем ее будут нагревать, сжигая бытовые и промышленные отходы, и использовать для отопления домов.

Изучение лагун

В соответствии с международным проектом «Человек и биосфера» на территории Республики Берег Слоновой Кости осуществляется комплексное изучение природных условий в морских лагунах. Для исследования выбраны лагуна Эбри площадью 560 км^2, а также примыкающая к ней с запада лагуна Гран Лаху (150 км^2) и находящаяся восточнее лагуна Аби (430 км^2). Все они, вместе взятые, представляют 95% площади застойных морских вод страны.

Физико-химическое описание лагуны Эбри было уже составлено к 1951 г., когда завершилось строительство идущего сюда канала Врнди. Это дает начальную «точку отсчета» для изучения гидроклимата и его зависимости от изменившихся условий. Ныне на 55 специальных станциях производятся измерения солености, температуры воды, содер-

жания в ней кислорода, нитритов, нитратов, фосфатов, хлорофилла, а также измеряется прозрачность воды.

Определяется ход процесса ассимиляции фосфатов в лагуне. Устанавливается роль зоопланктона в общем развитии биомассы. Близится к завершению сбор информации о бентосе и донных осадках; опубликованы материалы о съедобных моллюсках. Отобрано 10 видов рыб и ракообразных для определения их пищевой ценности или потенциальной возможности использования в аквакультуре. Определяется относительная роль сельского хозяйства и рыболовства для различных групп населения.

Растущий рядом городской комплекс Абиджана вызывает серьезную опасность загрязнения лагуны Эбри. Устанавливаются ее способности к самоочищению от органических веществ антропогенного происхождения.

Для получения сравнительных данных ведутся наблюдения за аналогичными процессами в лагуне Аби, значительно менее затронутой хозяйственной деятельностью.

Работы осуществляются в основном силами Центра океанографических исследований в Абиджане (директор Ж.-Р. Дюран) при поддержке Отдела морских наук ЮНЕСКО.

73-й рейс «Гломара Челленджера»

31 апреля 1980 г. научно-исследовательское судно «Гломар Челленджер», покинув порт Сантус (Бразилия), вышло в свой 73-й рейс. Изучению подверглось строение и геологическая история дна Атлантического океана на протяжении 1 тыс. миль вдоль 30° ю. ш. В этом районе было пробурено шесть скважин, из которых при помощи нового гидравлического устройства удалось поднять колонки донного грунта, включающие неповрежденные образцы верхних 200 м осадочных пород, отражающих историю последних 50 млн. лет. Более глубокие и плотные слои были пройдены обычным методом.

Благодаря этому возникла возможность точного датирования пород методом магнитостратиграфии, который в сопоставлении с палеонтологическими и радиометрическими данными позволяет определять возраст осадочных пород относительно изменений в магнитном поле Земли. Собранные данные позволяют проследить эволюцию оледенения Антарктического континента с самого его начала (около 30—40 млн. лет назад). Установлено, что вóды, содержащие большое количество солей (что связано с замерзанием значительного количества влаги при образовании ледяного купола), очевидно, начали активно протекать через этот район Южной Атлантики около 4,5 млн. лет назад. До этого времени в течение примерно 16 млн. лет донные воды на востоке Южной Атлантики были малоподвижными и постепенно становились все более кислотными или стали содержать существенное количество двуокиси углерода по мере накопления на дне остатков отмирающих организмов, живущих на поверхности моря.

В некоторых локальных бассейнах вóды становились временами совершенно застойными и сохраняли богатые органикой осадки. Эти осадочные породы весьма сходны с теми, что нередко встречаются в нефтеносных районах моря, например в монтерейских сланцах у берегов Калифорнии, считающихся потенциально богатыми ископаемым горючим.

Наиболее существенным результатом исследований можно считать данные о глобальном кризисе в развитии жизни на Земле более 60 млн. лет назад. При бурении дна в юго-восточной части Атлантики, вблизи Южной Африки, в промежутке между слоями вулканического пепла, покрывающего склоны хребта, возраст которого около 70 млн. лет,

обнаружена почти полная «летопись» событий, происходивших на рубеже мелового и третичного периодов. Она свидетельствует, что массовое вымирание подавляющего большинства живых организмов в верхних слоях океанических вод 65 млн. лет назад происходило практически в то же время, когда на суше вымирали ящеры.

Массовая гибель обитателей океана заняла значительно меньше 100 тыс. лет и происходила в такое время, когда все формы жизни, характерные для мелового периода, как кажется, были в полном расцвете. Сразу после этого разнообразие видов, населявших поверхностные воды Мирового океана, резко сократилось и доминирующую роль стали играть одноклеточные растения Thoracosphera.

Однако за следующие несколько миллионов лет сохранившиеся особи позволили восстановить то разнообразие видов, что было до катастрофы.

Химический анализ образцов осадочных пород показал, что они необычайно богаты такими «экзотическими» элементами, как иридий, кобальт, никель, цинк, мышьяк и сурьма, причем все они могут иметь внеземное происхождение. Это привело некоторых специалистов к мысли, что указанная катастрофа могла быть вызвана столкновением Земли с крупным космическим телом, например с кометой. Другие же ученые предполагают, что смещение континентальных масс суши изменило характер циркуляции вод в океане и повлекло за собой изменение их химического состава, а также общих климатических характеристик на поверхности Земли в такой степени, которая оказалась гибельной для некоторых форм жизни, свойственных меловому периоду.

Растение-универсал

Растениевод Виллем С. Хейнекер из Шри Ланки сообщил, что им выведена новая разновидность «крылатого» бобового растения Psophocarpus tetragonolobus, встречающегося обычно во многих районах Юго-Восточной Азии, а также в Папуа Новой Гвинее. Оно и раньше было известно как весьма полезное. Буквально все его части съедобны. Недозрелые нежные стручки идут в пищу сырыми, их можно варить, жарить, подобно, например, фасоли волокнистой. Из молодых листьев готовят блюдо, напоминающее шпинат, а цветок в жареном виде обладает вкусом и «фактурой» грибов.

Зрелые семена жарят и едят, как земляные орехи. Их также можно молоть, получая муку, сжижать в «молоко» и в кофейный напиток без кофеина, превращать в творожистую массу; путем несложной обработки из них вырабатывают масло и маргарин. Клубни и корень варят подобно картофелю или нарезают ломтиками на закуску. Сушеные листья курят, причем они почти совсем не содержат никотина.

Питательные свойства этого растения сходны с соей. В их сухом веществе содержится в среднем 34% белков и 17% полиненасыщенных жиров. Белки содержатся в каждой части растения, причем в клубнях их в 10 раз больше, чем у картофеля, батата или ямса. Витамин А в листьях содержится в весьма значительной концентрации, что существенно для влажных тропических районов, где его недостаток в пище нередко вызывает заболевания, особенно у детей.

Псофокарпус — растение многолетнее. Его стручки снабжены четырьмя выступами, образующими «летучки». Если ему предоставить опору, оно может вытягиваться в высоту до 4 м, причем стручки усеивают растение очень часто.

Это растение обладает чрезвычайно высокой способностью усваивать азот непосредственно из воздуха, что позволяет ему существовать и на тропических почвах, обычно очень бедных этим элементом. Более того, оно само обогащает почву азотом.

Выведенная В. С. Хейнекером разновидность псофокарпуса обладает повышенной урожайностью: она дает 2—3 т бобов с 1 га а год. Около 70 стран начали его разведение, причем в Индонезии и на Филиппинах псофокарпус официально объявлен «заслуживающим особого внимания». Многие растениеводы в ряде стран приступили к селекции новых его разновидностей.

Информация подготовлена *Борисом Силкиным*

КОРОТКО О РАЗНОМ

Радиограммы с маяка

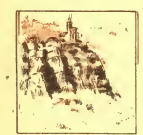
На одном из островов Фризского архипелага в Северном море построен маяк, который внешне ничем не отличается от обычных. Но на нем нет прожекторной лампы, и он не посылает в ночную мглу свои световые сигналы. Задача нового маяка совсем иная. На нем установлены мощный локатор и передающая антенна.

В этом районе всегда очень сложные погодные условия — туманы, штормы, а также капризные течения. И оператор локаторной установки определяет расстояния между кораблями и в случае угрозы столкновения посылает срочные радиограммы с предупреждением об опасной ситуации.

Трагедия Ла-Манша

Как известно, рыбаки когда-то хвалили этот пролив за обилие рыбы. Теперь они жалуются на резкое уменьшение своих уловов. В причинах решили разобраться два английских ученых из Плимута. Они установили, во-первых, высокую степень загрязнения воды нефтью. Во-вторых, обнаружили еще одно серьезное явление, которое нарушило рост планктона,— первого звена в питательной цепочке морской фауны. Оказалось, что сейчас из-за промышленных стоков а воде в 40 раз увеличилось содержание цинка. А избыток этого элемента сдерживает процессы фотосинтеза, вредно влияет на развитие планктона и водорослей. Словом, для рыб и питания стало меньше, и среда обитания их изменилась в худшую сторону.

Самый маленький чешский город

Туристам, посещающим западную часть Чехословакии, не забывают показать городок Рабштейн-на-Стршелоу. Когда-то это была деревня при замке. В 1337 г. герцог Ян Люксембургский дал ей статус города. Однако Рабштейн, расположенный на скалистом склоне, не имеет возможности развиваться. Поэтому он до сих пор остался самым маленьким городом Чехословакии, а живет а нем всего 25 человек, но благодаря прекрасным окрестностям он один из самых популярных пунктов отдыха и туризма. Помимо интересных архитектурных памятников (например, средневековая часовня, замок в стиле барокко, каменный мост) Рабштейн прославился еще и сланцами, которые здесь начали добывать еще в XIV в. для изготовления грифельных карандашей.

Факты подобраны *Германом Малиничевым*

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЯ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ.

Природные феномены

На суше и на море: Повести. Рассказы. Очерки. Статьи / Редкол.: С. И. Ларин (сост.) и др.— М.: Мысль, 1982.—479 с., ил. карт., 32 л. ил.
В пер.: 3 р. 40 к.; 3 р. 50 к.

Двадцать второй выпуск художественно-географического ежегодника «На суше и на море» открывается очерком о свершениях строителей БАМа и проблемах промышленного освоения зоны великой магистрали. В сборник включены также рассказы, новеллы, очерки о настоящем и прошлом, о природе и людях нашей Родины и зарубежных стран, о путешествиях и исследованиях советских и иностранных ученых, материалы по охране окружающей среды, фантастические рассказы советских и зарубежных авторов. В разделе «Факты. Догадки. Случаи...» помещены научно-популярные статьи, краткая информация по различным отраслям наук о Земле и многообразных природных явлениях. Сборник рассчитан на самые широкие круги читателей.

Н $\frac{1905020000-060}{004(01)-82}$ 145-82

ББК 84
СБ1

НА СУШЕ И НА МОРЕ

Художественно-географическая книга

Заведующий редакцией **А. П. Воронин**
Редактор **Н. Н. Пронин**
Младший редактор **Т. Д. Изотова**
Редактор карт **О. В. Трифонова**
Художественный редактор **А. И. Ольденбургер**
Технические редакторы **Л. П. Гришина, Л. В. Барышева**
Корректоры **Г. Б. Абудеева, Т. М. Шпиленко**

ИБ № 3053

Сдано в набор 12.11.81. Подписано в печать 26.04.82. А01075. Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 2. Гарн. таймс. Офсетная печать. Усл. печатных листов 32 (с вкл.). Учетно-издательских листов 40,45 (с вкл.). Усл. кр.-отт. 69,25. Тираж 200 000 экз. (2-й завод 100 001—200 000 экз.). Заказ № 3556. Цена в пер. № 7 а коленкоре модерн — 3 р. 40 к.; в нитроколенкоре с целлюлозным покрытием — 3 р. 50 к.

Издательство «Мысль», 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

тьи /
79 с.,

суше и
блемах
также
одины
анных
етских
аучно-
емле и
круги

БК 84
СБ1

№ 2.
40,45
ена в
0 к.

довая
Р по

